В.Ж. Цветков
ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ

Путь русского офицера

В.Ж. Цветков

Генерал АЛЕКСЕЕВ

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Новая книга В.Ж. Цветкова рассказывает о биографии талантливого военачальника, автора и разработчика военно-стратегических планов и операций Российской Императорской армии накануне и в годы Первой мировой войны — генерала от инфантерии Михаила Васильевича Алексеева. Автор детально рассматривает особенности формирования взглядов М.В. Алексеева, оценки им важнейших военных и политических проблем Российской империи конца XIX — начала XX столетия. Показаны особенности его характера, специфика его стратегического почерка при планировании военных операций, отношение к общественности и к идеям национальной диктатуры. Отдельные главы посвящены участию генерала Алексеева в событиях 1917 года, его роли в основании Белого движения на Юге России в 1917—1918 годах.

- В.Ж. Цветков
  - ○
  - ○ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
  - ○ Глава I.
    - ■ 1. Военная семья: из гимназии на службу. «Родной» 64-й пехотный Казанский полк. Балканская война, адъютант «белого генерала» М.Д. Скобелева.
    - ■ 2. Академия Генерального штаба, Главное управление Генерального штаба («талантливый генштабист» и «профессор русской военной истории»).
  - ○ Глава II.
    - ■ 1. На сопках Маньчжурии и в кабинетах Генштаба.
    - ■ 2. На пороге новой войны. Начальник штаба Киевского военного округа. Стратегическое планирование будущих операций.
    - ■ 3. «Перевод в строй»: командование 13-м армейским корпусом, жизнь в Смоленске
  - ○ Глава III.
    - ■ 1. На Юго-Западном фронте. Начальник штаба фронта. Блестящие победы в Галиции и Польше
    - ■ 2. 1915 год. Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта. «Великое отступление»: горечь потерь и спасение фронта

- 3. В Ставке Верховного Главнокомандующего. Вместе с Государем Императором
- 4. Перипетии взаимоотношений с «общественностью». «Теория заговора» и «ответственное министерство»
- 5. «Диктатура фронта» — предложения и результаты
- 6. 1916 год. «Брусиловский прорыв» — стратегические перспективы «коренного перелома» в войне
- 7. Осень 1916-го. Накануне грозных испытаний…

○ Глава IV.
- 1. Роковые дни февраля и марта
- 2. Во главе армии и флота. Верховный Главнокомандующий
- 3. Дела военные и дела политические. Революция и контрреволюция

○ Глава V.
- 1. На Дону. От «Алексеевской организации» к Добровольческой армии
- 2. «Ледяной поход»
- 3. Возвращение на Дон. Военно-политические перспективы
- 4. Монархия или «непредрешенчество». Вопрос о политическом «знамени»
- 5. Диктатура или политические коалиции. Разведка, Центры Добровольческой армии, Особое совещание
- 6. Новый Восточный фронт и создание Всероссийской власти. Несостоявшийся Верховный правитель
- 7. Память чести. Заключение

○ ИЛЛЮСТРАЦИИ

• notes
○ 1

• comments
○ 1
○ 2
○ 3
○ 4
○ 5
○ 6
○ 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95

- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139

- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152

В.Ж. Цветков
ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ

Моей дорогой семье посвящаю…

…Радуйся, яко воинскому званию образ доброго воина в себе показуеши…

(Из Акафиста Святому мученику и чудотворцу Иоанну Воину, икос 11.)

…Я не спрашиваю людей, идущих со мной работать, какой вы партии.

Я спрашиваю их — любите ли вы Россию? …Со взглядами и убеждениями можно бороться только словом и доказательствами.

М.В. Алексеев

…Он был профессор и солдат: он мыслил от ума, но чувствовал — от долга…

В.В. Шульгин

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

15 ноября 1957 г. в Париже начальником Русского общевоинского союза генерал-майором Л.Л. фон Лампе был подписан приказ № 7. Краткие, по-военному четкие строки приказа не нуждались в комментариях:

«В текущем году исполнилось сто лет со дня рождения основоположника Белого движения генерала Михаила Васильевича Алексеева.

Достигший всего в своей жизни только исключительно своими трудами, генерал Алексеев с первых дней революции в России все усилия своего исключительного ума направил к спасению Армии, а через нее — чести и достоинства России.

Когда это ему не удалось и революционный угар все же Армию разрушил, то генерал Алексеев, начав буквально с нескольких человек, так называемой, “Алексеевской организации” в г. Новочеркасске, сказал: “Мы уходим в степи. Можем вернуться, если будет милость Божия. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы”…

Ему верили и за ним пошли: светлой точкой была Белая Армия, вставшая за Россию. Победы не было, но было доказано миру, что не все в стране подчинились торжествующему злу, была запечатлена верность долгу, было показано, что Россия имела немало людей, готовых жизнь свою положить за нее. В этом была историческая заслуга генерала Алексеева, скончавшегося в самый разгар похода, в Екатеринодаре в 1918 году.

Мы живем в период стремления многих к самооправданию, стремления переложить свою тяжкую вину на чужие плечи. Так и с давно почившим генералом Алексеевым — в этом сходятся крайности, его пытаются теперь после его последнего героического подвига обвинить все — начиная от губивших Россию беспринципных и безвольных “керенских” до ультраправых политических деятелей, не приложивших никаких усилий для спасения нашего светлого прошлого. Все теперь знают, как надо было тогда спасать Россию, и все стараются теперь обвинить покойного основателя Добровольческой Армии — первой боевой силы первого боевого фронта…

Пройдем же мимо этих бесплодных усилий и отдадим должное покойному Вождю, склонив наши головы перед его прахом, унесенным верными ему соратниками с собою в изгнание»[{1}].

А десятью годами ранее, в Москве, для только что начавшей

выходить в свет Большой советской («Сталинской») энциклопедии о генерале Алексееве была написана не такая уж маленькая, в некоторых местах вполне объективная (для своего времени) статья. Целый столбец был посвящен Михаилу Васильевичу (в сравнении с ним статья об адмирале Колчаке была вдвое меньше). Ее содержание было, очевидно, «проверено цензурой» и не нуждалось в комментариях:

«Алексеев, Михаил Васильевич (1857—1918) — русский генерал (последний чин — генерал от инфантерии), игравший крупную роль во время первой мировой войны; один из главнейших организаторов контрреволюции и интервенции в 1917-1918 гг.

Военную службу начал в 1876, окончил Академию Генштаба в 1890. Долгое время служил в Главном штабе, с 1898 — профессор Академии Генштаба по кафедре военной истории. В Русско-японскую войну — генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии. Военную карьеру сделал после революции 1905—1907, когда проявил себя убежденным монархистом. С 1908 по 1912 — начальник штаба Киевского военного округа. Сыграл видную роль в разработке плана участия России в мировой войне, являлся сторонником нанесения главного удара по Австро-Венгрии. В мировую войну был начальником штаба Юго-Западного фронта, главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта, а после принятия Николаем II верховного главнокомандования (август 1915) был назначен начальником штаба верховного главнокомандующего и являлся фактическим руководителем военных операций. Алексеев был сторонником рутинного метода ведения войны, на деле осуществлял политику подчинения русской армии интересам англо-французского командования, отправлял русские войска во Францию и в Салоники. Алексеев поддерживал контакт с лидерами либеральной буржуазии. Во время Февральской буржуазно-демократической революции 1917, стремясь спасти монархию, дал совет Николаю II отречься от престола в пользу сына. Временное правительство назначило Алексеева главковерхом (верховным главнокомандующим); на этом посту он оставался до 21 мая 1917, после этого был военным советником Временного правительства. Злейший враг Советов и демократизации армии, А. отдавал распоряжения о борьбе с революционным движением в армии самыми жестокими мерами. А. являлся убежденным сторонником наступления русской армии в июне 1917 в интересах империалистов, организатором и вдохновителем контрреволюционных офицерских организаций. После провала Корниловского мятежа спас Корнилова, отправив его в Быхов под охрану преданных ему войск.

После свержения Временного правительства и победы Великой Октябрьской социалистической революции бежал в Новочеркасск (ноябрь 1917), где развернул преступную деятельность но собиранию и сплочению сил контрреволюции среди казачества и офицерства. При активной помощи англо-французских империалистов Алексеев вместе с Корниловым и Деникиным сформировал на Кавказе белогвардейскую «добровольческую армию» и начал вооруженную борьбу с Советской властью. Умер 25 сентября (8 октября) 1918, в звании «верховного руководителя добровольческой армии» и главы белогвардейского правительства (“Особого совещания”)»[{2}].

При всей разнице этих двух вышеприведенных оценок нельзя не заметить одного. Личность генерала Алексеева вызывала несомненный интерес, и проигнорировать его насыщенную, противоречивую и весьма значимую для российской истории биографию не могли ни «белые», ни «красные». Причем среди советских военных историков и профессиональных «военспецов», служивших в РККА, к генералу Алексееву было куда больше уважения и объективности, чем среди многих нынешних Интернет-писателей и бойких на перо публицистов с их фразами о «генерале-предателе», «генерале-масоне», «генерале-революционере». Ну а в чем заключалась правда, а в чем ложь, можно ли вообще дать однозначную характеристику его судьбе, — попробуем разобраться вместе с читателями.

Но прежде чем перейти к повествованию, хотелось бы искренне поблагодарить сотрудников редакции журнала «Вопросы истории» — одного из самых авторитетных академических изданий в России — главного редактора журнала А.А. Искандерова, членов редколлегии В.В. Поликарпова и Е.П. Лебедеву, и особенно покойного И.В. Созина. Их неизменная поддержка, добрые и нужные советы и в то же время настойчивые требования привели к тому, что после небольшого журнального очерка о генерале написана эта книга.

Автор благодарит своего многолетнего сотрудника — историка А.В. Лубкова и его ученицу М. Максимову, готовившую к защите кандидатскую диссертацию, посвященную биографии Михаила Васильевича. Благодарю историка П.В. Мультатули за его пожелание дать оценку версии «генеральского заговора» накануне Февраля 1917 года. Также — К.М. Александрова и А. С. Кручинина — первых российских исследователей, непредвзято взглянувших на многие факты из биографии генерала; авторитетного историка Белого дела — С.В. Карпенко, составившего обширное описание участия Алексеева в формировании южнорусского Белого движения. Обстоятельства

вероятного участия Алексеева в деятельности масонских лож, противоречивый характер генерала показаны в биографическом очерке, написанном ЦТ. Чсркасовым-Георгиевским.

И, конечно, я весьма признателен сотрудникам Государственного архива Российской Федерации, благодаря которым у меня появилась возможность поработать с многочисленными документальными материалами биографии генерала Алексеева: директору архива С.В. Мироненко, заведующей фондами Белого движения и эмиграции — Л.И. Петрушевой, директору Научной библиотеки Э.Л. Гаранснковой, а также хранителю фондов библиотеки А.А. Федюхину, рано ушедшему из жизни.

Самое интересное в биографии Михаила Васильевича заключается в том, что при всем многообразии оценок, дававшихся генералу как его современниками, так и будущими историками и публицистами, его друзьями и недругами, всех их объединяла искренность в симпатиях или антипатиях. И если не принимать во внимание категоричности их суждений, то сложность, многогранность характера генерала вырисовывается вполне, чего нельзя, к сожалению, сказать о не таких уж малочисленных авторах, однозначно оценивавших Михаила Васильевича, спустя годы после его кончины и до настоящего времени пытающихся подогнать его под некий «трафарет» поведения и действий и намеренно или неосознанно отбрасывающих или признающих «недостоверными» любые факты и свидетельства его биографии, не вписывающиеся в образ «светлого вождя» или, наоборот, «прожженного предателя» России.

Автор никоим образом не претендует на полноту изложенного в данной книге, а лишь надеется, что данная монография станет одной из будущих, посвященных жизни и деятельности Михаила Васильевича Алексеева. И хотелось бы надеяться, что этот наш труд будет положительно оценен и наследниками выдающегося русского генерала — семьей Алексеева.

Только совместными усилиями можно будет восстановить историческую правду

Глава I.
НАЧАЛО ПУТИ. В СТРОЮ И В ШТАБАХ

1. Военная семья: из гимназии на службу. «Родной» 64-й пехотный Казанский полк. Балканская война, адъютант «белого генерала» М.Д. Скобелева. 1857—1887 гг.

Итак — генерал от инфантерии, генерал-адъютант Свиты Его Императорского Величества Михаил Васильевич Алексеев. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего Российской армией Государя Императора Николая II, затем — Верховный Главнокомандующий «революционной армии» 1917 года и, наконец, — «организатор российской контрреволюции» — Верховный руководитель Добровольческой армии… Ему суждено было сыграть заметную роль в судьбоносный, переломный период истории России, период, пришедшийся на последние три с небольшим года его жизни.

К сожалению, роль генерала Алексеева в событиях этого периода оценена явно недостаточно. В отечественной исторической науке Алексееву до сих пор не посвящено ни одного специального исследования, обошла его вниманием и серия «Жизнь замечательных людей». Единственным исключением является книга его дочери Веры Михаил овны Алексеевой-Борель «Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев», но мизерный тираж (600 экземпляров) и отсутствие переизданий сделали эту книгу исключительной редкостью и очень дорогой находкой для всех, интересующихся судьбой Михаила Васильевича{3}.

В то же время многочисленными тиражами издавались и переиздавались сочинения, авторы которых, не ограничивая себя рамками элементарной этики и такта, пишут о генерале Алексееве, как о «бесталанном стратеге», «бездарности, незаслуженно обласканной царскими милостями». Также благодаря этой литературе широко распространенными стали такие характеристики генерала, как «организатор антиправительственного заговора», «известный масон», «руководитель “Военной ложи”», «виновник Февраля 1917-го». Сложнейшие и малоизученные проблемы истории 1917 года трактуются в подобных публикациях исключительно как следствие «заговора темных сил», различных «антироссийских движений»[1]. Аналогичные оценки постоянно повторяются и в разнообразных телепередачах, «исторических шоу», Интернет-

сообществах и т.д.

Очевидно, что обширная, основанная на разнообразных источниках, достоверная и объективная монография о жизни и деятельности военного лидера России периода Второй Отечественной войны и организатора Белого движения генерала Алексеева еще ждет своего появления.

Документальные свидетельства о его рождении и детстве немногочисленны. Дата рождения — 3 ноября 1857 г. Место рождения — город Вязьма. В одном из приказов но 64-му пехотному Казанскому полку тогда было объявлено: «Штабс-капитан Алексеев рапортом донес, что у него родился сын Михаил… Перемену эту внести в послужной список Штабс-капитана Алексеева».

О «происхождении» Алексеева существует мнение, выдвинутое еще в эмиграции одним из исследователей «еврейского вопроса» Л.И. Диким. Он отмечал, что предки Алексеева происходили из кантонистов, т.е. из детей нижних воинских чинов, причисленных с детства к военному ведомству и обязанных поэтому отправляться на военную службу. Помимо них к кантонистам в царствование Императора Николая I причисляли также и еврейских мальчиков-рекрутов. На основании этого Диким делался весьма однозначный вывод о еврейском происхождении отца Алексеева, ставшего затем «выкрестом» (принявшим православие) и сделавшего «неплохую карьеру». Но уместно ли полностью совмещать понятие «кантонист» с национальным происхождением? Тот факт, что предки Алексеева были военными, служили Отечеству в нижних чинах, совершенно не доказывает их определенной «национальности». Однако среди представителей части эмигрантской и, к сожалению, современной отечественной публицистики распространилось утверждение о «генерале-еврее» и, следовательно, о его принадлежности к «сионистским», «иудо-масонским» сферам. Подобные мнения оставим без комментариев…

Древняя, овеянная воинской славой Смоленская земля стала «малой Родиной» будущего генерала. А 64-й пехотный Казанский полк, несмотря на свое «зауряд-армейское» положение, но праву мог гордиться не только своим старшинством — с 1700 г., начала Северной войны, — но и славным боевым прошлым, связанным с героической обороной Севастополя во время Крымской войны. Подвиги казанцев были отмечены Георгиевским знаменем «За Севастополь в 1854 и 1855 годах». Полковым праздником был один из Двунадесятых Праздников Русской Православной Церкви — Успение Пресвятой Богородицы.

Скупые строчки полкового приказа характеризовали

«социальное происхождение». Патриархальная военная семья, глава которой, Василий Алексеевич Алексеев, выслужившийся из сверхсрочных унтер-офицеров «армеец», верно служивший Царю и Отечеству при Николае I, но обеспеченный только «казенным жалованьем». Мать, Надежда Ивановна Галахова, была дочерью учителя словесности и сама преподавала грамматику. В изданном в 1937 г. в Нью-Йорке историческом альбоме «Белая Россия» давалась такая оценка семейному воспитанию: «Отец его был старый воин, и привил сыну любовь к Армии… Мать его происходила из просвещенной, передовой и талантливой семьи (род Галаховых) и, будучи сама развитой умственно и весьма образованной, привила ему влечение к наукам, пламенный патриотизм и бескорыстную, горячую любовь к Родине». Но либерально-демократические настроения периода «Великих реформ» обходили стороной провинциальный быт армейского гарнизона. Семья жила вначале в Вязьме, где после окончания Крымской войны был расположен полк, а затем переехала в Тверь.

В 1872 г. от чахотки умерла Надежда Ивановна. Овдовевший Василий Алексеев остался с двумя несовершеннолетними детьми — восьмилетней дочерью Марией и пятнадцатилетним сыном Михаилом. Много лет спустя Михаил Васильевич в письме сыну Николаю вспоминал о пережитых трудностях своей юности: «В первые годы моей молодой жизни… я захлебывался от толчков и невзгод, лишенный средств жить (три рубля в месяц на все) и не имеющий никакой нравственной поддержки. Но Бог дал мне спокойствие, энергию, желание не поддаваться судьбе, а работать. Я выбрался из той тины, в которой гибли десятки». Конечно, ничего предосудительного в происхождении и воспитании будущего генерала не было. «Это многих славный путь», — строки Н.Л. Некрасова вполне подходили к биографии тех многих послереформенных разночинцев, кто самостоятельно, преодолевая многочисленные трудности, стремился к новому, к будущему. Хотя его недоброжелатели, особенно из придворной среды, нередко с презрением вспоминали «низкое происхождение» Алексеева.

По оценке известного русского писателя и публициста Б. Суворина, «жизнь генерала Алексеева была полна труда… Он родился… в бедной офицерской семье. Как это полагается, в России, где от офицеров так много требовали, им ничего не давали, кроме грошового жалования, такой же пенсии и права учить своих детей в военных корпусах».

Ярко запечатлелись в детской памяти и годы «активизма» народнических «бунтарей» и «террористов». Всполохи

повстанческой борьбы, поддерживаемые надеждами на скорую всеобщую «волю» после отмены ненавистной «барщины», широко захватывали западные губернии Империи, и «слуги царизма» — офицеры армейских гарнизонов — вызывали у революционеров, очевидно, не меньшую ненависть, чем сам «царский режим». Много лет спустя, в 1905 г., в условиях новой революционной волны, Алексеев в одном из писем супруге вспоминал о «тех периодах, когда моя мать по целым ночам, не раздеваясь, сидела над детьми, ожидая пожаров, так как горели все наши города, и когда у каждого крылечка находили подметные письма о том, что очередь наступила и того городка, в котором нам приходилось последовательно существовать»[{4}].

Начинал свою учебу Михаил в Тверской классической гимназии. Однако особыми успехами в изучении классических наук он не отличался. Очевидно, желая направить сына к военной карьере, но, не располагая средствами, необходимыми для продолжения учебы, а также ввиду перевода полка из Твери в Витебск, отец, не дожидаясь окончания курса, после 6-го класса гимназии определил его (22 ноября 1873 г.) вольноопределяющимся во 2-й гренадерский Ростовский полк. Обучение в гимназии давало право начинать службу уже не рядовым. Входивший в состав Московского гренадерского корпуса полк был известен славными традициями, и служба в нем была почетной. Военная карьера определила теперь судьбу Михаила Алексеева. Вскоре из рядов полка Михаил Алексеев поступил в Московское пехотное юнкерское училище. Военное обучение проходило гораздо лучше гимназического, и молодой юнкер обратил на себя внимание училищного начальства усердием и дисциплиной.

И еще несколько характерных черт отличали воспитанника. Многие отличали скромность, некоторую замкнутость юнкера, и особенно его религиозность. Получая образование без «протекций» и «ходатайств», Алексеев, вполне в духе русской православной традиции, понимал, что надеяться нужно на Бога, но и самому «не плошать», а служить и честно «тянуть лямку». «Я хотел видеть тебя в рабочем, хорошем полку, — наставлял он в письмах своего сына, также юнкера Николаевского кавалерийского училища, — и в то же время в таком, где движение не столь беспросветно, безнадежно, где нет полной могилы для энергии и будущего. Ведь небольшое случайное преимущество мы возьмем с тобою не бесчестными путями, не протекцией маменьки и тетеньки, не моим теперешним случайным положением, а честно заработаем его трудом, Божиим благословением».

Училище было закончено по 1-му разряду, в чине прапорщика 1 декабря 1876 года. Это было весьма неплохим началом военной карьеры. Российская армия в это время переживала период перемен и реорганизаций. Вводились новые уставы, осваивались новые виды вооружения, повышалась профессиональная подготовка солдат и офицеров. Прежний, «кастовый» характер отношений в военной среде навсегда уходил в прошлое.

После неудачной Крымской войны угроза новых конфликтов не исчезала. В 1877 г. начинается война с Османской империей. И в «турецкий поход» офицер, произведенный в чин прапорщика, вышел в рядах своего родного 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича полка. Полк выступил из Витебска к южным рубежам в апреле 1877 года.

Полученное на Балканах «боевое крещение» не могло не отразиться на мировоззрении Алексеева. Ведь это была «Освободительная война» братских славянских народов против «османского ига». Патриотический подъем, охвативший войска, идущие в бой за «свободу славянства», убеждал в необходимости укрепления военного авторитета России. В августе—сентябре 1877 г. Казанский полк участвовал в тяжелых боях под Плевной. Алексеев служил в должности полкового адъютанта в штабе отряда генерала от инфантерии Михаила Дмитриевича Скобелева. Начальники Алексеева и сам легендарный «белый генерал» неоднократно отмечали исполнительность и смелость своего адъютанта. Боевые ордена Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом (за бои на Шипкинском перевале), Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом (1879 г.), Святой Анны 4-й степени («аннинский темляк на шашку») и румынский Военный крест (1878 г.) стали его отличиями, а полученное ранение в палец Алексеев называл «пустяковым» и даже не вспоминал об этом. Офицеры штаба Скобелева доставляли донесения и составляли планы атак не в тыловой «тиши», а на передовой линии огня, и молодой адъютант неоднократно отличался среди них. На передовой, под сенью именного «скобелевского значка», проявлялись такие качества его характера, как смелость в решении поставленных задач и четкость в исполнении штабных предписаний.

Участие в боевых действиях способствовало и продвижению по службе. Начав войну 19-летним прапорщиком, Михаил Алексеев к концу военных действий дослужился до чина подпоручика (31 октября 1878 г.). 25 января 1881 г. был произведен в поручики, а 15 мая 1883 г. — «за отличия по

службе» — в штабс-капитаны.

Примечательные подробности участия Казанского полка в Русско-турецкой войне содержит его «полковая история»: изданная в Санкт-Петербурге в 1888 г. книга «Походы 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича полка. 1642—1700—1888» представляет не только значительный исторический интерес, но и имеет непосредственное отношение к биографии Михаила Васильевича. В предисловии указывалось, что сведения «о походах и делах полка в войну 1877—1878 годов» получены «на основании рукописи» штабс-капитана М.В. Алексеева. Добрая треть «полковой истории» отражала первый военно-научный и литературный опыт будущего Верховного Главнокомандующего.

Описывая смотр бригады, в которую помимо казанцев входил 63-й пехотный Углицкий генерал-фельдмаршала Апраксина полк, в книге подчеркивалось важное указание, полученное офицерами накануне отправки на фронт. По мнению командира IV армейского корпуса генерал-лейтенанта Павла Дмитриевича Зотова, командирам следовало особое внимание обратить не только на боевую подготовку солдат, только что призванных в армию но введенной в 1874 г. всеобщей воинской повинности. «При настоящем молодом составе армии, — говорил генерал, — на офицерах лежит трудная обязанность руководителя и начальника солдата в бою, и от их честного, беззаветного отношения к делу зависит успех нашего оружия в предстоящей борьбе с врагом». Призывники, главным образом из Владимирской губернии, нуждались в тщательном обучении как для овладения техническими навыками, так и для укрепления стойкости, сплоченности рядов. Подъем боевого духа был необходим. Полку была преподнесена икона святителя Николая архиепископа Мирликийского Чудотворца. Командир полка полковник В.А. Тебякин приказал полковому священнику совершать церковные службы перед образом во время похода.

При описании отправки полка на фронт и последующих боевых действий Алексеев непременно указывал не только на особенности атак и переходов. С точки зрения молодого командира роты, для воинской части далеко не последнее значение имели проблемы снаряжения, обмундирования, снабжения. Две отдельные главы в его рукописи были посвящены вопросам продовольственного снабжения и медицинского обеспечения солдат и офицеров полка.

Примечательно, что уже тогда Алексеев проявлял повышенный интерес не только к вопросам стратегии и тактики, но и к вопросам обеспечения воинских частей, когда, казалось бы,

самые незначительные мелочи могут стать самыми важными. Например, он отмечал, что перед походом были «заготовлены сухарные мешки, гимнастические рубашки и чехлы на шапки из полотна с назатыльниками; получены походные палатки, а для носки воды при себе приобретены плоские стеклянные фляги, которые, во избежание скорого битья и быстрого нагревания воды, обшивались серым солдатским сукном». Также наблюдались: слабая пригодность казенного снаряжения, трудности длительных пеших переходов. В частности, «1) что носимый солдатом груз через силу велик; 2) ранец крайне неудобен и стесняет свободу движения; 3) что движение в общей колонне всего эшелона, не вызываемое никакими потребностями, излишне утомляет ожиданием сбора всех частей и остановками в пути; и 4) казенная обувь, неудовлетворительно сшитая и пригнанная плохо, натирает ноги и увеличиваете число отсталых».

Первоначально пренебрежительное отношение к турецкой армии после первых серьезных столкновений изменилось, став более сдержанным и в чем-то даже уважительным. «Боевое крещение» новобранцы Казанского полка получили вскоре после переправы через Дунай. После преодоления Шипкинского перевала полк начал продвижение к крепости Плевна, где ему предстояло встретиться с сильной армией под командованием Османа-паши. Вскоре полк был введен в состав большого, специально созданного отряда под командованием генерала Скобелева. Первая встреча с ним, согласно воспоминаниям Алексеева, состоялась не на парадном плацу и не за салонной беседой штабных назначенцев, а во время маршевого перехода 16-й пехотной дивизии, у города Ловеч 10 августа 1877 г. «Такого жаркого дня, как 10-е августа, — вспоминал Алексеев, — не было еще во все время после перехода через Дунай. Ни малейшего движения воздуха, ни одного ручейка или фонтана, чтобы хотя немного освежить измучившихся солдат. Надетые мундиры и ранцы с четырехдневным сухарным запасом добивали солдат окончательно. Целыми десятками валились солдаты на землю, доходя до крайнего предела физического изнеможения и не обращая никакого внимания на то, что могли сделаться жертвою турок, по отношению которых отряд совершал фланговое движение… На пути полк обогнал начальник отряда генерал-майор Михаил Дмитриевич Скобелев, о беззаветной храбрости которого было известно каждому из чинов полка.

Позднее, под славной командой его, всей дивизии суждено было отслужить большую часть кампании и, благодаря ему, завоевать себе почетное место между всеми дивизиями Русской

армии и получить имя “Скобелевской”. Генерал обратился с несколькими словами ободрения к растянувшимся по дороге солдатам».

Здесь, под Ловчей, полк впервые участвовал в серьезном «боевом деле». С 3 августа произошла смена командования полка. Теперь вместо полковника Тебякина казанцами, вплоть до самого окончания войны и возвращения в Россию, стал командовать полковник М.Х. Лео. Предстояло штурмовать турецкие укрепленные позиции, и подготовка к их атаке тщательно велась Скобелевым. В полковой истории замечались характерные особенности «скобелевской» тактики, особые расчеты генерала на тесное взаимодействие разных родов войск — артиллерии и пехоты, а также на крайне важные во время боевых действий качества войск — взаимопомощь и взаимовыручку. «Сам погибай, а товарища выручай», — этому старому воинскому завету солдаты и офицеры Казанского полка стремились следовать постоянно. Не меньшую роль играла и стремительность, быстрота пехотной атаки. Алексеев приводил текст приказа Скобелева от 22 августа 1877 г., который, но его мнению, весьма точно характеризовал планы генерала в отношении штурма Ловчи: «В предстоящем бою, в первый его период, первенствующее значение остается за артиллерией. Батарейным командирам будет сообщен порядок атаки, причем рекомендуется не разбрасывать огня артиллерии. Когда пехотные части пойдут в атаку, то всеми силами поддержать их огнем. Необходима внимательность; огонь особенно учащается, если выкажутся неприятельские резервы, и до крайности, если бы атакующая часть встретила препятствие. Где дистанция позволяет, но траншеям и войскам стрелять картечными гранатами. Пехота должна избегать беспорядка в бою и строго различать наступление от атаки.

Не забывать священного долга выручки своих товарищей во что бы то ни стало. Не тратить даром патронов; помнить, что подвоз их, но местным условиям, затруднителен. Еще раз напоминаю пехоте о важности порядка и тишины в бою. “Ура” кричать лишь в том случае, когда неприятель действительно близок и предстоит атака в штыки. Обращаю внимание всех нижних чинов, что потери при молодецком наступлении бывают ничтожны, а отступление, в особенности беспорядочное, кончается значительными потерями и срамом. Приказ этот прочесть во всех ротах — во всем, касающемся пехоты».

Далее в полковой истории, не жалея эпитетов, описывалось состояние полка накануне решающего штурма турецких позиций. «В пять часов утра все войска колонны генерала Скобелева выстроились на занятых ими местах и ждали своего начальника.

Прекрасное августовское утро, сознание своей силы при виде этой массы орудий и пехоты, стремление попасть в первое для большинства дело, — все это способствовало тому, что войска перед ловченским боем были настроены празднично. Радостный и гордый сознанием серьезности выпавшей на его долю боевой задачи, ехал по рядам войск генерал Скобелев, чувствуя, что солдаты сделают все, что в силах человека, презирая опасность и самую смерть».

В результате смелой атаки Казанский полк не только захватил редуты, но и ворвался в город, понеся не такие уж и большие потери, каковые ожидались в случае длительного штурма. После занятия редута и прорыва в город Скобелев приказал развернуть фронт полка и ударить по отступавшим турецким частям. Победа была полной. Неприятельский гарнизон был разгромлен, а «у каждого из Казанцев окончательно окрепла вера в своего начальника колонны, генерал-майора Скобелева, и желание с ним отбыть и всю будущую боевую жизнь, так удачно начатую боями 20-го, 22-го августа». Полк поверил в своего начальника, а это было главным залогом будущих побед.

После взятия Ловчи отряд Скобелева двинулся к хорошо укрепленной турецкой крепости Плевна, которая к концу августа уже выдержала два штурма русских войск. Алексеев считал, что главными причинами неудачных атак являлись: «малочисленность наших сил, неполные рекогносцировки, недостаточная артиллерийская подготовка и разрозненность действий. В результате, как следствие этих неудач, для большинства офицеров и нижних чинов явился вывод, что турки — противник, заслуживающей большего внимания, чем предполагалось прежде; увидали, что наш противник обладает более совершенным вооружением. Серьезно готовились казанцы к ожидаемому со дня на день третьему штурму Плевны; предстояло дело трудное, но всякий отчетливо сознавал, что выполнить его необходимо».

В конце августа отряд Скобелева принимал участие в комбинированном ударе по плевненским позициям и 30 августа 1877 г. занял сильные редуты на южном крыле оборонительных рубежей турок. Однако закрепиться на этих рубежах, с целью последующего развития наступления, не удалось, и войскам пришлось отступить. Примечателен в этой связи приказ генерала, снова отметившего важность боевого товарищества среди бойцов подчиненного ему отряда: «Помните, что на взаимной помощи держится победа, а потому в бою, когда кровью добывается успех и слава, нельзя быть зевакой никому. Обрушится ли враг на одну часть, соседи должны броситься ей на выручку, не ожидая

приказаний». Тактика штурма турецких редутов снова строилась Скобелевым на основе фронтального удара, при поддержке артиллерийского огня максимально возможной силы. Комбинированные удары были рассчитаны на успех, но и при неудаче Скобелев не считал се основанием для упадка духа. Как отмечал Алексеев, хотя «неудачный бой 30 августа… тяжело отозвался на физических и нравственных силах офицеров и солдат», тем не менее «несколько дней отдыха, здоровая и обильная пища, восстановив физические силы, подняли и нравственный дух».

В командном составе русских войск, осаждавших Плевну, произошли перемены. Генерал Зотов был заменен графом Э.И. Тотлебеном, и герой Севастопольской обороны переменил тактику операции. Теперь вместо ожесточенных фронтальных атак на турецкие редуты следовало перейти к планомерной осаде, постепенно сжимая кольцо окружения плевненских позиций Осман-паши. Полковая история особенно выделяла тот факт, что «командующим 16-й дивизией был назначен знаменитый Скобелев, под начальством которого казанцы уже принимали участие в деле под Ловчей. Со дня принятия Скобелевым дивизии нашему полку больше не приходилось разлучаться с этим русским богатырем; под его начальством отбывал полк всю свою боевую службу этой кампании». Показательно, что 22 августа 1878 г. Скобелеву было предоставлено право на ношение мундира Казанского полка. Сохранилась фотография, изображающая генерала в полковой форме, в окружении отличившихся солдат и офицеров полка. Позади Скобелева, с адъютантскими аксельбантами, в мундире с небольшими обер-офицерскими эполетами, но с хорошо заметными «боевыми бантами» Станислава и Анны, — молодой Михаил Васильевич.

В характерной для него манере изучения военных операций штабс-капитан Алексеев особое внимание уделял подготовке тыла, прочность которого непосредственно влияла на успех предстоящих атак. «Ставка Скобелева и его штаба, — писала полковая история, — была разбита в расположении Казанского полка. Генерал Скобелев почти ежедневно заходил на солдатские кухни, пробовал пищу и постоянно напоминал, что начальник должен считать своей святой обязанностью накормить солдата: что только сытый может многое сделать. Впоследствии, при самых трудных обстоятельствах, Скобелев не раз напоминал свои требования в приказах, и, благодаря этим требованиям, благодаря личным заботам генерала, в особенности при движении за Балканами, полки нашей дивизии всегда были сыты, не в пример лучше были накормлены, чем то было в других частях».

«Вообще, — как писал Алексеев, — теперь на первый план выступила забота о хорошем довольствии солдата. Благодаря переходу от приобретения мяса путем подряда к приобретению собственным попечением, при большом денежном отпуске, явилась возможность выдавать людям фунтовые порции; ежедневно получали водку и чай, что было крайне необходимо при той ненастной, холодной погоде, которая наступила во второй половине сентября».

Тогда как защитники Плевны все больше и больше страдали от недостатка продовольствия, русские войска усиливались, готовясь к новому штурму, а хорошо налаженная Тотелебеном система осады («война кирки и лопаты») уже приносила свои плоды. Подготовленные траншеи, как клинья, врезались в турецкую оборону, и, пользуясь ими, русские солдаты и офицеры все теснее охватывали позиции противника. Казанцы в составе скобелевской дивизии постепенно продвинулись к тем позициям на Зеленых холмах, которые безуспешно пытались удержать во время последнего штурма, в августе. В конце ноября осажденные, под личным командованием Осман-паши, предприняли попытку прорыва из Плевны, однако она закончилась поражением. Окончательно утратив боеспособность, турецкие войска сдались.

Победа под Плевной стала, по существу, переломом всей Русско-турецкой войны. Теперь перед русскими войсками открывалась перспектива решительного наступления через Балканы на Константинополь. Но предстояло еще преодолеть горные перевалы. Переход через Шипкинский перевал прославил Казанский полк. Полковая история, на основании рукописи Алексеева, подробно, детально описывает условия, в которых шли бои под Шипкой: «9 декабря Скобелев отдал приказ но всему отряду, которым предписывалось начальникам отдельных частей подготовить свои части к предстоявшему зимнему походу; в особенности обращалось внимание на осмотр ружей… Приказано осмотреть мундирную одежду, обувь; приобрести фуражки, теплые чулки, суконные портянки, полушубки, — вообще побольше теплого платья; вместо ранцев заводились мешки для носки сухарей и вещей».

Примечателен текст приказа Скобелева, прочитанный перед солдатами и офицерами Казанского полка 24 декабря, перед переходом через горные хребты. В приказе говорилось «о предстоящей цели похода»: «Нам предстоит трудный подвиг, достойный испытанной славы Русских знамен. Сегодня мы начнем переходить через Балканы, с артиллерией, без дорог, пробивая себе путь, в виду неприятеля, через глубокие сугробы. Нас ожидает в горах турецкая армия Ахмет-Эюба-паши; она

дерзает преграждать нага путь. Не забывайте, братцы, что нам вверена честь Отечества, что за нас теперь молится наш Царь-Освободитель, а с ним и вся Россия. От нас они ждут победы! Да не смущает вас ни многочисленность, ни стойкость, ни злоба врагов… С нами Бог!»

26 декабря батальоны Казанского полка подошли вплотную к турецким позициям у Шейново. Здесь были получены радостные известия об освобождении Софии. Вечером произошли первые столкновения с дозорами противника. 27 декабря Скобелев приказал начать общую атаку Шейновского укрепленного узла. Казанский полк первоначально находился в резерве. Но вскоре Угличскому полку, наступавшему впереди русских войск, потребовались подкрепления, и казанцы пошли на выручку. Дружным штыковым ударом 1-й батальон полка захватил турецкий редут, обеспечивая дальнейший прорыв неприятельских укреплений. В занятом редуте нарушенные боевые порядки полка перестроились. Правый фланг турецкой оборонительной линии был прорван «лихим, молодецким действием» колонны. Опасаясь окружения, турецкие военачальники стали отводить войска и с левого фланга.

Вот как описываются эти действия в полковой истории. «Сопровождаемый Скобелевым батальон под звуки полкового марша двинулся поротно в две линии к опушке рощи, где был встречен артиллерийским огнем и ружейными залпами с левого фланга из турецкой траншеи и батареи с подбитыми орудиями… Стрелки быстро очистили от турок траншею и батарею; турки поодиночке рассеялись в роще. Стрелковая цепь продолжала движение до турецкого лагеря, а батальон избрал позицию и приступил к возведению траншей. Левее и против 2-го батальона все уже было тихо, а правее кипела ружейная перестрелка, то и дело сопровождаемая криками “ура”… Батальон продолжал возводить траншеи, употребляя в дело все, что только под руку попадалось, лишь бы поскорее увеличить толщину и вышину бруствера. Немного спустя мимо проехал крупной рысью Скобелев со своим штабом, объявил, что турки сдаются… и именем Государя Императора поблагодарил за молодецкую службу… На курганах, что возле Шипки, около курганов — полный хаос и беспорядок: трупы людей, турецких лошадей валяются на том же самом месте, где их застигла смерть; повсюду разбросана масса разнообразного оружия, патронов, артиллерийских снарядов; неприятельские орудия частью остались в редутах, частью вывезены в поле и брошены в беспомощном состоянии, с обрезанными постромками, с вынутыми замками…» В связи с этим вспоминается известная

картина величайшего русского художника-баталиста В.В. Верещагина «Шипка-Шейново. Скобелев под Шипкой». На ней весьма достоверно запечатлены и эпизод приветствия Скобелевым русских войск — победителей, и разгромленный редут со рвом, наполненным трупами. Но боевая доблесть полка не осталась не замеченной командованием, и к прежним полковым наградам добавился «знак отличия на шайки» для всех четырех батальонов, участвовавших в сражении. Надпись на знаке гласила: «За отличие в сражении при Шейнове 28 декабря 1877 г».

2 января нового, 1878 года скобелевский отряд преодолел горный хребет и вышел на прямую дорогу к Адрианополю. А в феврале Казанский полк достиг предместий Константинополя. Казалось бы, заветная цель близка, и вскоре православный крест восторжествует снова над столицей бывшей Византийской империи. Однако «обстоятельства изменились». Как отмечал в своей рукописи Алексеев, «Сан-Стефанский договор, вознаграждавший Россию за все се жертвы, не понравился державам Западной Европы. Пройдя через Дарданеллы, английские броненосцы маневрировали у Принцевых островов, в виду русской армии. Скорое возвращение на Родину, так страстно желанное, так дорогое для каждаго человека, теперь отлагалось на неопределенное будущее; в этом темном будущем, пожалуй, могло возникнуть новое столкновение с врагом, более искусным, более стойким, нежели турки. Об этом-то столкновении говорил Скобелев офицерам во время маневров 24 марта: советуя не забывать недавно пережитых кровавых дней, Скобелев дал кое-какие указания… которые, пожалуй, придется применить к делу в борьбе с новым врагом. А пока европейский ареопаг строил свои козни да всеми силами старался что-нибудь урвать у России, у нас снова потянулась прежняя однообразно-скучная жизнь с ее обычными занятиями».

Разместившись вблизи Константинополя, Казанский полк жил довольно насыщенной жизнью. Офицеры полка выезжали в город, не пренебрегая разнообразными житейскими удовольствиями, тратили полученные боевые оклады. «Каждому хотелось вознаградить себя за долговременный пост; каждый лихорадочно спешил удовлетворить какую-нибудь свою страсть, ухватить от жизни лишнее мгновение наслаждений, без разбора, хоть призрачное, да подобие наслаждения… каждый веселился во всю ширину русской натуры, без удержу, без дум о будущем, стараясь забыться, не помнить пережитого», — так писал об этом моменте Алексеев.

Для солдат подобных послаблений не было. Поэтому «за напряжением физических и нравственных сил, естественно,

должен был последовать упадок и тех, и других, чему еще больше способствовала однообразная жизнь… окончательная потеря надежды на скорое возвращение в Россию». Вскоре среди солдат двух батальонов началось распространение тифа.

Скрашивали жизнь общие полковые праздники, русские православные традиции. 16 апреля 1878 г. праздновали Светлое Христово Воскресение. Интересный факт приводился в рукописи Алексеева. Возрождая православие на древней земле бывшей Византии, «освободив турецкую мечеть, окропили се святой водой и там торжественно совершали службу, к великому изумлению и, вероятно, к немалому неудовольствию оставшихся в деревне татар».

Особое психологическое значение имели в этой обстановке военные смотры и парады. В рукописи Алексеева описывался один из таких парадов — накануне полкового праздника в Сан-Стефано. Важность парада представлялась несомненной еще и потому, что «в заграничной печати, в Константинополе с некоторого времени стали распространяться упорные слухи о жалком состоянии русской армии, изнуренной беспрерывными походами и болезнями. Рассказывали об упадке дисциплины; рассказывали, что русский солдат окончательно упал духом, раскис, стал ни к чему не годен. Слухи росли и распространялись самые нелестные, неправдоподобные. На предстоящий парад съехалась масса зрителей: тут были турецкие паши и иностранные корреспонденты; представители всех национальностей; всякий праздношатающийся люд; даже турчанки, закутанные с ног до головы, в своих закрытых каретах. Каждый… злорадно ожидал, что вот-вот оправдаются все рассказы, что… победители предстанут перед ними не в своем величии, а изнуренные, жалкие и деморализованные. На нас глядела вся Европа, с желанием унизить, раздавить нас. И что же?. На нолях Сан-Стефано, ввиду турецкой столицы, Русская армия явилась во всем своем могуществе, грозная и непобедимая… Русская армия вывела на парад такое число стройных, с полным числом рядов, батальонов, эскадронов и батарей, о котором, вероятно, и не помышляли… Этот парад был равносилен победе… Ко времени парада у нас в полку было по 45 рядов в ротах… Подновленные кантики, лоснящаяся амуниция, ярко начищенные пуговицы, — все это прикрыло от постороннего глаза разные изъяны и прорехи, не соответствующие парадной обстановке».

Итак, русская армия смогла проявить не только свои высокие боевые качества, дойдя до стен древней византийской столицы. Армия показала, что она готова к новым боям и походам, что дух

русского солдата по-прежнему высок. И это не могло не повлиять на исход проводившихся в то время дипломатических переговоров в Берлине.

После окончания Берлинского конгресса окончательно прояснилась перспектива окончания войны и скорого возвращения русских войск домой, на Родину. Как отмечалось в полковой истории, «до 7 сентября Русская армия, оставаясь в неопределенном положении, продолжала стоять бивуаком в виду Константинополя, имея впереди свои боевые позиции, но первому сигналу, в полной готовности запять их для обороны или атаковать неприятельские укрепления. Теперь положение определилось. Большая часть армии ушла на Родину. Казанцы оставались на оккупации (размещении русских войск на турецкой территории, во исполнение условий мирного договора. — *В.Ц.)*. Начинался переход к мирной жизни, к мирным занятиям».

Перед возвращением в Россию Казанского полка был отслужен молебен. Затем казанцы прошли церемониальным маршем перед генералом Скобелевым, провожавшим своих однополчан домой и наградившим Георгиевскими крестами «зашейнинский бой» еще нескольких солдат. На пароходе Добровольного флота с символичным названием «Россия» бойцы Казанского полка отплыли из Константинополя в Одессу. После этого, эшелонами, батальоны 64-го пехотного Казанского полка отправились на место своей прежней дислокации — в Витебск. Еще одна славная страница полковой истории завершилась.

В заключение глав, посвященных Русско-турецкой войне, написанных на основании рукописи Алексеева, давалась весьма показательная характеристика нового типа бойцов, существенно отличавшихся от старых рекрутов — «николаевских солдат». При этом становился востребованным опыт предыдущей, Крымской войны, а воспитанные на боевых традициях новобранцы, призванные по всеобщей воинской повинности, оказались вполне достойными продолжателями прежних. «22-х-летний промежуток отделял 8-е сентября 1854 г. — день Альминского (сражение на реке Альме. — *В.Ц.)* боя… 20 лет прошло со дня выхода из Севастополя, знаменитая оборона которого и по сегодняшний день жива среди русского народа, та оборона, где и наш родной полк приносил посильную жертву на алтарь Отечества. С лишком 20 лет прошло по тот день, когда Державный Вождь снова позвал на службу боевую своих Казанцев… 22-летний промежуток времени коренных реформ, изменивших и быт, и службу, и воспитание солдата. Успели сойти со сцепы те сказочные герои-богатыри, отцы и деды Казанцев, что честно защищали севастопольские твердыни, долго боролись, долго и крепко

стояли, не поддаваясь напору сильного противника. Успел уже исчезнуть и самый тип старого николаевского солдата, умевшего бить врага и стойко умирать. Казанский полк выступал в поход в молодом, в новом составе, имея позади за собой лишь славные традиции прошлого. Верный своим традициям, верный заветам отцов и дедов своих, Казанский полк в последнюю войну честно и правдиво служил свою службу — выполнял свой долг и в тяжелые дни плевненской блокады, и в дни трудного зимнего перехода через снеговые вершины Балкан, и в дни форсированных маршей до стен константинопольских…»

Так, согласно полковой истории, завершилось участие полка в Русско-турецкой (Балканской) войне 1877—1878 гг. В боях и походах проявлялись лучшие качества русского армейского офицерства. Не стал исключением и молодой подпоручик. По свидетельствам современников, «у начальства Михаил Васильевич был одним из лучших офицеров, а товарищами-однополчанами за сердечное и простое отношение ко всем был любим». «Тихий, скромный, религиозный, вдумчивый, отзывчивый, готовый всегда прийти на помощь другому в трудную минуту, крайне заботливый к своим подчиненным… невольно привлекал сердца всех, кто только с ним сталкивался»[5].

После окончания войны Алексеев собирался «держать экзамен» в Николаевскую академию Генерального штаба. Пожалуй, главным мотивом для поступления были не сугубо карьерные расчеты, а понимание важности получения разностороннего образования. Ведь рассчитывать на «протекции» по-прежнему не приходилось, а полученные знания были бы весьма полезны для службы в новой, реформированной армии. Но намерения продолжить военное образование осуществились не так скоро, как хотелось бы.

В октябре 1885 г., уже в чине штабс-капитана, Алексеев принял весьма почетную должность командира роты Его Высочества. Хотя и молодой, но вполне достойный офицер, мундир которого уже украшали заслуженные боевые ордена, по праву мог командовать «шефской» ротой. Здесь опыт боевой штабной работы дополнился опытом строевого начальника. Алексеев не стремился отдалиться от солдат. Напротив, его справедливо по тем временам считали «демократом». Командовать ротой, опираясь на авторитет знаний и опыта, не требуя беспрекословного подчинения, без грубых окриков и педантичных требований к исполнению отданных приказов — это отличало нового командира от многих других. Очевидно, сказывалось и происхождение, и воспитание Алексеева,

лишенного «кастовых» предубеждений о неизменном превосходстве офицера над «нижними чинами». Алексеев был убежден в том, что помимо соблюдения уставных требований необходимо добиваться взаимного доверия, уважения между солдатом и командиром. Это убеждение подкреплялось его фронтовым опытом, полученным в Русско-турецкой войне. Обоюдное доверие дорого стоило во время военных действий, при постоянном риске, в боевой обстановке.

Ф. Кирилин, служивший под командованием Алексеева, позднее вспоминал, как его, молодого подпоручика, прибывшего весной 1886 г. в полк, расположенный в г. Кобрине Гродненской губернии (Виленский военный округ), удивлял необычный «стиль руководства» ротного командира. «Михаил Васильевич и на новой должности… проявил свои способности, отдавая все свое время и опыт на обучение своей роты и своих офицеров, что было совершенно ново в то время. Он не ограничивался, как другие, казенными часами и установленной программой и обучал и развивал людей но мере возможности… Это не были лекции, это не были уроки, а были беседы; люди это понимали хорошо и, несмотря на кажущуюся суровость Михаила Васильевича, слушатели свободно задавали разные вопросы и получали простые и вполне исчерпывающие ответы». «Беседы велись но всем отраслям», и, но воспоминаниям Кирилина, вчерашние полуграмотные новобранцы разбирались, к примеру, каково происхождение грозовых электрических разрядов. Правда, иногда Алексеев, по тогдашнему выражению, «срывался с нарезов» и терял свое обычное самообладание. «Это бывало обыкновенно после праздников, когда люди… не всегда были внимательны, и учение шло не так, как надо. Тогда М.В., выйдя из себя, кричал, топал ногами, дисциплинарные взыскания сыпались одно за другим». Но подобные приливы гнева быстро проходили, и, стоило роте поправить обучение, как штабс-капитан Алексеев тут же менял свои прежние решения, и рота, «радостно запевая песню, бодро шла домой, зная, что действительно все забыто»[{6}].

Время командования ротой — 1880-е годы — время правления Императора Александра III Миротворца. Время, когда в Европе не было войн, а внешнеполитический авторитет России стоял неизменно высоко. Слабо ощущалась угроза войны, и боевая подготовка солдат и офицеров нередко заменялась рутинными строевыми тренировками, оторванными от насущных потребностей суждениями теоретической стратегии и тактики. Настроения строевого офицерства, трудности совместной службы командиров и нижних чинов нашли отражение в известной повести Л.И. Куприна «Поединок». Ее публикация вызвала

серьезные споры, автора обвиняли в предвзятости, но было ясно, что наступающий век, век новой военной техники и сложных боевых операций, неизбежно приведет и к совершенно новым отношениям между военачальниками и подчиненными. К чести Алексеева, он не стремился следовать прежним стандартам командования, а пытался найти более подходящие для изменившейся обстановки формы и методы военного воспитания.

При всем благожелательном отношении к солдатам отношение к настроениям, царившим подчас среди офицерства, у Алексеева было довольно критическим. В одном из частных писем, написанном незадолго до начала Русско-японской войны, он писал: «С немалой грустью смотрю я на широко развитую, все и всех охватившую мелкую интригу, пронизывающую общество сверху донизу. Говорю, конечно, про наше военное общество. Когда придется уйти из Петербурга, сразу очутишься в этой несимпатичной атмосфере. Мелкие стремления, к достижению которых пускается в дело все, поглощают большинство. Говоришь с одним, он дает самую темную окраску сослуживцам; только что переходишь к другому, сейчас расписывают первого собеседника, раз узнают, что ты имел случай говорить с ним».

Увы, с подобными настроениями обоюдного недоверия, мелких и крупных интриг, корпоративных счетов и привычек Алексееву приходилось сталкиваться постоянно в его будущей служебной биографии. Надо ли говорить, насколько вредным это было для единства командования, для жизни гарнизонов, не говоря уже о боевых действиях.

2. Академия Генерального штаба, Главное управление Генерального штаба («талантливый генштабист» и «профессор русской военной истории»). 1887—1903 гг.

Четырехлетний «строевой ценз» командования ротой не прошел даром. Способного командира отметили его начальники. В 1886 г. во время корпусных маневров под Белостоком командир корпуса генерал-лейтенант М.Ф. Петрушевский ходатайствовал о поступлении Алексеева в Николаевскую академию Генерального штаба перед самим начальником Академии генерал-адъютантом М.И. Драгомировым. По оценке Б. Суворина, «сын скромных родителей, сам крайне скромный, он не мог стать тем типичным делателем карьеры, которых так много, к сожалению, выпускает высшая военная школа». И здесь снова проявилось убеждение Алексеева — «делать карьеру», опираясь только на собственные заслуги и собственный опыт. Поступление в Академию можно было бы считать сравнительно поздним. Как отмечал Кирилин, «Михаил Васильевич поступил в Академию не юношей, отслужившим требуемый ценз в три года, как это обыкновенно делалось, а прослужив в строю двенадцать лет, отбыв кампанию (Русско-турецкую войну. — *В.Ц.)* и прокомандовав четыре года ротой».

Летом 1887 г. он выехал из Вильно в Петербург. Не полагаясь на рекомендацию, полученную от генерала Петрушевского, Алексеев самостоятельно и с большой старательностью готовился к вступительным экзаменам. Снимая комнату в доходном доме напротив Казанского собора, в короткие часы досуга он посещал службы в храме и в Исаакиевском соборе. Экзамены были сданы успешно, на 12 баллов каждый, за исключением последнего — по армейским уставам. Оценки на нем ставились за знания каждого из действовавших уставов. Получив высший балл по общим, пехотным и артиллерийским уставам, Алексеев, «как нарочно», получил по кавалерийскому уставу тот самый единственный вопрос, но которому он не успел подготовиться. «Поменять» билеты на экзамене не разрешалось, и Алексеев заявил приемной комиссии, что «отвечать плохо не считает для себя возможным», поэтому «отказывается от ответа». В результате общий балл но уставам был равен 9[{7}].

Во время обучения Алексеева в Академии многие отмечали

его казавшуюся подчас чрезмерной тщательность в подготовке заданий, педантичность и исключительную работоспособность. Проживая в скромной комнате на 5-й линии Васильевского острова, светской жизнью Петербурга он откровенно пренебрегал, да и вряд ли был бы принят в се среду провинциальный армейский офицер. С другой стороны, заметной стала такая черта, как вдумчивость, стремление максимально расширить свои знания но той или иной теме, не ограничиваясь рамками установленной программы. Всестороннее изучение предмета, стремление к подтверждению своих выводов практическими результатами, в том числе и опытом участия в боевых действиях Русско-турецкой войны, — характерный «почерк» выполняемых молодым генштабистом работ.

В воспоминаниях генерала от инфантерии В.Е. Флуга сохранились весьма примечательные оценки учебы Алексеева в Академии. «Михаила Васильевича, — писал Флуг, — я знал еще но Академии, которую мы кончили вместе в 1890 году. С того времени мы были с ним на “ты” и наружно в приятельских отношениях, познакомившись, между прочим, и семьями… В Академии, которую Алексеев кончил первым, а я одним из первых, он брал упорным трудом, а я — счастьем. На академических экзаменах мне ни разу не случалось вытянуть билет, который я бы не знал достаточно хорошо…

На академических полевых поездках меня часто выручали находчивость и особое чутье, заменявшие глубокие размышления и кропотливое изучение условий данной задачи, чему — с присущим ему усердием — всегда предавался Алексеев. Наш общий руководитель по практическим занятиям, полковник Петр Софронович Кублицкий, очень талантливый профессор, но большой лентяй, обыкновенно не очень напрягал свои ум-ствешгыс силы, входя в подробный разбор решенных офицерами задач, но зато и оценивал их довольно однообразно, выставляя огулом большинству по 10 баллов (по 12-баллыюй системе) за совокупность всех практических полевых занятий. В нашей партии (из 5—6 офицеров), в которую входили Алексеев и я, им было допущено исключение из этого общего правила, а именно работы Алексеева были оценены им в 12 балов, а мои — в 11.

Михаил Васильевич был, в общем, человек справедливый и чуждый зависти, хотя и довольно строгий в своих суждениях о людях. В таком настроении по отношению к бывшим товарищам по Академии его мог еще поддерживать его однополчанин по первым годам офицерской службы Вячеслав Евстафьевич Борисов, человек не без способностей, но с большими странностями и не очень доброжелательный к своим ближним.

Влияние на Алексеева Борисов приобрел еще в полку, импонируя ему своим военно-училищным образованием, которое в те времена в армейской офицерской среде было редкостью. Михаил Васильевич, воспитанник юнкерского училища, по свойственной ему скромности сам себе цены еще не знал и не допускал мысли, чтобы он мог когда-нибудь поступить в Академию. Эту перспективу ему впервые открыл Борисов, а толчок к окончательному решению — искать высшего военного образования — Алексееву, уже по прослужении им более десяти лет в строю, дал М.И. Драгомиров, который, присутствуя однажды в качестве инспектора на тактическом учении Казанского полка (в котором служили Алексеев и Борисов), был восхищен блестящим исполнением данной Алексееву, как командиру роты, тактической задачи (во время корпусных маневров под Белостоком. — *В.Ц.)*.

Проходя в течение трех учебных лет курс Академии совместно с Алексеевым и Борисовым и состоя с ними в одной партии по практическим занятиям, я настолько ознакомился с характерами их обоих, что считаю возможным с некоторой уверенностью установить факт подчинения первого известному влиянию со стороны второго, и не только в полку и в Академии, но и во время последующей службы, которая их часто сводила вместе»[{8}].

Произошедшая смена руководства Академии (в 1889 г. Драгомирова заменил генерал Леер) отразилась на обучении и содержании программ. В одном из писем своей невесте, Анне Николаевне Пироцкой, Михаил Васильевич отмечал, что «каждая новая перемена лиц, власть имущих, сопровождается, как всегда и везде, новыми порядками, новыми веяниями». Изменения коснулись, в частности, порядка предоставления курсовых работ, увеличения их количества и, соответственно, продления времени обучения.

Возросшая нагрузка не смущала тем не менее штабс-капитана, и написанное Алексеевым курсовое сочинение «О пользе лагерей», посвященное порядку организации воинских частей во время полевых учений, не только получило высший балл, но, «но заявлению Начальника Академии Генерального штаба, генерала от инфантерии Г.Л. Леера, считалось образцовым и было сдано в музей, как пример краткого, ясного и глубокого исследования». Леер отмстил в этом сочинении подтверждение его собственных взглядов об актуальности усиления практической подготовки офицеров к возможным боевым действиям.

Вторая работа на тему «Основная идея стратегической

операции, се постепенное развитие и окончательная установка» оказалась более сложной. Примечательна характеристика будущим Главковерхом особенностей стратегии как науки. Алексеев писал, что при оценке его работы «столкнулись два противоположных мнения, и мнения, касающиеся не реального, а идеи в нашем военном деле. Но ведь идея — не математика, доказать то или иное отвлеченное положение нельзя… Область же нашей науки “стратегии” не поддается каким-либо положительным правилам… Могут быть принципы, но и с теми не все согласны». Сложность защиты, как полагал Алексеев, заключалась отнюдь не в каких-либо «интригах», а в принципиальных разногласиях, возникших у него с новым преподавателем стратегии, генерал-лейтенантом Н.Н. Сухотиным. Последний не во всем поддерживал методику разработки стратегических планов, ранее установленную Леером. Характерно для Алексеева и отсутствие стремления к обострению ситуации, тем более если это чревато последующими осложнениями. «Не считал удобным, — отмечал он, — на защите даже и возражать Сухотину, хотя мог на все замечания дать объяснения. Но… с ним судьба еще может столкнуть меня при проверке и разборе последней работы. Не стоило подвергать себя напрасным неудовольствиям в будущем, так как я но самому уже тону замечаний видел, что для того, чтобы “разносить”, он готов дойти до абсурдов».

Третья, заключительная работа носила ярко выраженный геостратегический и геополитический характер. В течение двух месяцев предстояло разработать план «наступления на Румынию» и «взятия укрепленного лагеря Галац, где сосредоточена румынская армия». Здесь, что отличало впоследствии Алексеева, ему предстояло не просто «разрисовать» направления ударов, но и «сделать топографическое исследование нашей Бессарабии и Румынии, до Бухареста почти». Затем следовало собрать сведения: «сколько каких хлебов сеется и собирается, можно ли рассчитывать на местные средства для прокормления войск или же нужно подвозить из России; если — да, то как это устроить». «Обложившись» топографическими картами, схемами и статистическими таблицами из академической библиотеки, «без пяти минут» выпускник старательно разрабатывал план операций на театре военных действий, который в перспективе оказался вполне реальным и весьма важным для Русской армии.

В результате работа была оценена на 11,63 балла из высших 12-ти. Алексеев попал в «1-й разряд» выпускников, но до золотой медали «не дотянул». Примечательна оценка этого результата самим Михаилом Васильевичем. В письме своей невесте Анне

Николаевне Пиродкой он отмечал, что «медаль ни в настоящем, ни в будущем ничего практического дать не может, кроме минутного удовлетворения честолюбия (а это относится к семи смертным грехам, поэтому и говорить об этом не следует)».

Обучение в Академии было закончено с высокими оценками. Алексеев был награжден именной «Милютинской премией» в 1000 рублей, хотя и не получил золотой медали и его фамилия не была занесена на почетные «мраморные доски», украшавшие стены Академии{9}.

Тем не менее высокий результат при прохождении «дополнительного» (третьего) курса Академии давал право на зачисление в списки офицеров Генерального штаба и на самостоятельный выбор «вакансии» для продолжения службы. Кроме того, «за отличные успехи в науках» он был 13 мая 1890 г. произведен в капитаны по Генеральному штабу. Так его биография оказалась тесно связана с этим самым авторитетным в России военно-научным и учебным заведением.

Изменилась и личная жизнь генштабиста. Вскоре после окончания учебы он обвенчался с Анной Николаевной (в год венчания ей было 19, а ее жениху — 33 года). Будучи дочерью батальонного командира Казанского полка, она познакомилась с Михаилом Васильевичем еще в годы его службы ротным командиром. Учась в Академии, он доверительно советовался с ней но самым разным вопросам — от подарков родственникам до выбора места будущей службы. Девушка из военной семьи, она не возражала против того образа жизни, который предпочитал се будущий супруг: «Делу — время, потехам и развлечениям — часы». Однако в семье она стала «главнокомандующим» и, никогда не нарушая служебного режима мужа, «по мере продвижения» Алексеева «по служебной иерархической лестнице умела соответственно поставить и вести свой дом». В январе 1891 г., на Святках, в г. Екатеринославе состоялась их свадьба. А в декабре того же года у переехавших в Петербург Алексеевых родился первенец, Николай. В феврале 1893 г. родилась дочь Клавдия, и в 1899 г. — Вера — будущая хранительница семейного архива, автор книги о своем отце. Непродолжительное свободное от службы время Алексеев проводил в кругу семьи. Вместе с супругой они любили ходить на камерные концерты молодого, только что закончившего Консерваторию, С.В. Рахманинова.

Интересный источниковедческий факт: немалая часть информации об отношении Михаила Васильевича к тем или иным вопросам военного дела, обустройства тыла и даже политического порядка содержится не столько в рапортах, докладных и служебных записках, сколько в частной, семейной

переписке. Психологически это вполне объяснимо. Ведь именно в семье, в общении с самыми близкими ему людьми, обладавшими безусловным доверием генерала, он, не отличающийся открытостью характера, мог позволить себе «излить душу», найти столь необходимую подчас моральную поддержку и опору Письма отнюдь не писались им но принципу: «Все хорошо, а будет еще лучше». Тому способствовала и почти утраченная, к сожалению, культура эпистолярного жанра, свойственная многим представителям русской интеллигенции на рубеже столетий…

Алексеев был «причислен к Генеральному штабу и назначен на службу в Петербургский военный округ». Летом он начал службу в штабе округа, хотя и не испытывал удовлетворения от однообразия военно-бюрократической системы. Вскоре начались лагерные сборы при штабе Гвардейского корпуса, во время которых Алексеев «отдыхал душой», вернувшись к привычным для себя полевым занятиям. На маневрах, в «Высочайшем присутствии», Алексееву было поручено руководить высадкой «немецкого десанта» под Петербургом, тогда как прибывший на маневры император Германской империи Вильгельм II Гогенцоллерн должен был «защищать» российскую столицу.

Тем же летом, неожиданно, выпускнику Академии удалось не только получить дополнительный заработок, что при перспективе создания семьи было отнюдь не лишним, но и получить первый опыт профессиональной преподавательской работы. Ему предоставили возможность проведения занятий по топографическим съемкам и военно-административному праву у юнкеров Николаевского кавалерийского училища. И хотя первоначально он намеревался оценивать воспитанников «но всей строгости», ему быстро пришлось столкнуться с «неписаными правилами» поведения в этом элитном училище, готовившем офицеров кавалерийских полков. С присущей ему мягкостью и терпимым отношением к неуспевающим Алексеев немного завышал оценку. Вот как объяснял он это в одном из писем Ане Пироцкой: «Прошло кажется хорошо, затрудняюсь я, разве, в одном — сделать оценку баллами этих юношей. По справедливости — они особо многого не заслуживают, но по принятым обычаям в училище их оценивают более чем снисходительно. Вот нужно уловить эту меру снисходительности, к ней примериться. Ведь они сами не виноваты, что мало знают, мало умеют. С них мало требовали, и было бы несправедливо не принять это во внимание».

Первый педагогический опыт 1890—1891 учебного года оказался удачным. Юнкера «приняли» нового преподавателя. Во многом его занятия напоминали «беседы», проводившиеся в роте

Казанского полка. Весьма примечательные «психологические» характеристики занятий капитана Алексеева приводил его ученик, будущий донской атаман генерал-лейтенант А.П. Богаевский (статья в журнале «Донская волна» в январе 1919 г.). «Четверть века тому назад, — вспоминал он, — юнкером Николаевского кавалерийского училища я впервые увидел подполковника Генерального штаба М.В. Алексеева. Он читал в моем классе лекции по администрации, науке нужной, но весьма скучной. Хороший тон и “традиции юнкеров славной школы” повелевали тогда относиться с уважением только к верховой езде и вообще к наукам, имевшим непосредственное к ней отношение…

Без особой любви относились “господа корнеты” и к скучной администрации. Однако все попытки не учить ее — были очень скоро прекращены талантливым преподавателем: он не ставил дурных отметок; никогда не издевался над беспомощно “плавающим” во время репетиций юнкером, а спокойно снова читал ему сжато и образно свою лекцию и умел заставить выучить все тут же на месте. Тетради наших практических упражнений (а их было не мало!) всегда носили следы упорной и усидчивой работы руководителя: мы получали их обратно исписанными четким почерком пометками красными чернилами со ссылками на статьи уставов и законов. Видно было искреннее желание научить нас, а не отбыть только номер. И эта добросовестность невольно заставляла легкомысленную молодежь хорошо учить лекции Михаила Васильевича и знать его предмет.

Прекрасный знаток техники военного дела, уставов, наставлений и проч., он и во время летних занятий по тактике также усердно и добросовестно учил нас и умел заинтересовать работой: он лично на местности проверял шагами размеры позиций, биваков и проч., учил не только “рассказом, но и показом”, подтверждая примерами из военной истории правильность того или другого решения. Поверки наших работ являлись живыми лекциями в поле, которые навсегда оставались в нашей памяти.

Его манера обращаться с юнкерами добродушно — насмешливая и доброжелательная, но вместе с тем чуждая всякого заигрывания и амикошонства, невольно внушала уважение и располагала к нему сердца молодежи; однако он умел быть строгим к лентяям и лодырям, но никогда не был жестоким и мстительным; достаточно было проявить хоть тень раскаяния и старания, и Михаил Васильевич быстро забывал свое неудовольствие на провинившегося и снова всей душой старался научить и передать юноше свои богатые познания, свое

безупречно честное, добросовестное отношение к делу…

В Академию он пошел не на четвертом году службы, как значительное большинство офицеров Генерального штаба, а прослужив в строю скромного армейского пехотного полка больше десяти лет, ушел оттуда ротным командиром, имея уже хороший служебный и жизненный опыт.

Среднего роста, сухощавый, с живыми движениями, он был неутомимым ходоком, и “шикарные господа корнеты”, которых он беспощадно таскал за собой пешком по съемочному участку, выдумали про него даже анекдот, приписывая ему фразу, будто бы сказанную им в ответ на предложение эскадронного командира юнкеров дать ему лошадь для переезда на участок: “Нет, благодарю! Мне нужно скорее попасть туда — я пойду пешком!”

Строгий к себе в отношении своих обязанностей, он требовал того же и от юнкеров. И в результате — работы его партии оказывались всегда лучшими, и его ученики, забыв свое неудовольствие на пешую тренировку и суровое лишение таких удобств, как съемка на извозчике, переноска планшета и съемочных принадлежностей наемными мальчишками, приятный сон в кустах или флирт с дачницами в то время, как более старательный товарищ беспомощно “ловил горизонтали”, — все же впоследствии были глубоко благодарны подполковнику Алексееву за то, что он сумел научить их знанию и искусству, столь нужному в военном деле».

Подобное отношение к своим ученикам, конечно, нельзя назвать сухим, педантичным или тем более жестоким. Налицо вполне либеральный подход к воспитанникам. Невольно напрашивается вывод о «чересчур снисходительном» преподавателе, слабохарактерном и добродушном, чьими слабостями охотно пользуются будущие «господа корнеты». Так, наверное, и должно было быть, если исключить очевидную любовь к своему предмету, увлеченность им и стремление добиться, «донести» до каждого слушателя важность преподаваемой дисциплины (хотя бы она и казалась слишком «скучной»). Стремление к тому, чтобы учебный материал стал не просто понятным, но и осознанно важным для будущего офицера, желание добиться обязательного понимания выглядело действительно несколько странным в весьма специфичной среде юнкеров-аристократов. Тем более ценным становилось признание авторитета своего учителя. Главным среди педагогических методов Алексеева становилось понимание каждого ученика, а отнюдь не стремление возвыситься «в глазах» юнкеров и оправдать свои педагогические «комплексы»[{10}].

Хотя в училище у Алексеева была «временная работа», вскоре преподавательский труд станет для него основным.

Но пока опережала штабная «карьера». 26 ноября 1890 г. последовало назначение на должность старшего адъютанта при штабе 1-го армейского корпуса, а с 31 мая 1894 г., накануне производства в чин подполковника (30 августа 1894 г.), — перевод в канцелярию Военно-учебного комитета Главного штаба на должность младшего делопроизводителя. Административная работа в штабе корпуса была достаточно хорошо известна ему, хотя и не вызывала большого энтузиазма из-за отсутствия творческой инициативы. «Бумажные дела» чередовались с полевыми выходами, лагерными сборами, преподавательской работой. Свой командный ценз Алексеев проходил в должности командира батальона Лейб-Гвардии Гренадерского полка (с 8 мая по 16 сентября 1899 г.).

Что же касается Военно-учебного комитета, то в нем, без преувеличения, начал формироваться стратегический талант Михаила Васильевича — то, что позднее станет своеобразным «стилем» его штабной работы. Здесь он, по собственному признанию, научился анализировать особенности ведения современной войны, учитывать сложность комплексной характеристики театра военных действий, технического оснащения противостоящих армий, наличия путей сообщения, фронтовых резервов, продовольственного снабжения. Именно ко времени работы Алексеева в Военно-учебном комитете наметились разработки будущих операций русских войск на западной границе, в частности — планы нанесения ударов по Австро-Венгрии через Галицию, Карпаты.

В Комитет регулярно поступала информация о численности армий европейских государств, их вооружении и обучении. Одним из направлений работы становилось изучение возможностей проведения операции но захвату черноморских проливов и «освобождению Константинополя» от «османского владычества». Все это тщательно изучалось и анализировалось штабными работниками, и все это стало в будущем основой оперативно-стратегических планов России накануне Второй Отечественной войны. В 1902 г., во время служебной командировки в Одесский военный округ, Михаил Васильевич присутствовал на окружных маневрах, проводившихся совместно с Черноморским флотом. Была проведена довольно сложная но тем временам операция — высадка десанта, при поддержке корабельной артиллерии. Однако Алексеев остался не вполне удовлетворен результатами учений, отмечая в отчете недостаточную оперативность десанта при погрузке и высадке, а

также необходимость более смелых и точных действий командования, офицеров и матросов флота.

Успешно продолжалась и преподавательская деятельность Алексеева. С ноября 1893 г. он начал проводить занятия по уже привычному для него курсу тактики в Николаевской академии Генерального штаба. Более двадцати лет основным учебным пособием по этой дисциплине был учебник, написанный генералом Драгомировым, профессором кафедры тактики, являвшимся начальником Академии до 1889 г. Алексеев стремился по-новому, самостоятельно подойти к изложению материала и всегда отдавал предпочтение практике перед теорией.

В 90-е гг. обучение в Академии в очередной раз корректировалось. В учебный план, но инициативе генерал-майора Д.Ф. Масловского, был — «в виде опыта» — включен курс истории русского военного искусства. Хронологически лекции охватывали период с начала XVII века до середины XIX века включительно. Однако изучение последних по времени сражений Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. не проводилось, в частности, из-за порочного стремления академического руководства исключить возможную отрицательную критику лекторами действий еще здравствующих военачальников, участников боевых операций на Балканах.

К концу 90-х гг. активным сторонником утверждения нового учебного курса являлся почетный член Русского военно-исторического общества полковник А.З. Мышлаевский. В его ходатайстве от Академии перед начальником Главного штаба указывалось, что «история… русского военного дела не нашла себе места ни в общем курсе истории военного искусства, ни в военной истории, которой не дозволяли останавливаться над деяниями русских полководцев». Просьба была удовлетворена, и в июне 1898 г. приказом но Военному ведомству в составе Академии была создана самостоятельная кафедра Истории русского военного искусства, реорганизованная позднее в кафедру Истории военного искусства. Впервые богатейший опыт отечественной и зарубежной военной истории стал изучаться комплексно, с учетом возможного его применения в будущем, а военно-патриотическое воспитание русского офицерства получило при этом дополнительный стимул.

Создание новой кафедры потребовало привлечения новых профессорско-преподавательских кадров. Первым ординарным профессором новой кафедры стал полковник Мышлаевский, а и.д. экстраординарного профессора был назначен полковник Алексеев (с 26 августа 1898 г. по 24 декабря 1901 г.). В дополнение к курсу

тактики ему поручалось проведение занятий по курсу отечественного военного искусства по темам, связанным с историей XVIII столетия. Нужно отметить, что подобного рода назначение на преподавательскую работу в Академию се недавнего выпускника было в то время явлением исключительным. Ведь Алексеев не имел значительных ученых трудов и не имел еще достаточной известности в военно-научных кругах. Впоследствии он прошел через все ученые звания в Академии, став ординарным (с 24 декабря 1901 г. по 6 июня 1904 г.), а затем — заслуженным профессором Николаевской академии Генерального штаба (с 6 июня 1904 г.). Будучи начальником штаба Киевского военного округа, был избран почетным членом Конференции Императорской Николаевской военной академии (16 декабря 1908 г.)[{11}].

К каждой лекции Алексеев тщательно готовился, стремился не упустить ни малейшей детали в том или ином вопросе учебной программы. Появились его первые научные публикации. Особое внимание Алексеев уделял при этом военному искусству А.В. Суворова. Но воспоминаниям Кирилина, «работать приходилось по 15—20 часов в сутки, причем М[ихаил] Васильевич] был всегда… не мрачным педагогом, а веселым и жизнерадостным собеседником». Эту оценку Кирилина следует относить, по сути, к любимому и хорошо проводимому Алексеевым курсу тактики.

Правда, но свидетельству Генерального штаба генерал-майора Б.В. Геруа, не всегда его лекции воспринимались с интересом. Во внешности профессора «ничего не было от Марса. Косой, в очках, небольшого роста. В лице что-то монгольское, почему его иногда звали “японцем”. Он… провел всю свою службу Генерального штаба в кабинете, занимая ответственные должности в Главном Управлении Генерального штаба, а в Академии — работая по кафедре русского военного искусства… Алексеев был коллегой Мышлаевского и читал курс, относившийся к эпохам Елизаветы и Екатерины II. Лектор он был плохой, привести в законченный вид и напечатать свой курс не имел времени, но практическими занятиями руководил превосходно».

Схожую оценку лекциям Алексеева, в также резких выражениях, следуя очевидной советской конъюнктуре, годами позже давал будущий генерал-майор Красной армии Л.Л. Игнатьев: «Чтение второй части этого предмета (русское военное искусство. — *В.Ц.),* посвященной послепетровской эпохе, было поручено тихому и незаметному полковнику Алексееву, изучившему ее со свойственной ему дотошностью до мельчайших деталей. Но чем больше он их нам преподносил, тем меньше мы

получали представления о елизаветинских кирасирах и павловских гренадерах. Даже походы бессмертного Суворова изучались нами с большим интересом по печатным источникам, чем по лекциям Алексеева. Трудно понять, какие качества в этом усердном кабинетном работнике, лишенном всего, что могло затронуть дух и сердце слушателя, выдвинули его впоследствии фактически на пост русского главнокомандующего. Гораздо более ясен дальнейший и последний этап его карьеры: бедное талантами белое движение вполне могло удовлетвориться таким вдохновителем, как Алексеев»

Однако полностью противоположная оценка давалась в воспоминаниях Богаевского, бывшего николаевского юнкера-кавалериста, прослушавшего курс русской военной истории у профессора Алексеева. «Он был все тот же. Прибавилось только седины на голове, но так же бодро смотрели маленькие глаза из-под суровых бровей, таким же отчетливым, звонким голосом читал он нам — как когда-то “администрацию” — о чудесных Суворовских походах, вместе с своими внимательными слушателями переживая и восхищаясь подвигами наших чудо-богатырей, и в живом рассказе его перед нами вставали величественные боевые картины давно минувших дней славы и побед доблестной Русской армии… Мы, молодые офицеры, будущие “колонновожатые” учились уважать и любить наше славное боевое прошлое, учились любить великих вождей России, своим гением и трудами заставивших весь мир уважать и ценить нашу Родину и ее Армию…

Во время экзаменов М.В. все так же доброжелательно, как и к юнкерам, относился к нам. Я не помню случая, чтобы он поставил кому-либо дурную отметку и тем испортил бы всю службу офицера. По себе зная, какой тяжкий труд приходится нести слушателю Академии, он был снисходителен к случайным ошибкам и никогда не был сухим, черствым педантом»[{12}].

Снова обратим внимание на методику оценки знаний на экзаменах у профессора Алексеева. Не стремление «завалить» нерадивого слушателя Академии, а, прежде всего, стремление добиться знания предмета — это продолжало отличать Михаила Васильевича в его педагогической работе.

Период жизни с 1890 по 1904 г. был, пожалуй, наиболее спокойным и результативным в его биографии: завершилось обучение в Академии, успешно складывалась карьера в Генштабе, наладилась семейная жизнь. За это время Алексеев стабильно продвигался по служебной лестнице, обретя «по выслуге лет», «за беспорочную службу» многое и в наградах, и в чинопроизводстве. С 25 января 1899 до 5 августа 1900 г. он работал в должности

старшего делопроизводителя канцелярии Военно-учебного комитета. Был последовательно награжден орденами Святого Станислава 2-й степени, Святой Анны 2-й степени, Святого Владимира 4-й степени с бантом и Святого Владимира 3-й степени. 5 апреля 1898 г. был произведен в чин полковника.

Глава II.
НАЧАЛО НОВОГО ВЕКА. ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ.
1904-1914 гг.

1. На сопках Маньчжурии и в кабинетах Генштаба. 1904—1907 гг.

Но ситуация в самой Империи и на ее рубежах в это время не отличалась желаемой стабильностью. Осложнившееся внешнеполитическое положение на Дальнем Востоке привело к войне с Японией. Канун военных действий и начало войны Застало Алексеева в должности Начальника оперативного отделения Генерал-квартирмейстерской части Главного штаба (этот пост он занимал с 5 августа 1900 г. по 1 мая 1903 г.), а затем Начальника отдела Главного штаба (с 1 мая 1903 г. по 30 октября 1904 г.). Среди офицеров столичного округа было немало тех, кто добровольно ходатайствовал перед вышестоящим командованием о переводе в Действующую армию. Опытных строевых начальников действительно не хватало. Но еще более ощутимым на далеком Дальневосточном театре военных действий был недостаток офицеров-генштабистов. Четверо преподавателей постоянного состава Академии были командированы на Дальний Восток, и среди них первым значился генерал-майор М.В. Алексеев. При этом за ним сохранялась должность заслуженного ординарного профессора Академии{13}.

По прибытии на фронт, в конце декабря 1904 г., он принял должность Генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии (формальное назначение состоялось одновременно с производством в генерал-майоры 30 октября 1904 г.). На этот раз под его контролем находился обширный спектр проблем — от организации разведывательной работы до контроля за боевым снабжением воинских частей.

Стратегическое положение русской армии было сложным. Уже был сдан Порт-Артур, и армии под командованием генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина готовились к генеральному сражению под Мукденом. Куропаткин был хорошо известен Алексееву еще со времен Русско-турецкой войны, когда он занимал должность начальника штаба в отряде генерала Скобелева, и затем во время преподавательской работы в Академии; будучи военным министром, Куропаткин содействовал открытию кафедры истории военного искусства. Теперь Алексееву предстояло организовывать штабную работу под его верховным руководством.

Стратегические планы и тактические решения Куропаткина генерал-квартирмейстер 3-й армии воспринимал скептически:

вопреки очевидным перспективам перехода от обороны и отступления к решительным наступательным действиям, Куропаткин предпочитал отходить, избегая решающих столкновений с японской армией.

В одном из писем супруге (2 февраля 1905 г.) Алексеев отметил типичное для многих офицеров мнение относительно «генералов от отступления», как нередко называли в то время командный состав в армейской среде: «Нас душит нерешительность Главнокомандующего… Наши большие силы парализуются бесконечным исканием плана и, в то же время, отсутствием ясной, простой идеи, что нужно. Нет идеи — нет и решительности. Колебания и боязнь — вот наши недуги и болезни, мы не хотим рисковать ничем и бьем и бьем лоб об укрепленные деревни. Мелкие цели, крупные потери, топтание на месте. И противник остается хозяином положения, а быть хозяевами должны были бы — и могли бы быть — мы. Нет, не нужно было бы увеличивать в нашем высшем командовании того, что служит источником наших невзгод, которым пока не предвидится и конца». Здесь выражалось принципиально важное для генерала понимание «идеи войны», без которой боевые действия превращаются в шаблонный набор методических «отступлений» и «наступлений». Очевидно, что отсутствие этой «идеи», ясного и четкого понимания целей и задач войны и стало главной причиной неудач русской армии в Маньчжурии.

Кроме того, Алексеев весьма нелестно отзывался о сложившейся манере штабной работы, в которой он видел одно из важных условий, необходимых для победы. Вызывали недовольство генерала-генштабиста и частые перемены в командовании, и стремление при смене начальника поменять всю «команду», привести на выгодные места своих приближенных. Это нарушало субординацию и в условиях военных действий приводило к совершенно ненужным конфликтам, создавало помехи в работе штаба, в этой «сложной машине, работающей и подготовляющей все… для управления войсками». Для принятия правильных решений, столь ожидаемых войсками от штабов, нужен тщательный, системный анализ как имеющихся собственных возможностей, так й возможностей противника. А этого-то как раз и не хватало. «…Наши начальники мало образованы в своем специальном военном деле и совершенно не подготовлены к управлению большими силами», — делал Алексеев достаточно категоричный вывод в письме от 25 января 1905 г. Следовало «озаботиться, чтобы армия была сыта, чтобы десяток тысяч раненых был подобран, перевязан, накормлен и отправлен».

Кроме того, штабная работа требовала четкого разделения обязанностей, умения пользоваться имеющейся властью и ответственностью, сильной воли и таланта. Требовалась смелость и дерзость в решениях. Этих качеств недоставало у штаба Куропаткина. Алексеев считал ненужным и даже крайне вредным такое положение, когда штаб армии вынужден был одновременно заниматься и обширной организационной подготовкой, и вмешиваться в непосредственную боевую работу. При этом нарушалась субординация, начальники — штабные и полевые — часто дублировали решения друг друга, возникала недопустимая и чрезвычайно опасная в боевых условиях путаница в приказах и распоряжениях. Это, по мнению Алексеева, становилось одной из причин провала боевых операций.

В письме от 6 февраля 1905 г. Михаил Васильевич писал: «Выпустить из своих рук Главнокомандующий ничего не хочет, душит все стремлением руководить даже дивизиями, не желая сознавать крайнего вреда такого управления…

Полководцу нужны: талант, счастье, решимость. Не говорю про знание, без которого нельзя браться за дело. Оценку таланта делать еще не время. Военного счастья нет, а решимость просто отсутствует, а между тем на войне нужно дерзать и нельзя все рассчитывать. Стремление к последнему ведет за собою то, что мы никак не выберемся из области взятия той или другой деревни, вместо постановки цели ясной, широкой, определенной и направления для этого сил достаточных. Мы уже богаты и при умении и смелости могли бы многое сделать.

Будем просить Бога — да смилуется над нашей Родиной и просветит ум и дух того, в чьих руках и военная слава, и судьба государства; пониже — в конце концов не сдадут, а на своих плечах вынесут свое дело».

При этом Алексеев особо подчеркивал не только отсутствие инициативы у Главкома, но и его стремление подавлять инициативу у подчиненных. В письме от 7 февраля 1905 г. генерал подчеркивал важнейший, по его мнению, принцип эффективного управления: единоличное принятие решений и коллективное их исполнение. «Единая воля должна повелевать, а десяток дружных умов и воль должны исполнять. Это идеал военного управления, а мы далеки от него. Решать хотим коллективно то, что должно выливаться из одного ума, исполнять хотим в одиночку то, что должно быть исполнено коллективно, но дружно и согласно». Вместо этого, как писал он в письме от 16 февраля, «деспотически сковывая власть командующих в мелочах, он (Куропаткин. — *В.Ц.)* пасует в том, что должно принадлежать ему: установить общую идею. Распоряжений много, но идеи нет…

Главнокомандующий не способен вести армию к победе, — измыслить и потребовать усилий от войск… Молитесь, чтобы послано нам было свыше: мир внутри, смелость и победа в Маньчжурии. Пусть первое родится у Главнокомандующего, второе принесут ему войска».

Примечательно, что при таком мнении о командовании Алексеев никогда не позволял себе открытой критики, протеста, выражения недовольства. Служебная дисциплина, убежденность в важности строгого выполнения приказов вышестоящих командиров были характерны для Алексеева. Критическое отношение генерала к действиям своих начальников никогда не выходило за пределы узких частных бесед и собственных умозаключений, столь ярко отражавшихся в семейной переписке{14}.

Увы, но генеральное сражение под Мукденом было, по существу, проиграно, и хотя о решающей победе японцев говорить не приходилось, но и русские войска в очередной раз отступили, не смогли нанести сильных, ожидавшихся от них ударов но противнику.

В начале Мукденского сражения части 3-й армии находилась в центре русской позиции. Самостоятельных ударов армия не наносила, однако ее положение позволяло удерживать фронт русских армий, служить своего рода «связующим звеном», прочным «мостом» между флангами. Но «раздерганная» в своем боевом составе 3-я армия не смогла осуществить фронтального удара но противнику, тогда как фланги оказались скованы отражением обходных маневров противника. Японское командование намеревалось окружить маньчжурские армии и наносило главные удары на их флангах. Фланговые удары японских войск напоминали успешное окружение французской армии немцами под Седаном в 1870 г. Но сил у русской армии было вполне достаточно для того, чтобы опередить противника и нанести упреждающие удары. В письме от 12 февраля 1905 года Алексеев отмечал, что накануне «назначено было начало наступательных действий, первоначально войсками 2-ой армии. Все пришло в бодрое настроение, ощущался подъем духа, верилось, что предварительная подготовка была основательная». Тому способствовала и оценка соотношения сил: против 270 тысяч японского войска было сосредоточено 300 тысяч русских.

Но, вопреки надеждам и расчетам, «11-го японцы сами начали наступление на противоположном фланге. Решительный, смелый и искусный полководец, сдерживая здесь возможно малыми силами неприятеля, собрал бы грозное количество войск и атаковал бы там, где он приготовился». Из состава 3-й армии

постоянно выделялись полки и батальоны для подкрепления 1-й и 2-й армий, создавались отдельные отряды для отражения японских охватов. Это бесконечное формирование отдельных отрядов, «сборных» и разрозненных по своему составу, беспорядочное введение их в бой, вместо нанесения сосредоточенных фронтальных ударов, являлось, по мнению Михаила Васильевича, одной из главных причин неудачного исхода Мукденской «битвы». Не лучшим было положение и в соседней, 2-й армии. «По куропаткинскому обычаю, она деспотически расколота на две части равные, разметена, разбросана. Везде — растопыренные пальцы, нигде нет кулака, которым можно бить, вспоминая выражение Драгомирова».

В своих письмах он неоднократно отмечал эти тактические ошибки, это «лоскутное одеяло», делаемое в условиях «забвения всех основных правил и законов организации». «Пройдет еще месяц, — с горечью писал генерал, — прежде чем мы восстановим наши растерянные полки и батальоны… И ведь все эти лоскутки шли на то, чтобы затыкать дыры, прорехи». Главком «не имел понятия о нанесении ударов. Он почитал возможным лишь парировать удар равносильного, а то и более слабого противника… Во все время войны все сводилось к неудачному воскрешению Куропаткиным старинного, другими забытого и, казалось, давно погребенного способа — вытягивания всего в нитку».

Вместо этого требовалась тактика сосредоточения «ударных сил», обязательное выделение резерва, способного отражать, при необходимости, фланговые охваты японцев. «Раз мы не знаем, куда неприятель хочет идти, — писал Алексеев, — мы должны на важнейших пунктах и направлениях иметь сильные авангарды, а остальные войска держать сосредоточенно. Позиций можно готовить много, но заранее не располагать на них войск до рот включительно». Эти отмеченные еще при Мукдене приемы ведения боевых действий будут позднее использованы Алексеевым при составлении военно-стратегических планов накануне Второй Отечественной войны.

Сражение завершилось отступлением русских войск. Штабная работа была напряженной и требовала постоянных контактов с действующими войсками, поэтому Алексеев периодически отправлялся на позиции контролировать боевое состояние обороняющихся частей. Связь между многочисленными отрядами и отдельными подразделениями постоянно нарушалась, и единое командование было чрезвычайно затруднено. Во время решающих атак японской армии на русские позиции, 23—24 февраля, Алексеев и его помощники оказались на передовой «линии огня»,

и генералу пришлось лично командовать воинскими подразделениями. Под угрозой фланговых обходов части 3-й армии вынуждены были отойти с занимаемых рубежей.

В генеральской переписке отразилось примечательное описание положения, в котором оказались отступающие русские войска. «В четыре часа утра 25 февраля, — вспоминал Алексеев, — я заехал… к северным воротам Мукдена. Море — море! — повозок выливалось потоками с разных боковых дорог. Беспорядочно, в несколько рядов, все это тянулось к северу и тянулось до десяти часов утра. Только в одиннадцать часов могли тронуться наши ничтожные но силе войска 3-й армии. Но в это время горами между отдельными колоннами, успели уже протиснуться небольшие части японцев и начали артиллерийским огнем обстреливать густые массы обоза. Понятно, что произошло в этой недисциплинированной толпе. Все наши батальоны ушли в заслоны, но японцы продвигались к северу и продолжали огонь по обозам.

Уничтожение наших складов собственными руками повело к тому, что спирт попал в солдатские руки, и половина солдат оказалась пьяной. Результат оказался плачевным. Расплывшаяся на широком фронте, эта сволочь повалила назад, уже вполне беспорядочной толпою. Ни увещевания, ни шашки, ни угроза револьвером не могли сдержать мерзавцев, потянувшихся в узкое пространство, еще не замкнутое неприятелем. Бегство обозов, стихийное отступление в одиночку полков представляло картину глубоко возмутительную. Поле усеяно было брошенными повозками, любители наживы бросали ружья и занимались грабежом, и, в общем, каждая каналья искала спасения. Офицеров вообще мало, а в эти минуты и наличные куда-то исчезли, попрятались. Инертные, непредприимчивые, утратившие уже лучших своих представителей, они предпочли последовать примеру своих подчиненных.

Боже, Боже, какое это было разложение армии! Куропаткин год приучал армию только к отступлению. Он не дал ей ни одного ясного дня, ни одного призрака победы, труся каждого смелого предприятия, не решался ни на что, кроме отступления, он глубоко внедрил в сердца солдат и офицеров, что русские должны только отступать… Армия не хотела сопротивляться! Она без оглядки отступала!… Все с таким старанием подобранное, заготовленное пропало в одну минуту. Хорошо еще, что спаслись вьюки с двумя сменами белья. Кавалерист упустил — а я думаю, продал — лучшую лошадь. Словом, личные мои дела материальные потерпели полное крушение. Но это ничего. А потерпели крушение мои идеалы, моя вера в мощь армии, в ее

высокие качества, которые могли возместить недостаток науки… Войска, побывавшие в руках Куропаткина, развращены, в корень испорчены, их нужно перевоспитывать… Вы молились за меня 25-го числа, и Бог оставил меня целым».

Такой была первая «встреча» генерала с солдатской массой, пораженной страшным недугом вседозволенности, хаоса, разложения. Все это предстоит еще увидеть в многократном «увеличении» в 1917 году. Но и тогда, в годы Русско-японской, вид расстроенной, беспорядочной, лишенной дисциплины массы вряд ли мог укрепить у Алексеева веру в неизменную силу духа и верность воинскому долгу у солдат. Характерно, что при этом он целиком возлагает вину за падение дисциплины у отступающей армии на ее командование, не без основания полагая, что солдаты, уверенные в победе и в своих командирах, проявят должный патриотизм и готовность к самопожертвованию. В качествах русского воина Алексеев пока еще не сомневался…

Попав под обстрел японской артиллерии, Алексеев был ранен, под ним погибла лошадь. Сам он, упав навзничь с коня, повредил себе почки. Именно это стало впоследствии причиной серьезного заболевания, постоянно мучившего генерала и едва не сведшего его в могилу в ноябре 1916 года.

Многодневное сражение заканчивалось. Куропаткин смог успешно вывести войска от Мукдена и избежать окружения. Японский «Седан» не состоялся, но и одержать долгожданную победу русские войска не смогли. Боевая доблесть Алексеева под Мукденом была отмечена золотым Георгиевским оружием с надписью «За храбрость» (приказом Главнокомандующего № 750 от 10 мая 1905 г.). За время войны он также был награжден орденом Святого Станислава 1-й степени с мечами. Личный героизм генерал-квартирмейстера, проявленный еще в годы Русско-турецкой войны, сомнений не вызывал{15}.

Наступало время подводить итоги. И снова — частная переписка Михаила Васильевича дает гораздо больше информации, чем официальные рапорты и реляции. Генерал-генштабист критично, в свойственной ему манере, стремится систематизировать, обобщить тот бесценный боевой опыт, который, несомненно, будет необходим русской армии в будущем. Техническое оснащение японской армии по отдельным показателям было лучшим. «Мы не имеем горной артиллерии, — писал Алексеев, — и за год сумели заготовить 96 орудий. В горах наша пехота беспомощна, так как у японцев их не менее 250. У нас нет пулеметов, японцы их не имели также в начале кампании. Теперь… у нас тоже почти нет, у японцев — в каждом полку своя рота пулеметов из 8—10. Это грозное оружие временами сметает

нашу атакующую пехоту…» Командование, штабная работа, как уже отмечалось выше, оставляют желать много лучшего. «Подбор начальников плох… Да ведь это вся военная наша система, которая не была секретом для мирного времени, и кто в нее вдумывался, для того рисовались далеко не радужные краски. Правда, никто не ожидал, что так это резко, беспощадно резко выразится в этой войне. Детище этой же системы, и Генеральный штаб имеет свои крупные недочеты, но назвать его единственным виновником бед может лишь тот, кто или не умеет открывать глаза, или умышленно их закрывает».

Потенциала японских вооруженных сил Алексеев отнюдь не переоценивал, полагая, что при продолжающиеся боевых действиях перспективы благоприятного перелома в войне были для русской армии вполне возможны. В письме от 18 апреля 1905 г. он отмечал: «В России говорят о мире. В офицерской среде в здешней армии немало таких, которые жаждут и говорят о том же. Это болезнь, именуемая дряблостью воли и характера, болезнь, нами самими взращенная. Потом жид и купец одолевают. И тому, и другому война мешает. Волнения внутри способствуют развитию деятельности миротворцев. Что за дело для них, что теперешний мир явится началом разложения России. Скорее бы лишь стряхнуть с себя какое-то неприятное бремя. Для достижения цели нужны упорство, настойчивость, вера в свои силы, готовность жертвовать. Кто бы дал взаймы современному россиянину все эти высшие блага гражданина? Победа должна быть наша, если мы сумеем довести дело до конца. Ведь если теперь средств нет, то и через 10 лет их не будет, а при заключении мира теперь повторение войны неизбежно. Ресурсы наши не исчерпаны. Войска наши не разгромлены. Они доведены были до поражения, платили дань всему, а главное — той неопределенности в желаниях и решениях, которыми отличались все действия Куропаткина…

Дай Бог, чтобы новое наше начальство сумело ставить этот вопрос, отвечать на него и затем бесповоротно выполнять. Тогда и войска проявят больше настойчивости и упорства, явится утраченная вера. Ведь дошло до того, что перестали верить тому, когда говорили о необходимости твердо удерживать позиции, зная, что все равно отступим. Не понимаю, почему возвращающиеся в Россию офицеры продолжают уверять, что вера в Куропаткина глубокая, когда здесь ни у кого не было такой веры, именно в среде строевых офицеров всех степеней, от которых преимущественно и черпают эти сведения…»

Еще раньше Алексеев писал: «Мне больно переживать то, что выпало на долю России, я сознаю то, что противник не

превосходит нас ни силами, ни качеством массы. Приподнят, у них дух, — правда; ярче выражена, искусственно воспитана идея величия для блага народа ведущейся войны; как азиат — наш противник хитрее. Но победа над ним должна быть нашим уделом, если бы в наше дело было внесено побольше веры, решимости, духа предприимчивости…»

Но и недооценивать противника не следовало. Показательно, что генерал-генштабист обращал внимание на существенные изъяны не только в командовании, в техническом обеспечении войск, в их настроении. Известное выражение о том, что войны, которые вела Пруссия, выиграл немецкий школьный учитель, сумевший воспитать в своих учениках веру в величие единой Германии, Алексеев понимал применительно к России в ином смысле. «Японский солдат развитее, государство заботится об этом, у нас боятся этого. Там школа — проводник патриотического воспитания. У нас школа возмутительно безразлична к вопросам воспитания в духе выработки русского человека. Ведь это целая система государственного строя. Наряду с офицерами, безропотно и геройски слагающими жизнь, у нас немало более чем безразличных. Наша система ведения дела убивает в офицере способность к почину, к самостоятельности».

Поэтому неудачный исход прошедших сражений вполне очевиден. Но следовало ли делать на основании этого далеко идущие выводы о полном крушении российской военной системы? Нет. В военной системе нужно было многое менять, и опыт Русско-японской войны был весьма важен. Нужны были глубокие, решительные реформы, а не революции…

Летом 1906 г. Алексеев вернулся в Петербург. Но положение в стране и в столице было уже далеко не таким, как до отъезда на фронт. В полную силу проявила себя первая русская революция — «генеральная репетиция» 1917 года, как станет называть ее затем В.И. Легаш. Отгремели выстрелы «кровавого воскресенья», миновали неожиданные для многих-военные восстания на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» и крейсере «Очаков», было жестоко подавлено вооруженное восстание в декабре 1905 года в Москве. 17 октября 1905 г., после опубликования «Высочайшего Манифеста», Российская империя вступила в период «думской монархии», получила желанный для многих «парламент» и различные политические «свободы». Обо всем этом на Дальнем Востоке узнавали из газетных и телеграфных сообщений, из частной переписки.

Нельзя сказать, чтобы Михаил Васильевич каким-либо образом выражал сочувствие революционным событиям. Напротив. Детские воспоминания о кровавой «польской справе»

начала 1860-х гг. накладывались на известия о «кровавом воскресенье», об убийстве московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича Романова. Мнение генерала было однозначным: как и в середине XIX века, так и теперь на революцию «обильно льются» «английские и французские деньги». Русские революционеры — не более чем «пешки» в опытных и циничных руках заграничных покровителей. «За исполнителями чисто русского происхождения, конечно, остановки не было. В это время (в 1860-е гг. — *В.Ц.)* началось шатание мысли и народилось новое явление — нигилизм. Младенец достигает ныне совершеннолетия. У нас имеются сведения, что на организацию стачки январской израсходовано до 18 миллионов рублей нашими приятелями. Машина работает далеко, а в Петербурге, Москве, Варшаве и других городах — статисты, расплачивающиеся своими жизнями, здоровьем, боками.

Продолжением событий, разыгравшихся в январе в наших больших городах, явилось убийство Великого князя Сергея. Возмутительно, но событие уже не поражает. Нужна крепкая рука, нужны умение и знающие сотрудники, чтобы вывести Россию из тех тенет, которыми она себя, при добром содействии друзей, опутала. Все это тяжело…» В то же время игнорировать уже свершившиеся события нельзя. И Алексеев признавал, что при насущной потребности в сильной государственной власти нельзя управлять прежними — сугубо административными — методами, подавляя инициативу и новаторство там, где это требуется.

С 27 сентября 1906 г. Михаил Васильевич принял должность 1-го обер-квартирмейстера в переформированном Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ). Теперь в его ведении находились проблемы, связанные с разработкой общего плана будущей войны в Европе. В организационном отношении нужно было бы, в частности, предоставить больше самостоятельности Генеральному штабу, вывести его из военно-административного подчинения Главного штаба и усилить роль Гешнтаба в выработке стратегии будущей войны. Важно было не просто осмыслить боевой опыт Русско-японской войны, но и провести насущно необходимые преобразования во всех областях военного дела. Очевидно, что это не могло не быть связанным также и со значительными переменами во всех областях военной, политической, экономической жизни тогдашней Империи.

По воспоминаниям работавшего с Алексеевым в то время в ГУГШ 2-го обер-квартирмейстера (разрабатывался план развертывания сил на Западном фронте — от границ со Швецией до Румынии), его сослуживца еще по Казанскому полку, генерал-

майора В.Е. Борисова, «Алексеев, состоявший до этого назначения Начальником оперативного отделения Главного штаба, а во время Русско-японской войны — генерал-квартирмейстером штаба 3-й армии, знал ход всего стратегического делопроизводства и историю всех стратегических, организационных и военно-административных начинаний». Богатый опыт штабной работы на самых различных должностях, знания по истории военного управления, полученные во время проведения курсов истории военного искусства, — все это содействовало Алексееву в разработке и обосновании его проектов эффективной перестройки системы командования войсками.

Не оставались забытыми и «полевые выходы». На время лагерных сборов под Красным Селом (со 2 мая по 4 сентября 1907 г.) Алексеев принял командование над 1-й бригадой 22-й пехотной дивизии (85-й пехотный Выборгский Императора Германского Вильгельма II полк, 86-й пехотный Вильманстрандский полк, 87-й пехотный Нейшлотский полк и 88-й пехотный Петровский полк). 13 июля 1907 г. бригада была поднята по тревоге и прошла Высочайший смотр. В последующие дни бригада выполняла различные вводные задания, но, по собственному признанию Алексеева, далеко не самым лучшим образом. Мешали проливные дожди летнего петербургского сезона. Кульминацией стали маневры 31 июля. Как описывал их Михаил Васильевич, «нам выпала незавидная доля. 22-я дивизия маневрировала против кавалерийского корпуса, начальство над которым принял не кто иной, как сам (Великий князь) Николай Николаевич. За это на разборе вечером того же дня, после Царского обеда, и досталось же нам! Секли все, кто только мог, изрекая такие замечания, которые в наших трактатах не найдешь… А в общем ушел я с этого разбора с каким-то дрянненьким осадком и, вернувшись домой около 12 часов ночи, отказался даже от чая и улегся спать для восстановления равновесия в настроений». В начале августа маневры закончились. «Маневренный сезон приходит к концу, — писал Алексеев, — и, с Божией помощью, благополучному в смысле здоровья, ну а в отношении оценки — дело их, то есть здешнего высокого начальства».

1907 год стал не только последним годом первой русской революции. В 1907 г. Россия вступала в эпоху реформ, связанных с именем П.А. Столыпина, в период серьезных перемен во всех сферах государственной и общественной жизни. В ГУГШ Алексеев выступал с предложениями реформ военного аппарата. Не случайно он, а также новый начальник Академии Генерального штаба генерал от инфантерии Ф.Ф. Палицын, считались

несомненными авторитетами среди участников кружка молодых генштабистов, иронично называвшихся в среде петербургской политической элиты «младотурками» (по аналогии с деятелями революционно-демократических перемен в Османской империи). В эту группу входили вернувшиеся с фронтов Русско-японской войны будущие известные лидеры Белого движения, соратники Алексеева — полковник Л.Г. Корнилов (бывший ученик Алексеева в Академии Генштаба), капитаны С.Л. Марков, И.П. Романовский, А.А. Свечин. Талантливая молодежь проявляла завидную активность: «Писались доклады, читались сообщения, устраивались взаимные собеседования; образовался тесный кружок людей, задавшихся целью привить армии новые тактические идеи, усилить в техническом отношении, создать из нее настоящее боевое оружие». Были установлены контакты с членами 3-й Государственной думы, в частности с А.И. Гучковым, пользуясь поддержкой которого надеялись на успешное прохождение через новообразованный российский «парламент» разрабатываемых Генштабом законопроектов.

Но если Алексеев, по причине «обстановки и положения» и «склада натуры», не мог «высказаться с прямолинейностью и порой даже резкостью» по проблемам военных преобразований, то, например, Корнилов не колебался в отстаивании своего мнения перед вышестоящими начальниками, хотя бы ценой потери престижной должности в столице. С легкого пера известной эмигрантской писательницы Н. Берберовой, этот, вполне легальный, кружок стал позднее одной из основ для создания некоей «Военной ложи», якобы готовившей государственный «переворот» в союзе с думской оппозицией, хотя подобное утверждение не подтверждается какими-либо объективными документальными свидетельствами. «В своем докладе в 1925 г. в Париже Маргулиес (известный масон, член французской ложи “Великий Восток”. — *В.Ц.),* касаясь этого периода, между прочим упоминает петербургскую “Военную ложу”, в которую краткое время входили А.И. Гучков, генерал Василий Гурко, Половцев и еще человек десять — высоких чинов русских военных… Генералы Алексеев, Рузский, Крымов, Теплов и, может быть, другие были с помощью Гучкова посвящены в масоны… Генерал Михаил Васильевич Алексеев, войдя в Военную ложу с рекомендацией Гучкова и Теплова, привел с собой не только Крымова, но и других военных. В этом свете становится понятно, почему именно генералы Алексеев и Рузский приняли участие вместе с Гучковым (и Шульгиным — не масоном) в процедуре подписания царем акта отречения».

О реальной подготовке «дворцового переворота» — впереди, а

здесь пока следует отметить, что Алексеевым в ГУГШе был разработан план улучшения штабной работы. Примечательно, что его основой стали усвоенные Михаилом Васильевичем но курсу истории военного искусства положения оперативно-стратегических документов Наполеона I, например, декрета 1805 г. «О Большой Армии». По воспоминаниям генерала Борисова, «кровавый опыт утверждал декрет Наполеона 1805 года». Таким же образом «кровавый опыт» Русско-японской войны становился крайне важным для усовершенствования российского «Положения о полевом управлении войск». Алексеев был убежден, что «1) операции требуют, чтобы они велись исключительно одним лицом, не развлекаемым делами текущей жизни; 2) это лицо должно ежеминутно знать до деталей положение своих и неприятельских сил и оперативные распоряжения своих и неприятельских сил, и оперативные распоряжения своих низших инстанций, и 3) при Главнокомандующем (полководце) необходимо должны состоять генералы не только Генерального штаба, но и артиллеристы, военные инженеры и другие»{16}.

Алексеев утверждал, что роль «полководца», иными словами — Верховного Главнокомандующего, должна быть максимально освобождена от «текущей» штабной работы с той целью, чтобы сосредоточиться на выработке стратегии военных действий. При этом работа штаба должна строиться на основе четкого разделения функций каждого отдела, определения должностных полномочий каждого работника, должна стать максимально приспособленной к решению сложных стратегических и тактических задач. У генерал-квартирмейстера, например, должно быть достаточное количество помощников для того, чтобы «резко отделить свою оперативную работу от работы по текущей военно-административной жизни».

Не оставалась без внимания Алексеева и сама Академия Генерального штаба. Им был составлен доклад, в котором предлагалось принципиально изменить порядок поступления в Академию и систему распределения выпускников. В докладе отмечалась целесообразность расширения состава слушателей до 450 человек (при среднем зачислении 300—350 слушателей). А выпускников в обязательном порядке направлять сначала в войска для прохождения стажировки и только затем переводить на службу в Генеральный штаб. Главным критерием отбора в Академию должны были стать не столько успешно пройденные вступительные испытания и последующая учеба, сколько приобретенные до этого опыт строевой службы и боевые заслуги. Тесные контакты с армейской средой позволяли, по мнению Михаила Васильевича, избежать излишнего формализма,

«циркулярной бюрократии» при подготовке будущих генштабистов. Необходимо, отмечал Алексеев, «комплектование Генерального штаба поставить вне безусловной зависимости от степени успешности окончания офицерами Академии, обосновав это комплектование на возможно широком выборе из среды офицеров, как получивших высшее военное образование, так и фактически доказавших своей дальнейшей службой но окончании Академии пригодность к несению обязанностей офицера Генерального штаба».

Очевидно, что активная деятельность Алексеева не оставалась незамеченной в «верхах». Свидетельство тому — его награждение орденом Святой Анны 1-й степени в 1906 г. и производство в генерал-лейтенанты «за отличие по службе», без предварительного представления, лично Государем Императором Николаем II 30 октября 1908 г. Доклад о реорганизации учебы в Академии был принят за основу, но завершить его реальное осуществление помешала начавшаяся война.

2. На пороге новой войны. Начальник штаба Киевского военного округа. Стратегическое планирование будущих операций. 1908—1914 гг.

30 августа 1908 г. Алексеев был назначен начальником штаба Киевского военного округа, имевшего важное стратегическое значение. Командовал округом будущий военный министр генерал от кавалерии В.Л. Сухомлинов. Это было первое их знакомство, хотя в Киев и в Киевский военный округ Михаил Васильевич приезжал и раньше, во время инспекторских поездок Генштаба. В случае начала военных действий Алексеев становился начальником штаба Юго-Западного фронта, а части, дислоцированные в округе, обязаны были принять на себя первый удар потенциального противника — армии Австро-Венгрии. Им же, этим частям, в свою очередь, предстояло нанести ответный удар в Прикарпатье, Галицкую Русь и — при успешном прорыве австро-венгерских позиций — наступать на Венгерскую равнину, к Будапешту, и далее — на Прагу и Вену Перспектива вероятной войны, связанная с т.н. «Боснийским кризисом» (аннексией Автстро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г.), требовала от командования округа и воинских частей особой боевой подготовки и высокой бдительности.

Сохранились интересные свидетельства директора Департамента полиции, будущего товарища министра внутренних дел П.Г Курлова. В них он давал психологическую характеристику генерала (хотя и не вполне точно хронологически и по названиям должностей): Алексеев «…во время управления моего Киевской губернией состоял генерал-квартирмейстером Киевского военного округа (на самом деле — начальником штаба. — *В. Ц.),* славился как выдающийся работник и знаток своего дела, благодаря чему пользовался полным доверием и уважением командовавшего войсками округа генерала Сухомлинова. На посту военного министра генерал Сухомлинов пожелал привлечь М.В. Алексеева для совместной работы в качестве начальника Генерального штаба. Скромный по природе генерал Алексеев отказался оставить свое место в Киеве и перенестись в водоворот петербургских интриг. Впоследствии он занял место начальника штаба Киевского военного округа при генерал-адъютанте Н.И. Иванове (уже в 1914 г. — *В.Ц.),* с которым в том же звании и

вступил в войну. Блестящие операции в Галиции выдвинули его в Главнокомандующие армиями Северо-Западного фронта, а засим и на пост начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Алексеев подкупал простотой своего обращения и крайне серьезным отношением к каждому вопросу, с которым к нему обращались. Когда чрезмерные труды подорвали его здоровье и он вынужден был уехать лечиться, его заместил генерал В.И. Гурко (в ноябре 1916 г. — В.Ц.)»[17].

В Европе обстановка постепенно осложнялась. Уже нельзя было исключать довольно близкой перспективы начала широкомасштабных военных действий. И откуда будет «исходить угроза миру» — с Балканского полуострова, этой «пороховой бочки» Европейского континента, или от многократно оспариваемой франко-германской границы в Эльзасе и Лотарингии, — было принципиально не так уж и важно. Важным становилось другое — неизбежность участия в будущей войне Российской империи. Не признавать этого, считать, что военные бедствия обойдут Россию стороной — становилось серьезным и опасным заблуждением.

Разумеется генерал Алексеев, как один из ведущих сотрудников ГУГШ, не мог оставаться в стороне от обсуждения стратегических перспектив участия России в будущей европейской войне. И хотя в его непосредственные должностные обязанности не входило военное планирование, известно, что Михаил Васильевич неоднократно передавал свои теоретические разработки генералу Сухомлинову Даже после перевода на другую должность Алексеев участвовал в совещаниях окружных начальников штабов, и к его мнению прислушивались. На случай предполагаемого наступления в Галиции Алексеевым был намечен план оперативно-стратегического развертывания войск округа.

Существовавшие на тот момент планы не ставили задачу четкого определения инициатора нанесения первого удара по России — будет ли это Германская или Австро-Венгерская империи. Основой для разработок стратегического развертывания боевых операций против армий Тройственного союза стали планы, разрабатывавшиеся еще 1870—1890-е гг. автором военной реформы Александра II, тогдашним военным министром генерал-фельдмаршалом Д.Л. Милютиным и его ближайшим сотрудником, начальником Главного штаба генералом от инфантерии Н.Н. Обручевым.

Как отмечал видный военный теоретик, генерал-лейтенант Н.Н. Головин, «сущность “милютинских” идей заключалась в стремлении использовать с активными целями выступ, который

образовала на нашей западной границе территория Польши (Варшавский военный округ). Наши армии, сосредоточенные на этом т.н. “Передовом театре”, имели возможность нанести удары во фланг неприятельским войскам, собранным в Галиции и в Восточной Пруссии, отрезывая их от главнейших сообщений с тылом. Вместе с тем наши армии, сосредоточенные на передовом театре, находились на кратчайших путях на Берлин и Вену, а это сильно облегчало нам захват в свои руки инициативы действий тотчас но окончании стратегического развертывания. Стратегическое развертывание на передовом театре позволяло также использовать выгоды стратегического центрального положения (действия по внутренним операционным линиям), сосредотачивая максимум сил для нанесения решительного удара на одном из фронтов и оставив для временной обороны минимум сил на другом.

Стратегические преимущества развертывания на передовом театре усиливались но мере выдвижения этого развертывания на запад. Для обеспечения этого развертывания на передовом театре, Милютин и Обручев создают глубоко продуманную систему крепостей. Существенную роль в этой системе имела крепость Ивангород при впадении р. Веережа в р. Вислу. Эта крепость давала устойчивость правому флангу фронта развертывающегося против Австро-Венгрии и вместе с тем обеспечивала за нами маневрирование на обоих берегах Вислы.

Столь же продумана была и дислокация войск; для ускорения нашей боевой готовности на передовом театре, значительная часть наших войск была в мирное время расквартирована в Варшавском военном округе».

Очевидным также было то, что Российская империя не начнет войну первой, не станет агрессором. Русские войска проведут активную оборону и затем смогут перейти в наступление. В начале столетия стратегическое планирование исходило из вероятности ведения войны против Австро-Венгрии и Германии одновременно.

Первым проектом будущего стратегического планирования, разработанным непосредственно Алексеевым, стал написанный еще в сентябре 1906 г. (в соавторстве с полковником С.К. Добророльским) служебный доклад, отмечавший неизбежность будущего столкновения России с Германией, являвшейся «душой и связующим звеном коалиции» — Тройственного союза. Написанный, во многом под впечатлением неудач в Русско-японской войне, доклад исходил из возможности сугубо оборонительных действий в Польше — Привислснском крае, с перспективой возможного перенесения военных действий и в

Восточную Пруссию.

Но сам Алексеев склонялся к нанесению главного удара по Австро-Венгрии, для чего следовало сосредоточить все силы Киевского и Одесского округов на границе, и, если противник, воспользовавшись незавершенностью мобилизационного развертывания, начнет наступление на российскую территорию, то нанести ему сильный контрудар, перенося военные действия на территорию Галиции и Буковины.

Что же касается опасного для российского фронта «польского выступа» или «передового театра» (линия западных границ Империи, благодаря включению в се состав Герцогства Варшавского, «охватывалась» с севера и юга враждебными границами Германии и Австро-Венгрии), грозившего в случае неблагоприятного хода войны стать «польским мешком», то здесь Алексеев, повторяя стратегические замыслы Милютина и Обручева, предполагал опереться на прочный оборонительный рубеж из крепостей. Следует отметить, что Алексеев не считал непременным условием будущей войны оставление Полыни противнику, а напротив, допускал возможность удержания «выступа». Ведь опираясь на него, можно было наносить контрудары но наступавшим австро-немецким войскам. Несколько рядов крепостных «линий» (Двинск — Ковно — Гродно на северо-западе и Луцк — Кременец — Ровно на юго-западе) должны были не допустить возможного прорыва немецко-австрийских войск и их соединения в тылу русских армий. А гарантированную защиту от войск противника призван был обеспечить дальний оборонительный рубеж в Полесье, по Днепру, Березине и Западной Двине. Именно поэтому особое внимание следовало обратить на поддержание в должном, боеспособном состоянии крепостей «передового театра». Следующая после 1906 г. докладная записка Алексеева касалась главным образом именно этой, «военно-инженерной», стороны стратегии. Примечательно, что с 4 мая по 30 августа 1908 г. Михаил Васильевич занимал должность постоянного члена Главного крепостного комитета.

Уже в эмиграции военный исследователь генерал-лейтенант П.П. Ставицкий свидетельствовал: «После Японской войны у нас начался пересмотр планов будущей войны, и в связи с этим вновь был поднят вопрос о западных крепостях… В этой области заслуживает внимания записка генерала Алексеева 1908 года. По тому плану операций, который намечался в этой записке, необходимо было прочно закрепить линию по Висле, чему вполне отвечали (по положению своему, но не по степени готовности) наши старые крепости Новогеоргиевск, Варшава, Ивангород;

затем — для обеспечения тыла передового театра — Брест-Литовск, тоже старая крепость.

Линия но Неману должна была, по мысли генерала Алексеева, иметь крепости в Ковно и Гродно и сильный тет-де-пон у Олиты, так как этому рубежу придавалось значите нашей главной оборонительной линии; намечалось в записке и закрепление более глубоких пунктов, по линии Западной Двины, Березины и Днепра — в Двинске и Бобруйске, то есть тоже в местах наших старых, к тому времени уже упраздненных крепостей. Как мы видим, и такому плану отвечала задуманная три четверти века назад система наших западных крепостей.

Но плану операций генерала Алексеева следовало кроме того укрепить заблаговременно подходящий пункт в районе Смоленск — Витебск — Орша, и против австрийского фронта — Луцк и Дубноровснский район, как это и ранее у нас предполагалось». При этом, однако, Ставицкий отмстил, что «все эти предположения остались на бумаге, и ни к постройке новых крепостей, ни к капитальному переустройству существующих у нас так и не приступили».

Нужно отмстить, что план использования «крепостных линий» сформировался не только на основе сугубо топографического анализа предполагаемого театра военных действий. В августе—сентябре 1907 г. Алексеев участвовал в инспекторской поездке, проведенной по инициативе начальника Академии Генштаба генерала Палицына. Судя но письмам, отправленным супруге, особенное значение во время поездки уделялось именно обследованию западной границы. Под руководством Палицына «происходили постоянные полевые поездки и военные игры во всех приграничных военных округах: Виленском, Варшавском, Киевском и даже Одесском. Изучалась местность, пути сообщения, шла тренировка войск и командного состава к возможному, уже тогда намечавшемуся, столкновению с Германией и Австрией».

Также были проведены обследования укрепленных позиций Новогеоргиевска. Но если сомнений в надежности основной линии укреплений, в общем, не возникало, то в отношении прикрывающих подступы к крепости позиций Алексеевым высказывались большие сомнения: «Переезжаем… в Зегрж… Несмотря на 27 только верст, отделяющих нас от Новогеоргиевска, до сих нор не установлено никакого сообщения… Зегрж летом — это дача… с фруктовым садом. Построены укрепления на месте имения одного из Радзивиллов. Имение обращено в дачу Командующего войсками. Хорошо устроены и все чины штаба. Но зато зимою, говорят, положение

волчье…»

В докладной записке, составленной на основе имеющихся у генерала сведений и личных наблюдений, отмечалась важность крепостной линии по реке Висле и ее правым притокам, в частности по Бугу. Особое значение в этом плане приобретала Брестская крепость, занимавшая центральное положение в передовом рубеже. На нее опирались и центр предполагаемого фронта, и его фланги. Прикрываясь крепостной линией, можно было дождаться сосредоточения мобилизуемых сил, а затем перейти в контрнаступление. Перечисленные выше крепостные линии должны были модернизироваться. Самым «дальним» укрепленным районом становилась линия, опиравшаяся на треугольник Смоленск — Витебск — Орша. Этот рубеж прикрывал уже дорогу на Москву. На юге рубеж обороны и развертывания войск, по замыслу Алексеева, должен был опираться на укрепленный район Луцк — Кременец — Ровно, центром которого становилась крепость Ровно. Следовало также укреплять Киев — не только как центр округа, но и как «третью столицу», прикрывавшую путь на Москву с юга. Балтийское море и рубеж реки Западная Двина прикрывали дорогу к Санкт-Петербургу. Абосская и Моонзундская позиции должны были прикрывать подступы в Финский залив.

Правда, в отношении крепостей позиция военного ведомства изменилась непосредственно накануне войны. Как отмечалось позднее, «было принято во внимание, что крепость только тогда имеет боевую ценность, когда она отвечает современным требованиям, иначе она становится легкой добычей противника. Содержание многочисленных крепостей в надлежащем состоянии являлось тяжким бременем для государственного бюджета. Исходя из этого, было решено упразднить крепости Варшаву, Ивангород, Зегрж и укрепления Пултуска, Рожан и Ломжи; сохранились Брест, Осовец и Ковно; вновь построена крепость в Гродно (на Немане)».

Несомненно, важное значение имело и развитие железнодорожной сети. Пропускная способность железных дорог в Привислинском крае не была настолько высокой, чтобы беспрепятственно обеспечить подвоз подкреплений из Центра России и переброску сил с одного фронта на другой. Поэтому добиться ожидаемых целей можно было бы только путем чрезвычайного напряжения всего подвижного состава, всех рокадных линий и магистралей. Алексеев отнюдь не отрицал важности железнодорожного строительства, однако высказывал сомнения в его оперативности и готовности к моменту начала войны. Не следовало, как считал Алексеев, забывать и о

потенциально возможном Кавказском фронте, где предстояло столкнуться с Османской империей. Здесь железная дорога Тифлис — Каре — Эривань призвана была стать главной артерией по укреплению войск подкреплениями из тыла, по снабжению войск боеприпасами и продовольствием.

22 августа 1908 г. Алексеевым, теперь уже совместно с генералом Палицыным, был составлен «Доклад о мероприятиях но обороне государства, подлежащих осуществлению в ближайшее десятилетие», основанный уже на признании приоритета Юго-Западного («австро-венгерского») направления перед Северо-Западным («германским»). А 17 декабря того же года им была составлена служебная записка военному министру о стратегическом планировании (намечавшаяся в качестве основы для составления очередного, 19-го, мобилизационного расписания), в которой определенно говорилось о необходимости конкретизации выбора будущих боевых направлений.

Анализируя ее содержание, нельзя не обратить внимание на присущую Михаилу Васильевичу четкость и практичность, логическую последовательность в обосновании потенциально опасных участков западной границы. В начале записки Алексеев отмечает наиболее характерный недостаток предшествующего (18-го) мобилизационного расписания, исходящего из вероятности возникновения военных конфликтов едва ли не по всей протяженности границ Империи: «…стремление все прикрыть и везде оставить войска, и притом не только второлинейные, резервные, но и полевые. Так, один корпус оставлен в Петербургском районе, другой в Рижском, третий в Бессарабском». Это рассредоточение сил не избавляет, как отмечал Алексеев, от необходимости переброски подразделений против «неожиданно» возникающих опасностей. «…Одна лишь возможность десанта со стороны германцев заставила нас ослабить свои силы на решительном театре на западной сухопутной границе — на два армейских корпуса и на шесть резервных дивизий. Равным образом предположение, что Румыния должна объявить нам войну одновременно с Германией и Австро-Венгрией, побудило существенно ослабить войска на австрийской границе образованием сильной группы против Румынии».

На смену рассредоточению должно прийти сосредоточение, убеждал Алексеев. «В интересах достижения успеха на главном театре действий нужно ставить на подобающее место заботы о второстепенных театрах. Какие успехи ни были бы одержаны нами в Бессарабии, на Балтийском побережье, но они не облегчат нашего положения, если армии наши будут разбиты на западном

фронте».

Примечательно, что Алексеев выделяет важность дипломатической работы, призванной нейтрализовать потенциально опасных противников России и подкрепить усилия военных по укреплению боеспособности армий на тех участках, где война неизбежна. «Заботы о прикрытии всех наших окраин мы распространяем и далее, совершенно исключая работу дипломатии. Мы оставляем на местах все войска Кавказского, Туркестанского, Иркутского и Приамурского округов. Вести одновременно борьбу с общей коалицией все равно невозможно. Между тем, только одно предположение о возможности враждебных действий со стороны Турции, Англии (со стороны Индии), Китая и Японии заставляло нас исключить из боевого расписания для западного фронта все войска наших азиатских округов.

Нельзя согласиться с таким решением. И эти округа нужно рассматривать, как второстепенные театры, и тянуть из них все, что возможно, на западную границу». Уже в 1915 г. Алексеев значительное внимание будет уделять вопросам дипломатической нейтрализации Швеции, вступление которой в войну на стороне Германии привело бы к осложнению Балтийского театра военных действий.

Вывод из вышеизложенного был ясен: «…при составлении боевого расписания № 19 нужно принять за основание: увеличить в пределах возможного количество наших сил за счет окраин и второстепенных театров».

Итак, вполне в духе «милютинских идей», главными признавались оперативные направления «передового театра», «польского выступа». Для их усиления требовалось усилить Западный фронт за счет корпусов, перевезенных из Петербугского округа, из под Риги и из Бессарабии. «…Все наши европейские полевые корпуса должны быть собраны туда, где решится участь войны». Все кадровые силы следовало, по мнению Алексеева, сосредоточить против Германии и Австро-Венгрии, тогда как на Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке можно было бы ограничиться «резервными войсками» и запасными батальонами. «…Ополчение и должно принять на себя охрану окраин, а полевые войска оттуда постепенно должны быть привлекаемы на театр войны или послужить прочным кадром для новых формирований».

Туркестанские и сибирские корпуса следовало держать наготове для возможной переброски на запад. С учетом неизбежной, в силу обширных территорий Империи, длительности мобилизаций и перевозок, полное развертывание

всех кадровых сил могло завершиться спустя два-три месяца после начала военных действий.

Но на этом планы Алексеева не останавливались. Развивая положения планов Милютина и Обручева применительно к новым условиям боевых операций, генерал считал неизбежным создание сильного резерва, способного действовать, в зависимости от складывающейся обстановки, на том или ином участке фронта. Полной уверенности в том, кто именно из двух потенциально опасных противников России (Германия или Австро-Венгрия) сосредоточит против нее свои главные силы и развернет широкомасштабные боевые операции, не было. «…Необходимо иметь в виду, что политическая обстановка может поставить нас лицом к лицу не против коалиции, а против только одной из держав. Хотя железнодорожная наша сеть и не отличается гибкостью, приспособленностью к переходу к изменениям в плане сосредоточения, но, считаясь с этим качеством, нужно так направить войска, чтобы они могли быть в большей своей части употребляемы против того или другого из противников».

И все же приоритетным для Алексеева являлось юго-западное направление. «Когда мы, сосредоточив все свои силы, будем считать возможным нанести удар, то, казалось бы, выгоднее направить усилие против Австрии. Здесь более определенная обстановка: мы в точности почти будем знать противопоставленные нам силы, район их сосредоточения, театр борьбы (первоначально Галиция) менее подготовлен в инженерном отношении и представляет противнику менее выгод при обороне».

Что касается Германии, то, не отказываясь от планов боевых Операций против наиболее сильной и подготовленной страны Тройственного союза, Алексеев был уверен в том, что перспективы российского-германского противоборства гораздо меньшие, чем перспективы удара против Австро-Венгрии. «Нанося удар против Германии, мы втянемся в долгую и — надо опасаться — бесплодную борьбу в Восточной Пруссии. Германцы немало потрудились над подготовкой этого выгодного для них района в оборонительном отношении, не упуская из вида обратить его и в базу для наступательных действий. Решительных результатов в борьбе против Германии мы можем достигнуть, лишь перенеся свои действия на левый берег Вислы», — писал он в записке.

Общий вывод из обозначенных предположений был таков: «Использовать в мере возможности все железнодорожные линии, ведущие к границе, в интересах ускорения подвоза; наметить так районы первоначального развертывания, чтобы Главнокомандующий имел возможность направить главную массу

своих сил против одного из противников, оставляя против другого обеспечивающий заслон. При такой первоначальной группировке не придется переделывать плана перевозок в том случае, если нам нужно будет вести войну не с коалицией, а с Германией или Австро-Венгрией в отдельности; распределить войска для перевозки по железнодорожным линиям таким образом, чтобы, в зависимости от обстановки, можно было прерывать составленные маршруты и развертывать армии дальше от границы».

Следуя данному плану, Алексеев предлагал развернуть против Германии шесть корпусов из состава Петербургского и Виленского округов, а против Австро-Венгрии — семь корпусов, сформированных в Киевском и Одесском округах. Между ними, прикрывая центральное направление, следовало расположить десять корпусов, сформированных в Варшавском, Виленском и Московском округах. Составляя мобильный резерв, они, в зависимости от складывающейся боевой обстановки, могли быть использованы как против Германии, так и против Австро-Венгрии. Так же как и перевозимые из Сибири и из Туркестана корпуса могли пойти на усиление или «германского», или «австро-венгерского» направлений, или обоих сразу. Крепостной «район», который, по мнению Алексеева, следовало обеспечить всем необходимым, состоял из Новогеоргиевска, Ивангорода, Варшавы и Зегржа. Исходя из этого, следовало: как можно быстрее принять новое мобилизационное расписание, четко обозначить полномочия высшего командного состава и особое внимание уделить модернизации железнодорожной сети, ориентированной на западные рубежи Империи. «Общее содержание директив, — заканчивал служебную записку Алексеев, — даст направление подготовительным работам в округах. Отсутствие указаний на необходимость перехода в наступление повело к тому, что этот вопрос не получает сколько-нибудь основательного освещения. Нет изучения путей, соображений о порядке подвоза, устройства переносных железных дорог, этапов и т.д. Данная о цели действий по сосредоточении сил должна быть включена в директивы, дабы служить основой для разработки».

Итак, характерной чертой предвоенных планов, мобилизационных расписаний в России оставалось стремление удержать под контролем оба направления — как «германское», так и «австрийское». Споры о приоритетности того или другого можно было бы рассмотреть также через «призму» геополитических интересов, в соответствии с которыми удар в юго-западном направлении, на Балканы, способствовал бы решению задач, связанных с «освобождением славянства от ига

Габсбургской монархии», а удар на Германию диктовался, прежде всего, важностью соблюдения «союзнических обязательств» перед Антантой. Однако эти обстоятельства влияли на то, что варианты приоритетных ударов периодически менялись. Так, уже в конце 1910 г. преимущество главного удара снова передавалось «германскому направлению». Ввиду этого близ российско-германских границ в Восточной Пруссии разворачивалось 19 армейских корпусов (тогда как Алексеев предлагал действовать только по левобережью Вислы), а против австрийцев предполагалось направить только 9.

Несмотря на «перевод» Алексеева из столицы в Киевский округ, планы, разработанные им в годы работы в Генштабе, в последующем были обобщены и развернуты в служебном докладе «Общий план военных действий», сделанном 17 февраля 1912 г. во время работы специально созванного в Москве совещания генерал-квартирмейстеров и начальников штабов военных округов. Здесь Михаилу Васильевичу потребовалось составить проект операций уже в масштабах практически всей западной границы Империи. В нем Алексеев критически оценивал официальные планы, принятые в 1910 г. генералом Сухомлиновым, ставшим уже военным министром. В этих планах стратегическое развертывание будущей войны основывалось на военной конвенции, заключенной в качестве основного документа Франко-русского союза 1892 г. Поэтому в «министерских» проектах, исходя прежде всего из соображений «союзнического долга» перед Францией, подчеркивалась необходимость нанесения сильного удара по Германии. В то же время, учитывая, что состоявшая в военном союзе с Германией Австро-Венгрия выступит против России, юго-западное направление продолжало считаться не менее важным, и игнорировать возможность нанесения удара здесь было недопустимо.

Алексеев, выражая принципиальную позицию штаба Киевского военного округа и стремясь сохранить избранные еще в «милютинском» и «обручевском» планах приоритеты стратегического планирования, исходил все же из того, что «в первый период войны России следует наносить главный удар Австро-Венгрии, назначая для этого возможно большие силы, и предлагал, наоборот — сосредоточить против Германии 6 корпусов (в районе Гродно — Белосток), а против Австро-Венгрии 22 корпуса».

С точки зрения выгод наступательных действий, Алексеев не придавал большого значения операциям против Германии. Как отмечалось выше, он еще в 1908 г. опасался втягивания русских армий «в долгую — и надо опасаться — бесплодную борьбу в

Восточной Пруссии». Бои здесь не могли привести к решительным результатам и вывести Германию из войны, напротив, используя постоянно модернизируемые, в преддверии начала военных действий, укрепленные позиции, немецкое командование рассчитывало либо на затяжные бои, связанные со штурмом восточнопрусских крепостей и замков, либо на удары во фланг и тыл наступающим на Берлин русским армиям.

Алексеевым приводился также анализ геополитических перспектив. В докладе говорилось о возможном отказе Италии от своих обязательств по Тройственному союзу и о намерениях Германии нанести решающий удар по Франции, а не по России: «Италия втянулась в колониальную войну (имелась в виду итало-турецкая война в Северной Африке. — *В.Ц.),* которая отвлекает и силы, и средства. Рассчитывать но одному этому, что она останется деятельным членом Тройственного союза и серьезной угрозой Франции — нельзя. Характер отношений между Австрией и Италией таков, что рассчитывать на очищение итальянцами своей австрийской границы от войск, с целью сосредоточить их против Франции, не приходится. Отношения между Германией и Англией таковы, что Германия должна серьезно учитывать вероятность вступления Англии в активную борьбу. При таких условиях, нет никаких оснований считать, что в начальный период войны Германия выставит свои главные силы против нас, оставив на западной границе только заслон».

На основании этих доводов Алексеев предлагал сосредоточиться не столько на борьбе с Германией (в чем, в частности, был уверен генерал-квартирмейстер ГУГШ Ю.Н. Данилов), сколько на перенесении «акцента» в стратегическом плане с Восточнопрусского на Галицийский театр военных действий, что, по его мнению, являлось вполне оправданным. В этом своем решении Алексеев получил поддержку со стороны начальника штаба Варшавского военного округа генерал-лейтенанта Н.А. Клюева, также уверенного в первостепенной важности Юго-Западного фронта. Что же касается Австро-Венгрии, то в ее интересах, по убеждению Алексеева, — захватить инициативу на Восточном фронте, попытаться предупредить развертывание сил русской армии. Кроме того, австрийское командование будет стремиться подорвать ближайший русский тыл, используя антирусские настроения местных сепаратистов и поддерживая идеи «самостийной Украины». В свою очередь, российское командование должно в своих интересах использовать очевидное стремление славянских народов, находящихся в составе Империи Габсбургов, к обретению национальной независимости. «Австрия, — отмечал Алексеев, — бесспорно

представляется нашим основным врагом; но количеству выставляемых сил она же будет опаснейшим противником. Успехи, одержанные против Австрии, обещают нам наиболее ценные результаты; сюда, казалось бы, и следует решительно, без колебаний, направить наши войска». Последующие события подтвердили правильность данных прогнозов.

Принимая использованные генералом Клюевым определения («армии германского фронта» (1-я, 2-я и 4-я) и «армии австрийского фронта (3-я и 5-я)), Алексеев предложил детальный план действий на начальный период войны. Он исходил из того неоспоримого преимущества австро-венгерской и немецкой армий, что в силу близости к границам и более развитой железнодорожной сети их сосредоточение и развертывание произойдет раньше русской армии. Следовательно, и наступательные действия австро-германцев неизбежно начнутся раньше.

Реп1ая стратегические задачи «за противника», Алексеев весьма точно предположил направления ударов австро-венгерской армии: «1-й и 4-й разбить русские войска, не выпуская их, по возможности, из Передового театра, отрезать от путей на Москву… 2-я и 3-я армии должны развить крайнюю энергию маневрирования. При этом 3-я армия будет иметь целью захват железнодорожного узла Ровно и течения реки Горыни на участке Александрия — Изяслав с поражением русских войск, не выпуская их, по возможности, из этого района. 2-я армия должна сковать свободу действий русских войск Проскуровского района».

Наш Юго-Западный фронт должен «свое первоначальное развертывание подчинить соображениям задержания противника до сбора главных сил». Исходя из этого русские 4-я и 5-я армии должны были «до сбора войск армий для перехода в наступление задержать австрийцев на путях к Бресту и особенно в обход этой крепости с востока. Во всяком случае армии должны сохранить в своих руках Брест — Кобрин — Пружанский и Пинский районы, 4-я армия задерживает в полосе между Вислой и Бугом; 5-я между Бугом и Стоходом, удержание Ивангорода имеет важное значение, так как он запирает единственный сквозной железнодорожный путь для австрийцев, наступающих к Бресту. При крайней необходимости оставить Ивангород, переправы через Вислу должны быть уничтожены… До сбора сил, необходимых для перехода в наступление и атаки 2-й и 3-й австрийских армий, 3-я русская армия обязуется сохранить в своих руках Ровненский железнодорожный узел и линии железных дорог Казатин — Ровно и Жмеринка — Проскуров». Нельзя было также допустить прорыва противника через

железнодорожную линию Люблин — Холм.

Отразив наступление австро-венгерской армии, русские войска должны были перейти в контрнаступление, которое было запланировано Алексеевым следующим образом: «…нанести поражение австрийским армиям в пределах Галиции, принимая при этом возможные меры к тому, чтобы не дать способов значительным силам противника отойти на юг за оборонительную линию Днестра, а на запад к Кракову». Соответственно, 4-я армия должна была «наступать на фронт Ряшев — Перемышль, стремясь отбросить противника к стороне Перемышля, т.е. от важнейших путей через Карпаты и обеспечить правое крыло армий со стороны Кракова». 5-я армия наступала бы «на фронт Перемышль — Львов, приковывая к себе возможно большие силы противника», а 3-я армия призвана была «нанести поражение 2-й и 3-й австрийским армиям, не давая, по возможности, им полностью или значительной частью своих сил отойти за оборонительную линию Днестра. Общее направление операции 3-й армии — на Львов. При этом части формируемой 2-й армии должны были предотвратить соединение немецкой и австро-венгерской армий в районе Варшавы.

Правда, по приблизительным расчетам, 3-я армия могла быть готова к наступлению лишь к 22-му дню мобилизации, после того как к ней подошли бы пополнения и тыловые учреждения, а 4-я армия — к 30-му дню мобилизации. До этого времени, как отмечалось выше, должны были проходить оборонительные операции. Именно это обстоятельство привело к критике плана Алексеева со стороны его бывших сотрудников но ГУГШ. Не отрицая принципиальной возможности отражения наступления австро-венгерской армии и нанесения ответных ударов, ГУГШ предлагало перенести линию стратегического развертывания гораздо дальше линии Вислы, начиная от Брест-Литовска и границ Киевского военного округа. В этом случае не исключалось, что Привислинский край и Варшавский округ могли быть заняты противником.

Но концепция Алексеева была более убедительной, и она повлияла в конечном счете на корректировку первоначального плана военных действий. Спустя месяц после московского совещания, 15 марта 1912 г. Алексеев представил на «Высочайшее утверждение» подробный план первоначальных действий Юго-Западного фронта.

Учитывая тем не менее что численность предназначаемых для операции сил русской армии может быть сокращена, Алексеев рассчитывал не на полное окружение австро-венгерских войск, а на нанесение им сильного флангового удара, который

привел бы к ощутимому поражению противника и, в перспективе, — к прорыву русских войск через Карпаты. Пользуясь популярной аналогией из истории военного искусства, это должны были быть «Лсвктры, а не Канны». По оценке генерала Головина, «Алексеев, с присущим ему практическим чутьем в стратегии, в первую же стадию разработки операций Юго-Западного фронта почувствовал неисполнимость общего задания при ограниченных ГУГШ средствах. Для того, чтобы все-таки исполнить но существу главное требование, предъявляемое Юго-Западному фронту — нанести решительное поражение Австро-Венграм в Галиции, — он и собирает на своем правом фланге кулак, который должен бить по самому чувствительному для Австро-Венгров, в стратегическом отношении, левому флангу».

1 мая 1912 г. мобилизационное расписание получило Высочайшее утверждение. Но говорить об окончательном формировании российской военной стратегии еще не приходилось. Обсуждение продолжалось на уровне окружных штабов. 8 ноября 1912 г. под председательством Алексеева состоялось окружное совещание, в котором принимали участие начальники штабов Киевского, Казанского и Московского военных округов. Силами этих округов предполагалось развертывание 4-й (основа — Казанский округ), 5-й (Московский округ), 3-й (Киевский округ) и 8-й армий (Киевский округ). Рекомендации, выработанные на совещании, были учтены в составленных ГУГШ «Основных Соображениях на 1913 г.». Предварительный вариант был таков. Поскольку 4-я и 5-я армии должны были сосредоточиваться на линии фронта после проведенных мобилизаций тыловых округов, то их задача сводилась к нанесению сильного флангового удара на Галицию (данные армии предполагалось расположить на левом крыле Варшавского военного округа), в то время как 8-я и 3-я армии должны были удерживать австро-венгерскую армию от попытки прорыва на киевском направлении.

В случае же перенесения тяжести главного удара на Германию армии, сформированные в тыловых округах (в частности, 4-я армия), могли переориентироваться на удар во фланг немецких войск через Варшаву к Плоцку вдоль левого берега Вислы. В любом случае Алексеев считал необходимым условием сосредоточение резервов, создание «ударных кулаков» как для отражения наступления противника, так и для перехода в контрнаступление. Примечательно, что данное совещание не было санкционировано Военным министерством и, по существу, носило частный характер. Михаил Васильевич присутствовал на нем лишь в качестве консультанта, однако мнения, высказанные

во время его работы, оказали влияние на корректировку планов ГУГШ.

В завершение рассмотрения планов Алексеева уместно привести их оценку авторитетным военным историком А.М. Зайончковским. Он считал, что предложенный на совещании окружных начальников штабов доклад «есть первый появившийся… документ, где действия нескольких армий, разбросанных на большой территории, рассматривались не как взаимодействие отдельных организмов, а как части одного общего целого, исполняющие одну операцию. Благодаря этому, Алексеев, правильно или неправильно, это уже другое дело, не ограничивался только постановкой армиям определенных стратегических задач, а детализировал их, весьма часто прибегая к указанию и средств их выполнения. Он намечает им ту линию, на которой необходимо принять бой, дает при наступлении определенные задачи взаимодействия и, как редкий случай, предвидит занятие выгодного исходного положения (скорейший выход 5-й армии на Сан) для дальнейшей операции. Но в работе Алексеева замечается и другая… отрицательная особенность. Это чрезмерная громоздкость поставленных задач, то расписание их на длительный период и та детализация (атаковать на путях движения австрийские войска), которые излишне стесняют самостоятельность исполнителя и могут поставить его при вечно меняющейся обстановке в недоуменное положение. В работе Алексеева видна и вся идея Галицийской операции, которая, впрочем, не воплотилась в жизнь. Выдвижением вперед сильного кулака из 5-й и северной группы 3-й армии он хотел рвать центр стратегического фронта австрийцев и этим помогать слабым флангам. Операция, как известно, разыгралась иначе…»

Тем не менее нельзя не отметить очень важной черты полководческого искусства, проявившейся у Алексеева достаточно четко, — способности предвидеть, предчувствовать, предугадывать возможные действия своих противников и разрабатывать принципиально верные контрдействия.

В результате общая концепция военно-стратегического планирования воплотилась в весьма смелой, но неоднозначно оцениваемой идее. В 1913-й, в последний предвоенный год, Российская империя вступала с новым мобилизационным расписанием, 19-м по счету, согласно которому предполагалось нанесение ударов и против Германии (вариант «Г»), и против Австро-Венгрии (вариант «А»). Ни Данилов, ни Алексеев, ни тем более Сухомлинов не оспаривали правильности этого плана в то время. 20-е, призванное стать итоговым, мобилизационное расписание так и не было разработано.

По мнению ряда современных исследователей подобная подготовка к нанесению двух ударов (гнаться «за двумя зайцами») по расходящимся направлениям была неоправданна, опасна и безрассудна (обоснование этого тезиса дано, в частности, в статье американского ученого Б. Меннинга «Фрагменты одной загадки: Ю.Н. Данилов и М.В. Алексеев в русском военном планировании в период, предшествующий Первой мировой войне // Последняя война Императорской России: сборник статей под редакцией О.Р. Айрапетова. М., 2000. С. 65—91.). Тем не менее, существо 19-го расписания отнюдь не правомерно считать авантюрным. При оценке данных планов нужно исходить, прежде всего, не из современных представлений о правильности той или иной стратегии, а из тогдашних подходов в оценке противника и из самооценки русских военачальников. Наступление вполне могло бы проводиться и по двум направлениям, даже с учетом расходящихся ударов на Восточную Пруссию и Галицию.

Во-первых, линия развертывания русской армии позволяла оборонять «польский выступ» — Привисленский край. Попытки противника прорваться к Варшаве могли парироваться сильными фланговыми ударами армий Северо-Западного и Юго-Западного фронтов. При наличии сильного, хорошо обустроенного тыла, при развитой сети внутренних коммуникационных линий (а Привисленский край был лучше обеспечен железнодорожной сетью, в сравнении с другими европейскими регионами России) не составляло особого труда маневрировать в прифронтовой полосе и оперативно перебрасывать резервы из центра (Варшава, Брест-Литовск), где сосредотачивались армии из тыловых округов, на фланги, где могли происходить решающие сражения с немецко-австрийскими войсками.

Довольно оригинальным было предполагавшееся планом положение о постепенном вводе армий во фронтовые линии. Армии, составленные на основе приграничных округов и отмобилизованные в первоочередном порядке, постепенно усиливались подкреплениями, подводимыми из тыловых округов. Такое своеобразное, «волновое» введение в бой армий можно было бы считать не недостатком системы развертывания, заключавшемся в медленном сосредоточении вооруженных сил на границе, а, напротив, — преимуществом. Ведь это создавало дополнительное, стабильное давление на противника, позволяло, в случае необходимости, заменять несущие потери войска «передовой линии» свежими силами, подошедшими с Востока России (в частности, туркестанских и сибирских корпусов). Наличие достаточного числа резервов позволяло бы усиливать, опираясь на Варшавский железнодорожный узел и армии Северо-

Западного или Юго-Западного фронтов. После разгрома противника в пограничных сражениях операции переносились бы на «вражескую территорию» и «паровой каток» из русских армий начинал свой страшный для врага натиск «на Берлин и на Вену».

Но даже в случае прорыва немецко-австрийскими силами «польского коридора» пространства Литвы и Белоруссии позволяли бы русским войскам отступить и, используя рубежи крепостных линий, подготовиться к продолжению боевых операций, сосредоточить войска для нанесения новых ударов.

Во-вторых. В последние предвоенные годы очень многие государственные деятели России и военные весьма оптимистично оценивали военно-экономический потенциал России. «Мы готовы» — известное название интервью генерала Сухомлинова, данного им накануне войны, отражало не только уверенность военного министра, но и вполне соответствовало психологическим настроениям того времени. Принятые на вооружение и поставленные на массовое производство артиллерийские орудия, винтовки и пулеметы превосходили аналогичные образцы у армий противника. Началась модернизация флота. Да и утверждения о технической готовности армии, о подготовке мобилизованных пополнений, о возможностях российской промышленности представлялись вполне правдоподобными. Ведь налицо был мощный экономический подъем, по темпам роста отечественная экономика вышла на первое место в мире, интенсивно развивались металлургия и машиностроение. В 1911 — 1913 гг. высокие урожаи зерна обеспечивали продовольствием не только Россию, но и Европу. Демографические показатели (рождаемость, процент молодых поколений) показывали устойчиво благоприятную тенденцию еще со второй половины XIX столетия, поэтому, казалось бы, недостатка ни в новобранцах, ни в кадровом составе, ни в запасных мобилизованных быть не должно.

В-третьих. Обязательная взаимопомощь, тесное военное сотрудничество, военное содружество всех трех стран Антанты. И это, пожалуй, было важнейшим фактором, обусловливавшем уверенность в возможности удара русской армии и по Германии, и по Австро-Венгрии. В этом взаимодействии заключался залог стратегического успеха, при котором по Германии наносился удар с двух сторон. Перспектива одновременных тяжелых боев и на Западном, и на Восточном фронтах была бы гибельной для Империи Гогенцоллернов. Предстоящая война становилась войной союзов, и от правильно налаженного оперативно-стратегического управления войсками всех участников коалиции зависела в конечном итоге судьба войны.

Конечно, все эти три фактора будут во многом как опровергнуты, так и подтверждены предстоящими годами мировой войны. Как известно, начав успешное наступление в Восточной Пруссии и отразив наступление австро-венгерских войск на Юго-Западном фронте, русская армия потерпела поражение в боях против немецких войск и не смогла полностью разгромить австро-венгерские силы. Но в то же время русские войска успешно отразили все попытки немецких войск прорваться в глубь Польши. Осенние, 1914 г. Варшавско-Ивангородская и Лодзинская операции подтвердили правоту планов активной обороны, при которой принципиально важным становилось введение в бой войск из тыловых округов и отражение фланговых ударов немцев из Восточной Пруссии. А мощный контрудар от Варшавы только что прибывших на фронт сибирских стрелковых дивизий по праву мог бы стать примером высокого военного искусства. Заметно поредевшие на полях сражений полки и дивизии смогли получить необходимые людские пополнения новобранцами и запасными, хотя и уступавшие по степени боевой подготовки кадровым частям.

Безусловно, надежды на высокую техническую оснащенность, равно как и на мобилизационные ресурсы русской армии, оказались излишне оптимистичными, и уже в начале 1915 г. проявились грозные признаки предстоящего «снарядного голода» и «патронного голода», а кадровые ресурсы армии существенно истощались. Достаточно объективны в этом отношении оценки, даваемые в статье В. Хитрово «Артиллерия в Великую войну», опубликованной в 1939 г. в газете «Русский инвалид» в юбилейном номере памяти начала Второй Отечественной войны. «Ни одно из воюющих государств не имело — и не могло иметь — заготовленным в мирное время количества снарядов, в какой-либо мере отвечающего действительной потребности армии. Но для того, чтобы меры эти приняты был с первых же дней войны, нужно было отказаться от психоза войны скоротечной. Поскольку в августе 1914 г., во всех решительно странах господствовало убеждение, что война не может продолжаться годами, принятые с опозданием меры но мобилизации промышленности свелись к гонке в этой области, в которой России труднее всего было состязаться со своими противниками, и снарядный голод 1915 г. стал фатально неизбежен.

Вопрос питания снарядами наших 3-дюймовых полевых и горных пушек представляется в следующем виде. Исходя из опыта Русско-Японской войны, в течение которой израсходовано было по 720 выстрелов на орудие, в мирное время заготовлено было по 1000 выстрелов на орудие, причем считалось, что количества

этого должно хватить на год. Часть (428 выстрелов) составляла возимый запас, который находился в непосредственном распоряжении войсковых начальников, остальное же хранилось в разобранном виде в местных парках и должно было подаваться на фронт, по мере приведения в готовность. Подача снарядов из парков рассчитала была на год, в течение которого заводы должны были изготовлять новые 1000 снарядов на орудие, и таким образом считалось обеспеченным непрерывное питание артиллерии. Однако все эти расчеты были опрокинуты при столкновении с действительностью, и уже в начале сентября 1914 г. Ставка, основываясь на опыте Галицийской битвы, установила ежемесячную потребность армии в 1 500 000 снарядов; весной 1915 г. подняла ее до 1 750 000, а летом 1915 г. — до 3 000 000».

Но нельзя в то же время не отметить значительного экономического потенциала России, благодаря которому «голодные» проблемы удалось успешно преодолеть уже в 1916 г. Этот потенциал отечественной экономики был хорошо отмечен в статье авторитетного российского финансиста, профессора М.В. Бернацкого, опубликованной в том же, цитированном выше номере «Русского инвалида». «Я должен с особливой настойчивостью подчеркнуть тот факт, — писал Бернацкий, — что Россия вступила в войну, прервав для этого свою изумительную по мощности хозяйственную эволюцию. Уже с конца прошлого века Империя вступила в период интенсивного торгово-промышленного развития. Процесс этот лишь на короткое время был задержан неудачной Японской войной с тем, чтобы после достигнутого внешнего и внутреннего успокоения принять исключительно быстрый темп. Достаточно привести несколько ярких цифр. В конце прошлого столетия промышленная производительность России выражалась суммой в полтора миллиарда золотых рублей, в начале нынешнего — свыше 3,4 миллиарда, а в 1912 г. почти 5 миллиарда. Производство металлов учетверилось, железнодорожный грузооборот увеличился в три с половиной раза. Вклады в акционерных коммерческих банках возросли с 838 миллионов рублей на 1 января 1908 года до 2330 миллионов рублей на 1 января 1913 года. За одно десятилетие с 1904 по 1913 гг. количество денежных капиталов в империи увеличилось на одну треть (с 11,3 миллиарда рублей до 19). Соответственно росту народного хозяйства государственные финансы России показывают за это время прочное улучшение: государственный бюджет с 2 (приблизительно) миллиардов в конце девятнадцатого века возрос до трех с лишним миллиардов к началу войны (в 1913 г. — 3,382 миллиона). Перед японской войной накопилась

свободная наличность государственного казначейства в 381 миллион рублей; война ее поглотила, но засим резерв опять поднялся к 1913 г. до 514,2 миллиона рублей, которыми были покрыты первые расходы по мобилизации армии в 1914 г. Россия была, как принято говорить, “убога”, но вот у этой убогой страны мелкие сбережения в государственных сберегательных кассах к 1914 г. превысили два миллиарда золотых рублей.

Правда, диссонансом являлось неудовлетворительное состояние мелкого крестьянского хозяйства, принимавшее в некоторых районах острые формы. Имелись, однако, все основания рассчитывать, что с осуществлением Столыпинской реформы наша крестьянская жизнь вольется в нормальное русло.

Незадолго до войны группа немецких ученых с профессорами Зерингом и Лугагеном во главе посетила Россию, чтобы ознакомиться с первыми результатами реформы Столыпина; в посвященной этой поездке книге немцы признали наличность громадных успехов и пророчили России блестящее хозяйственное будущее, «если внешний мир не будет нарушен лет десять»… Может быть, поэтому мир и был нарушен!».

Наконец, расчеты на военное содружество стран Антанты оказались еще более завышенными по сравнению с переоценкой объема собственных военно-экономических ресурсов. Но была ли в этом вина России, се военного и политического руководства? И все-таки, благодаря поддержке союзников, на Восточном фронте были запланированы и частично осуществлены операции 1917 г. Однако рост «революционного брожения» на фронте и в тылу не позволил развивать их дальше.

Недостатки разного рода проявятся позже и станут заметны спустя долгие годы после окончания войны. В эмиграции, в советской военной науке, в современной историографии фактически утвердилось мнение об изначально порочной стратегии русской армии в 1914 г. Но, отмстим это еще раз, накануне войны в России редко кто сомневался в правильности избранного и «Высочайше утвержденного» военно-стратегического планирования. «Способности дерзать», к чему призывал своих коллег но окружному совещанию 1912 г. Алексеев, русское командование не утратило. Но ведь известно, что любой, даже самый совершенный, план достаточно условен и относителен, в нем просто невозможно предусмотреть всех «мелочей», роль которых при определенных обстоятельствах может оказаться решающей. Да и сами эти обстоятельства меняются подчас столь стремительно и неожиданно, что предусмотреть это наперед нереально. Последующие события Второй Отечественной войны это подтвердили.

Не отступал от официально утвержденных планов и Михаил Васильевич. Наоборот, генерал делал все от него зависящее, чтобы максимально подготовить Киевский округ к неизбежному военному столкновению.

На должности Начштаба округа Алексеев уделял внимание не только штабной работе и разработке военно-стратегических планов. Он энергично приступил к реализации мер, связанных с усилением боеготовности войск своего округа. По его инициативе были созданы офицерские стрелковые курсы для кандидатов на должности командиров роты. На этих курсах велись также занятия по тактике, активно осуществлялись «полевые выходы», осваивались новые приемы управления огнем стрелковой роты, в частности, связанные с применением пулеметов при атаках и в обороне. Маневры генерал объезжал на автомобиле, однако после серьезной аварии, произошедшей в 1911 г., отдавал предпочтение более «традиционным» средствам передвижения, пересев на молодую лошадь по кличке «Единица», бывшую с ним все последующие этапы службы, вплоть до Добровольческой армии{18}.

3. «Перевод в строй»: командование 13-м армейским корпусом, жизнь в Смоленске

Период 1908—1913 гг. не являлся для Михаила Васильевича безоблачным в служебном отношении и в карьерном росте. В 1911 г. он был награжден орденом Святого Владимира 2-й степени. Но отношения с военным министром Сухомлиновым — после критики Алексеевым первоначального плана войны — осложнились. Военный министр подозревал его в предвзятости, в интригах, которые вели против министерской политики сторонники Великого князя Николая Николаевича. Хотя, очевидно, оснований для подобных подозрений не было, а сам Алексеев, в силу своего характера и весьма слабого представления о перипетиях жизни санкт-петербургского высшего света, никак не годился на роль придворного интригана, тем не менее перевод генерала из ГУ ГШ в округ многими современниками оценивался как некое «понижение по службе».

Еще более заметным «понижением» считался перевод Алексеева в июле 1912 г., в разгар корректировки стратегических планов предстоящей войны, с должности начальника штаба Киевского округа в Смоленск, на должность командующего 13-м армейским корпусом, входившим в состав Московского военного округа. Конечно, «переход в строй» дал возможность Алексееву почувствовать перемены, происходившие не в высших военных сферах, а в среде офицеров и солдат, но, с точки зрения эффективности использования его штабного опыта и стратегического таланта, это перемещение вряд ли можно считать положительным. Предложения, исходившие из самых различных кругов, о назначении генерала на должность начальника Генерального штаба, отвергались военным министром но причине «незнания языков», без чего, якобы совершенно невозможно было «общаться с союзниками» (генерал хорошо читал по-французски и по-немецки, но разговорная практика у него была небольшая). В упрек ставились также «чрезмерное увлечение» штабной работой и недостаток «строевого ценза», хотя «армейскую лямку» Михаил Васильевич «тянул» беспрекословно и до, и после Академии. Как отмечал Кирилин, «указывали… что Алексеев не прошел практики командира полка и начальника дивизии, а ротой командовал лишь год». И, уже без участия генерала, стратегические и оперативные планы на 1914 г. были определены с учетом установок ГУГШ, ориентированных как на удары по Австро-Венгрии, так и на наступательные действия в Восточной

Пруссии.

В этой ситуации проявилась еще одна показательная черта характера Алексеева, усилившаяся с годами и не вполне понятная для многих. Вместо ожидаемых твердости и категоричности в отстаивании своих взглядов он проявлял порой неожиданную и пассивную уступчивость. Информируя о той или иной проблеме, отмечая возможные негативные последствия в случае неправильного или несвоевременного се решения, он не настаивал на очевидной правильности своего варианта. Понимая, в частности, что изменить стратегические планы Военного министерства и ГУГШ ему полностью не удастся, Алексеев готов был скорректировать собственные предложения в отношении развертывания сил против Австро-Венгрии. Когда же в конце концов и от них отказались, не пошел на конфликт с «вышестоящими» и примирился с произошедшим.

Психологически Михаилу Васильевичу было свойственно стремление избежать столкновения, тем более если возникала ситуация, в которой ему — по его должности и «бюрократическому весу» в системе военного управления — заведомо пришлось бы уступать вышестоящим министерским чиновникам. Красноречиво об этом свидетельствуют строки его переписки с сыном, поступившим осенью 1910 г. в Николаевское кавалерийское училище и вышедшим, после его окончания, в Лейб-Гвардии Уланский Его Величества полк: «В жизни тебе придется сталкиваться с очень тяжелыми по своему характеру и взглядам начальниками… Моя служба часто ставила меня лицом к лицу с такими начальниками; без служебной выдержки и спокойствия, не поступаясь своим достоинством, меня давно бы уже не было в армии… Немыслимо требовать, чтобы все начальники были всегда спокойны, справедливы, вежливы, идеальны. Тогда некому было бы служить. Если бы от неидеальных начальников все подчиненные уходили бы в отставку, отчислялись бы… то пришлось бы распустить армию… Мы служим во имя более высоких интересов. И во имя их нужно мириться и уметь тактично переживать и смягчать те неприятности и шероховатости, без которых немыслима, уверяю тебя, служба».

Явственны здесь и отличительное для христианской этики смирение, и терпимость к своим противникам, а правила поведения православного христианина Михаил Васильевич старался во всем соблюдать. Впоследствии эти качества ярко проявятся во время революционных событий февраля—марта 1917 г. И это несмотря на то, что в трусости Алексеева нельзя было упрекнуть.

Принципиальное отношение к военной службе также отмечалось генералом в переписке с сыном. Не считая зазорным наставлять Николая в соблюдении правил грамматики русского языка, он настоятельно подчеркивал важность получения общих разносторонних знаний и требовал прилежания в работе: «… помни, что жить тебе самому придется; Родине нужен человек знающий, подготовленный; неуков и неудачников у нее много; им и теперь нет места, а в будущем — тем более. Нужно решать теперь же и сейчас же — работать и работать… Главное, чего нам недостает, — знаний, науки, желания хватать на лету работу мысли тех, кто знает военное дело». Главное, в чем твердо уверен генерал и в чем он убеждает сына, — это служение Родине, России, служение настоящее, а не показное стремление «сделать карьеру», выгодно «поймать момент»: «Куда бы ты ни вышел, служить, конечно, нужно не за страх, а за совесть. Нужно это, прежде всего, во имя честности, во имя любви к нашей дорогой России, у которой так много врагов и не так много людей, желающих и могущих работать для славы и благополучия ее. Нужно это делать и потому, что наша с тобой жизнь обеспечивается тем, что даст нам та же Родина. Глубоко верю в то, что в этом отношении у меня с тобой взгляды совершенно одинаковы; своим примером, без слов и поучений, я говорил и показывал, как и чем мы можем платить наш долг Родине».

Объясняя сыну важность его службы в Лейб-Гвардии Уланском полку, отец отмечал не полученные в результате этого «гвардейские привилегии», а возможность быть в числе воинских частей, готовых первыми принять удары немецкого наступления (гвардейские уланы Его Величества были расквартированы в пограничном Варшавском военном округе): «Уланский полк стоит близко к границе, в передовом округе, и я ручаюсь тебе, что на третий день по объявлении войны он уже будет иметь удовольствие и честь померяться силами с германскими кавалеристами… я не напичкан одним стремлением обеспечить тебе преимущества. Я думаю и о пользе, которую ты можешь и обязан приносить; памятую и о том, что в случае войны ты не должен сидеть за печью»[{19}].

Штабные управления 13-го армейского корпуса располагались в Смоленске. Здесь же были расположены полки 1-й пехотной дивизии — одни из самых «древних» полков Российской армии. В се состав входили — 1-й пехотный Невский генерал-фельдмаршала графа Ласси (ныне Е.В. Короля Эллинов) полк, 2-й пехотный Софийский Императора Александра III полк, 3-й пехотный Нарвский генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полк и 4-й пехотный Копорский генерала графа

Коновницына (ныне Е.В. Короля Саксонского) полк. Эти воинские части вели свою историю еще от Петра Великого, и командование ими могло считаться весьма почетным поручением.

Но с точки зрения боевой готовности, вопросов организации, управления корпусом, дисциплины солдат и офицеров — многое требовалось улучшить, Части были «разбросаны» по Смоленской и соседним губерниям. Тогда как штаб корпуса и части 1-й пехотной дивизии сосредоточивалась в Смоленске (2-й, 3-й и 4-й пехотные полки, 13-й саперный батальон) и Рославле (1-й пехотный полк), полки другой дивизии — 36-й — были дислоцированы в Орле (141-й пехотный Можайский и 142-й пехотный Звенигородский) и в Брянске (143-й пехотный Дорогобужский и 144-й пехотный Каширский, а также 5-й тяжелый артиллерийский дивизион). 13-й мортирный артиллерийский дивизион стоял в Гжатске. Трудности разъездов по частям корпуса усугублялись отсутствием хороших дорог и связи. Но, несмотря на эти трудности, Алексеев стремился как можно чаще посещать места дислокации подчиненных ему частей, следить за их состоянием.

Вступление Алексеева в должность командира 13-го армейского корпуса и прибытие в Смоленск совпало с торжественной годовщиной победы в Отечественной войне. Отдельные подразделения от корпуса принимали участие в праздничном параде на Бородинском поле. И здесь произошел показательный инцидент, имевший для Алексеева далеко не однозначные последствия в его будущей карьере. Во время Высочайшего смотра из строя, в нарушение всех норм уставной дисциплины, вышел солдат 2-го Софийского полка с личным прошением к императору. По воспоминаниям генерала Борисова, «наши власти не сумели использовать доверчивое отношение солдата к Царю, как это сделал бы Наполеон, а отнеслись бездушно, формально обрисовали как признак упадка дисциплины в корпусе». Командира, как «ответственного за подчиненных», обвиняли в неумении обучать солдат элементарным правилам военной субординации, и ему был объявлен первый, и единственный за всю его служебную биографию, выговор{20}. Справедливости ради нужно отметить, что Алексеев принял командование корпусом 12 июля 1912 г., накануне «бородинского эпизода», и, при всем своем желании, просто не успел бы «поднять дисциплину». Все разрешилось благополучно, солдат был оправдан и с полка уже в следующем, 1913 г., были сняты взыскания, связанные с «бородинским эпизодом», но интрига против генерала в высших военных «сферах» продолжалась.

Несмотря на надуманные обвинения в игнорировании «уставных порядков», Алексеев и на новой должности основное внимание уделял не разъяснению тонкостей «строевой подготовки», а, вполне в своем духе, считал главным тактическую практику, «боевую подготовку». Как отмечал позднее в своем дневнике военный переводчик и цензор М.К. Лемке, работавший во время войны в Ставке, в Могилеве, эти качества проявлялись у Алексеева еще во время службы в Киевском военном округе, в 1911 г. «В год смерти Столыпина Государю хотели показать маневры под Киевом. Командующий войсками Киевского военного округа Н.И. Иванов и бывший у него начальником штаба (1908—1912 гг.) Алексеев выбрали место в 40 верстах от города. Приехал Сухомлинов, основательно занялся вопросами о парадах и торжествах и потом поинтересовался все-таки районом маневров. Узнав, что это так далеко, военный министр возражал и предложил Иванову ограничиться наступлением на Киев, начав его с 5—6 верст. Иванов, поддержанный Алексеевым, тут же заявил министру: “Ваше Высокопревосходительство, пока я командую войсками округа, я не допущу спектаклей вместо маневров”. И сделано было по его настоянию и выработанной Алексеевым программе».

Столь ревностное отношение к боевой подготовке сохранял Михаил Васильевич и во время службы в Смоленске. «Как командир корпуса, — писал Лемке, — Алексеев вел себя также необычно; например, за два года командования корпусом он ни разу не пропустил мимо себя войск церемониальным маршем, боясь, что иначе на подготовку этой театральной стороны дела будет отрываться время боевого обучения. Приезжая в полки, Алексеев никогда не прерывал текущих занятий и смотрел то, что делалось до него по имевшемуся в полку расписанию занятий».

По воспоминаниям Кирилина, Алексеев «постоянно присутствовал при всех полевых занятиях, причем всегда и везде требовал проявления личной инициативы от начальников, до взводного командира включительно, никогда не высказывал своего неудовольствия при неудачном проявлении личной инициативы, а только, подробно указав на эти недостатки, говорил: “раз — плохо, другой раз — лучше, а там пойдет хорошо, надо только будет постоянно работать в этом направлении”». Особое внимание генерал уделял тактике решительных действий, введению в «дело» всех сил подразделения при минимальных резервах.

«Демократический стиль» командования проявлялся у Алексеева и на новой должности. Алексееву вполне удалось подготовить корпус, хотя и не пользовавшийся у командования

Московского округа хорошей репутацией, к предстоящей войне. Во время Восточно-Прусской операции в августе—сентябре 1914 г. полки 13-го военного министерства военного министерства военного министерства военного министерства корпуса, правда, уже под другим командованием, стойко сражались против превосходящих сил немцев и понесли большие потери убитыми, ранеными и пленными.

Конечно, полностью отказаться от «парадности» в крупном губернском городе было невозможно. Общественная жизнь в Смоленске в 1912 г. была связана с открывавшимися монументами и знаками в честь весьма значимых для города событий столетней давности. Да и сам Михаил Васильевич, как уроженец Смоленщины, не мог не поддерживать своих земляков в стремлении увековечить память о героическом сопротивлении нашествию «двунадесяти языков». От Смоленска на Бородинское поле прошел многочисленный крестный ход с чудотворной иконой Смоленской Божьей Матери Одигитрии. Как известно, эта икона покровительствовала русскому воинству при Бородине. А 31 августа город посетил Николай II, открывший новый городской бульвар. В начале месяца был торжественно открыт памятник Софийскому полку — на братской могиле защитников Смоленска у Королевского бастиона. При открытии памятника присутствовал Михаил Васильевич. На гранях обелиска размещались доски, повествующие о том, что «4 и 5 августа (1812 г. — *В.Ц.)* под стенами Смоленска Софийский пехотный полк геройски отбивал атаки Великой армии Наполеона… Памятник сооружен в 1912 году солдатами Софийского полка в память о геройских подвигах своих предков. Автор проекта — рядовой 7-й роты Софийского полка смолянин Борис Цаненко».

Михаил Васильевич оказался причастен к открытию еще одного памятника мужеству и доблести защитников Смоленска. В начале 1911 г. городская дума приняла решение — «устроить бульвар возле крепостной стены… и назвать этот бульвар и сооружаемое здесь здание начального городского училища “Бульваром и начальным городским училищем в память 1812 года”». Бульвар был торжественно открыт Государем Императором, а еще 6 августа здесь прошла закладка памятника героям войны 1812 г. Этому предшествовал конкурс проектов, проводившийся под контролем специально созданной отборочной Комиссии, которую возглавлял Алексеев. На конкурс было представлено 30 проектов. После рассмотрения каждого из них Комиссия отдала предпочтение проекту подполковника Н.С. Шуцмана. В соответствии с ним, предполагалось возведение памятника в форме каменной скалы, на вершину которой

поднимался воин в римских доспехах, символизировавший европейскую армию Наполеона. На вершине скалы находилось гнездо, которое защищали два орла. Они служили символами первой и второй русских армий — М.Б. Барклая де Толли и П.И. Багратиона, соединившихся под Смоленском в августе 1812 г. и впервые задержавших продвижение Наполеона по России. У основания памятника крепились бронзовая карта боев с текстом: «Благодарная Россия героям 1812 года» и фамилии генералов, участников Смоленского сражения: «Барклай де Толли, Багратион, Неверовский, Раевский, Дохтуров». С другой стороны размещались бронзовые венки, в центре которых располагались двуглавый орел и герб Смоленска.

Памятник Шуцмана, утвержденный Алексеевым и переданный городскому самоуправлению, стал не только украшением города, но и своеобразным символом единения городской администрации, местной общественности и военных. Как и сто лет назад, подобное единство должно было продемонстрировать готовность противостоять любой внешней угрозе, что звучало достаточно актуально в период «думской монархии». Его торжественное открытие состоялось 10 сентября 1913 г. В акте об открытии указывалось, что памятник создан «По Высочайшему повелению, в воспоминание незабвенных событий 1812 года, на средства, ассигнованные через Государственную думу, и на частные пожертвования г. Смоленска, смоленского дворянства, смоленского земства, С.Н. и Е.Ф. Пастуховых, в Смоленске воздвигнут памятник но проекту инженера-подполковника Шуцмана». Документ подписывался всеми официальными лицами и самим автором проекта.

В августе 1912 г. Алексеев снова стал свидетелем открытия еще одного памятника. Новый учебный год начался в Городском народном училище, расположенном на открытом Государем Императором бульваре, а вход на бульвар украшал бюст командующего русской армией фельдмаршала князя МИ. Кутузова-Смоленского. Здание Городского народного училища было спроектировано архитектором Н.В. Занутряевым в популярном тогда «патриотическом» неорусском стиле. Интересно, что здание училища как бы «заполняло» собой крепостные укрепления древнего Смоленска, часть которых была разрушена отступающими французскими войсками. Бюст Кутузова-Смоленского был создан скульптором М.И. Страховской и сооружался на пожертвования городской казны и жителей Смоленской губернии. Надпись на постаменте бюста гласила: «Михаилу Илларионовичу Кутузову, князю Смоленскому, 1912 г.». {21}

Михаил Васильевич служил в Смоленске до лета 1914 г. В этом городе прошли последние мирные годы его жизни. В ноябре 1912 г. ему исполнилось пятьдесят пять лет. Для военной биографии это уже довольно много. За плечами оставались две кампании, ранения, награды, преподавательская и научная работа. Наверное, можно было бы сказать, что большая часть жизни прожита достойно и заслуженно, и впереди уже не будет никаких серьезных перемен и потрясений. Но реальность оказалась иной. Самые напряженные, самые важные в его биографии годы были еще впереди. Российская империя входила в эпоху «войн и революций»…

Глава III.
В СРАЖЕНИЯХ ВТОРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ.
1914—1917 гг.

1. На Юго-Западном фронте. Начальник штаба фронта. Блестящие победы в Галиции и Польше

Военная угроза становилась все более реальной. Германская империя — главное, центральное звено Тройственного союза — стремилась установить свое экономическое, политическое и военное господство в Европе и во всем мире. Франко-русский союз — основа Антанты — становился серьезным препятствием для немецкой гегемонии. Стратегические и геополитические расчеты германских военных и политиков диктовались «высшими интересами» Германии, ее особенной, мессианской задачей, столь ярко выраженной в философии Ф. Ницше и вышедшей незадолго до войны книге генерала фон Бернгарди «Современная война»: германской нации «предопределена великая роль в истории человечества», Германии нечего бояться Антанты, нужно лишь воспользоваться благоприятным моментом для объявления войны; 65-миллионный народ, вложивший в борьбу за существование все свои силы, побежден быть не может; Германия — первый народ, руководитель других народов в области культурного развития, поэтому для Германии существует две альтернативы и нет третьей — мировое могущество или упадок…

С началом 1914 г., в условиях, когда до начала Второй Отечественной войны оставались считаные месяцы, а от состояния пограничных рубежей Империи зависели успех или неудача первых месяцев кампании, Алексеев снова возвратился к штабной работе. Весной он несколько раз приезжал из Смоленска в Петербург, участвовал в специальных штабных совещаниях. А 19 июля 1914 г. принял должность начальника штаба Юго-Западного фронта, в состав которого вошли армии, развернутые на основе хорошо знакомого ему Киевского военного округа. Через три часа после получения телеграммы о своем новом назначении Алексеев собрал заранее приготовленные им диспозиции, директивы, документы и карты и выехал в окружной штаб. Командовал округом и созданным впоследствии фронтом генерал от артиллерии Н.И. Иванов. С началом войны штаб расположился в г. Ровно. Семья Алексеева осталась в Смоленске, однако Анна Николаевна с младшей дочерью приезжали к отцу в Ставку.

К этому времени за плечами Михаила Васильевича был уже опыт генерал-квартирмейстера штаба армии, начальника оперативного отделения, обер-квартирмейстера Генерального штаба, начальника окружного штаба, не говоря уже о богатом

опыте строевого командования. По воспоминаниям Борисова, «все это — работа в оперативном ведении армий, все это — размышление в одном и том же направлении — это теория построения вооруженных масс для боя, теория придания этим построениям тех форм, которые наиболее благоприятствуют той или иной оперативной задаче. Знание этой теории образует первейшее требование от полководца, когда против подчиненных ему вооруженных масс уже выстроились такие же массы неприятеля… И Алексееву приходилось решать неопределенные уравнения со многими неизвестными, когда требовалась замена командира корпуса, командующего армией».

В наступающей войне — Алексеев осознавал это — особую роль предстоит сыграть не только чисто военным, но и общественно-политическим факторам. Они могут оказаться востребованными как никогда ранее. В июле 1914 г., выезжая из штаба округа в Киеве в штаб фронта в г. Ровно, Алексеев встречался с членом Государственной думы, редактором широко известной газеты «Киевлянин» В.В. Шульгиным. По воспоминаниям последнего, Алексеев настойчиво пытался внушить ему всю сложность положения, в котором может оказаться Россия при затяжной войне. «Он говорил скрипучим, сурово-назидательным голосом, в котором одновременно чувствовались солдат и профессор…

— Думают, что эта война может скоро кончится… Думают, — три-четыре месяца… Думают — “шапками закидаем”… Ошибаются. Противник тяжелый, твердый, настойчивый… Эта война потребует от России всех ее сил… Всех… Мы, военные, исполним свой долг. Но этого мало… Вся Россия должна воевать — вся. До всех дойдет очередь. Жертвы будут большие. Потери неисчислимые. И вот я хочу вам сказать… Помогите нам! Без вас мы до конца не доведем. Дух поддержите! Вы — писатели, политики, публицисты… Штыки свою работу будут делать… Но штыками душа человеческая управляет. Так вот, душу России додержите до конца!… Потому что, повторяю вам, война будет на выдержку, на измор, до полного истощения… Да…

Голова опустилась, и опять я видел только профессорские очки и слышал жесткие солдатские усы, которые давали некоторые конкретные указания…»

Впереди генерала ждали тяжелые испытания. Наступило время, которое потребовало от него не только глубоких и разносторонних знаний, но и максимального напряжения душевных сил, время, потребовавшее от него максимальной ответственности, время, ставшее роковым и трагическим не только в его личной судьбе, но и в судьбе всего Российского

государства{22}.

«Со спокойствием и достоинством встретила Наша Великая Матушка Русь известие об объявлении НАМ войны. — Убежден, что с таким же чувством спокойствия МЫ доведем войну, какая бы они ни была, до конца.

Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли Нашей, и к вам, собранным здесь представителям дорогих Мне войск гвардии и Петербургского военного округа, в вашем лице, обращаюсь к крепкой, как стена гранитная, армии Моей и благословляю ее на труд ратный». С этими словами Государя Императора Николая Александровича Романова, произнесенными 20 июля 1914 г. в Зимнем дворце, Российская империя вступила во Вторую Отечественную войну.

Начало войны — август—сентябрь 1914 г. — принесло Юго-Западному фронту решительные успехи. Направление ударов противника было предугадано русским командованием заранее, еще во время стратегических обсуждений 1908—1913 гг., поэтому фактор внезапности не имел здесь значения. Частичная, а затем полная мобилизация русской армии началась еще до официального объявления войны и должна была в какой-то мере компенсировать недостаток времени для развертывания войск на «передовом театре». 19 июля 1914 г. Германия объявила войну России, но австро-венгерские войска первые начали наступление, и в действие должен был вступить план «А» (Австро-Венгрия объявила войну России 25 июля 1914 г.). Начальник Полевого Генерального штаба Императорско-Королевской австро-венгерской армии Конрад фон Гетцендорф, заручившись согласием начальника Большого Генерального штаба кайзеровской армии Гельмута фон Мольтке младшего, предполагал нанести удар в польские губернии, действуя по сходящимся направлениям на Брест-Литовск. Австрийское командование предполагало, разгромив русские армии у Люблина и Холма, развернуть дальнейшее наступление на территории Польши. В свою очередь, немецкие войска, наступая навстречу австрийцам, должны были сомкнуть окружение в районе Седлеца, захватить переправы через Вислу. В получавшийся таким образом «польский мешок» попадали бы значительные силы Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, большая территория Полыни оказалась бы оккупированной австро-немецкими войсками, перед которыми открывалась возможность дальнейшего развития наступления, уже на белорусские и малороссийские губернии.

Расчетам стратегов Центральных держав, вполне

предсказуемых и очевидных, были противопоставлены стратегические разработки российского военного руководства, следуя которым русские войска сосредоточивались для нанесения главного удара в Восточной Пруссии (план «Г»), а затем в наступление должны были перейти и русские войска, дислоцированные против Австро-Венгрии. Восточно-Прусская операция становилась, по существу, упреждающим ударом, нанесенным но Германии в условиях, когда вопреки принятым уставным нормам 1-я и 2-я русские армии начали наступление еще до окончания мобилизационного развертывания. Гвардейский, 1-й и 18-й корпуса оставались в Варшаве и составили в первые недели войны оперативный резерв Ставки.

Как уже отмечалось, стратегическое планирование первых месяцев войны основывалось на признании быстротечности и мощи ударов противоборствующих сторон. В этой связи особое значение получала скорость развертывания и введения в бой максимального количества сил. И если Германия и Австро-Венгрия не испытывали больших трудностей с мобилизации ей и перевозкой сил и средств к основным театрам военных действий, то в России приходилось считаться с недостаточной интенсивностью грузовых и пассажирских перевозок к линии фронта. И тем не менее отечественный железнодорожный транспорт в прифронтовой полосе работал с максимальной интенсивностью и, благодаря героизму железнодорожников, смог превзойти ожидаемые расчеты в развертывании войск. По данным Н. Тихменева, «в районы развертывания направлялись 6 двухколейных и 2 одноколейных линии железных дорог. Линия Москва — Брест — Варшава делила весь фронт на две приблизительно равные части. Включая эту линию, на северный участок фронта (Северо-Западный фронт. — *В.Ц.)* подходили 3 линии, общей силой в 120 пар поездов. Остальные 5 линий, общей силой в 132 пары, подходили к южному участку (Юго-Западный фронт. — *В.Ц.)*. Эти линии с фронта в 1600 км (Петербург — Москва — Одесса) сходились к фронту в 530 км Ковно — Волочиск, куда мы могли подать до 250 эшелонов в сутки, т.е. до 2 корпусов. Этим 250 эшелонам центральные державы могли противопоставить свыше 500 эшелонов… В итоге Германия могла начать наступление всеми силами на 13—14 день мобилизации, Австрия — на 16 день. У нас большая часть сил Европейской России могла прибыть на фронт лишь к концу 3 недели мобилизации, полное же сосредоточение кончалось лишь на 40 день. Таким образом, австро-германские армии в полной безопасности могли закончить на самой границе свое сосредоточение в то время, когда весьма значительная часть

русских эшелонов находилась еще в движении. Этими данными определялся как выбор районов русского развертывания на намеченных по общему плану направлениях, так, в значительной степени, и самый выбор направлений. Надо было найти компромисс между стремлением дать главному командованию возможность наступательной инициативы и сознанием опасности, которая грозила ей от преимущества в быстроте боевой готовности противника.

Необходимо было также учесть невыгоды оставления без боя обширных западных пространств, если бы сосредоточение было отнесено слишком далеко к востоку, и взятые Россией обязательства облегчить положение Франции энергичным давлением на противника с самого начала военных действий.

Очевидно, в решение требовалось внести некоторый риск. Вопрос был в разумной его мере. По принятому плану, главный удар направлялся против Австрии. Против нее было предназначено 57,5% всех сил; 35% —против Германии, 7,5% было в резерве главного командования и 2% — на обеспечение флангов (в Одессе и Петербурге). Силы эти сосредоточивались: против Германии — в районах к западу от Немана и Бобре — Нареве; против Австрии — в районах между Вислой и Вепрежем — Люблин — Луцк — Проскуров, — т.е. на обоих театрах в удалении от 40 до 70 верст от границы. В центре, западнее Варшавы, оставив незанятой на глубину в 140 верст выдающуюся часть Польши, сосредоточивался резерв главного командования в готовности действовать в обоих направлениях. В эти районы к 20-му дню мобилизации наши железные дороги могли подвезти: против Германии 75% и против Австрии 73% всех сил.

Железные дороги работали блестяще. Перевозки по мобилизации и обеспечению шли по планам без малейшей задержки и с полнейшей точностью. И русская армия, имея на фронте лишь часть своих сил, 17 августа, на 18 день русской и 16 день французской мобилизации, перешла германскую границу, а 21 августа — австрийскую. Спасительность этого русского порыва для Марны, а, значит, и для исхода войны, получила впоследствии достойную оценку в благородном признании маршала Фоша».

И все же на Юго-Западном фронте австро-венгерским войскам удалось создать сильное давление в направлении на Люблин и Холм. Противостоявшие им части 5-й армии генерала от кавалерии П.Л. Плеве вынуждены были отступить. 18 августа с Люблин-Холмской операции началась знаменитая Галицийская битва, ставшая главным сражением кампании 1914 г. на Восточном фронте. Во время нее фактически и стал

осуществляться предложенной ранее Военному министерству план Алексеева. Намеченного Конрадом и Мольтке окружения русских войск не состоялось. Части 5-й армии, составлявшие основу правого фланга Юго-Западного фронта, вышли из-под ударов австро-венгерской армии, а немцы, вопреки ожиданиям Конрада, не начали наступления в глубь Полыни, а оказались втянутыми в ожесточенные бои в Восточной Пруссии. Хотя Восточно-Прусская операция завершилась поражением русских войск, первоначальный план комбинированного удара австро-немецких сил был сорван.

Генерал Алексеев, ничуть не смущаясь неудачами в Люблин-Холмском сражении, в кратчайший срок составил план дальнейших действий, основываясь на собственных расчетах еще 1912 г. Поскольку теперь правый фланг Юго-Западного фронта прочно опирался на линию Люблин — Холм — Ковель, а наступательный порыв австро-венгерской армии явно ослабевал, было решено скорректировать направление контрударов. Следовало не ограничиваться предусмотренным еще в 1912 г. сильным ударом по правому флангу противника от Черновиц до Галича и Львова, а попытаться опрокинуть также левый фланг австро-венгерских войск, отбросить их от Люблина и перейти в общее фронтальное наступление на Галицию, в Прикарпатье. Сложившееся положение, грозившее австро-венграм попасть в уже «не Левктры, а Канны», ставило их перед перспективой окружения. «Мы поняли, — вспоминал Борисов, — что количество нашей массы сил Юго-Западного фронта вполне давало нам возможность не ограничиваться фронтом Каменец-Подольск — Висла, а занять еще фронт от Вислы до Кракова и тем охватить австро-венгерскую армию с обоих флангов».

Удары левофланговых армий Юго-Западного фронта на Галич и Львов (Галич-Львовская операция — вторая часть Галицийской битвы) оказались сокрушительными и во многом неожиданными для австрийского командования. Особое значение придавалось наступательным действиям 8-й армии генерала от кавалерии А.А. Брусилова и 3-й армии генерала от инфантерии Н.В. Рузского. Обращаясь к Брусилову, Алексеев подчеркивал: «Великой заслугой перед Родиной будет удержание Вашей армией занимаемого положения. Плоды этих героических усилий будут пожаты на всем протяжении армий фронта».

Существенным условием успеха Михаил Васильевич считал одновременность, синхронность ударов обоих флангов. Однако армия Рузского продвигалась к Львову и далее, нарушая указания штаба, не дожидаясь подхода соседей. Рузский, хотя и не нарушал общих указаний стратегического плана «А», но не учитывал в

должной мере положения фронта в целом. Алексеев пытался заставить его подчиниться общему плану операции, но безрезультатно. Генерал от инфантерии, ставший генерал-адъютантом Свиты Его Величества и награжденный за взятие Львова сразу орденами Святого Георгия 4-й и 3-й степени, очевидно, не считал для себя обязательным следовать во всем указаниям начальника штаба фронта, низшего его по чину. Создавшееся обоюдное недоверие сыграло роковую роль и позднее, в февральско-мартовские дни 1917 г., накануне отречения Николая II от престола. Есть свидетельства и о том, что еще в 1915 г. Рузский интриговал против Алексеева, «пользуясь для этого председателем Государственной думы Родзянко»[{23}].

Немаловажное значение для развития успеха имел бы и своевременный удар гвардейского корпуса, сосредоточенного у Варшавы, но австро-немецким войскам вдоль левого берега Вислы, в общем направлении на Тарнов. Русская гвардия, а затем и 9-й армия, могли бы ударом по левобережью Вислы выйти на тыловые коммуникации 1-й австро-венгерской армии, отбросить части армейской группы Куммера и немецкого корпуса генерала Вайрша. Примечательна здесь и точка зрения будущего советского маршала Б.М. Шапошникова, служившего в 1914 г. на Юго-Западном фронте в должности старшего адъютанта 14-й кавалерийской дивизии. Он считал, что Ставка имела реальную возможность для решительного контрудара, с дальнейшим развитием наступления в Галиции. Алексеев понимал перспективность этого удара, однако не стал настаивать на нем перед Великим князем Николаем Николаевичем. «Генерал Алексеев предлагал начальнику штаба Ставки (генералу от инфантерии Н.Н. Янушкевичу. — *В.Ц.)* в свое время ударить гвардейским корпусом вдоль по левому берегу Вислы. Однако это было отклонено… Нужно отдать справедливость Алексееву, — вспоминал Шапошников, — что такая концентрация маневра по разгрому 1-й армии была совершенно правильна, так как последняя была бы изолирована от остальных австрийских армий и окружена в районе Сандомира… В разговоре с генерал-квартирмейстером Ставки Даниловым (генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов. — *В.Ц.)* Алексеев сказал, что “настала минута наносить… удар с нашей стороны”. 24 августа Алексеев был озабочен тем, что происходит на левом берегу, и особым приказанием ставит разведке задачи выяснить, не совершается ли отход к Кельце, Пиньчуву, Стоинице и какие силы группируются в районе Ченстохова».

Как и накануне войны, Михаил Васильевич продолжал уделять особое внимание организации пропаганды в армии.

Пропагандистская деятельность нацеливалась на обоснование «освободительной миссии» русских войск в отношении славянского населения Австро-Венгерской империи, способствовала реализации планов раскола «лоскутной монархии». Алексеев предписывал также «широко развить прокламационную деятельность среди неприятельских войск и населения», считал особенно важным поддерживать деятельность Карпато-русского комитета, ориентированного на создание Галицкой автономии, осуществить издание специальной газеты для русинов и чехов, сдавшихся в плен. «Дело будет развито, если удастся найти идейных, энергичных работников», — отмечал генерал. Вскоре при штабе 8-й армии Юго-Западного фронта была издана брошюра «Современная Галичина», составленная членом Государственной думы, известным лидером прогрессивных националистов графом В.А. Бобринским, а в Киеве стала выходить газета «Прикарпатская Русь», печатавшая многочисленные статьи другого, не менее известного, представителя русских прогрессистов — А.И. Савенко. «Русские национальные силы» при правильно организованной пропаганде должны были помочь военным ударам.

В этом плане отношение к мирному населению на территории противника не должно было вызывать каких бы то ни было нареканий. Нужно было учитывать и этнические и психологические особенности того края, в который вступали русские войска. Тем самым русские военные незамедлительно переходили и к разрешению политических вопросов, на что надеялся и генерал Алексеев. 10 августа 1914 г. штабом Юго-Западного фронта был издан приказ, гласивший: «При сношениях с поселянами необходимо помнить, что крестьянское население Восточной Галичины представляет собой коренной русский народ. Поселянин в этих областях говорит на малорусском наречии, а интеллигент — на чистом русском языке. Необходимо помнить, что если в Западной Галичине, населенной главным образом поляками, отношение наших войск к населению определится в зависимости от отношения к нам галицких поляков, то в Восточной Галичине, населенной русскими, отношения наших войск, особенно к крестьянам, должно быть доброжелательным и мягким, чтобы они могли видеть в нас действительно избавителей зарубежной Руси от австрийского гнета.

Доброжелательное отношение к населению Галицкой Руси может выразиться в следующем: 1. Особая осторожность при реквизициях; 2. Уважение к местным святыням. Необходимо помнить, что русские Восточной Галичины униаты, по духу и

стремлениям весьма близкие к православию. Посещение униатских храмов и поддержка их нашими войсками рекомендуются. Желательна раздача населению крестиков и икон (бумажных) из Киева и Почаева, так как эти святыни особенно почитаются русскими галичанами; 3. При приветливом, без заигрывания, отношении необходимо усвоить некоторые местные русские обычаи, например приветствие при встрече “Слава Иисусу Христу” и ответ “Слава навеки”; 4. В особо уважительных случаях войска должны прийти на помощь голодающему русскому населению, которое может встретиться, выдачей муки или хлеба; 5. Гуманное и предупредительное отношение к перешедшим на нашу сторону раненым и пленным русским галичанам, которые оказались в рядах австрийской армии.

Необходимо ознакомить всех офицеров армий с нынешним состоянием Галичины по разосланной в штабы всех армий брошюре “Современная Галичина”, составленной при военно-цензурном отделении штаба главнокомандующего. Ознакомление командного состава всех армий с положением и значением в Галичине каждого из элементов (русского, польского, еврейского и немецкого) поможет разобраться и установить необходимые отношения к той или иной части населения.

Необходимо помнить основы австрийской политики в Галичине, опирающейся на чиновников из поляков и в последнее время (с 1907 года) на так называемую “украинофильствующую” интеллигенцию (“мазепинцы”), мечтающую об отторжении от России нынешней Малороссии и распространяющую свои идеи в части крестьянского населения.

Таким образом, нашим войскам придется встретиться в Галичине наряду с пассивно-доброжелательным отношением к нам коренного русского населения с выжидательно-враждебным отношением “украинофильствующей” партии, особенно интеллигенции, и, наконец, с активным сопротивлением той части польского населения, которая заинтересована, как держатель власти в крае, и опирается на свои полувоенные сокольские организации (бойскауты), вооруженные австрийским правительством и обученные австрийскими офицерами. Активного сопротивления некоторой части населения (поляков, мазепинцев и социал-демократов) следует ожидать главным образом в городах: Тарнополе, Бережине, Львове, Стрые, Перемышле, Коломые, Станиславове, Черновцах, Бориславе, Дрогобыче.

Во всех случаях рекомендуется опираться на русскую часть населения, сознательно идущую навстречу России.

К брошюре “Современная Галичина” приложена схема с

показанием тех пунктов, в которых находятся стоящие “за Россию” члены Галицкого “Русского Народного совета” (необходимо отличать от “Народного комитета” “украинофильской” организации) и сознательные сторонники Русской Народной партии. В числе последних на первое место надо поставить председателей читален имени Михаила Качковского (находятся во всех селениях с русским населением), а также “Русские дружины”.

Что касается духовенства, то часть униатских священников, бесспорно, идет навстречу России…

Победа в Галицийской битве имела большое значение для всего Восточного фронта. 21 августа 1914 г. пал Львов. Австро-венгерские войска оказались не только отброшенными за пределы российской границы, но и оставили почти всю Галицию и Волынь. Была окружена мощная крепость Перемышль, являвшаяся узловым оборонительным пунктом австро-венгерского фронта, противнику потребовалась переброска подкреплений и резервов из других районов, в частности, с Балканского театра, что существенно облегчало положение сербской армии.

За успех этой операции Алексеев получил чин генерала от инфантерии (24 сентября 1914 г.) и был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, причем Верховный Главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич лично поздравил генерала с производством и повесил на его грудь собственный орден Святого Георгия. Интересный факт приводил в своих воспоминаниях Протопресвитер Русской армии и флота о. Георгий Шавельский: в знак “высшего доверия” к генералу Великий князь перешел с ним на “ты”, это была высшая великокняжеская награда талантливейшему военачальнику. За всю войну никто другой не удостоился такой награды»[{24}].

В разработке и проведении стратегических планов заслуги Алексеева были несомненны, и георгиевская награда отмечала здесь не личную доблесть, проявленную на «бранном поле», а талантливую деятельность полководца. Здесь проявился характерный для него «почерк» стратегической работы, отмеченный еще в 1906—1907 гг. в ходе Русско-японской войны. Самым скрупулезным образом, «склонившись над картой» с циркулем и линейкой, он проверял направления будущих ударов. Холодность, трезвость рассуждений, выдержка в расчетах и отсутствие эмоциональности, импульсивности — все эти качества были особенно необходимы в штабной работе, и Михаил Васильевич обладал ими вполне.

Для точного составления и корректировки оперативных планов он требовал достоверности и полноты сведений о

положении и состоянии частей своего фронта и противника. По воспоминаниям Борисова, с первых же дней войны Алексеев имел почти «ежеминутные знания деталей положения своих и неприятельских сил». Это давало «возможность Алексееву провести Галицийское сражение, все время сохраняя «свое мнение и свое решение». Дела архива штаба Юго-Западного фронта сохранили карты с нанесенным на них положением войск по дням».

Будучи чрезвычайно требовательным к себе в отношении штабной работы, Алексеев добивался той же тщательности и точности от двух своих ближайших помощников — генерала Борисова и молодого, но весьма перспективного полковника М.К. Дитерихса — будущего известного участника Белого движения, Правителя Приамурского земского края в 1922 г. По воспоминаниям генерала Геруа, Алексеев «отделял творческую часть работы от исполнительной… Для первой он привлек… Борисова и Дитерихса. С их помощью Алексеев принимал в своем кабинете решения и их разрабатывал. В готовом виде, часто написанные четкой рукой самого Алексеева… эти распоряжения передавались генерал-квартирмейстеру Пустовойтенко или, через его голову, оперативному отделению… Недостатка в работе, разумеется, не было; требовалось быть в курсе обстановки во всех мельчайших подробностях; требовалась точность, быстрота, налаженность. Но творчества не требовалось. Оно исходило из таинственного кабинета Алексеева… Приближение Алексеевым Борисова и Дитерихса объяснялось тем, что с первым он был дружен давно; знал его философско-стратегические наклонности и ценил его военно-научные труды, хотя склонные к отвлеченности и доктринерству (Борисов особенно занимался Наполеоном); второго Алексеев помнил по Академии и потом имел случай убедиться еще раз в чрезвычайной серьезности этого молодого офицера Генерального штаба».

Не ускользали от внимания начальника штаба и такие «мелочи», на первый взгляд, как выплата жалованья летчикам-офицерам. Признавая, что авиация «приносит армии громадную пользу» (именно на Юго-Западном фронте, в полосе боев 3-й армии, произвел первый в мире воздушный таран штабс-капитан П.Н. Нестеров), Алексеев настаивал перед Ивановым о выделении специальных средств для выплаты жалованья (но 300 рублей в месяц) летчикам-добровольцам, многие из которых прибыли на войну даже с собственными аэропланами.

Михаил Васильевич добивался результативности, четко разделяя обязанности между своими непосредственными подчиненными. Со стороны могло показаться, что руководство

операцией носит сугубо «кабинетный характер», а сам начальник штаба претендует на сомнительные «лавры» «кабинетного стратега». Однако весь мировой опыт военного искусства XX столетия доказывает, что кропотливая, хорошо организованная штабная работа имеет не меньшее, а гораздо большее значение, чем командование атакой «с шашкой наголо». В этом Алексеева убеждал и собственный опыт участия в боях Русско-японской войны, и довольно неудачный способ руководства боями из Ставки Верховного Главнокомандующего, при котором Великий князь постоянно выезжал на фронт, менял места размещения своего штаба и все равно не мог оперативно координировать действия фронтов и армий. А своевременно полученная и правильно проанализированная информация, постоянное ощущение «колебаний» фронта, смены ударов и контрударов, позволили Алексееву разработать и провести успешную военную операцию, ставшую достойной, но, к сожалению, почти забытой страницей истории Второй Отечественной войны 1914-1918 гг.{25}

Развивая первоначальный успех, достигнутый в Галиции, Алексеев уже просчитывал вероятные удары немецких сил, которые, хотя и с запозданием, но все же спешили помочь своим австрийским союзникам и не допустить дальнейших успехов русских армий на Юго-Западном фронте. Алексеев предвидел возможность нанесения удара немцами на варшавском направлении, для чего они группировали силы 8-й и 9-й армий под общим командованием генерала Пауля фон Гинденбурга. Парировать этот удар предстояло правому флангу Юго-Западного фронта, выделенной для этого группе в составе 8 кавалерийских дивизий.

В составлении планов большую роль сыграла разведывательная работа, проводившаяся в штабе фронта сослуживцем Алексеева по ГУГШ и коллегой но Академии Генштаба полковником С.Л. Марковым (будущим известным участником Белого движения, командиром 1-го Офицерского полка Добровольческой армии). Марков был командирован в Варшаву «для сбора сведений о движении немцев» и со своей задачей справился весьма успешно. Польская агентура доносила о небольшом количестве (двух резервных) корпусов, отправляемых на «русский фронт» немецким командованием. Перешедшие в наступление корпуса столкнулись с уже готовыми к сопротивлению русскими войсками, и в развернувшихся в сентябре—октябре 1914 г. сражениях, во время Варшавско-Ивангородской операции, противнику не удалось добиться своих целей.

Перед русскими войсками действительно открывалась

перспектива нанесения сильного флангового удара по наступавшим немецким войскам. Однако в действиях фронтов не хватало согласованности, должной оперативности взаимодействия. По оценке Шапошникова, развивая успех, достигнутый во время Галицийской битвы, «Юго-Западный фронт продолжает преследовать австрийцев в направлении на Краков. При этом важно напомнить, что еще 24 августа начальник штаба фронта генерал Алексеев предвидел возможность наступления немцев на левом берегу — со стороны Кракова, а также из Силезии. Вот почему и был образован 1-й кавалерийский корпус. Его задача состояла в том, чтобы вести разведку на левом берегу Вислы… Командование Юго-Западного фронта решило перенести действия своих войск на левый берег Вислы… Немецкие войска в это время, как и предполагал генерал Алексеев, сосредотачивались для наступления из Верхней Силезии. Поэтому Алексеев решил перегруппировать войска па средней Висле и отвести их из западной части Галиции. Ставке Верховного Главнокомандующего он внес свое предложение: создать в районе Варшавы мощную группу войск, которая смогла бы успешно атаковать фланг немецких войск, наступавших но левому берегу Вислы. Такую группу войск Алексеев предлагал создать за счет сил Северо-Западного фронта. Но Алексеева упредил командующий Северо-Западным фронтом: он начал отводить левофланговую 2-ю армию на 100—150 км к востоку от Варшавы».

Что же следовало делать дальше? В своем докладе в Ставку Алексеев, подводя итоги Варшавско-Ивангородской операции и опираясь на данные разведки, обращал внимание Верховного командования на неизбежность перенесения тяжести удара в Галицию и на невозможность развития одновременно одинаково сильных ударов на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах. Реализовать, в прежнем смысле — предвоенные, планы операций и наносить удары и по Германии, и по Австро-Венгрии, по мнению Алексеева, — нецелесообразно. «Для нас главным врагом, главным предметом действий являлась австрийская армия; главным театром войны — Галиция, ибо через нес пролегают для нас пути к Берлину… Снова австрийская армия, — писал Алексеев, — главным образом защищает пути к Берлину, и до нового се разгрома нельзя рассчитывать на решительность, смелость и быстроту наших операций на Берлин… Августовская операция, закончившаяся разгромом австрийской армии, ставя нас на путях к Берлину, явилась столь грозною для германцев, что они приняли исключительные меры для предотвращения удара, направленного непосредственно против Германии… Ни

одно государство в современных условиях не может выставить таких сил, которые позволили бы считать себя готовыми к одновременному выполнению двух главных задач. Приходится группировать для удара войска за счет других участков, прибегая на последних к выжидательным и оборонительным действиям».

Как и в своих предвоенных стратегических разработках, Алексеев отмечал сложность ведения военных действий исключительно против Германии: «…непрактично и еще более не соответственно обстановке вдаваться в такие отдаленные предприятия, как завоевание Нижней Вислы и Восточной Пруссии. Даже при успехе это предприятие невыгодно в том отношении, что лишает главный театр нескольких корпусов и что результат действий здесь не отразится существенным образом на важнейших операциях. Рассчитывать, что мы прочно утвердимся в Восточной Пруссии, трудно и потому, что это требует продолжительной, тягучей борьбы за крепости и укрепленные пункты».

Сложившаяся в Европе обстановка подтверждала, что приоритет удара по России принадлежал не Германии, а Австро-Венгрии. Большая часть немецких войск сражалась во Франции. Наступление на Берлин могло предприниматься, по мнению Алексеева, только после окончательного поражения австро-венгерских сил. «Обстановка данной минуты… требует признания, что главным театром действий снова становится Галицийский, и, сообразно с этим, надлежит вновь произвести распределение сил, пользуясь для переброски, по мере возможности, нашей бедною железнодорожной сетью». Теперь можно было уже с уверенностью использовать запланированный в предвоенных разработках «ударный кулак» фронтовых соединений против Австро-Венгрии. В октябре к Варшаве подошли ожидаемые подкрепления из Сибири, и Михаил Васильевич предлагал усилить ими войска для наступательных действий, главные силы «привлечь туда, где работа их будет продуктивна, где жертвы окупятся результатами…» Поэтому следовало добиться «достижения главной цели данной минуты — разрушения австрийской армии… чтобы на последующее время армия эта не являлась для нас столь сильной и существенной, как ныне, помехой на пути достижения основной цели действий… Австрийскую армию нужно окончательно расшатать, и чем скорее, решительнее и полнее это будет исполнено, тем выгоднее для общего дела».

Однако, вопреки расчетам Алексеева, Ставка отклонила эти предложения, а их актуальность существенно снизилась после того, как немецкие войска; не дожидаясь удара по своему

союзнику, начали операции по охвату с флангов группы русских войск западнее Варшавы. Развернувшаяся в середине ноября Лодзинская операция вошла в историю военного искусства как пример весьма эффективного сочетания фронтальных и фланговых ударов с обеих сторон. Несмотря на все усилия немецкого командования, окружить русские армии не удалось, а наступавшая группа немецких войск сама оказалась в окружении. Позиции в Привислинском крае удалось отстоять почти на тех же приграничных рубежах, что и в начале войны. В том же месяце армии Юго-Западного фронта начали операции но переходу через Карпаты. Важность подобных действий была несомненной, поскольку в случае успеха наступления открывалась перспектива выхода на Венгерскую равнину (вообще, излишняя увлеченность «карпатским направлением» также могла стать ошибочной, поскольку в этом случае русские войска полностью переводились на юго-запад и терялся приоритет поражения Германии). Алексеев добился поддержки плана со стороны Ставки и уже 11 ноября телеграфировал генералу Брусилову, чья 8-я армия наносила удар в направлении на Краков: «Главнокомандующий не только подписал телеграмму, одобряющую Ваше общее решение, но собственноручно прибавил благодарность доблестным войскам».

Победоносная Галицийская операция и отсутствие ярких побед у соседнего Северо-Западного фронта повлияли на перемену отношения высшего военного командования к Юго-Западному направлению. Теперь к мнениям генералов Иванова и Алексеева в Ставке прислушивались с большим вниманием, чем в начале войны. По оценке Борисова, «инициатива операций, видимо, была в руках Алексеева. Ставка в основу действий клала планы, выработанные штабом Юго-запада для себя. Главная масса войск была в руках Юго-запада. Уже тогда высказывалось мнение, что место Алексеева не в штабе Юго-запада, а в Ставке. Но противоположное мнение находило, что Алексеев еще “молод” (!), что надо его пропустить через ценз армии (лучший прием, чтобы “затереть”)». Таким образом, прежние интриги в «кулуарах» Военного министерства и Главного штаба отнюдь не прекращались[26].

Показательно, что сам Алексеев не уделял этой бюрократической суете особенного внимания, считая главным своим делом завершение запланированных операций. Период руководства штабом Юго-Западного фронта был, очевидно, наиболее эмоционально-позитивным во всей военной биографии Михаила Васильевича. Как писал он в письме супруге 6 июля 1915 г., «в штабе Юго-Западного фронта… прожиты хотя иногда и

тяжелые минуты, но зато были и минуты высокого подъема, наших начинаний, развиваемых успехов, достигаемых результатов». Сил еще было много, приказания исполнялись, открывались хорошие перспективы победоносных операций…

Правда, отношения с Главнокомандующим армиями фронта не всегда складывались хорошо. Недовольство генерала Иванова вызывали отнюдь не оперативные ошибки Алексеева, а всего лишь его способы штабной работы. О. Георгий Шавельский вспоминал, что Иванов жаловался ему, называя Алексеева «типичным офицером Генерального штаба, желающим все держать в своих руках и все самолично делать, не считаясь с мнением начальника». «Особенно обвинял он Алексеева в том, что тот иногда держал в секрете от него очень важные сведения и распоряжался, не считаясь с ним» (типичная, как будет показано ниже, черта характера Михаила Васильевича).

В тяжелых условиях войны усиливались его религиозные настроения. В письме к сыну в феврале 1915 г. он писал: «Работы у меня снова много. Но это было бы, конечно, ничего; к этому я привык. А скверно то, что на душе тревожно и тяжело… Приходится думать много, но из границы возможного не выйдешь. Будем надеяться на Господнюю помощь и милость; будем сами тверды, настойчивы, будем добиваться даже в тяжелых условиях успеха».

Говоря о религиозности генерала, необычной и непонятной для многих его современников, уместно привести два показательных эпизода из его биографии. Еще будучи командиром роты Казанского полка в Кобрине, во время учебных стрельб капитан Алексеев, осматривая мишени своих подчиненных, едва не был убит случайным выстрелом. Второй раз, в 1911 г., возвращаясь с окружных маневров на автомобиле, он попал в аварию. Машина упала с моста в глубокое озеро, и генерала в бессознательном состоянии с трудом удалось спасти. В обоих случаях Михаил Васильевич был убежден в Божием промысле. И это к тому, что принимая непосредственное участие в сражениях Русско-турецкой и Русско-японской войн, он получал лишь легкие ранения. Алексеев не скрывал своей глубокой веры, но при этом никогда не проявлял показной, фарисейски демонстративной набожности…

В конце 1914 — начале 1915 г. наступление Юго-Западного фронта успешно продолжалось. Был окружен и 9 марта капитулировал гарнизон крепости Перемышль, сильнейшего укрепленного пункта австро-венгерской армии в Галиции. Но полки и дивизии, оказавшись в тяжелых горных условиях, начинали испытывать острый недостаток в снабжении теплым

обмундированием, боеприпасами и продовольствием. При разработке стратегического плана на 1915 г. командование Юго-Западного фронта отстаивало перед Ставкой необходимость дальнейшего развития наступления против Австро-Венгрии. Считалось, что, выведя главного союзника Германии из войны, добившись разрешения геополитических планов Российской империи на Балканах и в центре Европы, легче будет разгромить и немецкие силы. «Путь на Берлин лежит не через Восточную Пруссию, а через Вену», — таким был главный мотив требований.

Как отмечал известный военный историк генерал от инфантерии А.М. Зайончковский, «Алексеев давно тяготел к мысли о разгроме австро-венгерских армий, в результате чего ему рисовалось распадение лоскутной монархии и заключение с ней сепаратного мира. Для достижения этой цели могло быть выбрано одно из трех направлений: 1) по левому берегу Вислы — бить в стык между германцами и австрийцами; 2) вторгнуться через Карпаты в Венгрию; 3) охватить правый фланг австрийцев через Буковину и Венгрию. Алексеев, как всегда, колебался и, в зависимости от момента, склонялся то к одному, то к другому направлению. В начале января 1915 г. он стоял за первое направление. Но более устойчивый, хотя и ограниченный, Иванов понимал, что его армии к данному моменту уже нацелились на Карпаты, и потому нужно их преодолеть. Иванов живо ухватился за эту идею и затем упрямо стал се отстаивать. 5 февраля Иванов прибыл в Ставку и лично доложил, что тяжелое положение армии Юго-Западного фронта, создавшееся в Карпатах ввиду зимнего времени и отсутствия помещений, вынуждает поскорее сбросить австрийцев с гор и спуститься в Венгрию».

В итоге Ставка утвердила план, согласно которому приоритет не отдавался ни одному из направлений, а предполагалось нанести одновременные удары и по Германии, и по Австро-Венгрии. Тем самым Верховное командование опять возвращалось к осуществлению предвоенного стратегического развертывания, даже при обстоятельствах, сложившихся после операций первого периода войны. Однако весной 1915 г. осуществление подобного плана, в отличие от лета 1914 г., оказалось уже невозможным. И главным фактором теперь был не выбор направлений, а проблемы сугубо военно-промышленного, технического порядка, фронт остро нуждался в подкреплениях. Правда, военное руководство Империи не теряло надежд на скорое пополнение истощенных ресурсов за счет набиравшей темны, переведенной на «военные рельсы» промышленности.

2. 1915 год. Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта. «Великое отступление»: горечь потерь и спасение фронта

Вскоре после взятия Перемышля, 17 марта 1915 г., Алексеев был назначен Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. Данное назначение оказалось фактически не «повышением» (исходя из «должностного статуса»), а скорее наоборот, — переводом на должность, где пришлось не только исправлять ошибки своего предшественника (генерала Рузского), но и пытаться активизировать подчиненные ему войска. В отличие от своего юго-западного «соседа», Северо-Западный фронт не «отличался» крупными победоносными операциями. Зимой 1915 г. 10-я армия вынуждена была отступить из Восточной Пруссии; после боев с превосходящими силами немцев в Августовских лесах погиб 20-й корпус. В то же время силами 12-й и 1.-й армий удалось в Праснышской операции отразить февральское наступление немецкой группы генерала Гальвица.

«Тяжелое и трудное наследие принимаю я, — писал Михаил Алексеевич сыну. — Позади — ряд неудач; подорванный дух войск, большой некомплект. Дарует ли Господь силы, умения, разума, воли привести в порядок материальный, пополнить ряды, вдохнуть иной дух и веру в успех над врагом?! Вот вопрос, которым полна моя мысль, чем живет сейчас моя душа. Ты поймешь, конечно, мое состояние ввиду той громадной ответственности, которая теперь ложится исключительно на одного меня». Сравнительно с положением начальника штаба, должность Главнокомандующего армиями фронта, конечно, предполагала большую степень самостоятельности и ответственности, к чему Алексеев психологически, пожалуй, был не вполне готов. «Велика была ответственность здесь, — писал он сыну о Юго-Западном фронте, — но она делилась между двумя, и большая доля ее, формально, внешне по крайней мере, ложилась на Николая Иудовича».

И все же оптимизм не покидал генерала. В приказе по фронту, отданном накануне Пасхальных торжеств (22 марта 1915 г.) он писал, обращаясь к «Господам генералам, офицерам, солдатам доблестных северо-западных армий… Враг уже надломлен Вами; Ваша стойкость, Ваша доблесть в атаке дарют нам окончательную победу над упорным противником, только

проявите Вашу храбрость, научите прибывающих в Ваши ряды молодых солдат, как нужно бить врага не щадя себя.

В радостном возгласе “Христос Воскресе!” почерпните же новую силу, проникнитесь горячею верою в Божью помощь, в победу. Победу от нас ждут Государь и Россия, и мы должны ее дать».

Интересную оценку фронтовых настроений, связанных с назначением Алексеева, приводил о. Георгий Шавельский: «Назначение генерала Алексеева и в Ставке, и на фронте было встречено с восторгом. Я думаю, что ни одно имя не произносилось так часто в Ставке, как имя генерала Алексеева. Когда фронту приходилось плохо, когда долетали до Ставки с фронта жалобы на бесталанность ближайших помощников Великого князя, всегда приходилось слышать от разных чинов штаба: “Эх, «Алешу» бы сюда!” (Так некоторые в Ставке звали генерала Алексеева.) В Ставке… понимали, что такое был для Юго-Западного фронта генерал Алексеев и кому был обязан этот фронт своими победами. И теперь, в виду чрезвычайно серьезного положения Северо-Западного фронта, все радовались, что этот фронт вверяется серьезному, осторожному, спокойному и самому способному военачальнику. Я думаю, что кандидатура генерала Алексеева была выдвинута заметившим его талант самим Верховным…

Я Алексеева знал с 1901 г. по совместной службе в Академии Генерального штаба, когда он еще был полковником, профессором этой Академии. Теперь, при встречах с Алексеевым-Главнокомандующим, меня занимал вопрос: сохранит ли он на высоком посту всегда до этого времени отличавшие его простоту, скромность, общедоступность. С первых же слов при встрече с ним я понял, что Михаил Васильевич остался тем же, каким я знал его 20 лет тому назад. На мое приветствие с высоким назначением он смиренно ответил: — Спасибо! Тяжелое бремя взвалили на мои старые плечи… помолитесь, чтобы Господь помог понести его…»{27}.

В марте 1915 г. под командованием Алексеева оказалась группировка из восьми армий, стратегическая задача которых заключалась в нанесении прямого удара на Берлин, но возможности для этого оказались весьма ограниченными. По мнению Зайончковского, это назначение «подсказывалось несочувствием Алексеева наступательным операциям для овладения Восточной Пруссией. Алексееву ставилось в обязанность практически осуществить свои взгляды и перейти на Северо-Западном фронте к оборонительным действиям. К началу апреля обе стороны на означенном фронте приостановили

маневренные операции».

Первоочередной своей задачей на новом месте Алексеев считал пополнение поредевших армий резервами и подготовку к будущим контрударам. Как отмечал Зайончковский, «Алексеев принялся за восстановление боеспособности своих армий, достаточно сильно расстроенных за время зимних операций. Были полки, имевшие не более 1000 штыков. Но вместе с тем Алексеев не хотел “оставаться в бездействии” и в письме от 15 апреля в Ставку он предлагал, даже вопреки своим прежним взглядам, теперь же возобновить вторжение в Восточную Пруссию для нанесения частных ударов также ослабленным за зиму германцам. Верховный Главнокомандующий на этот раз не согласился с такой беспредметной операцией и указал Северо-Западному фронту держаться строго оборонительного положения, так как главный удар был перенесен на юг». Кроме того, Ставка указывала Алексееву на недопустимость расхода крупнокалиберных снарядов (к февралю 1915 г. на одно орудие имелось лишь от 250 до 300 выстрелов).

Однако вместо активных операций штабу фронта пришлось вскоре отражать сильнейший натиск австро-венгерских и немецких войск. Как вспоминал генерал Геруа, «в зимние месяцы — январь, февраль — затихло наступление, но “притаилось” — в форме грандиозных планов у обеих сторон. Мы, ниткой зацепившись за Карпаты, готовились с наступлением тепла вторгнуться в Венгерскую равнину. Немцы, бросив французский фронт, как основной, решили выручить австрийскую армию и наказать русских за активность и победы 1914 г. Но у немцев были средства для исполнения, у нас их не было; наоборот — по сравнению с первыми месяцами войны, их стало меньше. Начинался снарядный и даже ружейный голод. Русские вступали в пехотный период войны, в самом его чистом виде, нигде и никем в современных условиях непревзойденном».

Итак, навстречу друг другу, из Восточной Пруссии и Галиции, «завязывая» горловину «польского мешка», в котором оказывалась бы значительная часть Северо-Западного фронта, намечалось продвижение армий противника. В планах Германии и Австро-Венгрии кампания 1915 г. должна была стать временем решающих побед на Востоке, завершающихся разгромом России и заключением с ней сепаратного мира. Главные силы немецкой армии были с этой целью переведены с Западного на Восточный фронт.

В начале мая 1915 г., после знаменитого «Горлицкого прорыва», началось мощное контрнаступление австро-немецких войск. Русские войска ожидало «великое отступление». Юго-

Западный фронт, обескровленный попытками «прорваться через Карпаты», также лишенный достаточного количества оружия и боеприпасов, не смог сдержать напора превосходящих сил врага. Отступая из Галиции и Волыни, русские армии вынужденно «открывали» фланги Северо-Западного фронта. Следует отмстить, в частности, что удержание «польского выступа» (губерний бывшего Царства Польского) проводилось ив 1914 г., и в начале 1915 г. не в силу внутриполитических причин (вскоре после начала войны особой декларацией Великого князя Николая Николаевича Польше была гарантирована «автономия под скипетром Русского Царя»), но, как отмечал Борисов, с целью «держать постоянно немца за горло, чтобы он не кинулся на нашего союзника, французов». Кроме того, Ставка требовала сохранения «варшавского плацдарма» с целью последующего контрудара по Германии. Но летом 1915 г. удержать Польшу уже не удалось.

Теперь основная задача Алексеева состояла в том, чтобы последовательно вывести войска своего фронта из Полыни, защитить которую — в условиях острого недостатка боеприпасов, крайней усталости солдат и офицеров, отсутствия должного количества резервов — становилось практически невозможно. План отвода войск предусматривал использование оборонительной линии Осовец — Ломжа — Новогеоргиевск — Варшава — Ивангород, центральное положение в которой занимал хорошо укрепленный Новогеоргиевск. Штаб фронта расположился в Седлеце. Обстановка стремительно менялась, и в этой ситуации от Главнокомандующего армиями фронта требовалось уже не следование прежним предписаниям Ставки, а проявление гибкости и оперативности мышления, способность быстро реагировать на малейшие колебания фронта. И с этой задачей Алексеев вполне справлялся. Его предписания для подчиненных отличались ясностью и четкостью. Никакой паники не чувствовалось. Переходя в частые контратаки, русские войска планомерно отходили на восток. Одновременно проходила интенсивная эвакуация тыловых учреждений, заводов, гражданских ведомств, беженцев. Длинные, нередко перегруженные сверх нормы поезда шли «лентой», следуя друг за другом с минимальным интервалом, спасая, выводя от немецкой оккупации все, что можно было спасти. Замыслы германского командования были разгаданы, и «Канны» для русской армии никак не получались.

Не считаясь с усталостью, не жалея сил, Михаил Васильевич принял не только фронтовое командование, но и фактически взял на себя функции начальника штаба. По воспоминаниям генерала

Палицына, приезжавшего в те дни на фронт, «при такой постановке работы у Михаила Васильевича незаметно развивается абсолютизм… Это хорошо, если он в состоянии был бы охватить главное… даже если бы вместо 24 часов у него в сутки было 30. И материал он получает не первосортный. Побочные условия свыше и снизу вносят раздражение и неуверенность. Армейские управления делают, в сущности, что хотят. Следить за ними Михаилу Васильевичу очень трудно. Посылаемые наставления исполняются по-ихнему. Им нужны приказы, к которым они привыкли. Все это наросло постепенно, еще без генерала Алексеева, а в общем — все это ненормально, как ненормально сложилась и работа высшего управления… При доброй организации труда никто не должен быть перегружен, а теперь мы видим, что главнокомандующий перегружен больше начальника штаба, лучше бы наоборот… на Мих[аиле] Васильевиче] лежит работа, превышающая силы двух сильных людей, а он один, ну и не вытягивает. Это закон природы, Мих[аил] Васильевич] сам это чувствует, но ничего не может сделать, чтобы сбросить тормоза, которые мешают ему делать главное».

21 мая 1915 г. сильная группировка немецких войск под командованием генерала Макензена («фаланга Макензена»), расколов перед этим части Юго-Западного фронта, нанесла удар на Красностав. Расчет немецкого командования заключался в попытке охвата левого фланга Северо-Западного фронта, но Алексееву удалось перегруппироваться, и призванная стать решающей атака прусского гвардейского корпуса была отбита русскими гвардейскими полками. Для успеха контрманевра Михаил Васильевич считал необходимым оторваться от непосредственного контакта с противником и создать резервные группы, с помощью которых ему удавалось бы сосредоточивать силы на тех или иных угрожаемых участках фронта. В июне из подошедших подкреплений и переформирований была создана новая — 13-я армия, правда, незамедлительно брошенная в бой, на «затыкание» прорывов. Фронт вынужденно расширялся. Сильное давление оказывалось немцами в Риго-Шавельском районе, и Балтийское побережье уже становилось театром военных действий. Сюда, в ожидании отражения немецкого десанта, были переброшены части Русской гвардии. Ставка также требовала от командования Северо-Западного фронта помощи «соседу» — фронту Юго-Западному. Так, в частности, в мае в Галицию были переброшены два корпуса, предназначавшиеся для запланированного Алексеевым флангового удара по наступавшим австро-германским войскам. Важно помнить, считал генерал, что

«чем шире пространство, тем больше потребности в маневрировании, в последовательности сосредоточения сил, в умении забыть второстепенное». Вместо этого: «Нам все кажется важным и опасным. Войска разбрасываются, фронты растянуты и нигде нет внушительного сбора сил».

В письме к сыну он откровенно писал о нехватке резервов, немецком десанте, но в целом оптимистично оценивал перспективы борьбы: «У меня эти мерзавцы довольно значительными силами, при содействии флота, заняли Либаву и вторглись в совершенно почти обнаженный от войск край к Риге. Понемногу собрал войска, отжимаю их к Неману. Мне нелегко, потому что много войск я должен был передать и отправить Иванову. Моя судьба, знать, такая: куда появлюсь и где работаю — оттуда тянут войска к соседу. Это затрудняет работу и решение, нелегко составить какой-либо план для нанесения удара этим мерзавцам. Только так или иначе намереваешься собрать силы — получаешь повеление: отправить генералу Иванову столько-то. И немало таких повелений за свое короткое командование получил и выполнил. Но думается и верується мне, что и теперешние затруднения временные, что устанут и исчерпают свои усилия враги и начнется, наконец, поворот, когда все наши недочеты будут покрыты и мы одержим верх».

Л в письме супруге 6 июля 1915 г. он отмечал еще одну причину неудач фронта — отсутствие субординации, несогласованность действий командного состава, психологическая неустойчивость войск. «Два врага давят меня: внешний — немцы и австрийцы, которые против меня собрали главную массу своих сил, взяли все, что можно, с фронта Ник[олая] Иудов[ича], против которого они, видимо, только шумят и демонстрируют, перебросили, быть может, что-либо еще с Запада или из новых формирований внутри государства. Везде лезут подавляющими массами, снабженными богатой тяжелой артиллерией с безграничным каким-то запасом снарядов. Есть и враг внутренний, который не дает мне таких средств, без которых нельзя вести войну, нельзя выдерживать тех эпических боев, которыми богаты последние дни.

Но наряду с этим, наряду с высокой доблестью время от времени получаются такие печальные результаты, проявляются признаки такого малодушия, трусости и паники, что ими сразу наносится непоправимый ущерб общему делу и проигрыш сражений. Конечно, есть причины: мало офицеров, отсутствие коренных прочных офицеров, малая обученность массы, полная ее несплоченность в войске, наконец, подавляющая масса артиллерийских неприятельских снарядов, против которых мы

являемся беспомощными, так как не имеем соответствующего богатства, даже приблизительного… Все это деморализует, сопровождается позорным бегством, массовыми случаями сдачи в плен и потерей своих пушек.

С 30 июня начался бой в 1-й армии на линии Прасныша. Не сильно опасался за судьбу начавшейся атаки. Думал — хорошо укрепленная позиция, на которой просидели четыре месяца, небольшое сравнительно превосходство в силах на этом направлении дадут мне время подвести по железной дороге резервы и самому, переходом в наступление, отбросить немцев.

Но к вечеру получил замаскированное донесение, что позиция 11-й Сибирской дивизии прорвана и “дивизия уже не представляет из себя боевой силы”, — читай, что дивизии уже нет. Всего еще не знаю, но видно, что дивизия бежала от одного артиллерийского огня, не дождавшись атаки, а кто дождался — поднял руки вверх. Конечно, я не сумел проявить высокого дара, присущего полководцу, и по неясным признакам не решился начать перевозку резерва с опасного тоже места двумя днями ранее. Имей тогда под рукой свежую дивизию, быть может, можно было бы если не задержать беглецов, то [закрыть] образовавшийся промежуток, но дивизия только что ехала, потому что я не допустил мысли, что в несколько часов сделается то, что допустимо в результате многодневной борьбы.

Далее сделали свое дело бестолковость и растерянность начальников, а вся армия Литвинова отскочила в четыре-пять дней на 40—50 верст, т.е. на такое пространство, за которое можно было бы вести борьбу месяц при наиболее трудных условиях… У Плеве тоже две дивизии позорно разбежались и, кажется, от миража-призрака, что не мешало потерять почти половину людей и винтовок. Это тоже не входило в мои расчеты. И наряду с этим на моем южном фронте, на путях к Люблину и Холму, мои остатки когда-то славных дивизий доблестно умирают, истекают кровью под давлением многочисленного далеко превосходящего своим числом врага, умирают, невзирая па неравную борьбу… но сила остается силою, она постепенно теснит. Намерения противника ясны: заставляет нас угрозою покинуть Вислу и Варшаву. Постепенно они сжимают клещами, для борьбы с которыми нет средств.

Этих средств, не даст наш враг внутренний, наши деятели Петербурга… наша система… Нет подготовленных солдат. У меня в рядах недостает свыше 300 тысяч человек. А то недоученное, что мне но каплям присылают, приходится зачислять в число так наз[ываемых] “ладошников” (новый термин для настоящей войны), которые, не имея винтовок, могут для устрашения врага

хлопать в ладоши.

Нет винтовок… и скоро не будет. А ведет это к постепенному вымиранию войсковых организмов. Есть дивизии из 1000 человек, чтобы их возродить — нужен отдых, прилив людей с винтовками, некоторое обучение. Если всего этого нет, то остается израсходовать золотой дорогой кадр из последней тысяченки, но зато уже на все время войны нужно вычеркнуть дивизию, ибо она из ничего не создастся. Будет сброд “бегунов”… Нет совсем патронов… Во время жестоких идущих теперь боев мне шлют вопли — “патронов”… там-то должны были отойти за отсутствием патронов, там-то нечем драться. И я рассылаю жалкие крохи, которые скоро закончатся, потому что прилива нет, или это сочится но таким каплям, что каждую минуту страшишься, что придется уходить, не отстреливаясь, потому что будет нечем… Будут ли отходить или бежать при таких условиях, сказать очень трудно. Быть может, было бы лучше, если бы я смотрел и переживал все это нервно, суетясь и волнуясь. Но сохранившееся совершенное спокойствие обостряет боль сознания своей беспомощности, заброшенности. Мой легкомысленный начальник штаба Гулевич живет мыслями, что неприятель понес такие потери, что дальше идти некуда и теперь конец. Я так смотреть не могу и не смею, не имею права, ибо могу погубить армию, дать подобие Мукдена, когда мне отрежут путь внутрь России.

Мне было бы легче, если бы я мог плакать, но я не умею теперь сделать и этого. Только тяжелый-тяжелый камень лежит на моей душе, на моем сознании. Нет, не всегда тягота посылается “по силам человека”, видимо, иногда суждено получать свыше сил. Быть может и вероятно, над моими действиями, мыслями, решениями нет Божьего благословения. Вероятно и так, но это нищенство, этот недостаток… ведь он не от меня зависит, это результат не моей вины и предшествовавшей работы. Но это не утешение для меня. Горькую чашу этого пью я и те, которых я шлю не в бой, а на убой, но я не имею права не сделать, не сделать этого и без борьбы отдать врагу многое. Но средства все истекают, а настойчивость богатого и предусмотрительного врага не ослабевает. Вот условия борьбы, над которыми глубоко задумываюсь…

Совершается воля Божья, почти неизменно мне открывается 25-я глава Евангелия от Матфея (притча о десяти девах и о талантах). Оно так характеризует наше отношение к подготовке к войне (очевидно, имелся в виду распространенный в дореволюционной России способ т.н. “гадания” на Евангелии. — *В.Ц.)*. Россия знает частицу, но я не знаю всего. Приходится свое

имя вплетать в тот терновый венец, который изготовлен для Родины. Беру тяжелую вину на себя, но в ней я но существу так мало принимал участия, что являюсь лишь ответчиком потому что таковым должен быть неудачный полководец… А неудачи наши заложены глубоко, глубоко… Но кто же их увидит — будет изучать. Проклятие на голову того, кто не сумел дать победу, а подарил неудачею. Довольно. Телеграмм масса, не успеваю прочитывать. Никогда еще в течение года не было, чтобы среди событий все было темно, мрачно, чтобы не было ясных просветов. Только сейчас именно так сложились дела… Хотя я буду отсиживаться здесь до последней крайности… но если придется переезжать, то избрал Волковыск. Нужно обождать, что Бог даст… Много мужества нужно, чтобы в таких условиях драться… Посылаю два образа, благословение Вятки и Москвы». При всей озабоченности положением фронта Алексеев не забывал и об уже понесенных потерях. Злейшим врагом объективного, взвешенного подхода в оценке собственных недостатков становилось «украшательство», корыстное умолчание об истинном положении. В приказе но фронту от 27 июня 1915 г. генерал писал, что «в войсковых донесениях очень часто умалчивается о потерях, понесенных во время боев в людях и особенно в материальной части. Иногда говорится, что “потери выясняются”, но только в виде исключения я получал результаты этого выяснения. И только спустя месяц, даже более, из требовательных ведомостей, отправляемых начальникам снабжений, приходится уяснять размер утраты, иногда трудно объяснимой. Требую, чтобы в будущем от меня не скрывали потери. Неудачи всегда возможны, и, если часть честно выполнила свой долг; потеря в людях и утрата материальной части не могут лечь на нее пятном. Зная истинное состояние части, можно составить своевременно соображение о пополнении. Рассчитываю, что более не повторятся случаи умолчания о потерях и утратах от начальников, на обязанности и ответственности которых лежит решение вопросов о боевом применении частей. В основе отношений должна быть положена полная откровенность частей и полная осведомленность начальников».

Существенным и довольно неожиданным поражением оказалась быстрая (всего лишь после 10-дневной обороны) сдача врагу крепости Новогеоргиевск, на длительность сопротивления которой Алексеев рассчитывал, выводя войска из-под фланговых ударов австро-немецких войск («я не могу взять на себя ответственность бросить крепость, над которой в мирное время так много работали»). Как уже отмечалось, крепости, по еще довоенному (1908 г.) замыслу Алексеева, должны были стать

узловыми центрами, на линии которых предполагалось сосредоточить отступающие войска и задержать «немецкий вал», накатывавшийся на Польшу и Литву.

И все-таки, несмотря на падение Новогеоргиевска, «затянуть польский мешок» противнику не удавалось. Войска под командованием Алексеева выдержали сильное давление со стороны ударной немецкой группировки по линии Нарева. Однако с начала июля Гинденбург снова начал давление на Наревский фронт на Рожаны и Пултуск. Одновременно войска Макензена наносили удар по линии Люблин — Холм. В этой ситуации Михаил Васильевич получил наконец согласие Ставки (после совещания в присутствии Главковерха в Седлеце 22 июня) на отвод войск из «польского выступа», в случае «стратегической необходимости», и на эвакуацию Варшавы. В середине июля начался отвод русских войск за Вислу 22 июля 1915 г. была оставлена крепость Ивангород, которую, несмотря на наличие достаточно прочных укрепленных позиций, не было возможности защитить из-за отсутствия гарнизона. 23 июля русские войска оставили Варшаву. 13 августа 1915 г. Алексеевым было отдано распоряжение об отходе на линию Среднего Немана — Гродно — Бобрина. Фронт был сокращен, армии спасены и подготовлены к продолжению кампании.

Хотя прочной линии крепостной обороны создать не удалось, положение на фронте было спасено, во многом благодаря обороне крепости Ковно в конце июля — начале августа 1915 г. По воспоминаниям участников боев, Алексеев на просьбы гарнизона крепости о присылке боеприпасов лаконично ответил: «У меня нет ни одного патрона. Будем умирать!» Нужно было погибнуть, но спасти отступающие войска, задержать врага любой ценой. Крепость продержалась, и гарнизон оставил ее после получения известий об успешном выходе полевых армий из-под угрозы флангового охвата. В то же время сдача Ковно не позволила осуществить план Алексеева по сосредоточению ударной группировки резерва в районе Вильно и нанесению сильного контрудара по наступавшим немецким войскам, при более длительной обороне это было бы возможно. Не остановила немецкие силы и крепостная линия Ковно — Осовец — Брест-Литовск. Героическая, сопоставимая с обороной Брестской крепости в годы Великой Отечественной войны, оборона крепости Осовец заслуженно вошла в историю подвигов Русской армии в годы Второй Отечественной войны. Следует, однако, напомнить, что накануне войны по решению Военного министерства крепостные гарнизоны были существенно сокращены, оборонительные рубежи не модернизировались, и ожидать от

крепостей длительной стойкой обороны было бы сомнительно.

Фронт постепенно стабилизировался. Алексеев продолжал медленно, постепенно отводить войска фронта, используя каждый возможный рубеж обороны. К концу лета 1915 г. русские войска сосредоточились на линии Митава — Гродно — Пружаны — Пинск. Под немецкой оккупацией оказались земли Полыни, часть Литвы. Почти все занятые территории Галиции были отданы австро-германским войскам. Но главное заключалось все же в другом: планы немецкого командования по полному разгрому русских войск и выводу России из войны не осуществились. Как отмечал в своих мемуарах генерал Фалькенгайн, «летнее наступление 1915 г. не достигло своей цели». Такую оценку разделял и Гинденбург: «Операция на Востоке… не привела к уничтожению противника. Русские, как и нужно было ожидать, вырвались из клещей и добились фронтального отхода в желательном для них направлении». И со стороны союзников но Антанте генерал Алексеев — «Великий Старец», как называли его в иностранной печати, — получил заслуженное признание, на новогодний праздник 14 января 1916 г. он был награжден британским орденом Святого Михаила и Святого Георгия.

Спустя годы и в советской историографии заслуги Алексеева в 1915 г. не умалчивались. Зайончковский писал об этом, не отказываясь, правда, и от критических замечаний: «Положительным образцом является операция по выводу русских армий из Полыни, обязанная до известной степени умению Алексеева примениться к шаблонным формам германского оперативного искусства, которое выражалось в том, чтобы охватить фланги, соединив это с прорывом на фронте при участии мощной артиллерии. Но и Алексеев лишен был смелости маневра и отводил войска только под ударом противника. Русские военачальники не умели и считали конфузным прибегать к отступлению заранее, как к форме маневра для образования ударной группы на фланге». К сожалению, в настоящее время объективная оценка этих действий Михаила Васильевича как военачальника, способного предвидеть действия своего врага и предотвратить их последствия, уступила место нелепой критике генерала, как «опасного заговорщика», «врага монархии»: создавалось впечатление, что речь идет о каком-то оппозиционере-политике, а не о боевом генерале. Впрочем, о политических взглядах Михаила Васильевича в ходе войны еще будет сказано впереди…

Сам же Алексеев, как и многие военные и политики того времени, оценивал период «великого отступления» с горечью и сожалением. Его предвоенные планы и расчеты на прочное

удержание войск крепостными линиями не оправдались. Гарнизоны крепостей, составленные не из кадровых частей, а из ополченских команд, оказались недостаточно подготовленными. Проведенное накануне войны ошибочное сокращение фортификационных работ существенно снизило готовность русских крепостей к устойчивой, длительной обороне. Известный русский военный инженер генерал-лейтенант Л.В. Шварц вспоминал, например, что «в Новогеоргиевск были посланы две второочередные, разбитые перед тем дивизии, дополненные 20 000 новобранцев, взятых прямо от сохи и не только не обученных и не обмундированных, но даже не вооруженных. Покойный генерал Алексеев говорил мне: “Где только мог, я наскреб и послал туда 100 000 ртов”».

В письме к сыну, описывая результаты «великого отступления», Михаил Васильевич отмечал: «Мне приходится изображать из себя рака в опасности: приходится пятиться назад с жестокими боями, в тяжелой опасности. Немцы заранее уже праздновали победу и чуть не пленение где-либо около Седлеца всей русской армии. Они ошиблись, но какою ценою для меня! Пришлось покинуть Вислу, Варшаву, все свои отлично подготовленные железные дороги, шоссе. Вот уже два месяца тянутся непрерывные бои на фронте… и пополнений мне не дают, и патронов мало, и помощники мои часто доставляют мне горе великое…

В этой душевной тяготе живу более двух месяцев, не зная совершенно покоя, мучаюсь отходом, глубоко сознавая, что ничего пока сделать иного нельзя: нет достаточно сильного и готового кулака, чтобы дать этим приятелям сейчас же хороший удар в “морду”… То из одного места, то из другого от своего обширного фронта слышу вопли: “спасите, скорее… скорее присылайте резервы… иначе будет плохо…” Мои командующие армий — большинство — думают, что у меня везде — до бесконечности — резервы, что по искалеченным дорогам их можно в 2—3 часа подать сколько угодно. Умение править, упорство они все заменяют этими воплями и часто творят глупости».

В условиях острой нехватки резервов проблему пополнений пытались решить и посредством переформирований и реорганизаций существующих на фронте частей. Так, 13 и 20 июня 1915 г. Алексеев обращался с телеграммами в Ставку к генералу Янушкевичу, высказывая свое мнение о допустимости перевода штатных четырехбатальонных пехотных полков в трехбатальонные, а артиллерийских батарей — в четырехорудийные. Из освободившихся подразделений

предполагалось составить новые воинские части, а ополченские дружины из призванных резервистов определить как пехотные полки. Посредством переформирований отчасти решалась также проблема крепостных гарнизонов, переводимых в статус отдельных пехотных батальонов. «Недостаток винтовок и пополнений не позволяет рассчитывать на восстановление войсковых организмов 3-й и 13-й армий… Отсюда ясно, какого громадного количества боевых организмов в поле лишается вверенный мне фронт. Вот главный мотив переформирования. Что касается ополчения, то, повторяю, один факт переименования в полевые полки поставит все дружины фронта на путь улучшения». Правомерно отмечалась важность реорганизации артиллерии, ссылаясь, в частности, на опыт союзников: «Французы ведут всю войну четырехорудийными батареями, не жалуясь на недостаток могущества; германцы теперь постепенно переходят к таким же батареям. Могущество скорострельной артиллерии зиждется па количестве снарядов, а не на числе орудий в каждой батарее. В конечном выводе передо мной стоит неотложный важный вопрос предназначения почти всем крепостям гарнизонов. Разрешайте вопрос или фронт лишится примерно пяти корпусов из шести своих основных армий, не считая растрепанных 3-й и 13-й армий; или же создаст эти гарнизоны из четвертых батальонов, сохраняя все боевые организмы. Решение это не допускает промедления». При этом можно отметить, что еще до начала войны признавалась громоздкость 8-орудийной батареи, в частности, и из-за того, что такое количество орудий не позволяло в полной мере использовать скорострельность наших орудий. С начала войны происходил перевод на 6-орудийные батареи, и 2 января 1915 г. утверждены были штаты новых 6-орудийных батарей. При этом, однако, нужно иметь в виду, что подобное «перераспределение» орудий несколько ослабило огневую мощь пехотной дивизии в целом, поскольку при прежнем штатном количестве батарей общее число орудий сократилось на 12 стволов. В августе 1915 г. были преобразованы мортирные дивизионы: из двух 6-орудийных батарей они были развернуты в три 4-орудийные. Общее количество сформированных за годы войны полевых батарей составляло 583 (в это число вошли пешие, конные, горные и гаубичные) из 2292 орудий. Общее число полевой артиллерии составило 1482 батарей, в сравнении с 899 батареями, с которыми Россия войну начинала.

Несколько примечательных фактов дополняют военную биографию Алексеева в период его командования Северо-Западным фронтом. В тяжелых боях «великого отступления» часть

13-го армейского корпуса, которым командовал генерал накануне войны, оказалась в плену. Но из оставшихся на фронте кадров 1-й и 36-й пехотных дивизий и запасных батальонов были образованы новые части. 27 июня 1915 г. Алексеев издал приказ, в котором отмечал: «Твердо верю, что чины этих запасных батальонов подтвердят, что, несмотря на постигшее по превратностям войны несчастье, они те же славные софийцы, нарвцы, звенигородцы, дорогобужцы и каширцы. О певцах, капорцах и можайцах я не говорю: ряд кровавых боев восстановил славу их полков».

В отношении к подчиненным, когда того требовали интересы фронта, Алексеев мог быть и весьма жестким. По воспоминаниям Лемке: «Когда-то на Северо-Западном фронте Алексеев приказал по телефону полковнику Амбургеру, ведавшему передвижением войск и грузов, экстренно подвезти куда-то и какие-то орудия. Тот заявил, что это невозможно, так как движение невозможно нарушить без вреда для дела. Алексеев спокойно ответил ему: “Ну, хорошо. Если батарея не придет в срок, вы будете повешены”… Батарея была на месте на полтора часа раньше назначенного времени. И все это сказано было тихо, без шума».

Интересные штрихи его штабной работы во время начавшегося «великого отступления» вспоминал Б. Суворин. Описывая свою первую встречу с генералом в Седлеце, он особо отмстил то пристальное внимание, которое уделял Михаил Васильевич не столько самим боевым операциям, сколько их должной подготовке, прочности тыла, геополитическому положению Восточного фронта, общественному доверию:

«Он сразу стал говорить мне о роли печати и общественной помощи во время войны: “надо понять, сказал он, что у нас совершенно не понимают, что понято Германией и Францией, что начинает понимать Англия, что эту войну ведут не армии, а народы”. Война доказала полную неподготовленность к такой борьбе, и общество должно положить все силы, чтобы прийти на помощь армии.

Он говорил очень горячо, набрасывая план военно-промышленных комитетов, и требовал, чтобы печать вся прониклась важностью минуты. Он предвидел крупные неудачи.

Без снарядов, без действительной мобилизации промышленности мы были бессильны. Надо будет спасать армию, и перед важностью этой задачи должны быть забыты географические названия. Он очевидно предсказывал падение Варшавы и всей западной укрепленной нашей линии.

О боях на заграничных фронтах он утверждал, что, раз противники перешли к окопной войне, трудно и тем и другим привести свои усилия к победе. По его мнению, Дарданелльская

операция была ошибкой и что лучше всего было бы поддержать Сербскую армию, так как на востоке он только и видел серьезный удар. От незначительного нажима можно заставить рухнуть австрийское лоскутное государство и заставить немцев заботиться о своем тыле, то есть отказаться от агрессивной тактики. Одно это уже половина успеха, говорил он…

В это время он резко оборвал разговор и, обращаясь к полковнику, находившемуся тут же, спросил его, каково положение наших первых раненых, отравленных газом. Первая газовая атака принесла нам страшные потери. Он доложил, и Алексеев вдруг преобразился. Он вскочил, стал стучать кулаком по Столу и кричать, что это позор и подлость. Это тем более было неожиданно, потому что он только что говорил, что мы недооценили немецкую армию и особенно се офицерский корпус. “Им мало убить русского нашего солдата, им нужно унизить его, мучить его, видеть его, как червя, извивающегося, бессильного, у их ног”. Его маленькие глаза из-под очков и нависших бровей метали искры, он не мог сдерживаться. Глубокая любовь к солдату не могла простить даже врагу невиданный, гнусный способ борьбы. Мы тоже стояли и ждали момента, чтобы уйти; он был слишком взволнован, чтобы продолжать беседу. Он резко пригласил меня обедать и протянул холодную от гнева руку.

Через час я шел с ним по улицам Седлеца. Генерал здоровался с каждым солдатом, называя его часть: “Здравствуй, стрелок”, “здорово, драгун”, “здравствуй, братец” (или “голубчик”, когда он не разбирал формы застывшего “во фронт” солдата). Бесконечное количество нищих вылезало на улицу, по которой шел генерал; он отставал от нашей группы и совал им в руку мелочь. И так каждому».

Использование газов немцами вызвало крайнее негодование Алексеева. В нарушение существовавших в то время международных соглашений немецкие войска активно использовали отравляющие вещества как на Западном (знаменитая атака под г. Ипром), так и на Восточном фронтах. Первые две газобаллонные атаки были проведены немцами 31 мая и 7 июля 1915 г. в районе Воля Шидловская — Боржимов против частей 2-й армии. Последствия атаки оказались страшные, особенно для 21-го Сибирского стрелкового полка, в котором пострадало 97% личного состава. Солдаты и офицеры защищались противогазовыми повязками, смоченными гипосульфитом, но они действовали не более 15 минут, а во время сильного налета ее даже не успевали надеть. Третий раз отравляющие вещества были применены при штурме крепости Осовец (6 августа 1915 г.), хотя части гарнизона, находившиеся в

казематах, по страдали меньше, чем при прежних атаках. И все же к противодействию «газовой войны» русские войска оказались не готовы. Жестокость врага требовала адекватного ответа.

Алексеев провел расследование и 17 июля 1915 г. составил доклад в Ставку, в котором указывал на необходимость сосредоточить «усилия наших ученых и техников… на выработку и выдачу войскам активных средств борьбы (т.е. поражающих газовых баллонов. — *В.Ц.),* дабы можно было вести войну теми же способами, как и наш враг, не брезгающий никакими средствами». «В этом расследовании голос из окопов, — писал генерал, — вопль наболевшей души. Если мы еще более будем медлить, то примем на себя великий грех, который не будет прощен строевым составом армии. Нужно подумать и пощадить его нравственный дух… Артиллерии мы не можем выставить в равном количестве, особенно тяжелой. Снарядами снабдить сносно не можем даже наличное число орудий. Третий месяц не можем выработать способа отравлять врага, который вывел у меня из строя 20 000 человек». Работы по активному противодействию немецким газовым атакам проводились под личным контролем Алексеева, и уже в 1916 г. противогаз стал неотъемлемой частью снаряжения русских воинов, а на фронте было произведено несколько ответных газобаллонных атак со стороны русских.

В 1915 г. фронт остро нуждался во многом, и Михаил Васильевич регулярно «бомбардировал» Ставку и высшие военные «сферы» рапортами, докладами, телеграммами, в каждой из которых содержались настойчивые требования, убедительные просьбы решить тот или иной насущный вопрос войны. Но, пожалуй, наиболее развернутое представление о состоянии вверенного ему фронта в период «великого отступления» давал рапорт, поданный Алексеевым на имя нового главы военного ведомства генерала от инфантерии Л.Л. Поливанова 9 июля 1915 г.

Начиная доклад с описания печального опыта отступления Северо-Западного фронта, Михаил Васильевич «подчеркивал главнейшие» недостатки, «которыми страдает наша армия» и которые «ложатся неодолимым бременем на решения начальника». На первое место Алексеев ставил, конечно же, «недостаток артиллерийских снарядов». Даже последующее преодоление «снарядного голода» не устранит его последствий: «Его вполне понятное гибельное влияние в настоящий момент настолько тяжко отразится в дальнейшем, что самое обильное, но запоздалое снабжение ими войск будет не в состоянии восстановить утраченное в области духа и тактических приемов

борьбы».

Оригинальным и вполне оправданным был развернутый тезис Алексеева о влиянии наступательных и оборонительных операций на настроения войск, на «дух армии». Следует отметить, что, в отличие от многих военачальников того времени, Михаил Васильевич все больше убеждался в важности вопросов военной психологии при оценке состояния российских вооруженных сил. Впоследствии, в предреволюционные и революционные 1916—1918 гг., эта убежденность подтвердится многочисленными фактами из военной и мирной жизни.

В 1915 г. на состояние «духа армии» значительное влияние оказывала степень обеспеченности вооружением и боеприпасами. Алексеев отмечал, что «недостаток снарядов» не только «побуждает к постоянной экономии их», но, прежде всего, «лишает войска веры в свои силы». «Продолжительным наличием такого состояния в войсках волей-неволей вырабатывается тактика осторожности и неуверенности. Постепенно она пускает столь глубокие корни, что станет наконец убеждением, а тогда и при обилии снарядов трудно будет ждать от войск забвения тех приемов, на которых они воспитались обстановкой. В войсках уже в настоящее время царит сознание, что немцы обладают огромным количеством снарядов и могут в любом месте потушить огонь нашей артиллерии и что в этом отношении борьба с ними бесполезна.

Действительно, обилию снарядов немцы в огромном большинстве случаев обязаны достигнутым успехам. Мощная подготовка артиллерии пробивает бреши в желательном месте, и, ободренная этой обстановкой, туда бросается их пехота, в то время как наша геройская пехота уже понесла огромные потери и подавлена сознанием своего одиночества.

Тяжело читать подлинные донесения строевых начальников с поля сражения о том, как под огнем неприятельской артиллерии гибнут их части, при молчании своей артиллерии, присутствующей здесь же на месте боя, или о невозможности атаковать нападающие массы противника, не поражаемые нашим пушечным огнем. Дерзость вражеской артиллерии и уверенность ее в своей безопасности доходят до того, что в важнейшие моменты боя она занимает иногда позиции в 2000 шагов от наших окопов…»

Следующей по важности становилась проблема укомплектования войск людьми: «Государству со столь обильными в этом отношении средствами, как наше, необходимо учесть те огромные потери, которыми сопровождаются боевые действия, и принять все меры к тому, чтобы все части армии

механически и без всяких затруднений немедленно же укомплектовали свои потери». Летом 1915 г. Михаил Васильевич был уверен в том, что людские резервы России еще достаточно велики, а «воевать числом» можно и должно даже в условиях новой, технически оснащенной войны. «Огромный резервуар людей есть наше, может быть, единственное преимущество в смысле материальных средств борьбы над противником. Нам нельзя не бороться со всей энергией этим средством и не довести дела до полного напряжения, — писал он военному министру. — Война затягивается — нет никаких данных полагать, что она не продолжится еще годы, а в таком случае потребуется еще огромное количество укомплектований. Ввиду всего этого государственная дальновидность побуждает теперь же призывать под знамена такое количество людей, которое создало бы внутри России неиссякаемый источник пополнения армий. Государство не должно в этом отношении стремиться к экономии и пугаться, что большое количество людей пробудут, может быть, долгое время в запасных частях, вследствие заполнения некомплекта армий. Путем соответствующей постановки дела обучения укомплектований можно будет добиться, что каждый день пребывания в запасных частях пойдет с пользой и даст армии не столь скороспело подготовленного бойца, как это наблюдается теперь». Примечательно, что Алексеев не опасался «раздувания» запасных частей, хотя именно они стали активными участниками революционных событий 1917 г.

Михаил Васильевич снова обращал внимание на психологические факторы: «…такой массовый призыв под знамена будет иметь моральное значение. Он покажет, что Россия, несмотря на превратности боевого счастья, полна решимости рано или поздно сломить врага». Интересные выводы делал Алексеев применительно к боевому составу русской армии: «…при современной системе наших призывов небольшими сравнительно контингентами дело сводится к двум явлениям: а) наши корпуса и дивизии существуют лишь на бумаге, а некоторые из них, к горю начальников, умирают на их глазах. Дивизия, вышедшая из боев в составе 1000 человек и не получившая немедленно пополнений, постепенно расходует и свой небольшой кадр, навсегда выбывая из рядов армии как прочная маневроспособная единица. Получается затем “дивизия” совершенно ополченческого типа; б) наши укомплектования поневоле приходится отправлять недоученными, в сыром виде. Этим объясняются наши большие потери вообще, а “без вести” пропавшими — особенно. Годичный период войны дает прочный материал для решения вопроса с большою точностью, сколько

государство должно иметь людей в каждую минуту в запасных своих частях. По моим приблизительным подсчетам, эта цифра определяется в миллион человек».

На третье место в ряду изъянов фронта Алексеев ставил «недостаток тяжелой артиллерии». «Наши противники, — отмечал он, — обладают огромным количеством тяжелой артиллерии. Это преимущество даст себя властно чувствовать в каждой операции. Пользуясь им, противник выработал даже особый прием действий, в огромном большинстве случаев безнаказанно им применяемый, вследствие недостатка у нас тяжелой артиллерии. Этот прием заключается в сосредоточении тяжелой артиллерии против намеченного участка удара, в подавлении на нем огня нашей артиллерии и уничтожении наших окопов, закрытий и в стремительном затем ударе пехоты в образовавшуюся брешь…

Тяжелая артиллерия должна быть придана войскам нашим в значительно большем количестве, чем это имеется сейчас, в противном случае и оборона, и наступление будут нам стоить неизмеримо больших жертв в людском составе, нежели их несут наши противники.

Помимо недостатка в тяжелой артиллерии существует в этой отрасли и другой крупный пробел — недостаток опытных артиллеристов. Необходимо принятие настойчивых мер, чтобы наряду с изготовлением тяжелой артиллерии производилась подготовка специального личного состава для руководства и производства очень точной стрельбы из тяжелых калибров».

Четвертым по счету для Алексеева являлся «винтовочно-патронный голод»: «В настоящее время создалось такое положение, когда недостаточность притока вновь изготовляемых ружей заставляет прибегать для прикрытия все растущей потребности (в особенности в период крупных боев) к собиранию винтовок, что называется, по крохам, беря их отовсюду, где только хотя сколько-нибудь допустимо и, в буквальном смысле, по десяткам. Такое положение крайне тягостно. Оно сковывает всякую инициативу в вопросе новых формирований и заставляет начальника лишаться значительной силы, в каковую могли бы, например, обратиться все ополченческие части, в настоящее время так разнообразно вооруженные — от берданки до японских ружей включительно, — не говоря уже о том, что вследствие недостатка в ружьях войска фронта поневоле всегда будут не в полном комплекте, если бы даже они могли получить своевременно приток людей».

Наконец, пятая причина неудач русских войск заключалась в состоянии «офицерского вопроса»: «Уже в настоящее время

некомплект офицеров в частях пехоты, находящихся в наибольшем порядке, в среднем превышает 50%, а если принять во внимание, что из наличного числа офицеров половина — прапорщики, то до очевидности ясным становится, на сколь зыбких основаниях покоятся боевые и тактические достоинства армий в настоящее время, при ничтожности надежных кадров, более чем когда-либо зависящие от качества и достоинства командного состава всех степеней и, в особенности, младших начальников… Должно быть обращено особое внимание на тщательный подбор их воспитателей и наставников, так как только при этом условии создастся необходимый тип офицера-руководителя нижних чинов»{28}.

Такой доклад вполне можно было бы считать своеобразным итогом военно-стратегического анализа летней кампании 1915 г. и прогнозом на будущее. Доклад Алексеева подтверждался спустя четверть века воспоминаниями генерала Геруа: «Потери нашей пехоты были так велики, что полки по нескольку раз превращались в собственную тень. Запомнилась часто встречавшаяся цифра, определявшая число оставшихся бойцов в полках после очередной передряги: 800 штыков при 8—6 офицерах. Это, считалось, еще хорошо. Дивизии походили на полки, полки — на батальоны, роты — на взводы. Но вот подправили их численность пополнением, прибыло 3—4 офицера — глядишь, посвежела и снова готова к бою. Иностранные наблюдатели давно отметили эту способность русской армии, в частности, пехоты, обычно принимающей на себя львиную долю потерь, к быстрому восстановления воли и духа. Летняя страда 1915 года еще раз доказала это».

3. В Ставке Верховного Главнокомандующего. Вместе с Государем Императором

К осени 1915 г. активное вторжение австро-германских войск в глубь России было остановлено, но при этом становилось очевидным, что скорого окончания военных действий ожидать не придется. И на Западном, и на Восточном фронтах начиналась «позиционная война». Теперь решающее значение получали уже не стремительные наступательные удары, охваты и обходы, а такие факторы, как прочность занимаемых рубежей, оборудование окопов, надежность воинских частей, своевременные и достаточные поставки боеприпасов и продовольствия. Требовалось, по существу, провести реорганизацию многих воинских частей, провести дополнительные мобилизации, ликвидировать «патронный» и «снарядный голод», освоить, где это было нужно, новые виды военной техники и снаряжения. А для этого — добиться существенной поддержки со стороны тыла, сделать войну «национальным делом», подлинной «Второй Отечественной».

По-иному воспринималось теперь значение верховной военной и политической власти. Единство фронта и тыла, единство власти и общества требовало единоначалия — единого военного и политического руководства. В этой обстановке вполне оправданным выглядело решение Николая II возглавить армию и флот, принять на себя должность Верховного Главнокомандующего. Несмотря на протесты ряда министров, сомнения генералитета и членов законодательных палат, Государь Император не колебался в данном решении.

Произошли перемены и в высшем военном управлении. В июне 1915 г. был отправлен в отставку генерал Сухомлинов, давний оппонент Алексеева («Слава Богу, что Сухомлинова прогнали. Быть может, начнут теперь думать о том, без чего нельзя войны вести», — выражал надежду Алексеев в одном из своих писем сыну). На должность управляющего Военным министерством был назначен генерал от инфантерии А.Л. Поливанов. Во время поездки на фронт он встречался с Алексеевым в штабе фронта в г. Волковыске и сообщил ему о скором принятии Государем верховного командования и о назначении Михаила Васильевича на должность начальника штаба Главковерха. Правда, перед назначением на столь высокий пост 5 августа 1915 г. последовало назначение на должность

Главнокомандующего армиями Западного фронта (Северо-Западный фронт был разделен на Северный и Западный). Но уже 18 августа состоялось официальное назначение Алексеева начальником штаба Верховного Главнокомандующего, и в Могилев он прибыл вечером 19 августа. А 23 августа Николай II записал в своем дневнике: «В 3.30 прибыл в свою Ставку в одной версте от гор. Могилева. Николаша (Великий князь Николай Николаевич. — *В.Ц.)* ждал меня. Поговорив с ним, принял ген. Алексеева и первый его доклад. Все обошлось хорошо!»

Несмотря на многие разногласия Алексеева со Ставкой, высшее военное командование и прежде ценило его знания и опыт, особенно проявившиеся во время «великого отступления». Не случайно поэтому перевод генерала на более высокую должность предполагался еще до принятия Государем верховного командования. По воспоминаниям о. Георгия Шавельского, «наш Верховный Главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич, посетив штаб генерала Алексеева, повеселел. Опрошенный о причине этого близкими к нему людьми, Великий князь ответил: “Повеселеешь, батюшка мой, поговоривши с таким ангелом, как генерал Алексеев… какая разница во всем: бывало, что ни спросишь, либо не знают, либо знают кое-что, а теперь на все вопросы — точный ответ. Все знает: сколько на фронте штыков, сколько снарядов, сколько в запасе орудий и ружей, продовольствия и одежды; все рассчитано, предусмотрено… Будешь, батюшка, весел, поговоривши с таким человеком”».

По-иному смотрел на перспективы своего «повышения» сам Михаил Васильевич. «Тяжело мне сейчас, а скоро будет еще тяжелее… не но количеству работы, а потому что по неисповедимым указаниям Господним я скоро опять переменю место и стану в такой среде, в такой атмосфере, которую я не знаю, боюсь, к которой не подготовило меня мое скудное воспитание и незаконченное для высокого света образование», — так писал Алексеев о своем предстоящем «повышении»: «С тревогой смотрю на свое будущее. Затруднятся мои отношения, а увеличится моя ответственность. Куда ведет меня воля Господня — не знаю, и нужно претерпеть до конца. Пока только могу сказать это; скоро решится вопрос, и я, к сожалению, должен буду покинуть фронт».

Вряд ли можно считать, что генерал что-либо приукрашивал или лукавил, говоря о своем настроении и ожиданиях при известии о переводе из штаба фронта в Ставку. Сама по себе штабная работа его не смущала, его опыта было вполне для этого достаточно. Но он действительно, будучи чуждым светским манерам и условностям, не «вписывался» в сложившийся

стереотип «свитского» поведения, столь типичного для многих «генерал-адъютантов», составлявших окружение Государя Императора. Только вера и надежда на «волю Господню» укрепляла Михаила Васильевича в столь ответственном решении.

Показательно, что вскоре по вступлении в должность Начштаба Главковерха Михаил Васильевич отдал утвержденную Государем директиву о прекращении отступления русских войск (26 августа 1915 г.), хотя немецкое наступление еще продолжалось. Последней попыткой сокрушить русский фронт, достаточно авантюрной даже по признанию самих немецких командиров, стал прорыв 31 августа 1915 г. кавалерийской группы противника из шести дивизий под Свенцянами, у Постав Сморгони. Данный рейд представлялся Алексееву не таким уж «бессмысленным», а напротив, довольно опасным, поскольку его успех угрожал разрывом тыловых коммуникаций, вероятным выходом на «Московскую дорогу», ликвидацией и без того скудных военных баз, коммуникаций и тыловых магазинов.

Вильно-Молодеченская операция стала первой операцией, которую Алексеев проводил уже в должности начальника штаба Главковерха. Примечательные воспоминания оставил об этой операции начальник службы связи генерал-квартирмейстерской части штаба Главковерха полковник Б.Н. Сергеевский. Для того, чтобы все-таки добиться, хотя бы частичного окружения русских, «несколько германских армий было брошено в четвертое, невиданное по количеству сил, наступление… Удар на Ковно — Вильно и огромный прорыв севернее — “Свенцянский прорыв”. В районе Вильно должно было быть окружено две русских армии». В этих условиях Алексеев решился на смелый и довольно рискованный контрманевр. Нужно было «пропустить» немецкие силы в тыл, с последующим их охватом. После этого как минимум можно было рассчитывать на вытеснение, а как максимум — на окружение зарвавшихся немцев. Штаб организовал также ответную атаку русскими кавалерийскими полками у Борисова и Молодечно — для оперативной ликвидации прорыва немецких кавалеристов. «Охватившие нашу Виленскую группу с севера, северо-востока и востока, германцы достигли, — писал Сергеевский, — Борисова и Молодечно. Пока Виленская группа 10 дней отбивалась фронтом на запад, север и восток, а снятые с фронта много южнее русские части, после успешного многодневного марша останавливали ударом с юга голову обходившей массы… генерал Алексеев успел создать путем перевозок по железным дорогам ударную группу, угрожавшую германской обходной группе с востока. И эта ударная группа состояла не из нескольких полков или даже дивизий — а из

целых двух армий.

Как только эта угроза выяснилась для германского командования, так тотчас же начался спешный отход прорвавшегося германского “кулака”, и после ряда боев, уже местного характера, линия фронта вытянулась по меридиану от Двинска на Западной Двине до Румынской границы, и в течение двух последующих лет мы не видели подобной активности противника на нашем фронте.

Германский “судьбоносный” план был окончательно сорван… Изучая причины этой русской победы, германский генеральный штаб признал: “Мужество германских войск уже не превосходило в должной мере таковое же неприятеля… Русская армия сохранила способность маневрировать и наносить удары”.

Если первая фраза этого германского заключения свидетельствует о высоких качествах русских воинов, то вторая является признанием искусства русского полководца: “У французов было «Чудо на Марне», заключавшееся в ошибке неприятеля. У нас же было не замеченное нами Чудо, заключавшееся в том, что Русский солдат и Русский полководец сумели без артиллерии победить в тяжелом, но славном 1915 году”».

Схожую оценку давал в своих воспоминаниях начальник военно-морского управления в Ставке контр-адмирал Л.Д. Бубнов, хорошо знавший Алексеева по совместной работе в штабе Главковерха: «Генерал Алексеев был назначен Главнокомандующим Северо-Западным фронтом, где складывалось самое тяжелое положение. Благодаря своей неутомимой трудоспособности, организационному дарованию, педантичной точности и глубокому знанию военного дела, он — при постоянной поддержке со стороны Верховного командования — настолько упорядочил отступление фронта, что, по признанию самого Людендорфа, немцам не удалось добиться решительных стратегических результатов, на которые они рассчитывали, ведя свое наступление. Мало того, генералу Алексееву удалось искусным контрнаступлением в районе Вильно окончательно остановить продвижение немцев, после чего обе стороны окопались, и на Восточном фронте, так же как и на Западном, началась позиционная война, наступило, но словам Людендорфа, спокойствие».

Правда, по весьма скептической оценке Лемке, Вильно-Молодеченская операция, хотя и была выиграна благодаря «мелочному руководству со стороны Алексеева», но в то же время стала для Михаила Васильевича «лебединой песней как стратега». «Дальше его так поглотила сложность положения политического,

военного, экономического и т.п., что он был уже не в состоянии оставаться только начальником штаба русской армии». Возможно, это и справедливо, если считать, что стратегия — это только планирование красивых военных операций в стиле красивой шахматной партии. Но нужно помнить, что для времени Великой войны стратегия строится не только с учетом силы и расположения тех или иных воинских подразделений, но основывается на планировании операций, с учетом всех факторов, оказывающих прямое или косвенное воздействие на положение фронта, и именно «положения политического, военного, экономического и т.п.»{29}.

Нужно было учитывать также усложнившийся порядок военного управления. Как отмечал позднее Сергеевский (письмо к В.М. Алексеевой-Борель от 19 августа 1966 г.), «…при принятии крупного боевого решения (в особенности наступательного) решающими являются мнения трех лиц: 1) Генерала, командующего всей вступающей в бой массой войск (в данном случае — Верховного Главнокомандующего), 2) его Начальника Штаба (в данном случае — генерала Алексеева) и 3) Генерала, исполняющего боевой приказ (в данном случае того Главнокомандующего армиями фронта, до которого относится боевое решение). Итак, Генерал, Начальник Штаба, Исполнитель. Право и долг решения принадлежит исключительно Генералу (то есть Государю Императору Николаю П. — *В.Ц.)*. Начальнику Штаба принадлежит только право совета и разработка принятого Генералом решения. Исполнитель может быть спрошен о его мнении, а затем обязан беспрекословно повиноваться. Это основы современного управления боем».

Поэтому отношения Главковерх (Верховный Главнокомандующий) — Наштаверх (Начальник штаба Верховного Главнокомандующего) не могут строиться иначе как на полном обоюдном доверии. Иначе успеха не будет. Первоначальные опасения Алексеева в том, что на новой должности его ждут весьма напряженные отношения с Государем Императором, на деле не оправдались. Напротив, следовало бы отметить не только практически полное совпадение взглядов Николая II и Алексеева на проблемы фронта, но и примечательное совпадение их характеров. Дежурный генерал при Ставке П.К. Кондзеровский писал: «Что же касается отношения Государя к Алексееву во внеслужебной обстановке, то оно было исключительно хорошее. Его Величество называл его по имени и отчеству и всегда был к нему внимателен. Мне казалось, что и генерал Алексеев платил Его Величеству тем же». Правда, подобное доверие возникло не сразу, но довольно скоро.

Исправление нескольких ошибок в составлении казенных бумаг и телеграмм, допущенных Главковерхом, неоспоримый опыт организации делопроизводственной практики и боевой работы, имевшийся у начальника штаба, привели к тому, что Николай II полностью «передоверил» Алексееву («моему косоглазому другу») не только всю «бумажную» часть деятельности, но и всю стратегическую и оперативно-тактическую работу. Оба чуждались суеты «высшего света» и стремились к сосредоточенной, слаженной работе. Оба были чужды интригам, не верили слухам и домыслам, распространяемым столичными придворными и политиками. Обоих объединяли военное дело и любовь к военному искусству. По воспоминаниям Бубнова, «Государь всецело вверил сие руководство (военное. — *В.Ц.)* генералу Алексееву, никогда не оспаривая его решений и не настаивая на своих идеях, даже тогда, когда эти идеи — как, например, в босфорском вопросе — были правильнее идей Алексеева».

Проявилась и еще одна черта, сближавшая Главкома и его начальника штаба, — это глубокая православная вера, искренняя, не показная набожность. О. Георгий Шавельский вспоминал, что Алексеев всегда отличался «аккуратным посещением воскресных и праздничных всенощных и литургий. В штабной церкви, за передней правой колонной у стены, в уютном, незаметном для богомольцев уголку был поставлен аналой с иконой, а перед ним положен ковер, на котором все время на коленях, отбивая поклоны, отстаивал церковные службы, являясь к началу их, генерал Алексеев. Он незаметно приходил и уходил из церкви, незаметно и простаивал в ней. Молитва церковная была потребностью и пищей для этого редкого труженика, поддерживавшей его в его сверхчеловеческой работе».

В этой связи важно отметить, что за время войны Михаилу Васильевичу неоднократно преподавались благословения иконами со стороны иерархов Русской православной церкви. Так, но воспоминаниям митрополита (в те годы архиепископа Волынского) Евлогия (Георгиевского), летом 1914 г., в первые же дни после начала военных действий в Житомир прибыли генералы Иванов и Алексеев. Перед чудотворным образом Пресвятой Богородицы Почаевской был отслужен молебен. Архиепископ Евлогий благословил «воина Николая» и «воина Михаила» иконами. Весьма примечательно и то, что молебны проходили в дни особого молитвенного почитания почаевских святынь: 23 июля, в праздник Почаевской иконы Божией Матери, и 15 августа, в праздник Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодсвы Марии. По воспоминаниям митрополита Евлогия, в эти дни австро-венгерские войска

пытались захватить г. Владимир-Волынский, который оборонялся всего лишь одним 68-м Лейб-пехотным Бородинским полком. До подхода резервов полк удерживал город против вчетверо превосходящих сил противника. Так, с Божией помощью началась победоносная Галицийская битва.

Затем, в ноябре 1915 г., в Ставке Михаилу Васильевичу в день именин была передана икона архистратига Божия Михаила. Летом 1916 г. от архиепископа Тобольского и Сибирского Варнавы (Некропина), известного монархиста, члена Русского собрания, Михаилу Васильевичу было преподано благословение «древней иконой» Пресвятой Богородицы Знамение (возможно, список с Абалакского чудотворного образа Божией Матери). Важным событием в начале Брусиловского прорыва стал молебен и крестный ход, связанные с принесением в Могилев и благословением Ставки иконой Пресвятой Богородицы Владимирской (28—29 мая 1916 г.): «Накануне праздника Святой Троицы в Царскую Ставку доставлена по Высочайшему Его Императорского Величества повелению из Московского Успенского собора Чудотворная икона Владимирской Божией Матери». Государь Император и Наследник Цесаревич встречали крестный ход, идущий от городского вокзала к зданию Ставки и вместе с участниками крестного хода (среди которых был и Алексеев) прошли в церковь штаба Верховного Главнокомандующего. Здесь для поклонения был поставлен чудотворный образ. А 30 мая, в день Святого Духа, по окончании Божественной литургии, совершенной в церкви штаба, перед чудотворной иконой был отслужен благодарственный молебен «за ниспосланные российскому воинству победы». О. Георгий Шавельский, «обратившись к воинским частям, произнес слово, затем в Высочайшем присутствии был отслужен перед иконой молебен с провозглашением многолетия Царствующему Дому, всероссийскому воинству и воинству союзных стран и вечной памяти павшим воинам». Все чины штаба Ставки участвовали в торжественных богослужениях.

В душевной жизни Михаил Васильевич, как уже отмечалось выше, часто стремился к поддержке, искал сочувствия в сложных жизненных проблемах, в моменты смятения, когда было «тяжело на душе». Эта черта характера проявлялась и в переписке с супругой, и в совместной работе с генералом Ивановым, и с Государем. Грешные «срывы» в критические минуты хотя и были редкими и короткими, но все же не показывали наличия у Михаила Васильевича «стальных нервов» (а многие ли мирские люди могли ими гордиться?). Весьма характерные эпизоды отмечал в своих воспоминаниях помощник московского

градоначальника, полковник В.И. Назанский: «Генерал Алексеев пользовался полным Его (Николая II) доверием, и они дружно работали все время; Государь давал указания, и начальник штаба Алексеев исполнял их с полным вниманием и не раз говорил близким лицам, что очень не любит, когда Его Величество покидает Ставку и оставляет его одного. “С Государем гораздо спокойнее. Его Величество дает указания, столь соответствующие боевым стратегическим задачам, что разрабатываешь эти директивы с полным убеждением в их целесообразности. Государь не волнуется. Он прекрасно знает фронт и обладает редкой памятью. С ним спелись. А когда уезжает Царь, не с кем и посоветоваться — нельзя же посылать телеграммы о всех явлениях войны за каждый час. Посылаешь только о главнейших событиях. Личный доклад — великое дело…”»

Эта психологическая поддержка со стороны Государя проявилась с первых же дней совместной работы в Ставке, уже во время Вильно-Молодеченской операции. По воспоминаниям Казанского, «…в Ставке волновались. Ходили слухи, что Могилев небезопасен от налета. К ночи 2 сентября слухи стали особенно напряжены. 3 сентября, в девятом часу утра, еще до обычного доклада генерала Алексеева Его Величеству, я пришел в штаб выяснить положение на фронтах. Генерал Алексеев сидел в своем кабинете за огромным столом, окруженный картами, бумагами. Вид у него был расстроенный, тревожный.

На мой вопрос: “Справедлива ли тревога, охватившая Ставку?” — Алексеев схватил себя за голову и голосом, полным отчаяния, ответил:

— Какие у нас армии? Войска наши погибли на полях Галиции и Польши. Все лучшее перебито. У нас в полках остались теперь сотни, а в ротах — десятки людей. У нас иногда нет патронов, снарядов. Я не знаю, что мы будем, как сдержим напор и где остановимся? Я нахожу, что наше положение никогда не было так плохо. Вот сейчас все это доложу Его Величеству…

Видимо, человек находился в полном ужасе от событий и не владел собой. Я ушел от Алексеева смущенный и с большой тревогой в душе.

Половина первого, в тот же день, я снова видел генерала Алексеева на Высочайшем завтраке. Он совершенно переменился, смотрел бодро, говорил оживленно, и пропала та тревога, которую я видел несколько часов назад. Я спросил:

— Вероятно, с фронта получены лучшие вести и стали бодрее смотреть на будущее?

— Нет, известий новых не получено, но после доклада Его Величеству о положении на фронте, я получил от Государя

определенные указания. Он повелел дать телеграмму по всему фронту, что теперь ни шагу назад. Надо задержаться и укрепиться. А прорыв Вильно—Молодечно приказано ликвидировать войскам генерала Эверта. Я теперь уже привожу в исполнение приказ Государя, и, Бог даст, справимся!

Итак, передо мной стоял другой человек. Вместо первого, растерявшегося генерала Алексеева находился спокойный, уверенный Начальник штаба Верховного, приводящий в исполнение волю Государя Императора. Это классический пример отдачи приказания и его исполнения со всеми благодетельными результатами совместной дружной работы и Главнокомандующего, и начальника Его штаба».

Говоря о роли генерала Алексеева как безусловно одаренного полководца, нельзя не отметить и заслуг самого Государя, как Главковерха, поскольку нередким еще является заблуждение о том, что лишь одному Алексееву принадлежит честь фактического военного командования в Ставке. Согласно воспоминаниям офицера Ставки Н. Тихменева, противники принятия Императором Верховного командования отмечали, что «Государь не подготовлен к водительству войск. Но ведь Он и не брал на себя личной разработки стратегических операций. Для этого выбрал Себе Начальника штаба — генерала Алексеева, с именем которого были связаны победы в Галиции, человека широко подготовленного, огромной работоспособности, заслугами и дарованием поднявшегося из армейской толщи на высший пост главнокомандующего — и, при том, наиболее трудного в то время фронта, и уже проявившего себя и на этом посту. Государь не являлся, однако, человеком, лишь безучастно утверждавшим предположения Своего начальника Штаба. Все мы, служившие в Могилевской Ставке, знали, как ежедневно изучал Он обстановку но совместным докладам Начальника штаба и генерал-квартирмейстера в особом помещении со стенами, увешенными картами. Человек быстро схватывающего ума и огромной памяти, Государь ясно отдавал Себе отчет в задачах русского фронта и союзной кампании. И Своей Державной властью решения этих задач Он превращал в подлежащие исполнению директивы на военных советах в Ставке. Он давал свободу всем мнениям и лично утверждал окончательное решение.

Наконец, как это ни казалось странным со стороны, оба они — и Николай II и Алексеев — несмотря на разницу в возрасте, в воспитании, в своей военной биографии, своих привычках, сходились в одном. Свою службу, свое служение на высших должностях военной власти оба они понимали как “Священный

долг перед Родиной”. Слова Высочайшего Манифеста по поводу вступления России в войну (“Не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей”) отнюдь не были для Государя пустой декларацией. Оба не ждали от службы никаких наград и привилегий. И обоих отличала, казавшаяся многим неуместной и странной, убежденность в “Божием предопределении” судьбы России в текущей войне. То, что ход войны и даже ее результаты могут, к сожалению, оказаться не такими, на которые возлагались надежды в 1914 г., представлялось весьма вероятным. И у Николая II, и у Алексеева не возникало сомнений в сознании необходимости и неизбежности продолжения борьбы. Любой, даже самой дорогой, ценой нужно было добиваться победы для России в этой войне…»{30}.

В Могилеве, где до окончания войны находилась Ставка, Главковерх Государь Император занимал дом губернатора. Там же размещались придворные: гофмейстер, дворцовый комендант В.Н. Воейков, министр Императорского двора граф Б.В. Фредерике (тесть Воейкова) и дежурный флигель-адъютант. Вместе с отцом в Ставке жил Наследник Цесаревич Алексей Николаевич. В отдельном здании, через площадь, располагались «структуры правительственные»: квартира директора дипломатической канцелярии, управления начальника военных сообщений, морское и дежурного генерала. А Михаил Васильевич Алексеев жил и работал в здании бывшего Губернского правления, примыкавшего вплотную к губернаторскому дому. Полковник Л.И. Верховский (назначен военным министром осенью 1917 г., а до того служивший на Черноморском флоте) вспоминал, что Алексеев «занимал во втором этаже бывшего губернаторского дома маленький и тесный кабинетик». В «красном углу» была небольшая «божница»: иконы и лампадка. Рядом располагалась «святая святых всей русской армии» — генерал-квартирмейстерская часть. Здесь же располагался кабинет, в котором Алексеев делал доклады Николаю II, начинавшиеся регулярно после 10 часов утра, причем в своих дневниках Государь писал, что доклады были нередко «длинные», «продолжительные».

Лемке в своих воспоминаниях пишет: «На доклад начальника штаба Царь ходит к нам из своего подъезда мимо нашего дома в наш подъезд. Его сопровождают дворцовый комендант, дежурный флигель-адъютант и казак конвоя… наш дежурный штаб-офицер встречает его снаружи у нашего подъезда, рапортует и провожает наверх. Алексеев и Пустовойтенко при оружии, встречают его на верхней площадке». Собственно Ставка, по мнению Лемке, ее

«душа», — это генерал-квартирмейстерская часть: генералы Алексеев, Пустовойтенко, Борисов. «Царь очень внимательно относится к делу; Алексеев — человек очень прямой, глубоко честный, одаренный необыкновенной памятью… Новый штаб хочет отдалить себя от дел невоенных и стоит совершенно в стороне от придворных интриг; Алексеев и Пустовойтенко ничего не добиваются, ведут дело честно, не шумят, пыль в глаза никому не пускают, живут очень скромно».

На первом этаже размещалась мощная телеграфная станция, связывавшая Ставку с фронтами и Петроградом. Примечательный факт: «Алексеев приходил в аппаратную для разговора, несмотря на то что у него в кабинете же можно сделать переключение и разговаривать, никуда не выходя. Но он не хочет создавать хлопот для других из-за маленького своего удобства на десять минут».

К 10 часам утра Михаил Васильевич лично просматривал все донесения, полученные с фронтов за предыдущий день. По его мнению, доклад Главкому должен был быть максимально информативным (хотя бы и продолжительным), чтобы Николай II имел полное представление о положении на фронте, а также «чтобы у Государя не было даже мысли о том, что от него что-то скрывают». В первой, «информационной», «военно-стратегической» части доклада, содержавшей чтение донесений о положении всех 14 русских армий и 4 фронтов и указаний на крупномасштабной карте фронта, участвовали дежурный штаб-офицер Генерального штаба и (обязательно) генерал-квартирмейстер М.С. Пустовойтенко, занимавший при Алексееве аналогичные должности на Юго-Западном и Северо-Западном фронтах и переведенный в Могилев также по его инициативе. Во время второй части доклада, содержавшей «обсуждение произошедшего, принятие решений, назначения, рассмотрение важнейших государственных вопросов», анализа общего состояния внутренней и внешней политики, Алексеев оставался наедине с Государем, и содержание этих бесед не знал никто. Правда, иногда это удавалось сделать Лемке, который попросту подслушивал доклады Алексеева Государю через дверь и непрочную комнатную перегородку. По его оценке, Михаил Васильевич «очень ясно и громко читает по заранее заготовленному конспекту; Царь переспрашивает и интересуется не делом, а мелочами, фамилиями близких и т.п. Доклад делается Алексеевым в присутствии Пустовойтенко только в первой, оперативной части, а потом тот выходит и ждет конца, чтобы вместе с начальником штаба проводить Царя вниз». В половину первого пополудни начинался завтрак, после которого

наступало время приема Государем прибывших из Петрограда министров, высокопоставленных чиновников. Прием продолжался до трех часов, после чего Николай II отправлялся на прогулку и возвращался к штабным делам после шести часов вечера.

На основании подготовленных Алексеевым материалов составлялся, при необходимости, обобщенный доклад, с которым Государь выступал уже от своего имени. Борисов, также переведенный в Ставку Главковерха (хотя и на малозначимую должность «генерала для поручений»), отмечал, что Алексеев «в области оперативной работы отлично знал, что Государь привык в торжественные минуты воспроизводить заранее установленную и обсужденную тему, а не действовать по импровизации, по вдохновению. Так, на совещаниях собираемых в Ставке Главнокомандующих фронтов Алексеев всегда просил меня подрабатывать заранее, по мере хода совещаний, материал для того резюме-заключения, которое Государь как Верховный Главнокомандующий произносил в последнем совещании». По воспоминаниям Брусилова, во время совещания 1 апреля 1916 г., на котором обсуждались перспективы наступлений фронтов, в том числе будущего Брусиловского прорыва, Николай II «прениями не руководил, а обязанности эти исполнял Алексеев. Царь же все время сидел молча, не высказывал никаких мнений, а, по предложению Алексеева, своим авторитетом утверждал то, что решалось прениями Военного Совета и выводы, которые делал Алексеев».

Пустовойтенко и Борисов вполне подходили на роль помощников Алексеева, незаменимых там, где это было нужно самому Михаилу Васильевичу. Хотя влияние Борисова постоянно уменьшалось, в частности, из-за весьма настороженного отношения к нему со стороны супруги Алексеева, приезжавшей в Ставку Анне Николаевне представлялось, что Борисов, имевший репутацию «левого», «либерального» человека, способен повредить репутации се мужа. Что касается Пустовойтенко, то злые языки в Ставке, переделавшие его фамилию в «Пустоместенко», были, очевидно, недалеки от истины в том плане, что Михаил Васильевич постоянно стремился «брать на себя» решение всех, даже самых незначительных, вопросов штабной работы. По мнению о. Георгия Шавельского, это являлось отрицательной чертой характера генерала: «У генерала Алексеева был один весьма серьезный недостаток. В деле, в работе он все брал на себя, оставляя лишь мелочи своим помощникам. В то время, когда сам он поэтому надрывался над работой, его помощники почти бездельничали. Генерал-квартирмейстер был у него не больше как старший штабной

писарь. Может быть, именно вследствие этого Михаил Васильевич был слишком неразборчив в выборе себе помощников: не из-за талантов — он брал того, кто ему подвернулся под руку, или к кому он привык. Такая манера работы и такой способ выбора были безусловными минусами таланта Алексеева, дорого обходившимися прежде всего ему самому. Они сказались и на выборе генералом Алексеевым себе помощников для работы в Ставке».

Схожая оценка давалась этому качеству Верховским. Алексеев «не доверял своим помощникам и все телеграммы, приходящие в Ставку, прочитывал лично». «Человек потрясающей работоспособности», он «на каждой телеграмме» писал своим «бисерным почерком длиннейшие резолюции», которые затем рассылались Пустовойтенко по адресатам. Хотя еще в 1914 г. при выборе генерал-квартирмейстера Алексеев ставил на первое место Дитерихса, а Пустовойтенко — на последнее, для четкого, своевременного исполнения поручений своего начальника он вполне подходил. В отношении Борисова считалось, что он нужен как человек, обладавший «большим военным образованием и оригинальным умом». «Алексеев искал в нем то, что ему самому так не хватало — яркую оперативную мысль. Но он боялся ее и ни одного из планов Борисова не привел в исполнение, хотя советовался с ним». Следует отметить, что Алексееву действительно удалось поднять значение должности Начальника штаба Главковерха на значительно большую высоту, по сравнению с его предшественниками и преемниками, что позволяло более успешно контролировать весьма разностороннюю жизнь Ставки.

Но в отдельных случаях Наштаверх, не ожидая очередного прихода Государя в здание квартирмейстерской части, сам, «надев шашку», уходил после завтрака в губернаторский дом для согласования тех или иных вопросов. Генерал Деникин, называвший Алексеева «фактическим руководителем Вооруженных сил Русского государства», отмечал: «Такая комбинация, когда военные операции задумываются, разрабатываются и проводятся признанным стратегом, а “повеления” исходят от верховной — и притом самодержавной — власти, могла быть удачной». При этом, правда, он подчеркивал весьма показательный психологический момент: «Государь не имел достаточной властности, твердости и силы характера, и генерал Алексеев, по тем же причинам, не умел “повелевать именем Царя”».

Наверное, можно было бы согласиться с мнением, что «настоящим Верховным Главнокомандующим становился новый

начальник штаба — М.В. Алексеев» и «Император смотрит на все глазами Алексеева», если не учитывать, что Николай II отнюдь не отличался слабоволием и психологически, в силу своего характера, последнее слово при принятии принципиальных решений все равно сохранял за собой. В многочисленных «всеподданнейших докладах», которые начальник штаба регулярно составлял Государю, обосновывались выгоды и недостатки тех или иных военных решений, но никогда не навязывалось их принятие или отвержение. Вопросы стратегического планирования, безусловно, согласовывались с Алексеевым, тогда как вопросы назначений и отставок, регулирования отношений среди командного состава, дипломатические — оставались в полной компетенции Николая II.

По воспоминаниям главы британской военной миссии при Ставке генерал-майора Д. Хэнбери-Уильямса, хотя все вопросы стратегического планирования и снабжения обсуждались Государем с Алексеевым, но при этом «особые, почти личные, вопросы» английский посланник «обсуждал с Его Величеством, не ставя в известность Алексеева». И, хотя «Государь беседовал с Михаилом Васильевичем и спрашивал его мнений и советов по общегосударственным делам, не имевшим отношения к стратегии», не следует считать Алексеева неким «серым кардиналом» в разработке политических вопросов, а также преувеличивать степень «милостей», которые якобы «незаслуженно давались» «неблагодарному» генералу. Напротив, многие считали Алексеева образцом личной скромности. Ведь в то время как все главнокомандующие армиями фронтов имели Георгиевские награды высоких степеней и состояли в Свите Его Величества, Начальник штаба «все ходил в своих скромных погонах Генерального штаба с маленьким Георгием на груди». Считалось при этом, что «Алексеев был слишком серьезен, слишком большой аналитик. Он как бы невольно охлаждал Государя своей серьезностью. Демократическое происхождение, по всей вероятности, также играло не последнюю роль в этом отношении. Несомненно и то, что кое-кто из приближенных Государя не без боязни и опасений следил за развитием его отношений к Алексееву и при случае принимал меры “понижения температуры”».

Интересные штрихи «портрета» Наштаверха отмечал и Верховский, встречавшийся с ним в Могилеве: «Внешне Алексеев напоминал маленького корявенького мужичонку из средней полосы России. Держался он необычайно просто, не так, как большинство из высшего командования Русской армии, у

которого внешняя недоступность и пренебрежительное отношение к окружающим должны были прикрыть внутреннюю пустоту и убожество мысли». Примечательно, что вскоре после вступления в должность Наштаверха, 5 октября 1915 г., Алексеев утвердил повышение денежного довольствия для офицеров строевых частей на фронте.

Вот как — весьма обстоятельно и пространно — описывал Лемке свои впечатления от службы в Ставке с Алексеевым:

«При внимательном знакомстве с формулярным списком этого талантливого стратега нельзя не остановиться, прежде всего, на мысли, что за отсутствием во всю свою службу какой бы то ни было “руки” или протекции, Алексеев обязан всем своим положением исключительно самому себе. У него оно действительно заслужено, он выделился исключительно своим упорным трудом в избранной специальности, обладая природными военными способностями.

Когда беседуешь с людьми, видящими Алексеева 15 месяцев войны изо дня в день, вполне понимаешь, какая гигантская рабочая военная сила заключена в этом среднего роста человеке. Многие годы неведомый широким кругам общества Алексеев работал над вопросами стратегии, приобрел в этой области выделяющую его компетентность и — война родит героев — явил себя России в роли главнокомандующего армиями самого серьезного нашего фронта.

И теперь все время Алексеев работает неутомимо, лишая себя всякого отдыха. Быстро он ест: еще быстрее, если можно так выразиться, спит и затем всегда спешит в свой незатейливый кабинет, где уже не торопясь, с полным, поражающим всех, вниманием слушает доклады или сам работает для доклада. Никакие мелочи не в состоянии отвлечь его от главной нити дела. Он хорошо понимает и по опыту знает, что армии ждут от штаба не только регистрации событий настоящего дня, но и возможного направления событий дня завтрашнего. Удивительная намять, ясность и простота мысли обращают на него общее внимание. Таков же и его язык: простой, выпуклый и вполне определенный — определенный иногда до того, что он не всем нравится, но Алексеев знает, что вынужден к нему долгом службы, а карьеры, которая требует моральных и служебных компромиссов, он никогда не делал, мало думает о ней и теперь. Дума его одна — всем сердцем и умом помочь Родине.

Если, идя по помещению штаба, вы встретите седого генерала, быстро и озабоченно проходящего мимо, но уже узнавшего в вас своего подчиненного и потому приветливо, как-то особенно сердечно, но не приторно улыбающегося вам, — это

Алексеев. Если вы видите генерала, внимательно, вдумчиво и до конца спокойно выслушивающего мнение офицера, — это Алексеев. Но если вы видите пред собой строгого, начальственно оглядывающего вас генерала, на лице которого написано все величие его служебного положения, — вы не перед Алексеевым…

Алексеев понимает, что при Царе как главнокомандующем он не может рисковать, так как неудача задуманного им риска сделает ответственным за него самого Царя…

Алексеев — человек рабочий, сурово воспитанный трудовой жизнью бедняка, мягкий по внешнему выражению своих чувств, но твердый в основании своих корней; веселье и юмор свойственны ему, скорее, как сатирику; человек, не умеющий сказать слова с людьми, с которыми по существу не о чем или незачем говорить, военный по всему своему складу, природный воин, одаренный всем, что нужно руководителю, кроме разве умения быть иногда жестоким; человек, которого нельзя себе представить ни в какой другой обстановке, практик военного дела, которое знает от юнкерского ранца до руководства крупными строевыми частями; очень доступный каждому, лишенный всякой внешней помпы, товарищ всех подчиненных, не способный к интригам…

Алексеев глубоко религиозен; он всегда истово крестится перед едой и после нее, аккуратно по субботам и накануне больших праздников ходит к вечерне и т.д. Глубокая и простая вера утешает его в самые тяжелые минуты серьезного служения родине. Отсюда же у него неспособность всегда предвидеть чужую подлость, он готов в каждом видеть хорошее. Это не мешает ему часто в разговоре с близкими называть кого следует “скотами”, “мерзавцами”, “сволочью” и т.п.

Жена его очень симпатична, проста, деятельна и внешне до сих пор красива и моложава. Единственный их сын, Николай Михайлович, корнет Л.-Гв. Уланского Его Величества полка, все время в строю. Этот вопрос разрешен тоже по-алексеевски: он не хочет, чтобы его сын подал пример “устройства” при безопасных штабах, а сын понимает это еще лучше.

Алексеев неприхотлив и обходится тем, что есть. Если ему подают за столом что-нибудь плохое, он говорит, что плохо, но ест. В мелочной повседневной жизни он нуждается в опеке, которая всегда и была на обязанности жены… Как умный человек Алексеев отнюдь не разделяет курс современной реакционной политики, чувствует основные ошибки правительства и ясно видит, что царь окружен людьми, совершенно лишенными здравого смысла и чести, но зато преисполненными планами устройства личной своей судьбы. Он не раз высказывал, что

манифест об устройстве самостоятельного Царства Польского должен был быть опубликован не тогда, когда вся Польша уже была отдана немцам, а в самом начале войны.

Память Алексеева изумительна. Как Главнокомандующий Северо-Западным фронтом он, бывало, сидел и часами изучал карту и получаемые телеграммы. Затем садился к письменному столу и, уже не глядя ни на карту, ни в телеграммы, писал своим бисерным почерком директиву на трех-четырех листах, точно означая место каждого корпуса и дивизии, все пункты и т.п. Имея орден Белого орла, вернее, право на него, он не носит его, потому что сам еще не купил, а казенного не прислали. Он глубоко презирает всех, кто не знает, что служит родине, но хорошо знает двор и помнит свою карьеру. И он убежден, что, если к весне 1916 г. дела поправятся, его удалят, чтобы дать закончить войну людям из “своих”. А так как он ничего не добивается, то и служит по совести, пока нужен…»

И вот еще один весьма показательный штрих, отмеченный уже Борисовым. «Со всей ревнивостью настоящего служаки и человека, больше всего дорожащего пользой великого дела, которому он служил, Михаил Васильевич оберегал дело от всяких посторонних влияний и вмешательств. В этом отношении он, столь неограниченно деликатный и мягкий, сразу давал понять, что не допустит в святая святых тех, кому этого хотелось бы лишь для собственного любопытства». Важно понять и оценить подобные качества начальника штаба Главковерха: именно в это время разгорелся известный «шпионский скандал», связанный с разоблачением деятельности полковника С.Н. Мясоедова, обвинениями в адрес военного министра Сухомлинова и других сотрудников Военного управления. Позднее, в августе 1917 г., Алексеев в качестве свидетеля давал показания Следственной комиссии по «делу Сухомлинова» и, хотя не приводил фактов ошибочной или преступной работы бывшего военного министра, не верил в то, что бывший военный министр являлся «изменником», но обвинял министерство в неоправданной доверчивости в деловых контактах. Вероятность внедрения немецкой разведки даже в самые высшие «сферы» не исключалась. Щепетильность и настойчивость Алексеева в соблюдении военных секретов относилась не только к себе самому, но и к самым близким ему людям. Он, как известно, настоятельно требовал от сына сжигать его весьма доверительные письма (что, правда, сыном далеко не всегда делалось).

В этой связи уместно также отметить отношение генерала к разведывательной и контрразведывательной работам, роль которых в годы войны существенно возросла. По довольно

категоричному мнению одного из основателей отечественной контрразведки генерал-майора Н.С. Батюшина, Алексеев не придавал должного значения работе спецслужб при штабах и на фронте. «В самой Ставке Верховного Главнокомандующего, — отмечал Батюшин, — настолько не придают значения делу тайной разведки, что даже не формируют особого разведывательного отделения для общего руководства этим нелегким делом в армиях и для постановки очередных задач Главному управлению Генерального штаба. Этим же обстоятельством надлежит объяснить и полное игнорирование Ставкой радиотелеграфной разведки, когда дело это было поставлено в подчиненном ей флоте, откуда и можно было бы “пересадить” его в сухопутную армию… Ставка Верховного Главнокомандующего обращала на контрразведку столько же внимания, сколько и на тайную разведку, то есть предоставила им обеим работать по их собственному усмотрению, без общего руководства. Между тем война изъяла контрразведывательные отделения штабов армий и военных округов на театре военных действий из подчинения Главного управления Генерального штаба, предоставив наблюдение за их работой штабам фронтов и отдельных армий… Только 6 июня 1915 года Верховный Главнокомандующий утвердил новое “Наставление по контрразведке в военное время”. Таким образом, почти весь первый год войны контрразведкой никто из высших военных органов не интересовался совсем, и потому она велась бессистемно, чтобы не сказать — спустя рукава».

Особое раздражение у Батюшина вызывало безграничное доверие, которым пользовался в Ставке Лемке. Батюшин отмечал, что Лемке «совершенно откровенно говорит о том, как он использовал доверчивость и халатность чинов Ставки — до генерала Алексеева включительно — чтобы похищать секретные военные документы. Он копировал их почти что на глазах у всех и ежедневно в казенных пакетах отправлял их в Петроград с фельдъегерями». Когда же Лемке заподозрили в чрезмерном внимании к военным сведениям, то ему удалось представить свое положение как жертвы «жандармской слежки» и, «базируясь на безграничном к нему доверии генералов Алексеева и Пустовойтенко», обеспечить свою неприкосновенность. «Алексеев, — писал в своем дневнике Лемке, — был вообще возмущен работой жандармов; говорил, что они пересадили в контрразведку политический сыск, совершенно не способны отказаться от него и даже провоцируют, считая это лучшим способом уловления». С большим трудом, не без содействия дворцового коменданта В.Н. Воейкова, Батюшину удалось

добиться перевода Лемке из Ставки (2 июня 1916 г.) в ГУГШ.

Как можно заметить, Алексеев, при характерных для него подозрительности и беспокойстве, не доверял работе разведки в борьбе с «внутренними врагами». Здесь играла роль очевидная неприязнь военного цензора вообще к «жандармерии» и «политическому сыску». Думается, однако, что Батюшин несколько преувеличивает степень того влияния, которым пользовался Лемке в Ставке. Ведь непосредственного доступа к секретным картам и схемам этот офицер не имел, а та информация, которую он получал, не имела систематизированного характера. Лемке, но собственному признанию, пользовался несовершенством распорядка дня в Ставке. Зная, что во время завтраков управление генерал-квартирмейстера пустеет, «кроме дежурного по аппаратной внизу», он мог «сделать, что хочешь, со всем, что не заперто». Ему, несомненно, удавалось копировать многие документы, а также собирать разнообразные, подчас противоречивые, слухи, делая на основании их выводы, тщательно заносимые в дневник. Этот дневник можно считать вполне достоверным историческим источником о жизни Ставки в 1915—1916 гг.

Что же касается отношения Алексеева к организации самостоятельных структур спецслужб, то здесь его «пассивность» вполне объяснима нежеланием выделять кадры разведчиков и контрразведчиков из уже имеющихся генерал-квартирмейстерских отделов. Кроме того, создание органов подобного рода должно было получить одобрение Государя, а его отношение к организационным нововведениям в военное время трудно назвать безусловно позитивным. Алексеев, очевидно, считал, что для противодействия шпионажу целесообразно использовать действующие судебно-следственные подразделения и отделы квартирмейстерской части. Разведывательная информация, с точки зрения Михаила Васильевича, была важна не сама по себе, не собранная по принципу «полного мешка», а тщательно отобранная, систематизированная и проанализированная. Так, например, в январе 1916 г. генерал телеграфировал в ответ на собранные начальником штаба Одесского военного округа сведения: «Благоволите относиться критически и вдумчиво к сообщаемым вами агентурным сведениям, не давая ходу явно вздорным. Это вредно. Потребуйте от начальника разведывательного отделения исполнения обязанности не простого собирателя сведений, а офицера, изучающего весь поступающий материал. Нужно уметь разбирать, сличать, оценивать».

Немаловажным для понимания отношения Алексеева к

контрразведке следует считать и его негативную позицию к намерениям Министерства внутренних дел поставить, формально и фактически, под свой контроль службу борьбы с военным шпионажем. В этом случае получалось бы опасное совмещение уголовного, военного и политического следственного производства. Поэтому на предложения МВД о реорганизации контрразведки в письме от 12 февраля 1916 г. Алексеев и Пустовойтенко ответили: «1) на театре войны нечего изменять, так как все жандармские организации уже имеют обязанность следить и передавать сведения в контрразведывательные отделения; 2) вне театра военных действий обязать все жандармские учреждения следить за шпионами, но приступать к ликвидации не иначе, как с согласия военных подлежащих властей, т.е. начальников штабов округов, которым по этим вопросам обязан докладывать губернский жандарм».

Тем не менее нельзя не отметить и заслуг Михаила Васильевича в становлении отечественных спецслужб. Еще 1 октября 1915 г. Алексеев отправил главкомам фронтов телеграмму, в которой особо подчеркивал важность тактической разведки в плане информации, получаемой на допросах военнопленных: «В данную минуту нам более, чем когда-либо, важно знать действительную силу и распределение находящихся перед нами австро-германских войск… до настоящего времени наша разведка не дает необходимых сведений, опросы пленных недостаточно тщательны и настойчивы, не выясняется число батальонов в полках, число людей в ротах и батальонах, что часто ведет к преувеличенным выводам о силе противника. Необходимо сосредоточить опрос большинства пленных в штабах армий, произвести тщательную поверку всех имеющихся сведений и устроить более энергичный захват пленных».

Не оставалась без внимания и «стратегическая разведка». В марте 1916 г. Алексеев поддержал инициативу действительного статского советника В.Г. Орлова в деле организации борьбы с австро-немецким шпионажем. С должности военного переводчика, аналогичной должности Лемке, Орлов 2 апреля 1916 г. был переведен на специально созданную для него должность военного следователя но особо важным делам при штабе Верховного Главнокомандующего. Алексеев лично содействовал работе Орлова, с отцом которого он был знаком еще с Русско-турецкой войны. По данным современного историка отечественных спецслужб А.А. Здановича, благодаря работе Орлова «в полосе действий фронта удалось вскрыть крупную нелегальную организацию австрийской разведки, состоявшую почти из 50 человек». Орлов успешно провел «расследование по

факту бегства к врагу коменданта одного из корпусов штабс-капитана Янсена». В октябре 1915 г. интерес Ставки привлекло издание в Одессе газеты «Унзер лебен» на еврейском языке. Местные военные власти отметили, что газета с трудом подвергается цензуре, поскольку цензоры-евреи могут пропускать на ее страницы антирусскую, а также шпионскую информацию. Алексеев одобрил решение о закрытии газеты и не согласился с ходатайствами (в том числе членов Государственной думы) о возобновлении издания.

Но наибольший резонанс и весьма заметный эффект имела работа созданной 31 мая 1916 г., при непосредственной поддержке Алексеева, Комиссии для борьбы с военными шпионами и мародерами тыла. Михаил Васильевич активно поддерживал создание структур, ведущих борьбу с экономическими преступлениями. Еще летом 1916 г. с санкции Алексеева был арестован известный банкир Д. Рубинштейн, «переводивший крупные суммы через Скандинавские страны в Германию». Косвенно это наносило удар и по Распутину, знакомому с Рубинштейном и получавшему от него поддержку, и, вероятно, по сионистским политическим кругам.

Комиссию возглавил Батюшин, столь критично относившийся к работе Ставки. «В район этой Комиссии, — но оценке Батюшина, — входила не только территория Европейской России, но и оккупированная часть Персии». Благодаря ее работе вскрылись значительные злоупотребления при продаже сахара крупнейшими сахарозаводчиками-фабрикантами России. Было установлено, что сахар-рафинад «переправлялся нелегальным путем через границу, а затем караванами шел на Багдад для снабжения наших противников». А 26 октября 1916 г. в очередном номере «Правительственного вестника» было опубликовано сообщение об аресте «по распоряжению военных властей на театре военных действий — киевских сахарозаводчиков: Израиля Бабушкина, Авеля Гопнера и Абрама Доброго — за противодействие снабжению армии сахаром, умышленное сокращение выпуска сахара на внутренний рынок Империи и злонамеренный вывоз сахара за границу в ущерб снабжению воюющей армии и населения». Алексееву и Батюшину пришлось преодолевать активное противодействие работе Комиссии со стороны М. Цехановского — Председателя Правления Всероссийского общества сахарозаводчиков. По оценке историка Здановича, в прессе «началась травля и дискредитация Комиссии генерала Батюшина», и «только авторитет создателя Комиссии — Михаила Васильевича Алексеева, его всемерная поддержка, вплоть до докладов Царю как Верховному Главнокомандующему,

спасали дело и расследования продолжались».

Примечательны характеристики, даваемые генералу Цехановским заинтересованным в срыве работ Комиссии из Ставки. Когда Алексеевым было направлено письмо на имя министра земледелия графа А.А. Бобринского, то Цехановский, ознакомившись с ним, с согласия министра заявил: «Трудно было себе представить более грубое, глупое и бестактное письмо… говорилось об алчности и жадности сахарозаводчиков, об эксплуатации ими русского народа… Алексеев требовал увольнения председателя Центросахара Орлова, назначенного Бобринским… Письмо было подписано генералом Алексеевым, при этом им лично были подчеркнуты пикантные слова письма: “алчность”, “жадность”, “эксплуатация” и другие… Никоим образом генерал Алексеев не мог вторгаться в сферу деятельности гражданского управления».

К сожалению, этим фактам борьбы Алексеева с реальными антироссийскими «темными силами» уделяется гораздо меньше внимания, чем пресловутым поискам связей генерала с мифическими «темными силами» масонов и легендарными творцами «дворцового переворота». Несмотря на то что накануне февральских событий 1917 года сахарозаводчики были оправданы решением Государя, удар по спекулятивным интересам тылового капитала был все-таки нанесен ощутимый.

Наконец, нельзя не отметить еще одну несомненную заслугу Михаила Васильевича перед отечественными спецслужбами. Став Главковерхом, Алексеев, опираясь на поддержку ГУГШ и, во многом, вопреки ставшему военным министром Л.И. Гучкову, распорядился о создании долгожданной Контрразведывательной части (КРЧ) при штабе Верховного Главнокомандующего. КРЧ начала свою работу 7 апреля 1917 г. И хотя ее штаты были крайне малы (4 человека), все же сам факт выделения контрразведки в отдельную структуру нельзя обойти вниманием. КРЧ активно занималась выявлением контактов немецкой и австрийской разведки с различными политическими деятелями в тылу, особое внимание уделяя членам РСДРП(б)[{31}].

Весьма беспокойными и подчас раздражительными представлялись Михаилу Васильевичу желания придворных, находившихся в Ставке, и многочисленных представителей «общественности» узнать детали готовившихся военных операций и стратегических планов. То, что в мирное время могло казаться «праздным любопытством», в условиях тяжелой войны представлялось преступным и легкомысленным желанием получить информацию о вещах, в которых могут и должны разбираться только военные соответствующего чина и должности.

Так, Алексеев «решительно пресек» подобные намерения со стороны министра Императорского двора графа Фредерикса. Дворцовый комендант Воейков, которому Алексеев, по образному выражению самого коменданта, «едва не прищемил носа», также не допускался к обсуждению военных планов. Приезжавший в Ставку митрополит Иннокентий, несмотря на свой высокий «духовный сан», получил от Алексеева «вежливый отказ» при попытке «узнать о наших военных планах».

Бывший начальник штаба Северного фронта генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич описывал в своих воспоминаниях характерный инцидент, связанный с его беседой с членом Государственного совета графом А.А. Бобринским — одним из участников «дела сахарозаводчиков». Решив, по собственному признанию, «использовать разговор» с графом «для того, чтобы истинное, весьма плачевное, положение дел на театре военных действий стало известно и наверху», в «высших петербургских сферах», Бонч-Бруевич был неприятно удивлен, что спустя две недели содержание этого «частного» разговора стало известно Алексееву, и в штаб Северного фронта из Ставки была отправлена весьма характерная директива о недопустимости и опасности подобных «бесед» в военное время. Алексеев предписывал Бонч-Бруевичу «представить свои объяснения, почему он считает не только возможным, но и уместным и желательным посвящать в служебные секреты и дела лиц, совершенно не принадлежавших к составу армии, без убеждения, что дела эти и суждения не сделаются известными большому числу лиц и не явятся источником тревоги нашего нервно-настроенного общества; главное же — эти суждения, сделавшись достоянием общим, могут быть получены и нашим противником».

Борьбу со шпионажем, безусловно, облегчало бы укрепление внутренней, штабной дисциплины, в том числе и такая специфическая мера, как «борьба с болтливостью». Хорошо характеризует Алексеева изданное им специальное приказание, где указывалось: «До настоящего времени меры борьбы с болтливостью чинов армий, вредящей тайне, решительных результатов не дали. По поступающим из многих источников сведениям, лица, принадлежащие к составу армий или учреждений, не соблюдают должной осторожности и сдержанности, особенно в разговорах в общественных местах. Многое также свободно передается семьям, а оттуда очень быстро получает широкое распространение. Замечено, что эта преступная болтливость постепенно приобретает все большую и большую беззастенчивость, требующую применения действенных мер борьбы с этой опасностью.

Это обстоятельство обратило на себя внимание Его Императорского Величества, повелевшего, чтобы начальствующие лица всех степеней прежде всего вновь обратились к патриотическим чувствам вверенных им чинов, напомнив им опасные последствия малейшей в указанном отношении неосторожности и нескромности. Государь Император твердо верит, что путем разъяснений на соответствующих практических примерах можно ярко и убедительно представить весь вред, приносимый военному делу подобного рода болтливостью, и добиться соблюдения должной осторожности как в разговорах, так и в письменных сношениях.

Вместе с тем Его Императорское Величество повелевает виновных в несоблюдении этого основного требования, предъявляемого военными обстоятельствами к каждому истинному слуге Царя и Родины, подвергать взысканиям со всей строгостью законов, давая широкую огласку как обстоятельствам совершенного преступления, так и наложенным за него взысканиям, с упоминанием, кем именно это преступление было совершено».

Даже Николай II был вынужден выслушать от Алексеева упрек в том, что «одно из лиц Свиты слишком быстро узнало о решении чрезвычайной важности, известном лишь Государю и ему». Как вспоминал позднее генерал Деникин, в беседе с ним Алексеев с сожалением привел пример вероятной «утечки информации» даже от Императрицы Александры Федоровны: «При разборе бумаг Императрицы нашли у нее карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготовлялась только в двух экземплярах — для меня и Государя. Это произвело на меня удручающее впечатление. Мало ли кто мог воспользоваться ею». Подтверждает подобную реакцию и Кондзеровский: «Один только раз, придя к генералу Алексееву с докладом, я застал его в страшно возбужденном состоянии, бегающим взад и вперед по его маленькому служебному кабинету. И тут он мне взволнованно сказал несколько слов о том, какое ужасное влияние имеет на Государя Императрица, как она этим портит Государю и как вредит всему».

Отрицательно отнесся Алексеев и к возможному приезду в Ставку Г. Распутина, заявив о своей отставке в том случае, если «Царский друг» окажется в «святая святых» штабной работы. «Глас народа — глас Божий» отмечал генерал, полагавший, что допускать в Ставку «человека, о котором армия и народ единодушно самого отрицательного мнения», — нельзя. Попытку генерала завязать разговор о пагубности влияния Григория Ефимовича на «царский престиж» Николай II резко пресек,

заявив, что «это мое личное, частное дело». Императрица, хорошо относившаяся к Алексееву, считала необходимым преодолеть отчуждение генерала от «Царского друга». С этой целью в августе 1916 г., во время празднования годовщины вступления Николая II в должность Верховного Главнокомандующего и приезда Царской семьи в Ставку, Александра Федоровна попыталась лично переубедить Алексеева в его отношении к Распутину. По воспоминаниям дочери генерала Веры Михайловны, Императрица настойчиво внушала Михаилу Васильевичу, что он «не нрав в своих отношениях к “старцу”, что он святой человек, преданный Царской семье, за которую ревностно молится, и если бы он смог посетить Ставку, то принес бы большое счастье. Алексеев ответил: “Я не имею права противиться воле Вашего Величества, но должен доложить, что день приезда Распутина в Ставку будет днем моей отставки…” Распутин в Ставку не приехал… Но после этого откровенного и категорического заявления отца Государыне, он нажил себе се нерасположение, а также стал нежелательным и неприемлемым как ближайший сотрудник Государя для лиц, строящих свое благополучие в окружении Распутина».

И все же было бы несправедливо и необъективно оценивать отношения Царской семьи к Алексееву исключительно через отношение последнего к Распутину. Михаил Васильевич, крайне обеспокоенный любым сторонним вмешательством в стратегические разработки операций, не мог и не имел нрава принимать «внушенные свыше» такие «советы старца», как, например, необходимость наступления на том или ином участке фронта. А в том, что подобного рода указания давались Распутиным (хотя и в частном порядке), в Ставке знали. Предполагая также, что приезд Григория Ефимовича в Могилев будет сопровождаться его неизбежным посещением всех помещений Ставки, в том числе квартирмейстерской части и комнаты для докладов Государю, Алексеев опасался, пусть даже и непроизвольной, «утечки» важной информации «постороннему» (для генерала) человеку и сопровождающим его лицам. Очевидно для того, чтобы избежать подобного рода неприятностей и при этом не давать повода для обвинений в нелояльности к Царской семье, Михаил Васильевич не видел для себя иного выхода, как уйти из Ставки, избежать ответственности за то, что в военно-оперативные вопросы могут вмешаться непрофессионалы.

Вывод же о том, что после отказа Алексеева принимать «царского друга» в Ставке генерал стал в глазах Императора и Императрицы «опасным либералом», — неверен. Хотя для «антираспутинских сил» подобный поступок генерала

свидетельствовал едва ли не о его готовности к «радикальным переменам» во власти. Но лучше всего об отношении к Алексееву свидетельствует переписка Николая II и Александры Федоровны. Еще в конце августа 1915 г., в момент вступления Алексеева в должность Наштаверха, Императрица просила супруга передать генералу благословение иконой Святого Иоанна Воина «с моими наилучшими пожеланиями». Императрица считала, что «работа с Алексеевым» идет «приятно и быстро», в чем ее убедило ответное письмо Николая II: «Алексеев так хорошо их (доклады. — *В.Ц.)* делает. Он был тронут иконкой и благословением, которые ты послала через меня. Н. (Великий князь Николай Николаевич, уезжавший из Ставки для вступления в командование Кавказским фронтом. — *В.Ц.)* повторил мне, что уезжает отсюда вполне спокойным, зная, что у меня такая подмога в лице Алексеева». В другом письме Император писал: «Не могу тебе передать, до чего я доволен генералом Алексеевым. Какой он добросовестный, умный и скромный человек, и какой работник! Доклады его совсем в другом роде, чем те, что мне делались раньше. Он работает один, но у него есть два маленьких генерала — Пустовойтенко и Борисов, которые были с ним много лет и помогают ему только в деталях и во второстепенных вопросах». Императрица беспокоилась и о здоровье генерала: «Так отрадно узнать, что ты доволен Алексеевым и находишь работу с ним приятной. Будет ли Драгомиров (генерал от кавалерии А.М. Драгомиров стал в 1918 г. одним из ближайших сотрудников Алексеева на белом Юге России. — *В.Ц.)* назначен его помощником? Алексеев всегда может заболеть, и лучше иметь человека, немного осведомленного в делах».

В марте 1916 г., во время боев Нарочской операции, Николай II, полностью доверяя своему начальнику штаба, согласовал с ним свой отъезд из Ставки в Царское Село для долгожданной встречи с семьей: «Подумай, Алексеев сказал мне, что я могу съездить на неделю домой!… Я очень радуюсь этому неожиданному счастью». Александра Федоровна отвечала: «Ты можешь сказать Алексееву, вместе с приветом от меня, что я думаю о нем с благодарным сердцем».

Месяц спустя, накануне праздника Пасхи, Императрица напоминала супругу: «Произведешь ли ты к Пасхе Алексеева в генерал-адъютанты?… А если ты причастишься теперь вместе с Алексеевым и твоими приближенными, это принесет им и твоему делу особое благословение». А в ответных письмах Николай II писал о предстоящем Светлом Празднике в Ставке: «Разумеется, я хожу в церковь утром и вечером. Отец Шавельский так хорошо служит, ровно час. Алексеев и много других из штаба

причащаются в четверг (Великий Четверток. — *В.Ц.)*. Мне жаль, что я не смогу причаститься вместе с ними, но я не хочу менять своего духовника!.. Действительно, тяжело быть в разлуке на Пасху. Конечно, я не пропустил ни одной службы. Сегодня оба раза Алексеев, Нилов, Иванов и я несли Плащаницу. Все наши казаки и масса солдат стояли около церкви но пути крестного хода». Праздник Светлого Христова Воскресения в Ставке в 1916 году прошел единодушно. Как отмечал Лемке, в Великий Пяток, как и полагается воцерковленному христианину, «Алексеев не завтракал, и вообще ничего не ел до выноса Плащаницы. Ее выносили: впереди — Иванов и Нилов, сзади — Алексеев и Царь… Алексеев послал Царице поздравление по случаю принятия ею Святых Тайн; сегодня она благодарит его и также поздравляет».

Наконец, после описанного выше приезда Царской семьи в Ставку и состоявшейся беседы Императрицы с Алексеевым в ее письмах, написанных после возвращения в Царское Село (3 августа и 6 августа 1916 г.), отнюдь не звучит неприязнь к Алексееву. Напротив, скорее можно говорить о сожалении Александры Федоровны в том, что генерал не понимает, какую пользу стране и армии и ему лично может принести молитвенная помощь «царского друга», как «досадно, что масса людей пишет гнусные письма против Него (в переписке о Распутине писали с большой буквы. — *В.Ц.)* Алексееву». «Если только Алексеев принял икону нашего Друга (показательно, что генералу была передана икона от Распутина. — *В.Ц.)* с подобающим настроением, то Бог, несомненно, благословит его труды с тобой. Не бойся упоминать о Григории при нем — благодаря Ему ты сохранил решимость и взял на себя командование год тому назад, когда все были против тебя, скажи ему это, и он тогда постигнет всю мудрость и многие случаи чудесного избавления на войне тех, за кого Он молится и кому Он известен, не говоря уже о Бэби (Наследник Цесаревич. — *В.Ц.)* и об Ане (Вырубовой. — *В.Ц.*)». И уже 9 августа Александра Федоровна пишет об отправке русских войск и санитарного отряда во Францию, добавляя при этом, что «Алексеев одобрил эту идею».

Единственным, хотя и довольно существенным в глазах Государыни Императрицы изъяном Алексеева было отсутствие «души» у генерала, что отмечалось ею в письмах, отправленных в Ставку уже во время болезни Михаила Васильевича в ноябре 1916 г.

Чрезвычайные подозрительность и скрытность в работе начальника штаба, безусловно оправданные в условиях войны, вызывали у многих сотрудников Ставки (особенно у

приближенных ко двору) скептическое отношение к нему, сомнение даже в его искренности и преданности Государю. Это обстоятельство, вероятно, сыграло определенную роль в появлении слухов о неких, якобы «заговорщицких», планах генерала, о его «тайных связях» с «врагами Престола». Даже такие «мелочи», как отсутствие Алексеева на «завтраках» в присутствии Императрицы, вполне объяснимое крайней занятостью начальника штаба, или отказ в предоставлении паровозов и вагонов для Поездов Великих князей, находившихся в Ставке, оценивались как его «демонстративное нерасположение» к Царскому дому. И это при том, что ежедневные «утренние доклады занимали много времени у Михаила Васильевича, в те же дни, когда Алексеев еще, кроме того, и завтракал у Государя, у него непроизводительно пропадало все самое ценное время с утра до 2-х — 3-х часов дня». Алексеев — единственный из Ставки — принципиально сам платил за себя всю стоимость «завтраков», не принимая расходов на казенный счет.

В конце концов Алексеев обратился с просьбой к Государю о возможном его «освобождении» от обязательных завтраков. Как отмечал о. Георгий Шавельский, «Государь уважил просьбу старика, но просил его помнить, что его место за столом всегда будет свободно, и он может занимать его всякий раз, когда найдет возможным. После этого генерал Алексеев являлся к высочайшим завтракам… но вторникам и воскресеньям (до этого генерал бывал на “завтраках” через день. — *В.Ц.),* а в остальные дни питался в штабной столовой, где, как хозяин, он чувствовал себя свободно и по собственному усмотрению мог распоряжаться временем… На высочайших завтраках и обедах, как первое лицо после Государя, он по этикету должен был занимать за столом место по правую руку Государя. Зато во время закуски, во время обхода Государем гостей, он всегда скромно выбирал самое незаметное место в каком-либо уголку и там, подозвав к себе интересного человека, вел с ним деловую беседу, стараясь использовать и трапезное время».

Временно замещавший Алексеева во время его лечения в Крыму генерал от кавалерии В.И. Гурко также отмечал, что Михаил Васильевич предпочитал постоянно обедать в штабной столовой, вместе с остальными чинами Ставки. Здесь к соблюдению «обеденного этикета» относились гораздо проще. Кроме того, обеды в столовой «давали ему удобную возможность для общения со своими подчиненными, которых он, разумеется, в иных условиях встречал очень редко». Он мог также «переговорить с лицами, прибывшими в Ставку но делам и на беседы с которыми ему иначе приходилось бы тратить свое

драгоценное время».

Можно отметить и еще одну, вполне прозаическую, причину отсутствия генерала на «высочайших завтраках». Выросший в простой армейской среде Алексеев смущался отсутствием, как он считал, должных манер ведения застольных бесед, светских разговоров, общепринятых этикетных правил, тем более в присутствии придворных. В этом, а не в намеренном игнорировании, «пренебрежении царскими милостями», «плебейской неблагодарности» (как нередко утверждается в исторической публицистике), следовало видеть причины крайне нерегулярного посещения генералом светских праздников и застолий. Нарушения правил этикета порой приводили его к конфузам, подобным спорам из-за размещения за столом во время «царских завтраков» (Алексеев сидел рядом с Государем на самом почетном месте — по правую руку, а по левую садился Цесаревич) или по поводу преждевременного выхода из-за стола («не дождавшись кофе»). Придворные аристократы, бдительно следившие за нормами «салонной жизни», снисходительно, но с определенной долей небрежения комментировали затем конфузы генерала. Впрочем, для самого Алексеева такие тонкости не имели существенного значения, поскольку главной своей задачей, будучи в Ставке, он считал обязательное разрешение самых разнообразных проблем военного времени{32}.

Но наиболее объективен был, очевидно, Богаевский, кратко и точно охарактеризовавший роль и место Наштаверха в Ставке. «Не знатное происхождение или влиятельная придворная протекция вознесли его на эту огромную высоту — второго лица после Царя: только глубокий жизненный и служебный опыт, необыкновенная трудоспособность, неподкупная честность и выдающийся талант руководства действиями больших масс войск во время войны — дали ему законное право на это.

Почти полтора года, часто изо дня в день, я видел, как работал М.А. в роли начальника штаба, а затем и Верховного Главнокомандующего. Как всегда — простой, доступный и трудолюбивый, он находил время и для личной беседы с очень большим количеством лиц, обращавшихся к нему по разным вопросам. За общим обедом в штабной столовой, в дружеском разговоре мы забывали о его высоком положении; его богатая память оживляла беседу».

О. Георгий Шавельский целый раздел своих воспоминаний посвятил характеристике Алексеева, особенностям его работы в Ставке. «Вера в Алексеева, — отмечал о. Георгий, — была огромная. Но… исход войны зависел не только от фронта, но и от тыла; не только от талантов вождей и мужества войск, но и от

внешней и внутренней политики, от настроения народа и положения дел внутри страны… Генерал Алексеев нес колоссальную работу. Фактически он был и Верховным Главнокомандующим, и начальником Штаба, и генерал-квартирмейстером. Последнее не вызывалось никакой необходимостью и объяснялось только привычкой его работать за всех своих подчиненных. Кроме того, что все оперативное дело лежало на нем одном, кроме того, что он должен был вникать в дела всех других управлений при штабе и давать им окончательное направление, он должен был еще входить и в дела всех министерств, ибо каждое из них, в большей или меньшей степени, теперь было связано с армией. Прибывавшие в Ставку министры часами просиживали у генерала Алексеева за разрешением разных вопросов, прямо или косвенно касавшихся армии.

Генерал Алексеев должен был быть то дипломатом, то финансистом, то специалистом по морскому делу, по вопросам торговли и промышленности, государственного коннозаводства, земледелия, даже по церковным делам и пр. Только Алексеева могло хватить на все это. Он отказался на это время не только от личной жизни, но даже и от законного отдыха и сна. Его отдыхом было время завтраков и обедов; его прогулкой — хождение в штабную столовую, отстоявшую в полуверсте от Штаба, к завтракам и обедам».

По мнению контр-адмирала Бубнова, «генерал Алексеев был, бесспорно, лучшим знатоком военного дела и службы Генерального штаба по оперативному руководству высшими воинскими соединениями, что на деле и доказал в бытность свою на посту начальника штаба Юго-Западного фронта, а затем на посту Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. Обладая совершенно исключительной трудоспособностью, он входил во все детали верховного командования, и, нередко собственноручно, составлял во всех подробностях длиннейшие директивы и инструкции».

«Однако, — отмечал также Бубнов, — он не обладал даром и широтой взглядов полководцев, записавших свое имя в истории, и, к сожалению, находился в плену, как большинство наших офицеров Генерального штаба, узких военных доктрин, затемнявших его кругозор и ограничивавших свободу его военного творчества. По своей политической идеологии он несомненно принадлежал к либерально настроенной, честной и любящей свою родину части русского общества, а по своему происхождению стоял ближе к интеллигентному пролетариату, нежели к правящей дворянской бюрократии.

Ведя чисто спартанский образ жизни, замкнутый по своему характеру, он был совершенно чужим человеком в придворных сферах, которых не почитал и держался от них елико возможно дальше, не ища ни почестей, ни отличий. Искренно любя свою родину и глубоко скорбя о ней душой, он был ей и своему любимому военному делу беззаветно предан, что и доказал, положив начало добровольческому движению против большевиков, коему посвятил свои последние силы и отдал свою жизнь».

Примечательна оценка, данная Бубновым ближайшим советникам Алексеева. «При генерале Алексееве неотлучно состоял и всюду его сопровождал близкий его приятель и "интимный" советник генерал Борисов. Он при генерале Алексееве играл роль, вроде той, которую при кардинале Ришелье играл о. Жозеф, прозванный "серая эминенция", так в Ставке Борисова и звали. Он также жил в управлении генерал-квартирмейстера, и генерал Алексеев советовался с ним по всем оперативным вопросам, считаясь с его мнением. Весьма непривлекательная внешность этого человека усугублялась крайней неряшливостью, граничащей с неопрятностью. В высшей степени недоступный и даже грубый в обращении, он мнил себя военным гением и мыслителем, вроде знаменитого Клаузевица, что, однако, отнюдь не усматривается из его более чем посредственных писаний на военные темы. По своей политической идеологии он был радикал и даже революционер. В своей молодости он примыкал к активным революционным кругам, едва не попался в руки жандармов, чем впоследствии всегда и хвалился. Вследствие этого он в душе сохранил ненависть к представителям власти и нерасположение, чтобы не сказать более, к престолу, которое зашло так далеко, что он, "по принципиальным соображениям", отказывался принимать приглашения к царскому столу, к каковому но очереди приглашались все чины Ставки. Однако, при всем этом он любил свое военное дело и по силе своих способностей посвятил ему всю свою жизнь. Трудно сказать, что, кроме этого, могло столь тесно связывать с ним генерала Алексеева; разве что известная общность политической идеологии и одинаковое происхождение.

Следующими по близости к генералу Алексееву были: полковник Генерального штаба Носков и генерал-квартирмейстер генерал Пустовойтенко. Первый из них но своим взглядам во многом походил на генерала Борисова, за исключением внешности, но которой он сильно смахивал на франтоватого "штабного писаря". После революции он перешел на службу к большевикам и играл некоторую роль в красной армии. Второй из

них играл при генерале Алексееве столь же бесцветную роль, какую играл генерал Янушкевич при великом князе Николае Николаевиче. Генерал Алексеев приблизил его к себе, вероятно, главным образом, потому, что он не мешал ему вести оперативное руководство и был точным и лишенным всякой инициативы исполнителем его воли и указаний.

Эти три лица принимали ближайшее участие в жизни и работе генерала Алексеева, пользовались особым его доверием, неотлучно находились при нем и всегда его сопровождали во время кратких прогулок, которые он иногда делал в парке, прилегающем к дому могилевского губернатора».

Мнение Бубнова о Борисове и Пустовойтенко представляется все же несколько преувеличенным. Для Алексеева было типичным стремление сохранить вокруг себя привычное окружение, и его «команда» в Ставке, несмотря на свою малочисленность, несомненно подходила ему психологически, а отнюдь не «политически» (тем более что политическими вопросами Алексеев в то время специально еще не занимался). Сослуживец-однополчанин Борисов, который занимался также сбором информации для подготовки в будущем издания «Истории войны», безупречные исполнители подготовленных Наштаверхом проектов — Пустовойтенко и Носков — вполне соответствовали его требованиям к штабным работникам. А Михаил Васильевич никогда не требовал от своих ближайших сотрудников большего, чем он рассчитывал от них получить.

Сделанный Бубновым вывод в отношении позиции Ставки, хотя и страдает определенной односторонностью, тем не менее не лишен интереса: «В большем или меньшем соответствии со взглядами генерала Алексеева и его окружения был сделан подбор новых офицеров Генерального штаба, заменивших собой получивших другие назначения офицеров бывшего Штаба великого князя Николая Николаевича. Новый личный состав Ставки, в котором потонули малочисленные остатки бывших сотрудников великого князя, наложил на нее иную печать, значительно отличавшуюся от того, можно сказать, возвышенно-рыцарского характера, который имел личный состав бывшей Ставки Великого князя; вследствие этого от новой Ставки трудно было бы ожидать проявления в критическую минуту возвышенных деяний и самопожертвования, что во время революции и обнаружилось».

Как вспоминал о. Георгий Шавельский, «дело и правда у него были на главном месте, и он всегда бесстрашно подходил к ним, не боясь разочарований, огорчений, неприятностей… Генерал Алексеев стремился узнать правду, какова бы она ни была. Когда

я, по возвращении с фронта, являлся к нему для доклада, он часто обращался ко мне:

— Ну, о. Георгий, расскажите, что вы худого заметили на фронте? О хорошем и без вас донесут мне. Вот худое всегда скрывают. А мне надо прежде всего узнать худое, чтобы его исправить и предупредить худшее».

Но подобный пессимизм отнюдь не свидетельствовал о каких-то «пораженческих настроениях» или, как подчас утверждается в исторической публицистике, об «отсутствии патриотизма». Трезвый взгляд на ошибки и недостатки политико-экономической системы следовало ценить гораздо выше ничем не оправданного «оптимизма».

Сложно складывались отношения Ставки с Советом министров. По мнению Алексеева, от правительства, возглавляемого И.Л. Горемыкиным и, позднее, Б.В. Штюрмером, следовало требовать как можно больше для того, чтобы своевременно и в максимально возможном объеме удовлетворить все возраставшие военные запросы. Ситуация 1915 г., когда многие подразделения шли в бой с недостатком оружия и боеприпасов, не должна была повториться. Как отмечал министр торговли и промышленности князь В.Н. Шаховской, во время одного из совещаний генерал, который прежде «никакой политикой не занимался», в крайне резкой форме («так работать нельзя») обвинял правительственные структуры в невыполнении запланированных поставок снарядов летом 1916 г. Аналогичные претензии предъявлялись Алексеевым и в адрес Главного артиллерийского управления (ГАУ), возглавляемого генерал-лейтенантом А.А. Маниковским.

Самой Императрице приходилось советовать супругу успокоить Алексеева, переменить его отношение к правительству: «Для армии все будет сделано, и ни в чем не будет недостатка… Гучков старается обойти Алексеева, жалуется ему на всех министров (его подстрекает Поливанов) — на Штюрмера, Трепова, Шаховского, и отсюда понятно, почему Алексеев так настроен против министров, которые на самом деле стали лучше и более согласно работать, дела ведь стали налаживаться, и нам не придется опасаться никакого кризиса, если они и дальше так будут работать».

Однако переменить свое сложившееся отношение к тылу Алексееву удавалось с трудом. В августе 1916 г., по воспоминаниям посещавшего Ставку члена Государственной думы И. Демидова, Алексеев высказал ему свои впечатления от работы «высших сфер»: «Никогда мне и в голову не приходило, — говорил генерал, — что придется занять то высокое положение,

которое я сейчас занимаю — и в военном смысле, и в смысле близости ко двору. Раньше мне приходилось слышать кое-что и о дворцовых сферах, и о правительстве. Я всегда думал, что эти рассказы — ложь. Я не мог допустить, чтобы такова была правда. И что же? Все, что я слышал, — это только сотая доля правды. Теперь я все увидел собственными глазами. Вот в этом кресле, на котором сидите Вы, побывали все министры русского правительства в эпоху величайшей войны… Ведь это не люди — это сумасшедшие куклы, которые решительно ничего не понимают. Мне — военному специалисту — приходится втолковывать им такие примитивные гражданские вещи, что за них стыдно становится. Теперь я уже больше и не пытаюсь этого делать. В последний раз, когда у меня был Горемыкин, я ему долго говорил о том, что нужно нашему фронту, чтобы мы могли хорошо закончить войну. Вы знаете, что он мне ответил: “Вам легко говорить обо всем этом, а вот Вы скажите Родзянко, чтобы меня поменьше в Думе бранили, а то все это легко слушать мне”. А потом встал и ушел. Вот Вам весь результат 2-х часового разговора Председателя Совета министров и начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Зачем он приезжал, я так и не знаю. Никогда не думал, что такая страна, как Россия, могла бы иметь такое правительство, как министерство Горемыкина. А придворные сферы?… — генерал безнадежно махнул рукой. — Пока мне удавалось устранять их влияние на область моего ведения, хотя и тут, например, в вопросе назначений я иногда оказываюсь бессильным, но в остальном, повторяю, пока я не допускаю никаких посторонних гирь. Если же они появятся, я уйду, и пусть меня не бранят за это. Слишком велика ответственность». Весьма вероятно, что Демидов несколько неточен и субъективен, излагая слова Наштаверха, но все же подобная оценка, высказанная генералом, весьма показательна{33}.

4. Перипетии взаимоотношений с «общественностью». «Теория заговора» и «ответственное министерство»

«Нерасторопность» правительственных чиновников в деле снабжения армии утверждала Алексеева в мысли о возможном расширении сотрудничества с «общественными кругами». Именно на этой почве и произошли столь неоднозначно оцениваемые до сих пор его контакты с деятелями Земско-Городского союза и Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК). Одним из наиболее активных представителей «общественности» был Л.И. Гучков, уже знакомый Алексееву но периоду работы в ГУГШ и позднее — по времени командования Северо-Западным фронтом.

Михаилу Васильевичу, как кадровому военному, конечно, всегда была ближе и понятнее своя профессиональная среда. Он достаточно четко разделял полномочия и компетенции военных, штатских и придворных чинов, а также «деятелей общественности». Но в условиях тяжелейшей войны, по его убеждению, самым важным становился лозунг «Все — для фронта, все — для победы». Поэтому столь остро переживались им малейшие сбои в снабжении действующей армии, в работе министерств и ведомств, обязанных обеспечить войска всем необходимым. В Ставке Алексеев, как и в должности Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, продолжал настаивать на необходимости увеличенного снабжения фронта боеприпасами. Он ранее многих других военачальников начала XX века смог понять, что идущая мировая война выигрывается не только в результате талантливо разработанных операций или красиво составленных планов сражений. Современная война — это «битва экономик», «война ресурсов». Это столкновение политического, социального, идеологического потенциалов, требующее максимального напряжения всех внутренних сил государства.

Саму но себе идею сотрудничества власти и общества в общенародном деле победы над врагом во Второй Отечественной войне нельзя не признать позитивной. Действительно, правительственным структурам не хватало подчас оперативности в налаживании снабжения армии. «Общественная инициатива», направленная на поддержку фронта, осуществлялась, в частности, через посредство Военно-морской комиссии Государственной думы, члены которой (Л. Шингарев, В.В. Шульгин, Н.В. Савич, Н.Е. Марков 2-й и др.) входили в состав созданного Особого

совещания для обсуждения мероприятий по обороне государства. Б практику вошли совместные заседания членов Государственной думы, Государственного совета и Совета министров но обсуждению вопросов производства военной техники и боеприпасов.

Алексеев, находясь в должности Наштаверха, не мог не привлекать внимания «общественности», особенно тех, кто считал своим долгом добиваться не только выполнения важных военных заказов, но и добиваться при этом определенных политических уступок. Одним из таких деятелей был активный деятель кадетской партии, член Союза городов, московский городской голова М.В. Челноков. Лемке приводил весьма интересные характеристики отношения кадетской партии к известным генералам. В его дневнике отмечалось, что в конце 1915 г. «члены Государственной думы М.В. Челноков и А.И. Шингарев хотели приехать к Алексееву для общей беседы, но потом передумали, зная, что это будет истолковано не в его пользу. Кадеты спят и видят, как войти в связь с начальником штаба. Хочется им окружить Алексеева своими нутами и сделать его орудием своих длинных, но немощных рук. И я думаю, что они могут иметь некоторые шансы, потому что начальник штаба начинает, кажется, понимать сладость самодержавия, ну а дальше конституционализма его, конечно, не выбросит. Рузский очень популярен в Петербурге, гораздо больше Иванова; он тонко сумел разбросать мелкую интригу в сознании общества и возвысить себя как талантливого и смелого полководца. Когда говоришь о нем правду, видишь, что люди не совсем верят и, во всяком случае, очень поражаются. Об Алексееве все говорят хорошо, и многие вполне оценивают его исключительную страдальческую роль. О непрочности его положения говорят почти все». В январе 1916 г. в Ставке проходило продовольственное совещание, в котором принимал участие Челноков, вручивший Алексееву приветствие от городской думы. Известный сахарозаводчик Терещенко «очень хвалил генерала Крымова, а Алексеева считал единственным человеком в верхах армии».

Но сам Алексеев отнюдь не стремился к сближению с общественностью настолько, чтобы добиваться от нее решения каких-либо иных задач, кроме военных. При всем том, что о работе Земского и Городского союзов в целом генерал «высказывался с совершенной похвалой и доброжелательностью», раздражение Михаила Васильевича вызывало «засилье евреев» в этих структурах. Главе Земгора князю Г.Е. Львову он прямо писал, что «надо уменьшить число евреев за счет увеличения числа русских», а 19 марта 1916 г. написал характерную резолюцию на

одном из документов: «Пора прекратить на пагубу дела и интересов России земскому и городскому союзам давать места в своих организациях евреям, ибо дело окончится тем, что придется властно выслать их всех из пределов театра войны».

Показательно также и отношение Алексеева к «свободе слова» в условиях военных действий. В декабре 1915 г. Алексеев снова возвращался к вопросу о необходимости «нравственного воздействия на печать» с целью обращения ее «в мощную союзницу» власти. Генерал писал о сотрудничестве с правительством, с Министерством внутренних дел, в частности в области разработки Временного положения о военной цензуре. Генерал не исключал привлечения к работе гражданских цензоров, но требовал обязательного оповещения Ставки о «тех вопросах, которые признаются по общеполитическим соображениям подлежащими изъятию со страниц печати». Поскольку по тогдашним правилам изъятые из публикации материалы не заменялись другими и на их месте «красовались» пустоты, то в Ставке относились к этому довольно настороженно. Алексеев специально телеграфировал об этом в штаб Северного фронта (в чьем ведении состояли цензурные полномочия). Считалось, что «белые места» в газетах «производят неприятное впечатление на общество, думающее, что от него что-то скрывается; этим пользуется противник для наглядного указания на стеснения нашей прессы; они возбуждают в обществе волнение и даже возбуждение против цензурных учреждений». Правительство и «общественность» должны были работать дружно, общими усилиями приближать победу над врагом, ради которой следовало отречься от сиюминутных политических соображений.

Алексеев правомерно усматривал во многих политических проблемах «немецкое влияние», в частности, это касалось распространения т.н. «писем из плена». В циркулярном письме Лемке от 12 февраля 1916 г. Михаил Васильевич призывал к сотрудничеству печать, Думу и духовенство в общем деле «борьбы с немецким влиянием»: «От пленных уроженцев (якобы) Саратовской губернии на родине получают письма, что в немецком плену им живется очень хорошо… Нельзя ли начать распространение брошюр в народе, обратиться к печати с просьбой помочь народу раскрыть правду и вести борьбу с провокацией. Чем дешевле номера газет, тем полезнее помешать в них статьи. Просить также председателя Думы, не сочтет ли он возможным помочь путем думских речей разрушить хитро сплетенную паутину лжи для уловления наших дураков. Написать обер-прокурору Святейшего Синода. Дело духовенства горячими

проповедями говорить об этом: о позоре и грехе плена, о лжи, распускаемой немцами, сказать истинное слово».

И все же многие представители этой «общественности», к сожалению, не упускали случая доказать явные преимущества работы структур ЦВПК и Земгора перед правительственными структурами, продемонстрировать гораздо большую степень своих «патриотических усилий» перед «бездеятельностью» чиновников. Особенно отличалось этим поведение Гучкова. В своем честолюбивом стремлении к политическому лидерству он не останавливался подчас перед крайне резкой критикой действий власти.

Осенью 1916 г. широкое распространение получили машинописные копии письма Гучкова Алексееву, датированного 15 августа 1916 г. В нем Гучков в резкой форме отзывался о деятельности правительства, обвиняя конкретных министров и при этом отмечая успехи военной стратегии самого Алексеева, намеренно противопоставляя фронт тылу, генерала — министрам, подчеркивая заслуги Ставки: «Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гниет на корню. Ведь как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и Ваш доблестный фронт, и Вашу талантливую стратегию, да и всю страну в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью. Ведь нельзя же ожидать исправных путей сообщения в заведывании г. Трепова, хорошей работы нашей промышленности на попечении кн. Шаховского, процветания нашего сельского хозяйства и правильной постановки продовольственного дела в руках гр. Бобринского. А если Вы подумаете, что вся власть возглавляется г. Штюрмером, у которого (и в армии, и в народе) прочная репутация если не готового предателя, то готового предать, что в руках этого человека ход дипломатических сношений в настоящем и исход мирных переговоров в будущем — а следовательно, и вся наша будущность, — то Вы поймете, Михаил Васильевич, какая смертельная тревога за судьбу нашей Родины охватила и общественную мысль, и народные настроения.

Мы в тылу бессильны, или почти бессильны, бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоострые и при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать. Я уже не говорю, что нас ждет после войны — надвигается потоп, и жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм мерами, которыми ограждают себя от проливного дождя: надевают галоши

и открывают зонтик.

Можете ли Вы что-нибудь сделать? Не знаю. Но будьте уверены, что наша отвратительная политика (включая и нашу отвратительную дипломатию) грозит пресечь линии Вашей хорошей стратегии в настоящем и окончательно исказить ее плоды в будущем. История, и в частности наша, отечественная, знает тому немало грозных примеров».

Эмоциональные предположения и составляют, собственно, содержание этого — единственного, причем безответного — письма Гучкова Алексееву. Правда, в воспоминаниях князя В.Л. Оболенского говорилось о «переписке с генералом Алексеевым», о «целой кипе мелко исписанных писем», которую сразу же после похорон своего сына, находясь в крайне взволнованном состоянии, показал ему из ящика письменного стола Гучков. Эта мифическая «кипа писем» под пером не в меру впечатлительных эмигрантских и современных российских исторических публицистов, пишущих на темы революции 1917 г., превратилась в некое неоспоримое свидетельство якобы «теснейших контактов» Алексеева с оппозицией. Однако никаких следов «кипы», за исключением вышеприведенного косвенного упоминания, до сих пор не обнаружено.

Достаточно объективную оценку уровня влияния Алексеева на Государя приводил в своих воспоминаниях Бубнов. Будучи сам не «чуждым либерализма», контр-адмирал достаточно точно отмечает перспективы политических «советов», которые генерал мог давать Государю. В то же время Бубнов отмечает весьма низкую «результативность» подобного способа воздействия на Николая II, убежденного в принципиальной правоте своих политических позиций: «В Ставке велась скрытая упорная, но, к сожалению, безнадежная работа, имевшая целью побудить Государя изменить пагубное направление его внутренней политики, принимавшей все более и более опасные формы, чреватые самыми тяжелыми последствиями.

Непосредственным выразителем этой работы перед Государем мог и должен был быть в Ставке один лишь начальник Штаба генерал Алексеев, делавший ему ежедневные доклады, тем более, что он, фактически неся на себе все бремя ответственности за верховное командование, был более, чем кто-либо, озабочен возможным отрицательным влиянием на войска такого направления нашей внутренней политики.

Помимо этого, многие общественные деятели, и в первую очередь председатель Государственной думы Родзянко, отчаявшись добиться от правительственных и придворных кругов изменения направления нашей внутренней политики и отдавая

себе отчет в пагубных ее последствиях, начали обращаться — особенно в период времени перед революцией — к генералу Алексееву с настойчивыми просьбами повлиять в этом смысле на Государя.

В Ставке нам было известно, что генерал Алексеев, оставаясь после оперативных докладов с глазу на глаз с Государем, несколько раз пытался поднять этот вопрос, причем носились слухи, что один раз разговор между ним и Государем на эту тему принял патетические формы. Однако, генерал Алексеев, переходя на незнакомую и чуждую ему почву внутренней политики, не сумел найти достаточно убедительных аргументов и не защищал их с достаточной твердостью, чтобы добиться желаемых результатов.

Но этого не могли добиться и значительно более искушенные, чем он во внутренней политике, государственные деятели… Но все было напрасно. Государь не внял голосу *разума,* и никто не смог его убедить»[{34}].

Рассматривая существо проблемы, нужно заметить, что Алексеев в Ставке был очень хорошо осведомлен относительно положения не только на фронте, но и в тылу. На стол Наштаверха регулярно ложились секретные «обзоры политической деятельности общественных организаций». В середине января 1916 г. на основании этих материалов Алексеевым было составлено циркулярное обращение начальникам штабов фронтов о деятельности Российской социал-демократической рабочей партии большевиков и о ее антивоенных воззваниях.

А в феврале, очевидно под влиянием нараставшей военной «активности» части политиков в тылу и некоторых не в меру увлеченных политикой военных на фронте, Алексеев отправил Родзянко письмо, где прямо писал о «необходимости оградить армию и Россию от лживых донесений». Ограждая армию от вмешательства в политику, Михаил Васильевич без обиняков указывал и на те «больные места» в военной жизни, которые следовало обязательно излечить. Однако способы подобного «излечения» были различны. Можно было зарабатывать на критике этих недостатков политический «капитал», а можно и должно было бы неуклонно, целенаправленно их лечить и искоренять. «Не место доказывать, — отмечал генерал, — как распространено это явление (лживых донесений. — *В.Ц.),* как оно выгодно для “лиц” и как невыгодно для дела. Средство для уничтожения лжи: посещение позиций боев начальниками всех степеней и их агентами из числа вполне подвижных и добросовестных генералов. Всякая умышленная ложь должна караться беспощадно, о чем следует объявлять в приказах но всем

армиям и по всем частям войск. Начальники не должны сидеть в тылу, в 10—20 верстах от позиций, а продвинуться вперед и посещать войска в траншеях и в боях. В решительные моменты начальник должен быть на главнейшем пункте и буквально жертвовать собой. На телефоне должен остаться начальник штаба; телефонная и другая связь имеется и на позициях…

Штабы всех наименований надо уменьшить в 3—4 раза. Что это вполне возможно, знаю по личному опыту: я был начальником штаба в двух корпусах и в обоих сделал еще большие сокращения. Сократить штабы можно и должно. Но, конечно, оставшиеся чины должны работать интенсивно, а не слоняться но штабу и городу, как сонные мухи. Ординарцев, личных адъютантов, так называемых переводчиков, офицеров для связи и прочих ненужных чинов — надо отправить на позиции… Я знаю, что многие начальники будут возражать. Но, повторяю, на опыте знаю, что сократить штабы можно. А дело настойчиво этого требует… В связи с сокращением штабов находится и вопрос о сокращении переписки. В коротких словах не расскажешь, какой вред делу наносит это кошмарное явление русской жизни. Достаточно сказать, что оно-то способствует развращению штабов, их громоздкости, их требовательности в вопросах комфорта; оно-то способствует и лжи, ибо заменяет дело бумагой.

Надо решительно покончить с этой гидрой. Одна из действенных мер — частые выезды начальников на позиции, в поле… Роскошь и эпикурейство должны быть вырваны с корнем. Если на войне можно вставать в 11 часов утра, есть и нить, как на празднике, и до поздней ночи играть в карты, то это не война, а разврат. Значит, у людей много свободного времени, много праздного народа, много излишества, много денег и мало настоящего дела.

Обозы штабов и частей войск надо сократить в 3—5 раз. Опять по личному опыту знаю, что это возможно (я уменьшил обоз одного из штабов корпусов в 7 раз), а жизнь, дело настойчиво этого требуют. Надо заставить всех военных добросовестно заниматься делами войны, а не… спекуляциями, наживами, наградами, выскакиваниями в “дамки” без риска жизнью и даже без серьезного труда. Тогда не только не понадобятся все новые и новые “наборы” и “реквизиции”, сократившие уже площадь посевов на 50%, но и с фронта можно будет взять много праздного люда для обрабатывания полей, без чего Россия существовать не может. Я знаю твердо, что армия наша нездорова, но что поправить ее можно легко и скоро».

В одном из сентябрьских (1916 г.) писем супруге Николай II отмечал: «Наряду с военными делами меня больше всего волнует

вечный вопрос о продовольствии. Сегодня Алексеев дал мне письмо, полученное им от милейшего князя Оболенского (харьковский губернатор. — *В.Ц.),* председателя Комитета по продовольствию. Он открыто признается, что они ничем не могут облегчить положения, что работают впустую, что министерство земледелия не обращает внимания на их постановления, цены все растут, и народ начинает голодать. Ясно, к чему может привести страну такое положение дел».

Так что Алексеев, как и многие военные, отнюдь не питал иллюзий относительно ошибок командования и правительства, поэтому Гучков своим письмом никак не мог «раскрыть глаза» генералу. Наштаверху, планировавшему наступательные действия в масштабе огромного фронта, нужны были конкретные, реальные действия по улучшению снабжения фронта, а не эмоциональные оценки действий правительства со стороны пусть даже и довольно известного представителя «общественности». К самому же Гучкову у Михаила Васильевича отношение было достаточно нейтральным (хотя в момент тяжелой болезни в феврале 1916 г. Алексеев посылал ему телеграмму с пожеланием выздоровления), а после Февраля 1917 г., как будет показано далее, станет определенно отрицательным, ввиду тех непоправимых ошибок, которые были допущены Гучковым уже в должности «революционного» военного министра.

В 1916 г., в условиях роста оппозиционных настроений среди части тыловой «общественности», важным становился вопрос личного доверия Гучкова к Алексееву. Гучков писал Алексееву не потому, что доверял ему лично и рассчитывал на участие генерала в «дворцовом перевороте». Совершенно очевидно, что не сама личность Алексеева, а занимаемая им весьма авторитетная должность Начальника штаба Верховного Главнокомандующего предпочтительна в качестве объекта политической интриги. Алексеев был нужен Гучкову не как потенциальный, готовый на конкретные организационные действия оппозиционер, а скорее как один из сторонников в оказании «давления на власть» в нужном направлении.

В своих воспоминаниях Гучков обстоятельно описывал причины своего обращения к Алексееву с этой целью: «Я его (Алексеева. — *В.Ц.)* очень высоко ценил. Человек большого ума, большого знания. Недостаточно развитая воля, недостаточно боевой темперамент для преодоления тех препятствий, которые становились по пути (показательная характеристика потенциальности “заговорщика”. — *В.Ц.).* Работник усердный, но разменивающий свой большой ум и талант часто на мелочную канцелярскую работу — этим убивал себя, но широкого,

государственного ума человек… Затем он в Ставке, я — уже не на фронте, а председатель Центрального [военно-] промышленного комитета и, как председатель этого комитета член Особого совещания но обороне. Там я и мои ближайшие друзья пытаемся влить какую-то жизнь в это совещание, толкаем на принятие больших решений, на ускорение темпов заготовки, но часто встречаем непонимание, косность, робость, иногда неискренность некоторых представителей военного ведомства, которые не решались обнаружить нужды и язвы, и тогда, в такие минуты я пытаюсь [действовать] через фронт, через Алексеева. Некоторые свои горькие наблюдения и советы я излагаю письменно и посылаю их Алексееву. Посылаю не по почте, не ожидаю ответов и не получаю их (примечательное замечание. — *В.Ц.)*.

Одно из таких писем, без моего знания и против моей воли, попало, однако, в широкую огласку — оно напечатано в каких-то изданиях. Тогда я был настолько возмущен тем, что военный министр Беляев такую ужасную вещь, как недостаток винтовок, скрывает от нас, обманывает нас, и я тогда написал Алексееву письмо очень резкого характера. Во главе правительства в это время уже Штюрмер… Я свой обвинительный акт обобщаю обвинительным актом против всего правительства, которое не выполняет свой долг против армии. Московский городской голова Челноков был в Петербурге, и я ему показал копию этого письма. Он просил меня на один день, кому-то хотел показать, и это было непростительно с его стороны, потому что я знаю, как письма эти опасны для самого дела, которому служишь. Это письмо было Челноковым или теми, кому он передал его, размножено и получило широкое распространение в военных кругах.

Этот документ получил распространение на фронте, в то время как я имел в виду только Алексеева. Это было использовано как агитационное средство против строя: армия свой долг выполняет, а вот что делается в тылу! Это мне было очень неприятно, потому что я в то время пытался с этой властью столковаться и считал, что не время расшатывать ее. Этим, собственно, мои сношения с Алексеевым ограничиваются».

Что касается вероятности участия Алексеева в том, что позднее получило наименование «дворцового переворота», то мнение, выраженное Гучковым в отношении Алексеева, что тот якобы «был настолько осведомлен, что делался косвенным участником», не подтверждается каким-либо участием генерала в «заговоре». «Переписки» же Алексеева с будущим главой Временного правительства князем Г.Е. Львовым, очевидно, не было, а имевшие место встречи Начальника штаба с Председателем Земско-Городского комитета не выходили за

рамки деловых переговоров о поставках фронту. Сам же Гучков утверждал, что адресуемые Алексееву «письма» Львова, если они и имели место, то «касались просто общего положения о недопустимости, об опасности внутреннего положения. Об этом Алексеев много думал. Я часто с ним на эту тему говорил и имею полное основание думать, что он получал письма. Он, я думаю, Львову ничего не писал, потому что тут — его корректность… Он был корректен, он бы себе не позволил. Получить — да»{35}.

С т.н. «перепиской» Гучкова связан еще один распространенный упрек генералу, основанный на тезисе — «знал, но не донес», не сообщил Государю о «письмах», полученных от «оппозиционной общественности», и тем самым не проявил должной степени «верноподданности». Однако ни для Императора, ни для Императрицы не составляло тайны критическое отношение Гучкова, Львова и многих других членов «Прогрессивного блока» к правительственной политике. Степень же государственной опасности, исходящей от писем оппозиционеров, вряд ли представлялась значительной.

Единственным серьезным источником получения Гучковым информации о настроениях в Ставке, можно предполагать, мог быть военный министр генерал Поливанов. В силу военной субординации Алексеев постоянно взаимодействовал с ним. Посол Франции в России М. Палеолог отмечал, что у министра «было редкое стратегическое чутье, и генерал Алексеев, который не очень любит чужие советы, с его указаниями очень считался». Но к моменту распространения оппозиционного «письма» (сентябрь—октябрь 1916 г.) Поливанов уже больше полугода был в отставке и непосредственно влиять на Ставку не мог. К тому же известно, что еще в 1908 г. Алексеев негативно оценивал действия Поливанова в должности Начальника Академии Генштаба, сменившего генерала Палицына, и считал его человеком, не внушающим полного доверия. В письме к супруге от 15 июня 1908 г. Михаил Васильевич писал: «Делят ризы русской армии такие дельцы интриги, как Поливанов, для которых дороги лишь собственные, личные интересы, которых цели и идеалы не поднимаются выше желания “сковырнуть”. В рабочем отношении они являются нулями жалкими и бесплодными, самомнящими, самовлюбленными».

Так что считать Алексеева «жертвой неосведомленности» в данном случае вряд ли можно. Он вполне отдавал себе отчет в *целях* политического интриганства парламентской оппозиции, но и не помышлял участвовать в каких-либо чуждых ему политических комбинациях, оставляя это на совести самих заинтересованных в этом политиков и военных.

Несмотря на это, сам факт написания Гучковым письма в Ставку уже вызывал заметные подозрения и опасения у многих придворных и политиков — защитников «незыблемого самодержавия». Не миновали они и Царскую семью. Причем о негативной информации, исходящей от столичных: оппозиционеров в отношении Ставки, появились упоминания в переписке Императрицы и Императора сразу после начала распространения машинописных копий «обличительного» обращения Гучкова к Алексееву. Правда, оценивались эти безответные письма исключительно как материал, способный ухудшить отношения военного командования, Ставки и правительства (что, конечно, недопустимо в условиях войны), а не как свидетельства о подготовке «переворота»: «А теперь идет переписка между Алексеевым и этой скотиной Гучковым, и он начиняет его всякими мерзостями, — предостереги его, это такая умная скотина, а Алексеев, без сомненья, увы, станет прислушиваться к тому, что тот говорит ему против нашего Друга, и это не принесет ему счастья». Николай II ответил коротко: «Откуда ты знаешь, что Гучков переписывается с Алексеевым? Я никогда раньше не слыхал об этом». По мнению Александры Федоровны, нужно было непременно «оградить Алексеева» от этого опасного «влияния».

«Пожалуйста, — обеспокоенно писала она супругу, — не позволяй славному Алексееву вступать в союз с Гучковым, как то было при старой Ставке. Родзянко и Гучков действуют сейчас заодно, и они хотят обойти Алексеева, утверждая, будто никто не умеет работать, кроме них. Его дело заниматься исключительно войной». «Я прочла копии с двух писем Гучкова к Алексееву, — продолжала Императрица, — и велела буквально скопировать одно из них для тебя, чтобы ты мог убедиться, какая это скотина! Теперь мне понятно, почему А. (Алексеев. — *В.Ц.)* настроен против всех министров — каждым своим письмом (по-видимому их было много) он будоражит бедного Ал. (Алексеева. — *В.Ц.),* а затем в письмах его факты часто намеренно извращаются. Все министры чувствуют антагонизм с его стороны к Ставке, и теперь им стала ясна причина этого. Когда ты получишь это письмо, то ты должен серьезно поговорить с Ал., так как эта скотина подрывает в глазах А. все правительство — это настоящая низость… Надо изолировать Ал. от Гучкова, от этого скверного, коварного влияния». В другом письме — та же тревога: «Посылаю тебе копию с одного из писем Гучкова к Алексееву — прочти его, пожалуйста, и тогда ты поймешь, отчего бедный генерал выходит из себя; Гучков извращает истину, подстрекаемый к тому Поливановым, с которым он неразлучен. Сделай старику строгое

предупреждение по поводу этой переписки, это делается с целью нервировать его». «Видно, как этот паук Гучков и Поливанов опутывают Ал. паутиной, — хочется открыть ему глаза и освободить его. Ты мог бы его спасти, — очень надеюсь на то, что ты говорил по поводу писем».

Государь не стал устраивать следствий по поводу сообщений супруги, ограничившись частной беседой со своим начальником штаба. Как отмечал Николай II в письме к Александре Федоровне, «Алексеев никогда не упоминал при мне о Гучкове. Я только знаю, что он ненавидит Родзянко и насмехается над его уверенностью в том, что он все знает лучше других. Что его давно приводит в отчаяние, так это огромное число писем, которые он получает от офицеров, их семей, солдат и т.д., а также и анонимных, и во всех его просят обратить мое внимание на тяжелое положение городов и сел по случаю дороговизны продовольствия и товаров!»{36}.

Но даже если допустить, что Алексеев знал что-либо о планах «переворота», которые действительно разрабатывались Гучковым во взаимодействии с генерал-майором А.М. Крымовым и князем Д.Л. Вяземским (остановка царского поезда гвардейскими кавалеристами, принуждение к отречению Государя или принудительное пострижение Императрицы в монастырь и т.д.), то вряд ли он придавал им настолько серьезное значение, чтобы не считать их очередными эмоциональными рефлексиями парламентской оппозиции, стремящейся к власти. Ведь конкретного, четкого, детализированного сценария переворота так и не было разработано, а только такой конкретный план и мог бы считаться подготовленным государственным преступлением. Слухи и сплетни, поиски «истинных причин на деле столь простых явлений» были, но здесь уместно привести мнение одного из современников генерала о тех, которые «всегда склонны искать сокровенный смысл во всем, что происходит с сильными мира сего, не отходя… от своей привычки дурного тона».

При попытках обосновать «глубину» вовлеченности Алексеева в «заговор военных» нередко цитируются отрывки из воспоминаний Лемке, которые, казалось бы, достаточно полно отражают эту тему. Однако это не так. Лемке, например, отмечал доброжелательность в отношении Алексеева к генералу Крымову: «Был сегодня генерал-майор Александр Михайлович Крымов, командир Уссурийской казачьей бригады. Человек большого роста и грузной комплекции; говорят, очень умный, дельный и ловкий. Алексеев относится к нему очень тепло и долго с ним беседовал у себя в кабинете».

Первые прямые указания о «заговоре», о «перевороте» встречаются у Лемке в записях февраля—марта 1916 г. В частности, вполне понятную, с точки зрения проблем снабжения фронта, телеграмму Гучкова Алексееву («Крайне необходимо переговорить с вами, сделать вам доклад о всех сторонах деятельности центр, воен.-пром. комитета и получить важные для комитета ваши указания. Рассчитывал, что болезнь позволит мне в ближайшее время приехать к вам, но легкие осложнения в ходе болезни мешают мне приехать скоро. Разрешите моему заместителю члену Государственной думы Александру Ивановичу Коновалову, который отлично ведет дело, приехать к вам в ближайшие дни для ознакомления вас с положением дел и получения ваших указаний») и ответ Михаила Васильевича на нее («Буду очень рад, лучше, если возможно, на этой неделе, после четверга или в начале следующей») Лемке склонен трактовать как подтверждение некоей конспирации: «По некоторым обмолвкам Пустовойтенко, мне начинает казаться, что между Гучковым, Коноваловым, Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор, которому не чужд и Михаил Саввич (Пустовойтенко. — В. Ц.), а также еще кое-кто… Если так, то при такой разношерстной компании кроме беды для России ждать решительно нечего».

Алексеев, как считал Лемке, «хороший полководец фронта, но не начальник штаба всей армии. Впрочем, может быть, это все потому, что над ним сидит такой набитый дурак (Николай II. — В.Ц.), который не допускает ничьих сомнений в даре своего безошибочного прогноза терзаемой им страны. Да, положение Алексеева не из легких, и очень трудно установить, в каких действиях, как принятых им совершенно свободно, он повинен, в каких, как в навязанных, — нет. Все переплетается очень сложно, узел затягивается крепче и крепче, и на что он надеется, трудно уяснить. Разве, на переворот, запах которого делается временами почти слышным. Не могу только выяснить игры и игроков». Имеется, наконец, весьма пространное рассуждение Лемке по поводу потенциального заговора, в записи от 1 апреля 1916 г.: «Меня ужасно занимает вопрос о зреющем здесь заговоре. Я не могу, однако, отдать себе ясный отчет в двух отношениях: в персональном и в возможности осуществления заговора так, чтобы из него вышел толк для страны, а не только для отдельной группы борющихся. Сказать точно, кто именно, — конечно, нельзя, не будучи посвященным в эту тайну даже каким-нибудь намеком. Я все время так веду разговор с Пустовойтенко, чтобы заставить его проговориться, если он хоть что-нибудь знает. Но ни разу не слышал от него ни одного звука, кроме уже

многократного указания на возможную роль Алексеева в качестве диктатора… И это все… И связи на местах, в армии тоже мне не ясны. Я чутьем почти готов назвать нескольких лиц, но именно только чутьем, без каких бы то ни было данных. Участвует ли Борисов? Думаю, что нет, потому что Алексеев с некоторого времени не вполне ему доверяет, но дипломатически не рвет прежних отношений совсем (о том, как отношения Борисова и Алексеева менялись под влиянием супруги Михаила Васильевича, отмечалось выше. — *В.Ц.)*.

Что касается самой возможности осуществления, — продолжает Лемке, — прежде всего какого-либо акта в отношении самого Николая, то, разумеется, кратковременное лишение его свободы очень несложно. Вся обстановка его докладов в штабе и жизни здесь так несложна, что при авторитете и роли начальника штаба арест и прочес могут быть сделаны совершены бесшумно, но властно и решительно. Николай прежде всего — трус, и притом трус даже не храбрящийся (оставим без комментариев "ремарки" Лемке в отношении Государя. — *В. Ц.)*. По-моему, достаточно властно предъявить определенное требование, чтобы он понял, что роли переменились, и исполнил бы все и, может быть, тем легче, чем яснее ему будет участь его детей и особенно сына, которого он, кажется, действительно любит. Но за благополучным исходом такого акта нужна уверенность, что заговорщики встретят поддержку, прежде всего, на месте заговора, во-вторых — в армии. Прибавлю еще, что возможно, что местом исполнения заговора назначается и не Ставка, а какой-нибудь пункт на фронте, благо Николай часто там толкается. Тогда, разумеется, положение заговорщиков в одно и то же время и облегчается, и осложняется. Облегчается отсутствием многих липших людей в его обычной здешней обстановке, осложняется трудностью быть поддержанными на всем фронте и в стране… Во всяком случае, можно сказать одно, что ни на Северном, ни на Западном фронте место выбрано вряд ли будет, потому что ни Куропаткин, ни Эверт ни на какие роли в заговоре не пойдут; на Брусилова тоже надежды мало, но он умнее и честнее как гражданин, поэтому может быть убежден другими, что момент спасения страны подошел…

Ну, а как страна отнесется ко всему этому? Здесь встает такой бесконечный ряд вопросов, что просто теряешься в противоречиях. И вот тут-то и находится самое слабое место всего замысла заговорщиков. Ведь никто из них и не представляет себе, как разнообразно будет отношение разных классов и групп населения ко всему, что явится вторым актом драмы. Первый — лишение Николая свободы и вынужденное у него отречение от

самодержавных прав — самое легкое. Но дальше, дальше надо знать, как разнообразны будут требования к перевороту со стороны России. Ничего этого заговорщики, я уверен, не учитывают; им представляется все это проще: ограничили, связали идиота по ногам — по рукам-то вряд ли удастся — и пойдет у нас конституционализм… И настанет золотой век кадетских чаяний… И начнется, скажу я, настоящая социальная революция со стороны пролетариата, которая никоим образом не будет предотвращена и станет совершенно неизбежной вслед за всяким современным политическим переворотом».

Подобные рассуждения Лемке трудно назвать подтверждением «теории заговора». При обильном упоминании слова «заговор», «переворот», при «страшных», детальных описаниях того, как «заговорщики» будут свергать Государя (в духе заговора против Павла I), нужно отметить, что дальше предположений, собственных подозрений автор не идет. Конечно, Лемке справедливо отмечает, что многое ему «кажется», что только его «чутье» подсказывает тот или иной сценарий «переворота». Но, с другой стороны, отрицать наличие «заговора» не приходится, тем более, что архивные материалы и опубликованные позднее мемуары действительно подтвердили факт его подготовки. Только исходил этот «заговор» отнюдь не от Алексеева…

Ну а рассуждения о том, как после «переворота» власть перейдет к пролетариату (в обман «кадетских чаяний»), очевидно, нужно считать поздней вставкой в текст воспоминаний, когда они издавались в Советской России и когда издателям обязательно нужно было подчеркнуть роль классовой борьбы в истории и закономерность смены буржуазно-демократической революции социалистической. В современной же исторической публицистике к подобным «свидетельствам» Лемке нужно подходить с большой долей сомнения в их достоверности.

Таким образом, не представляется правомерным утверждение об Алексееве, как организаторе, координаторе и вдохновителе «заговора» против Императора. У Начальника штаба Главковерха, при его чрезвычайной загруженности, было слишком много дел, связанных с фактическим руководством огромным фронтом, для того чтобы еще вникать в подробности тыловых интриг и политических требований оппозиции.

Что же было в действительности? В очерке о «подготовке дворцового переворота», написанном уже в эмиграции и отправленном историку С.П. Мельгунову, Гучков был весьма категоричен в оценке перспектив вовлечения в «заговор» представителей генералитета. Он вспоминал, что первые

серьезные обсуждения назревавших политических перемен происходили осенью 1916 года. В октябре в Петрограде по инициативе Милюкова прошло совещание, на котором обсуждались перспективы политического положения в стране. «Нас осталось, — писал Гучков, — человек 12—15: Милюков, Шингарев, Некрасов, Коновалов, князь Львов, Терещенко, Шидловский. Это были люди, принадлежавшие к демократическому блоку… Милюков сказал, что он чувствует, что события надвигаются, что попытки образумить власть, раскрыть ей глаза, ни к чему не привели, и что стихийный процесс вызовет события, которые могут потрясти власть и государственный строй… И вот, порядка ради, надлежит постараться организовать власть. На этом все сошлись… Не было разногласия также но вопросу о том, что надо принять меры к тому, чтобы движение это — в политическом отношении — направить в сторону сохранения монархической формы правления. Для всех это было бесспорно. Другой тезис, к которому пришли единомысленно, был тот, что личность монарха (Николая II. — *В.Ц.)* является источником недовольства в стране и что его сохранить на Престоле невозможно. Следует сначала добиваться отречения Государя, а затем, после отречения, должны действовать Основные Законы… Тот, кто переворот сделает, будет господином положения…»

Цареубийство категорически отвергалось. Правда, сама «техническая сторона» готовившегося переворота была слабо подготовлена. Гучков отмечал, что подобных собраний «было два или три. Ничего нового остальные не вносили, так что так и осталось. Насколько я помню, тогда же намечалось, что если будет Совет регентства, то надо будет рекомендовать состав правительства. Намечалась кандидатура князя Львова. Обрисовалось правительство из общественных и политических деятелей». Предполагалось добиться отречения от престола Николая II в пользу цесаревича Алексея Николаевича, при регентстве (до совершеннолетия) Великого князя Михаила Александровича. «Усиление монархии могло бы отсрочить революционный напор. Личность Алексея, опирающегося на правительство, встречающее сочувствие, — могла укрепить власть».

Очевидное отсутствие персональной готовности «общественных деятелей» к перевороту побуждало Гучкова взять на себя основную роль в части «технической подготовки акта захвата и отречения». Он выделял три варианта осуществления этого акта: в Ставке, в пригороде Петрограда (Царском Селе или Петергофе) или посредством «захвата поезда» на линии железной

дороги из столицы в Ставку. Последний вариант представлялся ему наиболее предпочтительным. Главный расчет делался на части запасных гвардейских полков, участие которых в революции подтвердилось позднее, в феврале 1917 г. Взаимодействие с гвардейскими частями взял на себя князь Д. Вяземский, работавший совместно с Гучковым по линии Красного Креста при формировании санитарных отрядов. При этом «вербовка участников» переворота проходила гораздо медленнее, чем того хотелось бы Гучкову. По его словам, «приходилось работать очень осторожно, частные беседы по одному человеку… Дело велось настолько конспиративно, что у меня и тогда было впечатление, что несмотря на то, что некоторые из нас были на подозрении (вскрывались письма), но правительство все же ничего не знало».

Примечательны оценки Гучковым возможностей привлечения к «перевороту» представителей «высшего командного состава». Контакты с генералитетом были, но крайне ограниченные и, по сути, безрезультатные. «…Была уверенность, — давал Гучков характерную оценку высшему генералитету, — что они бы нас арестовали, если бы мы их посвятили в наш план». Тем не менее заговору открыто сочувствовал ставший Главнокомандующим армиями Северного фронта генерал Рузский. Сторонником «переворота» являлся также генерал-майор Л.М. Крымов; и хотя «активной работы он на себя не брал, но был осведомлен о ходе нашего дела». Не противодействовали заговору и многие Великие князья: «если бы этот акт совершился и все его признали бы и приветствовали, — мы бы там сопротивления не встретили». И все-таки, подытоживал в своих воспоминаниях Гучков, «никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось»[37].

Подчеркнутая отстраненность от каких-либо нелегальных оппозиционных действий не означала, однако, что Алексеев не был заинтересован в конкретных внутриполитических переменах и не делал попыток к их вполне легальному, официальному проведению. Генерал Борисов подчеркивал, что «иначе и быть не могло», поскольку «человек, ведущий массу в 15 миллионов солдат, не мог отталкивать вопросы, касавшиеся государства, образующего и питающего эту массу». Но представления Михаила Васильевича о политических перипетиях в Империи накануне революции нельзя назвать достаточно обширными и систематизированными, хотя они и были, безусловно, выше, чем у многих военных. Правда, если понимать под политической образованностью умение разбираться в тонкостях партийных программ и идеологий, в специфике либеральных и социал-демократических «прав и свобод», то этим генерал не мог бы

гордиться.

Лемке вспоминал, что для Алексеева составлялись обзоры печати, для того чтобы «держать его в курсе русской и иностранной жизни, имея в виду, что он не располагает досугом для чтения газет». По мнению военного цензора, политическое «просвещение» генерала требовало еще немало усилий. «Упорная, лишенная эффектов работа Алексеева постепенно приводит к положительным результатам. Везде начинает чувствоваться появление хоть какого-то порядка, хаос и бесхозяйственность понемногу исчезают. Только бы он был более чутким, если не знающим и понимающим в вопросах внутренней политики, которые ему приходится разрешать ежедневно и ежечасно, особенно по соседству их с вопросами стратегическими, хозяйственными и военными вообще. Правда, я с ним ни разу не говорил на эти темы, никогда сам не мог убедиться, насколько мало осведомлен он в политике нашего дня и как представляет наше ближайшее будущее. Но поскольку приходится видеть его деятельность и слышать о нем от Крупина, Пустовойтенко и других, я все больше и больше начинаю приходить к заключению, что он в самом полном неведении политических партий, группировок, течений, программ и пр… Вина Алексеева не в том, что он не понимает основ гражданского управления и, вообще, невоенной жизни страны, а в том, что он не вполне понимает всю глубину своего незнания и все берется решать, и по всему давать свои заключения… Впрочем, профессора истории в академии были всегда из таких научных “патриотических” подвалов, что и ожидать от них нечего… И это руководители армии на территории трети страны!» Однако нужны ли были для «руководителя армии» иные политические позиции во время тяжелейшей войны, кроме тех, которые, как называл их Лемке, находились в т.н. «патриотических подвалах»?

5. «Диктатура фронта» — предложения и результаты

Что касается системы управления, организации власти, то здесь Алексеева правомерно было бы считать сторонником «диктатуры», но только добиваться этого, как полагал Михаил Васильевич, следует вполне легальными, а не «заговорщическими» методами. В течение весны—лета 1916 г. позицию Алексеева можно свести к двум, на первый взгляд взаимоисключающим, положениям. С одной стороны, следуя сформировавшемуся за время войны убеждению в важности «единства фронта и тыла», генерал считал естественным укрепление взаимного доверия между правительством и парламентом, даже путем определенных уступок «общественности», соглашаясь, в частности, на создание «ответственного министерства». С другой стороны, видя неэффективность работы как правительственных, так и «общественных» структур, он считал необходимым укрепление вертикали власти, сосредоточение решения важнейших вопросов военной организации и снабжения армии в одних руках. Позднее, в годы Гражданской войны, это положение станет одним из основных тезисов политической программы Белого движения, убеждением в необходимости режима «военной диктатуры» для достижения «победы на фронте».

Факты, показывающие стремление Алексеева к «сотрудничеству власти с общественностью», упоминались генералом Борисовым. В частности, он писал: «Отмечу, для памяти, три события, но не оперативного значения. Одно — участие Алексеева в склонении Государя возобновить деятельность Государственной думы и быть на ее открытии… Другое — это разговор Алексеева в июне 1916 г. с Государем — после очередного оперативного доклада о необходимости Конституции и ответственного министерства, что поставило Алексеева на порог к отставке. Третье — мой разговор на эту же тему с Государем, по поручению Алексеева, и характерный ответ Государя: “Вы говорите так, а иные говорят иное”». Но, по оценке автора, «эти политические экскурсии были настолько далеки и чужды для Алексеева, что их можно рассматривать как разговоры в момент отдохновения мысли от оперативных соображений. Можно утверждать, что первое из этих событий не удалось лишь потому, что ни Родзянко, ни Алексеев не сочли нужным заранее разработать во всех подробностях программу открытия Думы

Государем». Следует добавить, что приезд Государя в Думу и выступление на открытии ее сессии 9 февраля 1916 г. многими современниками, не говоря уже об официозной печати, считалось событием очень удачным и важным для укрепления доверия власти и общества. Но применительно к позиции Алексеева все эти попытки, упомянутые генералом Борисовым, не носили официального характера и не выходили за пределы частных бесед и пожеланий, а потому вряд ли могут служить подтверждением неких «революционных взглядов» Михаила Васильевича.

Примечательны и воспоминания генерала Дитерихса об отношении Государя и Алексеева к конституционным проектам. Судя но ним, Главковерх отнюдь не исключал проведение дальнейших политических реформ. Важно другое. В условиях войны либерализация государственного управления недопустима. «Покойный генерал Михаил Васильевич Алексеев, — вспоминал Дитерихс, — рассказывал, что в начале 1916 года (во время подготовки к открытию очередной сессии Государственной думы. — *В.Ц.)* Государь Император, будучи в Ставке, три дня носил при себе указ о даровании России конституции. В эти дни Он почти не покидал своего кабинета и все время в большом волнении и задумчивости ходил по комнате из угла в угол. Указ этот не был Им подписан, но как-то в разговоре с Михаилом Васильевичем Государь сказал: “Я не верю, чтобы конституционное правление принесло благо России. Настоящая тяжелая война требует исключительных мер для поддержания в народе подъема, необходимого для победы, но народ никогда не будет уважать законов, исходящих, может быть, от его односельчан”».

Совершенно иным было отношение к идее «диктаторского порядка». В начале лета 1916 г., под влиянием очевидных успехов на фронте и в то же время беспокойства за возможность дальнейшего их развития, в высших военных сферах обсуждались задачи роста и ускорения военного производства. При поддержке Полевого инспектора артиллерии при Верховном Главнокомандующем Великого князя Сергея Михайловича Начальником ГАУ генералом Маниковским была представлена в Ставку докладная записка, содержавшая предложение о создании особой должности — «Верховного министра государственной обороны». Алексеев не только рассмотрел содержащиеся в ней предложения, но развил их и расширил, подготовив к 15 июня 1916 г. обобщенный доклад на имя Верховного Главнокомандующего. Этот доклад вполне можно было назвать программой военно-промышленного развития России, необходимого для победоносного завершения войны.

В начале доклада обосновывалась важность увеличения

производства артиллерийских орудий и снарядов. Как известно, «снарядный голод» остро ощущался в 1915 г., и хотя отечественная промышленность, переходившая на «военные рельсы», постепенно наращивала производство вооружений, однако полного удовлетворения потребностей фронта еще не наступало. Если в условиях «позиционной войны» расход боеприпасов был относительно небольшим, то накануне общего наступления русских фронтов (доклад был составлен в начале «Брусиловского прорыва») Алексеев обосновывал необходимость крупномасштабного увеличения боевого потенциала сухопутных сил. В сражениях Первой мировой решающая роль в боевой технике принадлежала артиллерии (тогда как впоследствии, во Второй мировой войне, приоритет отводился танкам и авиаций). Поэтому Алексеев, на собственном опыте убедившийся в недостатках артиллерийского обеспечения в 1915 г. (особенно в тяжелой артиллерии), считал, что подобные изъяны не должны повториться. «В последних наших операциях, — отмечал он, — приходится почти все время вести борьбу в условиях штурма сильно укрепленных позиций. При прочности современных полевых укреплений, во многих местах имеющих бетонные постройки, разрушение неприятельских окопов и блиндажей может быть выполнено только бомбами 48-линейных, 6-дюймовых и более крупных калибров. Поэтому наличие в армиях достаточного количества тяжелой артиллерии, обеспеченной боевыми припасами, получило еще большее значение. За время текущей войны у нас сформировано много тяжелых батарей, и теперь мы имеем в армиях до 800 скорострельных 48-линейных гаубиц, около 350 скорострельных 6-дюймовых гаубиц и до 450 6-дюймовых пушек прежних образцов, не считая тяжелых орудий других калибров».

Организация артиллерийских батарей признавалась оптимальной, но «обеспечение тяжелой артиллерии снарядами до сих пор не стоит на должной высоте». Переход в общее наступление всех фронтов сдерживался недостатком снарядов: «на Северном фронте имеются лишь незначительные, самые необходимые запасы, на Западном фронте боевых припасов для тяжелых орудий хватит для ведения интенсивного боя — с прорывом тщательно укрепленной полосы неприятельского расположения — лишь на несколько дней, после чего может наступить полное отсутствие тяжелых выстрелов, заполнить которое невозможно сравнительно ничтожной ежемесячной подачей от Главного артиллерийского управления». То, что переход в наступление может сразу же вызвать непредвиденные расходы, подтвердилось положением Юго-Западного фронта,

ведущего под командованием Брусилова активное наступление: «На Юго-Западном фронте израсходовано на текущие бои все, что там было; на пополнение расхода туда экстренно отправлено с Северного фронта, не без некоторого ущерба для него, 15 тыс. 6-дюймовых и 10 тыс. 48-линейных гаубичных выстрелов и 1 тыс. 6-дюймовых выстрелов к пушкам “Канэ”; туда же исключительно высылаются все вновь снаряжаемые тяжелые парки».

Простой математический анализ позволял Алексееву сделать следующий вывод: «В ноябре прошлого года ежемесячная потребность в боевых припасах определялась: 6-дюймовых гаубичных — 110 тыс. выстрелов, 48-линейных гаубичных — 200 тыс. выстрелов в месяц. С тех пор в армиях прибавилось много 48-линейных и 6-дюймовых орудий, вследствие чего потребность в снарядах к этим орудиям значительно возросла. Принимая во внимание общее количество 48-линейных и 3-дюймовых орудий, состоящих на вооружении наших армий, а также средний расход выстрелов, определившийся по опыту последних боевых операций, следует считать, что нам необходимо ежемесячно получать до 300 тыс. 48-линейных и 225 тыс. 6-дюймовых выстрелов».

Складывалась ситуация, при которой заметно возросшее количество артиллерийских парков сидело на «голодном пайке» боеприпасов, несмотря на «многократные, самые настойчивые просьбы к военному министру и к начальнику Главного артиллерийского управления». «По-прежнему 48-линейных гаубичных выстрелов мы получаем лишь 90, в лучшем случае 100 тыс. выстрелов в месяц, а подача 6-дюймовых выстрелов даже сократилась с 40 до 30 тыс. выстрелов в последний месяц», — отмечалось в докладе.

Помимо нехватки снарядов недостаточное снабжение отмечалось и в отношении стрелковых боеприпасов. И снова Алексеев ссылался на «свежие» примеры «Брусиловского прорыва»: «В эти дни в армиях генерал-адъютанта Брусилова обнаружился крайний недостаток в 3-линейных винтовочных и пулеметных патронах, отчасти сковавший развитие нашего наступления. Юго-Западному фронту необходимо дать единовременно 10—15 млн. 3-лиейных патронов, чтобы удовлетворить все поступившие требования от армий и иметь маленький запас и, кроме того, ежедневно высылать но 3—4 млн. 3-линейных патронов. В распоряжение генерала Брусилова направляются все выделываемые нашими заводами 3-линейные патроны, но больше взять неоткуда, так как запасы Северного и Западного фронтов ничтожны: сверх носимых и возимых комплектов на Северном фронте имеется лишь 20, а на Западном

— до 35 млн. 3-линейных патронов, и выделить из них 10 млн. патронов для Юго-Западного фронта рискованно».

Общий вывод, сделанный Алексеевым после проведенного анализа боевого снабжения фронтов, был далек от оптимизма: «По отношению к прочим огнестрельным припасам наши армии не испытывают столь острой нужды, однако ежемесячная подача их, как видно из приведенной ниже таблицы, много ниже того количества, какое необходимо было бы для полного развития наступательных операций на всех наших фронтах… За время с 1 января но 1 июня 1916 г. подано, против количества огнестрельных припасов, обещанных Военным министерством, 3-дм. легких и горных лишь 30%, остальных пушечных выстрелов и винтовочных патронов лишь около 40—50%. При таких условиях подрываются надежды на успех начатой нами операции. Необходимы экстренные исключительные меры и полное чрезвычайное напряжение всех усилий, чтобы обеспечить наши армии боевыми припасами».

От оценки положения на фронтах Михаил Васильевич переходил к разноплановой характеристике положения в тылу и к конкретным предложениям по реорганизации порядка управления. Легче всего было бы ограничиться (как делали нередко члены парламентской оппозиции) критикой правительства и отдельных министров, но наштаверх стремился максимально широко объяснить причины военно-экономической нестабильности и предложить конкретные меры по выходу из кризиса. «Слабым местом» тыла оказался транспорт. Еще в декабре 1915 г. генерал писал Иванову, что «непрерывно связанные железные дороги представляют один громадный организм, и всякая излишняя самостоятельность отдельного органа, заботящегося только о своих интересах, отражается неблагоприятно на интересах общих, почему и не может быть допускаема». Эти же идеи генерал продолжал и в докладе: «В переживаемое время нет ни одной области государственной и общественной жизни, где бы не ощущались серьезные потрясения из-за неудовлетворения потребности в транспорте. Для заводов, работающих на оборону, транспорт предоставляется с исключительным предпочтением и в несомненный ущерб всему остальному. Тем не менее даже особо покровительствуемые казенные заводы не получают всего необходимого им топлива, металлов, предметов оборудования и пр., что давно ими заказано и изготовлено, но не может быть доставлено к заводам и лежит месяцами в ожидании вывоза: то “не хватает вагонов”, то “дают вагоны, но нет направления”, то “не хватает пропускной способности данного участка пути”».

Поэтому неутешительно выглядели перспективы работы крупнейших оборонных заводов. «На теперешнюю производительность заводов артиллерийского ведомства и Путиловского завода запасов топлива и металлов может хватить лишь на несколько дней. Генерал Маниковский тщетно добивается предотвратить остановку Луганского патронного завода, которому необходимо немедленно подать хотя бы минимальное количество нефти, купленной, готовой и ожидающей очереди отправки из Баку. Обуховский завод Морского ведомства также крайне нуждается в подвозе топлива и металлов. Частные же заводы поставлены в отношении получения топлива и материалов в несравненно худшие, прямо критические, условия.

В среднем заводы, работающие на оборону, удовлетворяются транспортом всего лишь на 50—60% своей потребности, а для Петроградского района вместо необходимых 1872 млн. пудов, по заявлению министра путей сообщения, возможно перевезти лишь 8 млн. При таких условиях не только немыслимо увеличение производительности заводов, но придется сократить и теперешнюю работу».

Вслед за транспортным кризисом Алексеев отмечал кризис ресурсов. Парадоксально, но, при наличии в Российской империи богатейших запасов полезных ископаемых, их добыча и переработка в условиях войны также оказались недостаточны для обеспечения военного производства и нужд фронта. Алексеев четко определял состояние отечественной промышленности, сравнивал ее с мировой экономикой и намечал перспективы развития: «В настоящее время ясно обозначился “металлический голод” на мировом рынке. Все без исключения работающие на оборону заводы испытывают нужду в металле, которого не хватает даже на текущую потребность. Кроме общих причин недостатка металла на мировом рынке, исключительной трудности доставки его в Архангельск и дальше по России, наступивший кризис объясняется неналаженностью добычи металла в России.

У нас неисчерпаемые богатства руды, угля и флюсов. Но вместо широкого развития добычи металлов, столь нам необходимых, в Донецком районе из 62 домен уже потушено 17, и, как оказывается, из-за того, что не могут подвезти угля, руды и флюсов, находящихся в том же районе, и получить несколько тысяч рабочих рук.

Министр торговли и промышленности заявил, что при теперешнем своем развитии промышленность, работающая на оборону, получит всего 50% потребного ей металла. При таком

угрожающем, почти трагическом положении вопроса о металле, конечно, нельзя рассчитывать на увеличение подачи снарядов и патронов. По сообщению генерала Маниковского, Ижевский и патронные заводы “дорабатывают последние фунты инструментальной стали”, а капсюльные заводы не в состоянии получить необходимый металл для изготовления капсюлей к 3линейным патронам».

В отдельный пункт выделял Алексеев вопрос состояния рабочей силы на производстве: «Заводы, работающие на оборону, переживают тяжелый кризис с рабочими. Забастовочное движение непрерывно растет. По мнению военного министра, надежным средством против забастовок была бы милитаризация заводов, работающих на оборону. Но, кроме того, крайне необходимо устранить основную причину недовольства рабочих — обеспечить их дешевым питанием».

Не лучшим образом обстояло дело и с заграничными поставками боеприпасов и оборудования. Рассчитывать на их рост и объем не приходилось: «На предметы артиллерийского снабжения даны давно многочисленные заказы за границей, но серьезные затруднения с транспортом (ранняя и суровая зима в Белом море, запоздалая навигация) сильно задержали прибытие в Архангельск наших заграничных заказов, а часть из них погибла на минах. Неполучение по этим заказам заводского оборудования и крупных прессов отразилось значительными опозданиями сдачи заводами тяжелых снарядов. Усилить заказы за границей крайне трудно за недостатком валюты… все главные наши заказы не могут быть размещены из-за отсутствия кредита; не размещены заказы для усиления выхода взрывателей и крупных снарядов даже для казенных наших заводов».

Очевидным становилось необходимое поощрение собственной, отечественной промышленности, увеличение производительности труда: «При таких условиях все усилия должны быть направлены на развитие промышленной деятельности внутри нашей страны, не возлагая особых надежд на союзников», — писал он. Генерал предлагал: не строя иллюзий, сосредоточиться на главных, приоритетных направлениях, развития промышленности. А начинать, по его мнению, следовало с усиления государственного регулирования в экономике. Примечательно, что Алексеев пришел к выводам о целесообразности государственного планирования, высказывая определения, принципиально схожие с известным в будущем определением «государственно-монополистического капитализма», данным В.И. Лениным. И здесь, более чем где-либо, проявилась предрасположенность Алексеева к усилению в

экономической политике диктаторских элементов.

«Многие меры приняты, — писал Михаил Васильевич, — производительность наших заводов по сравнению с прежней — до начала войны — сильно повысилась; Тульский оружейный завод вместо 700 пулеметов в год дает их 800 в месяц и дойдет до 1000; трубочные наши заводы вместо 40—50 тыс. в месяц дают теперь около 70 тыс. трубок в день; оружейные заводы вместо нескольких тысяч винтовок в месяц дают их ежемесячно до 110 тыс. и пр. С получением из-за границы дополнительного оборудования производительность должна еще возрасти. Главное артиллерийское управление строит 15 новых заводов, часть которых должна работать в этом году».

Помимо знаменитых трехлинеек Мосина Северный фронт получал также партии японских винтовок, а в частях Юго-Западного фронта использовались трофейные австрийские винтовки. Все немецкие винтовки и устаревшие берданки передавались в тыловые гарнизоны. Уделялось особое внимание использованию новых образцов техники. Так, в начале 1916 г. Наштаверхом были подписаны предписания о выделении значительных средств на производство и закупку бронеавтомобилей для фронта, а также «приборов для выбрасывания огневой струи» (огнеметов).

Однако успехи в военном снабжении могут быстро сойти «на нет»: «Ни дополнительное техническое оборудование, ни постройка новых заводов не помогут, если не будет достаточно топлива, металла и рабочих рук. Сказывается, кроме того, недостаток у нас в энергичных и сведущих артиллерийских техниках, так как многие лучшие из них командированы в Англию, Францию, Америку, Японию, а их и без того было мало». Налицо был быстрый износ оборудования, «усталость» как машин и оборудования, так и самих рабочих, слабая отдача работающих мощностей, недостаток квалифицированных инженеров и техников. «Нельзя не считаться с тем обстоятельством, что замечается переутомление личного персонала заводов от непрерывной тяжелой двухлетней работы, а станки, работавшие по большей части десятки лет до войны, так перегружены и разработаны заведомо непосильной работой, что на некоторых заводах, как, например, на частном Тульском заводе, пришлось их на некоторое время остановить, вследствие чего подача 3-лиейных патронов в текущем июне сбавится на 5—6 млн. против майской подачи».

«Совокупность перечисленных главнейших причин, — делал вывод Михаил Васильевич, — парализующих увеличение деятельности наших заводов и угрожающих каждую минуту ее

остановкой, не дает надежды не только на значительное увеличение подачи огнестрельных припасов в ближайшем будущем, но и грозит вообще всей нашей промышленности, работающей на оборону».

Что же следовало сделать? Ввести должность «Верховного министра государственной обороны», в компетенции которого должны были находиться все вопросы, связанные с производством вооружения, распределением военных заказов, их финансированием. В вопросах снабжения фронта министр должен иметь право контролировать работу других министров, а также общественных организаций, работающих на оборону, приостанавливать или корректировать некоторые решения и распоряжения министров и Особого совещания. Во вполне верноподданном духе, «Верховный министр» должен был подчиняться только Верховному Главнокомандующему, то есть самому Императору. Подобная «вертикаль» могла также исключить, но мнению Алексеева, излишние межведомственные конфликты, трения между министрами, Ставкой, «общественными организациями», ненужные интриги и неоправданное лоббирование. Возглавить подобное ведомство мог сам Великий князь или глава Главного артиллерийского управления. В докладе так обосновывалось это предложение: «Как на театре военных действий вся власть сосредоточивается у Верховного Главнокомандующего, так и во всех внутренних областях империи, составляющих в целом глубокий тыл, работающий на действующую армию, власть должна быть объединена в руках одного полномочного лица, которое возможно было бы именовать Верховным министром государственной обороны.

Лицу этому, облеченному высоким доверием Вашего Императорского Величества и полнотой чрезвычайной власти, необходимо предоставить объединять, руководить и направлять единой волей деятельность всех министров, государственных и общественных учреждений, находящихся вне пределов театра военных действий, с тем, чтобы деятельность эта была направлена в полной мере исключительно к служению армии Вашего Величества, для полной победы и изгнания неприятеля из пределов России.

Повеления избранного Вашим Величеством Верховного министра государственной обороны должны исполняться внутри Империи всеми без изъятия правительственными местами и общественными учреждениями, а равно должностными лицами всех ведомств и всем населением как Высочайшие Вашего Императорского Величества повеления.

Верховный министр государственной обороны должен исключительно и непосредственно подчиняться Вашему Императорскому Величеству, за свои распоряжения и действия ответствовать только перед Вашим Императорским Величеством и во всех случаях, когда это нужно, обращаться непосредственно к Вашему Величеству; никто, кроме Вашего Императорского Величества, не может давать ему предписаний и не может требовать от него отчетов. Ему должно быть предоставлено право избирать и утверждать собственной властью своих сотрудников из лиц, заявивших себя высокополезной деятельностью для государства за время текущей войны».

Во-вторых, следовало «привести в порядок транспорт внутри России и, прежде всего, минуя всякие препятствия, немедленно организовать подвоз топлива, материалов и продовольствия для рабочих на заводы, работающие для обороны».

В-третьих: «Организовать в самых широких размерах добычу у нас угля и другого рода топлива, а также металлов, необходимых для заводов, работающих на оборону; прежде всего, незамедлительно восстановить и широко развить добычу угля и производство металлов в Донецком районе».

Следовало «разработать и безотлагательно провести в жизнь милитаризацию наших заводов, работающих на оборону, немедленно организовать на тех же заводах казенные магазины и обеспечить их на все время войны необходимыми запасами продовольствия и предметов первой необходимости для отпуска за деньги по нормальным наименьшим ценам заводским рабочим и служащим». Все эти меры, безусловно, следовало сосредоточить в компетенции Верховного министра.

Помимо этого, Алексеев наметил несколько конкретных мероприятий, проведение которых давало бы незамедлительный эффект и не требовало радикальных перемен. Предлагалось «сократить изготовление бомбометов, ручных гранат, за исключением наших артиллерийских образцов 1912 и 1914 гг., прочих вспомогательных средств борьбы и других предметов, имеющих второстепенное для армии значение, дабы освободить рабочие руки, станки, металл и двигатели для изготовления патронов, снарядов и главнейших предметов вооружения». В отношении «рабочей силы» Михаил Васильевич допускал использование труда эмигрантов и не подлежащих мобилизации народностей (в первую очередь, из Туркестанского края): «Применить в широких размерах на заводах, работающих на оборону, а также для добывания топлива и металлов, труд тех народностей России, которые не несут воинской повинности, а также труд восточных народов — китайцев, японцев, персиян и

пр.». Кроме того, нужно было вернуть к работе квалифицированных инженеров и техников, не останавливаясь даже и перед их частичной демобилизацией: «Призванных на военную службу лиц с высшим техническим образованием обратить к службе на заводах, работающих на оборону, а также в шахтах и рудниках; причем тем из них, которые остались в нижнем звании, присвоить звание зауряд-классных военных техников и содержание, положенное прапорщикам действующей армии. Призванных на военную службу разных мастеровых-специалистов возвратить на заводы, работающие на оборону, по удостоверении необходимости их возврата. Подлежащих призыву впредь лиц, получивших высшее техническое образование, и мастеровых-специалистов, необходимых для заводов, работающих на оборону, призывать на военную службу лишь с согласия… Верховного министра государственной обороны)». Например, еще в апреле 1916 г. из рядов армии были демобилизованы и отправлены на заводы по производству снарядов рабочие токари{38}.

По справедливому замечанию Борисова, «в эту мировую, в полном смысле этого слова, войну впервые в военной истории так тесно и неотделимо связались в деле ведения войны армия и народ, и все государство образовало тыловой район армии. Военный министр, остававшийся внутри государства, попал в подчиненное положение относительно Начальника Верховного штаба и сделался как бы Начальником государственного тыла. Внутриполитические вопросы, стоявшие так далеко от армии в прежних войнах, сделались вопросами тыла армии. Чтобы армия могла продолжать войну, Алексееву надо было поработать по благоустройству тыла. Тылом же было государство, во всех его жизненных отправлениях, в том числе и в вопросе о государственной власти, вопрос о Царе, его работе, уме, характере. Полководец уже не мог изолировать себя от политики».

Так что можно утверждать, что идеи фактической военной диктатуры были отнюдь не чужды Михаилу Васильевичу, хотя из-за огромной нагрузки в Ставке он, вполне очевидно, не стал принимать конкретно на себя еще и решение тыловых проблем. Однако следовало поддержать любую приемлемую для Ставки кандидатуру, если подобная реорганизация аппарата производилась бы. Полевой инспектор артиллерии при Верховном Главнокомандующем (полевой генинспарт) — должность, занимаемая Великим князем Сергеем Михайловичем, — вполне соответствовала бы новому назначению, ведь именно артиллерии («богу войны») отдавался, как отмечалось выше,

приоритет при проведении сложных наступательных операций. Да и репутация Великого князя среди руководства Ставки была весьма высока. По воспоминаниям князя А. Эристова, «Великий князь создал управление из авторитетных, с боевым опытом, ученых артиллерийского ведомства, главной задачей которого являлся анализ отдельных боевых операций. Участники последних опрашивались, после чего выводы синтезировались в виде особых постановлений. На Великом князе лежала также забота о скорейшем и успешнейшем формировании новых артиллерийских частей. Одним из крупных его достижений явилось формирование корпуса тяжелой артиллерии особого назначения — "ТАОН", предназначенного для прорыва при крупных наступлениях. Кроме указанных чисто артиллерийских задач, в сферу деятельности полевого инспектора артиллерии входило разрешение вопросов о совместной работе артиллерии с авиацией, распределение материальной части между фронтами, изучение газов и методов борьбы с ними и т.п.».

Кандидатура Великого князя считалась подходящей еще и потому, что по занимаемой им должности генинспарта он обладал весьма обширными полномочиями в деле регулирования артиллерийского снабжения фронта. Согласно утвержденному Алексеевым 5 января 1916 г. «Положению», Полевому генинспарту вверялось: «Общее руководство и наблюдение за боевым снабжением действующей армии. Наблюдение: а) за правильным использованием в бою артиллерии в техническом отношении; б) за боевой подготовкой и за благоустройством артиллерийских частей; в) за подготовкой на театре военных действий личного состава артиллерийских пополнений; г) за формированием и подготовкой на театре военных действий новых артиллерийских частей». Кроме того, «на него возлагалась разработка вопросов о мерах, касающихся усовершенствования всех отраслей боевой готовности, вооружения и материальной части артиллерийских частей, а также вопросы вооружения и снабжения войск прочими техническими средствами артиллерийского поражения».

Но подобные планы не встретили сочувствия ни со стороны исполнительной, ни, тем более, со стороны представительной власти. Глава правительства Штюрмер поспешил предупредить Императора и Императрицу о недопустимости умаления гражданской власти и внесения «раскола» в Совет министров, при котором «четыре министра — военный, земледелия, торговли и промышленности, путей сообщения — превратятся из руководителей своих ведомств в исполнителей, непосредственно подчиненных вновь назначенному Верховному министру».

Штюрмер неожиданно обеспокоился также возможным умалением роли «общественности» во взаимоотношениях с властью, ростом оппозиционных настроений, поскольку в случае реализации предложений Алексеева прекращалась работа особых совещаний, в которых участвовали «виднейшие представители общественных течений, вроде Гучкова, Коновалова и им подобных».

Императрица не видела смысла в реализации предложений генерала, прежде всего, из-за кандидатуры Великого князя Сергея Михайловича, предполагавшейся на должность Верховного министра. Правда, в переписке указывалось на то, что Великий князь должен занять должность некого «диктатора» в продовольственном снабжении, но сути дела это не меняло. «Бедняга очень расстроен слухами, — писала Александра Федоровна супругу о Штюрмере, — переданными ему лицами, побывавшими в Могилеве… Будто бы предлагается военная диктатура с Сергеем М. во главе, смена министров и т.д. … Я успокоила его, сказав, что ты ничего мне не писал об этом, я убеждена, что ты никогда бы не дал подобного назначения какому бы то ни было великому князю, менее всего С.М., у которого достаточно хлопот с приведением собственных дел в порядок. Мы говорили о том, что, возможно, генералы находят целесообразным поставить во главе подобной комиссии (продовольственной) военного, чтобы объединить в одних руках все, касающееся армии, и чтоб иметь возможность предавать виновных военному суду, хотя, конечно, этим министры были бы поставлены в ложное положение».

Наконец, председатель IV Государственной думы Родзянко поспешил предупредить Государя, что в случае если будет «назначен диктатор из числа военных, то получится неясное положение, ввиду наличия верховного главнокомандующего», а если же будет назначено частное лицо из правящих классов, то пример Юань-Шикая в Китае, провозгласившего себя президентом Китайской республики, может показаться довольно соблазнительным для вновь испеченного диктатора». При этом почему-то не было замечено, что в предлагаемом Алексеевым проекте Верховный министр полностью подчинялся бы Верховному Главнокомандующему.

В своих воспоминаниях Родзянко писал, что, посетив Ставку 28 июня 1916 г., он без обиняков спросил генерала о подлинности «диктаторского» проекта: «Это свидание с Алексеевым было у меня первым: до тех пор мы только переписывались… Алексеев признался, что он, действительно, подал Государю такой доклад, настойчиво добивался, кто мне передал секретную бумагу, и

говорил, что он не может воевать с успехом, когда в управлении нет ни согласованности, ни системы и когда действия на фронте парализуются неурядицей тыла». Родзянко категорично заявил Алексееву, что «его сетования совершенно справедливы, но если дать настоящие полномочия председателю Совета Министров, то можно обойтись без диктатуры. Назначение же на такой пост Великого князя Сергея Михайловича было бы равносильно гибели всего дела снабжения армии. Вокруг него снова собрались бы прежние помощники и друзья, и кроме вреда армии и стране от этого ничего бы не последовало».

В результате проект создания министерства «государственной обороны» так и остался проектом, правда, достаточно значимым для понимания намерений Ставки в отношении стратегии ведения войны. Вместо усиления «военного элемента» в управлении государством дополнительные полномочия получило правительство во главе со Штюрмером. Штюрмер и большинство министров отрицали то близкое к катастрофе состояние государства, о каком говорилось в записке генерала Алексеева. 1 июля 1916 г. Государем было утверждено Постановление Совета министров «О возложении на Председателя Совета министров объединения мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла». Тем самым Алексеев, очевидно не желая того, способствовал укреплению власти Штюрмера, поскольку предполагаемые полномочия Верховного министра государственной обороны предоставлялись главе правительства.

На генерала такой результат его инициативы, очевидно, произвел далеко не самое благоприятное впечатление, отмеченное Императрицей в письме супругу вскоре после посещения Ставки: «Алексеев не считается со Штюрмером — он прекрасно дал почувствовать это остальным министрам, — быть может, потому, что тот штатский, а с военным больше считались бы. Штюрмер остался бы в том звании, какое ты ему дал, во главе всего, он следил бы за тем, чтобы все дружно работали, помогал бы министрам, а тебе не приходилось бы ничего менять. Он не устал от работы и не боится ее, но мы думали, что ты, быть может, предпочел бы это место предоставить военному. А потому я обещала это выяснить, и в случае, если ты пожелаешь это обсудить со Штюрмером, пожалуйста, пошли за ним». Государь обещал посоветоваться об этом с Алексеевым, хотя данный вопрос был принципиально уже решен.

К сожалению, преодолеть «отчуждение» Алексеева и Штюрмера на «личном уровне» так и не удалось. Генерал Гурко вспоминал впоследствии, что Алексееву «удалось убедить царя в желательности замены председателя Совета министров

Штюрмера другим человеком. Император был убежден доводами генерала, и его выбор пал на министра путей сообщения Александра Трепова, который становился новым премьером с сохранением за ним поста министра путей сообщения, который он занимал с весны 1915 года». Это был выбор в пользу, как считали многие, «национальных», «военно-политических» приоритетов в политике исполнительной власти. При этом речь о введении полномочного «диктатора от Ставки» уже не шла, Трепов с его «расширенными полномочиями» был для военных более приемлем.

Поддержка планов усиления военной власти не прошла для Михаила Васильевича бесследно. И в последующие годы войны сильная исполнительная власть, опирающаяся на авторитет военного командования, оставалась для него предпочтительнее иных моделей управления. Помнил об этом и Родзянко. Показательна характеристика, данная генералу Председателем думы летом 1916 г.: «Алексеев производил впечатление умного и ученого военного, но нерешительного и лишенного широкого политического кругозора».

А в марте 1917 г., уже после «победы демократической революции», Родзянко в своем письме к главе правительства князю Львову (18 марта 1917 г.) давал весьма нелестную характеристику бывшему Начальнику штаба Государя: «Вспомните, что генерал Алексеев являлся постоянным противником мероприятий, которые ему неоднократно предлагались из тыла как неотложные; дайте себе отчет в том, что генерал Алексеев всегда считал, что армия должна командовать над тылом, что армия должна командовать над волею народа и что армия должна как бы возглавлять собою и правительство, и все его мероприятия; вспомните обвинение генерала Алексеева, направленное против народного представительства, в котором он определенно указывал, что одним из главных виновников надвигающейся катастрофы является сам русский народ в лице своих народных представителей. Не забудьте, что генерал Алексеев настаивал определенно на немедленном введении военной диктатуры. Для меня генерал Алексеев является почетным и достойным всякого уважения, доблестным, честным и преданным Родине воякою, который не изменит своему делу, но поведет его лишь в тех пределах, в какие оно укладывается точным соотношением с его миросозерцанием»[{39}].

6. 1916 год. «Брусиловский прорыв» — стратегические перспективы «коренного перелома» в войне

В дневнике Лемке приведена весьма показательная беседа, состоявшаяся у него с Алексеевым и Пустовойтенко в марте 1916 г., в период боев Нарочской и Двинской операций и разработки стратегических планов на предстоящие месяцы. «Мы (Лемке и Пустовойтенко. — *В.Ц.)* вспомнили Варшаву, нашу поездку в его тамошнее имение, революционные настроения 1905 года… В это время вошел Алексеев и, поздоровавшись со мной, сел, прося продолжать нашу беседу, и прибавил, что пришел потому, что печь надымила в его кабинете.

— О чем же у вас речь?

— Просто вспоминали старое, когда встречались друг с другом совершенно в другой обстановке.

— Дань прошлому за счет тяжелого настоящего?

— Не то что дань, — ответил Пустовойтенко, — а просто некоторое отвлечение.

— Да, настоящее не весело…

— Лучше ли будущее, Ваше Высокопревосходительство? — спросил я без особенного, впрочем, ударения на свою мысль.

— Ну, это как знать… О, если бы мы могли его предугадывать без серьезных ошибок! Это было бы величайшим счастьем для человека дела и величайшим несчастьем для человека чувства…

— Верующие люди не должны смущаться таким заглядыванием, потому что всегда будут верить в исправление всего Высшей волей, — вставил Пустовойтенко.

— Это совершенно верно, — ответил Алексеев. — И вы знаете, только ведь и живешь мыслью об этой высшей воле, как вы сказали. А вы, вероятно, не из очень-то верующих? — спросил он меня.

— Просто атеист, — посмеялся Пустовойтенко и отвел от меня ответ, который мог бы завести нас в сторону наименее для меня интересную.

— Нет, а я вот счастлив, что верю, и глубоко верю в Бога, и именно в Бога, а не в какую-то слепую безличную судьбу. Вот вижу, знаю, что война кончится нашим поражением, что мы не можем кончить ее чем-нибудь другим, но, вы думаете, меня это охлаждает хоть на минуту в исполнении своего долга? Нисколько, потому что страна должна испытать всю горечь своего падения и подняться из него рукой Божьей помощи, чтобы потом

встать во всем блеске своего богатейшего народного нутра…

— Вы верите также и в это богатейшее нутро? — спросил я Алексеева.

— Я не мог бы жить ни одной минуты без такой веры. Только она и поддерживает меня в моей роли и моем положении… Я человек простой, знаю жизнь низов гораздо больше, чем генеральских верхов, к которым меня причисляют по положению. Я знаю, что низы ропщут, но знаю и то, что они так испакощены, так развращены, так обезумлены всем нашим прошлым, что я им такой же враг, как Михаил Саввич, как вы, как мы все…

— А вы не допускаете мысли о более благополучном выходе России из войны, особенно с помощью союзников, которым надо нас спасти для собственной пользы?

— Нет, союзникам вовсе не надо нас спасать, им надо только спасать себя и разрушить Германию. Вы думаете, я им верю хоть на грош? Кому можно верить? Италии, Франции, Англии?… Скорее Америке, которой до нас нет никакого дела… Нет, батюшка, вытерпеть все до конца — вот наше предназначение, вот что нам предопределено, если человек вообще может говорить об этом…

Мы с Пустовойтенко молчали.

— Армия наша — наша фотография. Да это так и должно быть. С такой армией, в се целом, можно только погибать. И вся задача командования — свести эту гибель возможно к меньшему позору. Россия кончит прахом, оглянется, встанет на все свои четыре медвежьи лапы и пойдет ломить… Вот тогда, тогда мы узнаем ее, поймем, какого зверя держали в клетке. Все полетит, все будет разрушено, все самое дорогое и ценное признается вздором и тряпками.

— Если этот процесс неотвратим, то не лучше ли теперь же принять меры к спасению самого дорогого, к меньшему краху хоть нашей наносной культуры? — спросил я.

— Мы бессильны спасти будущее, никакими мерами этого нам не достигнуть. Будущее страшно, а мы должны сидеть сложа руки и только ждать, когда же все начнет валиться. А валиться будет бурно, стихийно. Вы думаете, я не сижу ночами и не думаю

хотя бы о моменте демобилизации армии?… Ведь это же будет такой поток дикой отваги разнуздавшегося солдата, которого никто не остановит. Я докладывал об этом несколько раз в общих выражениях; мне говорят, что будет время все сообразить и что ничего страшного не произойдет: все так-де будут рады вернуться домой, что ни о каких эксцессах никому и в голову не придет… А между тем к окончанию войны у нас не будет ни железных дорог, ни пароходов, ничего — все износили и

изгадили своими собственными руками. Кто-то постучал.

— Войдите, — ответил Алексеев.

— Ваше Высокопревосходительство, кабинет готов, просвежился, — доложил полевой жандарм.

— Ну, заболтался я с вами, надо работать, — сказал Алексеев и пошел к себе.

Я вспомнил всех чертей по адресу не вовремя явившегося жандарма: мне так хотелось довести разговор до более реального конца.

— Вы думаете, — спросил меня Пустовойтенко, — что начальник штаба будет сейчас работать? Нет, после таких бесед у него всегда только одно желание: помолиться…»

При всей вероятной неточности и условности (в угоду советской цензуре) приведенной Лемке беседы, отразившиеся в ней настроения Михаила Васильевича можно признать довольно характерными для начала весны 1916 г. Положение на фронте еще не было стабильным, и в преодолении проблем фронта трудно было увидеть надежные, благоприятные перспективы. Вооружения и боеприпасов было еще недостаточно, перебои со снабжением давали о себе знать. Алексееву, как военачальнику, обладающему максимальной полнотой информации о ситуаций на фронте и в тылу, трудно было стать убежденным оптимистом. И в то же самое время он говорит о своей вере в народные силы, в «богатейшее нутро» русского народа, без чего невозможно строить какие бы то ни было стратегические планы. Алексеев верил в народные силы, но при этом видел их крайнюю неорганизованность, их стихийность, слабость внутренней культуры и просвещения, отнюдь не идеализировал их. И от того, как в дальнейшем будут развиваться военные действия, зависело, по мнению генерала, поведение многомиллионной солдатской «массы».

Единственное, что по-прежнему поддерживает, укрепляет генерала в его нелегком труде, — глубокая, искренняя вера в Бога, вера в спасительный Промысел Божий, вера в силу Божественного предопределения над Россией. Эта глубокая вера направляет его «воинское служение». И это, вероятно, очень трудно понять Лемке, ищущему во время разговора оправданий каких-то своих предположений в отношении «заговора, зреющего» в Ставке.

С таким психологическим состоянием, с такими настроениями вступил Наштаверх в третий год войны. Скрашивали личную жизнь Михаила Васильевича сообщения об успехах военной службы его сына, а также женитьба Николая в конце января 1916 г. на Н. Немирович-Данченко. В годы

Гражданской войны она служила сестрой милосердия во 2-м конном полку Добровольческой армии. Примечательно, что свидетелем на этой свадьбе намеревался быть сам Государь Император, разрешивший Алексееву кратковременный отпуск в Смоленск, на венчание сына…

Планы предстоящих операций составлялись Алексеевым со всей свойственной ему последовательностью и тщательностью. Теперь можно было бы говорить об окончательно сформировавшемся «стиле работы» Наштаверха. Современники по-разному оценивали его. У. Черчилль считал, что стратегические дарования и полководческий талант Алексеева вполне сопоставим с талантами двух других ведущих полководцев Первой мировой войны — маршала Фоша и генерала Людендорфа. А по мнению военного ученого А.А. Керсновского, Алексеев не отличался широтой и оригинальностью мышления, его планы страдали чрезмерно шаблонным, стандартным подходом. Более обстоятельную характеристику такому способу руководства приводил в своих воспоминаниях Верховский. По его мнению, «Алексеев, загруженный громадным объемом чисто технической работы, не мог подняться до сколько-нибудь широких обобщений. Его оперативные планы не выходили из рамок посредственности. Их достоинство состояло в том, что они были технически верно рассчитаны, проводились планомерно и не требовали от войск лишнего напряжения… Честный, мужественный, но ограниченный полководец… Для Алексеева было характерно бюрократическое руководство войсками. Ему писали донесения за номером и числом. Он отвечал директивой, тоже за номером и числом, посылаемой и сдаваемой под расписку. Большего он, старый штабной работник, дать не мог. Но ведь управление войсками не может быть сведено к бумажной отчетности».

Не соглашаясь, конечно, с такой характеристикой Михаила Васильевича, нужно заметить ее справедливость в отношении многих организационно-управленческих сторон деятельности Ставки. Вряд ли нужно ставить в упрек Алексееву то, что он смог наладить (пусть и не идеально), скоординировать сложнейшую оперативную работу, неизбежно требующую четкости, ясности и заметной доли «бюрократизма», в хорошем смысле этого слова. Примечательно, что Ставка в период верховного командования Великого князя Николая Николаевича обвинялась именно в недостаточном внимании к административной, организационной стороне работы, останавливаться лишь на «творческих» проявлениях в ущерб оперативной технике становилось бессмысленно и опасно.

Совершенно противоположную оценку давал Алексееву Бубнов, исходивший из достаточно справедливого тезиса о том, что для позиционной войны (в том виде, как она велась в конце 1915 — начале 1916 г.), в отличие от войны маневренной, нет нужды в «значительных стратегических дарованиях»: «В обстановке же позиционной войны, когда фронт протянулся от моря до моря и когда по суше невозможен никакой другой маневр, кроме лобового удара в целях прорыва фронта, стратегическое руководство ограничивается лишь выбором места и времени этого прорыва. Тут не может быть места, да и не нужна та гениальная интуиция, которая в маневренной войне побуждает великих полководцев принимать целесообразные оперативные решения в связи с постоянно меняющимися элементами обстановки. Тут, в закрепленной на долгие периоды времени обстановке, с неизменно начертанной линией фронта, нужна не гениальная интуиция, а методичный, кропотливый расчет. Тщательное изучение военно-географических условий позволяет найти наивыгоднейшее место прорыва. Подсчет же наших сил и сопоставление их с силами противника дают возможность определить, когда наступит благоприятный момент для этого прорыва, принимая при этом во внимание климатические условия (то есть состояние театра военных действий в зависимости от времени года. — *В. Ц.)*».

Именно поэтому, утверждал Бубнов, «для верховного оперативного руководства нашей армией в обстановке позиционной войны лучшего военачальника, нежели генерал Алексеев, трудно было бы представить. Благодаря своей исключительной вдумчивости и знанию дела, он, как никто другой, был способен всесторонне проанализировать сложившуюся обстановку и вынести наиболее целесообразное решение».

Говоря о стратегических замыслах на предстоящий, 1916 г., Бубнов отмечал, что изначально, еще до разработки весеннего наступления, Михаил Васильевич Алексеев намеревался нанести главный удар Юго-Западным фронтом, причем приоритет отдавался ударам в районе Тарнополя и Станислава. «Взявшись задело вскоре после своего назначения на должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего, генерал Алексеев прежде всего пришел к заключению, что прорыв необходимо осуществить на Юго-Западном фронте, где нам противостояли австрийские войска и потому можно было ожидать значительно менее упорного сопротивления, чем на Северо-Западном фронте, где действовали немцы… Участок для проведения предстоящей операции был выбран такой, где сравнительно легко было

осуществить прорыв и где имелась возможность развить наступление. Подход же подкреплений противника был бы наиболее затруднителен. Кроме того, при выборе участка учитывалось наличие условий, позволяющих сохранить в тайне все сложные и длительные работы по подготовке прорыва. Выбор участка, с этой точки зрения, оказался идеальным. Противник до последнего момента не заметил нашей подготовки, ведущейся несколько месяцев, что позволило сосредоточить здесь огромные боевые запасы, артиллерийские батареи и другие боевые средства.

Правильность выбора места прорыва полностью подтвердилась, когда во время революции наши войска, несмотря на полную потерю своей боеспособности и деморализацию, с невероятной легкостью и почти без потерь пробили здесь австрийский фронт (имеется в виду наступление Юго-Западного фронта в районе Галича в июне 1917 г. — *В. Ц.)*.

Что касается определения времени прорыва, таковое обусловливалось накоплением на данном участке запасов и средств, достаточных для его осуществления, что в свою очередь зависело от времени, необходимого для их создания и доставки на фронт. Располагая сведениями о производительности нашей военной промышленности и данными о заготовках за границей и принимая во внимание провозную способность нашего северного пути (по этой транспортной «артерии» от Романова на Мурмане и Архангельска осуществлялась перевозка получаемых от союзников боеприпасов. — *В.Ц.),* генерал Алексеев установил, что достаточное количество боевых средств и запасов на участке прорыва не может быть сосредоточено ранее начала 1917 года. При этом учитывался и значительный резерв запасов на тот случай, если бы пришлось в течение 1916 г. предпринять для отражения возможных атак противника операции, связанные со значительными расходами боевых припасов.

Сделав все необходимые расчеты и учтя климатические условия, генерал Алексеев окончательно назначил для прорыва на Юго-Западном фронте март 1917 г. Именно к этому сроку были приурочены все приготовления».

Позже от плана решающего «точечного удара» на Юго-Западном фронте пришлось отказаться, хотя его приоритетность, с точки зрения Алексеева, оставалась. И лишь в 1917 г., как будет показано далее, к этому плану вернулись, хотя и частично.

Но очевидно было, что уже 1916 г. может стать переломным годом в ходе войны. Требовалось учитывать не только потенциальные возможности российского Восточного фронта, но и принимать во внимание планы союзников по Антанте. 19

февраля 1916 г. от начальника французской военной миссии в России генерала. По Алексеевым была получена информация о планах Антанты на Западном фронте. В соответствии с ними предполагалось сдержать вероятное наступление немцев, опираясь на мощные укрепления крепости Верден, и затем перейти в общее контрнаступление, которое обязательно сопровождалось бы общим наступлением армий Восточного фронта. От русской армии требовалось «безотлагательно приступить к подготовке наступления».

Благоприятно для России изменилась и ситуация на Дальнем Востоке. Бывший коварный соперник — Япония — теперь стала союзником. В ноябре 1915 г. Государь принял решение — «в знак особого внимания» направить в Японию специальную миссию во главе с Великим князем Георгием Михайловичем.

Предполагалось заключение договоров о военных поставках (в частности, стрелкового оружия) для русской армии. Примечательно, что Алексеев «давно мечтал о такой миссии» и стремился к максимально возможному сближению с «недавним врагом». Михаил Васильевич лично инспектировал Великого князя накануне его отъезда.

При всей несомненной «верности союзникам» Алексеев считал необходимым пресекать малейшие попытки умаления заслуг Русской армии в общем деле достижения победы и помнить об отнюдь не бескорыстном снабжении Восточного фронта оружием и боеприпасами. «Думаю, — замечал Алексеев в письме к российскому военному представителю в Париже генералу от кавалерии Я.Г. Жилинскому (18 января 1916 г.), — что спокойная, но внушительная отповедь, решительная по тону, на все подобные выходки и нелепости стратегически безусловно необходима. Хуже того, что есть, не будет в отношениях. Но мы им (союзникам. — *В.Ц.)* очень нужны. На словах они могут храбриться, но на деле на такое поведение не решатся. За все нами получаемое они снимут с нас последнюю рубашку. Это ведь не услуга, а очень выгодная сделка. Но выгоды должны быть, хотя бы немного, обоюдные, а не односторонние».

Комбинированный удар с двух сторон Германия не выдержала бы, но для этого требовалась четкая координация действий. На очередной межсоюзнической конференции во французском городе Шантильи, состоявшейся в марте, было принято решение о совместном наступлении в мае 1916 г. Прежние планы июльского наступления русских армий были отклонены Алексеевым из-за опасений уступить инициативу немцам. Но еще раньше, в феврале, Наштаверх дал указания о нанесении удара частями 1-й армии Северного и 2-й армии

Западного фронтов из района Двинска и озера Нарочь с развитием, в случае успеха, наступления на Ковно. Один из главных военных итогов кампании 1915 г. заключался не только в спасении армий во время умело проведенного Алексеевым отступления. С конца 1915 г. русские войска прочно овладевают инициативой в проведении операций на всем протяжении Восточного фронта. Уже в декабре 1915 г. русская армия начала проводить наступательные действия, как бы «прощупывая» противника. Одной из таких операций стало наступление 7-й армии Юго-Западного фронта на р. Стрыпе в Буковине. И хотя данная операция не привела к успеху, ее, а также последовавшие затем операции в районе Двинска и у озера Нарочь отнюдь нельзя было считать «бессмысленными мясорубками».

Во время этих операций постепенно формировалось новое тактическое мышление командования, солдаты и офицеры привыкали к новым условиям позиционной войны, осваивали новые способы прорыва укрепленных вражеских позиций. Конечно, этот опыт не был легким. Были ошибки, недооценка сил противника, отсутствие должного взаимодействия сил. По-прежнему остро ощущалась нехватка вооружения и боеприпасов. Были и большие потери. Но сохранялась вера в будущий успех. В письме Алексееву командующий 7-й армией генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев отмечал, что декабрьская операция в Буковине предполагалась как начало «решительной атаки на Юго-Западном фронте» с «главной целью… — разбить Австрийскую армию». Отказ от операции, считал Щербачев, «дурно повлияет морально… а держаться пассивно на голой и открытой местности, как мы сейчас стоим — невозможно». Фронт удара планировался но линии Галич — Коломыя — Черновцы. 7-я армия, переведенная из района Одессы (где первоначально предполагалось ее использование против Болгарии, выступившей на стороне Германии и Австро-Венгрии), начинала наступление свежими силами, ее левый фланг должна была обеспечивать 9-я армия, а затем к прорыву подключалась 11-я армия из района Кременца, обеспечивая правый фланг 7-й армии. Однако в ходе операции выявились серьезные недостатки. «Перевозка затянулась, а затем, — писал Щербачев Алексееву, — операция была отложена на 4 дня, вследствие чего на неожиданность нашего удара нельзя было уже рассчитывать»; упоминалась также «совершенно промокшая, вязкая, глинистая почва, затрудняющая действия и движения войск, сильно укрепленная позиция и необычайное упорство мадьяр (по заявлению 2-го корпуса, действуя против немцев, они не встречали ничего подобного), отчасти — промахи начальников дивизий». Быстро обнаружилась

нехватка резервов, зато очевидным стало преимущество в использовании тяжелой артиллерии при подготовке пехотных атак. Алексеев, не желая отказываться от развития операции, предполагал перебросить три корпуса с Северного и Западного фронтов, но их прибытие задерживалось. В итоге начавшийся прорыв 7-й армии развития не получил. «Опыт войны показал, — писал далее Щербачев, — что случайностей масса, и часто не удается сразу то, что казалось верным, но твердость, настойчивость и упорное выполнение принятого плана всегда дает успех». Это мнение вполне разделялось и Алексеевым, убежденным также в том, что «одной из главных причин неудач настоящего нашего наступления» являлась «малочисленность мортирной и тяжелой артиллерии, малые ее калибры, малое число пулеметов и недостаточное снабжение всей артиллерии и пулеметов боевыми припасами. Если недостаток этих артиллерийских средств не может быть устранен к весне (1916 г. — *В.Ц.),* когда обстановка может осложниться для нас неблагоприятно в политическом и стратегическом отношениях».

Еще более серьезным боевым опытом стали бои Северного и Западного фронтов в марте 1916 г. у Двинска и озера Нарочь. Данные операции были запланированы Алексеевым исходя из учета как стратегических соображений (сохранение наступательной инициативы и возможность прорыва фронта противника), так и геополитической обстановки (помощь союзникам, сдерживавшим наступление немцев под Верденом), вследствие чего операции начались в тяжелых сезонных условиях (сильная весенняя распутица в полосе наступления Западного фронта). 18 марта 1916 г. после подготовки, проведенной батареями тяжелой артиллерии, в наступление перешли части 2-й армии Западного фронта. Ее корпуса, согласно директиве Алексеева, должны были наступать по сходящимся направлениям на Свенцяны, памятные по прошлогодним боям. Правый фланг 2-й армии обеспечивался ударом 1-й армии, наступавшей от Двинска. 4-я и 10-я армии Западного фронта должны были сковать противника перед собой, но в случае успеха 2-й армии перейти в общее наступление. Далее предполагалось введение в бой частей 5-й армии Северного фронта из района Якобштадта. Кроме того, озабоченность Алексеева вызывала возросшая активность немецкого флота в Ирбенском проливе, откуда можно было бы ожидать десанта на острова Моонзундского архипелага или на балтийском побережье. Таким образом, мог быть достигнут прорыв двух фронтов в общем направлении на Вильно и Ковно и, в перспективе, освобождена Курляндия (Литва), захваченная немцами в 1915 г.

Но и эта операция, достаточно удачно начавшаяся (2-й армии удалось достичь Свенцян) не принесла победы. В числе недостатков, выявившихся во время наступления, Алексеев считал, прежде всего, организационные просчеты командования 2-й армии, разделившей свои корпуса на три группы (изъян, отмечавшийся Михаилом Васильевичем еще во время Русско-японской войны). Эффективного взаимодействия между ними достигнуто не было, было много импровизации, отдавались нередко противоречащие друг другу приказы. Маневр войсками в условиях весенней распутицы оказался невозможным. Артиллерийская подготовка, в которой наравне с трехдюймовками участвовали и 152-мм тяжелые орудия, велась хоть и активно, но была кратковременной и явно недостаточной. Плотность орудий на 1 км хотя и оказалась заметно большей, в сравнении с 1915 г. (в среднем до 12—18, а на отдельных участках и до 35 орудий разных калибров), однако, как и прежде, приоритет в артиллерии оставался за знаменитыми трехдюймовками, а для прорыва укреплений их огонь был неэффективным. 152-мм орудий было всего 150 для эсей полосы прорыва (60 км) ударных групп 2-й армии. Не удалось создать мощного «артиллерийского кулака», подобного тому, с помощью которого совершили немцы свой прорыв под Горлицей. Батареи тяжелой артиллерии действовали рассредоточенно. Создавалось впечатление, как отмечали очевидцы, что артиллерия «решает свою самостоятельную задачу, независимо от задач пехоты, и не связана с нею общностью условий». Из-за недостаточной корректировки огня под снаряды собственных батарей попадала наступавшая пехота. Еще одним изъяном признавалась неоднократная отправка в прорыв подразделений ослабленных, нуждавшихся в смене и пополнениях. Все это приводило к тяжелым потерям убитыми и ранеными и, по признанию многих военных, Нарочская операция оказалась одной из самых «кровавых» и безрезультатных за всю войну. Так или иначе, хотя она и не принесла успеха русским войскам, но все-таки вынудила переброску немецких резервов, приготовленных к удару на Верден, что существенно облегчило положение союзников. Об этом в письме генералу Алексееву писал 3 марта 1916 г. генерал Жоффр, просивший «произвести на противника сильное давление с целью не дать ему возможности увести с русского фронта какие-либо силы».

По мнению историка русской артиллерии генерал-майора Е.З. Барсукова, «на участке главного удара на Западном фронте были собраны, в общем, довольно внушительные силы русских, но если бы русское главное командование сосредоточило все

усилия только на одном избранном решающем направлении, отказавшись от комбинированного удара с двух фронтов — Северного и Западного — и сузив участок главного удара на Западном фронте, то оно могло бы сосредоточить на этом участке в 40—50 км до 40 пехотных и 5 кавалерийских дивизий и до 2000 орудий, в том числе до 400 тяжелых. При таком, почти четырехкратном, превосходстве в живых силах и в артиллерии над противником возможно было бы, при надлежащей подготовке и своевременном начале операции, не только обеспечить успех прорыва укрепленной полосы противника, но и окончательно раздавить его».

Бесспорно, «мощным ударом» многократно превосходящих сил прорвать фронт противника и «раздавить его» было несложно, но, как будет показано далее, стратегические планы 1916 г. уже отходили от идеи концентрированных ударов, признавая актуальность фронтальных наступательных действий.

Алексеев не оставлял вниманием и состояние прифронтовой полосы, помощь местному населению, борьбу с мародерством и неоправданными реквизициями. Примечательно, что еще 5 сентября 1915 г. он телеграфировал главнокомандующим фронтами: «Государь Император повелел мне сообщить вам, что до Его Величества доходят многочисленные жалобы от разных слоев населения театра войны на чинимые войсками и особливо отдельными воинскими чинами обиды и угнетения населению: нередки грабежи, особенно часты поджоги, совершенно не вызываемые требованиями военной обстановки.

Бывшим Верховным Главнокомандующим (Великим князем Николаем Николаевичем. — *В.Ц.)* неоднократно отдавались приказы и повеления, требующие водворения строгого внутреннего порядка в войсках, устранения грабежей и поджогов. Невзирая на это, Государь Император с грустью убеждается, что до настоящего времени повеления эти не приведены в исполнение и некоторые чины пятнают себя деяниями, недостойными русской армии. Этому особенно способствует большое число нижних чинов, находящихся в тылу или самовольно отлучившихся или командированных, даже уволенных под разными предлогами в отпуск.

Его Величество повелевает не останавливаться ни перед какими мерами для водворения строгой дисциплины в войсках и перед суровыми наказаниями в отношении отлучившихся от своих частей чинов и в отношении грабителей, мародеров и поджигателей. Указываемая Государем Императором цель должна быть достигнута во что бы то ни стало. По железным дорогам и тыловым путям корпусов, особенно вдоль шоссе, должны быть

командированы офицеры, состоящие в резерве, с конвоями для задержания отбившихся от частей. Эти люди должны понести быстрое и суровое наказание для примера другим.

Его Величество повелевает начальствующим лицам, особенно командирам частей, обратить серьезное внимание на то зло, которое получило большое развитие в армии. Только неумолимой требовательностью, настойчивостью и заботами начальников и суровыми наказаниями виновных как в деяниях, так и в послаблениях могут быть устранены в значительной мере поступки, вызывающие справедливые жалобы и нарекания на войска. Чем менее воспитанными прибывают укомплектования, тем более строга должна быть дисциплина в частях и тем более неумолима требовательность начальников в отношении соблюдения внутреннего порядка. Дабы облегчить достижение этой цели, Государь Император повелел указать на необходимость не ослаблять офицерский состав откомандированием в штабы, управления и тыловые учреждения и вернуть тех, кои уже взяты из частей, кроме признанных из-за ран и болезней могущими нести лишь нестроевую службу. Его Величество изволил выразить веру в то, что начальники всех степеней примут близко к сердцу все указанное и дружными усилиями вернут необходимый войскам порядок, устранят обиды населению, бессмысленные поджоги, уничтожение без нужды фабрик, заводов, грабежи; искоренят беспощадной рукой мародерство и бродяжничество в тылу отбившихся от своих частей и забывших свой долг нижних чинов».

В марте 1916 г. Главнокомандующим армиями фронтов была разослана циркулярная телеграмма, в которой, в частности, указывалось: «По доходящим до меня сведениям, убытки, причиненные местному населению рытьем окопов и возведением других сооружений военного характера, не везде оплачиваются. Владельцы уничтоженного и поврежденного имущества обращаются с ходатайством о скорейшем возмещении им его стоимости. Прошу сообщить, последовали ли какие-либо распоряжения но вверенному вам фронту об уплате за уничтоженное и поврежденное при указанных обстоятельствах имущество. У меня имеются сведения, что губернаторы, хотя и назначают для обследования убытков особые комиссии, но направлять дальше эти дела затрудняются за недостатком будто бы на этот предмет ассигнований».

Очень осторожно призывал Алексеев использовать и такую неизбежную в условиях войны меру, как принудительная эвакуация местных жителей из прифронтовой полосы. Главнокомандующим армиями фронтов указывалось, «чтобы они

подтвердили командующим армиями и командирам корпусов, что нельзя делать без разбора эвакуацию жителей в 3-верстной и шире полосе по фронту; чтобы они… 1) выявляли бы только отдельных лиц, пребывание которых в районе своей части считают неудобным, 2) сплошное выселение допускали бы в исключительных случаях, и то с согласия главнокомандующего фронтом, 3) давали бы срок для приготовления к выезду, ликвидации и хранению имущества и 4) оплачивали бы убытки по ст. 11 “Правил о местностях, объявленных на военном положении”.

Даже такая, казалось бы, “мелочь”, как состав солдатского рациона, не ускользала от бдительного и требовательного наштаверха. В одной из телеграмм генералу Брусилову Алексеев отмечал, что «ввиду недостатка жиров в Империи» нет возможности увеличить «дачу сала для предохранения войск от цинги», тогда как «для борьбы с цингой нужна лимонная кислота, овощи, лук, чеснок и т.п. и уменьшение количества солонины за счет увеличения свежего мяса».

Забота и требовательность по отношению к солдатам была не менее высокой и по отношению к офицерам. В 1916 г., как и в период Русско-японской войны, в штабах строевых частей стал остро ощущаться недостаток профессиональных офицеров-генштабистов. Последние предпочитали строевую службу весьма специфическим сферам военной деятельности (формируемые авиационные и партизанские отряды, гражданская администрация и др.). Михаил Васильевич, ссылаясь на нормы корпоративной этики, которую сам соблюдал беспрекословно, требовал от своих коллег следования своим должностным и профессиональным обязанностям. В циркулярном письме в штабы фронтов от 25 января 1916 г. он сообщал: «В последнее время учащаются ходатайства о назначении офицеров Генерального штаба на такие должности, которые имеют или только косвенное или не имеют даже никакого отношения к службе Генерального штаба, но представляются выгодными с личной точки зрения. Замечается стремление офицеров Генерального штаба перейти в другие отрасли службы, не имеющие никакого отношения к специальной службе Генерального штаба: в бригадные командиры, в авиаторы, в партизаны, в губернаторы, директора корпусов и т.д.

Между тем некомплект офицеров Генерального штаба вследствие новых формирований и убыли, дошел до того предела, когда расходовать офицеров Генерального штаба не по прямому их назначению невозможно, так как их не хватает даже для выполнения важной в боевом отношении специальной службы

Генерального штаба.

Прошу Вас сделать распоряжение поставить офицерам Генерального штаба в известность, что в настоящее тяжелое для России время, когда каждый гражданин по чувству долга идет защищать Царя и Родину, не щадя живота своего, бросив все свои личные дела, офицер Генерального штаба должен в особенности быть проникнутым чувством долга принести своей Родине все силы и знание в той именно деятельности, в которой государство его готовило в мирное время в течение многих годов и в которой он как специалист может принести больше пользы общему делу. Этого требует честь той корпорации, к которой все мы принадлежим и к которой мы не имеем права относиться лишь с точки зрения личных выгод и удобств…»

Нарочская операция, бои по линии Постав — Свенцяны стали, по существу, пробой сил перед решающими операциями, запланированными на конец весны. 22 марта 1916 г. Алексеевым был составлен доклад Государю, в котором детально рассматривались возможности общего наступления Восточного фронта. Общая численность штыков и сабель Северного и Западного фронтов составляла 1 млн. 220 тысяч, тогда как у противника — 620 тысяч. Юго-Западный фронт также имел численное превосходство — 512 тысяч штыков и сабель против 441 тысячи у австро-немецких войск. Логика оперативного искусства подсказывала единственно оптимальное решение — переход к активным наступательным действиям.

Отмечая существенное численное превосходство над противником (благодаря проведенным мобилизациям общий перевес достигал почти 700 тысяч штыков и сабель), Наштаверх пришел к выводу о необходимости энергичного наступления войск Северного и Западного фронтов сходящимися ударами в направлении на Вильно. Именно эти фронты могли, по замыслу Алексеева, нанести главные удары. Юго-Западный фронт, имея против себя многочисленные силы австро-венгерский армии, мог бы сковывать противника, не давая ему возможности перебросить подкрепления на помощь немцам, а затем перейти в наступление, после того как его соседи — Северный и Западный фронты — смогут развить успех в Курляндии и в Полесье. Подготовку наступления следовало завершить к 1 мая. Таким образом, теперь в наступлении участвовал не отдельно взятый фронт, пытающийся, используя лишь свое численное превосходство, прорвать линию противника на отдельном участке. Подобную тактику «точечных ударов» союзники по Антанте еще могли позволить себе, поскольку на протяжении 700-километрового фронта они «в каждой точке имеют теперь возможность

противопоставить противнику вполне достаточные силы для первого отпора», чтобы затем «быстро подвести большие резервы, обеспечивающие уверенное развитие активной обороны». На растянутом 1200-километровом Восточном фронте, при недостаточной сети железных дорог и слабости шоссейных коммуникаций, невозможно было рассчитывать на оперативное использование резервов при нанесении отдельных «точечных» ударов. Поэтому успешное генеральное наступление требовало одновременного участия всех фронтов Российской армии.

Кроме того, линия фронта в начале 1916 г., помимо своей заметной протяженности, не имела стратегически важных «выступов», позволявших проводить сильные фланговые удары для окружения попадавших в эти «выступы» — «котлы» — войск противника. Вытянувшаяся, почти прямолинейная фронтальная линия «позиционной войны» могла быть прорвана также лишь сильными фронтальными ударами.

Первоначальные места прорывов можно будет углублять и расширять путем введения резервов, не давая возможности противнику «закрыть бреши». Но даже если бы прорыв «в глубину» и не удавался, противостоящим вражеским частям все равно наносился бы значительный урон. Позднее, в докладной записке от 31 марта 1916 г., Алексеев предостерегал: «Едва ли можно рассчитывать на выполнение в один прием глубокого проникновения в расположение противника, хотя за ударными корпусами была бы поставлена вторая линия корпусов… при иной постановке вопроса нас ожидают или разочарования, или тяжкие безрезультатные жертвы. Суть в том, чтобы при последовательных, подготовленных атаках выполнить прорыв, нанести противнику потери и разбить основательно часть его войск».

Важность предложенного Алексеевым стратегического замысла состояла еще и в том, что немецким войскам наносился предупредительный удар, не позволяющий им перехватить стратегическую инициативу в предстоящем году. Алексеев был уверен, что после Верденской операции (даже в случае ее неудачного исхода) немцы, как и в 1915 г., попытаются перенести тяжесть удара на Восток — в надежде окончательно разгромить Россию. «Возникает вопрос, — писал генерал, — как решить предстоящую нам в мае месяце задачу: отдать ли инициативу действий противнику, ожидать его натиска и готовиться к обороне, или наоборот — упредив неприятеля началом наступления, заставить его сообразоваться с нашей волей и разрушить его планы действий». Учитывая прошлогодний опыт, Алексеев считал необходимым навязать противнику свою волю, а

не пытаться вести бои в пассивной обороне, уступая инициативу врагу.

Полковник Сергеевский так описывал позднее (письмо В.М. Алексеевой-Борель от 14 июня 1963 г.) свое представление о стратегическом замысле Алексеева: «Весной 1916 года Михаил Васильевич рассылает весьма секретное наставление, как делать прорыв укрепленного фронта (“дыру”). Задумывается гигантское наступление. Сначала демонстрация на Юго-Западном фронте, но для дальнейшего не дастся резервов (это только демонстрация, за две недели до главного удара). Главный удар — две огромных “дыры” (на Западном и Северном фронтах — Эверт и Куропаткин) и невиданной величины резервы, чтобы ввести их в эти две “дыры” и сделать окружение (“Канны”) для половины германской армии».

И, безусловно, для гарантии полного успеха требовалась помощь союзников. Опять же, помня опыт 1915 г., когда русские армии фактически в одиночку противостояли натиску австро-немецких сил, Алексеев стремился к тому, «чтобы общая идея соглашения, принятого в Шантильи о совокупной атаке в мае старого стиля, сохранила свою силу при предстоящем решении вопроса». В письме генералу По Наштаверх, хотя и допуская возможность принятия «на себя обязательства или атаковать ранее на две недели, чем союзники, или одновременно с ними», все же настойчиво подчеркивал необходимость того, «чтобы общая мысль связала операции на итальянском, французском и русском фронтах». Эта же мысль о совместных действиях выражалась в телеграмме Алексеева Жоффру от 8 марта 1916 г.: «Император поручил мне передать вам выражение истинного восхищения блестящим выступлением 20-го французского корпуса во время боев под Верденом. Его Императорское Величество твердо уверен в том, что французская армия, верная славным заветам прошлого и руководимая доблестными военачальниками, заставит своего жестокого врага просить о пощаде. Вся русская армия с напряженным вниманием следит за подвигами французской армии. Она шлет своим собратьям по оружию пожелания окончательной победы и ждет только приказа о вступлении в бой против общего врага»[{40}].

Но для успеха совместных действий на большом протяжении требовалось точное следование запланированным этапам и срокам наступления. С этой целью Алексеев, хотя и был сторонником идеи, что «вести войну и принимать ответственные решения может только один человек», все же считал целесообразным в данном случае проведение Совещаний Главнокомандующих фронтами, во время которых можно было бы

обсудить совместные стратегические планы во всех деталях. С августа 1915 г., с момента вступления Алексеева в должность Начальника штаба Верховного Главнокомандующего это были первые Совещания высших военных чинов.

Итоговый план, утвержденный после Совещания Главнокомандующих фронтами в Ставке (1 апреля 1916 г.) директивой № 2017806 от 11 апреля 1916 г., несколько отличался от первоначального. Главный удар планировалось нанести теперь Западным фронтом, а Северный и Юго-Западный должны оказывать ему содействие, наступая на флангах. В напряженном ожидании майского наступления проходила подготовка частей, полки и корпуса «накапливали продовольственные и боевые средства». Наступление должно было начаться 15 июня. Однако не прошло и месяца, как в Ставку поступили тревожные телеграммы из Рима. Италия — бывший член Тройственного союза, ставшая неожиданным союзником Антанты, оказалась под ударом сильных австро-венгерских корпусов у Трентино и просила «ускорить, во имя общих интересов, начало наступления русской армии». Начальник итальянской военной миссии при Ставке генерал Ромеи писал Алексееву, что «не только армия, но и весь народ итальянский проникнуты глубоким убеждением, что война может быть решена только после одновременной атаки итальянской и русской армии против Австрии».

Справедливости ради, следует отметить, что вступление Италии в войну на стороне Антанты в 1915 г. привело к переброске в Альпы 8 австро-венгерских дивизий с Восточного фронта, и тогда уже можно было ставить вопрос о союзной помощи (хотя и небольшой) в момент тяжелых боев «великого отступления». «Помогать Италии» в 1916 г. считалось оправданным. Угроза серьезного поражения союзной армии заставила Алексеева в очередной раз переработать план наступления. Поскольку итальянским войскам угрожали австрийцы, то теперь начать наступление предстояло частям Юго-Западного фронта под командованием Брусилова, с целью «притянуть к себе» силы австро-венгерской армии. Главный удар по-прежнему наносил Западный фронт, но Брусилов начинал свои действия раньше запланированного срока на неделю. В докладе Главковерху от 13 мая 1916 г. Алексеев предупреждал о рискованности такого изменения общего замысла наступления: «Выполнение немедленной атаки, согласно настояний итальянской главной квартиры, неподготовленной и, при неустранимой нашей бедности в снарядах тяжелой артиллерии, производимой только во имя отвлечения внимания и сил австрийцев от итальянской армии, не обещает успеха. Такое

действие поведет только к расстройству нашего плана во всем его объеме». «Втягивать нас без надлежащей подготовки в немедленную атаку, — предупреждал Алексеев в другой раз, — значит вносить в общий план союзников дальнейшее расстройство и обрекать наши действия на неудачу»{41}.

Тем не менее, помогая Италии и не дожидаясь окончания подготовки Российской армии, Алексеев имел полное право рассчитывать на поддержку Антанты. 13 мая он телеграфировал Жилинскому просьбу к командующему союзными войсками маршалу Жоффру о незамедлительности наступления на Западе: «Мы вынуждены начать операцию, будучи бедно обеспеченными снарядами для тяжелой артиллерии, которых ниоткуда не можем добыть в скором времени. Поэтому большой промежуток между началом операции на нашем и французском фронтах нежелателен; мне нужна полная уверенность, что удар со стороны англо-французов действительно последует, хотя бы Верденская операция и не получила завершения…» В личной телеграмме, отправленной Жоффру 14 мая, Алексеев писал: «Рассчитываю, что полная согласованность свяжет воедино действия русской армии с операциями Вами предводимых войск». Действительно, по данным Барсукова, «на всех русских фронтах к марту 1916 г. насчитывалось лишь 440 полевых тяжелых орудий современного типа калибром не свыше 152 мм; кроме того, имелось 516 тяжелых орудий устаревших систем из крепостей. Даже полевых легких 122-мм гаубиц, которые приходилось применять для разрушения вместо тяжелых, состояло тогда на вооружении лишь 585». «Отсюда, — сообщал Алексеев Жоффру, — понятны те трудности, с которыми приходится иметь дело нашей пехоте при атаке укрепленных позиций противника».

Помощь союзникам проявлялась в 1916 г. ив отправке экспедиционных сил во Францию и Македонию. В начале мая в Ставку прибыли два представителя французского правительства, социалисты Р. Вивиани и А. Тома, рассчитывавших на отправку 400 тысяч солдат и офицеров русской армии на Западный фронт. Однако Наштаверх высказывался против отправки такого, слишком большого, контингента. В результате переговоров было достигнуто соглашение, утвержденное Государем и подписанное Алексеевым, которое подтверждало отправку воинских контингентов на Западный фронт во Францию и, в подкрепление к уже прибывшей в Париж 1-й Особой бригаде, на Салоникский фронт отправлялась 2-я Особая бригада. Кроме того, хотя и с большим трудом, Вивиани и Тома удалось добиться согласия на отправку с августа по декабрь во Францию через Архангельск еще пяти бригад, численностью по 10 тысяч бойцов каждая. Таким

образом, к концу года на помощь союзникам должно было отправиться около 1500 офицеров и 80 тыс. солдат. Франция принимала на себя обеспечение бригад и их вооружение. Отдельным договором обусловливалась помощь Франции в организации артиллерийского производства. В воспоминаниях французского посла в России М. Палеолога сохранились интересные описания этих переговоров и реакции на них генерала Алексеева. Во время завтрака в посольстве, в Петрограде (22 апреля 1916 г.), Палеолог, вводя своих соотечественников в курс дела относительно отправки русских войск во Францию, сказал им: «Алексеев не согласен на отправку 400 тысяч человек; он находит, что по отношению к громадной длине русского фронта число хорошо обученных резервов слишком мало; он в этом убедил Императора, но если вы будете настаивать, то добьетесь, может быть, посылки нескольких бригад». После окончания «продолжительных и тягучих» переговоров в Ставке Вивиани поделился своими впечатлениями с Палеологом: «Начальник Главного штаба (французская интерпретация должности Алексеева. — *В.Ц.)* встретил его холодно, или, во всяком случае, сдержанно, чему я нисколько не удивляюсь. Генерал Алексеев — ярый реакционер, убежденный сторонник традиций Монархического начала, Самодержавия и Православия. Вмешательство в военные дела невоенного человека, да еще какого — социалиста! Это, конечно, показалось ему величайшим нарушением порядка. Вивиани прежде всего вручил ему личное письмо генерала Жоффра с просьбой немедленно его прочесть. Генерал Алексеев его прочел, но ничего не сказал…» Французского делегата расстроило также краткое, но весьма категоричное заявление Алексеева о том, что все военные вопросы он «будет обсуждать с генералом Жоффром через генерала Жилинского», а передачи информации через сторонних лиц не будет.

Геополитическая актуальность наступления именно Юго-Западного фронта была связана с необходимостью помощи оккупированной австро-венгерскими войсками Сербии и Салоникскому фронту. По воспоминаниям министра иностранных дел С.Д. Сазонова, еще осенью 1915 г. Алексеев писал ему о перспективах Балканского театра военных действий. «В письме, полученном мною от генерала Алексеева… в октябре 1915 года, он сообщал мне, что перевозка русских отрядов в Сербию по Дунаю была невозможна и что высадка войск в Варне или Бургасе была бы выполнима только в том случае, если бы мы располагали Констанцей, как операционной базой. Перевозочная способность всех судов, находившихся в Одессе и Севастополе, не позволяла

посадки более двадцати тысяч человек единовременно. Таким образом, по мнению генерала, первые десантные отряды подверглись бы серьезной опасности до высадки всего экспедиционного корпуса. Ввиду этого Россия оказалась не в состоянии подать прямую военную помощь Сербии, но она могла оказать ей действительную поддержку возобновлением своего наступления в Галиции. На этом решении и остановилось наше верховное командование»[42].

22 мая 1916 г., после мощной артиллерийской подготовки, части Юго-Западного фронта перешли в наступление. Начался знаменитый «Брусиловский прорыв». Главнокомандующий армиями фронта настаивал на проведении не единичных, концентрированных ударов, а одновременных, фронтальных атак, поскольку «только настойчивая атака всеми силами, на возможно более широком фронте, способна действительно сковать противника, не дать ему возможности перебрасывать свои резервы… В каждом корпусе наметить, подготовить и организовать широчайшую атаку определенного участка неприятельской укрепленной позиции».

По воспоминаниям фронтовиков, участников прорыва, изменения в «социальном составе» армий (особенно в пехоте) были достаточно заметны. Но отсюда еще не следовал вывод (актуальный для следующего, «революционного 1917-го» года), что боеспособность и боевой дух этих пополнений был безнадежно ниже тех кадровых сил, с которыми Россия начинала войну. Надежды на победу оставались и отличали как офицеров, так и солдат. Генерал Геруа писал: «Спустя всего полгода после того, как обе стороны, одинаково истощенные, остановились, русская армия смогла показать миру блеск побед, затмивших то, что было достигнуто ею в 1914 году с крепкими, еще не тронутыми, полковыми кадрами. Правда, “пехотность” войны нам удалось изменить. Подтянулось снабжение боевыми припасами, усилилась и окрепла артиллерия. Стало больше авиации.

Пехотинцы с любовью провожали глазами колонны гаубиц и мортир, а в офицерских полевых собраниях и среди солдат — на биваках и в окопах — обсуждали радостные вести: “Говорят, нам подают тяжелую батарею, орудий видимо-невидимо, не хуже француза будем”. Исчезало то огневое неравенство, которое взваливало всю тяжесть боя на плечи пехоты. Сознавая это, пехотинцы бодро смотрели на будущее». В подтверждение своих наблюдений Геруа приводил несколько боевых эпизодов: «Весна 1916 года. Кропотливая подготовка к наступлению, которого требуют от нас союзники. Там — Верден! В пехоте, в тылу за окопами, выкраивают время и место для обучения

необстрелянных пополнений. Подготавливаются тактически офицеры и унтер-офицеры. Прапорщики из штатских, на которых было столько нареканий, часто преувеличенных, быстро превращаются в настоящих офицеров. Дух полков делает свое дело. Вот прапорщик М., пришедший из глубокой штатской среды, в критическую минуту атаки на нашу батарею бросается в штыки со своим прикрывающим взводом на австрийцев, отбрасывает их и гибнет сам. Вот прапорщик И., с наружностью профессора, близорукий и в очках, становится в бою случайным ротным командиром и для всех неожиданно проявляет не только мужество и настойчивость, но и тактический талант. О тех, кто выдвинулся из рядовых, из подпрапорщиков, и говорить не приходится. Выдвинул их в офицеры боевой опыт и храбрость. Они знали, как вести людей.

Обновленная к 1916 г., подтянувшаяся, помолодевшая и окрепнувшая пехота не замедлила показать себя в майских, июньских и июльских боях. На этот раз чувствовала она и крепкую руку своей артиллерии, которая, получив снаряды и калибры, широко развернула присущее русским пушкарям искусство».

В историографии подчас встречается утверждение, что Брусилов действовал якобы вопреки мнению Алексеева, который не принимал новую тактику прорыва неприятельских позиций и в телеграфных переговорах с Главкоюзом (19—21 мая 1916 г.) настаивал на том, чтобы «собрать на одном, избранном, участке подавляющую живую силу и наши скромные боевые средства, не разбрасывая последние по всему фронту». На самом деле здесь, очевидно, имел место не конфликт двух тактических методов прорыва, а разное понимание его результатов: Брусилов не исключал эффективного развития наступления на любом из участков фронта, тогда как Алексеев стремился добиться гарантированного успеха именно там, где это будет наиболее эффективно для реализации стратегического плана наступления всех фронтов. Его оценка действий Брусилова: «Он рвется вперед, не задумываясь над общим положением дел», — в немалой степени отражала этот принципиальный взгляд Наштаверха. Еще в октябре 1914 г., после того как была окружена крепость Перемышль, Брусилов, вопреки указаниям Алексеева, добился от генерала Иванова согласия на ее штурм, не дожидаясь подвоза осадной артиллерии. Рассчитывая на небольшое количество гаубиц, трехдюймовые полевые орудия и команды подрывников, командующий 8-й армией приказал атаковать укрепления Перемышля. Однако штурм «с налета» не удался и привел к неоправданно высоким потерям со стороны наступавшей русской

пехоты. Известная песня «Брала русская бригада Галицийские поля» довольно точно передает настроения участников штурма, оставшихся инвалидами («Брала русская бригада Галицийские поля, и достались мне в награду два дубовых костыля. Из села мы трое вышли, трое первых на селе, и остались в Перемышле двое гнить в сырой земле. Я вернусь в село родное, дом срублю на стороне, ветер воет, ноги ноют, будто вновь они при мне…»)

Также и теперь, весной 1916 г., Брусилов сохранял приверженность быстроте проводимых операций. В частности, он считал необходимым отказаться от длительной артиллерийской подготовки в начале прорыва, а призывал подчиненных сосредоточиться на внезапном, но мощном артиллерийском обстреле (позднее его стали называть «налетом»), который не даст врагу возможности перегруппироваться, подготовиться к обороне.

Целесообразность сосредоточенных фронтальных ударов становилась очевидной тогда, когда необходимо было «разорвать», «расколоть» линию противника, учитывая, конечно, наличие у врага сильных укреплений, характерных для позиционной войны. Фронтальные удары, как справедливо считал Брусилов, не позволяли противнику подводить резервы к отдельным участкам прорыва. Алексеев, не возражая Брусилову в принципе, поддерживал идею таких «демонстративных ударов», которые позволяют сохранять силы, нужные для последующего развития наступления. Но в любом случае после того, как оборона уже становилась прорванной, следовало развивать силу удара на отдельных, стратегически важных направлениях, концентрировать военные ресурсы именно на этих участках. Фронтальное наступление, таким образом, отнюдь не исключало отдельных, сосредоточенных прорывов, что и подтвердилось дальнейшим развитием Брусиловского прорыва{43}.

Первоначальный план прорыва был выполнен полностью. 25 мая русскими войсками был взят г. Луцк. За первые три дня войска Юго-Западного фронта прорвали оборону противника в полосе 8—10 км и продвинулись в глубину на 25—35 км. В своей новой директиве Брусилов поставил задачу 8-й армии — наступать на Ковель, 11-й армии — на Злочев, 7-й — на Станислав, а 9-й — на Коломыю. В случае успешного наступления на Ковель произошло бы соединение сил Юго-Западного и Западного фронтов. Ковельское направление становилось, в силу стратегических особенностей наступления, главным, и именно здесь должны были сосредоточиться главные ударные ресурсы. Брусилов позднее вспоминал: «В 1916 году, когда представился случай после Луцкого прорыва, я стремился в поле, но только не

искал этой войны в Львовском направлении, а шел на Ковель, куда мне было указано и что я считал более полезным, так как Львов соответствовал интересам только моего фронта, а движение на Ковель облегчало выдвижение всех фронтов… Я преследовал строго ту задачу, которая мне была поставлена, и, приняв план, без абсолютной необходимости не мог изменить его и не хотел».

Алексеев поддерживал Брусилова и стремился в этом вопросе воздействовать на Главнокомандующего армиями Западного фронта генерала от инфантерии А.Е. Эверта. Однако последний, ссылаясь на «плохие погодные условия» и на то, что «острота необходимости немедленного наступления для войск Юго-Западного фронта исчезла», заявлял о необходимости переноса сроков своего наступления. Но ожидание благоприятных «погодных условий» становилось безнадежным. Ситуация на фронте быстро менялась и требовала новых оперативных решений со стороны Ставки.

Полковник Сергеевский, задаваясь вопросом о причинах пассивности Эверта, считал это результатом неверия Главкозапа в возможности своего фронта, а также сугубо психологическим отсутствием уверенности в успехе, нежеланием брать на себя ответственность за возможную неудачу. В свою очередь, Алексеев не решался категорически настаивать на нанесении главных ударов Эвертом и Куропаткиным. Поэтому, ввиду очевидного успеха Брусилова, план общего наступления был пересмотрен Алексеевым, и теперь приоритет на осуществление главного удара отдавался Юго-Западному фронту.

Нужно отдать должное достигнутой Ставкой оперативности изменений в стратегическом планировании. В принципе данные перемены являлись своеобразным отражением уже хорошо известного Наштаверху плана предвоенного развертывания сил Российской армии, по которому основным считалось именно юго-западное направление. К этой же цели Алексеев склонялся и в начале 1916 г. Теперь преимущества эти становились неоспоримыми.

По новому плану действий (директивы Ставки от 3 и 9 июня 1916 г.) Западный фронт вместо удара на Вильно наносил лишь вспомогательный удар из района Барановичей на Гродно, а Северный фронт временно воздерживался от серьезной активности. Главным направлением удара становился район Ковеля — стратегически важный узел железных дорог и центр коммуникаций, соединявший австро-венгерские и немецкие войска. Печально выглядел тот факт, что укрепленный Ковель должен был стать как раз одной из мощных русских крепостей,

призванных сдерживать наступление австро-немецких войск по планам Генштаба 1907—1908 гг. Теперь на эти укрепления наступала наиболее боеспособная, 8-я армия Юго-Западного фронта. В то же время Брусилов предполагал силами 7-й и 9-й армий атаковать позиции австро-венгерских войск на р. Стрыпе и по Днестру. Ставка все же не исключала, помимо Ковельского, приоритетное развитие наступления на Львов — от Луцка через Раву-Русскую{44}.

Совершенно естественно, что Юго-Западный фронт, став главным, мог рассчитывать на получение всех подкреплений, требуемых для дальнейшего развития успеха. Малейшая задержка или отсутствие боеприпасов вызывали со стороны наштаверха действенную критику Так, например, 30 мая 1916 г. с Юго-Западного фронта получено было донесение, что один из мортирных парков, прибывших к линии фронта, не имел штатного количества гранат, необходимых для борьбы с укреплениями противника. Незамедлительно Алексеев телеграфировал военному министру, что Государь приказал выразить ГАУ свое «крайнее неудовольствие, ввиду исключительной важности интенсивности и правильности подачи огнеприпасов в переживаемый период».

Еще в самом начале наступления Ставка решила усилить Брусилова переброской 33-го мортирного дивизиона и 10 млн. патронов с Северного фронта. Позднее в распоряжение Юго-Западного фронта переводились 5-й Сибирский и 23-й армейский корпуса. В начале июня, по указанию Алексеева, Западный и Северный фронты должны были перевести в распоряжение Брусилова еще два армейских корпуса (1-й армейский и 1-й Туркестанский) и два дивизиона тяжелой артиллерии, необходимых для штурма укреплений. В реальности переброска подкреплений, потребовавшая чрезвычайного напряжения в работе железных дорог, не могла завершиться быстро. Не испытывая давления со стороны соседей Брусилова, немецкое командование, верно определив направление главного удара русской армии, успело подвезти к Ковелю резервные подкрепления и укрепить позиции. По свидетельству генерал-квартирмейстера 8-й армии Н.Н. Стогова, «ковельская дыра стала постепенно заполняться свежими германскими войсками, собранными чуть ли не побатальонно с разных мест русского фронта». Но 21 июня атаки Юго-Западного фронта продолжились, войска прорвали оборону противника и вскоре вышли к р. Стоход. Однако попытки форсировать реку без должной подготовки, с ходу, успеха не принесли, и, несмотря на подход резервов, наступление Юго-Западного фронта замедлилось.

Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Куропаткин (бывший начальник Алексеева но Русско-японской войне) сообщал в Ставку об опасности передачи пехоты и артиллерии от его фронта к Брусилову. С плохо скрываемым раздражением Алексеев был вынужден отвечать на подобные колебания: «Нужно забывать все частные интересы ради общего успеха… в данную минуту у вас 420 000 штыков против 192 000… Нельзя же мне не руководствоваться ими и оставить Юго-Западный фронт погибать, утрачивать достигнутое ценой трудов, тяжких жертв, только в предположении, весьма гадательном, о возможности сбора противником где-то четырех дивизий на Вашем фронте, с которыми он может произвести прорыв». Аналогичные требования Алексеев предъявлял и Эверту. В телеграмме от 6 июня Михаил Васильевич настаивал: «Общая обстановка и положение Юго-Западного фронта не допускают, чтобы фронт этот до 20 июня был предоставлен своим силам; равно недопустимо отсутствие поддержки удару в районе Пинска, при успешном выполнении его в течение двух недель. Этим могут быть разрушены результаты, достигнутые ныне. Поэтому главный ваш удар должен последовать не позже 16 или 17 июня… Этого требуют общие интересы, и к ним должны быть приурочены расчеты и выполнение».

Тем не менее вера в успех сохранялась. Алексеев стремился учитывать теперь не только общее стратегическое положение фронта, но и военный потенциал противника. Газета «Голос Руси» опубликовала его заявление о скором, победоносном для Антанты, завершении войны. «Германцы, — говорил генерал, — израсходовали свои резервы, и разговоры, будто у них спрятана внутри страны крупная резервная армия, оказались чистым блефом. Для сформирования новых частей у них нет ни людей, ни материалов. Вместе с тем внутреннее положение Германии становится окончательно критическим».

Директива Ставки от 26 июня 1916 г. предусматривала создание мощного «кулака» для нанесения решающего удара под Ковелем и выхода в тыл Пинской группе врага. В дальнейшем, наступление должно было развиваться на Брест-Литовск, и тогда вражеские войска, противостоявшие Западному фронту, могли оказаться в том самом «польском мешке», в котором сами годом ранее пытались «связать» русские части.

Таким образом, после того как 8-я армия достигла тактического успеха, закрепить его должна была Русская гвардия (вполне в «духе наполеоновских войн», когда гвардия наносила последний, решающий удар). На левом фланге Юго-Западного фронта следовало развить наступление на Львов. Не рассчитывая

на оперативную переброску подкреплений от Куропаткина и Эверта, в распоряжение Брусилова, по личному указанию Государя был направлен Резерв Ставки Верховного Главнокомандования. 1-й Гвардейский (1-я и 2-я гвардейские пехотные дивизии), 2-й Гвардейский (3-я гвардейская пехотная и гвардейская стрелковая дивизии) и Гвардейский конный корпуса составили Особую армию («Гвардейский отряд») под командованием генерала от кавалерии В.М. Безобразова. Хотя Алексеев был против этого назначения, считая Безобразова недостаточно подготовленным для такой ответственной должности, Николай II, как всегда, настоял на своем «кадровом» решении.

1-м Гвардейским корпусом командовал Великий князь Павел Александрович. Казалось, мощная, комбинированная атака двух армий, поддержанная гвардией, закончится победой, но результаты Ковельских боев оказались трагическими. 6 июля была проведена перегруппировка правого фланга Юго-Западного фронта, в результате которой Особая армия Безобразова оказалась на «острие удара» между 3-й армией Западного фронта и 8-й армией Юго-Западного. 3-я армия должна была наносить удары на Ковель с севера и востока, а Особая армия должна была форсировать Стоход и атаковать Ковель с юга.

15 июля 1916 г. наступление возобновилось с новой силой, и в течение нескольких дней русские войска предпринимали энергичные усилия с целью пробиться к Ковелю. Героические лобовые атаки немецких позиций гвардейскими полками сопровождались огромными потерями. Несомненны были тактические успехи. 2-й Гвардейский корпус, например, разбил немецкий и австрийский корпуса. Но добиться успеха стратегического так и не удалось. 3-й армии не удалось охватить Ковель, а 1-й Гвардейский корпус не смог даже переправиться через Стоход. К противнику подошли подкрепления, и бои остановились. К концу июля, несмотря на очевидные успехи левофланговых армий (австро-венгерские войска оставили всю Буковину, были заняты города Галич и Станислав), Брусиловский прорыв завершился. Русские войска перешли к обороне, возобновилось состояние «позиционной войны».

Большие потери гвардии многие ставили в вину Алексееву В этом усматривалось едва ли не умышленное стремление «сына фельдфебеля», «не любившего Гвардию с ее преимуществами», поставить гвардейские полки под удар. Нужно учитывать, что гвардейские полки несли совершенно неоправданные потери отнюдь не из-за «злого умысла» Наштаверха, сын которого служил как раз в Лейб-Гвардии Уланском Его Величества полку, а из-за

слабой подготовки атак, недостаточной разведки местности, крайне неудовлетворительной координации действий строевых начальников и нередко неуместной «гвардейской» самоуверенности идущих в атаку солдат и офицеров (44).

И все же итоги операции Юго-Западного фронта были внушительными. «С 22 мая по 30 июля, — писал Брусилов, — вверенными мне армиями было взято всего 8255 офицеров, 370 153 солдата; 490 орудий, 144 пулемета и 367 бомбометов и минометов; около 400 зарядных ящиков; около 100 прожекторов и громадное количество винтовок, патронов, снарядов и разной другой военной добычи. К этому времени закончилась операция армий Юго-Западного фронта по овладению зимней, чрезвычайно укрепленной, неприятельской позицией, считавшейся нашими врагами, безусловно, неприступной». В целом австро-германцы потеряли до 1,5 миллионов человек убитыми, ранеными и пленными. Потери русских войск составили 500 тыс. человек. Было занято 25 тыс. кв. км территории. Тяжелые потери, понесенные Австро-Венгрией, повлияли на ее военно-политическое положение. Остановились операции австрийской армии на Итальянском фронте. Примечательно, что 6 июня 1916 г. генерал Ромеи передал Алексееву о «возложенной на него чести повернуть к Престолу Его Императорского Величества живейшую признательность Итальянского верховного командования за предпринятое русскими армиями Юго-Западного фронта наступление». Ромеи было «поручено принести такую же благодарность Его Высокопревосходительству генерал-адъютанту Алексееву».

Но лучше всего о мужестве и доблести русских войск свидетельствуют немецкие источники. «В русской армии, — отмечалось противником, — с новой силой вспыхнул дух активности. Под Поставами и на озере Нарочь, под Барановичами и Луцком, у Коломыи и Броде русские перешли в решительное наступление. Луцкий прорыв обратился в наиболее блестящую победу русских за всю войну. Дух их стоял на такой высоте, как никогда прежде». О бое у Городища 3 июля 1916 г. в полковой истории 19-го ландверного полка говорится: «…наступали густые массы пехоты; австро-германские батареи обрушивают на нес весь свой огонь; снаряды вырывают целые ряды, но это кажется почти бесполезным. Бреши в наступающих заполняются, и людская лавина неудержно катится вперед». У Барановичей 41-й Померанский полк столкнулся с пехотой, в которой «офицеры бросались в атаку впереди своих частей, а солдаты сражались героями». И тот же полк осенью под Свинюхами-Корытницей столкнулся с русской гвардией (измайловцами, преображенцами).

Историки отметили: «Русская гвардия показала, что она действительно является отборной частью. Бои были ожесточенные, наши потери огромны. Русские держались до конца и бесстрашно умирали, не уступая ни шагу». О бое под Узиным 10 августа историк 5-го егерского батальона говорит: «Вскоре после полудня против 2-й роты появились густые цепи русских. Они надвигались последовательными волнами. Огневая наша завеса обрушивается на атакующего, производя страшные опустошения. Но на место каждого павшего вставало пять новых бойцов. Со стоическим спокойствием, ближе и ближе, надвигались русские стрелковые цепи… Первые волны отбиты огнем. Но снова, с удивительной выдержкой, идут свежие волны — до 15 стрелковых цепей, одна за другой… Наконец, 2-я рота охвачена с фланга и тыла и взята под пулеметный огонь…» «Выдержки из этих свидетельских показаний германских пехотных частей подчеркивают, — отмечал собравший их генерал Геруа, — прежде всего, постоянное и необыкновенное упорство русской пехоты при атаках и ее способность выдерживать губительной огонь противника. К этому остается прибавить, что упорство не было неизменно пассивным и что оно выражалось, как показывает последняя выдержка, и в искусном маневрировании: если не удавалось одно, немедленно проделывали другое»[45].

27 августа 1916 г., благодаря успеху Юго-Западного фронта, на стороне Антанты выступила Румыния. Правда, этот факт сложно оценить в однозначно положительном смысле для России. Несомненно, заманчивой представлялась перспектива выхода союзных войск на коммуникационные линии, угрожавшие Будапешту, Софии и Константинополю. Русская армия уже не в одиночку сражалась бы против врага на всей протяженности Восточного фронта.

Еще в начале 1916 г., в связи с возможным выдвижением болгарской армии к устью Дуная, в Ставке рассматривали возможность военной поддержки Румынии. Однако цели румынской и российской военно-политической деятельности не во всем совпадали. Правящие румынские политики и военные рассчитывали большую часть своих сил направить в принадлежавшую Австро-Венгрии Трансильванию, «предмет национальных вожделений», как называл ее Палеолог. Русские войска и Черноморский флот, по расчетам румын, должны были действовать на южных границах страны, против вероятной болгарской агрессии. Для России же более выгодным представлялось совместное с румынской армией наступление на Австро-Венгрию в Галиции.

Тем самым румыны могли бы взаимодействовать с левым флангом Юго-Западного фронта, что не требовало бы существенного растяжения фронтовой линии русской армии и не переводило бы ее в малоперспективный и оторванный от российских коммуникаций район нижнего течения Дуная. 14 января 1916 г. Алексеев направил главе МИД Сазонову примерный план поддержки Румынии. По воспоминаниям Палеолога, весьма заинтересованного в привлечении румын к Антанте, проект сводился к следующим выводам: «1. Можно было бы выделить армию в десять дивизий для поддержки Румынии; 2. Расстояния, трудности транспорта, состояние румынских железных дорог — все это препятствует отправке этой армии на Дунай, именно в область, наиболее угрожаемую Со стороны болгар — на юг от Бухареста; 3. Эта вспомогательная армия должна бы быть сконцентрирована в Северной Молдавии, являясь, таким образом, угрозой правому флангу австро-германской армии. Эту концентрацию можно было бы произвести достаточно быстро; 4. Немедленно можно было бы предпринять наступление в северо-восточном направлении, в связи с операциями, начатыми на главном фронте; 5. Благодаря этому румынская армия могла бы напрячь все свои силы для отражения болгарского наступления с юга и для прикрытия границы со стороны Трансильвании».

Примечателен и скептический вывод о целесообразности военной поддержки Румынии, данный Алексеевым в письме генералу По (24 февраля 1916 г.): «Неужели все это не противоречит ни одному из основных принципов военного искусства? По моему мнению, мы разбросаем свои силы, будем гоняться за многими целями, прежде чем достигнем главной, основной, против главного врага. Какие успехи мы не одержали бы на второстепенном театре, наша неудача на важнейших направлениях все-таки будет означать общую неудачу Русской армии».

Позднее, в одном из писем Жоффру Алексеев снова писал о «чрезмерности и неразумности» требований румынского Генштаба наступать на Дунае: «Это… заставило бы нас занять всю линию Варна, Шумла, Разград и Рущук. Даже если бы мы согласились на эту операцию, которая передвинет наш центр к югу и на самый левый фланг, Румыния немедленно предъявила бы новые требования, чтобы выиграть время до того момента, когда румыны, как они уверены, без жертв могут получить то, к чему стремятся. Нужно дать понять Румынии, что ее присоединение к Союзу небезусловно необходимо союзникам. Она может, однако, в будущем рассчитывать на компенсацию,

соответствующую ее военным усилиям». Жоффр, в отличие от Палеолога, вполне соглашался с Алексеевым, считая, что «ее участие в войне желательно, но что без него можно обойтись; если Румыния желает в будущем получить те компенсации, к которым стремится (Трансильванию, прежде всего. — *В.Ц.),* она должна оказать существенную военную помощь в требуемой нами форме».

Но все же, как отмечал контр-адмирал Бубнов, «эта страна с се громадными хлебными, а главное, нефтяными богатствами представляла для Германии — особенно к концу войны, когда ее запасы истощились, — весьма лакомый кусок, и потому следовало ожидать, что немцы, если им не удастся привлечь ее на свою сторону, неминуемо ее просто-напросто завоюют. Именно поэтому дипломатия стремилась “оторвать” Румынию от Германии и привлечь се на сторону Антанты». С другой стороны, Восточный фронт существенно растягивался, ведь вряд ли можно было рассчитывать на то, что румынская армия в одиночку сможет справиться с ведением предполагаемых операций в Трансильвании. Таким образом, к уже существующим 1300 километрам, занимаемым русскими войсками, добавлялись еще около 450.

Недостатки присоединения Румынии к Антанте проявились не сразу, хотя еще до 27 августа Алексеев весьма прозорливо предупреждал Сазонова и русских военных представителей в Бухаресте о слабости румынской армии. Наштаверх обоснованно считал нейтралитет Румынии более выгодным, «потому что оказание помощи Румынии ляжет исключительно на наши плечи, так как западные наши союзники были всегда очень осторожны в отношении разбрасывания своей живой силы». Опасения Михаила Васильевича вряд ли выглядели беспредметными, поскольку помимо личных впечатлений от румынских войск во время войны 1877—1878 гг., он прекрасно помнил свою выпускную работу в Академии Генштаба, где ему следовало «разбить румын» (хотя и не со стороны Трансильвании).

Единственным, наиболее выгодным в стратегическом отношении моментом вступления Румынии в войну стал июль 1916-го. Успешно развивавшееся наступление Юго-Западного фронта парализовало Австро-Венгрию, а удар Салоникского фронта с Балкан на север, на Болгарию, мог бы нейтрализовать четвертого союзника Германии. В этой ситуации Румыния без особого риска могла бы развивать наступательные действия и на Дунае (против Болгарии, навстречу Салоникскому фронту), и в Трансильвании (против Австро-Венгрии, навстречу Юго-Западному фронту). Алексеев писал об этом Жоффру: «Вряд ли

будут более благоприятные условия в дальнейшем для успеха наступления из Салоник. Русские войска пробили широкую брешь в австро-германской линии, а в Галиции мы вновь перешли к наступательной войне. Германия и Австрия стягивают сюда все свои свежие силы и, таким образом, ослабляют свой фронт на Балканах. Удар по Болгарии обезопасил бы тыл Румынии и был бы угрозой Будапешту. Для Румынии выступление является необходимым и выгодным и в то же время неизбежным». Алексеев определил крайним сроком выступления румынской армии 28 августа. Днем раньше, как сказано выше, Румыния вступила в войну.

Однако, по мнению Бубнова, Алексеев не оказал должной поддержки румынской армии сразу же после се вступления в войну. Четыре румынских армии (1-я, 2-я, 3-я и Северная) начали военные действия в Трансильвании, но уже в сентябре, в результате совместных ударов австро-венгерской и болгарской армий, румынские войска начали терпеть поражения. К концу года был занят Бухарест, остатки румынских сил отступили в Бессарабию. Русское командование в течение октября—ноября вынуждено было перебросить три армии (9-ю с Юго-Западного, 4-ю с Западного и 6-ю с Северного фронтов) для поддержки неудачного союзника. «Будь эти меры более решительными, — писал Бубнов, — возможно, и удалось бы спасти румынскую армию от полного разгрома и благодаря этому значительно уменьшить количество сил, необходимых для удлинения нашего фронта до берегов Черного моря. Но, с другой стороны, просто невозможно было предвидеть, что 700-тысячная румынская армия окажется до такой степени ни на что не пригодной. А генералу Алексееву после Брусиловского наступления и серьезных потерь у озера Нарочь приходилось в интересах будущего наступления в 1917 г. экономить силы».

Схожей точки зрения придерживался и генерал Гурко, отметивший недальновидность военно-политического руководства Румынии в ситуации, когда от него требовалось учитывать пожелания Алексеева и как можно решительнее содействовать развивавшемуся наступлению русских войск. «Румыны… вступили в бой только в последних числах августа, в то время когда наступление генерала Брусилова постепенно выдыхалось. Помимо недостаточности резервов и нехватки боеприпасов, с очевидностью начала проявляться усталость армии, которая в течение трех месяцев находилась в страшном напряжении от бесконечных боев. В то же время генерал Алексеев доказывал румынскому правительству, что большая протяженность их границы не допускает возможности защитить

всю ее от вражеского вторжения собственными румынскими войсками, как не позволяет и предпринять наступление по всему фронту. Для этого было бы необходимо перебросить в Трансильванию, которая тогда была едва прикрыта австрийцами, русские войска и отозвать румынские части, занимавшие крайнюю восточную часть провинции Валахия близ сербской границы, для создания оборонительной линии на меридиане несколько восточнее Бухареста… Румыния тем не менее не воспользовалась преимуществами ни одного из предложенных вариантов, но начала с наступления по всему фронту, на протяжении всей границы». Поражение румынских армий стало в этой ситуации вполне закономерным.

Но, несмотря на неудачи Румынии и отсутствие развития наступления Юго-Западного фронта, летом 1916 г. вполне можно было говорить о реальных предпосылках «коренного перелома» в войне в пользу Антанты. Изменилась ситуация и на Западном фронте, где под Верденом и на р. Сомме были приостановлены атаки немецкой армии. Для ликвидации прорыва немецким и австрийским командованием с других фронтов было переброшено 30 пехотных и 3 кавалерийских дивизии. В результате Брусиловского прорыва значительная часть австро-германских армий на Юго-Западном фронте была разгромлена. Правда, по мнению критика Алексеева, военного теоретика Керсновского, «абсолютно безвольный» генерал «свел на нет блестящие успехи кампании 1916 года своими колебаниями, переговорами и разговорами». Не останавливаясь на психологических оценках Михаила Васильевича, без преувеличения можно сказать, что Брусиловский прорыв предопределил общий, успешный для Антанты, итог кампании 1916 г. Но очевидно, что этот успех мог бы стать гораздо большим не только при содействии других фронтов, но и при своевременной поддержке союзниками.

В разгар наступления Алексеев заявлял генералу Хэнбери-Уильямсу: «Операции, начатые нами, должны существенно изменить ситуацию. Единственно от их исхода зависят наши дальнейшие планы. Сейчас все усилия нужно сосредоточить на успешном выполнении начатых предприятий». Тем не менее произошло то, о чем серьезно предупреждал Алексеев, настаивая в переписке с союзным командованием, — на соблюдении обязательств, принятых в Шантильи: только в конце июня 1916 г., спустя месяц после начала Брусиловского прорыва, союзники начали операцию на р. Сомме. Запланированная в начале июня с целью координации военных планов и организации снабжения встреча генерала Алексеева с лордом Китченером — статс-секретарем английского правительства по военным делам — не

состоялась. Крейсер «Гемпшир», на котором фельдмаршал отправлялся в Россию, подорвался на мине, поставленной немецкой подводной лодкой, и Китченер погиб. Позднее начальник германского Полевого Генерального штаба генерал Эрих фон Фалькенгайн писал: «в Галиции опаснейший момент русского наступления был уже пережит, когда раздался первый выстрел на Сомме»{46}.

7. Осень 1916-го. Накануне грозных испытаний…

В октябре 1916 г. здоровье Михаила Васильевича стало ухудшаться. На это влияли и тяжелая работа, и постоянное нервное напряжение, и хроническое недосыпание. По воспоминаниям генерал-лейтенанта Хэнбери-Уильямса, уже летом Алексеев «выглядел усталым и измученным». Флигель-адъютант, приезжавший в Ставку в сентябре 1916 г. для обсуждения перспектив десантной операции на Черноморские проливы, отметил «грустное впечатление», оставшееся у него после беседы с Наштаверхом: «Худой, болезненный генерал, в руках которого была сосредоточена чуть ли не вся полнота власти. Мало было веры в его мощь и размах».

Острые приступы боли были вызваны воспалением почек (первые признаки этой болезни проявились у него еще в июле 1915 г.) — застарелой памятью о Русско-японской войне. Но Михаил Васильевич не давал себе послаблений в той необходимой штабной работе, которую он с напряжением всех своих физических и душевных сил вел на протяжении всей войны. Живя надеждой на успешное завершение операций, на то, что необходимо держать фронт любой ценой, он не мог обращать внимания на свои немощи. Поэтому осенью 1916 г. не менялись ни режим работы, ни порядок рассмотрения докладов, ни разработка новых военных планов. Так, например, 22 октября 1916 г. Алексеев получил весьма важный доклад от Артиллерийского управления. Артиллерии снова предстояло подтвердить свое назначение важнейшего технического средства в войне. Подводя итоги прошедшим операциям 1915—1916 гг., в докладе Упарта говорилось о важности выделения тяжелой артиллерии в отдельные подразделения — дивизионы тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН). Опыт войны показывал, что даже при активном использовании тяжелых орудий на участках прорыва фронта им далеко не всегда удавалось добиться сосредоточенного, концентрированного огня, а это сказывалось на последующих действиях пехоты. «Мы обычно, — отмечалось в докладе, — разрушаем лишь первую линию неприятельских окопов, которую хорошо видим; вторую же и последующие линии, а также прочные бетонные убежища пулеметов остаются почти нетронутыми. Главным же образом, остается малоуязвимой артиллерия противника, расположенная скрытно и часто вне досягаемости выстрелов нашей артиллерии. В результате

добытый успех на первых линиях неприятельского расположения мы в большинстве случаев не в состоянии использовать, и мужество атакующих войск разбивается о новые преграды, которые не могли быть уничтожены нашим огнем. Необходимо принять меры, чтобы в предстоящих наших операциях не повторялись подобные явления. Необходимо обратить самое серьезное внимание на тщательную подготовку операций в артиллерийском отношении, начав работы по подготовке заблаговременно, теперь же, ведя их в строгой тайне. Все должно быть заранее продумано, подготовлено и проверено; торопливость или расчет на благоприятные случайности предрешают неуспех и напрасные потери… при нашей бедности в артиллерии крупных калибров мы лишены возможности иметь одновременно на всех фронтах готовый артиллерийский кулак из наиболее сильных орудий. Считаясь с этим, нам приходится ограничиться созданием сильного артиллерийского резерва в руках Верховного Главнокомандующего, по воле которого этот резерв может быть выдвинут к тому или иному участку фронта в предвидении прорыва укрепленной полосы противника… Дробление малочисленной тяжелой артиллерии по разным фронтам и армиям приводит к тому, что мы оказываемся повсюду сравнительно слабыми, и наша тяжелая артиллерия бьет противника не “кулаком”, а “растопыренными пальцами”».

Создание артиллерийского резерва существенно облегчало управление и позволяло экономить боеприпасы. Резерв предполагалось сформировать на основе выделения из существующих батарей 11-дм гаубиц, французских 6-дм пушек Шнейдера, 6-дм крепостных гаубиц, а также новых 8-дм, 12-дм гаубиц и батарей крупнокалиберных минометов. Созданные таким путем батареи ТАОН нужно было заблаговременно подготавливать для перевозки в тот или иной район намечавшегося прорыва. Особое внимание нужно было обратить на «оборудование наблюдательных пунктов и позиций батарей, устройство площадок для орудий, блиндажей для личного состава, снарядных погребков большого сопротивления, подъездных путей… тыловых снарядных хранилищ, вполне надежной телефонной подземной сети и пр.». В докладе предлагалось сосредоточить ТАОН в «районах городов Можайска Московской губернии и Ельни Смоленской губернии», для чего следовало «освободить указанные города и их окрестности от находящихся в них различных тыловых учреждений», а также «приспособить железнодорожные пути станций Можайска и Ельни для разгрузки и погрузки тяжелых орудий». Сосредоточение ТАОН в относительной удаленности от передовой линии

позволяло маневрировать ею в силу необходимости — перевозить, по приказу Главковерха, с одного участка фронта на другой.

Алексеев, не ограничиваясь стандартным одобрением предложений Упарта, написал развернутую резолюцию, в которой не только подтвердил важность скорейшего создания ТАОН, но и обоснованно развивал некоторые тезисы доклада. Наштаверх писал: «Вполне присоединяюсь к мысли о необходимости создания резерва тяжелой артиллерии в руках Верховного Главнокомандующего. В состав резерва взять часть батарей с фронта… Полагаю, что значительная часть вновь формируемых батарей может получить тип позиционной артиллерии. Это ускорит формирование». ТАОН предлагалось обеспечить передовыми средствами перевозки, для чего нужно было пользоваться как «особым, лошадиным транспортом», так и «транспортом из тракторов и грузовиков». Постепенно налаживалось снабжение армии грузовыми автомобилями, должно было развернуться и собственное производство на заводе Автомобильного московского общества (АМО).

Следовало также расширить район расположения резерва, с каковой целью Алексеев предлагал использовать города — пункты дислокации, хорошо ему известные еще со времени командования 13-м армейским корпусом. Вообще сама по себе идея создания сильного резерва была весьма привлекательна и памятна для Алексеева, поскольку принципиально повторяла сформулированные им еще накануне войны способы ведения боевых операций с использованием маневренных групп армий, перебрасывавшихся с одного участка фронта на другой в зависимости от условий проведения той или иной операции.

«Районом расположения резерва, — предлагал генерал, — я наметил бы: Можайск — Вязьма — Ельня — Брянск — Карачев. Хорошо было бы включить и Рославль. Опасаюсь, что все эти пункты переполнены тыловыми учреждениями Западного фронта. Надо обследовать комиссией. Конечно, часть можно было бы расположить вдоль железной дороги Киев —Брянск, но здесь почти нет населенных подходящих пунктов, кроме Нежина и отчасти Конотопа. Рассредоточение же было бы полезно, иначе первый период перевозки ляжет на слабые Александровскую, Риго-Орловскую и Рязано-Уральскую железные дороги с такими плохими узлами, как Смоленск и Брянск».

Алексеев предлагал также улучшить состав ТАОН, предлагая ввести в него «не только английские траншейные мортиры, но и минометы отечественного производства». Следовало обеспечить наилучшую организационную структуру создаваемого артрезерва,

а для улучшения наблюдения и ведения разведки активно использовать авиацию («…в состав резерва нужно просить назначить специальные авиаотряды, которые должны обслуживать резерв и во время боев. Только этим путем будет достигнуто прочное соединение службы артиллерии и наблюдения»). Нужно было, чтобы «инспектора артиллерии фронтов… испросили указания главнокомандующих (фронтами. — *В.Ц.)* о наиболее вероятных районах сосредоточения резерва. Зимой должно идти оборудование (постоянное) этих районов после согласования со штабом Верховного Главнокомандующего». По итогам обсуждения доклада главнокомандующих армиями фронтов было разослано циркулярное письмо (28 октября 1916 г.), содержащее принципиальные указания но формированию батарей ТАОН и выявлению потенциально важных пунктов их сосредоточения. Ввиду недостаточного еще производства отечественных тяжелых орудий предполагалась их закупка за границей, для чего Военное министерство должно было «требовать от союзников обещанную ими материальную часть артиллерии, чтобы успеть получить ее до закрытия навигации в Архангельске». Окончательное формирование ТАОН следовало «закончить к весне 1917 г.», ко времени общего наступления на всем протяжении Восточного фронта — тогда, когда необходимость в разрушении укрепленных полос противника будет особенно важной. Но показательно, что в условиях начавшегося «революционного движения» в армии после февраля 1917 г. от формирования артдивизионов из 120-мм пушек с прибывшими с ними французскими артиллеристами было решено отказаться по причине «изменившихся обстоятельств».

В начале ноября генерал также принимал участие в разработке стратегических планов на 1917 г. В отличие от прошлого года приоритетные направления ударов несколько корректировались. Запланированный еще летом удар на Болгарию, совместно с Салоникским фронтом, хотя и признавался запоздалым, но не исключался в принципе. Палеолог отмечал, что еще 26 августа в Ставке он «обсуждал с генералом Алексеевым вопрос о возможности интенсификации наших операций против болгар. Генерал, конечно, понимает, какое огромное преимущество извлекли бы мы из скорого восстановления сообщений с Салониками, но он заявил мне, что ему не хватает на это сил». Развитие операций против Болгарии потребовало бы переброски не менее 200 тыс. войск в Добруджу, что наштаверх считал невозможным: «Это составило бы пять корпусов армии, у нас их нет в резерве, значит их надо было бы снять с фронта. А вы знаете, что на нашем фронте нет ни одного

пункта, где сейчас не происходило бы боев. Генерал Алексеев ведет операции с тем большей энергией, что подходит зима. Так что я сомневаюсь, чтобы он согласился предложить царю отправить армию южнее Дуная». Реально Алексееву удалось перебросить в Добруджу пять дивизий, но, но мнению Палеолога, наштаверх «не понимает опасности положения» Румынии после падения Бухареста и удлинения Восточного фронта до устья Дуная. 9 октября Палеолог изложил суждения в отношении создаваемого Румынского фронта. Посол разделял мнение о возможности укрепления позиций Антанты «в сердце Румынии», благодаря созданию «превосходной маневренной массы, которая позволила бы нам не только загородить проход Карпат, но и вторгнуться в Болгарию. Император (Николай II. — *В.Ц.)* убежден уже в правильности этой идеи, он признает необходимость добиться быстрого крупного успеха на Балканах. Но генерал Алексеев не соглашается обнажить русский фронт; он боится, как бы немцы не воспользовались этим для того, чтоб импровизировать наступление в рижском направлении».

Примечательные оценки вступления в войну Румынии содержатся в переписке Императора и Императрицы. «Алексеев несколько раз говорил мне, — отмечал Николай II в письме от 28 сентября 1916 г., — что для нас было бы более выгодным, если б румыны сохранили нейтралитет. Теперь во всяком случае мы должны им помочь, и поэтому наш длинный фронт еще удлиняется, так как их граница открыта перед врагом, которому они не могут противостоять. Мы стягиваем туда все корпуса, какие только возможно, но перевозка войск отнимает массу дорогого времени». «Да, Алексеев говорил мне то же самое о румынах, — отвечала супругу Александра Федоровна. — Ч… бы их побрал, отчего они такие трусы! А теперь, разумеется, наш фронт опять удлинится — прямо отчаяние, право».

В письме маршалу Жоффру 1 ноября 1916 г. Алексеев писал о необходимости развертывания активных операций на Балканах, хотя и понимал, что это вызовет серьезные расходы но снабжению войск. В это время там вели боевые действия объединенные силы Антанты (подразделения греческой, сербской, французской армий), в составе которых сражались также русские полки 2-й Особой бригады под командованием генерал-майора Дитерихса, давнего сотрудника Алексеева. А в декабре 1916 г. образовался новый Румынский фронт (общая протяженность Восточного фронта от Балтики до Черного моря увеличилась тем самым еще на 500 км). Сухопутные войска Кавказского фронта, успешно взаимодействуя с кораблями Черноморского флота, провели Трапезундскую операцию, во время которой была проведена

эффективная высадка десанта против турецких укреплений. В создавшихся условиях представлялись перспективными военные операции не только на Балканах, но и на Черном море. Предложения о возможности проведения здесь десантных операций были отправлены в Ставку из Севастополя.

Стратегический замысел Алексеева не исключал возможного удара силами Салоникского фронта союзников с юга и соединенными силами русских и румынских войск по Болгарии с севера. В ноябре 1916 г. Салоникский фронт провел успешную наступательную операцию в Сербии под Монастырем. Развитие успеха на Балканах позволяло разорвать единый фронт, связывавший союзников Германии — Австро-Венгрию и Болгарию — с Турцией, а в перспективе — вывести Болгарию из войны. Но, помогая союзникам, не следовало забывать и о собственных геополитических интересах. В это же время под руководством вице-адмирала А.В. Колчака началась разработка десантной операции Черноморского флота по овладению проливом Босфор и «освобождению древней столицы Православия — Константинополя». Комбинированный удар Салоникского, Румынского фронтов и Черноморского флота мог, как казалось многим, привести к серьезной победе. Алексеев соглашался с тем, что «военные и политические соображения заставляют нас сжать кольцо вокруг противника именно на Балканах, и мы готовы выставить армию на этом, важнейшем для данного фазиса великой борьбы, театре».

Нужно помнить, что еще в 1915 г. союзники предприняли попытку завладеть проливом Дарданеллы и развить наступление на турецкую столицу с полуострова Галлиполи. Россию в этой операции представлял переведенный с Тихого океана крейсер «Аскольд». Но та десантная операция провалилась, и теперь вся тяжесть и вся слава «освобождения Великого храма Святой Софии» предстояла Русской армии и Черноморскому флоту. Русский посланник в Сербии, известный философ князь Г.Н. Трубецкой (предполагался к назначению на должность Верховного комиссара при объединенном франко-англо-русском управлении Константинополя) объяснял в докладной записке на имя последнего главы Императорского МИДа Н.Н. Покровского, что «неудача экспедиции объединенного флота в Дарданеллах была выгодна России», поскольку «давала нам возможность отказаться от кондоминимума в Константинополе» и единолично управлять проливами.

Дипломатические гарантии Российской империи предоставлялись в соответствии с условиями трехстороннего (русско-англо-французского) договора 1915 г., гарантировавшего

права России на проливы" и прилегающие к ним территории. Прочность российской позиции обеспечивалась телеграммой Сазонова, составленной при участии посла Великобритании в России Дж. Бьюкенена и направленной российским послам в Лондоне и Париже 17 марта 1915 г. Именно она должна была стать основой для заключения любых последующих соглашений относительно статуса Босфора и Дарданелл. В тексте этой телеграммы говорилось: «Ход последних событий привел Е.В. Императора Николая II к убеждению, что вопрос о Константинополе и проливах должен быть окончательно решен в смысле вековых стремлений России. Всякое его разрешение, которое не включало бы в состав Русской Империи города Константинополя, западного берега Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а равно и южной Фракии по черте Энос — Мидия, было бы неудовлетворительно. Подобным же образом, по стратегическим соображениям, часть Азиатского побережья, заключающаяся между Босфором и рекой Сакарией… острова Имброс и Тенедос должны будут присоединиться к Империи. Специальные интересы Великобритании и Франции в означенной области будут строго соблюдены».

После неудачи Дарданелльской операции в планы Антанты уже не входило проведение десантов, а главные сражения войны разворачивались теперь, по мнению союзников, на Сомме, в Шампани и под Верденом. Поэтому представители союзных держав не торопились делать «второстепенный» для них театр войны «важнейшим». Формально не отрицая целесообразность действий на Балканах, они по-прежнему считали приоритетными комбинированные удары Западного и Восточного фронтов, которые привели бы, рано или поздно, к поражению Германии. Но еще в телеграмме от 30 сентября 1916 г. президент Франции Р. Пуанкаре отмечал, что отправка сколько-нибудь значительных подкреплений на Салоникский фронт ради спасения Румынии не представляется возможным. В свою очередь, Николай II снова утверждал, что «положение Румынии не сможет измениться в нашу пользу без действенного участия Салоникской армии. Ее активное участие в борьбе основное условие успеха нашего дела. В высшей степени желательно, чтобы она нанесла поражение болгарам… Чтобы достигнуть этих результатов, Салоникская армия недостаточно сильна». В конце концов Пуанкаре заверил Государя (телеграмма от 24 октября 1916 г.), что Салоникский фронт будет дополнительно усилен на полторы дивизии, хотя и было очевидно, что такого количества войск вряд ли достаточно для развития эффективных наступательных действий. О возможности совместных боевых действий на Балканах

говорилось на конференции Союзного военного совета в г. Шантильи 15 и 16 ноября 1916 г. Здесь говорилось о перспективе вывода из войны Болгарии в результате совместных действий русско-румынских войск с севера и союзных с юга, со стороны Салоникского фронта. Но, так или иначе, принципиальным пунктом в решениях конференции значилось «стремление в 1917 году сломить неприятельские силы путем единовременного наступления на всех фронтах с применением максимального количества средств, какое только сможет ввести в дело каждая армия».

В декабре 1916 г., в отсутствии Алексеева, в первоначальные планы Ставки были внесены коррективы. Как отмечал в письме товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову директор Дипломатической канцелярии Ставки камергер Н.А. Базили: «В соответствии с постановлением военной конференции в Шантильи задачей нашей в ближайшую кампанию признано наступление в направлении Болгарии». В этом был убежден Государь, в этом его поддерживал Гурко. Принятое решение предполагало усиленную переброску войск на Румынский фронт со всех других фронтов. Для этого на бессарабском направлении строились дополнительные железнодорожные линии. Подобное решение, по мнению Базили, было вполне оправдано ввиду «наличия значительного численного превосходства наших сил» на всех фронтах (на 200 батальонов больше, чем у противостоящих армий Центральных держав). Планировалось остановить продвижение войск противника и перейти в контрнаступление, при поддержке Черноморского флота, на Добруджу, освобождая нижнее течение Дуная и выходя на границу с Болгарией вдоль побережья Черного моря.

Но Алексеев отказался от приоритета удара на Балканы и в конце концов убедил Николая II в том, что после потери большей части Румынии «нельзя говорить о разгроме Болгарии… При данной стратегической обстановке эта операция падет всей тяжестью, главным образом, на нас и потребует исключительных напряжений за счет всех фронтов… Благоприятная обстановка для разгрома нашим союзом Болгарии упущена безвозвратно». Аналогичные соображения излагались Наштаверхом в письме к командующему Черноморским флотом: «Решение судьбы настоящей войны будет зависеть, главным образом, от положения дел на Европейском театре. Наш растянутый фронт, невыясненное положение Румынии, значительность и качества противника создают столь сложную и ответственную обстановку, что мы не имеем права разбрасывать войска на выполнение хотя и важной, но второстепенной задачи на удаленном участке»{47}.

Схожую позицию наштаверх готов был принять и в отношении десанта на Босфор, хотя окончательного мнения здесь Михаил Васильевич так и не высказал. Контр-адмирал Бубнов, весьма заинтересованный, в отличие от Алексеева, в скорейшем проведении Босфорской операции, так оценивал ее перспективы в конце 1916 г.: «Так как Государь был горячим сторонником Босфорской операции, а министр иностранных дел Сазонов на ней настаивал, генерал Алексеев не отвергал ее категорически, но ставил для своего на нее согласия такие, по мнению нас, моряков, необоснованные требования, кои были невыполнимы. Так, он считал, что для исполнения Босфорской операции необходима целая десантная армия силой в три с половиной — четыре корпуса, между тем транспортная флотилия была не в состоянии перевезти в должный срок столь многочисленную армию и обеспечить после высадки ее снабжение».

С точки зрения Наштаверха, завершение боевых операций на суше способствовало бы и успеху боевых действий на море. «При определении численности десанта, — вспоминал Бубнов, — генерал Алексеев исходил из следующих соображений: ближайшее не занятое противником удобное место для высадки войск — устье реки Сакарьи — отстояло к востоку от Босфора на расстоянии четырех-пяти армейских переходов (при полном бездорожье). Так как противник за это время успел бы предпринять меры для усиления своих войск, наша десантная армия должна была бы, по мнению генерала Алексеева, быть достаточно сильной, чтобы иметь возможность успешно вести наступательную операцию в чрезвычайно трудных условиях бездорожья, с далекого расстояния от Босфора». «Лобовую атаку» на Босфор, с десантом в непосредственной близости к Стамбулу, Алексеев полагал весьма опасной. Турецкая береговая оборона представлялась сильной, требующей значительного количества сил и средств для ее ликвидации.

С позицией Алексеева, весьма сдержанно относившегося к возможности проведения десанта на Босфор, не соглашались представители морского командования. Бубнов отмечал, что, основываясь на «неопровержимых и тщательно проверенных данных обстановки, мы, моряки, считали, что для завладения Босфором нет никакой необходимости предпринимать методическую наступательную операцию многочисленной десантной армии с дальнего от нее расстояния, как того хотел бы генерал Алексеев. Босфор можно легко занять внезапной высадкой в непосредственной его близости десантного отряда, не превышающего по своему численному составу подъемной способности Черноморской транспортной флотилии… В связи с

этим Морской штаб Верховного Главнокомандующего совместно со штабом Черноморского флота разработали подробный план операции внезапного нападения на Босфор… По плану Морского штаба Верховного Главнокомандующего и Черноморского командования для внезапного завладения Босфором было бы достаточно всего пяти дивизий, т.е. в два раза меньше, чем требовалось по оперативным предложениям генерала Алексеева».

Бубнов настаивал на внезапности высадки десанта и на быстроте его действий. По его мнению, цель овладения Константинополем, «освобождения столицы Византийской Империи», оправдывала даже самые серьезные риски. Но именно эта излишняя самоуверенность, как казалось Алексееву, не была оправдана.

Существо разногласий между Алексеевым и «моряками» прослеживалось в различном подходе к тактике проведения операции. Бубнов очень хорошо заметил эту черту стратегического «стиля» Наштаверха, ярко проявившуюся в отношении к «захвату проливов»: «Генерал Алексеев всем нашим доводам противопоставлял возражение о рискованности предстоящей операции и упорно настаивал на необходимости наступательной операции с участием в ней не менее десяти дивизий… Главной Причиной отрицательного отношения генерала Алексеева к Босфорской операции было не столько недоверие к нашим доводам, сколько именно догматическая точка зрения в вопросе применения принципа сосредоточения максимальных сил на главном театре военных действий…»

Очевидно, что для опытного генштабиста, каковым был Михаил Васильевич, любая операция (а такая сложная, как высадка десанта, в особенности) должна была основываться на тщательно разработанном плане действий при исключении излишних рисков. Ведь десанту предстояло действовать не только в условиях оторванности от «родных берегов», но и преодолевая ожесточенное сопротивление фанатично настроенных турецких гарнизонов и, вероятно, местного населения, не стремившегося к тому, чтобы Стамбул снова стал Константинополем. К тому же в Ставке слишком памятной была прошлогодняя Дарданелльская операция, проигранная союзниками. Успех, по мнению Алексеева, был гарантирован не только за счет численного превосходства наступающих войск десанта, но и благодаря несомненной вере в победу, в правоту выполняемого дела солдатами и офицерами. «Сила духа» у русских моряков и десантников — «освободителей Константинополя» — должна была быть многократно выше, чем у турецких защитников Стамбула.

21 февраля (за два дня до начала «великой и бескровной

революции») от Покровского была получена «Всеподданнейшая записка», в которой министр обосновывал необходимость Босфорской операции именно в той форме, как это первоначально предлагалось Алексеевым; то есть посредством высадки десанта и его последующего наступления со стороны малоазиатского побережья, от устьев реки Сакарья. Высадка не должна была проводиться позже октября 1917 г., а ориентировочная численность десанта предполагалась в 200—250 тысяч бойцов. Политическое обоснование операции представлялось весьма заманчивым. Можно было гарантированно занять зону проливов к началу мирных переговоров и не опасаться того, что союзники откажутся от своих «обязательств» перед Россией в отношении Босфора и Дарданелл. Турция, очевидно, вышла бы из войны после потери столицы. А самое главное — операция проводилась исключительно «русскими силами», без союзной помощи, за предоставление которой могли бы последовать какие-либо уступки.

Вернувшийся в Ставку генерал не заявил о поддержке и этого плана десантной операции. Детально и аргументированно позиция Алексеева в отношении Босфорской операции излагается Базили в его письме главе российского МИДа Покровскому, написанному уже во время разгоравшегося «петроградского бунта» — 26 февраля 1917 г. (примечательно, что в Ставке в это время не предполагали масштабов «революционных событий» в столице и обращались к правительству как к реальной, действующей власти). Скептицизм Михаила Васильевича и его «решительные возражения», как отмечал Базили, были вызваны «техническими подробностями» предполагаемой операции. «Надо сначала подойти к выполнению столь крупной военной задачи, — заявлял генерал, — обеспечить ее успех, а потом уже говорить о ней». «В настоящее время наш фронт, — передавал Базили слова Алексеева, — не считая Кавказа, представляет непрерывную линию окопов и укреплений на протяжении 1650 верст. В среднем, на каждую версту приходится 1500 человек бойцов, при скромном числе орудий, числе, значительно уступающем техническим средствам противника. Поэтому генерал Алексеев считает решительно невозможным, до существенного поражения противника на нашем западном фронте, уменьшить там число войск. Судьба настоящей войны зависит от нанесения решительного удара немцам или от приведения их к убеждению, что они долее вести борьбу не могут. Без этого немцы сами находятся в положении, угрожающем нашим жизненным направлениям — на Петроград, Москву и Юг России. Ответственные исполнители не могут, поэтому, снять с западного

фронта, до решения там участи войны, 200—250 тысяч человек для Босфорской экспедиции…

При ограниченности наших транспортных средств генерал Алексеев считает весьма трудной переброску с северного побережья Черного моря на Вифинийский полуостров, хотя бы в три рейса, 250 000 бойцов, т.е. почти 25 дивизий, — с артиллерией, обозами, необходимыми тыловыми запасами. Начальник штаба возражает против ссылки на Трапезондскую операцию. У Траиезонда в боевых условиях высадились всего 2—3 батальона, тогда как главные силы наступали по сухому пути и лить потом уже, в мирных условиях, в Трапезонд перевезено было морем около одной дивизии. Десант в 2—3 батальона нельзя приводить в пример грандиозного предприятия переброски армии в 200—250 тысяч человек, в пример предприятия, подобного которому еще не было в военной истории. Босфорскую операцию нельзя также сравнивать с галлиполийской операцией. Англо-французы, владея островом Мудросом, располагали базой в 30 милях от Галлиполийского полуострова, тогда как Вифинийский полуостров отстоит от Севастополя на 230 миль… В заключение генерал Алексеев вернулся к своей основной мысли, что только после поражения нашего главного и сильного врага можно предпринять поход на Константинополь и что при этом обстановка укажет, как это можно сделать»

Босфорская операция тем не менее не исключалась. С конца 1916 г. началась подготовка к десанту. На этот раз, отмечал Бубнов, «Алексеев с легкостью согласился на сформирование десантной дивизии и не чинил препятствий этой «затее моряков», так как втайне был уверен, что участь войны решится в марте 1917 г. на полях Галиции, т.е. раньше, чем можно будет эту операцию предпринять, и тем самым надобность в ней сама собой отпадет. Но вспыхнувшая в феврале 1917 г. революция разрушила чаяния генерала Алексеева». Степень боеспособности армии и десантного отряда в ходе известной «демократизации» существенно упала. В результате на совещании в Петрограде, в начале апреля 1917 г., план Босфорской операции был отложен. Стратегический «стиль» Алексеева — это не только следование канонам классического военного искусства, требующего обязательного соблюдения боевого превосходства над противником, четко разработанного плана действий, безусловной слаженности во взаимодействии наступающих или обороняющихся сил. Это, если позволительно использовать этот термин, — русская, национальная стратегия. Она опиралась не на пассивное «стояние» в укрепленной позиции и не на рискованное, самозабвенное «авось». Стратегия Русской армии в том виде, как

она представлялась в 1916 — начале 1917 г. — это уже не «стратегия атаки», заключавшаяся в проведении активных наступательных действий, при обязательном наличии подвижных резервных групп (как планировалось в 1908—1913 и в 1914 — начале 1915 г.). Теперь — это «стратегия прорыва», стратегия хорошо подготовленного, мощного контрудара, нанесенного из глубоко эшелонированной оборонительной линии «позиционной войны». Это стратегия, выражаясь образным языком, надежного, уверенного в победе русского богатыря, уже не очень- то ожидающего чей-либо помощи, а готового самостоятельно, собственными силами сражаться с врагами.

Это стратегия, опирающаяся на экономический потенциал, вполне достаточный для победы, на вполне достаточное для длительной борьбы количество вооружения и боеприпасов.

В ней, пожалуй, действительно не хватало смелости суждений и «дерзновения» (столь характерных для 1914—1915 гг.), но с достатком хватало надежности и предсказуемости. Поэтому недопустимым казался любой «разброс сил» в ущерб трем главным фронтам (Северному, Западному и Юго-Западному), опасными представлялись операции, подобные десанту на Босфор или наступлению Кавказского фронта в Малой Азии.

Не пришло к единому мнению и совещание Главнокомандующих армиями фронтов в Ставке, состоявшееся 17 декабря 1916 г. В течение января—февраля намечалось проведение частных операций, а весной — общее наступление на Западном и Северном фронтах, хотя, по мнению Государя, главным мог бы стать Румынский фронт, наступающий на Балканы.

Получив информацию о принятых в Шантильи и в Могилеве решениях, Алексеев предложил собственный стратегический план действий на 1917 г. Если невозможно было ждать скорого наступления на Балканах и рискованной Босфорской операции, то, по мнению Алексеева (телеграфное сообщение из Крыма от 9 января 1917 г.), следовало отдать приоритет Юго-Западному фронту, вполне доказавшему свою боеспособность во время «Брусиловского прорыва». «Главный удар в наиболее чувствительном для неприятеля направлении» следовало развивать на Львов, с вспомогательными одновременными ударами на Сокаль и Мармарош-Сигет. Сам же Брусилов считал, что вторичное занятие Львова создаст «угрозу для тыла германских армий, занимающих позиции перед армиями Западного фронта, и значительный успех на этом направлении, естественно отразиться и на Румынском фронте». Следовало

использовать «наше выгодное расположение» и «вести операции одновременно с обоих, нависших над противником, флангов, то есть как из районов Северного фронта, так и из района Юго-Западного».

От Северного, Западного и Румынского фронтов также требовались наступательные действия. Первым двум намечалась прежняя, не достигнутая еще в 1916 г., задача — нанесение ударов по сходящимся направлениям на Вильно («нанесение широкого и сильного удара на Виленском направлении»). Уже в январе 1917 г. Северным фронтом была проведена Митавская операция, во время которой удалось прорвать позиции противника. Правда, первоначально ее оценивали как имеющую «местное значение» (чтобы помешать противнику перебрасывать силы в Румынию). Наступление Западного фронта будет угрожать «положению противника на фронте к северу от Полесья, за которой станет для немцев грозный вопрос для прикрытия своей собственной территории… успех в этом направлении заставит противника как отойти перед Северным фронтом, так и очистить занятую им территорию к югу от Припяти». Румынский фронт должен был отвоевать захваченную противником Добруджу. Только при создании благоприятной обстановки на главных направлениях Алексеев допускал возможность дальнейшего развития наступления Румынского фронта на Балканы во взаимодействии с Черноморским флотом. Для общего успеха можно было бы также провести дополнительную переброску русских войск на Салоникский фронт. Эту же позицию подтвердил Алексеев и в записке, отправленной 26 февраля 1917 г. на имя министра иностранных дел Н.Н. Покровского: «Судьба настоящей войны зависит от нанесения решительного удара по немцам. Сломав наиболее устойчивые, немецкие части фронта Центральных держав, разгромить остальных союзников Германии будет гораздо проще. Цель войны может быть достигнута в предстоящих весенне-летних операциях». Общее наступление планировалось начать в апреле, не позднее 1 мая 1917 г. Повторялся, таким образом, план генерала, составленный еще в Крыму, однако его «реализация» началась только в июне 1917 г., уже после отставки Алексеева.

Но вернемся к ноябрьским дням 1916-го… Состояние здоровья Михаила Васильевича быстро ухудшалось. Неожиданное обострение болезни вынужденно удалило его от руководства штабом. Как отмечал Бубнов, помимо переутомления не последнюю роль сыграла озабоченность Алексеева внутриполитическими проблемами («упорная борьба Престола с нашей общественностью, усугубляемая всеобщим возмущением

“распутиновщиной”»), его «бессилие повлиять на Государя и опасения за исход войны».

По воспоминаниям о. Георгия Шавельского, 7 ноября 1916 г. «положение больного стало угрожающим. Вечером больной пожелал видеть меня… Тотчас явившись, я застал генерала почти умирающим. Он лежал без движения; говорил, задыхаясь. Мое появление очень обрадовало его. Но беседовать с ним, ввиду крайней его слабости, долго мне не пришлось, и я скоро ушел от него, пообещав исполнить его просьбу — завтра, в день его Ангела, причастить его. 8-го ноября (праздник архангела Михаила и всех Сил бесплотных. — *В.Ц.)* утром я со Святыми Дарами прибыл к больному. Исповеди и причастию предшествовала краткая беседа. “Худо мне, — говорил, тяжело дыша, больной. — Возможно, что скоро умру. Но смерти я не боюсь. Если отзовет меня Господь, спокойно отойду туда. Всю свою жизнь я трудился, не жалея для Родины сил своих, своего не искал. Если судит мне Господь выздороветь, снова отдам себя делу; все свои силы, свой опыт и знания посвящу моей Родине. Да будет во всем воля Божия!” Исповедался и причащался больной с восторженным воодушевлением. В большом государственном человеке мне ни раньше, ни позже не довелось наблюдать такой искренней, горячей веры. Сразу после причастия у него точно прибыло сил, — он ожил. Дух победил плоть… Наступило серьезное улучшение, давшее надежду на возможность выздоровления. Вскоре после моего ухода к больному зашел Государь, чтобы от себя и от имени больного Наследника поздравить его с принятием Святых Тайн»[{48}].

Болезнь отступила, но для улучшения состояния было решено отправить Алексеева в отпуск, в Крым. Его должность временно занял генерал от кавалерии В.И. Гурко. Сам Михаил Васильевич не хотел покидать Ставку, и понадобилось личное категорическое решение Государя. По воспоминаниям очевидца, «больной, не перестававший работать так* как только он один и мог делать — по 18—20 часов в сутки, скоро довел себя до крайне опасного состояния. Предупреждения и просьбы близких не действовали. Оставалось одно средство — насильно отстранить его от дела и дать ему поправиться». 20 ноября 1916 г. он уехал из Могилева в Севастополь. По поводу этого «принудительного» отпуска не замедлили появиться слухи о якобы «ухудшении отношений между Государем и Алексеевым».

Подобного мнения придерживался, в частности, французский посол М. Палеолог: «Генерал Алексеев получил отпуск. Временно исполнять его обязанности будет генерал Василий Гурко, сын фельдмаршала, бывшего героя перехода через Балканы.

Отставка (именно так, а не “отпуск”. — *В.Ц.)* генерала Алексеева мотивирована состоянием его здоровья. Правда, генерал страдает внутренней болезнью, которая заставит его в ближайшем будущем подвергнуться операции, но есть, кроме того, и политический мотив: Император решил, что его начальник Главного штаба слишком открыто выступал против Штюрмера и Протопопова.

Вернется ли Алексеев в Ставку? Не знаю. Если его уход является окончательным, я охотно примирюсь с этим. Правда, он всем внушает уважение своим патриотизмом, своей энергией, своей щепетильной честностью, своей редкой работоспособностью. К несчастью, ему недоставало других, не менее необходимых качеств: я имею в виду широту взгляда, более высокое понимание задач Союза, полное и синтетическое представление о всех театрах военных операций. Он замкнулся исключительно в функции начальника Генерального штаба Высшего командования русских войск».

Характерно, что в оценке болезни Михаила Васильевича и его вынужденного отпуска многие склонны были приписывать Государю и Алексееву собственные соображения относительно «опалы» и «немилости». «Правые» трактовали отправку в Крым как бы «в наказание» генералу за его недостаточный монархизм и негативное отношение к Распутину. «Союзные представители» усматривали в этом следствие недостаточного понимания Алексеевым «обязательств» России перед Антантой. «Либералы» считали, что «ссылка» в Крым была реакцией Государя на излишний «конституционализм» начальника штаба.

Далее, вполне в духе «конспирологических» теорий, делался вывод о «затаенном желании» Алексеева «отомстить» за такую «несправедливость» и о его, вполне логичном, участии в антимонархическом заговоре. И почему-то никак не принимаются во внимание элементарные, вполне понятные и объяснимые причины и последствия: тяжелая обострившаяся болезнь и желание выздоровления для возвращения к прежней, столь важной работе в Ставке.

Лучшим опровержением подобной «конспирологической» версии могут служить фрагменты из переписки Императора и Императрицы. Сразу же после обострения болезни Николай II довольно часто и много писал об этом супруге, никоим образом не предполагая, что ему предстоит «избавиться» от своего якобы «невыносимого» начальника штаба. И ответы Александры Федоровны показывают живое участие, сочувствие больному и пожелания ему скорейшего выздоровления. Правда, объяснения причин болезни: в письмах Императрицы достаточно

примечательные. В письме от 3 ноября Николай II отмечал: «Генерал Алексеев нездоров и лежит — у него сильный жар. Федоров (лейб-хирург профессор СП. Федоров состоял при Ставке с осени 1915 г. — *В.Ц.)* говорит, что у него почки не в порядке; он вызвал Сиротинина (лейб-медик Высочайшего Двора В.Н. Сиротинин. — *В.Ц.)*. Это осложнение имеет для меня большое значение. Я надеялся поехать в ближайшем времени куда-нибудь на фронт, но теперь придется эти дни побыть здесь. Пустовойтенко отлично осведомлен во всем и прекрасный помощник (он и делал ежедневные доклады при кратковременном отсутствии своего начальника. — *В.Ц.)*. Пока я не думаю брать никого со стороны». На следующий день Государь пишет: «Алексееву сегодня немного полегче. Федоров настаивает на том, чтобы он полежал еще по крайней мере неделю, потому что, кроме болезни, он переутомлен работой и недосыпал все это время. Выглядит он свежее».

Александра Федоровна по-своему объясняла причину болезни Алексеева. Помимо неприязни генерала к «нашему Другу» Распутину, она отмечала явный, как ей представлялось, недостаток душевных качеств у генерала. Административный, «бумажный» стиль руководства Алексеева (отмечаемый, кстати, многими современниками и «бросавшийся в глаза») казался ей вредным. Хотя, конечно, подлинных настроений генерала, его психологических переживаний и глубокой православной веры эта оценка отнюдь не отражала.

Очевидно, что Императрица делала вывод о «бездушии» Михаила Васильевича, не имея возможности встречаться, беседовать с генералом, получая о нем сведения только из писем супруга. При этом Императрица уверена, что, преодолев болезнь как искушение, Михаил Васильевич станет другим. В своем ответе (от 5 ноября) она писала: «Алексееву следовало бы дать двухмесячный отпуск, найди себе кого-нибудь в помощники, например, Головина (генерал-лейтенанта Н.Н. Головина, начальника Николаевской военной академии. — В.Ц.), которого все чрезвычайно хвалят, — только не из командующих армиями, — оставь их на местах, где они нужнее. У Пустовойтенко слишком много работы, а ты — один и, кроме того, не можешь тронуться с места и, быть может, свежий человек с новыми мыслями оказался бы весьма кстати. Человек, который так страшно настроен против нашего Друга, как несчастный Алексеев, не может работать успешно. Говорят, у него нервы совершенно развинчены. Это понятно: сказалось постоянное напряжение “бумажного” человека; у него, увы, мало души и отзывчивости».

В письме 7 ноября Государь все-таки признал необходимость длительного лечения своего начальника штаба: «Вчера я принял Сиротинина, и он доложил мне, что, по его мнению, необходимо сделать с Алексеевым. Ему нужен отдых в Крыму в течение шести-восьми недель. Они надеются, что этого будет достаточно, чтобы он поправился и набрался сил. Сегодня утром я сказал это Алексееву, и он, конечно, подчиняется их предписанию». 8 ноября Александра Федоровна отвечала: «Это вполне правильно, что Алексеева отправляют для длительного отдыха в Крым, это крайне необходимо для него, — там тихо, воздух и настоящий покой». И спустя месяц (4 декабря) вспоминает о Михаиле Васильевиче не только с сожалением, но и с надеждой: «Не забудь воспретить Гурко (новый начальник штаба. — *В.Ц.)* болтать и вмешиваться в политику — это погубило Николашу (Великого князя Николая Николаевича. — *В.Ц.)* и Алексеева. Последнему Бог послал болезнь, — очевидно, с целью спасти тебя от человека, который сбился с пути и приносил вред тем, что слушался дурных писем и людей, вместо того, чтобы следовать твоим указаниям относительно войны, а также и за его упрямство. Его тоже восстановили против меня — сказанное им старику Иванову служит тому доказательством.

Но это все скоро минует. Все начинает проясняться, как и погода, что служит хорошим предзнаменованием, помни».

В своем дневнике (весьма немногословном) Николай II почти ежедневно (с 3 по 20 ноября) отмечал состояние здоровья своего начальника штаба: «Алексеев, к сожалению, нездоров и лежит. Зашел к нему… Алексееву лучше… зашел к Алексееву и условился с ним, что на время его отпуска исправлять должность начальника штаба будет Гурко… после доклада, как всегда, зашел к Алексееву, которого нашел сидящим в кресле… зашел с Алексеем к М.В. Алексееву проститься, т.к. он уехал в Севастополь полечиться в Романовском институте (Романовский институт физических методов лечения. — *В.Ц.)*».

Таким образом, отъезд генерала в Крым на лечение отнюдь не привел к «ухудшению», «разрыву» отношений с Царской семьей. Напротив, из Ставки в Морское собрание в Севастополе, где проживал Алексеев, был протянут прямой телеграфный провод, что позволяло регулярно запрашивать его мнения по тем или иным вопросам. По воспоминаниям же генерала Борисова, сопровождавшего Алексеева в его отъезде, «все важнейшие мероприятия Гурко обязан был докладывать Государю не иначе как с полученным из Севастополя мнением Алексеева». В частности, именно из Крыма в декабре 1916 г. Ставкой был получен последний разработанный Алексеевым стратегический

план на предстоящий 1917 г. Государь утвердил его 24 января 1917 г. Находясь на лечении, Алексеев следил также за исполнением его предписаний о формировании ТАОН к весне 1917 г. Сразу же по приезде в Севастополь, 23 ноября 1916 г., он отправил телеграмму начальнику французской миссии в Ставке Жанену (с копией в Париж генералу Жилинскому), о том, что «желательна уступка 120-мм и в особенности длинных 155-мм орудий (лит. Д), допускающих дальность до 10,5 км, с запасными частями, полной амуницией и по 800 выстрелов единовременно, и затем ежемесячно по 250 на орудие, а также с грузовыми автомобилями для парков». В Севастополе он дважды встречался с командующим Черноморским флотом адмиралом А.В. Колчаком и его начальником штаба, обсуждая как подробности возможной Босфорской операции, так и, очевидно, некоторые «государственные вопросы».

Стоит отметить, что, состоя в должности Начальника штаба Верховного Главнокомандующего, Алексеев был награжден орденом Белого Орла и Святого Владимира 2-й степени, а в апреле 1916 г. последовало и его назначение на должность генерал-адъютанта. Войти в состав Свиты Его Величества Алексеев не спешил: еще в начале декабря 1915 г. он отклонил такое предложение Государя, настойчиво советуя Главкому «наградить всю армию», а не его лично. И только в Великую субботу, 9 апреля 1916 г., Николай II лично вручил Алексееву свитские погоны и аксельбанты генерал-адъютанта. Вот как описывался этот примечательный эпизод о. Георгием Шавельским: «В Свите рассказывали, что на Рождественских Святках 1915 г. Государь поздравил Алексеева со званием генерал-адъютанта. Алексеев упросил Государя освободить его от этой чести, за которую чём бы ни пожертвовало множество наших генералов. Государь исполнил настойчивую просьбу, но сказал:

— Я все же буду считать вас своим генерал-адъютантом.

В Великую Субботу 1916 года, под вечер, Государь быстрыми шагами, в сопровождении генерала Воейкова и дежурного флигель-адъютанта, несшего в руках продолговатую бумажную коробку, направился в генерал-квартирмейстерскую часть, где жил и генерал Алексеев. Появление Государя в необычное время вызвало там переполох. Алексеев встретил Государя. Оказалось, Государь принес Алексееву генерал-адъютантские погоны и аксельбанты и на этот раз настоял, чтобы генерал принял их… Когда я поздравил генерала Алексеева с званием генерал-адъютанта, он мне ответил: “Стоит ли поздравлять? Разве мне это надо? Помог бы Господь нам, — этого нам надо желать!”»

Помимо назначения в Свиту Алексеев получил еще одну

награду от Государя — именной рескрипт, врученный ему в день годовщины принятия Николаем II поста Верховного Главнокомандующего. 23 августа 1916 г. Алексееву был вручен особый торжественный акт, в котором отмечалось: «Благодарю Вас, дорогой Михаил Васильевич, от глубины души за неутомимое усердие и многополезные труды Ваши. Высоко ценя службу Вашу, молю Бога даровать Вам и впредь силы и здоровья до конца выдержать тяготу возложенной на Вас ответственной работы. Сердечно Вас любящий и уважающий, Николай».

Характерен был и ответ Михаила Васильевича, оформленный в приказе по Штабу Верховного Главнокомандующего: «Бесконечно счастлив объявить высокомилостивые слова Государя Императора, в глубоком сознании, что они одинаково относятся ко всем моим сотрудникам. Проникнемся этими словами и с горячей верой в Бога, с глубокой преданностью нашему Державному Вождю, с прежней энергией будем работать и впредь на пользу Государю, Родине и нашей доблестной армии, выполняя честно и по мере нашего разумения предначертания нашего Великого Государя»{49}.

Итак, 1916 г. заканчивался… Заканчивался он в условиях стабильного фронта, но и все более и более нараставшего внутриполитического кризиса. Был убит «Царский друг» Г. Распутин, привычной стала порочная «чехарда министров». За пределами Думы в сотнях экземпляров расходились уже не только копии частных писем Гучкова, но и громогласные речи депутатов: П.Н. Милюкова, с его знаменитым рефреном «глупость или измена»; А.Ф. Керенского — с призывами к решительным переменам во власти; В.М. Пуришкевича — с обвинениями в «германофильстве» государственных чиновников. Разговоры о «негодности» Государя, о его «неспособности управлять», о «царице-немке» шли и в великосветских салонах, и в «хвостах» — очередях в петроградские хлебные лавки. С критикой политического курса выступал даже Совет объединенного дворянства.

Потенциальным «заговорщикам» во главе с Гучковым становилась очевидной задача разработки конкретного плана действий. Не оставили они без внимания и Алексеева. Точных сведений о встрече генерала с «оппозиционерами» в Севастополе нет. По воспоминаниям Воейкова, которые отличаются чрезмерным вниманием к толкованию тех или иных, подчас совершенно не связанных между собой, деталей, генерал Алексеев будто бы сказал двум посетившим его делегатам Государственной думы: «Содействовать перевороту не буду, но и противодействовать не буду». А согласно воспоминаниям

Деникина, Михаил Васильевич на вопрос о своем участии в «перевороте» ответил категорическим отказом: во время войны, особенно накануне решающих сражений, радикальные изменения обстановки в стране создают огромную опасность для армии.

Схожие слова генерала приводит и начальник операционного отдела Морского штаба в Ставке капитан 1-го ранга Л.Д. Бубнов. В воспоминаниях Верховского приведен рассказ каперанга о состоявшемся визите к Алексееву в Могилев неких членов Государственной думы, которые предлагали «для сплочения России и династии убрать Николая II, заменить его кем-либо из более сговорчивых великих князей, добиться, таким образом, предоставления Думе права выдвигать ответственное правительство и влиять на назначение генералов». Бубнов, не уточняя обстоятельств и времени подобной встречи, тем не менее приводит показательный ответ Михаила Васильевича о том, что «всякое потрясение во время войны окончательно сломает армию, которая и без того еле держится».

Улучшение здоровья побудило Алексеева вернуться в Ставку и незамедлительно включиться в работу по составлению планов предстоящих операций. И, не закончив определенный врачами курс лечения, 17 февраля 1917 г., за несколько дней до начала «февральской» революции, Михаил Васильевич выехал в Могилев и прибыл в Ставку вечером 19 февраля. Незаконченный курс лечения периодически напоминал о болезни высокой температурой, болью. Но, превозмогая немощь, Алексеев стремился показать, что он по-прежнему готов работать на пределе сил и жалеть себя не намерен.

В причинах такого преждевременного возвращения в Ставку подчас усматривалось «подтверждение» того, что генерал сознательно спешил, чтобы принять участие в заговоре против Государя. В недавно опубликованных воспоминаниях члена Государственной думы Н.В. Савича содержится одно из характерных «объяснений» поспешного отъезда генерала из Севастополя в Могилев. В апреле 1922 г. якобы Гучков сообщил Савичу (очевидно, со слов бывших чинов Ставки), что «за некоторое время до переворота Государь стал плохо относиться к Алексееву и, под влиянием Александры Федоровны и ее окружения, задумал заменить его Рузским. В то время у Алексеева уже началась будто бы болезнь простаты (ошибочный диагноз. — *В.Ц.),* лечил его ассистент профессора Федорова и залечил так, что болезнь явно обострилась. Два доктора обратились тогда к Базили, предупреждая последнего, что Федоров и его ассистент умышленно растравляют болезнь Алексеева, чтоб вынудить отставку последнего.

Базили предупредил тогда зятя Алексеева. Вскоре Алексеев уехал в отпуск, устроив на свое место Гурко. Дней за двадцать до революции Алексеев писал Гурко, прося исхлопотать ему продолжение отпуска. На это Государь ответил, что не только не возражает против продолжения отпуска, но считает, что Алексеев вообще мог бы заняться серьезно лечением, не думая о возвращении. Узнав об этом, Алексеев поспешил вернуться». Психологически вполне объяснимо беспокойство генерала, считавшего, что его личная работа «на благо фронта» даст гораздо больше, чем переписка по телеграфу. А размышления Гучкова о намеренном «залечивании» Михаила Васильевича и о «плохом отношении» Главковерха к своему начштабу вполне опровергаются материалами цитированной выше переписки Романовых.

Показательна и оценка возвращения Алексеева в Ставку, отраженная в переписке Романовых. 22 февраля 1917 г. Александра Федоровна писала: «Надеюсь, что никаких трений или затруднений у тебя с Алексеевым не будет и что ты очень скоро сможешь вернуться (в Петроград. — В.Ц.)». Николай II в ответном письме (23 февраля 1917 г. — в день начала революционных беспорядков в Петрограде) вполне с этим соглашался: «Был солнечный и холодный день, и меня встретила обычная публика с Алексеевым во главе. Он выглядит действительно очень хороню, и на лице выражение спокойствия, какого я давно не видал»[{50}].

Никаких непримиримых разногласий не было у Алексеева и с генералом Гурко, временно заменявшим его в Ставке. В воспоминаниях последнего содержится убедительная характеристика служебных и личных качеств Михаила Васильевича: «Характер его можно описывать, ни о чем не умалчивая, поскольку он был безупречен. Даже на самых высоких постах он сохранил необыкновенную скромность, доступность и простоту, о которых с теплотой вспоминают все, кому довелось общаться с ним непосредственно. Его невозможно упрекнуть в излишней мягкости, поскольку он умел с необходимой жесткостью принимать меры для выполнения однажды принятых решений. Если и имелись в его характере недостатки, то они касались исключительно его общения с ближайшими помощниками и коллегами, на ошибки которых он был склонен смотреть с излишней терпимостью.

Но, как известно, даже на солнце есть пятна, и генерала Алексеева в основном упрекали за то, что он стремился переделать все дела сам. Он вплоть до мельчайших деталей прорабатывал множество вопросов и проделывал массу

подготовительной работы вместо того, чтобы распределить эти задачи между своими подчиненными, возложив на них ответственность за их безукоризненное и вдумчивое исполнение. Вполне естественно, что такие методы работы доставляли ему много неудобств и, возможно, заставляли его перенапрягаться, что и стало причиной болезни, которая незаметно подкралась к нему в октябре 1916 г. и через несколько дней едва не свела в могилу.

Только после четырех месяцев отдыха в солнечном Крыму он оправился достаточно для того, чтобы вновь приступить к исполнению своих обязанностей начальника штаба Ставки. Это произошло всего за несколько недель до революции. Позднее, хотя только на короткое время, он становится Верховным главнокомандующим русских армий. В этом качестве характер его деятельности изменился только очень незначительно, поскольку, будучи начальником штаба, он практически исполнял обязанности Верховного главнокомандующего в те периоды, когда Николай II отвлекался для отправления других государственных дел.

Следует ожидать и надеяться, что русский народ вновь призовет этого высокоодаренного благородного воина и предоставит ему возможность еще раз послужить столь страстно любимой им отчизне, которой он уже отдал сорок лет жизни и поистине безупречного и ревностного труда».

Принимая должность от Алексеева, Гурко вспоминал, что особенно бросалось в глаза «множество дел, выполнение которых, сопроводив общими указаниями, можно было с легкостью поручить кому-либо другому, например — заместителю начальника штаба. Однако, поскольку такой должности не существовало, я решил ее создать. Генерал Алексеев не сделал этого сам отнюдь не из желания сосредоточить в своих руках решение всех вообще, пусть даже малозначительных, вопросов, но исключительно по причине своей необыкновенной врожденной деликатности. Понимая, что на такую должность необходимо выбрать человека чрезвычайно способного, он не хотел забирать из армии полезного офицера, так как отлично знал, как трудно будет найти ему замену».

Весьма показательно и описание встречи вернувшегося в Могилев из Крыма Михаила Васильевича. Гурко отмечал, что «сильно загоревший под южным солнцем, он не производил впечатление человека, который всего несколько месяцев назад находился на волосок от смерти. Несмотря на то, что официальная встреча Алексеева была отменена, вокзальная платформа была переполнена коллегами и подчиненными

генерала, пришедшими его приветствовать. Это показывало, какой любовью и уважением пользовался генерал Алексеев среди всех, кто его окружал». Сразу же после личной встречи Гурко с Алексеевым все недомолвки и недоговоренности, естественно возникшие в условиях ограниченного «телеграфного общения», были сняты, и Михаил Васильевич вернулся на временно оставленный им пост военной службы.

Одним из последних принципиально важных для фронта вопросов, изучавшихся Алексеевым накануне революционных событий февраля 1917 г., был вопрос людских пополнений, реорганизации подразделений действующей армии. Еще осенью 1916 г. в Ставке рассчитывали перспективы продолжения войны в условиях ограниченных людских ресурсов, тогда как для осуществления широкомасштабных наступательных операций, запланированных на 1917 г., требовалось свыше 70 новых дивизий. На первый взгляд могло показаться парадоксальным, что эта проблема возникнет в Российской империи, но праву гордившейся быстро растущей численностью населения, имевшей многочисленную армию, державшую на своих плечах почти весь Восточный фронт и посылавшую подкрепления к союзникам во Францию и на Балканы. Но это было так. Конечно, следовало учитывать людские («безвозвратные») потери во время боевых действий. Людские потери, как убитыми, так и ранеными и пленными, были во многих операциях неоправданно высоки. Одной из причин «оскудения людского запаса» считался также относительно малый процент возвращавшихся в строй после ранений (т.н. «возвратные потери») в русской армии (30%), вследствие недостатков, в частности, медицинского обслуживания (во французской армии процент вернувшихся составлял 60%).

После окончания «Брусиловского прорыва» и возобновления «окопного сидения» позиционной войны стало особенно заметным расхождение штатной численности воинских частей и «разбухание тылов». На заводах и фабриках, в сельском хозяйстве начал остро ощущаться недостаток рабочих рук. От Главнокомандующих фронтами в Ставку постоянно приходили телеграммы с требованием пополнений, в тылу было разрешено использование труда военнопленных, привлекались рабочие из Китая и Туркестана, а в это же самое время в прифронтовой полосе и в запасных частях тысячи здоровых мужчин проводили время отнюдь не в боевой подготовке. Позднее именно они станут, как говорили в то время, «горючим материалом» для революции.

Алексеев обратил на это внимание, и по его приказанию 4

ноября 1916 г. дежурным генералом Ставки была разослана телеграмма всем начальникам штабов фронтов. В ней, в частности, отмечалось: «До сего времени приходится слышать от многих войсковых начальников, в том числе часто и от лиц, занимающих весьма высокое положение, что Россия и ныне представляет собой неиссякаемый источник людских пополнений и что с этой стороны мы можем себя чувствовать совершенно спокойно. Разумеется, наше положение в этом отношении и сейчас значительно лучше положения других воюющих держав; однако те средства, коими мы располагаем, далеко нельзя признать достаточными при условии продолжения войны хотя бы еще в течение года.

С призывом 25 октября четырех возрастов ратников второго разряда (37—40 лет), которых, вероятно, наберется около 350 000, всего в переменном составе запасных батальонов внутри округов будет находиться около 1 650 000. Кроме того, непризванными еще остаются: а) около 700 000 новобранцев срока службы 1919 г.; б) около 200 000 ныне переосвидетельствуемых белобилетников; в) около 140 000 ратников двух остальных неизранных возрастов 2-го разряда. Таким образом, общее количество пополнений, на которое может еще рассчитывать армия, равно 2 700 000. Эта цифра хотя и представляется довольно крупной, но надлежит учесть громадную потребность армии в пополнениях, выражающуюся в среднем в 150 000—200 000 в месяцы периодов затишья и около 500 000 в периоды напряженных боев, а также потребность, вызываемую намеченными уже формированиями».

Далее, для большей убедительности, Алексеев сопроводил сообщение дежурного генерала составленной им еще 10 октября 1916 г. запиской, в которой весьма красноречиво отмечал недопустимое отношение многих строевых и тыловых командиров к использованию людских резервов: «Полевой интендант говорит, что он кормит от 5 с половиной до 6 миллионов ртов на фронте (не считая внутренних округов). Бойцов мы набираем около 2 миллионов. Одного бойца обслуживают 2 тыловых человека. По нашей, даже тяжелой, организации тыла должен на 3—4 бойцов быть один тыловой служащий. Это соотношение, если оправдается, будет только официальным. Действительность превзойдет эти расчеты, ибо каждая войсковая часть имеет свои негласные склады, обслуживаемые людьми из строя; каждая войсковая часть имеет немало людей “в пути”, посланных за покупками, с разбитой повозкой, в различных мастерских.

Все это создает безотрадную картину нашего пополнения.

Нам из центра говорят, что дали для армии 14 миллионов, убыло из них 6, что армия располагает 8 миллионами, а мы все продолжаем просить ввиду действительно сильного некомплекта в строевых частях пехоты.

Необходимо потребовать от армий и фронтов сведения, сверенные с интендантскими данными, о числе состоящих на довольствии: а) в строевых частях, показав отдельно войсковые штабы, управления, учреждения (лазареты, госпитали), б) в штабах и управлениях, принадлежащих армиям и фронтам, в) в тыловых учреждениях и войсках — по их категориям, г) в организациях, питающихся попечением интендантства… Сбор этих сведений укажет, куда нужно будет обратить усилия, чтобы в массе самой армии извлечь укомплектования и уменьшить различные тыловые учреждения».

Помимо этого Алексеев вернулся к реализации уже обсуждавшегося летом 1915 г. проекта реорганизации строевых частей посредством перехода штатной структуры пехотных полков от четырехбатальонного к трехбатальонному составу. В конце 1916 г. сторонником этой меры был и генерал Гурко. По его соображениям, выделение четвертых батальонов из действующих частей позволило, не прибегая к дополнительным мобилизациям, увеличить формальную численность армии, сделать более гибкой, более управляемой структуру пехоты, сократить «лишние рты». Подобная «оптимизация» позволила сформировать 48 новых дивизий: на Юго-Западном фронте со 151-й по 167-ю пехотные, 5-ю и 6-ю финляндские стрелковые, 8-ю туркестанскую, 19-ю сибирскую, 4-ю и 3-ю заамурские; на Западном фронте со 168-й по 178-ю пехотные, 5-ю гренадерскую, 16-ю и 17-ю сибирские; на Северном фронте со 180-й по 187-й пехотные, 18-ю и 20-ю сибирские, 4-ю особую пехотную. Аналогичные меры предполагалось провести и в артиллерийских подразделениях. В полевой артиллерии следовало бы перейти от 6- к 4-орудийным батареям, а «освободившиеся» таким образом орудия можно было бы передать на формирование новых 4-орудийных батарей. Для увеличения численности пехоты предполагалось (по аналогии с немецкой армией) перевести часть кавалерийских дивизий в пехотные, а конский состав передать в артиллерию для перевозки орудий и боеприпасов.

При этом в Ставке обоснованно предполагали, что, несмотря на превосходство в количестве батальонов с противником, общий перевес в численности не был абсолютным. В генерал-квартирмейстерской части имелась информация о формировании в Германии новых резервных дивизий, переброска которых весной 1917 г. на Восточный фронт не исключалась. Численность

немецкой дивизии (около 6 тысяч штыков) уступала русской (около 12 тысяч штыков), поэтому создание новых боевых единиц признавалось вполне возможным. В целях большей оперативности Гурко считал возможным проводить реорганизации внутри находящихся на фронте армейских корпусов. Корпусное начальство должно было не только создавать новые воинские части, но и самостоятельно решать вопрос с их обеспечением обозами и командным составом.

Эти меры и связанные с ними обстоятельства беспокоили Алексеева. Теоретически «оптимизация» сулила определенные выгоды в плане управления и снабжения, но на практике подобные перестановки, да еще в условиях военных действий, могли привести к серьезным проблемам. Не возражая принципиально против планов Гурко, Михаил Васильевич отмечал, что «этот вопрос требовал очень осторожного к себе отношения». «Не отрицая необходимости усилить армию, — писал он, — нельзя упускать из вида, что противник может начать свои операции и захватить нас в тот момент, когда почти все существующие войсковые части будут ослаблены выделением штабов, кадров, личного состава и имущества на формирование новых частей, не говоря о том, что они сами содержатся в некомплекте. К тому же вновь формируемые части будут еще неспособны к какой бы то ни было серьезной боевой работе. Особенно же неудачно было решение производить переформирования в пределах корпусов, благодаря чему все корпуса могли быть расстроены одновременно».

Кроме того, очевидными становились изъяны новой структуры и с точки зрения сплоченности, боевого духа, столь важного для армии накануне новых боев. Сборные, составленные из разных частей, новые полки и дивизии не отличались внутренней спайкой, дисциплиной. Офицеры не знали своих новых подчиненных, а солдаты — своих новых командиров. Сильно поредевший к концу 1916 г. кадровый состав усиленно разбавлялся новобранцами и запасными, лишенными боевого опыта, столь важного для победоносного завершения войны. Армия вполне могла стать той самой стихийной, слабо контролируемой силой, о которой с большим беспокойством говорил Михаил Васильевич в беседе с Лемке и Пустовойтенко еще в начале 1916 г.

Несмотря на весьма вероятные трудности, Гурко в отсутствие Алексеева смог добиться согласия Главковерха на осуществление своей программы. С декабря 1916 г. новые пехотные дивизии начали создаваться при всех армиях. И наряду с «внешней» угрозой со стороны противника на фронте очень скоро пришлось

столкнуться с угрозой «внутренней» — революционной активностью тыловых команд и запасных частей, ярко проявившейся в роковые для Российской империи дни февраля 1917 г. По оценке военного историка полковника Генерального штаба А. Зайцова, «несмотря на призыв под знамена за время войны 15 000 000 человек, русская армия все же не могла выставить соответственную численности се населения армию. Практически, неограниченный людской резервуар России не мог быть ею использован за недостатком снабжения. Формировать новые дивизии Россия могла, но ни вооружить, ни снабдить их патронами и снарядами она была не в состоянии.

В 1917 году, правда, удалось наформировать сверх 155 еще 40 новых дивизий за счет упраздненных четвертых батальонов в полках старых дивизий, но эти дивизии состояли лишь из одной пехоты без артиллерии. Конечно, ценность таких дивизий была более чем условной, и считать их усилением армии можно лишь с большой натяжкой».

Другой, не менее острой проблемой, связанной с личным составом армии, оставалась проблема продовольственного снабжения. Увеличение численности воинских подразделений на фронте и в тылу, подготовка весеннего наступления требовали соответствующего обеспечения, в первую очередь — хлебом. Поскольку транспорт далеко не всегда справлялся с подвозом продуктов, в Ставке разработали весьма оригинальный план проведения посевов яровых хлебов в непосредственной близости к фронту, силами самих солдат (при подавляющем «крестьянском» личном составе армии это было легко сделать). 25 февраля 1917 г. только что вернувшийся из Крыма Алексеев предложил предстоящей весной засеять силами специальных воинских команд (обозные, «выздоравливающие», призванные ратники ополчения) 150 тысяч десятин на территории Волынской губернии, в ближайших к Юго-Западному и Румынскому фронтам районах. Здесь были плодородные почвы, обещавшие высокие урожаи, а кроме того, привлечение солдат к полевым работам облегчило бы в какой-то мере тяготы однообразного «окопного сидения». «Армия сама себя прокормит». Этот план Алексеева был одобрен Государем и получил принципиальную поддержку от Управления земледелия и землеустройства. А 27 февраля 1917 г., тогда, когда в Петрограде уже начиналась революция, Алексеев обсуждал с Николаем II и Главнокомандующими фронтами план, в соответствии с которым предполагалось в период отсутствия активных военных действий существенно уменьшить повинности по отношению к местному населению (обеспечение подводами, размещение войск на постой, работы но строительству

укреплений). Все это призвано было хотя бы временно снизить напряженность в отношениях войск и местного населения, добиться эффективного использования всех наличных ресурсов фронта.

И все же русская армия и флот вступали в 1917 г. с большим военно-экономическим потенциалом, существенно возросшим по сравнению с началом войны; благодаря ему Восточный фронт был обеспечен боеприпасами и вооружением для последних боев Второй Отечественной. В подтверждение этого уместно привести статистику из исследования эмигрантского историка И.И. Бобарыкова «Мобилизация промышленности». Согласно ему, «месячное производство винтовок на русских ружейных заводах возросло с 32 000 штук в октябре 1914 г. до 128 000 штук в январе 1917 г. Месячное производство пулеметов на Тульском Оружейном заводе было до войны 60 штук, а к январю 1917 г. — 1200 штук. Месячное производство патронов к 1 января 1917 года было увеличено с начала войны в 30 раз и достигло 150 700 000 штук; производство 3-дюймовых пушек от 48 штук возросло до 418 штук в месяц, а ежемесячная сдача армии орудий всех калибров достигла к 1 января 1917 года 900 шт. Ежемесячная подача на фронт 3-дюймовых снарядов возросла с 39 500 до 335 0000. Ежемесячное производство взрывчатых веществ возросло с 1 350 пудов до 157 840 пудов, а количество артиллерийских химических заводов с начала войны до начала революции возросло: заводы взрывчатых веществ — с 24 на 100; кислотные заводы — с 1 на 33; заводы удушливых газов — с 1 на 42».

Как вспоминал позднее служивший в Ставке полковник В.И. Назанский, «напряженная работа Августейшего Верховного Вождя и Его помощника генерала Алексеева продолжалась целых полтора года. Твердо и с каждым днем все грознее врагу, неодолимый, как стена гранитная, стоял весь сухопутный фронт и все более развивал свои успехи Императорский Флот под Верховным Главнокомандованием Государя.

И несмотря на все усилия тыловых угнетателей духа народного, на бездарность многих патентованных генштабистов, на безнаказанность штатских и военных ненавистников царской власти, особенно интриговавших в высших штабах, Императорская Русская Армия в феврале 1917 года вполне была готова к нанесению зарвавшимся австро-германцам окончательного сокрушительного удара»{51}.

Глава IV.
В НАЧАЛЕ «РУССКОЙ СМУТЫ». 1917 г.

1. Роковые дни февраля и марта

Описывать события Февральской революции в деталях, очевидно, не стоит. Они довольно полно, порой даже по часам и минутам, изложены в многочисленных воспоминаниях, работах отечественных историков и публицистов. Имеет смысл остановиться лишь на наиболее важных, принципиальных моментах, связанных с действиями самого генерала Алексеева. Важно, не рассматривая слухов и версий о «предательстве своего Государя» почти всем российским генералитетом, попытаться ответить на вопрос — чем были продиктованы те или иные действия Начальника штаба и, в его лице, Ставки Главковерха.

Первые относительно подробные сведения о «беспорядках» были получены из Петрограда вечером 24 и 25 февраля, спустя сутки после начала антиправительственных выступлений. По весьма достоверным воспоминаниям полковника В.М. Пронина, офицера генерал-квартирмейстерской части Ставки, «особого значения» этим сведениям «как-то не придавали». Несмотря на то, что из Петрограда «доходили слухи» о могущих быть «крупных переменах наверху… о возможности революционного взрыва во время войны не допускалось и мысли». Телеграмма командующего Петроградским округом генерал-лейтенанта С.С. Хабалова хотя и сообщала о рабочих демонстрациях и столкновениях с полицией, все же отмечала, что «толпа разогнана», порядок в столице восстановлен и положение контролируется местными властями.

Однако в первых же телеграммах, полученных от Родзянко, содержались прямо противоположные сообщения о многочисленных выступлениях рабочих: говорилось, что в Петрограде «гражданская война началась и разгорается», а «правительство совершенно бессильно подавить беспорядок». Впрочем, поскольку председатель Думы давно имел в Ставке репутацию «паникера», его словам не придавалось большого значения, телеграммы первоначально оставались безответными, а призывы к формированию нового правительства «лицом, которому может верить вся страна», воспринимались как давнее намерение власти «законодательной» поставить под контроль власть «исполнительную». Алексеев лично передал Государю телеграммы Родзянко, однако ответа, ожидавшегося «прогрессивной частью» Думы, на них не последовало.

Большее доверие вызывала телеграмма военного министра генерала от инфантерии М.А. Беляева, утверждавшего, что «власти сохраняют полное спокойствие» и, хотя «сейчас еще не

удалось подавить бунт», но министр «твердо уверен в скором наступлении спокойствия, для достижения которого принимаются беспощадные меры». Сдержанно-оптимистичны были и телеграммы от премьер-министра князя Н.Д. Голицына, сообщавшего о роспуске Государственной думы и Государственного совета, произведенном благодаря полномочиям, полученным от Государя. Общая оценка положения со стороны центрального аппарата соответствовала настроениям той части офицеров Ставки, которые считали возможным решительными действиями установить диктатуру фронта над тылом — столица была объявлена на осадном положении. Как отмечалось выше, Алексеев вполне разделял подобные настроения.

Тем не менее Беляев и Хабалов просили незамедлительной отправки в Петроград «надежных войсковых частей», и Наштаверх намеревался «собрать кулак и ударить» по столице с наибольшей силой. Общий план собирания «кулака» представлялся Алексееву в виде выделения от Северного и Западного фронтов по одной бригаде пехоты и но одной бригаде кавалерии. И хотя еще в январе 1917 г. Петроградский военный округ был выделен из состава Северного фронта и наделен правами особой армии, с подчинением ее непосредственно командующему округом и Главковерху, Ставка не оставляла его без поддержки. 26 февраля Алексеев доложил Государю о необходимости назначить «диктатора» для подавления столичных беспорядков. Нужен был «твердый и энергичный генерал», каковым он считал Великого князя Сергея Михайловича (напомним, что еще в 1916 г. Алексеев предлагал его на должность Верховного министра государственной обороны). Вечером 27 февраля 1917 г. в разговоре но прямому проводу с начальником штаба Северного фронта генералом от инфантерии Ю.Н. Даниловым Алексеев информировал его об отправке в Петроград с Северного фронта двух пехотных (67-го пехотного Тарутинского и 68-го пехотного Бородинского), одного кавалерийского (15-го уланского Татарского) и одного казачьего (3-го Уральского) полков — «из самых прочных, надежных» — а также пулеметную команду для подавления возможного восстания. Из Ставки с Георгиевским батальоном должен был выехать генерал Иванов, наделенный чрезвычайными полномочиями и назначенный Николаем II на должность Командующего столичным округом (вместо Хабалова). Из Новгорода получила приказ выступить в столицу Конная гвардия. По поручению Алексеева дежурный генерал в Ставке П.К. Кондзеровский должен был «набросать проект предписания генералу Иванову с указанием тех полномочий, которыми он

снабжался». Кроме того, с Западного фронта к столице также следовала пехотная бригада (34-й пехотный Севский и 35-й пехотный Орловский полки), кавалерийский полк (2-й Лейб-Гусарский Павлоградский) и пулеметная команда. Из Выборга направлялись пулеметный взвод и комендантская рота. Ну а 28 февраля генералу Брусилову было предписано отправить к Петрограду Русскую гвардию — самые «надежные части»: Лейб-Гвардии Преображенский, 3-й Лейб-Гвардии Стрелковый Его Величества, 4-й Стрелковый Императорской Фамилии, Лейб-Гвардии Уланский Его Величества полки и 2-й Донской казачий полк.

Уже но собственной инициативе Алексеев направил к столице батальоны Выборгской и Кронштадтской крепостной артиллерии, две полевые радиостанции и указал Брусилову на возможность отправки также «одной из гвардейских кавалерийских дивизий». В общей сложности, таким образом, 12 полков (не считая отдельных команд и батальонов) снимались со всех фронтов против петроградских мятежников. Во главе их, по настоянию Наштаверха, должны были находиться «смелые помощники», «прочные генералы», решительные начальники, способные к исполнению любого, даже самого жестокого, требования своего нового Командующего округом. Из местных ополченских дружин предполагалось создать особые команды для охраны важнейших объектов и узловых станций на железных дорогах. На них должны были создаваться военно-полевые суды против революционных агитаторов и диверсантов. «Минута грозная, — писал Алексеев в штаб Северного фронта, — и надо сделать все для ускорения прибытия прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего». Начальнику Московского военного округа генералу от артиллерии И.И. Мрозовскому предписывалось объявить Москву на осадном положении, чтобы не допустить распространения революции но стране. В присутствии Государя Наштаверх сохранял спокойствие, и Николай II в письме к супруге 27 февраля отмстил это: «После вчерашних известий из города я видел здесь много испуганных лиц. К счастью, Алексеев спокоен, но полагает, что необходимо назначить очень энергичного человека, чтобы заставить министров работать для разрешения вопросов: продовольственного, железнодорожного, угольного и т.д. Это, конечно, совершенно справедливо».

Таким образом, упрекать Алексеева за «преступное бездействие» в создавшейся ситуации не приходится. Напротив, учитывая временное затишье на фронте, Наштаверх принимал все возможные меры для переброски армейских частей против

надвигавшейся революции. Нужно отметить также, что именно в эти дни у генерала начался новый приступ обострившейся болезни, сопровождавшийся резкими болями и заметным повышением температуры. Что касается политических «уступок», то здесь генерал опирался, первоначально, на предложения Великого князя Михаила Александровича, предлагавшего Государю утвердить на должности премьера, наделенного чрезвычайными полномочиями, князя Г.Е. Львова, как человека, хорошо зарекомендовавшего себя в отношениях с «общественностью», но затем стал склоняться к возможности введения «ответственного министерства», Преодолевая повышенную температуру и озноб, Алексеев «несколько раз был с докладом у Государя», информировал его о принимаемых мерах. Положение серьезно осложнялось тем, что предназначенные к отправке части предстояло снять с фронтовых позиций, переместить к местам погрузки и оперативно перевезти к местам сосредоточения для дальнейшего «похода на бунтующий Петроград». Сделать все это в течение нескольких дней не представлялось возможным.

По воспоминаниям генерал-лейтенанта А.С. Лукомского, возглавлявшего в те дни генерал-квартирмейстерскую часть Ставки, «представлялось совершенно неоспоримым, что посылка небольших частей из районов Северного и Западного фронтов никакого результата не даст… чтобы сорганизовать вполне достаточные и надежные отряды, требовалось дней 10—12 (пришлось бы некоторые дивизии снимать с фронта). За этот же период весь тыл был бы охвачен революцией, и, наверно, начались бы беспорядки и в некоторых войсковых частях на фронте. Получалась уверенность, что пришлось бы вести борьбу и на фронте, и с тылом. А это было совершенно невозможно». Разновременно отправленные под Петроград воинские части могли полностью «раствориться» в революционной среде.

По свидетельству генерала Данилова, первые эшелоны от Северного фронта могли подойти к столице уже через 18 часов после отправления. Примечательно, что во время недавней (январь 1917 г.) Митавской операции в частях фронта отмечались случаи неповиновения приказам и дезертирства. Для сосредоточения же надежного «ударного кулака» из отобранных «верных Престолу» войск требовалось значительно большее время{52}.

Сильное беспокойство у Алексеева вызывало неизменное желание Николая II как можно скорее оставить Ставку и выехать в Царское Село, где, как ему представлялось, находилась в опасности его семья. Были получены сведения о переходе на

сторону восставших частей Петроградского гарнизона, и пригородный Царскосельский гарнизон мог легко последовать их примеру Дети заболели корью, и внимание Императрицы никак не могло быть отдано «политическим» делам. Все это чрезвычайно беспокоило царя, и после недолгих колебаний он решил оставить Могилев. Алексеев, напротив, был убежден, что оставлять Ставку в столь неопределенном положении и рисковать отъездом к «бунтующему Петрограду» — недопустимо. Государя пытались убедить в том, что, «оставаясь в Ставке, он остается при армии, под ее защитой», что из Могилева «можно организовать управление страной» и при этом «задушить, изолировать со всех сторон» мятежный Петроград.

Пронин подтверждал слова Алексеева о том, что тот «на коленях умолял Его Величество» не уезжать и «даровать стране ответственное министерство». Вариант с «ответственным министерством» не исключался принципиально Алексеевым, и не в силу своей якобы большей «либеральности» или «демократичности» в сравнении с военной диктатурой, а лишь постольку, поскольку он мог способствовать «умиротворению тыла». Следует отметить, что к 28 февраля правительство во главе с Голицыным уже заявило о «коллективной отставке», а министры Хабалов и Беляев окончательно утратили возможности оперативной ликвидации «петроградского бунта».

Николай II твердо отказался вводить «ответственное министерство», но колебался в своем решении покинуть Ставку. Поздним вечером 27 февраля Алексеев получил от Главковерха заверение в том, что он не поедет в Царское Село. Но неожиданно Государь изменил свое решение и около полуночи поставил об этом в известность Алексеева. Спешно приехавшему на вокзал генералу, который снова просил своего начальника остаться в Ставке, Николай II коротко ответил: «Михаил Васильевич, а я все-таки решил уехать!» В 6 часов утра Государь покинул Могилев в сопровождении небольшого конвоя, отправляясь в Царское Село.

Бубнов в своих воспоминаниях отмечал, что упреки в адрес Государя за его столь скоропалительный отъезд в Царское Село и оставление верховного командования «в руках тяжело больного, глубоко подавленного Алексеева» не вполне обоснованы. «Если бы революционеры захватили в Царском Селе всю Царскую семью с Царицей и Наследником и обратили бы их в своих заложников, Государь, оставаясь в Ставке, неминуемо бы также покорился их требованиям. К тому же, учитывая ненормальное положение, сложившееся в Верховном командовании, где все было в руках Начальника штаба, можно с уверенностью сказать, что останься Государь в Ставке, ход событий от этого не изменился бы».

Причины же подобной настойчивости Алексеева в убеждении Государя не покидать Ставку, очевидно, были связаны не только с беспокойством за судьбу Николая II, но и с сугубо психологическим состоянием самого генерала — колебавшегося и не уверенного в возможности самостоятельного управления фронтом и тылом в отсутствии своего «начальника».

Начальнику штаба была поручена координация действий по отправке войск к Петрограду. Утром 28 февраля из Ставки выехал Георгиевский батальон. В течение дня Алексеев, выполняя приказ Главкома, следил за погрузкой и отправкой войск, надеясь, что «Петроградский бунт все-таки будет подавлен вооруженной силой». Вечером от Алексеева в штабы Северного и Западного фронтов поступило предписание о том, что «если обстоятельства потребуют дальнейшего усиления войск, направленных в Петроградский округ, то подлежат отправлению остальные полки и батареи 2-й и 15-й кавалерийских дивизий. От Юзфронта предназначена часть гвардейских полков, которые отправятся, когда позволят условия железнодорожного движения».

С вечера 28 февраля 1917 г. начались самые тяжелые часы для Ставки. Непосредственной связи с императорским поездом не было, в литерных составах отсутствовали телефонные аппараты, и, по свидетельству Пронина, «сведений о местонахождении Государя, несмотря на все принятые меры, в этот день добыть не удалось; было лишь известно, что Государь не прибывал в Царское. Настроение в Ставке нервное и мрачное… Весьма сложный государственный механизм остался без руководства, без управления. Правительства нет, и Государь неизвестно где». Еще утром 28 февраля в Ставку поступило сообщение о том, что власть в столице фактически перешла к «самочинно созданному» Временному комитету Государственной думы во главе с Родзянко. На следующее утро, 1 марта, «телеграфная связь Ставки с Царском Селом была прервана», и от «революционного» коменданта Петрограда полковника Б.Л. Энгельгардта пришло распоряжение, что «все телеграммы, адресованные в Царское и Петроград, должны направляться по прямому проводу в Государственную Думу». Явочным порядком вводилась «революционная цензура». Со штабом Северного фронта у Петрограда сохранялась прямая связь, но, по свидетельству генерал-квартирмейстера фронта В. Г. Болдырева, в Ставку к Алексееву отправлялись телеграммы уже скорректированные, с учетом обстоятельств «условности». Нельзя исключить и возможности телефонных переговоров между Родзянко и Рузским, содержание которых, конечно же, оставалось неизвестным в Ставке. Примечательно, что Алексеев вскоре после отречения

Государя заявил генералу Лукомскому, что никогда не простит, что поверил лживой информации Родзянко и генерала Рузского.

Лично Алексеев первоначально не вел каких-либо переговоров с «паникером» Родзянко, отправляя телеграммы Хабалову Беляеву или Голицыну. Только получив известие от Энгельгардта, генерал в категорической форме потребовал от Родзянко незамедлительно восстановить прерванное с Петроградом прямое сообщение, предупредив о гибельности подобного вмешательства столичных политиков в дела фронта.

Тем не менее Михаил Васильевич полагал, что Временное правительство стремится к «незыблемости монархического строя в России» и ожидает «приезда Его Величества», заявляя лишь о «необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства». Поэтому в телеграмме генералу Иванову, переданной 1 марта в Царское Село, Алексеев не исключал возможности «переговоров», которые «приведут к умиротворению» и «позволят избежать междоусобицы, столь желанной нашему врагу». Но реальные — революционные — настроения были весьма далеки от таких «переговоров». Вообще, готовность к активным действиям у генерала Иванова, хотя и известного своим жестким подавлением восстания в Кронштадте летом 1906 г., по прошествии десяти лет уже не была столь очевидной. Полковник Сергеевский вспоминал, что его «годы и характер совершенно не отвечали задаче решительного подавления революции, а государственный кругозор — требованиям поддержания или восстановления государственного порядка»{53}.

Понимая значение настроений в армейской среде, Алексеев разослал Главнокомандующим армиями фронтов телеграмму, в которой предупреждал, что «события в Петрограде, сделавшие революционеров временно хозяевами положения, конечно, известны нашему противнику, быть может, принявшему довольно деятельное участие в подготовке мятежа», что «противник попытается использовать наши внутренние затруднения и проявить известную активность на фронте в предположении, что события в Петрограде отразятся на настроении и боевой готовности наших войск». Примечательна запись в дневнике генерала Болдырева: «Вопрос — учуют ли немцы, что мы на целых две дивизии ослабили себя для новой борьбы — теперь уже со своим, потерявшим и веру, и терпение, народом?»

Если в борьбе с «внешним врагом» цели и задачи были ясны, то для ведения успешной борьбы с «внутренним врагом» в условиях тяжелейшей войны надежность воинских частей становилась относительной. Примером того, что могло бы стать

даже с «верными Престолу» воинскими частями, являлись действия Георгиевского батальона — авангарда правительственных войск. Лукомский отмечал, что вместо начала «решительных действий» сразу после высадки батальона облеченный «диктаторскими полномочиями» генерал Иванов по прибытии в Царское Село вступил в переговоры с представителями местной власти. В результате «разагитрированный» батальон заявил о своем «нейтралитете». В схожей ситуации оказались и эшелоны отправленной с Северного фронта пехотной бригады. Остановленные на станции Луга и разагитированные местным Советом солдатских депутатов воинские части отказались следовать далее на Петроград. Возможно, не поддались бы подобной «агитации» полки Гвардии (Лукомский считал важным для Государя встать во главе Особой армии, с которой наступать на Петроград), но для их переброски с Юго-Западного фронта и сосредоточения под столицей требовалось значительно больше времени, чем для бригад Северного и Западного фронтов, отправку частей Северного фронта удалось начать еще 28 февраля, Западного — 1 марта, так как гвардейцев с Юго-Западного фронта предполагалось отправить лишь 2—3 марта. Правда, руководитель действий восставших в Петрограде со стороны большевиков Л. Г. Шляпников, уверенный в полном крушении верноподданнических «иллюзий» у всех солдат, позднее красноречиво заметил: «Не знаем, что помешало царю последовать совету генерала Лукомского, но можно с уверенностью сказать, что эта попытка кончилась бы тем, что Николай II был бы приколот значительно раньше теми же самыми гвардейцами».

28 февраля Алексеевым была составлена и отправлена Главнокомандующим фронтами обширная ориентировочная телеграмма, включавшая в себя изложение полученных из столицы сообщений за последние дни. Перед Главнокомандующими проходила картина нарастающего развала власти в Петрограде, паралича столичных военных и полиции и одновременно успешного создания новых, «самочинных» органов управления — до Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов включительно. Заканчивал Алексеев телеграмму словами: «Сообщая об этом, прибавляю, что на всех нас лег священный долг перед Государем и Родиной сохранить верность долгу и присяге в войсках действующих армий, обеспечить железнодорожное движение и прилив продовольственных запасов»[{54}].

Надежды Михаила Васильевича на «подавление вооруженной силой» бунта окончательно исчезли после полученных днем 1

марта сообщений о том, что «полная революция» произошла в Москве, и на сторону мятежников перешел Кронштадт. К 200 тысячам восставших солдат Петроградского гарнизона добавились 130 тысяч солдат Московского гарнизона и 100 тысяч из состава балтийских экипажей. И если раньше можно было рассчитывать на создание «ударного кулака» против одной только столицы, то теперь для подавления революционного Московского гарнизона и Балтийского флота сил, очевидно, не было. Теперь решающую роль в возможном развитии событий играли уже не эмоциональные настроения в Ставке или в обеих столицах, а простой математический расчет. Известная телеграмма командира 3-го конного корпуса генерала от кавалерии графа Ф.А. Келлера, в которой он заявлял о верности полков своего корпуса Государю, была написана 6 марта, гораздо позднее отречения. Да и степень «верности Престолу» граф мог преувеличивать, ведь именно в его корпус входила дивизия, под командованием генерала Крымова — непосредственного участника заговора Гучкова.

В Ставке были получены сведения и о неповиновении ряда частей Царскосельского гарнизона. В телеграмме Данилову, отстаивая необходимость отречения, Лукомский сообщал, что «вся Царская семья находится в руках мятежных войск, ибо, по полученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками… если (Государь. — *В. Ц.)* не согласится, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война, и Россия погибнет под ударом Германии, и погибнет вся династия». По мнению Лукомского, «решение подавить революцию силой оружия, залив кровью Петроград и Москву, не только грозило прекращением на фронте борьбы с врагом, а было бы единственно возможным только именно с прекращением борьбы, с заключением позорного сепаратного мира. Последнее же было так ужасно, что представлялось неизбежным сделать все возможное для мирного прекращения революции — лишь бы борьба с врагом на фронте не прекращалась. Кроме того, было совершенно ясно, что если бы Государь решил во что бы то ни стало побороть революцию силой оружия и это привело бы к прекращению борьбы с Германией и Австро-Венгрией, то не только наши союзники никогда этого не простили бы России, но и общественное мнение России этого не простило бы Государю. Это могло бы временно приостановить революцию, но она, конечно, вспыхнула бы с новой силой в самое ближайшее время и смела бы не только правительство, но и династию»{55}. В этой ситуации оставалось надеяться исключительно на «политические методы».

Только в 3 часа дня 1 марта в Ставке были получены долгожданные, хотя и весьма неутешительные, сведения от Воейкова о местоположении литерных поездов Государя. Они находились на станции Дно. Проехать в Царское Село не удалось. Предполагалась встреча с Родзянко, который якобы намеревался приехать к Государю для переговоров. Алексеев, узнав о местонахождении поездов, немедленно телеграфировал Воейкову, в последний раз безуспешно уговаривая Государя вернуться в Ставку. Но блокированные в своем движении к Петрограду два литерных поезда Главковерха направились в Псков, в месторасположение штаба Северного фронта, куда они и прибыли поздним вечером того же дня. Допуская в изменившейся ситуации возможность создания «ответственного министерства», Алексеев решил все-таки настоять перед Государем о согласии с прежними условиями Комитета Государственной думы.

К тому же первая полученная от Николая II телеграмма, отправленная на имя генерала Иванова, предписывала до приезда Государя в Царское Село войскам, направленным в Петроград, «никаких мер не предпринимать». А утром 2 марта, после почти двухсуточного перерыва, были получены известия и от самого Государя. В собственноручно написанной телеграмме (№ 1064) на имя Главного Начальника военных сообщений (с копией наштаверху) Николай II приказывал остановить движение эшелонов с войсками на Петроград.

Казалось бы, вероятность мирного разрешения конфликта сохранялась. В Псков был отправлен составленный Алексеевым, Лукомским, камергером Н.А. Базили и Великим князем Сергеем Михайловичем проект Высочайшего Манифеста о «даровании ответственного министерства», его основой стал текст Манифеста 1914 т. об объявлении войны. Предполагалось введение «ответственного перед представителями народа Министерства», возложив на председателя Государственной думы Родзянко образование его из лиц, «пользующихся доверием страны».

Сам Михаил Васильевич почти ничего не писал про эти важнейшие в его жизни события. Лишь в сохранившихся записях, которые он вел после отставки, в Смоленске летом 1917 г., было отмечено: «В дни переворота мне сильно нездоровилось. В.Н. Клембовский (генерал от инфантерии, помощник начальника штаба Ставки. — *В.Ц.)* вел переписку, размеры которой возросли в эти дни до крайности. Оперативная, военная часть отошла на задний план; война была забыта; впереди всего стала внутренне политическая сторона; судьба войск, двинутых к Петрограду под начальством Иванова, удержание всей армии в порядке. В то время как Лукомский, генерал-квартирмейстер, выбранный и

выдвинутый тоже генералом Гурко в дни моей болезни, ярко определенно стал на сторону удаления от дела бывшего Государя, Клембовский ни словом не выдал своего мнения, своего взгляда. С точностью машины он выполнял указания, получаемые от меня». Там же, в Смоленске, в кругу семьи Алексеев нередко вспоминал многие эпизоды февральско-мартовских дней в Ставке, надеясь в обозримом будущем все это «изложить на бумаге»…

Итак, в ночь на 2 марта согласие Государя на подписание Манифеста об «ответственном министерстве» было получено, и соответствующее сообщение было отправлено в Петроград. Однако вскоре из штаба Северного фронта от генерала Данилова пришло телеграфное сообщение, излагавшее ход переговоров генерала Рузского с Родзянко, который, вопреки ожиданиям, на переговоры не приехал. Суть сообщения сводилась к тому, что «династический вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до победного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения Государя от Престола в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича». Иными словами: спасти монархию, пожертвовав монархом.

Алексеев получил эту депешу из Пскова. Как он предполагал, это был согласованный Государем с Рузским и Родзянко текст. После этого, по переданной ему просьбе Государя (а не по собственной инициативе), он разослал ее содержание Главнокомандующим фронтами. Но при этом сопроводил ее собственным добавлением, ставшим позднее самым главным обвинительным аргументом всех его критиков. Вот эти слова: «Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что продовольственное существование Армии и работа всех железных дорог находятся фактически в руках Петроградского Временного правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу династии, поставив все это на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок… потеря каждой минуты может стать роковой для существования России…

Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а решения относительно внутренних дел должны избавить ее от покушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху». Главнокомандующим армиями фронтов Алексеев предлагал: «… телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую

просьбу Его Величеству через Главнокомандующего Северным фронтом, известив меня»{56}.

Возникает, естественно, закономерный вопрос об определенной противоречивости в действиях Алексеева: как было возможно так быстро отказаться от полученного с таким трудом согласия Николая II на «ответственное министерство», чтобы признать революционные, в сущности, предложения Родзянко и Рузского, связанные с необходимостью отречения Государя? Как можно было написать об отречении, даже в предположительном тоне? С этой стороны, действия Алексеева, очевидно, представлялись «изменническими».

Но так ли все просто? С другой стороны, Алексеев, в характерной для него манере ведения дел, отнюдь не берет на себя права требовать от Главнокомандующих конкретного ответа, а лишь информирует их о революционном движении в тылу. Он предлагает признать чрезвычайность условий существования единственной, фактически, власти в охваченной восстанием столице. Несмотря на то, что Рузский в это же время настаивал на необходимости Алексееву принять на себя полномочия Верховного Главнокомандующего (в силу отсутствия связи с Государем), Михаил Васильевич подобного самочинного решения не принял. Последнее, решающее слово, как и всегда прежде, должно было оставаться только за Государем. Да и с точки зрения «Положения о полевом управлении войск», начальник штаба мог взять на себя Верховное командование только в случае абсолютно установленного факта невозможности выполнения Главнокомандующим своих полномочий. Связь же с Государем, хотя и опосредованная, была установлена, причин для беспокойства за его жизнь, как представлялось в Ставке, не было.

Получив от Главнокомандующих фронтами ответы, в которых все они признавали отречение единственно возможным выходом, Алексеев отправил их Государю в Псков, добавив от себя: «Всеподданнейше докладывая эти телеграммы Вашему Императорскому Величеству, умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам. Промедление грозит гибелью России. Пока Армию удается спасти от проникновения болезни, охватывающей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города, но ручаться за дальнейшее сохранение дисциплины нельзя. Прикосновение же армии к делу внутренней политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России, развал ее. Ваше Императорское Величество горячо любите Родину, и ради ее целости, независимости, ради достижения победы, соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем

тяжелого положения. Ожидаю повелений».

Таким образом, в этой телеграмме Алексеев не говорил о необходимости именно отречения от престола. Он отмечал лишь, что Государь должен «принять решение». Именно такое, какое станет нужным и оправданным в сложившихся условиях. А каким оно будет — решит сам Николай II.

Еще более точно об этом написал в своем неопубликованном до настоящего времени исследовании внук Михаила Васильевича — Михаил Борель: «Следует обратить внимание на заключительные слова телеграммы генерала Алексеева: “Жду повелений” — которые однозначно говорят, что Алексеев ждет повелений Царя, а не отрекшегося Императора, так как весьма ясно, что отрекшийся монарх уже терял право повелевать. — “Жду повелений” от Царя не отрекшегося — таков прямой смысл этих слов».

Борель развивает этот тезис до весьма логичного и небезинтересного вывода: поскольку Алексеев не замечал в течение войны каких-либо симпатий Государя к политическим реформам, то он был уверен, что никакого иного «повеления», кроме сохранения самодержавия, Николай II не примет. Также и слова о решении, «которое Господь Бог внушит Вам», Борель истолковывает так: «Генерал Алексеев имел в виду хорошо ему (Алексееву) известную, определенную и непоколебимую, как бы внушенную Господом Богом, точку зрения Государя, которую вполне разделял и сам Алексеев (почему в Ставке и говорили, что Государь и Алексеев “спелись”), что во время тяжелой и кровопролитной войны недопустимы никакие крупные политические перемены внутри страны (поэтому Государь долго не соглашался даже на дарование ответственного министерства, несмотря на настойчивое требование Думы)».

«Не подлежит сомнению, — утверждает Борель, — что генерал Алексеев, категорически отвергая какие-либо крупные политические перемены в стране, не мог, противореча самому себе, внезапно встать на сторону Родзянко, Думы и генерала Рузского, да еще приняв во внимание и то обстоятельство, что связь Ставки с Петроградом из-за забастовок была очень плохой, а кроме того, и отношение Родзянко, Гучкова и многих других думских было (но отношению к Алексееву) отрицательным.

Кроме того, ни при каких обстоятельствах у Алексеева не могла произойти в его взглядах за 24 часа такая радикальная перемена, то есть начать отрицать сегодня то, что еще вчера было свято. И необходимо подчеркнуть, что перед отбытием Государя из Могилева (в ночь с 27 на 28 февраля 1917 г.), во время ежедневных докладов Алексеева Государю, в разговорах Царя не

было ни намека на возможность такого внезапного отречения.

Так что генерал Алексеев и не мог, и не хотел ни в какой степени поддерживать мятежников, засевших в Думе во главе с Родзянко и его приспешником генералом Рузским», — правомерно заключает Борель. Причины перемены настроений у Алексеева он видит в неожиданной реакции Главнокомандующих фронтами на запрос из Ставки: «Из рассказов моей бабушки, вдовы генерала Алексеева, нам известно, что генерал Алексеев был поражен и шокирован ответной телеграммой Великого князя Николая Николаевича, дяди Государя и бывшего Верховного Главнокомандующего всей Русской армии с 1914 года, иными словами — бывшего прямого начальника генерала Алексеева, а кроме того, как члена Императорской Фамилии, то есть персоны, стоявшей но рангу гораздо выше Алексеева…

И несмотря на неожиданный по содержанию ответ Великого князя Николая Николаевича, генерал Алексеев все-таки рассчитывал на хорошо известную ему (Алексееву) точку зрения Государя — не допускать радикальных политических перемен в государстве во время тяжелой войны (по этой же причине Государь медлил с Манифестом о даровании ответственного министерства».

Да, действительно, можно отметить недостаток инициативы у Алексеева в его взаимоотношениях с Государем (к сожалению, подчас характерной для генерала в критических ситуациях). Михаил Васильевич не мог и не стал требовать от Главкома решительных действий но «наведению порядка в стране».

Проявлялась, по существу, установившаяся для всего периода 1915—1916 гг. субординационная зависимость, при которой Начальник штаба, «фактический руководитель» боевых действий, лишь советует Государю, информирует его о положении дел, подсказывает, но, никоим образом не диктует и не настаивает на принятии конкретных решений. Это вполне объяснялось не только тем обстоятельством, что Николай II был Главнокомандующим, а Алексеев — его формальным подчиненным и фактическим помощником. Очень верно заметил позже эту психологическую особенность характера Наштаверха Лукомский в переписке с Деникиным по поводу издания первого тома «Очерков русской смуты»: «Начавшиеся в Петрограде события должны были его (Алексеева. — *В.Ц.)* побудить, определенно заставить Государя с места дать ответственное министерство и затем принять решительные меры для подавления “Петроградского действа”. И он это сделать не мог, но… что ему помешало?» Ответ Деникина был краток и точен: «Вы упрекаете Алексеева за то, что он якобы мог сделать, но не

сделал: заставить Государя пойти на реформы и подавить “Петроградское действо”? Нет, не мог — по слабости своего характера и по неустойчивости Государева характера». Еще раньше эта же черта характера Михаила Васильевича обозначалась Лемке (правда, по другому поводу) как порочное следование «ложной теории уступок в малом (если это именно малое), чтобы одерживать победы в большом, чего, конечно, никогда на практике не будет»[57].

Именно эта, сущностная, черта — «непредрешенчество» в принятии принципиальных военно-политических решений, выходящих за рамки прав и полномочий, неукоснительное следование указаниям своего начальника — определяла поведение Михаила Васильевича. Обладай Алексеев более сильной волей, большей степенью влияния на Государя, стремлением не только фактически, но даже и формально (если речь идет о критических ситуациях) брать ответственность на себя, возможно, ему удалось бы склонить Николая II к заблаговременному принятию указа об «ответственном министерстве», и (что представляется наиболее важным) убедить не оставлять Ставку в столь критические для фронта и тыла дни.

Нужно учитывать и то, что психологически Михаил Васильевич не был готов к принятию на себя всей полноты управления войсками и контактов с генералами. Всю свою многолетнюю службу он провел в убеждении, что неуместная инициатива в обход иерархии чинов и званий наказуема, вредна и опасна, что армия основана на четкой субординации и дисциплине — в повиновении, в послушании нижестоящих перед вышестоящими. Поэтому последнее слово нужно было ожидать от самого Императора.

Позднее, в период формирования Белого движения, Алексеев всячески стремился от этого недостатка решительности избавиться, но в те критические для России дни многое было иным. Это, однако, никоим образом не свидетельствует о сознательной, заранее готовившейся «измене» высшего генералитета своему Главкому, о «низменной», «предательской сущности» генерала Алексеева, его «подлой» причастности к некоему «генеральскому путчу», «заговору» и т.п., как порой представляется в произведениях эмигрантской и современной российской исторической публицистики.

Ко 2 марта перспективы силового «подавления Петроградского действа» представлялись исчерпанными, но сохранялись надежды на возможность политических уступок, пойдя на которые, очевидно, можно было бы сохранить стабильность фронта и тыла. Здесь главным становился вопрос о

пределах этих «уступок». Ни для кого в высшем военном руководстве не было сомнений в том, что введение «ответственного министерства», — правительства, зависимого от парламента, — самым существенным образом изменит сложившуюся, «третьеиюньскую» систему управления, т.н. «Думскую монархию». И еще более эта новая модель власти отличалась бы от той, самодержавной, Богом данной власти, которой присягал Государь Император при вступлении на престол. Конечно, монархический строй сохранялся бы, но, как уже отмечалось, фактически произошла бы «жертва монархом» ради «сохранения монархии», да и монархии «ограниченной». Как точно замечал об этом генерал Дитерихс, «диктуемые формы (правления) не соответствовали духу Помазанника».

Насколько это было приемлемо для самого Николая II — сложно сказать. Но для Алексеева было очевидно, что новый глава государства будет более подходящим для управления изменившейся системой власти. Да и должность Верховного Главнокомандующего, по мнению многих военных, больше подходила к харизматической фигуре Великого князя Николая Николаевича. Ведь даже в упомянутой выше «верноподданнической» телеграмме графа Келлера говорилось об «удовлетворении», с которым чины корпуса встретили известие, что Императору «благоугодно было переменить образ управления нашим Отечеством и дать России ответственное министерство», а новость о «возвращении к нам… нашего старого Верховного Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича» вообще была бы встречена «с великой радостью».

И все же ни в коем случае нельзя забывать самого главного в тех событиях почти 100-летней давности… Несмотря на все политические споры, проекты и предположения, оставалось та единственная, главная, важнейшая цель, ради которой можно и должно было идти на любые политические уступки: победа в Великой войне, победа жизненно важная для России, для фронта и тыла, для политиков и военных, для всего народа. Затянувшуюся, тяжелую войну нужно было заканчивать. Но заканчивать не «сепаратным» или «похабным» миром, а только победой, достижением тех целей, ради которых на фронте погибали сотни тысяч солдат и офицеров. Каждый, пусть и незначительный, на первый взгляд, успех на фронте, каждый километр отвоеванной у врага земли, каждая смерть в бою — приближали час победы. Алексеев и Николай II одинаково понимали это. Об этом Алексеев говорил в своих телеграммах и к Главнокомандующим армиями фронтов, и к самому Верховному. Для него интересы России, результаты столь важной, столь

ожидаемой победы в тяжелейшей войне — гораздо важнее, выше обретения той или иной формы политического устройства.

Это прекрасно понимал и сам Государь Император. «Нет той жертвы, которой я не принес бы во имя действительного блага и для спасения Родимой Матушки-России» — эти слова ответа Николая II на запрос об отречении лучше всего остального объясняли причины им “принятого решения”. По воспоминаниям Борисова, “в глубине своей души великий, но несчастный Царь допускал разделение понятия “измена”: на “измену Царю” и на “измену России”, — и, очевидно, склонялся “измену России” считать преступнее “измены Царю”. Великодушный Царь избавил своих верноподданных от всякого подозрения в “измене Царю” тем, что поспешил отречься от Престола и тем освободил их от данной ими присяги».

В изменяющихся условиях военного и гражданского управления Алексеев стремился к максимально возможному сохранению преемственности власти, к недопущению скоропалительных, непродуманных перемен. Борисов отмечал: «Сознавая, насколько отречение Царя может тяжело повлиять на армию, Алексеев стремился, чтобы Николай II, перестав быть Царем, все же некоторое время оставался бы Верховным Главнокомандующим и этим как бы примирил раздоры в армии… По плану Алексеева, через некоторое время Государя должен был сменить прибывший с Кавказа Великий князь Николай Николаевич».

По оценке контр-адмирала Бубнова, Верховное командование несомненно знало о росте революционных настроений в столице, однако предпринятых контрмер оказалось явно недостаточно. «Возможно было бы еще спасти положение принятием энергичных мер в самые первые дни революционного движения, т.е. 25 и 26 февраля. Но для этого Верховное командование и главнокомандование Северо-Западного фронта должны были находиться в руках прозорливых, смелых и решительных боевых начальников, каковыми ни генерал Алексеев, ни тем более генерал Рузский не являлись». Алексеев, по мнению Бубнова, не согласился с доводами о необходимости вывода из Петрограда на фронт многочисленных запасных частей Гвардии и на их замену строевыми гвардейскими частями с фронта. «Возможно, — отмечал Бубнов, — такая непредусмотрительность генерала Алексеева… обусловливалась тем, что он с отвращением относился ко всем вопросам, связанным с внутренней политикой и предпочитал искать решений в “чистой” сфере знакомого ему дела — на фронте.

Генерал Алексеев уже давно подготовлял, как мы знаем, к

весне 1917 года прорыв неприятельского фронта, который должен был бы принести нам окончательную победу. Он лично разработал во всех деталях план этого прорыва и назначил всякой войсковой части ее место и задачу в этой операции, так что всякая войсковая часть была у него на счету Особенно же важную и ответственную роль должна была сыграть в этой операции гвардия, которая именно для этого и была сосредоточена в соответствующем районе Юго-Западного фронта, далеко от столицы.

Прорыв этот должен был начаться в марте, как только будет благоприятная погода, и генерал Алексеев ревниво охранял всякую войсковую часть, которая должна была в нем участвовать, руководствуясь при этом теми же соображениями, какими он руководствовался при отказе дать войска для Босфорской операции, питая надежду, что мы достигнем победы раньше, чем вспыхнет революция.

Конечно, если бы его надежды оправдались, он был бы вознесен историей на степень гениального полководца, которая, однако, его дарованиям не соответствовала, — считал Бубнов, — ибо гениальным делает полководца способность предусматривать все, что может помешать исполнению его замысла. То, что генерал Алексеев не предусмотрел столь очевидной опасности, как революция, которая угрожала его оперативному замыслу, и не принял против этого соответствующих мер, значительно умаляет его полководческие способности и лежит на его ответственности»[{58}].

Для полноты представления о душевном настрое Государя и Алексеева в те роковые дни, представляется важным напомнить отрывок из известного исследования генерала Дитерихса «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», написанного и изданного в период работы Приамурского Земского собора во Владивостоке в 1922 г.

«В этот трудный и ответственный момент государственной жизни России единственным советником при Государе был Его Начальник Штаба, генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев. Слишком известный, как выдающийся военный авторитет, чтобы останавливаться много на его характеристике, Михаил Васильевич, опытный и решительный в комбинациях и проведении стратегических операций, был чужд политическим движениям и так же, как и Государь, мягок и любвеобилен в вопросах внутренней гражданской жизни. С государственной точки зрения Государя на оценку последствий настоящей войны, Алексеев, по своему стратегическому уму, подходил к мировоззрению Императора ближе, чем все остальные Его

советники и сотрудники. Но так же, как и Государь, он в ужасе останавливался перед принятием решений, могших, хотя бы со слабой долей вероятия, угрожать открытию внутренней кровопролитной и братоубийственной распри в то время, когда все силы и средства должны быть направлены на сохранение боеспособности фронта.

Государь и Алексеев, будучи сами по себе идеально чистыми и честными людьми, склонны были видеть те же качества и в окружавших их сотрудниках, слишком доверчиво относясь к честности и благоразумию исполнителей своих предначертаний.

Отсюда их колоссальная доверчивость, неумение разбираться в людях и одиночество в идейном творчестве.

Государь, посоветовавшись с Алексеевым, послал Председателю Совета министров повеление прервать заседания Государственной думы и Государственного совета до апреля месяца, но в то же время, побуждаемый, как Помазанник Божий, господствовавшим в Нем надо всем чувством бесконечной любви к Своим подданным, не был способен принять “гражданские” крутые меры в отношении отпавших от Него в грех по вере соблазнившихся членов Государственной думы. Он неохотно согласился на представление генерала Алексеева — подготовить к отправке в Петроград, в случае надобности, от Северного и Западного фронтов по одной бригаде пехоты и одной бригаде кавалерии, но приказал их не двигать впредь до Его личного указания, тем более, что военные власти Петрограда не теряли надежды справиться с уличными беспорядками своими средствами, прибегая к оружию лишь в крайних случаях…

Вечером 26 февраля, из совокупности донесений военных и правительственных агентов власти, Государь увидел, что среди военных начальников Петрограда нет должного единения как между собой, так и с администрацией города, а агенты правительственной власти проявляют признаки полной гражданской слабости и стремление поддаваться влиянию общих политических тенденций Думских революционных агентов. Государь в этот вечер долго беседовал с Михаилом Васильевичем Алексеевым, и с уверенностью можно заключить, что именно за эту ночь в Нем вполне определились те пути Его действий в последующие дни, которые исходили из духовных побуждений и принципов мировоззрения Царя, руководившего Им в течение всей Его жизни и, особенно, в период со времени начала этой последней грозной и ужасной европейской войны…

Смотря на все развертывавшиеся события с точки зрения сохранения государственного единства России и возбуждения се духовных сил для доведения войны до победоносного конца,

Государь в предстоящих изысканиях выхода из создавшегося текущего момента предусматривал возможность изменения порядка образования исполнительного правительственного органа, что и высказывал как генералу Алексееву, так и генералу Иванову. Но, понимая, что конституционные тенденции русского интеллигентного общества совершенно не разделяются историческим мировоззрением народа “всея земли”, Он допускал найти почву для примирения двух сталкивающихся тенденций общественной и народной идей в сохранении инициативы государственного шага за Собой, как за Помазанником Божиим, стоящим в чувстве народной массы не только выше всякого Своего подданного, но и выше всякого другого закона, управляющего жизнью всего Государства…

Когда глубокой ночью с 28 февраля на 1 марта на станции Малая Вишера Ему доложили, что Тосно занято восставшими революционерами и следовать дальше в этом направлении нельзя, Он понял…

Он понял неминуемость разложения фронта под влиянием яда клеветы, потерю Россией боеспособности для продолжения внешней борьбы, гибель государства, гибель Богом вверенного Ему народа…

Надо было остановить распространение заразы… Остановить немедленно опасность… Остановить какой бы то ни было ценой…

Он понял, что как Помазанник Божий и как Царь русского государства, при обстоятельствах, когда руководящие круги населения, отвергнув Божественность власти, стали между Ним и народом “всея земли”, Он может и должен принести себя в жертву для будущего блага России Самого Себя… Он был в этот момент только русским Помазанником Божиим… Он был только для России».

Но все эти выводы и оценки будут сделаны уже спустя годы. А тогда, в начале марта 1917-го, перемены во власти, следующие за отречением Николая II, представлялись в Ставке вполне приемлемыми: династия Романовых продолжается, поскольку на престол вступит, по достижении совершеннолетия, юный Цесаревич Алексей Николаевич; готовый к сотрудничеству с общественностью регент Михаил Александрович Романов определяет государственную политику в сотрудничестве с представителями Государственной думы, на началах «ответственного министерства». Российские вооруженные силы возглавит авторитетный военачальник Великий князь Николай Николаевич Романов, а «бунташный» столичный округ окажется под командованием «популярного и авторитетного в глазах населения», «доблестного боевого генерала», имя которого было

названо в дневной телеграмме Родзянко, — генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова. Он, по мнению Алексеева, сможет добиться «успокоения столицы и водворения порядка». Подобное сочетание руководителей военной и гражданской власти, как казалось многим, наилучшим образом обеспечивало главное — необходимое для победы «единство фронта и тыла».

Лукомский и Базили отправили в Псков скорректированный текст Манифеста, в котором слова об ответственном министерстве были заменены на слова об отречении Императора от престола в пользу сына… Николай II отрекался от трона, Алексей вступал на престол, Михаил делался регентом, Россия становилась конституционной монархией. Дума получала полную свободу выполнять свои государственные обязанности, связанные с продолжением войны. Генерал Борисов вспоминал: «Алексеев вошел ко мне в комнату и сказал: “Поздравляю вас с конституционной монархией”. Он был доволен, и спокоен за будущее войны, а с нею — и России. Я спросил: “Отчего не с республикой?” Алексеев ответил: “Для республики у нас нет готовых людей”. Этот ответ Алексеева показывает глубину его государственного взгляда. Но кругом уже все шло, видимо, к республике».

В своих воспоминаниях Палеолог приводит интересный пересказ беседы с Базили, считавшимся автором акта об отречении. Французский посол отмечал, что 2 марта утром, после получения Алексеевым ответов от Главнокомандующих фронтами на запрос о возможности отречения Государя, генерал поручил Базили «сделать ему доклад об условиях, при которых Основные законы Империи разрешали царю сложить власть. Я скоро подал ему записку, в которой я заявлял и доказывал, что, если бы император отрекся, он должен был бы передать власть своему законному наследнику — царевичу Алексею. “Я так и думал, — сказал мне генерал. — Теперь приготовьте мне поскорей манифест в этом смысле”. Я скоро принес ему проект, в котором я развил, как мог лучше, мысли моей заметки, все время стараясь выдвинуть на первый план необходимость продолжать войну до победы. При начальнике главного штаба был его главный сотрудник, его верный квартирмейстер, генерал Лукомский. Я читаю генералу Алексееву проект. Он прочитывает его вслух и безоговорочно одобряет. Лукомский тоже одобряет. Документ немедленно передается по телеграфу в Псков, чтобы быть представленным императору…»[59].

В ночь на 3 марта из Пскова были получены новые сообщения. В 1 час 30 минут в Ставку пришла телеграмма от генерала Данилова. Ее текст гласил о назначении Государем

нового Председателя Совета министров — князя Г.Е. Львова и нового Главковерха — Великого князя Николая Николаевича, и после этого следовало внезапное решение: «Государь Император изволил подписать акт об отречении от Престола с передачей такового Великому князю Михаилу Александровичу». Далее шло уведомление о возвращении Государя в Ставку «на несколько дней» и о том, что «Манифест и Указы передаются по телеграфу отдельно».

По воспоминаниям Пронина, «отречения Императора от Престола и за сына никто не ожидал, это было полной неожиданностью для всех». «События пошли с безумной быстротой, — писал Кондзеровский, — отречение Государя от Престола в пользу Наследника, затем с передачей в пользу Наследника, затем — с передачей Престола Великому князю Михаилу Александровичу — все эти вести приходили одна за другой. Ставка была ошеломлена в полном смысле слова».

«До поздней ночи», вспоминал Пронин, в Могилеве ожидали текст Манифеста, который был наконец получен в том же виде, как и отправленный накануне проект, за исключением «радикального изменения» в середине текста, гласившего: «Не желая расставаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше Брату нашему Великому князю Михаилу Александровичу», которому было указано «править делами Государственными в полном единении с представителями Народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены». Только после этого в Ставке получили Указы о назначении нового Главковерха и премьера. Но, не дожидаясь окончательного текста Манифеста, по распоряжению Алексеева текст псковской телеграммы был разослан по всем фронтам, флотам и в тыловые округа.

Примечательно, что уже после отречения Государем была подготовлена телеграмма на имя Родзянко (около 3—4 часов дня 2 марта), в которой он снова заявлял «о своем согласии на вступление на Престол Алексея». Однако в Петроград она не была отправлена, и Николай II передал ее лично Алексееву уже после своего возвращения в Ставку, поздним вечером 3 марта. В данном случае эта телеграмма представляла не более чем «исторический интерес». Уже в 1918 г. Алексеев передал ее Деникину, и затем она была опубликована в качестве приложения к воспоминаниям Пронина{60}.

Но и на этом «политические преобразования» не прекратились. С 5 часов утра Родзянко начал новые телеграфные, а затем и телефонные переговоры с Алексеевым. От Наштаверха требовалось не допускать отправки телеграмм об отречении в

войска, поскольку, но словам Родзянко, «кандидатура Великого князя, как Императора, ни для кого не приемлема, и вероятна гражданская война». В подтверждение этой вероятности Родзянко ссылался на «новый солдатский бунт» и переговоры «с депутатами от рабочих», согласившихся на созыв «Учредительного собрания для определения формы правления». Показательно, что данное «соглашение» было принято еще до уведомления Великого князя Михаила Романова о передаче ему престола. Таким образом, речь шла уже не о продолжении династии, не о сохранении монархии, а только о сохранении «спокойствия в тылу», для чего требовалось идти на все новые и новые уступки революционерам-радикалам, стремительно растущая популярность которых становилась несомненной.

Генерал был «крайне возмущен» подобными «кульбитами» петроградских политиков и тем не менее попытался известить Главнокомандующих армиями фронтов о приостановке сообщения об отречении в пользу Михаила Романова. Но сделать это было уже невозможно, телеграммы ушли в штабы армий и округов, и Алексеев не мог этому воспрепятствовать. Для него, очевидно, раньше, чем для кого бы то ни было, становилась ясной та мрачная перспектива Смуты, которая раскрывалась перед Россией…

В очередном телеграфном сообщении Главнокомандующим фронтами он извещал: «В Государственной Думе и ее Временном Комитете нет единодушия; левые партии, усиленные Советом рабочих депутатов, приобрели сильное влияние на… Родзянко; левые партии и рабочие оказывают мощное давление, и в сообщениях Родзянки нет откровенности и искренности… войска Петроградского гарнизона окончательно распропагандированы рабочими депутатами и являются вредными и опасными для всех… Очерченное положение создает грозную опасность более всего для Действующей Армии, ибо неизвестность, колебания, отмена уже объявленного манифеста — могут повлечь за собой шатание умов в войсковых частях и тем расстроить способность борьбы с внешним врагом, а это ввергнет Россию безнадежно в пучину крайних бедствий, повлечет потерю значительной части территории и полное разложение порядка в тех губерниях, которые останутся за Россией, попавшей в руки крайних левых элементов».

Позиция Ставки оставалась неизменной: так как на престол должен был вступить Великий князь Михаил Александрович, то для «установления единства, во всех случаях и всякой обстановке», необходимо «созвать совещание Главнокомандующих в Могилеве», ориентировочно 8—9 марта.

Алексеев был убежден, что «коллективный голос высших чинов Армии и их условия должны стать известными всем и оказать влияние на ход событий». В течение всего дня 3 марта он безуспешно пытался связаться с Петроградом, отправлял телеграммы на имя Львова и Родзянко, настаивая на незамедлительной публикации акта отречения Государя и скорейшего объявления о присяге новому Императору Михаилу II: «Необходимо скорейшее объявление войскам Манифеста вновь вступившего на престол Государя для привода войск к присяге. Прошу… содействовать скорейшему сообщению мне текста означенного Манифеста», «прошу о скорейшем сообщении в Ставку текстов, которые могли бы быть представлены на подписание отказавшегося от престола Государя», «промедление в присылке текста присяги и задержка в приведении к присяге войск приведет к катастрофе», «для спасения России надо принять все меры для сохранения в армии дисциплины и уважения к власти»{61}.

И не случайно, получив известие об отказе Михаила Романова от вступления на престол, до вынесения решения об этом Учредительным собранием, Алексеев отмечал роковую ошибочность подобного акта: по его словам, «хотя бы непродолжительное вступление на престол Великого князя сразу внесло бы уважение к воле бывшего Государя и готовность Великого князя послужить своему Отечеству в тяжелые, переживаемые им дни… на армию это произвело бы наилучшее, бодрящее впечатление». Решение Михаила Романова, по убеждению Алексеева, было ошибкой, гибельные последствия которой для фронта сказались в первые же недели марта 1917 г.

В представленном князю Львову докладе (14 марта) Алексеев сообщал, что если в армии «большинство преклоняется перед высоким патриотизмом и самопожертвованием Государя, выразившимся в акте отречения», то «манифест Великого князя Михаила Александровича встречен с недоумением и вызвал массу толков и даже тревогу за будущий образ правления». «Нервное отношение к событиям чувствуется в 3-м кавалерийском корпусе (корпус под командованием генерала от кавалерии Ф. А. Келлера. — *В.Ц.),* где передачу престола Великому князю Михаилу Александровичу склонны понимать как вручение регентства до совершеннолетия Великого князя Алексея Николаевича, которого считают законным наследником».

Можно ли было рассчитывать, что и в этих условиях, когда в одночасье Россия проделала путь от монархии к совершенно неопределенному политическому устройству, армия и тыл будут готовы к победоносному окончанию войны? В отношении частей

столичного округа Алексеев таких надежд уже не испытывал. Пророчески он писал об этом Родзянко, как бы предвидя неизбежное участие «революционных солдат и матросов» в будущих событиях 1917 г.: «Петроградский гарнизон, вкусивший от плода измены, повторит это с легкостью и еще, и еще раз, для Родины он теперь вреден, для армии бесполезен, для Вас и всего дела — опасен»{62}. И все же следовало продолжать войну «до победного конца».

Поздним вечером 3 марта Алексеев на вокзале лично встречал вернувшийся из Пскова литерный поезд с уже бывшим Императором и Верховным Главнокомандующим. По воспоминаниям Кондзеровского, генерал, вопреки общепринятому порядку, «разрешил присутствовать на встрече Государя, кроме старших начальников, встречавших Государя при каждом его приезде в Ставку, также и всем чинам штаба, занимавшим должности не ниже делопроизводителей. Почти весь штаб, за исключением самых младших чинов, собрался на платформе… Вначале Государь был совершенно спокоен, но мои офицеры говорили мне потом, что к концу обхода всех встречавших у Государя по щекам текли слезы».

В Могилевском гарнизоне, в городской думе и в Ставке отношение к происходящему было неоднозначным. Из Петрограда был получен текст «знаменитого» Приказа № 1, учреждавшего солдатские комитеты и требовавшего контроля за действиями командиров со стороны нижних чинов. С фронтов начали поступать донесения о неповиновениях войсковым начальникам, об избиениях и даже убийствах офицеров солдатами. И если среди солдат сразу же началась работа но созданию структур Совета солдатских депутатов, Городская дума демонстративно вывесила красные флаги, а многие бывшие генерал-адъютанты Свиты Его Величества снимали свитские аксельбанты и вензеля с погон (8 марта Алексеев разрешил снять вензеля и аксельбанты Свиты), то большинство офицеров штаба Ставки были настроены достаточно «контрреволюционно». Георгиевский батальон, возвратившийся в Могилев из неудачной «экспедиции» к Петрограду, сначала, по словам Кондзеровского, «был настроен очень контрреволюционно», но затем, в угоду солдатскому Совету, оказался «охвачен тем же революционным настроением, что и другие части».

Очевидно, что и сам Алексеев не намеревался больше «идти на поводу» дальнейшего «углубления революции» и всеми мерами стремился противодействовать любым нарушениям воинской дисциплины. Еще 3 марта, накануне возвращения в Ставку Николая II, Главнокомандующие фронтами получили от

Алексеева распоряжение (№ 1925) о незамедлительном предании военно-полевому суду любых революционных активистов, стремящихся к дестабилизации положения на фронте и в прифронтовой полосе. Позднее его опубликовали газеты «Солдат-гражданин» и «Социал-демократ» как пример контрреволюционного настроения в Ставке. «Начинают уже появляться из Петрограда, — сообщал Алексеев, — чисто революционные, разнузданные шайки, которые стремятся разоружить жандармов на железных дорогах и, конечно, в дальнейшем будут стремиться захватывать власть как на железных дорогах и, конечно, в дальнейшем будут стремиться захватывать власть как на железных дорогах, так и в тылу армии и, вероятно, в самую армию. Надо принять самые энергичные меры, установить наблюдение на всех узловых станциях железных дорог в тылу, иметь на этих станциях гарнизоны из надежных частей под начальством твердых офицеров. При появлении где-либо подобных самозваных делегаций таковые желательно не рассеивать, а стараться захватывать их и по возможности тут же назначать полевой суд, приговоры которого немедленно приводить в исполнение». Радикализм этого приказа Алексеева, по-видимому, нес в себе тот самый, так и не реализовавшийся Михаилом Васильевичем заряд «подавления бунта», рассчитанный, конечно, не на «разнузданные шайки» на железных дорогах, а на многотысячный петроградский гарнизон и многочисленных революционных «героев тыла», уступки которым привели к ставшей непоправимой гибели Императорской России…

В течение 4—8 марта Алексеев постоянно, теперь уже беспрепятственно, переписывался с Петроградом по телеграфу и разговаривал по прямому проводу с новыми «правителями России». Суть всех этих переговоров можно свести к следующему: «Надо принять самые решительные меры, дабы дезорганизация и анархия не проникли в армию». В телеграмме новому премьеру князю Львову Алексеев, в частности, писал о необходимости Временному правительству «проявить свою власть и авторитет и устранить причины начинающейся разрухи». Генерал настаивал, чтобы «правительство… срочно, вполне определенно и твердо» заявило бы, что «армии никто не смеет касаться и что все распоряжения должны производиться через Верховного Главнокомандующего». Следовало издать воззвание к армии о «долге сражаться с врагом внешним» и о недопустимости «каких-либо перемен в определенных законом нормах войсковой жизни». Нужно было незамедлительно привести войска к присяге, во избежание катастрофической неопределенности с властью в

стране. Алексеев ждал от правительства ясного понимания того, что «только при разрухе Россия будет побеждена и порабощена врагом, что надо верить только тем, кто призывает к порядку и напряжению всех сил для победы над внешним врагом»{63}.

Однако новое правительство все больше увлекалось политикой и все меньше думало о самом важном государственном деле — победоносном окончании войны. Военное министерство во главе с Гучковым, вместо удовлетворения насущных потребностей фронта, 5 марта 1917 г. направило в Ставку приказ № 114, устанавливающий новые отношения между офицерами и солдатами. В нем отменялись установившиеся столетиями традиции отдания воинской чести, титулования, вводились «политические права и свободы». Алексеев был убежден, что подобные меры совершенно несвоевременны для русской армии, а в условиях войны — губительны. В обширном рапорте Гучкову 6 марта 1917 г. генерал прямо указывал на это: «Отдание чести совершенно отменить недопустимо, ибо этим будет внесен полный раскол между офицерской и солдатской средой… дисциплина в корне будет подорвана, и армия превратится исключительно в милицию самого низкого качества… Оставление титулования лишь по чину и должности, разрешение курить, езда в трамвае, посещение клубов, буфетов, собраний — повелительно требуют разрешения вне строя и исполнения служебных обязанностей».

Но если отдельные перемены во «внешнем облике» армии еще можно было, по мнению Алексеева, принять (напомним, что сам генерал в своей военной биографии мог вспомнить немало примеров вполне «демократичного отношения» к своим солдатам), то «политические» перемены представлялись «совершенно недопустимыми». «Учитывая степень культурного развития нашего солдата… в число делегатов и число членов различных собраний, образуемых с политической целью, попадут исключительно мастеровые, т.е. крайний левый элемент… крайние идеи получат господствующее значение в армии, и в корне будет нарушен единственно правильный принцип — отстранения армии от политики. Ведь ныне, в происшедших событиях, участие запасных частей войск ясно показало, как оно опасно для Правительства, и история учит нас, что армия, вовлеченная в политику, будет всегда принимать участие в государственных переворотах…

Ради достижения победы над врагом или хотя бы возможности продолжать борьбу, дабы грядущий мир не был позорен для России, необходимо устранить причины, которые могут вызвать брожение и недовольство в армии. В настоящее

время армия признала государственный переворот за совершившийся факт, признала новое Правительство, и надо, чтобы она оставалась спокойной, пока не будет налажено новое государственное строение и се мысли не были бы заняты политическими вопросами… Втягивание армии ныне в политику приведет к невозможности продолжать войну, и не позже июня Петроград будет в руках германцев, которые продиктуют нам мир по своему желанию и в экономическом отношении нас поработят… Дальнейшее стремление в той или иной форме расширить ныне принятые требования крайних левых элементов неминуемо поведет к тому, что армия будет вовлечена в политику, начнется междоусобная война, а Россия попадет под ярмо Германии».

Алексеев не принимал идеи «вовлечения армии в политику», однако пророчески предупреждал, что «голос армии может быть грозен, и в какую сторону выльется движение в армии, предвидеть нельзя». Можно было попять, что армия может выступить, и отнюдь не в «революционном», «демократическом» обличье, а напротив, в ней найдется немало сторонников «контрреволюции», установления в стране твердой, «диктаторской» власти. Последующие события 1917 г., выступление генерала Корнилова и формирование Белого движения это подтвердили{64}.

Однако мнение Алексеева Гучков проигнорировал, и, ввиду «назревших перемен» в армии, реформы продолжались…

Прежняя, «Царская Ставка» доживала последние дни. Алексеев считал необходимым сделать все, чтобы находившийся здесь Николай II не почувствовал произошедших перемен. Все встречи бывшего Главкома проходили по установленному церемониалу, с прежним титулованием Государя. На время пребывания Николая II в Ставке Алексеев, как и прежде, делал ему «всеподданнейшие доклады» о положении на фронте. Михаил Васильевич долго беседовал с бывшим Главкомом после его приезда из Пскова. Вспоминая свои беседы с Алексеевым, Борисов писал: «Алексеев мне сказал: “Очень было мне тяжело”. Но Он меня понял и ответил: “Я готов все сделать для блага армии”». Было решено, что Государь выступит с прощальным обращением к армии. Несмотря на происходящие «революционные перемены», Алексеев верил, что твердое, ясное слово Государя, Верховного Главнокомандующего, хотя и уже «бывшего», может серьезно повлиять на настроения в армии.

В ночь на 8 марта по распоряжению Алексеева в войска был передан «прощальный приказ Императора», лично написанный Николаем II поздним вечером 7 марта.

В отличие от велеречивых слов обращения Временного правительства о «победе над врагом внутренним» (теперь им становился «проклятый царизм»), приказ Николая II отличался четкостью и прямо объяснял армии, что нужно делать в уже изменившихся, «революционных условиях»: «После отречения мною за себя и за сына моего от престола Российского, — говорилось в приказе, — власть передана Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и Вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его, тот — изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит.

Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь Ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине.

Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий».

Казалось бы, подобный приказ-обращение ничего, кроме усиления боеспособности армии, роста авторитета новой власти, вследствие прямого указания «повиноваться Временному правительству», вызвать не может. Приказ был лично вручен Императором генералу Алексееву вечером 7 марта, после чего немедленно адъютант Алексеева Л.Л. Голембиовский, размноживши на машинке, лично сдал приказ на телеграф для передачи в штабы фронтов и Военному министру. В тот же вечер в Ставке была получена телеграмма от Гучкова — не распубликовывать приказа, на что Алексеев ответил, что таковой уже передан по телеграфу в армию. Тогда последовало непосредственное распоряжение Гучкова, помимо Ставки, в штабы фронтов об остановке «прощального приказа» и чтобы дальше штабов армий и отдельных корпусов и дивизий (на Румынском фронте) он не прошел{65}.

8 марта в особом поезде, под контролем представителей Временного правительства, доставивших в Ставку распоряжение

об аресте царя, Николай II был отправлен из Могилева в Царское Село. Алексеев провожал своего Главковерха, видя его в последний раз. По воспоминаниям Хэнбсри-Уильямса,

Алексеев просил чинов Ставки «не сопровождать Императора», поскольку «теперь, когда правительство гарантировало безопасный проезд, наши действия могут быть восприняты как недоверие новому правительству… Даже Император, несмотря на обрушившиеся на него несчастья, посчитает правильным поддерживать выбранное правительство, два представителя которого будут его сопровождать».

«Генерал Алексеев рассказывал, — вспоминал Дитерихс, — что через него Государь был предупрежден, что Временное правительство признает необходимым Его переезд в Царское Село и что для обеспечения безопасности этого переезда в Могилев будут командированы делегаты от правительства для сопровождения поезда до Царского Села, где также охрану всей Царской Семьи Временное правительство принимает на себя.

Государь понял, что Его лишают свободы, и с полной покорностью принял решение новой власти, почувствовав в нем даже некоторое удовлетворение своему духовному состоянию. Больно Ему было только, как русскому человеку, быть лишенным служить Своей Родине в рядах ее армии, но в этом лишении Он видел начало нового искупления, которое преднамечалось Ему лично Промыслом Всевышнего Творца. Генерал Алексеев говорил, что он поражался в эти дни тем внутренним покоем, которым, видимо, было проникнуто все существо Царя, который заметно волновался лишь тогда, когда с фронта получались сведения о каких-либо антидисциплинарных явлениях в войсках. Он очень хотел дождаться приезда в Могилев назначенного Им Верховным Главнокомандующим Великого князя Николая Николаевича, но это тоже Ему не удалось».

Интересные подробности отъезда Государя из Ставки приводили Кондзеровский и Сергеевский. Накануне генерал Алексеев сделал для бывшего Главковерха последний оперативный доклад. После него, по личному указанию Алексеева, прошло прощание с чинами Ставки, включая и делегатов от воинских частей Могилевского гарнизона. «Его Величество… сказал всем теплые прощальные слова; затем сказал несколько слов генерал Алексеев… Я ясно видел, как слезы катились по щекам Его Величества. Плакал и генерал Алексеев». Тяжкое впечатление произвело это прощание на чинов Ставки. Несколько человек упало в обморок. В день отъезда «утром меня вызвал генерал Алексеев и сказал, что никто на вокзал ехать не должен, что поедет он один… Надо сказать, что в этот день утром

из Петербурга приехали специально для сопровождения Его Величества четыре комиссара… Когда генерал Алексеев приехал на вокзал… они объявили, чтобы он предупредил Государя, что тот должен считать себя на положении арестованного. Генерал Алексеев сказал мне, что он попробовал протестовать, но ему ответили, что по этому поводу получены определенные указания.

Сначала генерал Алексеев не хотел брать на себя передачу Его Величеству этого тяжелого поручения, но потом решил, что Государю легче будет выслушать это от него, а не от комиссаров, и потому пошел доложить Его Величеству, что он должен считать себя арестованным. По словам Алексеева, Государь принял эту весть вполне спокойно…»

Еще более эмоционально описана сцена прощания Государя с чинами Ставки полковником Сергеевским. Когда Николай II закончил обход строя своих сотрудников и повернулся к выходу, генерал Алексеев «заступил ему дорогу и твердым голосом сказал ему несколько слов благодарности, но подчеркнуто — только Верховному Главнокомандующему, покидающему свой, глубоко его почитавший штаб. А затем, очень громко и отчетливо произнес: “Счастливого Вам пути Ваше Императорское Величество”, “Счастливой Вам жизни, Ваше Императорское Величество”. И сделал шаг в сторону. Но Государь обнял Алексеева, крепко прижал к себе и трижды облобызал. Этот последний, по смыслу еще царственный жест я видел в одном шаге от себя, и мне с необычайной яркостью запомнилось, что каждый из этих царских поцелуев длился но несколько секунд». Так демонстративно начальник штаба и генерал-адъютант прощался не с «гражданином Романовым», а по-прежнему, с Царствующим Императором и Верховным Главнокомандующим. Хотя бы и прошло это в сугубо символическом смысле…

Призыв Государя к выполнению, прежде всего, своего долга перед Отечеством (а не перед Царской семьей), к повиновению Временному правительству (и в «прощальном приказе» по армии, и устно, во время прощания с сотрудниками Ставки), очевидно, останавливал многих военных, готовых все-таки, несмотря на возможные жертвы и опасность «междоусобной войны», к «подавлению революции». По оценке генерала Головина, «армия защитила бы монарха», однако «сдерживающим началом для всех явились два обстоятельства: первое — видимая легальность обоих актов отречения, причем второй из них, призывая подчиниться Временному Правительству, “облеченному всей полнотой власти”, выбивал из рук монархистов всякое оружие, и второе — боязнь междоусобной войной открыть фронт. Армия тогда была послушна своим вождям. А они — генерал Алексеев, все

Главнокомандующие — признали новую власть».

Нельзя не согласиться с этим утверждением. Нельзя забывать о том, что слова Государя: «измена», «трусость» и «обман», а также весьма резкая («такая гадость») оценка им акта Михаила Александровича, — стали известны спустя годы, когда были опубликованы дневники Николая II. Все официально известные, опубликованные на тот момент документы свидетельствовали об осознанном решении Императора, а интимные записи личного дневника, очевидно, не могли (и не могут) считаться свидетельствами, имеющими юридическую силу и правовые последствия. Хотя и в них Государь свидетельствовал о сознательном выборе совершенного им акта.

В то же время Головин обращал внимание и на существенное ослабление монархических настроений в армейской среде: «Несмотря на всю разноречивость внешних проявлений солдатских настроений, одно может считаться несомненным: доверие к бывшему царскому правительству было окончательно подорвано и внутреннее единство традиционной формулы — “за Веру, Царя и Отечество” — было разрушено. Царь противопоставлялся Отечеству.. Дезорганизация, наблюдаемая в тылу, недостаток в снабжении, расстройство транспорта, озлобленная критика правительства во всех слоях интеллигенции, с другой стороны — отталкивание общественных сил самим правительством, министерская чехарда и самое ничтожество выдвигаемых на эти посты лиц — все это широко проникало в гущу солдатской массы и атрофировало в ней всякое чувство доверия и уважения к правительственной власти. Мистический ореол Царской Власти был разрушен»

Завершая тему участия Алексеева в «заговоре» и в связи с широким распространением в России книги эмигрантского автора В.С. Кобылина («Император Николай II и заговор генералов»), стоит, очевидно, отметить и степень объективности и «историографической ценности» этой книги. Достаточно красноречивы в этом отношении следующие слова автора: «У меня нет доказательств (их не может быть), но я уверен, что если бы вместо Алексеева на этом посту был бы генерал П.Н. Врангель, он поступил бы иначе. Ген. Алексеев в моей работе — тип собирательный. Это все те, которые не исполнили своего долга. Это и Рузский, это и Лукомский, и Данилов, это и “коленопреклоненный” Николай Николаевич, и Брусилов, и Эверт, и Сахаров, и Непенин, и Кирилл Владимирович, и Голицын, и Протопопов, и Хабалов, и многие другие. У меня лично нет никакой вражды к Алексееву. Но искажать то, что имело место, мы не имеем права. Ведь если бы Алексеев

исполнил бы свой долг и верными войсками занял бы Петроград, разогнав преступную свору заговорщиков и их приспешников, какой неувядаемой славой покрыл бы он себя! А Россия была бы, не взирая на все старания злобного и враждебного Запада, сильнейшим Государством в мире. А мы все имели бы то бесконечное счастье, которого лишены навсегда, — жить на своей чудесной Родине, молиться в наших церквах и монастырях, работать на благо дорогой, родной России. “Боже, Царя храни!” Не сохранили, не уберегли, а предали и погубили свой Отчий Дом».

Оставим в стороне эмоционально оправданные рассуждения автора о «погубленном Отчем Доме» и о «стараниях злобного и враждебного Запада». О том, насколько были возможны надежды на «силовой вариант» в конкретных условиях Февраля 1917 г., уже говорилось выше. А гипотетические предположения, исходящие из сугубо субъективных представлений о роли того или иного генерала в февральских событиях, украшенные творческими описаниями «собирательного типа» — генерала Алексеева, вряд ли могут расцениваться как исторические. Важно другое — суждения о «революционном характере» русского высшего командного состава в годы Первой мировой войны — неправомерны, ошибочны{66}.

2. Во главе армии и флота. Верховный Главнокомандующий

Как оценивал произошедшее сам Алексеев? Снова обратимся к рукописи Михаила Бореля, в которой приводятся примечательные сведения о беседах в кругу семьи, которые отправленный в отставку генерал вел в Смоленске летом 1917-го:

«Мне часто вспоминается всегда один и тот же ответ моей бабушки (вдовы генерала Алексеева), собиравшимся у нас дома знакомым, которые не раз задавали один и тот же вопрос: “Как могла Ставка Верховного допустить отречение Государя, когда хорошо известно, что почти все чины Ставки были против этого отречения?”

— Мы у нас дома, в Смоленске, по возвращении моего мужа из Могилева в конце мая 1917 года тоже задавали ему этот логичный вопрос. Мой муж много говорил с нами на эту тему, всего не передать, а многие подробности невозможно было запомнить. К сожалению, ни он, ни я тогда ничего не записали, а через год моего мужа похоронили, после ряда тоже очень волнующих событий и переживаний (выступление Корнилова, октябрьская революция, Первый Кубанский поход и трагичное убийство Царской Семьи). Михаил Васильевич говорил, что Государь мог в любой момент распустить Думу, назначить диктатора тыла, но этого не сделал, а передал власть Своему неподготовленному брату, который своим молниеносным отречением подчинил всех нас, то есть и Ставку Верховного, и всю армию Временному правительству (или Думе), и мое выступление означало бы начало Гражданской войны, которая бы немедленно привела бы к полному расстройству фронта и позорному проигрышу войны. Кроме того, многие не могут и не хотят понять, что такая неожиданность решения Государя отречься, под необъяснимым натиском Родзянки и генерала Рузского — ведь все произошло в течение каких-то 24 часов — не дало возможности никому опомниться. Если бы хоть кто-нибудь мог услышать, как это ужасное известие было принято в Ставке…

Кроме того, никто из обывателей не дает себе отчета, что на подготовку любого выступления, хотя бы против Временного правительства, необходимо время, так как прежде всего надо знать, кто “за”, а кто “против”, на кого можно рассчитывать и на кого можно опереться, причем все надо делать конспиративно. Прежде всего надо было справиться с железнодорожными забастовками и забастовкой телеграфистов.

А так как Великий князь Михаил Александрович подчинил всех нас Временному правительству, то наше выступление против этого правительства рассматривалось бы мятежом, вооруженным восстанием, бунтом против законной власти. При такой молниеносной, неожиданной и полной перемене Верховной власти, невозможно было бы даже установить, кто бы нас, то есть Ставку, поддержал?

Бабушка же всегда добавляла, напоминая о Корниловском выступлении в конце августа того же года, что генерал Алексеев после этого неудавшегося выступления очень сокрушался, что генерал Корнилов не имел времени как следует организовать свое выступление, из-за чего оно провалилось уже в самом начале. Ту же участь постигло бы любое неподготовленное заблаговременно выступление, и эта аксиома не требует доказательств…

А после 1-го Кубанского похода генерал Алексеев как то сказал генералу Богаевскому, что по окончании Гражданской войны, в благополучный исход которой он верил, он, Алексеев, обязательно подробно опишет все, что ему пришлось перенести. Но смерть унесла генерала в 1918 году в возрасте 61 года…»

Для продолжения войны требовалось наладить взаимодействие с новой властью, и Михаил Васильевич, естественно, пытался это сделать. После отъезда Государя из Ставки была принята присяга Временному правительству. Алексеев послал в Петроград телеграмму, извещавшую «председателя Совета министров и военного министра» о том, что «все чины могилевского гарнизона и вверенного мне штаба принесли присягу на верность службы Отечеству (а не конкретному составу Временного правительства. — *В.Ц.)* и новому государственному строю. Считаю долгом доложить, — сообщал генерал, — что все чины гарнизона и штаба готовы искренно приложить все силы и умение, дабы совместной работой с Правительством служить на благо дорогой России, и прежде всего достигнуть главной цели России — победить ненавистного нашего врага. Выражаю твердую веру, что с помощью Божией новое правительство, ответственное перед всей Россией, внесет успокоение стране, наладит могучую работу тыла и окажет армии мощную поддержку, дабы обеспечить ей возможность скорей достигнуть окончательного часа победы».

В первые дни после отречения Государя Алексеев был убежден в важности поддержки Временного правительства, как власти, которая хоть и обладает относительной легитимностью, все же способна наладить эффективное взаимодействие фронта и тыла, дать войскам новую «веру» в цели и задачи войны и,

вероятно, преодолеть негативные формы «внутренней борьбы», столь пагубные во время подготовки решающих наступательных операций. Примечательны его отметки, сделанные 7 марта на полях доклада Хэнбери-Уильямса, посвященного оценке настроений в Ставке и, в частности, его беседе с Вдовствующей Императрицей Марией Федоровной после отречения ее сына от престола. Генерал, не без основания надеявшийся на «умиротворение» тыла, считал необходимым для всего высшего военного командования и для иностранных военных представителей оказывать «нравственную поддержку умеренного правительства (в первом составе Временного правительства—*В. Ц.)* в его борьбе с крайними (очевидно, прежде всего, с большевиками. — *В. Ц.)*. Последних нужно обуздать, ибо только тогда возможно работать, обеспечить армию и не утратить ее боеспособности». Но очень скоро в этих надеждах генерала ожидало глубокое разочарование, сменившееся к началу лета 1917-го решительным неприятием всех тех «преобразований», которые, следуя логике революционного процесса, стало проводить Временное правительство.

Неожиданно для Алексеева стала меняться сложившаяся военная иерархия. Ожидаемое вступление в должность Главковерха Великого князя Николая Николаевича так и не произошло. Еще вечером 6 марта у Алексеева состоялся длительный разговор по прямому проводу с Гучковым и князем Львовым. Петроградские политики снова, ссылаясь на изменившиеся политические обстоятельства, указывали генералу на сложность занятия поста Главнокомандующего представителем Дома Романовых. Гучков заявлял, что «события идут с такой быстротой, что теперь это назначение укрепило бы опасное подозрение в контрреволюционных попытках». «Лично я, — отмечал Гучков, — убежден в безусловной лояльности Великого князя в отношении нового порядка, но совершенно невозможно это убеждение внушить народным массам». «Поэтому, — пытался заверить Алексеева новый военный министр, — высказываю свое твердое убеждение в совершенной необходимости отказа Великого князя от Главнокомандования в Вашу пользу». От Алексеева требовали и кадровых перемен, отставок среди высшего генералитета (например, Главнокомандующего армиями Западного фронта генерала Эверта). Примечателен ответ Алексеева на предлагаемые меры: «Все такие меры я в данную минуту как начальник штаба принять не имею права, ибо мне это не предоставлено законом. Уже объявлено Великим князем, что 4 марта он вступил в должность; нужно изменить первоначально положение служебное, а засим

только можно выполнять те или другие решения. Примите во внимание нашу бедность выдающимися силами генералов, широкие же меры встретятся с недостатком подходящих людей; заменять одного слабого таким же слабым — пользы мало».

Вопреки распространенному позднее мнению о его честолюбивой «жажде власти», следует отметить, что Алексеев отнюдь не стремился любой ценой возглавить армию и флот. Главком, по мнению Михаила Васильевича, должен был обладать значительным авторитетом и на фронте, и в тылу, что в тогдашних российских условиях значило больше, чем полководческие таланты. В военных кругах было распространено мнение, что во многом благодаря командованию Николая Николаевича удавалось добиться побед в Галиции, Польше, на Кавказе. Кроме того, следовало укрепить единоличный характер власти Главковерха. 5 марта Алексеев отправил в Петроград телеграмму, четко определявшую, что «для победы, безусловно, необходима правильная организация командного состава и его взаимоотношений, исходящая от Верховного Главнокомандующего, как единого могущего преподать ее армии и флоту». Дублирование военных полномочий, отправка приказов от Временного правительства, не говоря уже б Совете рабочих и солдатских депутатов, в Ставке считали категорически недопустимым. Но в Петрограде подобные «диктаторские» установки многих настораживали, их считали «устаревшими» для новых условий и принять утвержденное еще Николаем II решение о возвращении Великого князя на должность Главковерха не собирались.

В утренней телеграмме 7 марта Алексеев снова пытался убедить Львова и Гучкова в важности принятия должности Главковерха Великим князем: «До настоящей минуты получил на имя Верховного Главнокомандующего приветственные телеграммы от 14 городов, в том числе Одессы, Киева, Минска, с общим выражением удовольствия, что Верховный Главнокомандующий возвращается на свой прежний пост, и уверенности в победе… убедительно прошу сохранить назначение в силе. Авторитет имени поможет, вероятно, сохранить порядок в армии, на которую ведется сильный натиск с тыла, о чем я ежедневно телеграфирую вам — вопль наболевшей души начальников, любящих Родину и армию. В такие минуты подвергать хрупкий организм армии новому испытанию, в случае мало понятной для простой массы солдат перемены, не следует. Высшие интересы армии требуют удержать ее от излишних потрясений». При этом Алексеев совершенно игнорировал собственные отношения с Великим князем, ухудшившееся после

того, как Николай Николаевич, став Главнокомандующим армиями Кавказского фронта, требовал от Ставки неоправданно высокого удовлетворения боевых нужд «своих» армий. Но мнение премьера и военного министра о политической «нецелесообразности» принятия Великим князем должности Главковерха оставалось неизменным, и под давлением Петрограда Николай Николаевич заявил о своей отставке.

С 11 марта Алексеев временно исполнял обязанности Главковерха (вр. и. о. наштаверха стал генерал Клембовский), а со 2 апреля 1917 г. принял должность формально, став, как тогда говорили, «первым Народным Верховным Главнокомандующим». Теперь ему самому в полном объеме, без оглядки на «Высочайшую Волю Монарха», предстояло принимать и осуществлять стратегические решения, контролировать положение на фронтах, осуществлять взаимодействие с союзниками. Теперь уже от него требовались собственные, самостоятельные решения. Требовались воля и настойчивость в проведении принятых решений, а в случае необходимости — выдержка, терпение и умение быть лояльным, хотя бы внешне, по отношению к «новой власти». Мог ли Алексеев принять на себя столь важные ответственность и инициативу? Психологически, учитывая отмеченные выше особенности его характера, это было непросто.

В разговоре с Алексеевым 6 марта Львов говорил ему, что он «пользуется доверием правительства и популярностью в армии и народе». И хотя, по воспоминаниям Великого князя Александра Михайловича, Алексеев был якобы «в восторге» после февральских событий и якобы надеялся «что новые владыки в воздаяние его заслуг перед революцией» сделают его Главковерхом, с другой стороны, против кандидатуры Михаила Васильевича активно выступал Родзянко, считавший генерала приверженцем «диктаторских» методов управления. А представители нарождавшейся в те дни советской власти и вовсе были уверены в крайней «реакционности» «царского генерала». Так или иначе, но политика уже властно вторгалась и беспощадно ломала установившуюся стратегию войны, и игнорировать политические факторы при оценке степени боеспособности армии становилось невозможным. «Политизация» фронта нарастала стремительно. Алексеев — по собственной инициативе — начал переговоры с Главнокомандующими фронтами «об организации особых комитетов, с участием в их составе наиболее надежных и умеренных представителей Совета рабочих депутатов, работников Земгора и офицеров», об отправке в воинские части делегаций — «для разъяснений и бесед с солдатами». В Петроград Львову было

направлено предложение о назначении в Ставку специального комиссара Временного правительства — «для установления и нравственной, и деловой связи между штабом и правительством».

В военной сфере прежде всего требовалось уточнить стратегические планы, разработанные в начале года. В условиях происходящих революционных перемен Алексеев пессимистично оценивал возможность полномасштабных военных операций.

9 и 12 марта 1917 г. Алексеев представил Гучкову два доклада. 9 марта он телеграфировал, что «из Петрограда в армию по всем направлениям распускаются агитаторы, призывающие к неповиновению начальству, взывающие к солдатам об установлении выборного начала на офицерских и командных должностях. Такие же призывы несутся по радиотелеграфу, производятся аресты офицеров и начальствующих лиц, чем подрывается их авторитет. Разложение тыла армии идет быстрым темпом, и в некоторых местах волна разложения уже докатывается до окопов. При таких условиях, возможно, близок тот страшный час, когда отдельные части армии станут совершенно негодными к бою».

В докладе от 12 марта главный акцент делался на соблюдении, насколько позволяло состояние войск, обязательств перед Антантой. «Верность союзническому долгу» генерал считал непременным условием продолжения войны. Накануне, 8 марта, Жанен прислал Алексееву телеграмму, в которой отмечалось, что поскольку на Западном фронте «самое решительное» наступление начнется 26 марта, от русских войск ожидается активное содействие так, чтобы операции «произошли одновременно с нашими, с допуском разницы лишь в несколько дней, так как иначе противник сохранит свободу распоряжения резервами, достаточно сильными, чтобы в самом начале остановить то или другое из наших наступлений». Французские войска под Верховным командованием генерала Р. Нивелля (сменившего на этом посту генерала Жоффра в конце 1916 г.) готовились к наступлению «всеми силами», и Алексееву передавалось пожелание начать незамедлительные наступательные операции против немецких войск («никогда положение не будет столь благоприятным для русских войск, так как почти все наличные немецкие силы находятся на нашем фронте, и число их растет здесь с каждым днем»).

Алексеев сообщал Гучкову: «Что касается до намеченных мною совместно с союзными нашими армиями оперативных планов, то об этом в данную минуту говорить уже поздно, ибо решения были приняты на конференции в Шантильи 15 и 16 ноября 1916 года и на конференции в Петрограде в феврале 1917

года. Мы приняли на этих конференциях известные обязательства, и теперь дело сводится к тому, чтобы с меньшей потерей нашего достоинства перед союзниками или отсрочить принятые обязательства, или совсем уклониться от исполнения их.

Обязательства эти сводятся к следующему положению: Русская армия обязуется, не позже как через три недели после начала наступления союзников, решительно атаковать противника. Уже пришлось сообщить, что вследствие организационных работ, расстройства транспорта и запасов, мы можем начать активные действия не раньше первых чисел мая… Но данные Вашего (Гучкова. — *В.Ц.)* письма говорят, что и этого, измененного, обязательства мы выполнить не можем. Без укомплектования начинать какую-либо операцию обширного размера немыслимо. Придется высказать союзникам, что ранее июня они не могут на нас рассчитывать, объяснив это теми или другими благовидными предлогами.

Таким образом, сила обстоятельств приводит нас к выводу, что в ближайшие четыре месяца наши армии должны были бы сидеть покойно, не предпринимая решительной, широкого масштаба операции».

Итак, в сроках наступления не исключалась перспектива их перенесения на июнь — июль 1917 г. Союзникам сообщалось, что военные действия невозможно проводить ввиду грядущей весенней распутицы («многоснежная, затянувшаяся» зима 1916—1917 гг., в отличие от «малоснежной» зимы 1915—1916 гг., после которой уже в начале марта стали проводиться операции в районе оз. Нарочь). На политических причинах задержки наступления акцента пока не делалось, но в докладе генералу Жанену от 13 марта 1917 г. Алексеев отмечал, что «переживаемое Россией внутренне-политическое потрясение отразилось существенно на состоянии наших запасных частей (депо) всех внутренних округов… части эти пришли в моральное расстройство и не могут дать действующей армии укомплектования ранее 3—4 месяцев». Кроме того, говорилось об отсутствии боевых и продовольственных запасов, ошибках в графике выполнения работ по подготовке пополнений для фронта, по производству снарядов и т.д. Примечательно, что Алексеев советовал французскому командованию не торопиться с началом наступления, так как «вынужденное и неизбежное… бездействие русской армии в ближайшие месяцы вынуждает, по мнению моему, не истощать до решительного момента французскую армию и сохранять ее резервы до того времени, когда совокупными усилиями мы будем способны атаковать врага на

всех фронтах».

Михаил Васильевич считал подобное состояние армии временным, вызванным стремительной «переменой власти» и быстро растущей «демократизацией» на фронте: «Моральное состояние армии недостаточно определилось, вследствие всего пережитого и неусвоенного еще умами офицеров и солдат, равно вследствие проникающей в ряды армии пропаганды идей, нарушающих веками установившийся военный порядок. Бог даст, армия переживет острый кризис более или менее благополучно, но нужно предусматривать возможность и понижения боеспособности армии, хотя бы и временного. Это в общем ходе событий явится наиболее опасным моментом для России. Хорошо осведомленный противник, конечно, учтя это обстоятельство, постарается использовать наш период слабости для нанесения решительного удара. Неизвестно, кого обвинит тогда в поражении общее мнение армии».

15 марта Алексеев издал приказ, который с полным основанием можно было бы назвать «программным». В изменившихся политических условиях нужно было заявить о продолжении войны, о том, что победы от армии ждут не только «тыловые деятели» Петрограда, но и вся страна: «За последние дни, начиная с 6 марта, из разных мест Русской Земли поступили ряд телеграмм от городов и уездов, сел, слобод, станиц, поселков, обществ и собраний, войск гарнизонов, железнодорожных служащих и рабочих разных отечественных предприятий, в коих передаются приветствия Великой Русской армии, выражаются чувства беспредельного уважения к мужеству разных войск и непоколебимая уверенность в том, что войска, воодушевленные высоким подъемом духа обновившейся Родины, одержат желанную победу. Страна готова принести все жертвы, какие потребуют счастье и слава Отечества, и будет работать, не покладая рук, для обеспечения нас всем необходимым, дабы облегчить тяжелый, но славный труд защиты Родины от врага и помощи скорейшему достижению победы. В твердом сознании необходимости борьбы до победного конца приложим же все наши силы и разумение к тому, чтобы оправдать доверие Страны и дать ей победу, а вместе с ней и счастье, и свободную жизнь».

В тот же день (15 марта) Алексеев издал приказ об обязательном отдании чести всеми чинами на фронте, поскольку «обязательное для всех, взаимное отдание чести служит символом единения между всеми чинами Российской армии». В условиях быстро распространявшегося текста Приказа № 1 эти действия генерала были своеобразным вызовом новой власти, хотя в целом лояльность Михаила Васильевича к

«демократическому правительству» пока сохранялась[67].

18 марта Алексеев провел в Ставке совещание с представителями Временного правительства и управлений Военного министерства, на котором было подтверждено мнение, что «проводить ныне в исполнение намеченные весной активные операции недопустимо». Приезд министров в Могилев был отмечен пафосной фразой прибывшего на вокзал главы ведомства юстиции Л.Ф. Керенского о том, что «в лице генерала Алексеева он посылает братский поцелуй всей Русской Армии». Но, невзирая на «торжественность минуты», во время работы совещания были сделаны весьма красноречивые выводы о перспективах состояния тыловой инфраструктуры и настроений в войсках. Так, например, в отношении «интендантской части» констатировалось, что «запасов в стране для полного продовольствия армии недостаточно». Говорилось о «значительном расстройстве» железнодорожного транспорта и о невозможности «подавать одновременно на фронт запасы для ежедневного довольствия и для образования запасов, без наличия коих… нельзя начинать какие-либо операции». Балтийский флот «потерял боеспособность» (результат февральского восстания в Кронштадте), а в отношении «состояния армии» отмечалось следующее: «Армия переживает болезнь. Наладить отношения между офицерами и солдатами удастся, вероятно, лишь через 2—3 месяца. Пока же замечается упадок духа среди офицерского состава, брожение в войсках, значительное дезертирство». В общем, «боеспособность армии понижена, и рассчитывать на то, что в данное время армия пойдет вперед, очень трудно». Очень скоро может наступить «час, когда отдельные части армии станут совершенно негодными к бою… Упадок духа, замечаемый в офицерском составе, не обещает победы». Генерал явно стал склоняться к отказу от широкомасштабных наступательных планов.

В свою очередь, и Гучков не мог сообщить в Ставку утешительных сведений. Говоря о проблемах в комплектовании и снабжении войск, он ставил на первое место сугубо политические причины: «Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, кои допускает Совет рабочих и солдатских депутатов… Начавшееся разложение запасных частей внутренних округов прогрессирует… и запасные части не обладают необходимой моральной и боевой подготовкой… Так же безнадежно стоит вопрос и о пополнении конского состава армии… Намеченные реквизиции лошадей в округах пришлось прервать… дабы не обострять настроение населения и не

помешать своевременному обсеменению нолей, тем более что сбор лошадей, при нынешнем транспорте и необеспеченности фуражом, привел бы их лишь к бесцельной гибели на сборных пунктах».

Однако запрошенные Алексеевым по телеграфу Главнокомандующие армиями Западного и Юго-Западного фронтов, напротив, предпочитали любые активные, наступательные действия пассивному «позиционному сидению в окопах». Например, генерал Брусилов заявлял о «единогласном решении» подчиненных ему командиров: «Армии желают и могут наступать… наступление вполне возможно, это наша обязанность перед союзниками, перед Россией и перед всем миром». Лишь генерал Рузский настаивал на «подготовке к упорной обороне».

По результатам Совещания в Ставке и опроса Главнокомандующих Алексеев решился все же отдать директиву (30 марта 1917 г. № 2647) о подготовке к наступлению, запланированному, как и предполагалось изначально, на первые числа мая. Директива повторяла прежние, утвержденные еще в начале года направления ударов для Юго-Западного и Западного фронтов. Северный фронт, где, по мнению Алексеева, наиболее быстро происходили «революционные перемены» и Главнокомандующий которого настаивал на «отказе от выполнения наступательных операций», получал более скромную задачу — если позволят обстоятельства, перейти в наступление на Митаву. Его главной задачей становилась теперь защита подступов к Петрограду в случае возможного наступления немцев. Сюда перебрасывались части с Кавказского фронта, а Балтийский флот переходил в оперативное подчинение Главнокомандующему армиями Северного фронта. Кавказский фронт должен был удерживать занятые в 1916 г. позиции в Армении и в Персии, а Черноморский флот призван был содействовать Румынскому фронту на Нижнем Дунае. Идея десантной операции по захвату Босфора откладывалась. Алексеев отмечал: «Учитывая настоящую обстановку и наши обязательства перед союзниками, принимая во внимание общее состояние армии и ее снабжений, я решил сохранить общую идею плана и, при благоприятных условиях, по возможности, в первых числах мая произвести ряд наступательных действий». В письме Гучкову (12 апреля 1917 г.) генерал подчеркивал: «Как бы ни были мы бедны в настоящее время средствами, все же выгоднее наступать, даже без полной уверенности в успехе, чем перейти к опасной обороне и обречь себя на необходимость подчиняться решениям противника. Расстройство армии и ее снабжений окажет свое вредное влияние нисколько не в меньшей степени при обороне,

чем при активной операции… Отсюда вывод: как ни тяжело наше положение, нам нужно начать весеннюю кампанию наступлением, что отвечает и настойчивым желаниям союзников». Примечательно, что подобная перспектива начала наступления высказывалась и союзниками. 18 марта 1917 г. Жанен писал Алексееву, что «в настоящий момент наилучшим выходом как с точки зрения общих интересов военных операций коалиции, так и с точки зрения морального состояния русской армии, является как можно более скорый переход ее в наступление».

Схожие настроения выражались Алексеевым в беседе с Хэнбери-Уильямсом 18 мая 1917 г. По его воспоминаниям, генерал «просто сказал, что намерен сделать все, что в его власти, чтобы заставить армию сражаться и продолжить войну, но для этого необходимо восстановить в войсках дисциплину, которая… чрезвычайно ослабла. Если солдаты его не поддержат, он будет вынужден уйти в отставку».

Наступление могло бы «оздоровить фронт», но требовало уверенности и настойчивости. Стратегические условия 1917 г. оказывались такими, что огромный, растянутый от Балтики до Черного моря фронт уже не мог получать поддержку с тыла многочисленными и, самое главное, прочными в боевом и моральном отношении резервами. В докладе Гучкову 16 апреля 1917 г. Алексеев писал: «В армиях развивается пацифистское настроение. В солдатской массе зачастую не допускается мысли не только о наступательных действиях, но даже о подготовке к ним, на каковой почве происходят крупные нарушения дисциплины, выражающиеся в отказе солдат от работ по сооружению наступательных плацдармов».

Весной 1917 г., вопреки прогнозам прошлых лет, одним из приоритетных стало признаваться кавказское направление. После впечатляющих успехов в 1916 г., когда русскими войсками была освобождена практически вся территория Армении, а части кавалерийского корпуса под командованием генерал-лейтенанта А.А. Павлова вошли во взаимодействие с британскими экспедиционными силами в Месопотамии, здесь намечалось дальнейшее развитие боевых операций. 5 апреля 1917 г. Алексеев писал Главнокомандующему армиями Кавказского фронта генералу от инфантерии Н.Н. Юденичу: «Поступавшие до последнего времени сведения указывают на недостаточно энергичные действия частей 1-го кавалерийского корпуса, вышедших из гор на равнину. Хотя это и объясняется затруднениями в продовольственном отношении, но тем не менее необходимо употребить все силы для устранения местных затруднений и предписать генералу Павлову проявить полную

энергию. Что касается развития операции на мосульском направлении (в Персии. — *В.Ц.),* то и здесь необходимо добиться возможности безотлагательно развить энергичное наступление. Ожидаю от вас подробных соображений о действиях в указанных выше направлениях и выражаю уверенность, что славные кавказские войска вновь покроют себя новой славой, а высшие начальствующие лица изыщут способы обеспечить вопрос продовольственный, имея в виду, что втянуть скорее войска в боевую работу и обеспечить успех одинаково важно в нравственном отношении как для самой армии, так и для государства».

Однако и на Кавказском фронте наметилось падение боеспособности, хотя продовольственное и фуражное обеспечение брали на себя англичане. В письме преемнику Гучкова на посту военного министра А.Ф. Керенскому (19 мая 1917 г.) Алексеев писал о положении этого геополитически важного для России фронта, сравнивая его с другими фронтами, положение которых было не менее сложным. «Армия, вследствие недоедания, болезней, увольнения 40-летних уменьшилась на позициях в своем составе до угрожающих размеров. Можно сказать, что позиции окарауливаются, но не обороняются. Две дивизии, выведенные в резерв, имеют только пятую часть своего штатного состава. В тылу начинают хозяйничать курды и местное мусульманское население, нападая на станы, транспорты, посты слабо охраняемые. К марту месяцу запасные полки Кавказского фронта имели 139 000 переменного состава. Из них в данное время 78 000 можно было бы отправить (на фронт) немедленно и 26 000 во вторую очередь. Остальное потеряно вследствие дезертирства, болезней, увольнений и проч.

Прилив 104 000 человек сразу оживил бы армию и восстановил бы численность полков. Но различные местные комитеты, парализуя совершенно власть Главнокомандующего, считают запасные полки обеспечением против контрреволюции. Ни одна команда не может быть отправлена. Создается безысходное положение. Армии на фронте тают, а запасные полки тыла богаты людьми, но ничего не делают, лежат бременем на государственной казне, требуют ежедневного продовольствия и, по существу, совершенно бесполезны. Образовали две армии: (армия) на фронте и армия тыловая, но не для пополнения первой, а для обеспечения от контрреволюции.

Так далее продолжаться не может, особенно на Кавказе. Необходимо выдвинуть тыловую армию на пополнение жидких рядов фронта. Это может быть исполнено только волей правительства, так как генерал (Юденич. — *В. Ц.)* бессилен и, по-

видимому, утратил энергию и способность бороться с местными течениями, безусловно вредными в общегосударственном значении.

Я не допускаю возможности, — подводил итог Алексеев, — пополнять Кавказскую армию за счет запасных войск Европейской России. Наши Юго-Западный и Румынский фронты содержатся тоже в опасном некомплекте. А главное — для чего в тылу Кавказской армии будут сидеть 100 000 бесполезных для государства и русского народа людей, не желающих нести минимальную военную службу обороны позиций? И прошу Вашего содействия и скорого распоряжения, иначе придется оставить те позиции, которые ныне занимают войска армии (Кавказского фронта. — *В.Ц.),* к позору и вреду России и союзников».

Поэтому любой прорыв Восточного фронта сильной группировкой немецко-австрийских, болгарских или турецких войск мог оказаться роковым для всей российской армии. В отличие от ситуации 1915 г., когда во время «великого отступления» можно было отходить, сохраняя все же относительно устойчивую линию, в 1917 г. откат войск на одном участке фронта мог привести к выходу противника на тыловые коммуникации, и «залатать» такой прорыв за счет подвоза резервов было бы чрезвычайно трудно.

В длительную устойчивость войск Алексеев верил мало. Отсутствие уверенности в способности фронта к активным наступательным действиям повлияло, как отмечалось выше, на отказ Алексеева от операций, связанных с достаточной долей военно-политического «риска», прежде всего — от подготовки десантной операции по овладению Константинополем. Об этом сохранились примечательные воспоминания князя Г.Н. Трубецкого, сравнивавшего две позиции в отношении десанта на Босфор — генерала Алексеева и адмирала Колчака. «Начало апреля. Генерал Алексеев приезжает в Петроград. В кабинете Военного министра, под председательством последнего происходит совещание по вопросу о том, возможна ли операция захвата Константинополя и проливов. Докладывает командующий вооруженными силами Черного моря адмирал Колчак… Адмирал Колчак говорил о том, насколько благополучно складывается для нас общая военная обстановка на Босфоре. У турок там ничтожные силы. Наш флот готов выполнить задачу, ради которой существует в Черном море. Эта операция сохранит и тот дух, которым одушевлена команда, до которой еще не докатилась разлагающая волна революции. В заключение адмирал Колчак просил указаний, возможно ли готовиться к этой операции.

После краткого, но содержательного, доклада адмирала слово берет Главнокомандующий. Он, конечно, не отрицает значения этой операции, но наша армия — великое Х. Она больна и не переболела переворота. Наоборот, болезнь пока ширится и углубляется в ней. При таких условиях серьезную операцию, требующую известного напряжения сил, производить пока нельзя. Отложим вопрос до июня, тогда увидим на что можно от нее рассчитывать. Адмирал Колчак и генерал Алексеев — люди одной психологии. Каждый из них знает, что то, что дорого одному, то дорого и другому. Поэтому они с полуслова понимают друг друга, и адмирал Колчак не настаивает на осуществлении того, что, видно, составляло его заветную мечту.

Так на долю Главнокомандующего революция не принесла ни одного дня праздника. С самого начала ему выпала задача — не только бороться с иллюзиями, но и разбивать благородные мечты. Было ли это от недостатка идеализма, от маловерия? Те, кто знали М.В., знают, какой источник горячей веры таился в его груди, но в нем не менее сильно было чувство долга и воинской дисциплины…»

Несколько иначе излагается позиция Алексеева в отношении Босфорской операции в воспоминаниях генерала Ю. Данилова. В ответ на предложение об отправке в десант 2—3 корпусов Алексеев заявил: «Вы слышали только что доклад о состоянии армий Северного фронта. В таком же положении находятся войска и на остальных фронтах. Что касается Черноморского флота, то он сохраняется немногим больше, чем Балтийский. При этих условиях ни о каких десантных операциях думать не приходится. Нам быть бы только живу».

Транспортные суда, предназначавшиеся первоначально для высадки десанта на Босфоре, с весны 1917 г. стали использоваться для перевозки угля из Мариуполя в Одессу, и размещенное на них военное оборудование демонтировалось. Правда, при этом Алексеев давал указание, что «когда это потребуется», данное «оборудование» могло быть снова «быстро собрано и установлено». Весьма сочувственно отнесся к плану десанта начальник штаба Главковерха Деникин, считавший, что для перевозок топлива вполне допустимо использование тоннажа румынских транспортов с Дуная. Но становилось очевидным: в текущем году десант не состоится, уже по той одной причине, что завершение его технической подготовки представлялось невозможным до начала «сезона штормов» на Черном море. А после знаменитой «ноты Милюкова» о важности соблюдения заключенных международных соглашений считалось вполне допустимым предоставление равных условий всем странам

Антанты, без особых территориальных преимуществ России, и обязательная демилитаризация проливов.

В то же время стратегический опыт войны продолжал развиваться, и, несмотря на нараставшие трудности в системе обеспечения войск и падение их боевого духа, все более и более определенной становилась новая доктрина ведения боевых операций, отличительные признаки которой формировались еще с конца 1915 г. Алексеев как широко мыслящий полководец, как исследователь, осознающий специфические черты каждого периода военной истории, не мог не заметить наступления нового этапа в развитии военного искусства. Сутью новой доктрины стало, во-первых, отмеченное выше понимание войны как комплексного военно-экономического, а после февраля 1917 г. — еще и военно-политического, противостояния двух противоборствующих систем. Во-вторых, сформировалась специфическая стратегия боевых операций в условиях перехода от маневренной войны к позиционной и наоборот. Опыт 1915 г. года показал закономерности перехода от активных маневренных действий к «окопному сидению», при котором от армий, прежде всего, требовалось привыкнуть к тому, что война продлиться долго, а «эффектных» атак, при быстро меняющейся боевой обстановке, может не быть вовсе. В тактике ведения операций наметился переход от сражений «в поле», при которых система укреплений представлена слабыми окопами полевого профиля и узловыми укрепленными районами — крепостями, к сплошным укрепленным линиям позиционной обороны. Теперь армиям приходилось, с одной стороны, опираться на собственные укрепленные линии, с другой — приспосабливаться к прорыву аналогичных укрепленных линий у противника и к дальнейшему развитию наступлений. Этот опыт был востребован в 1916-м, что привело к дальнейшей эволюции в действиях всех родов войск, в частности, артиллерии.

Но оценке военного исследователя Барсукова, «опыт этих действий привел к заключению о применении артиллерии в условиях позиционной борьбы для совершения прорыва укрепленной полосы». Мощным артобстрелом предварялись наступательные действия, после чего следовало обеспечить активное продвижение пехоты в глубь прорванного неприятельского фронта и затем вводить «в дело» кавалерийские части, преследующие противника, не дающие ему «закрепиться» на новых рубежах. «В 1917 г., — отмечал Барсуков, — при попытках русской армии прорывов укрепленной полосы австро-германцев русская артиллерия во всех сражениях действовала, в общем, весьма успешно, но не от нее уже зависела участь этих

сражений, а от пехоты, боеспособность которой в тот период стала весьма низкой… Опыт мировой войны указал, что для успешной борьбы за укрепленные полосы оказалось безусловно необходимым производить предварительно основательно продуманную подготовку операции и составлять план действий артиллерии с расчетом заблаговременного сосредоточения необходимых артиллерийских и прочих сил и средств, обеспечивающих подавляющее превосходство над противником вообще и в решающем направлении главного удара — в особенности».

К 1917 г. в Ставке, под непосредственным руководством Алексеева, были разработаны «Общие указания для борьбы за укрепленные полосы», состоявшие из двух частей: «Действия всех родов войск» и «Действия артиллерии». А в начале мая 1917 г. Алексеевым было утверждено «Наставление для борьбы за укрепленные полосы». Во вступлении ко 2-й части «Наставлений» («Действия артиллерии при прорыве укрепленной полосы») говорилось, что переработка этой части «выполнена на основании отчетов строевых начальников о боевом применении “Общих указаний”», и что «отчеты эти отмечают ту громадную пользу, которую принесли “Указания”, а также и то, что нарушение преподанных в них “основных положений” приводило нередко к кровавым неудачам… нарушения “основных положений” являлись следствием недостаточного знакомства некоторых общевойсковых начальников с преподанными указаниями для использования боевой силы артиллерии…»

Данный документ отнюдь не являлся продуктом «штабного творчества», а был, в полном смысле слова, выстрадан горьким опытом прошедших боев. Во вступлении отмечалось также, что нередко «нормы, имевшие в виду атаку тщательно укрепленных полос, применяли дословно к обороне или к полевому бою, следовавшему за удачным прорывом, и исключали этим быстрое развитие успеха». В конце «вступления» Алексеев указывал, что 2-я часть «Наставления» «обязательна для всех армий и должна быть изучена начальниками всех родов оружия, всех степеней». Генерал, как всегда бывало прежде, обращался к непосредственному строевому опыту полевых командиров и штабных работников, подчеркивая, что нужно «применять “Наставление” согласно обстановке, избегая закрепощения норм и цифр», потому что «никакие нормы не могут освободить начальствующих лиц от обязанности размышлять и руководить боем»{68}.

К сожалению, под влиянием «революционных перемен» Ставка необратимо утрачивала свой статус высшего органа,

регулирующего разнообразные стороны жизни фронта. «Написанные кровью» предшествующих лет войны «наставления» и «указания» редко могли повлиять на решения «наступать» или «не наступать», принимаемые многочисленными фронтовыми комитетами. Формально подчиненная Верховному Главнокомандующему, Ставка, несмотря на все противодействие Алексеева этому процессу, теперь подчинялась «коллегиальной власти» — Временному правительству, получившему неограниченные полномочия согласно Манифесту Великого князя Михаила Александровича. Подчиненность правительству ставила Алексеева в сильную зависимость от решений министра обороны. Гучков не считался с рапортами и сообщениями Алексеева, а лишь требовал поддержки своих преобразований. Генерал Деникин вспоминал, что «значение Ставки пало», и если до февральских событий 1917 г. «ни одно лицо и учреждение в государстве не имело права давать указаний или требовать отчета от Верховного Главнокомандующего», то «с началом революции… Ставка, вопреки историческим примерам и велению военной науки, стала органом, фактически подчиненным военному министру. Эти взаимоотношения не основывались на каком-либо правительственном акте, а вытекали из смешения в коллективном лице Временного правительства верховной и исполнительной власти и из сочетания характеров — более сильного Гучкова и уступчивого Алексеева». И если во взаимоотношениях Алексеева и Николая II не было серьезных разногласий, то «министерство Гучкова» с первых же дней встало в позицию диктата и предписаний, а Ставка — в положение просителя по всем вопросам военной организации. Ожидаемой самостоятельности Алексеев так и не получил, и его мнение интересовало Временное правительство лишь постольку, поскольку оно соответствовало тем или иным направлениям «общеполитического курса». Генерал не получал даже жалованья но новой должности, и только через два месяца после отставки ему был проведен денежный перерасчет.

С горькой иронией вспоминал Алексеев позднее о Гучкове, оценивая одну из наиболее «громких» его «реформ», связанных с кадровыми переменами в командном составе: «Рука великого “реформатора” армии… вымела из наших рядов в наиболее острую и критическую минуту около 120 генералов… “Реформатор” мечтал освежить командный состав и вызвать “небывалый подъем духа в армии”. Последнего не случилось, к несчастью, а вреда сделано немало. Сам “реформатор” положив прочное начало многому непоправимому на десятки лет для армии, поспешил умыть руки в дальнейших се судьбах».

Еще менее важной, а то и прямо «опасной», «контрреволюционной», считал работу Ставки сменивший Гучкова на посту военного министра Керенский{69}.

Ставка не смогла получить полноту военной власти и стать, по словам Деникина, «объединяющим командным и моральным центром». И все же при Главковерхе Алексееве делалось все возможное для того, чтобы сохранить боеспособность фронта. Кадровые перемены не обошли и личного состава Ставки. Теперь основные должности принадлежали фронтовикам, строевым офицерам, имевшим большой боевой опыт. Должность начальника штаба при Алексееве занял начальник 4-й стрелковой дивизии («Железных стрелков») генерал-лейтенант А.И. Деникин, первым генерал-квартирмейстером стал бывший начальник штаба Туземной («Дикой») конной дивизии генерал-майор Я.Д. Юзефович, а учрежденную Главкомом должность второго генерал-квартирмейстера занял соратник Деникина по службе в «Железной дивизии» генерал-майор С.Л. Марков, генерал-инспектором артиллерии стал бывший инспектор артиллерии Юго-Западного фронта М.В. Ханжин. Все они позднее приняли участие в Белом движении.

Деникин отмечал, что Алексеев по-прежнему руководил аппаратом Ставки в своем стиле: «Необыкновенно трудолюбивый, добросовестный, самоотверженный работник — он обладал в этом отношении одним крупным недостатком: всю жизнь делал работу за других. Так было в должности генерал-квартирмейстера Генерального штаба, начальника штаба Киевского округа, потом Юго-Западного фронта и, наконец, начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Никто не имел влияния на стратегические решения, и зачастую готовые директивы, написанные мелким бисерным почерком Алексеева, появлялись совершенно неожиданно на столе генерал-квартирмейстера. “Фронтовики” Деникин, Юзефович и Марков — не могли примириться с таким положением, и между ними и “штабистом” Алексеевым периодически возникали разногласия».

Хотя Деникин и считал, что «вопросы внутренней политики ни в малейшей степени ни генералом Алексеевым… ни отделами Ставки не затрагивались», даже поверхностный анализ состояния фронта подводил к выводу о невозможности перехода к запланированным наступательным действиям «в первых числах мая». Опасность роста антивоенных настроений подтверждалась. Созданный в марте 1917 г. солдатский комитет при Ставке только в самом начале своей работы выступал за «сотрудничество» с офицерским составом. Нарастала и «демократизация» армии, ярко выраженная в т.н. «Декларации прав солдата», в которой, в

частности, закреплялся принцип участия солдат в политических акциях, в выборах, политических и профессиональных организациях. Все яснее становилась перспектива падения авторитета строевых командиров и роста популярности многочисленных политиков, революционных агитаторов и партийных деятелей, призывавших к «миру без аннексии и контрибуций».

Для обсуждения проекта «Декларации» и корректировки военных планов Алексеевым 1 мая 1917 г. в Ставке было созвано Совещание Главнокомандующих фронтами (за исключением Кавказского фронта). Еще накануне, в конце апреля, по воспоминаниям Деникина, «Алексеев, отчаявшись в возможности самому лично остановить правительственные мероприятия, ведущие к разложению армии, перед объявлением знаменитой декларации прав солдата послал главнокомандующим шифровальный проект сильного и резкого коллективного обращения к правительству, которое должны были подписать все старшие чины до начальников дивизий включительно».

Прибывшие в Могилев Главнокомандующие фронтами вскоре пришли к выводу о необходимости расширенного обсуждения насущных проблем фронта. Было решено не ограничиваться составлением телеграфных рапортов и обращений к власти, а отправиться в Петроград и там предъявить свои требования. Главковерх был готов к компромиссам в отношении принятия «Декларации». «Мы сделаем все от нас зависящее, — отмечал он, — Воздействуем на Совет рабочих и солдатских депутатов, будем просить Временное правительство и центральные учреждения не ставить нам палок в колеса и задержать опубликование “Декларации прав” до осени, когда выйдет новый Устав внутренней службы, в котором положения “Декларации” не будут так резать глаза».

Что касается сроков и направлений ударов запланированного общего наступления, то здесь в целом подтверждалась точка зрения, высказанная на предыдущем совещании: несмотря на то, что лозунги «мира во что бы то ни стало» становятся все более популярными, начало наступления способно утихомирить политические споры на фронте. «Мы еще имеем месяц, — сказал в заключение Алексеев, — чтобы всеми мерами оздоровить армию»{70}.

После совещания в Ставке решено было провести еще одно, расширенное совещание в Петрограде. 4 мая 1917 г. Алексеев вместе с Главнокомандующими прибыл в столицу, и здесь, в Мариинском дворце, состоялось первое после начала революции расширенное совещание российских военачальников с

министрами Временного правительства, членами Комитета Государственной думы и представителями Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Формальным поводом для совещания являлась также происходившая «смена власти» в военном ведомстве: отставка Гучкова и принятие поста военного министра Керенским.

По воспоминаниям генерала Гурко, участвовавшего в петроградском совещании, «перед отъездом из Могилева главнокомандующие в общих чертах договорились относительно того, на какую тему каждый будет говорить на совещании. В результате в начале слушаний Алексееву предстояло объяснить причину нашего приезда в Петроград и созыва настоящего совещания. Вслед за ним должны были выступить главнокомандующие в таком порядке: генерал Брусилов, генерал Драгомиров, генерал Щербачев и, наконец, я сам. У каждого имелись конкретные примеры, демонстрирующие состояние дисциплины в войсках различных фронтов. Я должен был обрисовать международное положение России, ее обязательства перед союзниками и последствия, которые могут возникнуть в результате несоблюдения этих обязательств. В заключительном слове Алексеев собирался изложить минимальные требования, выполнение которых позволило бы завершить начатую нами работу».

Стенограмма заседания отразила словесную готовность министров и лидеров Совета поддержать требования военных, однако реальность оказалась далекой от ожидаемого. «Генерал Алексеев, — вспоминал Гурко, — говорил, в первую очередь, о разосланном нам проекте декларации прав солдата. Он сказал, что, хотя Главнокомандующие не исключают возможности регламентации прав нижних чинов, однако эти правила должны также определить обязанности каждого военнослужащего и права начальствующих лиц. Несмотря на то, что Временное правительство не издало никаких инструкций об изменении существующих военных уставов и статутов, включая дисциплинарный устав, оно в то же время не распорядилось и об их постоянном и неукоснительном соблюдении. Пользуясь этим, агитаторы беспрестанно внушали солдатам, что революция, принесшая народу волю, также упразднила и все воинские обязанности, так как их выполнение ограничивает свободу личности».

Алексеев стремился подчеркнуть отсутствие принципиальных разногласий между армией, правительством и советами: «Нас всех объединяет благо нашей Свободной Родины, — отмечал Михаил Васильевич. — Пути у нас могут быть различны, но цель

одна — закончить войну так, чтобы Россия вышла из нее хотя бы уставшею и потерпевшею, но отнюдь не искалеченной. Только победа может дать нам желанный конец». Главковерх был убежден в необходимости решительного наступления, хотя и понимал сложность его проведения в «революционных условиях»: «Казалось, что революция даст нам подъем духа, порыв и, следовательно, победу. Но, к сожалению, в этом мы пока ошиблись. Не только нет подъема и порыва, но выплыли самые низменные побуждения — любовь к своей жизни и ее сохранению. Об интересах Родины и ее будущем забывается… Лозунг “без аннексий и контрибуций” приводит толпу к выводу — “для чего жертвовать теперь своей жизнью”».

«Армия на краю гибели, — предупреждал Алексеев, — еще шаг — и она будет ввергнута в бездну, увлечет за собою Россию и се свободы, и возврата не будет». «Армия — организм хрупкий; вчера она работала — завтра она может обратиться против России. В этих стенах можно говорить о чем угодно, но нужна сильная твердая власть, без нее невозможно существовать. До армии должен доходить только приказ министра и Главнокомандующего, и мешать этим лицам никто не должен… Материальные недостатки мы переживем; духовные же требуют немедленного лечения».

«После того как Алексеев закончил, — вспоминал Гурко, — слово взял член президиума Совета И.Г. Церетели. Он достаточно неубедительно пытался оправдать затяжной характер революции. Он говорил, что начать революцию проще, чем остановить ее; что Совет, со своей стороны, делает для этого все возможное, но им трудно выгребать против течения. Он заявил протест против резкости выдвинутых против членов Совета обвинений. Церетели отвечал генерал Алексеев. Затем попросил выслушать себя Керенский. Он произнес короткую речь, направленную на то, чтобы загладить все неровности, возникшие в ходе обсуждения».

Все высказанные мнения и предложения были, безусловно, актуальны, вполне адекватно отражали положение на фронте и нужды армии. Михаил Васильевич не мог не отметить начало серьезных улучшений в снабжении войск вооружением и боеприпасами, но «душа армии» оставляла желать лучшего. И хотя после Совещания вроде бы не оставалось сомнений в готовности генералитета, правительства и даже Совета к совместной работе «ради победы», но это осталось на словах, на деле же положение не менялось. В результате сроки намеченного наступления пришлось перенести на начало июня.

Становилось очевидным, что радикальным революционным настроениям, советским структурам, фронтовым, армейским,

корпусным комитетам нужно было оперативно противопоставить контрреволюционные структуры, настроенные на решительные действия ради продолжения войны «до победного конца». Теперь Алексеев признал неизбежность «вовлечения армии в политику». Нельзя, однако, не отметить, что, как и в прежние годы, политические «познания» генерала существенно не изменились. Как вспоминал известный отечественный публицист Р. Гуль, «по войнам (мировой и гражданским) я знавал русский генералитет, и надо честно сказать, что наши генералы в подавляющем большинстве были политически невежественны (в противоположность иностранным военным). Недаром во время революции сам глава Генерального штаба генерал М.В. Алексеев (здесь Гуль ошибается в его должности. — *В.Ц.),* ища патриотической поддержки среди левых, однажды обратился к социалисту-патриоту Г.В. Плеханову: “Георгий Валентинович, Ваше слово, как старого социалиста-революционера, было бы…” Плеханов поправил генерала (Г.В. Плеханов возглавлял социал-демократическую группу “Единство” и идейно разошелся с преемниками народников еще в эмиграции. — Б.Д.), и, думаю, на лице Плеханова отобразился “ужас” — чтоб его, “отца русской социал-демократии”, называли “старым социалистом-революционером”!»[{71}].

Однако для генерала Алексеева «левый» спектр российской общественно-политической жизни вряд ли отличался какими-либо ярко выраженными оттенками, тогда как в своих «правых» взглядах Михаил Васильевич утверждался все более и более. Показательно, что 6 мая, сразу же после возвращения из Петрограда в Ставку, Алексеев, в числе очень немногих офицеров штаба, участвовал в молебне, посвященном дню рождения Николая II (день Праведного Иова Многострадального). До отречения Государя на этом празднике присутствовали все чины Ставки, а также местные губернские чиновники. Теперь же, по воспоминаниям Е. Ковернинской, супруги служившего в штабе Главковерха офицера, на службе в храме было очень мало молящихся. «Церковь, в которой всегда молился Государь, церковь, которая была переполнена толпой людей, в которую приходилось пускать только по билетам, была пуста в день рождения Государя, в этот, такой тяжелый для Него, год, несмотря на то, что в Ставке все еще находилось на прежних местах. Было два-три приезжих с фронта офицеров, несколько могилевских обывателей, несколько случайно забредших баб и… никого из ставочных. С грустью слушала я прекрасную службу и, глядя на пустой левый клирос, обычное место Царской Семьи, вызывала в памяти образ Государя, прелестные детские чистые

личики Наследника и Великих Княжен, еще так недавно видневшиеся оттуда, и горячо молила Бога сохранить их.

Служба незаметно подходила к концу. Протопресвитер Георгий, имевший мужество молиться о здравии Государя и его Семьи, в те дни, когда даже с церковного амвона зачастую говорились хвалебные речи разрушителям России, вышел с крестом. Я прошла вперед и тут только увидела в правом приделе, скрытого колонной, на коленях перед образом Богоматери генерала Алексеева. Весь поглощенный молитвой, с просветленным лицом, по которому катились крупные слезы, он, несомненно, молился не о себе. Я видела много раз людей, молившихся искренно, отдававшихся целиком молитве, но другой такой молитвы я не видела и, верно, не увижу никогда…»

По воспоминаниям полковника С.Н. Ряснянского, «в начале апреля 1917 г… на фронте было спокойно, и обычная оперативная работа была небольшая, но свободного времени не было, так как появилась новая отрасль работы — политическая». С 7 по 22 мая 1917 г. в Ставке прошел 1-й съезд одной из самых влиятельных военных организаций, ставшей позже одной из основ формирования Белого движения, — «Всероссийского Союза офицеров армии и флота». Адъютант Корниловского ударного полка поручик князь Н. Ухтомский справедливо называл Союз «делом рук Алексеева и офицеров Генерального штаба». Инициатива в создании Союза исходила от сотрудников генерал-квартирмейстерской части — полковников Пронина и Лебедева. Его руководство составили офицеры-генштабисты — полковники Л.Н. Новосильцев (член кадетской партии, депутат I и IV Государственной думы), В.И. Сидорин (будущий командующий белой Донской армией), С.Н. Ряснянский (будущий начальник разведотдела штаба Добровольческой армии), Д.А. Лебедев (будущий начальник штаба Ставки адмирала Колчака в 1919 г.). Михаил Васильевич был избран «первым почетным членом» Союза. Призыв «Поднять боеспособность и мощь Русской армии!» стал лозунгом Союза.

Как писал в своих воспоминаниях Пронин, Алексеев «горячо приветствовал идею Союза». «Союз офицеров в настоящее время необходим, он должен быть создан, — говорил генерал. — Я предвижу неминуемый развал армии; изо всех сил борюсь с разрушающими армию новшествами, но Петроград глух к моим словам. Вы, господа, правы: теперь больше чем когда-либо необходимо сплотить офицерский корпус; только здоровое офицерство может удержать армию от окончательного развала, дать опору достойным начальникам, поднять дисциплину и опять сплотить в единую, дружную, еще так недавно грозную для врага,

семью офицеров и солдат. Благословляю, организуйте съезд, работайте, я поддержу».

Во время Учредительного съезда Алексеев и его начальник штаба генерал-лейтенант А. И. Деникин выступили в Ставке с докладами, которые, по оценке генерала Головина, можно было бы считать своеобразным «психологическим истоком русской контрреволюции». На съезде выступили также члены ЦК кадетской партии: П.Н. Милюков, Ф.И. Родичев, А.И. Шингарев, монархист В.М. Пуришкевич.

Алексеев выступал первым. Никогда прежде ему не приходилось делать политический доклад, да еще и перед столь многочисленной, хотя и сочувствующей ему, аудиторией. Голосом «усталого и глубоко измученного человека» он говорил о своем понимании причин «падения воинского духа Русской Армии»: «Мы часто встречаем короткую фразу: “Отечество в опасности”. Мы слишком привыкли к этой фразе… и не вдумываемся в грозный смысл ее. Россия погибает. Она стоит на краю пропасти. Еще несколько толчков вперед, и она всей тяжестью рухнет в эту пропасть. Враг занял восьмую часть ее территории. Его не подкупишь утопической фразой: “мир без аннексий и контрибуций”. Упал воинский дух русской армии; еще вчера грозная и могучая, она стоит сейчас в каком то роковом бессилии перед врагом. Прежняя традиционная верность Родине сменилась стремлением к миру и покою. Вместо деятельности в ней заговорили низменные инстинкты о сохранении жизни каждого воина».

Делала свое пропаганда классовой борьбы и сословной розни: «Начертали на нашем знамени великое слово “братство”, но не начертали его в сердцах и умах. Классовая рознь бушует среди нас. Целые классы, честно выполнявшие свой долг перед Родиной, взяты под подозрение… Мы заботимся… — каждый о своих интересах. Много хлеба, а русская армия недоедает, а конский состав и совсем голодает».

Примечательные, ставшие позднее весьма популярными в идеологии Белого движения, параллели связывал Алексеев со Смутным временем начала XVII века (позднее, в Ростове на Дону, Михаил Васильевич выступал с лекцией по данной исторической теме): «Настали новые, светлые времена, а где воодушевление, где порыв, где энтузиазм молодой нации, достигшей великих благ человечества?… Если вернемся назад, то увидим, что только 300 лет тому назад такое же лихолетье переживала наша Родина. Но тогда было легче. Тогда на пороге был… враг — славянин, не проповедовавший, что “славянство — это навоз для удобрения почвы для немецкой культуры и благоденствия германского

народа”».

Идеям «классовой борьбы» в армии нужно было противопоставить «слияние офицеров и солдат в одну дружную семью, в один общий союз». Офицерству следовало всячески укреплять «общее доверие», «сердечное расположение к солдату», заботиться о том, чтобы «приподнять нравственный и умственный склад солдата». Вместо политического деления «всех граждан России на платформы и платформочки» следовало «объединиться на одной великой платформе: Россия в опасности. Нам надо как членам великой армии спасать ее». Но пока, как говорил Алексеев, в стране нет «той мощной власти, которая заставила бы каждого гражданина нести честно долг перед Родиной». Эти требования «твердой руки», насущно необходимой «во имя завещанной Государем победы над врагом», стали основой будущей идеологии Белого движения, выдвигавшейся, прежде всего, российским офицерством. Их вполне разделяли и «первый почетный член» Союза офицеров, и многие общественно-политические структуры, зарождавшиеся в конце весны — начале лета 1917 г.

По воспоминаниям Ряснянского, «слабый в начале речи голос Главнокомандующего крепнет к концу, и все лицо его как-то преображается… Во время речи создавалось настроение взаимного доверия и понимания между Верховным Главнокомандующим, старым, опытным человеком, облеченным доверием страны еще до переворота, и, по большей частью, молодыми и никому, кроме свой части, неизвестными офицерами». Показательно, что «съезд встречал чрезвычайно отзывчивое отношение по всем вопросам, обращенным к Ставке, и вместе с тем какого-либо давления со стороны Верховного Командования на съезд совершенно не было. Влияние Алексеева сказывалось лишь в том, что съезд не был резок в своих резолюциях и сделал некоторые уступки солдатам-делегатам, чего быть может и не было бы сделано без его влияния».

Стремясь к восстановлению нарушенного единства между офицерами и солдатами, Алексеев активно защищал идею создания «Общевоинского союза», надеясь на компромиссное объединение как патриотов-офицеров, так и солдат. Однако солдатская инициативная группа, призвав офицерство очиститься от «изменников Родины», которые «не признают власти народа» и носят на себе «налет царской пыли», отказалось поддерживать создание «Общевоинского союза»[{72}].

«Политическое кредо» Союза офицеров достаточно ясно выражалось в декларации о его создании: «2 марта в России пала старая власть. Вместе с ней пала и старая организация страны.

Перед гражданами России встала первейшая и неотложная задача — организовать страну на началах свободы, равенства и братства, чтобы из хаоса революции не ввергнуть государство на путь разложения и анархии… На командный состав и на корпус офицеров выпала тяжелая задача — видоизменить, в тяжелый период военных действий, организацию армии в духе начал, выдвинутых революцией, не нарушая, однако, основ военной организации… Мы верим и повинуемся Временному правительству, которому все присягали. Мы поддерживаем Временное правительство — впредь до решения Учредительного собрания — в целях предоставления ему возможности спокойно и работать над осуществлением и закреплением завоеванных свобод, и довести страну до Учредительного собрания». Влиянием «революционного времени», кстати, можно было объяснить положение о том, что «в число членов Союза не могут быть приняты бывшие офицеры отдельного корпуса жандармов и бывшие офицеры полиции».

Майский съезд в Ставке утвердил устав Союза офицеров, его руководящие структуры. Ряснянский отмечал, что политические интересы постоянно преобладали над сугубо военными. Очень скоро началось сближение с определенными партийно-политическими структурами: «Дальнейшая деятельность Союза продолжалась уже в сфере установления общности работы с национально настроенными группами — политическими, общественными и промышленно-торговыми». «Взаимоотношения Офицерского Союза с указанными кругами мыслились в следующей форме: Союз дает физическую силу (офицерские кадры. — *В.Ц.)»,* а национальные и финансовые круги — деньги и оказывают, где нужно, политическое влияние и на руководство».

К середине лета Союз имел уже обширную сеть на фронте, «не было армии, в которой бы не было нескольких его отделений». Далее предполагалось открыть отделения Союза во всех военных округах и крупных городах. Создание этих «союзных» структур предполагало не только пропаганду в духе укрепления армии и борьбы с анархией в тылу, но и прием новых членов, а также поиск информации об антиправительственной деятельности социалистических партий, прежде всего, большевиков. Собиралась информация о тех армейских комитетах, которые, по мнению членов Союза, «наносили вред» боеготовности фронта. Таким образом, определяющей чертой деятельности Союза становилась «борьба с внутренним врагом».

Летом 1917 г. члены Главного комитета установили контакты с известными политиками: П.Н. Милюковым, В.А. Маклаковым (до его отъезда в Париж), П.Б. Струве, Н.В. Савичем и др. Далеко

не последнюю роль сыграл Союз офицеров накануне «корниловщины». По свидетельству Ряснянского, «группа, образовавшаяся из состава Главного Комитета… Союза офицеров при Ставке, всего в составе 8—10 человек (во главе ее стоял полковник Сидорин. — *В.Ц.),* и занявшаяся конспиративной деятельностью, поставила себе ближайшей задачей организовать среди офицеров группу верных идее Национальной России. Вождем, за которым предполагалось идти, был генерал Корнилов. Корнилову об этом ничего не было сказано». При этом «часть членов Главного Комитета образовала группу, вошедшую в связь с некоторыми другими организациями… Конспиративные группы того периода представляли собой небольшие группы, главным образом офицеров, ничем не связанных и даже враждовавших между собою… но все они были антибольшевистскими и антикеренскими». Именно из этих групп предполагалось организовать мобильные офицерско-юнкерские отряды, с помощью которых следовало захватить центральные учреждения Петрограда и арестовать Петроградский Совет. Об их намерениях накануне выступления генерала Корнилова в августе 1917 г. узнал Алексеев и, как будет показано ниже, категорически отказал в поддержке такого рода «активизма»[{73}].

Но если Союз офицеров ставил, в значительной степени, военно-политические задачи, то для решения сугубо военных задач, связанных с намеченным наступлением, следовало изменить условия организации и комплектования армии. Ввиду продолжающегося падения боеспособности воинских частей на фронте, по мнению Алексеева, необходимо было приступить к частичной демобилизации (прежде всего старших возрастов), а взамен — создать особые подразделения из добровольцев — убежденных сторонников продолжения «войны до победного конца».

Генерал Брусилов предложил Алексееву утвердить план организации «особых ударных революционных батальонов, навербованных из волонтеров в центре России». По замыслу Брусилова, эти части, поставленные во время наступления «на важнейших боевых участках, своим порывом могли бы увлечь за собой колеблющихся». Алексеев, не оспаривая в целом проект Брусилова, считал, что такие батальоны должны не принимать на себя всю тяжесть нанесения главного удара, а, напротив, должны вводиться в бой в качестве испытанного резерва, призванного развить первоначальный успех прорыва. Не разделял он и планов создания подобных частей в тылу. В телеграмме от 21 мая 1917 г. Главковерх предупреждал, что «сбор в тылу армии неизвестных и необученных элементов вместо ожидаемой пользы может

принести вред для ближнего тыла Ваших армий. Только извлечение надежных людей из состава войск может дать подготовленный материал для формирования».

Алексеев предлагал создавать добровольческие ударные подразделения из дисциплинированных, преданных долгу солдат и офицеров, выделяя их из состава теряющих боеспособность частей, хотя и учитывал, что это может привести к снижению устойчивости воинских частей и флотских экипажей. Более перспективным представлялось Алексееву создание ударных батальонов из военнослужащих тыловых гарнизонов, прежде всего — из быстро «революционизирующихся» Петрограда и Москвы, а также из юнкеров. В телеграмме Брусилову от 18 мая он отмечал: «Совершенно не разделяю надежд Ваших на пользу для лихой, самоотверженной, доблестной и искусной борьбы с врагом предложенной меры… Военно-учебные заведения мне не подчинены, и разрешить в них вербовку не могу, на это нужно согласие и распоряжение военмина, которому телеграфирую, но считаю, что мы не имеем права расходовать в качестве рядовой силы наших будущих офицеров, пополнение коих становится все труднее.. Вербовка из состава Черноморского флота парализует флот, ибо судовые команды не имеют штатного состава. Разрушение морской силы допустить не могу, запрашиваю, однако, адмирала Колчака, какое число он мог бы выделить… Что касается крепостей Черного моря, то оттуда можно извлекать элементы только из крепостной артиллерии и небольшого числа инженерных рот. Пехота состоит исключительно из ополчения, которое придется кем-либо пополнить, ибо наличных людей едва хватает для гарнизонной службы».

По мнению Алексеева, не отвергавшего категорически идею создания новых воинских подразделений, следовало «разрешить вести широкую агитацию и вызов охотников в ударные батальоны среди запасных батальонов и полков Петрограда и ближайших окрестностей, равно — Москвы, с тем, чтобы составленные батальоны спешно отправлялись в Ваше распоряжение для спайки и надежного обучения». Но все же главное внимание следовало уделить добровольцам на фронте. На тыл надежды были невелики. «Неужели фронт, — патетически писал Михаил Васильевич, — располагающий 900 000 человек, не может найти одного или двух процентов тех праведников, ради которых можно пощадить всю грешную большую массу. Ведь два процента дадут 18 000 подготовленных лучше, чем могут дать запасные полки, флот, тем более совсем необученные волонтеры».

Брусилову следовало бы «сначала обратить внимание на честные элементы своего фронта, не рассчитывая широко на

спасение извне. Все, что может дать страна, придет не так скоро. Эти, быть может, и воодушевленные элементы нужно еще спаять, обучить. Выражаю свое мнение, что в недрах фронта… можно найти материал на 12 батальонов, если только от такого числа зависит общее спасение»{74}.

Широкое создание ударных батальонов, батальонов смерти, революционных батальонов волонтеров тыла было осуществлено уже после отставки Михаила Васильевича, его преемниками — Брусиловым и Корниловым. Бойцы-ударники стали позднее основой контрреволюционных сил, а 1-й ударный отряд Юго-Западного фронта был развернут в знаменитый Корниловский ударный полк. Следует отметить также, что создание ударных частей привело к внесению дополнений в упомянутое выше «Наставление для борьбы за укрепленные полосы». Теперь следовало усиливать войска, предназначенные для выполнения прорыва, специальными «ударными корпусами», принимавшими на себя тяжесть лобового удара по позициям противника, а вслед за ними в прорыв нужно было вводить сильные резервы.

Интересно отметить, что несколько позже, после проведенной немцами Рижской операции в августе 1917 г., в историю военного искусства вошла специальная тактика прорыва укрепленных рубежей противника. Она получила название «тактика Гутьера» — по фамилии немецкого генерала Оскара фон Гутьера, командовавшего под Ригой 8-й немецкой армией. Суть ее была изложена генералом в его книге «Атака в позиционной войне», вышедшей в свет в 1918 г. В ней признавалось обязательным использование ударных штурмовых групп, при прорыве вражеских оборонительный линий, с последующим введением в атаку остальных частей пехоты. При этом обязательным признавалось массированное использование артиллерии, допускалась газовая атака. Но применение ударных подразделений при прорыве укреплений было введено в русскую тактику все-таки раньше, чем это было признано и обосновано немецкими военными.

Примечательно и то, что Алексеев, соглашаясь с созданием новых воинских частей, тем самым признавал возможность организации армейских подразделений на добровольческих началах, хотя это и противоречило классическим принципам комплектования кадровой армии. И именно ему, спустя всего полгода, предстояло выступить инициатором формирования подразделений, составивших основу его, «Алексеевской», организации, ядра будущей Добровольческой армии.

И еще одно важное решение следовало, по мнению Алексеева, принять накануне наступления. В марте фактически были ликвидированы структуры военно-полевой юстиции, отменена

смертная казнь на фронте. Для укрепления дисциплины в армии требовалось немедленно восстановить военно-полевые суды. В телеграмме на имя Керенского и Львова Алексеев утверждал, что столь популярные в революционных условиях «увещания, воззвания действовать на массу не могут… Нужны власть, сила, принуждение, страх наказания. Без этого армия существовать при данном своем составе не может. Считаю своим священным долгом сказать об этом честно и настойчиво. Развал внутренний достиг крайних пределов, дальше идти некуда. Войско стало грозным не врагу, а Отечеству».

Вышеупомянутая телеграмма была отправлена 21 мая 1917 г., а уже на следующий день вышло предписание Алексееву о сдаче должности Верховного Главнокомандующего генералу Брусилову. «Меня смели», — с горечью писал Алексеев о своей отставке. Причиной «опалы» считалось выступление генерала на съезде Союза офицеров, лишенное «похвал по адресу правительства, а особенно — Совета солдатских и рабочих депутатов». Однако вернее следовало бы признать его отставку результатом усиленного давления на правительство со стороны Петроградского Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. Большевик Шляпников в своих воспоминаниях отмечал, что еще в середине марта Исполком Петроградского Совета выражал «недовольство» по вопросу о «чистке Ставки» и, «в первую очередь — о снятии генерала Алексеева».

Интересные сведения о столичных интригах против Алексеева приводил в своих воспоминаниях командующий войсками Петроградского военного округа генерал-майор П.А. Половцов. Описывая свою встречу с министром юстиции (будущим «революционным Главковерхом») Керенским в начале апреля 1917-го, он отметил, что «первый вопрос, который нам Керенский ставит: “Годится ли Алексеев в Главнокомандующие?” Энгельгардт за него. Я говорю, что хотя он не великий полководец для действия на психику масс, но большой работник, знает всю технику, что к нему все привыкли, что он глубоко честен и порядочен. Вообще, младотурки (военные из окружения Гучкова. — *В.Ц.)* как будто за Алексеева, особенно, когда начинаем разбирать кандидатов. Тут сразу все внимание сосредоточивается на Брусилове. Конечно, он умен, хитер как муха, но уж очень ненадежен, как человек. Вообще, нет в нем таких качеств, которые бы ставили его выше Алексеева, а потому не стоит менять: таково, в общем, настроение младотурок. Но у Керенского что-то на уме. Неужели Брусилов с ним снюхался? Способен. Тогда создается комбинация Керенского с Брусиловым против Гучкова с Алексеевым. Посмотрим». В свою очередь,

Гучков показывал Половцову «интереснейшую папку, с которой он едет на заседание Временного правительства. Ожидая вопроса о смене Главнокомандующего, Гучков запросил всех Командующих армиями и фронтами их мнение. Кроме одного отрицательного и одного воздержавшегося, все, конечно, стоят за Алексеева. До крайности забавны редакции телеграмм, показывающие характерные особенности писавших. Этим непобедимым козырем Гучков раздавил комбинацию Керенский — Брусилов. Ловко».

Но, несмотря на все «комбинации» Гучкова, несмотря на очевидный для многих высокий профессионализм и богатый боевой опыт Михаила Васильевича, его отставка становилась вполне предсказуемой и неизбежной. Недостаточный политический «демократизм» генерала, и раньше ставившийся ему в упрек, в условиях майской правительственной коалиции, основанной теперь на сотрудничестве «министров-капиталистов» и «министров-социалистов», стал считаться слишком тяжким «грехом». Распространившиеся позже в исторической публицистике оценки Алексеева как генерала, «сделавшего карьеру» благодаря сотрудничеству с «либералами», с новой «революционной властью», в данном контексте не выдерживают критики.

Прощание со Ставкой, работе в которой были отданы все душевные силы, прошло безо всякой помпезности и ненужной, наигранной театральности. По-военному краткие, простые слова «прощального приказа» звучали сердечно и трогательно: «Почти три года вместе с вами я шел по тернистому пути Русской армии. Переживал светлую радость за ваши славные подвиги, болел душой в тяжкие дни наших неудач. Но шел я с твердой верой в Промысел Божий, в призвание Русского народа и в доблесть Русского воина. И теперь, когда дрогнули устои военной мощи, я храню ту же веру. Без нее не стоило бы жить. Низкий поклон всем вам, мои боевые соратники; всем — кто честно исполнял свой долг, всем — в ком бьется в сердце любовь к Родине, всем — кто в дни народной смуты сохранил решимость не давать на растерзание русской земли. Низкий поклон — от старшего солдата и бывшего вашего Верховного Главнокомандующего. Не поминайте лихом…»

По воспоминаниям Ковернинской, «отъезд генерала Алексеева был прост, как и все, что он делал. Прост был приказ, которым он прощался с армией, просты его прощальные слова, обращенные к многолетним сотрудникам, но какой искренней любовью, какой скорбью о России были проникнуты эти простые слова… С каким тяжелым чувством собрались в тот памятный день на платформе Могилевского вокзала все офицеры старой

Ставки… В то время уже прибыл в Могилев генерал Брусилов со своими приспешниками, но ни у него самого, ни у кого-либо из них не хватило такта приехать на вокзал проводить бывшего Главнокомандующего, или хотя бы нарядить почетный караул до Смоленска, что сделал по собственной инициативе доблестный командир Георгиевского батальона полковник Н.С. Тимановский, несмотря на протесты Михаила Васильевича, расстроенного этим лишним доказательством любви и глубокого к нему уважения.

На вокзал генерал Алексеев со своей всегдашней пунктуальностью прибыл минута в минуту. Видимо, сильно взволнованный своим отъездом, он обошел на прощанье всю группу провожавших, с каждым обменялся сердечным рукопожатием, каждому нашел сказать несколько простых, искренних слов и тотчас же скрылся в вагоне отходящего поезда, увозя с собой столько искренних напутствий и благословений и оставляя всех в страхе и неизвестности за судьбы армии…»{75}

Так завершился трехмесячный период руководства Алексеевым вооруженными силами России. Это был самый длительный — за время от февраля к октябрю 1917 г. — период осуществления главного командования. Его преемники: Брусилов, Корнилов, Керенский, Духонин — занимали эту должность меньшее время. Сложилось так, что подготовленный Алексеевым план весеннего наступления не был осуществлен во время его командования. После отставки генерал уже не занимался составлением широкомасштабных стратегических проектов. Теперь, до своей кончины, он будет отдавать свой авторитет, свои знания и опыт исключительно военно-политической деятельности, противодействуя «углублению революции», создавая и укрепляя российские контрреволюционные структуры. Этот поворот стал для Алексеева событием непредвиденным и неожиданным, поскольку до марта 1917 г. он твердо верил в нерушимость принципа — «Армия вне политики» и выступал против внесения в армейскую среду политических споров и разногласий.

Наверное, только теперь генерал окончательно осознал, что для побед на фронте не в меньшей степени, чем своевременный подвоз резервов, продовольствия и боеприпасов, необходимы политическая стабильность, прочность власти и поддержка населением сражающейся армии. Запоздало пришло осознание того, что для успешного командования не стоит постоянно стремиться к соглашениям и компромиссам, что в критические моменты необходимо выступить даже вопреки общеполитической конъюнктуре, взять на себя полноту ответственности за положение на фронте, за «непопулярные» решения…

3. Дела военные и дела политические. Революция и контрреволюция

Рукопись книги Михаила Бореля так сообщает читателю о возвращении генерала к т.н. «мирной» жизни в ставшем для него родным Смоленске:

«После предвиденной (из-за расхождения во мнениях с Родзянко, Керенским, Гучковым и другими), но все-таки совершенно неожиданной отставки… генерал М.В. Алексеев отбыл в Смоленск, где проживала его семья, с которой он имел возможность поделиться своими переживаниями, глубоко запавшими в души его жены и дочерей. И вот много лет спустя, когда я уже был подростком, моя бабушка, вдова генерала Алексеева, нередко вспоминала со слезами на глазах полные горести, обиды и отчаяния слова ее супруга, когда он вернулся в Смоленск после отставки с поста Верховного. “Твой дедушка, — говорила моя бабушка, — был очень возмущен случившимся и, как бы подводя итог своей жизни, не раз повторял, что он честно прослужил трем нашим Императорам и нашему Отечеству, а вот эти предатели нашли, что он не годится и без всяких объяснений его отставили и выкинули, в то время как он мог бы быть еще полезным, так как, говорил он, у него были еще и силы, и знания, и огромный опыт”.

Эти бабушкины грустные воспоминания глубоко запали и в мою душу, а когда я знакомился с письмами деда, написанными из Смоленска своим единомышленникам, я нашел в них повторение тех же слов и тех же жалоб, которыми мой дед генерал М.В. Алексеев поделился в Смоленске со своей семьей».

Покинув Могилев и перейдя, формально, «в распоряжение Временного правительства», Алексеев вместе с семьей вернулся в покинутый накануне войны Смоленск. Городская дума по прибытии генерала устроила небольшую, но весьма теплую встречу. А вот получение денежного «расчета» от Временного правительства задерживалось. Оказавшись в статусе «военного советника», Алексеев, хотя и мог получать информацию о положении на фронте, но не имел никакой возможности влиять на принятие тех или иных оперативных решений.

Неожиданное бездействие удручало: «…тяжело после кипучей работы очутиться в положении ни для кого и ни для чего не нужного». «Времени свободного появилось много», и Михаил Васильевич начал составлять записки, по форме напоминавшие дневник (первая запись датирована 10 июля 1917 г.), но, по

существу, представлявшие собой наброски размышлений, рассуждения о переживаемых событиях, которые впоследствии могли бы стать основой или научного труда по истории войны, или обширных мемуаров. Хотя, как отмечал генерал, «быть летописцем, хотя бы только для себя, мне не свойственно». Позднее «две объемистые тетради» были переданы вдовой генерала в Русский Заграничный исторический архив в Праге и частично опубликованы в 1929 г., в первом выпуске сборника «Русский исторический архив».

Пытаясь понять причины своей неожиданной отставки, Алексеев в письме генералу А.П. Скугаревскому отмечал, что он якобы «оказался неудобным, неподходящим тем темным силам, в руках которых, к глубокому сожалению, находятся судьбы России, судьбы армии. Не ведая, что творят, не заглядывая в будущее, мирясь с позором нации, с ее неминуемым упадком, они — эти темные силы — видели только одно, что начальник армии, дерзающий иметь свое мнение, жаждущий возрождения в армии порядка и дисциплины, живущий мыслью, что русская армия не имеет права сидеть сложа руки в окопах, а должна бить неприятеля и освобождать наши русские земли, занятые противником, — для них неудобен.и нежелателен». Военно-полевые суды для революционных агитаторов — в первые дни марта 1917-го, критика «Декларации прав военнослужащих», нелицеприятное для правительства и совета выступление во время майского Совещания в Петрограде, наконец, поведение во время офицерского съезда в Могилеве — все это вполне могло считаться «проявлениями неблагонамеренности», необходимой для отставки. В письме премьер-министру Львову (6 июля 1917 г.) Алексеев просил о возможном новом назначении, но, узнав о том, что уже 7 июля 1917 г. князь Львов подал в отставку, а из состава правительства вышли министры-кадеты, решил не «сотрудничать» с социалистическим большинством кабинета.

С большим пессимизмом воспринимал Алексеев сведения о провале июньского наступления русской армии. Несмотря на наличие значительных боеприпасов и мощную артиллерийскую подготовку, «революционные полки под революционными знаменами» не смогли продвинуться вперед на значительное расстояние, не смогли отбить перешедшего в контрнаступление противника и беспорядочно откатились к линии старой государственной границы. На Юго-Западном фронте 8-я армия поначалу успешно прорвала после мощной артиллерийской подготовки укрепленную полосу противника, захватив свыше 7000 пленных. Однако австро-германские войска нанесли сильный контрудар против 11-й армии, которая, отступая,

обнажила фланги соседних 7-й и 8-й армий. Тем не менее противник не смог развить свой прорыв в глубину — прорваться в хлебородные районы Украины и Бессарабии. На Западном фронте 10-я армия, также благодаря мощной артиллерийской подготовке, прорвала укрепленный фронт немцев, но русская пехота не смогла развить достигнутый успех. Не помогли и доблестные атаки ударных батальонов, героически пытавшихся прорвать фронт противника и развить первоначальный успех.

Подтвердились худшие предположения Алексеева о том, что даже при отсутствии «снарядного голода» и «патронного кризиса» пагубные последствия будут иметь слабость «духа армии», упадок дисциплины и отсутствие понимания воинского долга среди подавляющего большинства частей на фронте. Стратегически, как считал Алексеев, после такого «разгрома» русская армия неизбежно должна перейти к обороне: «Продолжение войны для нас неизбежно… Но наша оборона и вероятное отступление все-таки привлекут на себя большие силы врага. Мы этим исполним наш долг перед союзниками. Без этого мы явимся предателями».

Интересна оценка результатов и последствий наступления, данная Алексеевым в интервью военному корреспонденту газеты «Русское слово» М. Лембичу. «Зная тактику австрийцев, — считал Алексеев, — думаю, что они далеко не пойдут. Неприятельская армия за минувшую зиму совершенно лишилась своего конского состава. Подвозить снаряды и орудия они могут только при помощи полевых узкоколейных железных дорог, а их с такой быстротой не проложишь. Продвинувшись верст на 80—90, австро-германцы остановятся, чтобы закрепить за собой пройденный путь, а тем временем генерал Корнилов успеет остановить бегущие войска».

В своих записках генерал едва ли не самую главную вину в сложившемся положении возлагал на Керенского. Он очень скептически оценивал способности Керенского («фигляр-министра») и на посту военного министра, и на посту премьера: «Керенский не умеет стать выше партийного работника той партии, из которой он вышел; он не имеет силы отрешиться от ее готовых рецептов; он не понимает того, что армия в монархии и республике должна существовать на одних и тех же законах организации и бытия, он мечтает о сохранении в армии “завоеваний революции”»; «будем снова болтаться между тремя соснами и искать путь, который ведет к созданию какой-то фантастической “революционной” армии». Самая характерная черта «новоявленного полководца», по мнению Алексеева, — «безграничное самомнение». «Он думает, что его речи столь неотразимо действуют на солдат, что он может заставить их

делать все… Где нужна исключительная власть, там неуместны слова, речи, приказы со ссылками на авторитет пресловутого совета рабочих и солдатских депутатов… Для диктаторства у Керенского нет главных данных: умения и спокойной решимости. Кликушество и словоизвержение теперь делу не помогут».

Впрочем, у Керенского, по мнению генерала, еще был шанс изменить положение: «Или Керенский печально сойдет со сцены, доведя Россию до глубокого военного позора в ближайшее время, или он должен будет очнуться, излечиться от своего самомнения и сказать себе, что время слов прошло, что нужна палка, власть, решимость». В частном письме Керенскому от 20 июля 1917 г. Алексеев пытался убедить нового премьера в важности «смелых и решительных» действий по укреплению воинской дисциплины, приводя пример недавних событий т.н. «июльского кризиса»: «События в Петрограде 3—5 июля наглядно показали, что чем глубже нравственное падение толпы, тем более труслива она и тем более легче пасует она перед силой, перед решимостью и смелостью. Быть может, где-либо и произойдут эксцессы. Их можно и нужно задавить железной рукой. Это сохранит нам для последующего сотни и тысячи жизней и устранит возможность повторения бунтов».

Генерал приводил также убедительные доводы о грозящей перспективе продовольственного кризиса на фронте, очевидной нехватки муки и фуража на предстоящую зимнюю кампанию 1917-1918 гг. А в том, что война теперь уже не закончится так быстро, как на это рассчитывали в начале года, Алексеев не сомневался. «Прежде же всего нужно возродить армию, — призывал Керенского отправленный в отставку Главковерх, — без нее гибель Родины неизбежна. Меры для возрождения известны, они в Ваших руках… Вам будет принадлежать тогда признательность современников и потомства»{76}.

В этих частных оценках Керенского и обращениях к премьеру очевидно стремление Алексеева определить эффективный «тип власти». И прежде генерала отличало стремление к устроению власти, которая будет максимально содействовать фронту, армии в достижении военных побед. В этом отношении идеи коалиционного правительства, «ответственного министерства» представлялись генералу столь же приемлемыми, как и идеи «министерства государственной обороны». Но летом 1917 г. Алексеев все более и более склонялся к идее военной диктатуры — власти, которая будет не только близка военным интересам по духу, но и будет осуществляться самими военными при поддержке сочувствующих политических структур. В дневниковой записи от 24 июля, задаваясь вопросом о политической

дееспособности нового состава «благоверного Временного правительства», он отмечал: «Как правительство оно отсутствует; как собрание министров оно преступно и ничтожно: люди мелкие, партийные и дальше осуществления целей своей партии не идущие. Нам неминуемо предстоит пройти через период власти исключительно социалистического министерства. Только тогда, когда оно таким путем докажет и свое убожество, и свое неумение справиться с работой, настанут, быть может, иные дни… Дай Бог, чтобы тогда вышло на сцену все твердое, сильное, честное, ныне находящееся в угнетении».

Поскольку правые, монархические организации были запрещены и разгромлены после марта 1917 г., то среди военных определенной поддержкой пользовались многие представители кадетской партии. Партия народной свободы, хотя и не признавала фактическое установление республики в России, тем не менее полностью поддерживала идеи укрепления фронта, усиления внимания к нуждам действующей армии и, в первую очередь, к офицерскому корпусу. Но и кадеты, по мнению Михаила Васильевича, слабо призывали к «защите Родины», а не к «защите революции», недостаточно использовали патриотические, национальные идеи. Поэтому положительных результатов могла бы добиться твердая воля Верховного Главнокомандующего, чей статус подкреплялся бы соответствующими обширными полномочиями, возвращением ему полноты военной власти. Алексеев надеялся, что именно это удалось бы сделать новому Главковерху — генералу Корнилову: «Дай Бог Корнилову силы, терпения, мужества и счастья сладить с теми путами, которые наложены нашими военными министрами последнего времени на главнокомандование». Так в эти дни зарождались идеи надпартийной, национальной диктатуры, ставшие позднее центральными в политических программах Белого движения,

16 июля 1917 г. Алексеев в качестве наблюдателя присутствовал на совещании Главнокомандующих армиями фронтов и членов Временного правительства в Ставке. Позднее в своих записках он изложил основные тезисы прозвучавших докладов. Особенно он выделял выступление Деникина, в резкой манере объяснявшего причины неудачного наступления. Присутствовавший на совещании Керенский на словах соглашался со всеми пожеланиями выступавших, но его готовность осуществлять их на деле была сомнительна.

Алексеев выступил с эмоциональным и весьма красноречивым докладом, который, очевидно, не готовил специально. Его интересовали выступления генералов

Главнокомандующих фронтами, интересовали «живые», а не «газетные» оценки положения на позициях после неудачного наступления, интересовало, насколько верными оказались те прогнозы относительно боеспособности армии, которые он давал еще весной. Обобщив услышанное, Михаил Васильевич убедился, что поставленный армии диагноз «политической болезни», к глубокому сожалению, подтверждается. Теперь «жалеть» правительство и говорить «правильные слова» он уже не собирался.

«Сейчас судьба России поставлена на карту, необходимо восстановить армию, иначе все будет бито, все завоевания революции будут потеряны. Без восстановления дисциплины спасти армию невозможно… Безусловно, меры правительства расшатали армию», — заявлял генерал. И первыми из совершенных властью ошибок Михаил Васильевич считал принятие приказа № 1 и «Декларации прав солдата». Приводя примеры из своей службы в должности Главковерха, Алексеев отмечал, что «бывший военный министр Гучков» советовал ему «не возбуждать теперь этих вопросов, ибо теперь на все надо смотреть сквозь пальцы», а в ответ на подготовленный генералом приказ о «недопустимости агитаторов в армии» в Ставку «был командирован особый генерал», настоятельно посоветовавший, чтобы Алексеев «взял приказ обратно». Подобные действия Петрограда вполне определенно показывали вектор политических «опасений» в отношении Ставки, и поэтому совершенно естественным становится отмеченное ранее требование Гучкова о запрещении распространения в армии «прощального приказа Императора». Нет смысла сомневаться поэтому (как это подчас делается в современной исторической публицистике) в его подлинности, достаточно обратить внимание на тот «политический ужас», который внушал «прощальный приказ» Николая II власти предержащей в Петрограде уже в самом начале революции. Ну а «Декларация прав» называлась Михаилом Васильевичем достаточно четко: «Последний гвоздь, заколачиваемый в гроб доблести, стойкости и дисциплины русской армии». Эти слова в комментариях не нуждались.

«Для поднятия боеспособности армии», как считал Алексеев, следовало незамедлительно решить вопрос с состоянием «тыловых частей». Приводя собственные впечатления от бесед с солдатами запасных батальонов, расквартированных в Смоленске, генерал отмечал: «Мы кормим громадное число бездельников. С утра до ночи все запасные части буквально ничего не делают. В запасных частях воспитания никакого, обучения нет, разврат полнейший. Если мы будем подымать армию, ее дух, доблесть и

не обратим внимания на пополнения, то они сведут на нет нашу работу и по-прежнему будут вносить в армию разложение. Дело дошло до того, что солдаты отказываются давать рабочих для приготовления себе пищи. Итак, запасных частей в настоящее время в России не существует. Это — толпы бездельников, вечно митингующих, а в остальное время лежащих и спящих… Я разговаривал с солдатом, который до конца разговора так и не уяснил себе, с кем он говорит. Внешний вид солдата — ужасный, надо его хоть немного привести в порядок… Необходимо обратить самое серьезное внимание на госпитали. Они переполнены. Возьмите хотя бы тот же Смоленск. Если врач признает кого-либо здоровым, то подвергается оскорблениям: “Что он понимает, — говорит подвергаемый осмотру солдат, — у меня все нутро болит…”»

Безоговорочно осудил он и пресловутые «чистки» командного состава, проводившиеся «Поливановской комиссией» еще в период «министерства» Гучкова и превратившиеся в настоящую травлю кадровых, сознательных офицеров. Солдаты офицерам не верят: «Веры нет, дайте хоть уважение, но и это исчезло, так как о воспитании солдата в настоящее время и речи нет… Какое число офицеров выброшено по желанию господ “товарищей” из армии… Все по причине “недоверия”. Я бы с этим согласился, если бы не знал фактов, когда недоверие выражали командирам, которые только что в данную часть были назначены и которых никто из данной части не знал. Говорят, что мы, как наследие старого, получили недоверие, но разве мы все без исключения пользовались недоверием? На это я скажу: неправда, мы пользовались доверием, так как среди нас было много людей, жертвовавших свою жизнь за солдата… Менять личный состав — это еще более расшатывать армию. Конечно, негодных необходимо удалить, но выбрасывать сразу 120 генералов (“итог” работы Гучкова. — *В. Ц.)*, среди которых много было хороших, недопустимо…»

Исторические параллели с временами комиссаров Великой Французской революции, восторгавшие многих политических деятелей, Михаила Васильевича, как академического профессора военной истории, отнюдь не вдохновляли. «Относительно комитетов скажу, что какие бы приказы ни писались, комитеты всегда будут вмешиваться во все. Их необходимо уничтожить. Конечно, сразу сделать этого нельзя, к этому надо прийти постепенно. Военная история, насчитывающая тысячелетия, дала свои законы.

Мы хотели их нарушить, мы и потерпели фиаско… Я смотрю на комиссаров, как на меру временную. Продолжительной она не

может быть, так как это несовместимо с организацией вооруженной силы. Военная история уже знакома с институтом комиссаров во времена Директории, и тогда они, кроме вреда, ничего не принесли. Малая польза, приносимая их деятельностью, не окупает большого вреда, приносимого двоевластием».

И все же вывод был не таким уж мрачным. Веру в солдата Алексеев пытался сохранить и в таких условиях: «Надо только вновь вложить в сердце солдата заглохшие чувства, они спят, но не вытравлены. И, когда это будет сделано, отступающие ныне части пойдут вперед…»

В общих чертах Алексеев повторил на совещании свою точку зрения в отношении развития немецкого наступления и вероятной «угрозы Петрограду», сильно беспокоившей правительство. «Прежде я был того мнения, что Петроград вне опасности, но тогда у нас была армия; теперь же, когда осталась одна пыль человеческая, ни за что ручаться нельзя. Но поход на Петроград очень сложен. Другое дело — операции против Риги и Полоцка, они возможны. В этих местах возможен прорыв нашего фронта, что заставит нас отойти от Двины. Противник будет теперь вести удар на правый фланг Румынского фронта, чтобы отрезать от нас Румынию… Из-за образования единой Латвии и последняя ее треть перейдет к немцам. Завладение Ригой и нижним течением Двины имеет слишком большое для немцев значение». Предупреждения опытного стратега вполне оправдались, когда в середине августа немецкими войсками была взята Рига и войска Северного фронта стремительно отступили.

Совещание выработало комплекс мер, реализация которых позволила бы «оздоровить больной организм армии». Алексеев, перечисляя их позднее в письме к Родзянко от 25 июля 1917 г., выделял следующие необходимости: «Признать, что деятели Петрограда не знают армии, а потому должны прекратить всякое военное законодательство и передать это дело в опытные руки Верховного Главнокомандующего… изгнать из армии всякую политику, уничтожить право митингов, ибо вся армия обратилась в бесконечно митингующую толпу… уничтожить “Декларацию прав солдата”… уничтожить войсковые комитеты и комиссаров, которых Керенский считает “глазами и ушами Временного правительства”, эти два института смели бесследно власть войсковых начальников всех степеней и породили самое опасное для всякой армии многовластие, многоголовие… скорее восстановить единоличную власть и ответственность начальников… нельзя допускать, чтобы начальника смущали торчащие сзади “глаза и уши” человека, часто не имеющего

никакого понятия о военном деле, но желающего во все вмешиваться и, кроме “глаз и ушей”, совать всюду и свой “нос”… восстановить настоящую дисциплину. Для этого учредить военно-полевые суды… и смертную казнь не только на фронте, но и во всем тылу, ибо прибывающие укомплектования развращены и распущены… создать теперь же отборные части для воздействия в бою на массы, имея их в качестве резерва и для удержания порядка в период мобилизации… вернуть в армию тех честных, твердых служак, которые в последние месяцы были выжиты из частей развращенной солдатской массой»{77}.

Таким образом, следовало вернуть в армии единоначалие, уничтожить все, что было связано с ее «демократизацией», и подтвердить полномочия власти Главковерха. Все эти предложения, хотя и пользовавшиеся поддержкой среди высшего командного состава, не могли быть реализованы в тех условиях без существенных изменений как политического курса, так и в самой системе власти и в составе ее конкретных носителей.

Во время совещания в Могилеве Алексеев просил Керенского о возможном возвращении на службу, однако никакого определенного ответа не получил. Но отставной генерал уже обладал значительным авторитетом среди тех политических сил, которые летом 1917 г. все определеннее заявляли о назревшем «сдвиге вправо». Алексеев принял предложение войти в состав создаваемого Совета общественных деятелей, политический «вес» которого поддерживался благодаря участию в его работе известных политиков и военных: Родзянко, Милюкова, Юденича, Корнилова. В Совете пытались преодолеть традиционное взиамоотчуждение военных и политических сфер. На его первом совещании 8—10 августа, прошедшем в т.н. «словесной аудитории» Московского университета, выступали с докладами члены Союза офицеров. Выступил с докладом и Алексеев. Но основные программные политические выступления прозвучали несколькими днями позже. 12 августа в Большом театре начало работу Всероссийское государственное совещание, призванное оказать поддержку курсу, проводимому Временным правительством.

15 августа на утреннем заседании выступил Михаил Васильевич. Его доклад, обсуждавшийся накануне на Совете общественных деятелей, полно и правдиво обрисовал тяжелое состояние фронта. Все переживания и надежды, переполнявшие генерала все предшествующие годы войны, отразились в этом выступлении. Алексеев начинал с описания истории побед и поражений русской армии с 1914 года. С подъемом, в несколько необычном для себя стиле, генерал говорил о победах русского

оружия в Галицийской операции, об отражении немецкого наступления в 1915 г., о переломных операциях на Восточном фронте — в 1916 г. Михаил Васильевич был уверен, что именно слова о тяготах войны смогут найти путь к сердцам слушателей: ведь в России «нет семьи, которая не выслала бы туда, на действующий фронт, отца, брата, сына, а иногда и нескольких членов семьи вместе… Все ваши мысли, граждане, я думаю, с надеждой и тревогой устремляются туда, где русская армия отстаивает честь и достоинство России, скажем больше, — где она выковывает ту или другую, славную или тяжкую судьбу России и поколений — не только настоящего, но и поколений будущего».

Бывший Главковерх напоминал слушателям, что причины успехов заключались не столько в умелом командовании или в боевом опыте вышедших на войну подразделений. Главное, по его убеждению, заключалось в том, что, несмотря на все фронтовые трудности и многочисленные «кризисы» вооружения и снабжения, сохранялось единство, твердое доверие между солдатами и офицерами. Именно на этом держалась воинская дисциплина, и именно это качество помогало вливаться в сложившиеся боевые «семьи» новым тыловым пополнениям. Дух армии был высок. «Россия обладала армией, сильной все-таки числом, но очень слабой в технике и бедной артиллерийскими средствами». Однако «мы обладали твердым, послушным и храбрым солдатом, в особенности в тех случаях, когда его вел за собой офицер… было глубокое сознание долга, было единение между солдатом и офицером, был, наконец, закон, который карал не желающих идти вперед». Новые солдаты и офицеры, прибывшие на смену погибшим, не обладали должной боевой подготовкой, «менее искусен был этот офицер, но он с такой же охотой отдавал свою жизнь и шел впереди солдата». «Вот с такой армией, — отмечал генерал, — сильной численностью и слабой в технике, сильной в своем нравственном облике и внутренней дисциплине, дошли мы до светлых, ясных дней революции».

Алексеев не строил иллюзий в отношении меняющихся настроений российского общества. Как и в начале войны, он был уверен, что армейские «недостатки главным образом вытекали из того, что наша общенародная масса была, конечно, темна». В выполнении воинского долга не хватало сознательности, недостаточно было убежденности в правоте войны. Тем не менее «наши достоинства были велики, наши недостатки были устранимы при систематическом и спокойном их устранении». В общем, — подводил итог генерал, — «в руки новой власти поступила армия, которая способна была выполнять и дальше

свой долг и, наряду с союзниками, вести многострадальную Россию к скорейшему окончанию войны».

Что же произошло в дальнейшем? Революционные преобразования нарушили, в первую очередь, основу стабильности фронта, раскололи единство солдат и офицеров, намеренно, искусственно противопоставляя их друг другу. «Нужно было в это твердое тело армии пустить яду, и этот яд был пущен впервые в виде приказа № 1. Он сразу разложил два важнейших элемента нашей армии. Этот приказ разложил солдатскую массу и офицерскую массу… Беспристрастная история в очень скором времени укажет место и этому акту: явился ли этот акт актом государственного недоразумения или актом государственного преступления». В дополнение к этой «ядовитой пилюле» в армейскую среду «мутной волной пустилась агитация».

Здесь Алексеев убежденно повторял версию об активном участии в разложении армии «немецких шпионов» и «немецких агентов». «Армия превратилась в какой-то общий агитационный лагерь. Вместе с агитацией шла и литература под наименованием различных “Правд”, и в темные массы несла она столько неправды. Вот с этим труднее было бороться. Сеяли ветер, и те, которые сеяли его честно, любя Родину и армию, предлагая этим ветром просветить и освежить, — они с ужасом увидели то, что они пожинают бурю. Но с каким злорадством увидели эту бурю те, кто выполнял веления немецкого Генерального штаба и в карманах которых мелодично звенели немецкие марки».

Вопреки своим взглядам, выражавшихся на страницах дневника и в частной переписке, Алексеев публично не критиковал Керенского, а, напротив, отмечал «благородный порыв военного министра и министра-председателя». Но, — подчеркивал Алексеев, — «с его благородными призывами к самопожертвованию шла темная агитация, которая говорила: зачем (жертвовать собой. — *В. Ц.)*, гораздо лучше—сохранить свою драгоценную жизнь. И этот, последний, призыв оказался сильнее призыва благородного».

Армия оказалась неподготовленной к «демократизации». В период «министерства Гучкова» и деятельности при Главном штабе комиссии генерала Поливанова «зародилась мысль — приостановить действие общих военных законов». В результате: «Сознание безнаказанности охватило массы — и в этом большая ошибка. Ведь нужно сказать, что с этими новыми лозунгами, новыми понятиями, выбрасываемыми в массу, наша масса не воспиталась одновременно и параллельно, она не поднималась в своем развитии. И вот на этой почве недостатка развития и

развивались или появлялись те излишества, о которых говорить не приходится. Офицер в глазах солдата оказался врагом». Правда, в разных родах войск «демократизация» сказалась по-разному. На это влияли, прежде всего, потери в кадровом составе тех или иных частей. «Из немногих частей, сохранивших воинский дух, воинский порядок, большинство частей: части кавалерии, казачьи, артиллерийские, инженерные — они сохранили свою душу, но пехоты, господа, за сравнительно немногими исключениями, пока у нас нет».

Опасной для воинской дисциплины оказалась деятельность армейских комитетов и комиссаров. Многие командиры вполне сознательно «сдали позицию свою комитетам, и комитеты стали управлять войсковыми частями». Неопределенность их полномочий, фактическое отсутствие контроля за их работой еще больше ослабляли единство армии. «При таком отсутствии определенности в законе, конечно, являлись поползновения во все вмешиваться, все взять в свои руки. Но в конечном результате трех с половиной — четырехмесячного существования этих комитетов — что дали они? Подняли ли они дисциплину, слили ли офицерские и солдатские составы, произвели ли они высокий нравственный подъем и порыв в армии? — задавался вопросом бывший Главковерх. — Нет, нет и нет! Быть может, в некоторых случаях: в деле хозяйства, в деле внутреннего управления — они сделали кое-что, но взвесьте и положите на чашу весов пользу и вред, — последняя чаша перевесит».

И, наконец, «Декларация прав солдата», законодательно закрепленная 11 мая 1917 г. По мнению Алексеева, этот документ окончательно подрывал армейские устои. «Армия полностью прикоснулась к политике. Она увлеклась митингами, она прикоснулась к желанию мира и к сохранению своей драгоценной жизни. Можно сказать, что с этого времени армия обратилась во всероссийский военный митинг, с участием немецких представителей. И в этих митингах умерла или заснула большая душа русского солдата». В условиях новой, «революционной» армии «обленился солдат. Недоверие его выросло ко всему до опасных пределов. Он стал нервен. Он поставил превыше всего стремление к спасению и сохранению собственной жизни. При таких условиях офицерскому составу пришлось крайне тяжело».

Можно ли было преодолеть те негативные последствия «демократизации армии», о которых так определенно говорил генерал? Или же следовало «признать себя побежденными и склонить свою голову перед гордым, настойчивым врагом? Безусловно, нет!», — под аплодисменты Государственного совещания заявил генерал. «Можно и должно воскресить нашу

душу, оживить наш организм, заставить нас вспомнить свой долг, одерживать победы и довести войну до победного конца. Это можно, эта цель достижима».

Не повторяя больше требований, озвученных на июльском совете Главнокомандующих в Ставке, Алексеев сосредоточил внимание на самом главном, но его мнению, — восстановлении воинской дисциплины: «Истинная воинская дисциплина для всех, носящих воинский мундир, должна поглотить собой дисциплину партий и групп». «Порядок и дисциплина — без них не может быть армии. Назовите дисциплину железной, назовите се сознательной, назовите ее истинной и прочной дисциплиной, — возьмите любую армию света, — совершенно одно и то же, меняются только лишь формы приложения этих оснований к жизни. Вот этим только и нужно руководствоваться в выборе тех реформ, которые так жизненно необходимы для нашей армии».

Снова и снова повторял он тезис о необходимости укрепления власти, о неотложно необходимой «решимости Временного Правительства быстро, энергично провести все те меры, которые оздоровят наш — пока больной — организм». Проводить реформы, назревшие в России, в том числе в ее вооруженных силах, безусловно, нужно, но только после окончания войны: «Потом, когда перейдем на мирное положение, когда утихнут боевые выстрелы, проводите те законы, которые так близки, быть может, в настоящее время солдатским массам нашей армии. Но, прежде всего, перед всем должны главенствовать: польза, спасение и интересы нашей Родины перед интересами отдельных людей».

Говоря о важности повышения сознательности в армии, о чувстве воинского долга, без чего невозможна победа, Алексеев опровергал аргументы «слева» о чрезвычайной пользе «словесного», «агитационного» воздействия на солдат. «Слово, великое слово, всегда останется в руках начальников могучим двигателем на великое дело человечества. Но этим злоупотреблять нельзя. В критическую минуту жизни, в критический момент боя бросьте это слово, и за этим словом двинутся массы. Но если эти массы приучены всегда к этому слову, они теряют к нему уже всякое уважение и всякую веру». Опровергая и уверенность многих «правых» в эффективности «жестокой дисциплины» и, в частности, в восстановлении смертной казни на фронте, Алексеев считал, что к этой мере следовало «прибегать только тогда, когда нет другого исхода». «Необходимо, чтобы эта мера сохраняла свое устрашающее действие, но чтобы были приняты другие воспитательные меры… Только путем этих мер мы устраним тяжелую необходимость

такого решительного средства, как казнь, и в то же время постепенно, шаг за шагом начнем перевоспитывать душу нашего воина».

Выступление Алексеева отличалось от докладов многих других участников Государственного совещания, хотя и звучало в унисон с теми, кто отстаивал важность продолжения войны «до победы» и утверждал необходимость укрепления власти. Об ответственной, независимой от влияния Советов и политических партий деятельности правительства говорил Маклаков. Перефразируя Керенского, говорившего, что «нет Родины без свободы», он призывал «ставить Родину выше свободы». Гучков вспоминал об апрельском кризисе и нерешительности правительства в борьбе с «анархией»: «Наша теперешняя власть больна тем, что се нет», «так называемая революционная демократия исключила из своего состава многие и многие элементы нашей, в сущности, демократической страны». Заметный резонанс вызвало выступление недавно избранного атамана Всевеликого Войска Донского генерал-лейтенанта А.М. Каледина. От имени всех казачьих войск он призвал к полному устранению политики из армии, объединению фронта и тыла на основе военных порядков, восстановлению власти командиров, ликвидации армейских советов и комитетов.

По-военному лаконичным, вполне лояльным по отношению ко Временному правительству, примирительным по отношению к армейским комиссарам и комитетам оказался доклад Верховного Главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова. Алексеев выступал позднее и, в отличие от нового Главковерха, позволил себе больше критики в адрес как новоявленных органов «армейского самоуправления», так и правительственных структур (Военного министерства, идущего «на поводу» требований Советов рабочих и солдатских депутатов). Этот доклад стал первым его выступлением в качестве не только военного, но и публичного политика.

Политический авторитет Алексеева стремительно возрастал. Выступление в Москве стало первым появлением генерала перед столь большой «невоенной» аудиторией. Ее реакция, судя но сохранившейся стенограмме Совещания, была неодинаковой: от возгласов «Браво» и бурных аплодисментов «справа», до криков «позор!» и «палач!» — «слева». Тем не менее доклад отставного генерала вполне можно было бы считать своеобразной программой-декларацией для военных кругов. Не случайно, что позднее он был издан отдельной брошюрой 100-тысячным тиражом{78}.

Совещание завершилось формально-декларативной

поддержкой политического курса Временного правительства. Казалось бы, победил «средний», «умеренный» путь развития революции. Однако вскоре страну потрясли события, ставшие, по мнению многих, главной исходной причиной «большевицкого переворота» в октябре 1917 г. 26 августа в «государственной измене» был обвинен генерал Корнилов, отправивший накануне, по согласованию с Керенским, части 3-го конного корпуса генерала Крымова на Петроград. Ставка на это обвинение ответила резким заявлением по адресу Временного правительства, обвинив его в предательстве и прямом пособничестве немцам. «Война телеграмм», происходившая 28—31 августа 1917 г. между Петроградом и Могилевом, грозила перерасти в реальные военные столкновения, подводящие страну к порогу Гражданской войны.

Отношение генерала Алексеева к военно-политической позиции Корнилова было, в общем, благожелательным. Требования твердой власти, укрепления воинской дисциплины, борьбы с дезертирством на фронте и саботажем в тылу полностью разделялись Михаилом Васильевичем, как и многими представителями высшего командного состава. Но представлялась рискованной форма осуществления этой программы Корнилова. Немедленная военная диктатура, полный разрыв с правительством Керенского, готовность к радикальным действиям, вплоть до прямого военного переворота, — это, по мнению Алексеева, грозило окончательно развалить и без того неустойчивое состояние фронта и тыла.

Примечательно, что в схожей ситуации февраля—марта 1917 г. Алексеев, видя перспективу «войны междоусобной» во время «войны внешней», все-таки предпочел отказаться от военных методов борьбы с революцией. По воспоминаниям Борисова, «Алексеев не принимал участия в августовском Корниловском выступлении. Умудренный опытом, обладая более спокойным характером и оценив состояние армии, он не разделял мотивов, руководивших Корниловым, и не верил в успех».

С Корниловым после февраля 1917 г. Алексеев встречался несколько раз. Как известно, он поддержал просьбу Родзянко о назначении Корнилова командующим Петроградским военным округом. Однако в апреле Алексеев, получив сведения о намерениях Гучкова перевести Корнилова на должность Главнокомандующего армиями Северного фронта, заявил свое категорическое несогласие с данным назначением. Главковерх считал подобные перестановки не соответствующими строевому опыту Корнилова и крайне нежелательными для фронта. В результате Корнилов получил пост командующего 8-й армией

Юго-Западного фронта.

В дни проведения Государственного совещания Алексеев посещал поезд Главковерха, на котором тот прибыл в Москву. Полного содержания их бесед узнать невозможно, но говорить о принципиальных разногласиях между генералами излишне. В пересказе Деникина, Корнилов заявил Алексееву, что в ожидаемых действиях против советов «придется опираться на офицерский союз, — дело Ваших рук. Становитесь Вы во главе, если думаете, что так будет лучше». «Нет, Лавр Георгиевич, Вам, будучи верховным, это сделать легче», — ответил Алексеев.

Не выглядит также правомерным мнение о полной неосведомленности Алексеева в отношении явных (а возможно, и тайных) намерений Корнилова. Какова же роль Алексеева в «корниловщине»?

Весьма интересное свидетельство содержится в частной переписке посла России во Франции Маклакова с послом в САСШ Б.А. Бахметевым. Отчасти это свидетельство подтверждает также осведомленность Алексеева о возможных совместных действиях Временного правительства и Ставки в конце августа 1917 г. с целью «нейтрализации Советов». Разговор между Маклаковым и Алексеевым мог состояться в поезде, в котором генерал уезжал из Петрограда (где он в эти дни давал показания, в качестве свидетеля, по т.н. «делу Сухомлинова») в Смоленск 26 августа. Уже на следующий день он был экстренно телеграммой вызван обратно в столицу и получил информацию уже не о движении на Петроград 3-го конного корпуса (в соответствии с планами глав военного ведомства Б.В. Савинкова и Керенского), а о действиях «изменника-генерала», намеревавшегося «захватить власть». Но более вероятно, что эта беседа имела место 27 августа в вагоне на Царскосельском вокзале, где остановился Алексеев.

«Он (Алексеев. — *В.Ц.)* тогда вызвал меня к себе в вагон, — писал Маклаков, — он был уверен в успехе восстания; не сомневался, что через два дня Корнилов возьмет Петроград (показательная уверенность Михаила Васильевича. — *В.Ц.)* и думал уже о том, какой тогда нужно установить порядок, кому вручить власть. Тогда Алексеев находился в периоде некоторого увлечения Милюковым и кадетами; думал, что нужно поставить у власти именно их. Я могу представить себе что угодно, только не это; в кадетские способности управлять Россией в момент революции я не верил никогда, а в этот момент — меньше, чем когда-либо….В своем контрреволюционном настроении тогда я шел так далеко, что хотел прежде всего восстановить силу Основных законов; вернуть к жизни Государственную Думу и Совет, и к тому — и монархию. Мне казалось, что нужно

вернуться к “законности”; законным было только отречение Николая; его нужно было оставить в силе, но провозгласить Алексея Государем (примечательная оценка акта Николая II. — *В.Ц.),* созвать Думу, образовать ответственное министерство и попытаться сделать все то, необходимость чего жизнь доказала… Любопытно, что мне на это ответил Алексеев; он ужаснулся: “Как, Вы хотите монархию?” Я ему ответил: “Удивительная вещь; я всю жизнь боролся против монарха, если не монархии; а Вы этой монархии служили верой и правдой; и вот сейчас я вижу в ней спасение, а Вы ее откладываете, как простое историческое недоразумение”. На это Алексеев мне отвечал: “Вот именно потому, что я ей служил, как Вы говорите, верой и правдой, я ее и знаю; и потому что я ее так хорошо знаю, я ее не хочу”. На это я ему ничего не ответил, но мог бы ответить: “А я лучше, чем Вы, знаю кадетов, и именно потому, что я их знаю, я их не хочу”».

Данный отрывок из письма Маклакова, несмотря на весьма нелестную характеристику им своих «партийных товарищей», подтверждает принципиальную правильность тезиса о существенной эволюции «вправо» части кадетской партии (в том числе и Милюкова, как это будет показано далее), в сторону признания необходимости обязательного восстановления в России конституционной монархии. Почему же подобный лозунг был не вполне приемлем для Михаила Васильевича летом 1917-го? Очевидно, в этот момент его позиция, в общем, не противоречила позиции Корнилова, заявившего в беседе с одним из офицеров (правда, уже во время «Ледяного похода»): «После ареста Государыни я сказал своим близким, что в случае восстановления монархии мне, Корнилову, в России не жить. Это я сказал, учитывая, что придворная камарилья, бросившая Государя, соберется вновь. Но сейчас, как слышно, многие из них уже расстреляны, другие стали предателями. Я никогда не был против монархии, так как Россия слишком велика, чтобы быть республикой». То есть сам по себе монархический строй, как наиболее подходящий для России, являлся несомненным, но многие его носители и, что не менее опасно, его не в меру ретивые и не самые достойные «реставраторы» (учитывая, например, поведение многих придворных в марте) вызывали у Алексеева неоднозначное отношение{79}.

Другие, не менее интересные, сведения содержат опубликованные в эмиграции воспоминания одного из организаторов т.н. Республиканского центра, сотрудничавшего с Союзом офицеров, инженера П.Н. Финисова. Представители этих организаций собирались весьма активно действовать в момент приближения 3-го конного корпуса к Петрограду. Поскольку

одной из задач корпуса предполагалась ликвидация Совета рабочих и солдатских депутатов (если бы он оказал противодействие Временному правительству), то для его «гарантированного разгрома» предполагалось разыграть следующий сценарий. «Полки генерала Крымова продолжали двигаться к Петербургу. Не воспользоваться этим, — считал Финисов, — было бы преступлением. Если повода нет, его надо создать. Специальной организации было поручено на этом совещании вызвать “большевистское” выступление, т.е. разгромить Сенной рынок, магазины, одним словом, поднять уличный бунт. В ответ должны были начаться, в тот же день, действия офицерской организации и казачьих полков генерала Крымова. Это поручение было возложено на генерала (тогда еще полковника. — *В. Ц.)* В.И. Сидорина, причем тут же ему было вручено 100 000 рублей на эту цель (из этой суммы генерал Сидорин истратил только 26 000 рублей на подготовку “большевистского бунта”, а остальные 74 000 вернул затем нам) … Момент же искусственного бунта должны были определить мы, т.е. полковник Десиметьер и я, после свидания с генералом А.М. Крымовым, переслав приказ шифрованной запиской в Петербург».

Примечательно, что, по воспоминаниям Финисова, «генерал Корнилов не был своевременно осведомлен о плане «искусственного большевистского бунта» в Петербурге: мысль эта всецело принадлежит петербургской организации, принявшей такое решение в последний момент».

Казалось бы, ничто не предвещало неудачи такой «красивой» но форме, но глубоко порочной, провокационной по сути своей задачи. Если бы не неожиданное введение Сидориным «в курс дела» генерала Алексеева. По воспоминаниям Сидорина, также опубликованным уже в эмиграции, «день 28 августа был проведен в полной готовности; 29 августа (то есть уже в то время, когда Алексеев, как будет показано далее, знал о готовности Керенского “разгромить заговор” Корнилова. — *В.Ц.),* с утра до 4—5 часов дня я провел у генерала Алексеева, и при полном его одобрении в связи с общей обстановкой, вынуждены были отказаться от активного выступления в Петрограде по причинам исключительно важного характера».

Как же отреагировал Алексеев на информацию о подготовленном офицерскими группами «большевистском бунте» и каковы были те «причины исключительно важного характера», о которых упоминал Сидорин? Финисов приводит достаточно красноречивые свидетельства об этом: «С изумлением мы узнали… что в городе все спокойно, что никакого выступления нет, — вспоминал он события 30 августа. — Начали звонить

генералу Сидорину по всем телефонам, но нигде его не находим. В 3 часа утра приезжает от него сотник Кравченко и сообщает, что генерал Сидорин имел беседу с генералом Алексеевым и что генерал Алексеев воспротивился выступлению… Трудно передать вам, как глубоко мы были потрясены!… Утром (29 августа. — *В.Ц.)*… он сообщил весь план генералу Алексееву. Алексеев решительно восстал против "провокации" и заявил: "Если вы пойдете на такую меру, то я застрелюсь! А перед смертью оставлю записку с объяснением причин". Сидорин подчинился, отменил распоряжения и вернул Республиканскому Центру оставшиеся неизрасходованными деньги…»

То, что Алексеев более всего надеялся на подходящие к столице полки корпуса Крымова и крайне опасался любых рискованных действий Союза офицеров, косвенно подтверждают свидетельства генерала Деникина. Крымов, действуя, как считал Михаил Васильевич, вполне легально, должен был бы взять на себя осуществление программы перехода к «диктатуре» и «подтолкнуть» колеблющегося Керенского к отказу от опасного и бесперспективного сотрудничества с «левыми кругами», вернуть премьера к согласованию своей политики со Ставкой. Со слов состоявшего при генерале ротмистра Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка А. Г. Шапрона дю Ларрэ (также члена Союза офицеров) 29 августа Алексеев был «в крайне угнетенном состоянии» (очевидно, после беседы с Керенским). Генерал обеспокоенно спрашивал: «Неужели нельзя связаться с Крымовым и вызвать сюда хоть один полк? Ведь у вас тут есть организация. Отчего она бездействует? Найдите во что бы то ни стало С. (полковника Сидорина. — *В.Ц.)* и заставьте его приступить к действиям». Вечером 29 августа Алексеев уже выступал посредником между Керенским и Крымовым, вызывая последнего «для переговоров» в Петроград и разъяснения ситуации «к общему благу».

Однако Керенский, уверенный в том, что ему удалось «разоблачить» подготовленный против него «заговор», не собирался вести переговоры с «мятежниками». Крымов выехал в Петроград и 31 августа договаривался с Алексеевым, находившимся на Царскосельском вокзале, но, как известно, после объяснения в Зимнем дворце с Керенским застрелился. В эмиграции Керенский писал о причастности Алексеева к «заговору», подразумевая «двойную игру», которую якобы вел генерал и против него, и против Корнилова: «Для спасения аппарата Ставки от разгрома, а офицерства — от погрома (вызванного его же собственными решениями. — *В.Ц.),* я 28 августа настоятельно предложил генералу Алексееву вступить в

должность Верховного Главнокомандующего и безболезненно ликвидировать Ставку. Не потерявший еще надежды на успех заговорщиков, генерал Алексеев тогда отказался. И только 30 августа он, признав положение безнадежным, согласился “спасать корниловцев” в Ставке, но только в должности начальника штаба и только в том случае, если я лично возьму на себя верховное командование».

Таким образом, несомненно, сочувствуя идее осуществления «твердой власти», высказывавшейся Корниловым и вовсе не сочувствуя советской власти, Алексеев считал необходимым действовать максимально легальными способами. Нельзя было давать малейшего повода для упреков военных в политической «всеядности» и «нечистоплотности». А ведь именно это могло произойти в случае реализации провокационного замысла не в меру активных членов Союза офицеров. Показательно, что в советской исторической публицистике эпизод с несостоявшимся «большевистским бунтом» приводился как пример «подлой», «гнусной» сущности «корниловщины» как таковой. Но забывалось при этом, что запланированный «бунт» так и не вышел за пределы купе Царскосельского вокзала, где Алексееву удалось разубедить Сидорина и убедить Крымова в их первоначальных замыслах. С устоявшейся позднее формулой о том, что «политика» является «грязным делом», глубоко порядочный, честный генерал не согласился бы.

Как знать, если действительно в Севастополе в конце 1916 г. или в начале 1917 г. к Михаилу Васильевичу приезжали представители «заговорщиков», намеревавшиеся «свергнуть Царя», а Алексеев категорически отказался участвовать в подобного рода «авантюрах» — не предотвратило ли это его заявление реализацию планов «дворцового переворота»? Получается, что дважды в своей жизни генералу, даже, казалось бы, вопреки собственным взглядам и вопреки, очевидно, собственному психологическому настрою, выпала нелегкая работа по разрешению политических проблем, столь частых в условиях растущей Русской Смуты…

И именно ему, генералу, «состоящему при Временном правительстве», пришлось участвовать в противодействии «корниловщине». Михаил Васильевич был срочно вызван в Петроград и вернулся в столицу на Царскосельский вокзал в час ночи 28 августа. Сразу же с вокзала его привезли в Зимний дворец, где Керенский сообщил генералу о том, что «Корнилов изменил России и ее правительству». Алексеев, как отмечалось выше, не сомневался в отсутствии специально подготовленного Ставкой «заговора». Несколькими часами позднее вернувшийся на

вокзал генерал узнал от полковника Сидорина о той роли, которую намеревался сыграть Союз офицеров при приближении корпуса Крымова к Петрограду. Давая показания Чрезвычайной комиссии по расследованию действий генерала Корнилова, он отмечал действия корпуса Крымова, но ни словом не обмолвился о сорванной им «провокации» офицерских групп. «Направление 3-го конного корпуса в окрестности Петрограда состоялось но взаимному соглашению генерала Корнилова и г. Савинкова, представителя Временного правительства. Соглашение это не было, по-видимому, облечено в письменную форму, а ограничилось словесным заявлением г. Савинкова. Во всяком случае, неоспоримо, что движение корпуса было вызвано внутренними политическими причинами и вполне отвечало целям и желаниям министра-председателя и Временного правительства».

Министр-председатель предложил Алексееву занять должность Главковерха. В ответ на это генерал потребовал ознакомить его со всей перепиской Ставки и Петрограда. «Принимая во внимание, — заявлял генерал в своих показаниях 7 сентября 1917 г., — что в документах много было неясного, недоговоренного, что, по моему мнению, смена в такие минуты Верховного Главнокомандующего могла гибельно отозваться на самом существовании армии, малоустойчивой и непрочной, я решительно отказался от принятия должности Верховного Главнокомандующего и высказал свое убеждение, что в переживаемые минуты дело нужно закончить выяснением недоразумений, соглашением и оставлением генерала Корнилова в должности, чтобы избавить армию от толчков и пагубных потрясений».

Но достичь примирения было уже невозможно. Обстановка, царившая в Зимнем дворце, исключала компромиссы. Алексееву становилось понятным: «Начинался распад верховного управления: Временное правительство запретило какие бы то ни было распоряжения генерала Корнилова и приостановило все перевозки войск, совершаемые по соображениям стратегическим… Главнокомандующие (фронтами. — *В.Ц.)* остались без указаний свыше, тревожно спрашивали министра-председателя, чьи распоряжения они должны выполнять. Этим периодом распада власти мог воспользоваться противник». В этой ситуации Алексеев принял решение «вступить в должность начальника Штаба Верховного Главнокомандующего». Главковерхом (журнал заседания Временного правительства № 165 от 30 августа 1917 г.) стал сам Керенский.

Имеется интересное свидетельство П.Н. Милюкова, что у него

и Ф.Ф. Кокошкина (члена ЦК кадетской партии, Государственного контролера в составе правительства) возник план формирования нового кабинета министров во главе с Алексеевым, наделенным «диктаторскими полномочиями». Керенский этого плана не поддержал, хотя генерал, находившийся в поезде на Царскосельском вокзале, при встрече с Милюковым дал свое «принципиальное согласие» на руководство правительством. Примечательно, что, отказавшись от поста Главковерха, ввиду крайней неопределенности и, отчасти, провокационности подобного предложения со стороны Керенского, Алексеев считал вполне допустимым, и даже насущно необходимым, реализацию идеи «министерства государственной обороны», хотя бы и в форме нового правительства, подконтрольного представителю армии. В любом случае, несомненен существенно возросший после февраля 1917 г. политический авторитет генерала.

Алексеев консультировал Керенского в разработке плана «обороны» столицы от корпуса Крымова, а в 6 часов утра 31 августа выехал в Ставку для «ареста мятежника». Ночь с 31 августа на 1 сентября генерал провел в Витебске, откуда он вел переговоры с Корниловым, затем проехал в Оршу. Из Могилева были получены достаточно четкие заверения в том, что никакого вооруженного противодействия со стороны войск, верных генералу Корнилову, не будет. Вместе с тем был очевиден стремительный рост революционных настроений, как в тылу, так и на фронтах. Армейские комитеты, не говоря уже о Советах рабочих и солдатских депутатов, выносили постановления о противодействии «реакционной военщине», о «спасении революции», требовали «незамедлительной расправы» над «мятежниками». «Успокаивая» Керенского на предмет отсутствия военных приготовлений в Ставке, Алексеев вместе с тем сообщал: «…с глубоким сожалением вижу, что мои опасения, что мы окончательно попали в настоящее время в цепкие лапы Советов, являются неоспоримым фактом»{80}.

1 сентября в Ставке Алексеев, в сопровождении своего помощника по гражданской части В. Вырубова, встретился с Корниловым, передав ему распоряжение правительства об аресте. Известны слова Корнилова о «грани между честью и бесчестием», на которой оказался Алексеев, согласившись подчиниться Керенскому. Их взаимоотношения существенно осложнились. По воспоминаниям генерала Л.С. Лукомского, Корнилов при встрече с Алексеевым сказал ему следующее: «Вам трудно будет выйти с честью из создавшегося положения. Вам придется идти по грани, которая отделяет честного человека от бесчестного. Малейшая Ваша уступка Керенскому толкнет Вас на бесчестный поступок».

В воспоминаниях генерала Флуга поведение Алексеева также оценивается неоднозначно, хотя здесь и не уточняется, знал ли все-таки Михаил Васильевич о всех перипетиях «корниловского мятежа» именно как «антиправительственного заговора»: «Поведение М.В. во всем этом деле казалось мне несколько странным. Сначала он держал нейтралитет, а йотом как-то слишком охотно пошел навстречу желаниям Керенского, приняв на себя роль покорного слуги дискредитированного шута-главковерха. Допустимо, что Алексеев с самого начала не верил в успех предпринятого Корниловым шага. Но в таком случае казалось бы естественным дать ему совет отказаться от выступления, ввиду отсутствия шансов на успех. Назревающее выступление не могло быть тайной для М.В.».

В то же время нельзя не учитывать, что, арестовывая Корнилова и все руководство Ставки, Алексеев стремился, прежде всего, к спасению не только самого Главкома, но и сотен офицерских жизней, в частности членов Союза офицеров, от совершенно очевидного «революционного самосуда». Еще до ареста Корнилова Алексеев беседовал с товарищем председателя Главного комитета Союза офицеров полковником Прониным и предупреждал от необдуманных выступлений: «Полное спокойствие в настоящее время является единственным, что необходимо для перехода к нормальной жизни… В деле устроения армии все меры будут энергично поддерживаться и проводиться. Если я в этом потерплю неудачу, то сложу полномочия. Данная же минута требует особливого спокойствия и поддержания полного порядка, насколько это зависит от деятельности Главного комитета». И хотя практически все руководство Союза оказалось арестовано, следует помнить, что низовые структуры оказались слабо затронуты репрессиями и стали через два месяца основой для создания т.н. «Алексеевской организации», для возобновления “борьбы с революцией”».

С большим трудом Алексееву удалось добиться отмены движения к Ставке отряда полковника А.И. Короткова, отправленного на «подавление корниловщины» по инициативе командования Московского военного округа. Кроме этого, генерал смог добиться от Керенского согласия на несение охраны арестованных, преданными Корнилову бойцами Текинского конного полка. Во время смотра частей Могилевского гарнизона, проведенного сразу после «ареста» Корнилова, Алексеев высказался достаточно резко в отношении к нарушителям воинской дисциплины и чересчур «сознательным» солдатам. Это хорошо заметил выступавший на заседании Областного бюро Советов делегат Шубников: «Генерал Алексеев, по приезде в

Ставку, взял странный тон по отношению к солдатам, оставшимся верными Временному правительству. Он всячески распекал их за плохое подчинение начальству и обещал послать в действующую армию тех солдат, которые, как наиболее сознательный элемент, способствовали тому, что некоторые воинские части, как Георгиевский полк, остались верными Временному правительству В то же время Алексеев всячески расхваливал корниловцев, в особенности командный состав, в приезд Керенского распевавший "Боже, Царя храни" (примечательная оценка "республиканцев"-корниловцев. — *В.Ц.)».*

Особенно важным было ходатайство Алексеева перед Временным правительством о расследовании деяний участников «корниловского мятежа» специальной комиссией из опытных юристов, а не революционными фронтовыми судами. «По общему убеждению, — заявлял Алексеев, — генерал Корнилов не поднимал руки против государственного строя, он стремился только к созданию власти сильной, рабочей, умелой; он ничего не желал для себя, был готов работать с теми, кто был бы способен спасти Родину и вывести ее из того тупика, в который она попала.

В этом стремлении к благу Родины заключается причина, в силу которой на стороне генерала Корнилова симпатии многих. Страдая душой вследствие проистекающих отсюда несчастий России, я сочувствую идее генерала Корнилова и не могу пока отдать свои силы на выполнение должности начальника Штаба, сознавая полную беспомощность водворить порядок в войсках и вернуть им боевую мощь».

После проведенного «ареста» Ставки, Алексеев сдал должность Наштаверха (10 сентября 1917 г.) снова, формально вернувшись к статусу находящегося «в распоряжении Временного правительства». Хотя, очевидно, он не исключал возможность возобновления службы в высшем военном командовании. Правда, предложение Керенского о командировке в Париж для участия в работе очередного межсоюзнического совещания Алексеев отверг (есть свидетельства, что генерал называл «игрой краплеными картами» попытки убедить союзников в боеспособности «революционной армии»). Но и непродолжительное пребывание в Могилеве не прошло напрасно. Как вспоминал генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич, ставший в сентябре 1917 г. начальником Могилевского гарнизона, по настоянию Алексеева на должность начальника штаба Главковерха Керенского был назначен генерал-лейтенант Н.Н. Духонин, работавший с Михаилом Васильевичем еще в штабе Киевского военного округа. А должность генерал-квартирмейстера, также по рекомендации Алексеева, принял один из его ближайших соратников — вернувшийся в Россию с

Салоникского фронта генерал Дитерихс. Бонч-Бруевич вспоминал, что Духонин говорил ему в частной беседе: «Назначение Алексеева начальником штаба к Керенскому спасло Лавра Георгиевича (Корнилова. — *В.Ц.)* и остальных участников корниловского заговора». Благодаря Духонину и Дитерихсу Алексеев оставался в курсе всех происходящих в Ставке событий и мог использовать прежние военные контакты уже для политических целей.

По словам Бонч-Бруевича, «Алексеев, пользуясь своим безграничным влиянием на Духонина, по-прежнему воздействовал на Ставку и направлял ее сомнительную "политику". К тому же Алексеев через генерала Борисова, работавшего в составе Военного кабинета при Временном правительстве, получал информацию о готовящихся военно-политических правительственных решениях»[{81}].

После того, как столь неожиданно «обрушившиеся» на генерала военно-политические перипетии миновали, он вернулся в Смоленск. Здесь он жил с семьей в частном доме Пастухова, на Верхне-Пятницкой улице. Теперь он уже не чуждался легальной политической деятельности. Напротив, именно теперь, как ему представлялось, нужно было использовать все возможные усилия для того, чтобы как можно более эффективно «воздействовать на власть» — ради выполнения хотя бы малой части тех мероприятий но «укреплению фронта и тыла», о которых так много говорилось накануне «корниловских дней» и выполнение которых в «новой обстановке» оказалось под вопросом. В условиях резко возросших осенью 1917 г. антивоенных и антиправительственных настроений, «большевизации Советов» и почти не скрываемых намерений большевиков «взять власть» сделать это было нелегко.

В Петрограде началась работа Совета Республики (Предпарламента) — органа, призванного «оказать Правительству содействие в его законодательной и практической деятельности» *и* создать хотя бы «суррогат представительства» накануне выборов в Учредительное собрание. В работе этого органа принимали участие как представители «социалистических организаций», так и «цензовые элементы», представлявшие интересы «правого крыла». В 12 комиссиях Предпарламента председательствовали «социалисты», а товарищами их числились представители «цензовиков». Михаил Васильевич был делегирован в Предпарламент от Совета общественных деятелей, вместе с такими известными философами и общественными деятелями, как П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, В.В. Шульгин. По образному выражению члена ЦК кадетской партии В.Д. Набокова, открытие

Совета Республики стало «последней попыткой противопоставить нечто растущей волне большевизма».

7 октября 1917 г. Алексеев снова приехал в Петроград и поселился в небольшом доме № 8 на Галерной улице, в т.н. «общежитии московских общественных деятелей», благодаря чему смог более активно использовать свои личные связи со многими ведущими российскими политиками{82}. На заседании Предпарламента 10 октября 1917 г. Алексеев выступил с критикой действий правительства, приводящих к частой смене командного состава. Он настаивал на «немедленном возвращении в ряды армии офицеров, обвинявшихся но подозрению в контрреволюционности». Еще 31 августа за подписями Керенского и Алексеева был опубликован приказ, запрещавший «политическую борьбу в войсках». В соответствии с ним «всем войсковым организациям, комиссарам» предписывалось «стать на строгие рамки деловой работы, лишенной политической нетерпимости, подозрительности». Следовало незамедлительно «восстановить беспрепятственную перевозку войсковых частей по заданию командного состава» и «безотлагательно прекратить» самочинные «заарестования начальников» и «смещения и устранения от командных должностей начальствующих лиц» без санкции следственных властей или прокурорского надзора. Но, несмотря на показную строгость приказа, «революционное» беззаконие в армии и на флоте стремительно нарастало.

Возмущали генерала все возраставшие попытки «заговорить», «затемнить» насущные политические проблемы. В письме, отправленном 18 октября из Петрограда в Смоленск, он, в частности, отмечал: «В сущности это увлечение фразами, словами, обещаниями, стремление обойтись компромиссами есть общее наше русское горе, ибо этим заражено все: и та лавочка, в которой я нахожусь сейчас (Предпарламент. — *В.Ц.),* и те подлавочки (комиссии Предпарламента. — *В.Ц.),* которые из нее выделяются для разработки вопросов. Неуменье взяться за практическое дело. И у многих определенная тенденция — мешать делу, выдвигая для этого слова, комиссии, уполномоченных, и прочие приемы, тормозящие работу. Отсутствие решимости и способности действовать — вот характерная особенность, все убивающая и парализующая»{83}.

Алексеев продолжал работать и в Совете общественных деятелей. 12 октября 1917 г. состоялось его второе, гораздо более многочисленное, заседание в большом зале кинотеатра «Унион» в Москве. В числе выступавших были: генералы Брусилов и Рузский; известный правовед, профессор П.И. Новгородцев; философы Н.Л. Бердяев и И.Л. Ильин; бывший редактор

Правительственного вестника в 1913—1916 гг. — князь С.Д. Урусов; бывший товарищ министра внутренних дел Временного правительства С.М. Леонтьев, сотрудник газеты «Русские Ведомости» А.С. Белевский (Белоруссов); делегат Черноморского флота матрос Ф.И. Баткин. Состоялись выборы руководства Совета. Председателем был избран Родзянко, а Алексеев стал товарищем председателя. Итогом работы первого совещания было издание специального сборника, в котором содержалось обращение к Временному правительству, написанное Милюковым: «Правительство, сознающее свой долг перед страной, должно признать, что оно вело страну но ложному пути, который должен быть немедленно покинут… правительство должно немедля и решительно порвать со служением утопиям, которые оказывали пагубное влияние на его деятельность». Алексеев заявлял о важности сохранения вооруженных сил: «В ряду прочих факторов армия имеет громадное значение для будущего России. Будет армия драться, будет она одерживать победы — Россия спасена; будет продолжаться бегство — и, быть может, не будет России»{84}.

Но помимо легальной, широко известной деятельности, Алексеев все больше и больше внимания уделял созданию структур, которые в условиях очередного, вполне вероятного, правительственного кризиса смогут оперативно и эффективно противодействовать радикальным революционным силам. Сложность заключалась в том, что многие из многочисленных общественно-политических и военных организаций (составлявших реальную или потенциальную основу будущего Белого движения) после «подавления корниловщины» оказались под запретом (Союз офицеров) или фактически бездействовали (Военная лига, Союз воинского долга и др.).

Элементы подпольной антиправительственной работы были неизбежны. Впрочем, для генерала, привыкшего за время многолетней штабной практики к максимальной секретности, это не представляло затруднений. К середине октября 1917 г. относится, очевидно, первый план создания такой — нелегальной — организации. Наброски плана содержатся в записках генерала от 18—20 октября 1917 г. Можно отметить наличие в них характерной для конспиративной работы схемы разделения на пятерки-«звенья» (5 офицеров и до 50 солдат), состав которых подбирался офицерами «на свою ответственность», в том числе — из своих подчиненных («10 солдат своей части, георгиевских кавалеров», «исключительно добровольцев»). Звенья объединялись в роты, а роты — в полк. С другой стороны, в «организации» повторялись принципы создания ударных

подразделений из наиболее боеспособных солдат и офицеров, формально продолжавших «оставаться в составе своих полков». «Организация» декларировала «отсутствие партий», «отказ от политики», и поэтому военная составляющая в ней сразу стала преобладать над политической, хотя план Алексеева и предусматривал создание при «организации» специальной «политической части» (позднее воплощенной в Политической канцелярии во главе с полковником Я.М. Лисовым). Финансирование предполагалось в форме «сбора средств», за счет «самообеспечения». Первоначальный сценарий начала действий создаваемой «Алексеевской организации» мало чем отличался от плана «Союза офицеров» в канун выступления Корнилова: «При неизбежном новом восстании большевиков, когда Временное Правительство окажется неспособным его подавить, выступить силами организации, добиться успеха и предъявить Временному Правительству категорические требования к изменению своей политики».

Показательно, что ударные батальоны в дни «корниловского выступления» были готовы к защите Ставки и но инициативе командира 1-го ударного революционного полка полковника В. Манакина еще 27 августа 1917 г. настаивали на незамедлительном созыве в Могилеве «съезда командиров всех ударных частей и частей смерти». Используя свои «старые связи», Михаил Васильевич настойчиво ходатайствовал перед генералом Жаненом о чинах Корниловского ударного полка (переименованного сразу после «корниловщины» в 1-й Российский полк). 7 сентября он направил начальнику французской военной миссии следующее письмо, в котором указывалось на возможность перемещения ударников на союзный фронт, где их использование в борьбе против «общего врага» может оказаться гораздо более эффективным, чем на «политизированном» Восточном фронте. «В составе наших вооруженных сил, — писал Алексеев, — имеется Корниловский ударный полк 3-х батальонного состава с 3-мя пулеметными командами, успевший за короткое время своего существования заслужить известность и почетное имя своей доблестью в боях. Присвоенное полку наименование “Корниловского” ставит его в настоящее время в исключительно трудное положение среди других войсковых частей, которые, нужно ожидать, отнесутся с незаслуженным недоверием и подозрительностью к полку, имеющему все данные и впредь честно драться на поле брани против наших общих врагов — германцев.

Ввиду изложенного и крайнего желания сохранить эту сильную духом, порядком и дисциплиной часть, прошу не

отказать запросить Французское Правительство — не будет ли возможным отправить Корниловский ударный полк на Французский или, если почему-либо это нежелательно, па Салоникский фронт и о последующем не оставить меня уведомлением». Но, как известно, корниловцы не эвакуировались на Западный фронт, а с началом Добровольческой армии на Дону практически в полном составе перешли под ее знамена{85}.

Искренняя забота о тех, кто в той или иной степени оказался репрессированным по «делу Корнилова», занимала у отставного Главковерха немало времени. Заметный резонанс получило опубликованное позднее частное письмо Алексеева к лидеру кадетской партии П.Н. Милюкову. Посланное 12 сентября 1917 г. из Могилева в Петроград, оно содержало целый ряд конкретных указаний на недопустимость предания участников «корниловщины» (прежде всего, генералов Деникина, Маркова, Эрдсли, Эльснера) военно-революционному суду, грозившему обернуться военно-революционной расправой с неугодными для «демократии» контрреволюционерами. Алексеев указывал, прежде всего, на непосредственную связь т.н. «заговорщиков» с членами Временного правительства, с Савинковым и самим Керенским. Генерал указывал на легальность действий Крымова и Корнилова, на отсутствие «состава преступления» и у других участников «заговора». «Никто не мог бы доказать, — писал Михаил Васильевич, — что движение было против существовавшего 27—31 августа государственного строя… Цель движения — не изменить существующий государственный строй, а переменить только людей, найти таких, которые могли бы спасти Россию. Выступление Корнилова не было тайной от членов правительства. Вопрос этот обсуждался с Савинковым, Филоненко, через них — с Керенским… Участие Керенского бесспорно… Движение дивизий 3-го конного корпуса к Петрограду совершалось по указанию Керенского, переданному Савинковым».

Алексеев подчеркивал, что действия «корниловцев» выражали настроения немалой части здоровой российской общественности. Он считал действия Главковерха реакцией на политические ошибки отдельных членов правительства, а не противодействием Петроградскому Совету и партии большевиков. «Дело Корнилова не было делом кучки авантюристов. Оно опиралось на сочувствие и помощь широких кругов нашей интеллигенции, для которой слишком тяжелы были страдания Родины, доведенной до гибели неудачным подбором правителей-министров… Корнилов не искал власти лично для себя. Цель его была — создание власти твердой, прочной, из людей, могущих более надежно вести Россию к

спасению. Но ведь это — желание и стремление всего честного и любящего свою Родину…» Повторяя слова своих показаний Следственной комиссии, Алексеев снова и снова заявлял: «Корнилов не покушался на государственный строй; он стремился при содействии членов правительства изменить состав последнего, подобрать людей деятельных и энергичных».

Поэтому долг консервативной общественности — не оставлять генералов и офицеров на произвол «всесильной демократии», но, напротив, сделать все возможное для их реабилитации, а также для поддержки семей «корниловцев». «Пора начать кампанию в печати по этому вопиющему делу. Россия не может допустить готовящегося в самом скором времени преступления по отношению ее лучших, доблестных сыновей и искусных генералов… Я не знаю адресов гг. Вышнеградского, Путилова (оба известных российских промышленника финансировали структуры, связанные с выступлением генерала Корнилова. — *В.Ц.)* и других. Семьи заключенных офицеров начинают голодать. Для спасения их нужно собрать и дать Комитету Союза офицеров до 300 000 рублей. Я настойчиво прошу их прийти на помощь».

В письме к Б. Суворину Алексеев настаивал на необходимости широкого освещения в прессе подлинных патриотических намерений «корниловцев», в частности, генерала Деникина — «этого лучшего русского человека и генерала». После «подавления корниловщины» в армии были произведены «проверки благонадежности», и в отставку было отправлено около 15 тысяч офицеров и более 20 чинов высшего командного состава. Алексееву приходилось заботиться о трудоустройстве офицеров, ставших безработными. В письме к Родзянко он предлагал: «… если Москва и Петроград соберут по 200 000 р., мы обеспечены и протянем руку помощи не только привлеченным, но и некоторым выброшенным на улицу офицерам в связи с делом Корнилова. Таких много… нам нужно образовать комитет для сбора и передачи средств». Алексеев договорился о приеме группы уволенных офицеров на фабрику «1-го Российского товарищества воздухоплавания» с ее директором С.С. Щетининым (губернатор Екатеринославской губернии в 1919 г.), известную своим производством знаменитой «летающей лодки конструкции Д.П. Григоровича».

Для прикрытия вероятной в будущем подпольной работы использовались также благотворительные и медицинские организации. Алексеев реорганизовал существовавшее в Петрограде, основанное еще в 1880 г., общество «Белый Крест» (его возглавила супруга генерала) и структурное подразделение

Общества борьбы с туберкулезом — «Капля молока». Переводить средства и пожертвования этим и подобным организациям было гораздо проще, чем непосредственно финансировать боевые политические формирования, социальная направленность их работы не должна была вызывать подозрений.

Позже «Белый Крест», одновременно с переездом Алексеева из Петрограда в Ростов-на-Дону, открыл там свое отделение и с начала ноября располагал уже лазаретом, перевязочным пунктом, складом обмундирования и «отделением пропаганды», работая совместно с «Алексеевской организацией». Был сформирован «летучий отряд» — своеобразная «скорая помощь» для обслуживания раненых на позициях. Даже после занятия Ростова красногвардейцами в феврале 1918 г. «Белый Крест» не только продолжал снабжать Добровольческую армию медикаментами и бельем, но и отправлял в ее ряды офицеров и юнкеров, готовил антибольшевистское восстание. «Капля молока» была «одновременно и питательным пунктом, и нелегальным управлением “этапного коменданта”, члена Правления “Общества” полковника П.Л. Веденяпина, направлявшего “добровольцев” из Петрограда “лечиться на минеральных водах”»{86}.

Однако осенью 1917 г. Алексеев не только готовил потенциальные подпольные центры, но пытался до последней возможности использовать легальные пути воздействия на власть. Даже вероятная перспектива создания «однородно социалистического» правительства не исключала для генерала возможности сотрудничества с ним. Отчасти это можно объяснить стремлением действовать в рамках формального закона, чтобы не становиться все-таки на «путь Корнилова» — путь открытого противоборства с властью. С другой стороны, Алексеев ради необходимого, по его убеждению, продолжения войны с Германией считал важным использовать силу и статус государственных структур, даже если бы они фактически являлись призрачными.

Примечательна его оценка текущей ситуации, данная 8 октября 1917 г. в письме супруге в Смоленск: «Мне все-таки придется проехать в Москву, на вечер 12 октября, чтобы в закрытом заседании общественных деятелей сказать несколько слов о современном состоянии армии и, если можно, дать толчок к настоянию, к борьбе за возрождение этого почти мертвеца. Как утопающий хватается за соломинку, так и я сейчас хочу использовать все, что можно, для достижения хотя бы только частицы желанного. Тяжелее, чем теперь, не будет для моего сознания даже тогда, когда я увижу полное крушение моих

надежд, когда выяснится, что при современных деятелях сделать ничего нельзя. Отчасти я готов к этому, но ранее хочу испробовать все способы».

Именно этим и можно объяснить несколько странное поведение Михаила Васильевича в дни «октябрьского переворота» — прихода к власти большевиков. 24 октября 1917 г. Алексеев направлялся в Мариинский дворец для участия в очередном заседании Предпарламента и чудом избежал ареста (дежурный офицер не пропустил опоздавшего на заседание генерала во дворец, где уже распоряжались представители Военно-революционного комитета). По воспоминаниям Борисова, бывшего в эти дни в Зимнем дворце, «25-го октября, около 8 часов вечера (за два часа до начала штурма. — *В. Ц.)*, Временное правительство, после бегства Керенского находившееся под главенством Коновалова, было обложено большевиками в Зимнем дворце. Коновалов (министр торговли и промышленности А.И. Коновалов был назначен Керенским исполняющим обязанности министра-председателя. — *В. Ц.),* говоривший по телефону, сказал мне, что Алексеев пришел в Штаб Петроградского округа и просит дать ему конвой, чтобы проникнуть в Зимний дворец. Я тотчас пошел к телефону и сказал Алексееву, что паше положение в Зимнем дворце совершенно не приспособлено к обороне и что оно не будет крепче, если усилится еще одним генералом; что ему самое лучшее бежать из Петрограда».

Схожее описание поведения Алексеева во время «большевицкого переворота» имеется в книге подполковника В.Е. Павлова «Марковцы в боях и походах за Россию»: «В течение целого дня он стремился связаться с “власть имущими”, но те, с которыми ему удавалось встречаться, были в полной растерянности. Такую же растерянность он нашел и в Штабе Округа; ему отказали даже дать конвой, чтобы связаться с Временным правительством в Зимнем дворце. Из последнего его убедительно просили не предпринимать никаких мер и… скрыться»{87}.

Тогда, когда очень многие военные открыто игнорировали «фигляр-премьера» Керенского и считали его обреченным, Алексеев все-таки не терял надежд на использование правительственных структур в противодействии большевикам. Он допускал, что эффективная защита Зимнего дворца, равно как и победа — если будет достигнута — над советской властью в Москве, могли бы спасти остатки авторитета Временного правительства. Но для этого от самого правительства требовалось хотя бы элементарное стремление к защите, при поддержке столь «страшных» для Керенского контрреволюционных военных.

Примечательно, что еще в сентябре 1917 г., в интервью журналисту газеты «Утро России» И.И. Митропольскому (Маркову), Алексеев достаточно верно определял вероятный ход дальнейшего развития событий в России. Интервью оказалось настолько резким и нелицеприятным по отношению к политике правительства, что его запретили печатать. А когда оно все же было опубликовано, журналист получил строжайший выговор, а газету пригрозили закрыть.

Сам Михаил Васильевич никоим образом не сожалел, что его оценка «текущей политики» стала достоянием гласности (интервью с генералом перепечатали также во Франции и Англии). Генерал отмечал, что если Временное правительство не проявит давно уже ожидаемой от него твердости и пойдет на дальнейшие уступки революционерам-радикалам, произойдет непоправимое. «Положение таково, что еще месяц — и у нас не будет никакой армии. Раздутое и спровоцированное дело Лавра Георгиевича долило последнюю каплю в чашу. Я убеждал Керенского, но он ничего не хотел слышать». Генерал предрекал, что «большевики овладеют Россией и заключат с Германией сепаратный мир, который, однако, не помешает тем же германцам считать Россию завоеванной. Украина отделится от России, отделится Финляндия, Грузия с Закавказьем, где Турции будут развязаны руки, армяне будут вырезаны. Япония высадит свои войска во Владивостоке и займет Сибирь. Богатейший Уссурийский край будет навсегда потерян для России». Серьезность намерений большевиков, их растущее влияние не оставляли иллюзий относительно их стремлений к захвату власти.

В своей оценке большевиков Алексеев расходился со многими политиками и военными, недооценивавшими партию Ленина: «Лавр Георгиевич (Корнилов. — *В.Ц.)* говорил, что если большевики захватят власть, то они продержатся не более трех-четырех месяцев, а потом их сбросит само население, ибо режим их будет абсолютно ни для кого невыносим, но я другого мнения: большевизм продержится у нас до тех пор, пока длится война, а может быть и более, ибо большевики примут все меры к сохранению власти, овладеют всем оружием, а помощь извне может быть подана России не скоро. Нам для сохранения хоть кусочка России останется только надежда на Дон и Кубань». «Мы должны пережить тяжелые потрясения, и блаженны те, кто выдержит это жесточайшее испытание», — говорил позднее Михаил Васильевич журналисту, приехавшему к нему в Смоленск. Но «будем все-таки верить в Россию».

Что касается положения на фронте, то, по мнению Алексеева,

русская армия уже не могла продолжать активные наступательные действия и могла лишь «держать фронт» в меру оставшихся сил и средств. Но надежда на верность «союзническому долгу» сохранялась. «Мы не имеем никакого права, — считал Михаил Васильевич, — ни нравственного, ни политического, ни экономического, порывать с нашими союзниками, ибо без них мы, особенно в настоящем положении, — ничто».

Сохранились примечательные свидетельства о реакции Алексеева на известное выступление военного министра Верховского в Комиссии но иностранным делам Предпарламента 23 октября 1917 г. В ответ на предложения срочно демобилизовать большую часть армии и ускорить формирование «на новых началах» революционного «добровольчества» генерал потребовал от докладчика «не заголовков проектов», а способов проведения программы оздоровления армии в жизнь: «Борьба за победу — это спасение России, и оздоровление армии должно стать нашей задачей, иначе — смерть русскому народу» — говорил Алексеев. Когда же с трибуны прозвучали слова о возможности сепаратного мира с Германией, Михаил Васильевич сказал окружавшим его членам Совета Республики: «Я стар, но если произойдет это позорное дело, я выйду на улицу, соберу последние старческие силы, кликну клич: “Люди Русские, спасайте Родину!” И я знаю, на мой призыв отзовется все русское офицерство, и во главе с ним я погибну, но не переживу великого позора».

А вот отрывок из частного дневника петроградского чиновника Министерства финансов. Запись от 22 октября (за несколько дней до начала восстания большевиков): «Генерал Алексеев хорошо характеризует положение: армия дезорганизована, тыл бездействует, промышленность умирает, железные дороги останавливаются, одна часть населения голодает, а другая зарывает хлеб в землю или перегоняет его на водку. Корень зла не в анархии, а в безвластии…»{88}

Глава V.
В НАЧАЛЕ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ. «ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО ЖИЗНИ». 1917—1918 гг.

1. На Дону. От «Алексеевской организации» к Добровольческой армии

Предсказанный Алексеевым новый этан революции начался 25 октября 1917 г. Большевики пришли к власти, и любое сотрудничество с ними как с партией, открыто призывавшей к заключению мира с Германией, было для Алексеева неприемлемым. Кроме того, оставаться генералу в Петрограде, учитывая отношение к нему со стороны новой революционной власти, было небезопасно. В сопровождении Шапрона дю Ларрэ и четы С.С. и Н.П. Щетининых генерал уехал из Петрограда на Дон.

Переодевшись в штатское платье, пересаживаясь на узловых станциях на поезда, идущие к югу, генерал и его спутники двинулись не по прямому маршруту Юго-Восточной железной дороги, где красногвардейские заставы нередко «снимали» ехавших на юг офицеров и устраивали самосуды. Ими был выбран кружной путь, через Пензу, Поворино, Царицын и Тихорецкую. По дороге Алексеев коротко остановился в Москве, где на встрече со знакомыми ему членами Совета общественных деятелей получил гарантии в подготовке формирования и финансирования новой армии.

Интересные свидетельства о «путешествии» Михаила Васильевича из столицы на Дон содержатся в книге Б. Суворина «За Родиной»: «Генерал ехал на Дон под видом купца. Он не был способен к “конспирации” и чуть ли не в первый же день пути кондуктор, знавший его, уже назвал его “Ваше Превосходительство”. На дивленный вопрос генерала, откуда его знает кондуктор, тот отвечал ему, что как же ему не знать начальника штаба Государя, да кроме того, в открытом чемодане “купца” лежал китель с погонами генерала от инфантерии».

Тем не менее, несмотря на недостатки «конспирации», Алексееву удалось довольно быстро и беспрепятственно добраться до Новочеркасска — столицы Всевеликого войска Донского. Судя по воспоминаниям Суворина, Алексеев «в штатском» вполне «походил на купца-гостинодворца». В столице донского казачества он остановился в маленьком номере гостиницы «Европейская», а затем переехал на городской вокзал и жил в вагоне литерного поезда донского атамана, на запасных путях. Его супруга проживала отдельно, в городе, возглавляя отделение «Белого Креста», и формально собирала пожертвования, а также принимала прибывающих на Дон добровольцев — под видом медицинской помощи. Теперь от слов

и убеждений нужно было переходить к действиям. Та самая «междоусобная брань», которую так стремились избежать в феврале 1917 г., в октябре 1917-го становилась страшной, трагической реальностью. И свое 60-летие Михаил Васильевич встретил не на праздничном банкете, не в кругу почтительных сослуживцев, чествующих юбиляра, а в пронизываемой холодными ветрами, охватываемой «революционными отрядами» Красной гвардии донской столице.

Генерал считал, что в сложившейся ситуации следовало опереться на немногие еще дееспособные структуры военно-политического управления и одновременно создавать новые кадры для новой армии,- опираться на сохранившиеся центры здоровой государственности. Еще будучи в Москве проездом на Дон, Алексеев, очевидно, встречался с представителями Совета общественных деятелей. На его основе было решено создать аналогичную организацию, объединившую усилия политиков и военных Центра и Юга России. Так создавался известный впоследствии «Союз защиты Родины», координировавший связи белого подполья и командования Добровольческой армии.

По воспоминаниям сотрудника Алексеева, полковника Я.М. Лисового, генерал прибыл на Юг России «для того, чтобы претворить в жизнь мечту, ибо тогда об этом можно было только еще мечтать — мечту спасения России путем создания новой армии.

Удивительно! Первый вопрос, который задавался каждым вновь прибывшим был — здесь ли генерал Алексеев и где можно его видеть. Да! Он был уже здесь, хотя десять раз при встрече с ним можно было пройти и не узнать его, до того чужды и несуразны были надетые на нем и эта мягкая причудливо вогнутая шляпа и это длинное коричневое осеннее пальто, из-под которого виднелись подвернутые брюки и странного фасона остроносые ботинки…

Центр политической жизни прибывающих того времени сосредоточен был в “Европейской” гостинице, где наибольшее оживление наблюдалось в обеденную нору; здесь-то первое время и можно было видеть генерала Алексеева, обедающего в кругу своей семьи или близких знакомых все в том же штатском костюме и немилосердно завязанном галстуке.

К концу обеда обыкновенно длинная вереница представляющихся ожидала приема, происходящего тут же, в коридоре, либо в особо важных случаях в одном из номеров.

С внешней стороны, для непосвященных казалось, что политическая и организационная работа происходит без всякого определенного плана: приезжали откуда-то какие-то лица, делали

доклады, получали соответствующие указания, некоторые уезжали, другие оставались и тогда оставшиеся “товарищи” и “рабочие” превращались в полковников или даже в генералов… Но в результате этой кажущейся неналаженности или даже беспорядочности создана нынешняя Добровольческая армия — основа будущей новой Русской армии».

«Захват» большевиками Петрограда и Москвы отнюдь не означал, по мнению генерала, их победы по всей России. Более того, инициатива в организации антибольшевистского сопротивления переходила к регионам. Так, донской атаман Каледин сразу же после ареста Временного правительства заявил, что власть большевиков на Дону не признают, а оставшиеся на свободе товарищи (заместители) министров могут приехать в Новочеркасск для продолжения своей работы.

Алексеев полагал, что донская столица может вполне стать «альтернативой» советскому Петрограду. Уверенности способствовал процесс создания т.н. «Юго-Восточного Союза» — государственного образования, призванного объединить в границах федерации донское, кубанское, терское, астраханское казачества, а также горцев Северного Кавказа. Был разработан и опубликован проект Конституции Союза, и политическая реальность его легализации представлялась очевидной. В своих воспоминаниях член Государственной думы Л.В. Половцов, занимавший в штабе Алексеевской организации должность начальника хозяйственной части, свидетельствует: «Генерал Алексеев решил образовать новую армию на особых началах. Он задумал созвать всех, кто пожелал бы служить Родине добровольно. Эта добровольческая армия должна была организоваться — при помощи союзников — в казачьих областях: на Дону, на Кубани и на Тереке. Получив здесь надлежащее снабжение, армия могла двинуться на запад, чтобы остановить безостановочное шествие немцев». Союзным представителям план генерала Алексеева казался вполне исполнимым, и они обещали оказать полное содействие, конечно, только с финансовой стороны.

Другим центром сопротивления могла стать Ставка. После позорного, по мнению многих, бесследного исчезновения Керенского из Гатчины полномочия Главкома фактически перешли к Наштаверху — генералу Духонину. Благодаря его распоряжению все «быховские узники», во главе с генералом Корниловым, были освобождены из-под ареста и отправились на Дон. Узнав о том, что Духонин оказался и.о. Главковерха, а Дитерихс — и.о. начальника штаба Главкома, Алексеев написал своему соратнику и ученику письмо, в котором подробно изложил

свои планы, связанные с организацией контрреволюционных центров на Юго-Востоке России. 8 ноября в письме Дитерихсу Алексеев изложил «экономические и политические цели» существования суверенного «юго-восточного угла России». Это был «район относительного спокойствия и сравнительного государственного порядка и устойчивости; здесь нет анархии, даже резко выраженной классовой борьбы… здесь естественные большие богатства, необходимые всей России; на Кубани и Тереке хороший урожай». В будущей России этот край стал бы оплотом экономического возрождения, он мог бы «отбиться от немецкого капитала, промышленной предприимчивости, тевтонского натиска… Из этой цитадели должна затем начаться борьба за экономическое спасение наше от немца, при участии капитала англо-американского».

Экономическая стабильность Юго-Востока обеспечивала бы и политическую стабильность. Генерал по-прежнему подчеркивал важность взаимодействия фронта и тыла, взаимозависимости экономических и военно-политических факторов в современной войне (а особенно в условиях очевидной перспективы войны гражданской): «Под покровом силы промышленно-экономической и порядка здесь именно надо создать сильную власть, сначала местного значения, а затем — общегосударственного». В условиях «большевистского переворота» и продолжения войны с Германией следовало подумать и об организации суверенных вооруженных сил Союза, о «формировании реальной, прочной, хотя и небольшой, вооруженной силы для будущей активной политики».

Территория Союза, по мнению Алексеева, получила бы статус отдельного военного округа с общими штабными и организационными структурами. В этом случае «Алексеевская организация» могла стать частью его вооруженных сил. Имелись «элементы», из которых предполагалось начать военное строительство: «…много офицеров, часть юнкеров и гардемаринов из разгромленных училищ, не потерявшие честную душу солдаты, наконец, добровольцы».

Генерал не строил иллюзий в отношении скорого противодействия большевикам. Отмечая характерную для всех периодов будущей Гражданской войны тенденцию приоритета местных интересов над всероссийскими («завоевание России казакам не но силам»), Михаил Васильевич был уверен в том, что формирование антибольшевистских сил будет происходить постепенно. В частности, под влиянием «местной пожилой массы» — старых казаков — будет «выколочена навеянная дурь из голов более молодых казаков», возвращающихся с фронта из «распропагандированных» большевиками полков.

Контрпропаганда, идеологическая «борьба с большевизмом» и с местным «сепаратизмом» представлялась важной частью политической работы.

Не менее важным являлось также обеспечение притока на Юго-Восток денежных средств от крупных финансово-промышленных структур и частных лиц. Формирование и финансирование будущих воинских частей следовало проводить одновременно, поэтому создание «экономического совещания» из «выдающихся деятелей центра», а также местных финансово-промышленных кругов имело бы «не только промышленно-экономическое, но и политическое, а следовательно, косвенно — и военное» значение. Единая и главная «задача но спасению государства» разделялась, таким образом, на «две основные»: «политическую — печать, пропаганда, агитация, обработка умов, внушение побольше смелости» и «военную — подготовка войсковых частей, усиление казачьих».

Алексеев убеждал Дитерихса в важности сохранения в Ставке системы управления войсками. Необходимо было перевести на Дон и Кубань «надежные части» и боеприпасы, а также широко оповестить союзные державы об отношении к совершившемуся большевистскому перевороту. В частности, Алексеев обращал внимание на возможность использования сформированных в составе Российской армии польских и особенно чехословацких воинских частей в усилении антибольшевистского сопротивления: «Все чешско-словацкие полки… охотно свяжут свою судьбу с деятелями спасения России. Некоторые связи установлены; в скором времени они получат дальнейшее развитие. Если Вы можете оказать содействие к переводу под тем или другим предлогом, то положите прочное начало к созданию здесь реальной силы… Если бы можно было рассчитывать на перемещение чехословаков, то командирование от них офицеров было бы полезно для изучения условий расположения». Алексеев особенно подчеркивал необходимость сделать Ставку последним оплотом «легальной власти», считал важным использовать аппарат Ставки для формирования добровольческих частей (под видом отделений офицерских союзов, увечных воинов и т.п.). Их снабжение боеприпасами, обмундированием и снаряжением могло осуществляться, по мнению генерала, не только за счет Ставки, но и при содействии налаженного за годы войны аппарата Управления генерал-инспектора артиллерии, Главного артиллерийского управления, Главного военно-технического управления. В адрес Новочеркасского артиллерийского склада следовало переводить многотысячные партии винтовок, снарядов, патронов, перевозить «артиллерийские парки» и пулеметы. Чтобы

не повторять горький опыт «обороны» Зимнего дворца и «кровавой недели» в Москве, когда произошла «гибель лучшего элемента, гибель нерасчетливая и преступная», нужно было, «создавая организации в центре… подумать о сосредоточении для них оружия и патронов».

Занимаясь формированием структур будущей Добровольческой армии, генерал Алексеев считал, что «в вопросах организационных нужно соглашение» со Ставкой, «совместная разработка планов». Следовало образовать также особую, аналогичную бывшим контрразведывательным отделениям, структуру, которая могла бы заниматься политической «дискредитацией» не только большевиков, но и «слившихся с большевизмом» политиков-самостийников из украинской Центральной рады. Для этого следовало использовать любые вероятные политические интриги и конфликты: «В управлении Рады мы имеем противника умного, серьезного, искусно руководимого извне и оттуда же питаемого деньгами. Одною печатью с нею бороться нельзя. Нужно дискредитировать отдельных лиц, ее составляющих, а целое — как изменническое, наносное. Контрразведывательное отделение Радою уже разгромлено с вполне определенной целью. Следовательно, нужно спасти уцелевшие документы и восстановить негласное контрразведывательное отделение с этою основною задачею — изучать и расшифровывать лиц и целое. Поводы и целое, и лица дают, и работа не будет бесплодною, но ее нужно отдать в хорошие руки. Информаторы же деятельности Рады и разветвлений ее найдутся. Работа спешная, ибо Рада пока прочных корней не имеет, но каждый месяц упрочивает ее положение и увеличивает число вольных и невольных сторонников. Открытая борьба с этим учреждением, слившимся с большевизмом, пока не по средствам. Но изыскание способов к дискредитированию возможно и полезно».

Бывший начальник Дитерихса подчеркивал: «…нужно много работать совместно… погибнуть мы всегда успеем, но раньше нужно сделать все достижимое, чтобы и гибнуть со спокойной совестью». «Дело спасения государства должно где-нибудь зародиться и развиться, — писал Алексеев, — само собой ничего не произойдет при той степени развала, до которого его довели представители Временного правительства и деятельность большевизма. Только энергичная, честная работа всех, сохранивших совесть и способность работать, может дать результаты. Нужно поставить дело так, чтобы получить возможность повести за собой местных здешних деятелей. Они пойдут. В них проснется общегосударственная точка зрения. Но

сами они не начнут, равно не пойдут только со своими силами»[89].

Однако Дитерихс уже не мог помочь осуществлению планов своего бывшего начальника. За день до того, как письмо в Ставку было послано Алексеевым, Дитерихс оставил пост начальника Штаба Главковерха и уехал в Киев. Генерал Духонин был убит красногвардейцами, и Ставка перешла под контроль «революционных войск» во главе с прапорщиком Крыленко. Еще одна попытка создать потенциальный центр легальной антибольшевистской власти, таким образом, не состоялась.

Лидеры донского казачества отнюдь не торопились поддерживать генерала Алексеева и создаваемые им военно-политические структуры. Для «казачьего парламента» — Донского Войскового Круга — своя, «казачья» политика оказывалась важнее решения общероссийских проблем. Круг не собирался «идти на Москву» и «втягивать казачество в братоубийственную борьбу», и пополнение «Алексеевской организации», насчитывавшей в начале ноября 1917 г. чуть более 200 человек, проходило почти нелегально. Этим и объясняются «штатские платья», приезжавших на Дон «быховцев» и самого Михаила Васильевича. Этим объясняются «лазаретные путевки» в руках многих добровольцев, приезжавших на Юг якобы для лечения после «ранений» или «контузий» на фронтах. Этим объясняется и та осторожность, с которой приходилось общаться, на первых порах, Каледину и Алексееву, неформальных характер их встреч и бесед.

2 ноября генералом было написано обращение к российскому офицерству, в котором офицеры призывались на Дон для объединения и создания новой армии, однако распространялось оно не как официальная декларация, а как частное письмо частного лица. Регулярно встречаясь с Алексеевым, атаман Каледин скептически оценивал возможности широкомасштабного антибольшевистского сопротивления, но ничуть не препятствовал деятельности Алексеева. Напротив, помогал деньгами, обмундированием, сумел добиться снабжения добровольцев продуктами и получения пожертвований на создание армии, но в передаче им оружия и боеприпасов отказывал. Михаил Васильевич, в свою очередь, высоко ценил воинские качества Каледина, хорошо знакомые ему еще по боям на Юго-Западном фронте, когда будущий донской атаман успешно командовал 12-й кавалерийской дивизией. Гостиница «Европейская», в которой проживали многие высшие военные чины, бывшие «быховские узники», а также лазарет № 2 в доме 36 на Барочной улице, приспособленный под общежитие офицеров и юнкеров

(первоначально они регистрировались как «прибывшие на лечение»), по-прежнему оставались главными центрами сосредоточения добровольцев.

На Дон прибывали не только военные, но и политики. Одним из первых посетивших генерала российских политических деятелей был В.В. Шульгин. 6 ноября он встречался с Михаилом Васильевичем в его «штабном вагоне» и выразительно описал позднее эту встречу, сравнивая ее с предшествующей, состоявшейся в штабе Киевского военного округа в первые дни войны с Германией. «Этот вагон, — писал Шульгин, — стоял на запасных путях в Новочеркасске. И опять мы сидели с ним за столом, и опять я видел очки и шевелящиеся усы и слышал скрипучий его голос…

Я думал о том, что все сбылось. Война длилась годы. Противник оказался тяжелым, твердым, настойчивым. На измор, — на полное истощение… На то, “у кого нервы крепче”… Все сбылось. Все оказалось в зависимости от крепости духа. Но мы — писатели, политики, публицисты — не сумели, не смогли уберечь душу России.

И вот — конец. Я только что пробрался сюда из Киева… И вот мы снова сидели друг против друга, как три года тому назад. Русской Армии больше не было. Нет, она была. От нее остался ее Верховный Главнокомандующий…

Жесткие усы выговаривали невеселые вещи.

— В этом столе у меня двадцать тысяч рублей… Да… Это все… Численность? Вы сами знаете. Которым записался вольноопределяющийся, что с Вами приехал?

— Да, что-то тридцатым, кажется.

— Это хорошо. Вчера меньше было. Так вот… Видите, с чего начинаем. Трудно… Денежные люди малоотзывчивы. Не понимают… Еще не поняли! Да и патриотизм… На словах — у многих! Казачество? Каледин? Он, конечно, — с нами… Но положение его трудное — очень трудное… Болото и здесь… Вязко. Одну ногу вытащим, другая увязнет… Казачество тоже болеет — той же болезнью…

Голос скрипел, уже надтреснутый годами и пережитым… Но был он, как прежде — сурово назидательный… Алексеев был профессор и солдат. Он мыслил от ума и чувствовал от долга…

И вдруг я опять увидел большие зрачки через стекла. Они были обведены радугой и сверкали. Они прошли через меня и стали рыскать двумя лучами по темноте фронта, который теперь был со всех сторон… Вся Россия была «фронтом».

— И все-таки другого места нет… Тут надо!. Отсюда… Здесь начнем собирать Армию… Да…

Глаза-прожекторы обежали всю Россию и, не найдя ничего, кроме Дона, потухли… И снова передо мною была наклоненная над столом голова, и жесткие усы, скрипя, что-то развивали о том, почему армии нужна база и какова она должна быть…

Но судьба Добровольческой Армии была решена. Она нашла ту пядь земли, ту кочку среди болота, которая ей была необходима…»

Алексеев понимал, что создание вооруженных сил, по существу, «с нуля» сопряжено с немалыми трудностями, и, несмотря на стремление контролировать самому все направления формирования «своей» организации, ему пришлось согласиться с работой фактически двух центров-штабов. По воспоминаниям приехавшего на Дон полковника Ряснянского, первый из них занимался «функциями оперативными, разведывательными и политическими». Его возглавлял Алексеев, вместе с которым работало всего трое офицеров — адъютант Шапрон дю Ларрэ, ротмистр Н. Апрелев и старший сын самого генерала — ротмистр Алексеев. У второго штаба было гораздо больше полномочий в области военной организации, и возглавлявший его генерал от кавалерии И.Г. Эрдсли контролировал отделения «управления, формирования, инспекторского и отдела по выработке уставов, инструкций и законоположений». Особое положение занимал отдел снабжения во главе с бывшим начальником снабжения Юго-Западного фронта генерал-лейтенантом Е.Ф. Эльснером.

Прибывавшие добровольцы записывались в «отряды», формируемые но родам войск: «пехотные, кавалерийские отряды, батарея, артиллерийский, юнкерский, студенческий, офицерский отряды и т.д.». На Дон смогли добраться кадры Корниловского ударного и Георгиевского запасного полков, вошедшие позднее, как самостоятельные части, в состав Добровольческой армии. Правда, по своей численности все эти кадровые подразделения примерно соответствовали одному полку Императорской армии.

По воспоминаниям Б. Суворина, интервьюировавшего Алексеева в декабре 1917 г., очень непросто было рассчитывать на поддержку казачества в противодействии советской власти: «Я никогда не забуду, — писал журналист, — этого интервью, или вернее лекции, которую прочел мне наш мудрый старик… Я вижу, как тогда уже правильно понял казачью психологию генерал Алексеев и как метко охарактеризовал он многих из его деятелей, проявивших свое истинное лицо много, много позднее.

Генерал не рассчитывал на подъем казачества. Он отдавал должное высокому чувству долга Каледина, блестящего генерала и выборного атамана Донского войска, но он видел, что его старания поднять казачий дух не могут увенчаться тем успехом,

который можно было ожидать. Он очень симпатично отозвался о Митрофане Богаевском, прекрасном ораторе, искреннем казаке и русском человеке, но боялся того, что его утонят в демагогической болтовне, которая стала так захватывать и казачьи политические организации. Очень характерным было одно его сравнение. “Знаете, говорил он, когда говоришь с казаками, вечно боишься наступить на какую-то казачью мозоль, обойти их трудно, потому что эти мозоли везде”…

Генерал Алексеев говорил и о кубанцах. Они, пожалуй, крепче Донцов, но эти так называемые самостийные группы (он очень резко отозвался о Быче и братьях Макаренках) играют в скверную политику личных честолюбий.

Терцы были, по его словам, крепче других, но они мало были сорганизованы, и их атаман Караулов — человек, хотя и смелый, но недостаточно сильной воли, чтобы подчинить их своему влиянию».

Из воспоминаний Флуга, прибывшего в эти дни в Новочеркасск: «…нельзя сказать, чтобы во время этой беседы со мною (у Алексеева) был “бодрый и веселый вид”. Правда, он смотрел несколько бодрее и веселее, чем Каледин, но все же я нашел его сильно постаревшим за полгода, прошедшие со времени нашего последнего свидания в Могилеве, и он жаловался мне на разные недомогания. Кроме того, у него заметно развилось какое-то старческое брюзжание, и еще усилилось свойственное ему вообще критическое отношение к людям»[{90}].

Несмотря на нежелание казаков участвовать в каких-либо боевых действиях, но учитывая в то же время продвижение в Донскую область отрядов Красной гвардии с целью ликвидации «контрреволюционных центров», Алексеев продолжал надеяться, что дисциплинированные, подготовленные кадры его «организации» скоро понадобятся атаману и войсковому правительству. Начальником Полевого штаба донского атамана (а позднее — начальником созданной Алексеевым Политической канцелярии) полковником Я.М. Лисовым были позднее опубликованы интересные свидетельства о тех весьма важных для формирования южнорусского Белого движения переговорах, которые велись между генералом Алексеевым и атаманом Калединым в конце 1917 — начале 1918 г. 14 ноября Лисовой был свидетелем беседы, в которой обсуждались возможности переезда на Дон различных воинских частей, предполагавшихся в качестве основы будущей армии. К весне 1918-го Михаил Васильевич надеялся «набрать десяток-другой тысяч» бойцов. Алексеев рассчитывал на прибытие в Новочеркасск «к Рождеству» двух дивизий Чехословацкого корпуса, который представлялся

ему «единственной вооруженной, а главное — хорошо организованной, крупной единицей, которой не мешало бы нам и воспользоваться». На ударные же батальоны с фронтов Алексеев «совершенно не рассчитывал», за исключением Славянского полка (бывшего Корниловского ударного): «…во-первых, поистреплются в дороге, а во-вторых, много ли из них останется — придут отдельные люди, может быть, партии, но на целые части… надеяться нельзя». Вообще, генерал не советовал Каледину «церемониться» с делегациями рабочих районов Ростова и Макеевки. По его мнению, у атамана «много времени на разговоры уходит, а тут — ведь если сделать хорошее кровопускание, то и делу конец».

Спустя два дня (16 ноября 1917 г.) состоялась новая встреча Алексеева с Калединым, во время которой уже обсуждалась возможность использования сил «организации» против местных красногвардейских отрядов. По воспоминаниям Лисового, Каледин с глубоким сожалением говорил об отсутствии у Войска «денег, людей, патронов» для того, чтобы бороться с «ростовскими совдепами». «Генерал Алексеев, по обыкновению, спокойно и мягко начал излагать те меры, которые, по его мнению, нужно было бы немедленно принять, чтобы своевременно подавить надвигающуюся опасность, и в этом спокойствии, в этой мягкой речи… чувствовалась несокрушимая энергия и твердость… Атаман внимательно слушал.

— И все, что у меня наберется в организации, я отдам, Алексей Максимович, в Ваше распоряжение, ибо время дорого, ибо опасность действительно близка, и бороться с ней нужно всеми силами».

Атаман выделил оружие с артиллерийских складов, а 20 ноября добровольцы участвовали в разоружении большевистски настроенного 272-го запасного полка в Новочеркасске. Затем — в занятии Ростова-на-Дону, где после восстания рабочих и солдат готовилось установление советской власти. Отряд «алексеевской организации», численностью в 400 человек, под командованием капитана Л.-Гв. Измайловского полка И.Д. Парфенова, атаковал пригородные укрепления Ростова, куда 2 декабря въехал Каледин. Эти действия убеждали колеблющихся местных донских политиков в важности поддержки со стороны «Алексеевской организации».

На положение «организации» повлияло прибытие на Дон генерала Корнилова и других «быховских узников», а также многих известных политиков-антибольшевиков. Одной из главных стала проблема верховного руководства. Корнилов пользовался большим авторитетом первого, начавшего борьбу с

«врагами России», и многие считали, что только ему надлежит стать во главе зарождающегося Белого дела. Однако сам Корнилов считал более перспективным для себя отъезд в Туркестан или в Сибирь, где он предполагал приступить к формированию собственных антибольшевистских сил.

На Дону нельзя было игнорировать ни авторитет Алексеева, ни руководство Областью в лице атамана Каледина, ни приехавших на юг влиятельных политиков, ни местных деятелей «общественности». По воспоминаниям Ряснянского, ему пришлось организовать специальную делегацию от членов Главного комитета Союза офицеров, оказавшихся в Новочеркасске, для того чтобы убедить Корнилова остаться на Дону и совместно с Алексеевым и Калединым принять участие в формировании армии и политических структур.

Весьма сложными оставались отношения Алексеева с Корниловым. Бывший начальник дипломатического отдела в Ставке, известный русский философ и писатель Г.Н. Трубецкой вспоминал: «С первых же дней обнаружилось, что между Алексеевым и Корниловым существует острый антагонизм, они взаимно совершенно не переносили друг друга». Корнилов, не желая простить Алексееву «его роли в августовские дни», считал, что «Алексеев во многом виноват в наших неудачах во время войны, и смотрел на него с тем оттенком презрительности, с какой боевые генералы смотрят на кабинетных стратегов». Алексеев же «находил Корнилова опасным сумасбродом, человеком неуравновешенными непригодным на первые роли»[{91}].

Не менее важные причины разногласий отмечал также Ряснянский. По его мнению, хотя Корнилов и «требовал полной самостоятельности в управлении армией и се формировании», все же Алексеев «считал необходимым оставить за собой главное руководство делами армии. В большей степени он был прав, ибо на Дону против него не так восставала революционная демократия, как против Корнилова, одно имя которого приводило демократов в неистовство. “Кредитоспособность” Алексеева была несомненно выше потому, что его считали более уравновешенным и не способным на те крайние меры, на которые считали способным Корнилова. В широких общественных кругах имя Алексеева считалось более авторитетным, — его считали более опытным политиком, чем Корнилова. Последнему ставили в минус его “необдуманное” выступление против Керенского». Безусловно, играла роль и психологическая несовместимость эмоционального, «взрывного» Корнилова и рассудительного, умудренного жизненным опытом Алексеева». По замечанию князя

Ухтомского «на сколько генерал Алексеев был человеком, прежде всего, рассудка и расчета, на столько же генерал Корнилов был человеком интуиции и риска»{92}.

Но причины разногласий заключались, очевидно, не только в персональных различиях. Они заключались и в различном понимании методов «борьбы с большевизмом», и эта разница стала источником появления таких различных категорий участников южнорусского Белого движения, как «корниловцы» и «алексеевцы». Если Алексеев, будучи опытным стратегом, считал важнейшим условием успеха наличие серьезной военно-политической базы будущего сопротивления, в том числе — разветвленной сети различных военных и политических организаций, аналогичных Союзу офицеров, то Корнилов недооценивал роль офицерства как самостоятельной силы. Алексеев не пренебрегал контактами с известными политическими деятелями и партиями. По политическим симпатиям ему ближе были сторонники «конституционной монархии», консерваторы. У Корнилова, напротив, политические деятели вызывали недоверие.

Алексееву крайне важной представлялась финансовая основа организации, Корнилов же смотрел на финансы лишь как на средство реализации различных военных планов и неоднократно упрекал Алексеева за его «излишнюю бережливость». Показательно в этом плане отношение Корнилова к представителям т.н. Московского центра и его председателю М.М. Федорову. Представитель деловых кругов, имевший контакты и с чиновничеством (занимал должность управляющего Министерством торговли и промышленности), и с деловыми кругами (возглавлял правление Российского горнопромышленного общества), Федоров, в оценке приближенного к генералу Корнилову журналиста А. Суворина, был лишь «финансовым ничтожеством». И генерал вполне соглашался с этой категорической оценкой. Корнилов более скептически оценивал перспективы сотрудничества с «буржуазией». Тем не менее Федорову удалось стать впоследствии одной из ведущих фигур в политическом руководстве белого Юга.

В любом случае, «натянутые», в чем-то неприязненные, отношения между Алексеевым и Корниловым все же не были заметны для армейского большинства и выглядели со стороны вполне «корректными». Следует помнить, что в Белом движении Корнилов был важен не просто как лидер-стратег, а как харизматический лидер, выражавший в какой-то степени интересы новой, «свободной России». Алексеев же представлялся

очень многим именно как авторитетный лидер, выражавший преемственность от Российской империи, Российской Императорской армии: именно Михаил Васильевич был последним начальником штаба Государя Императора, и доверие к нему Николая II считалось бесспорным. Интересное замечание сделал по этому поводу князь Ухтомский: «Корнилов был психологическим революционером, Алексеев был консерватором… Для Корнилова была важна не партийная принадлежность, а революционность психологии. Корниловцы были революционерами; психологически в этом заключалась вся сила, все значение и весь пафос Корниловского движения, и в этом главное его различие с “Белым движением”, детищем генералов Алексеева, Деникина, Романовского, Маркова, которое не имело революционности, чтобы идти вперед, и видело, что идти назад безнадежно, почему и топталось на месте, переступая с ноги на ногу, пока недостаток жизненности его руководителей не привел его к окончательному моральному краху»[{93}].

Как считал Ухтомский, «“алексеевцами” были все те, кто стоял на платформе Офицерского союза, желавшего монополизировать за офицерством право освобождения России от большевиков, или те, кто видел в генерале Корнилове республиканца, в противоположность генералу Алексееву, считавшемуся монархистом, каковыми были и большинство офицеров армии». Но, как справедливо замечал Г. Трубецкой, «все эти печальные истории ниже памяти и Корнилова, и Алексеева… Оба заслуживают самой глубокой признательной памяти потомства, и оба самоотверженно принесли жизнь Отечеству»[{94}].

И все же нужно было считаться как с казачеством, так и с политическим окружением «Алексеевской организации». В итоге в качестве властной модели был образован т.н. «триумвират» Каледин — Корнилов — Алексеев, в котором Каледин представлял интересы донского казачества и создававшегося Юго-Восточного союза, Корнилов стал командующим Добровольческой армией, а Алексеев определял политический курс. По воспоминаниям Ряснянского, «после длительных переговоров разногласия были улажены. Алексеев принял на себя финансовую часть и политическую, а Корнилов вступил в командование Добровольческой армией, как ее командующий».

Собственно, уже в первые недели формирования своей «организации» Алексеев был готов сосредоточиться исключительно на политических, дипломатических вопросах и на координации подпольной работы. Именно на его имя переводились различные денежные пожертвования и субсидии. Были сокращены также руководящие структуры, и вместо штабов

Алексеева и Эрдели создавался теперь единый штаб во главе с генералом Лукомским, разделенный на строевой отдел (его возглавил будущий начальник штаба Вооруженных Сил Юга России генерал-лейтенант И.П. Романовский) и отдел снабжения (во главе с уже имевшим опыт подобной работы генералом Эльснером)[95].

Вскоре сформировалось и первое, по определению Деникина, «общерусское противобольшевистское правительство» — Донской гражданский совет. Его основой стали структуры земско-городского самоуправления и общественные организации. Предшественником Гражданского совета являлся Донской экономический совет. По своему статусу он представлял собой «частную организацию», созданную на основе бывшего Ростовского областного отдела военно-промышленного комитета, возглавляемого Н.С. Парамоновым, основателем издательства «Донская Речь». Сопредседателем Экономического совета был бывший председатель Московской губернской земской управы и первый командующий Московским военным округом полковник М.А. Грузинов. В состав Совета входили юридический, фабрично-заводской, горно-промышленный, сельскохозяйственный, финансовый и другие отделы.

Как и накануне Второй Отечественной войны, Михаил Васильевич не оставлял без внимания соответствующее «освещение» происходивших событий в прессе. Вряд ли местная ростовская и новочеркасская пресса его удовлетворяла. На Юге России следовало издавать «большую антибольшевистскую газету». В середине ноября через Щетинина им было передано приглашение приехать из Петрограда на Дон известному журналисту и издателю Б. Суворину.

Алексеев поддерживал контакты с Экономическим советом и, контролируя финансовые поступления в «кассу Алексеевской организации», был весьма заинтересован в том, чтобы деятельность военно-промышленных комитетов и земско-городских структур Юга России координировалась бы через посредство Экономического совета. Именно с санкции Алексеева уже в январе 1918 г. при армии (на основе кадров и структур местных военно-промышленного комитета и земского союза) был создан Особый комитет снабжения под руководством ростовского городского головы — бывшего председателя областного отдела Всероссийского земского союза кадета В.Ф. Зеелера. Представители деловых кругов, входившие в состав московского Совета общественных деятелей, могли, по мнению генерала, оказать эффективную финансовую поддержку начинавшемуся Белому делу. Правда далеко не все надежды на «помощь Москвы»

оправдывались. Финансовые поступления на Дон не отличались значительными масштабами. Отчасти это было потому, что советское правительство с первых же недель своей работы поставило под жесткий контроль все денежные переводы и выдачи наличных средств. Но отчасти играло роль и открытое нежелание московских деловых кругов оказывать помощь «предприятию», не обещавшему очевидной «выгоды». Сестра милосердия М.Л. Нестерович-Берг обеспечивала переезды на Дон добровольцев по линии «Союза бежавших из плена». Алексеев лично поручал ей сбор пожертвований на армию. Нестерович-Берг встречалась в Москве с Н.И. Гучковым, Оловянишниковым, Коганом, другими московскими финансистами и промышленниками, но в большинстве случаев не видела с их стороны готовности к незамедлительной помощи «Алексеевской организации»{96}.

Создавая систему управления на белом Юге, по мнению Алексеева, следовало озаботиться также обеспечением общественной поддержки. Прежние политические партии представлялись довольно «узкими», в силу формальных организационных причин, хотя в политическом «спектре» Юго-Востока России заметным преобладанием пользовалась кадетская партия. Но поскольку в конце 1917 г. большинство контрреволюционных общественных группировок еще оставалось в столице, то, по инициативе Михаила Васильевича, в Ростове и Новочеркасске стали создаваться структуры весьма влиятельного в будущем «Союза защиты Родины и свободы». Первоначально Союз, под наименованием «Союз спасения Родины», был основан в октябре в Москве членами кадетской партии. Но непосредственное руководство созданием Союза осуществлял прибывший в Ростов Б.В. Савинков, заручившийся со стороны Алексеева негласной поддержкой. Примечательно, что наименование «Союз защиты Родины и свободы» было предложено самим генералом уже после «большевистского переворота».

Нельзя сказать, что Савинков был чем-то близок Алексееву по взглядам. По оценке князя Г. Трубецкого, «с свойственной ему энергией и ловкостью, Савинков тотчас принялся обделывать свое дело. Прежде всего, он подъехал к генералам Каледину и Алексееву и предложил себя в качестве посредника с демократией… Генерал Алексеев лично не питал, конечно, никакого доверия к Савинкову, но, не отличаясь силой воли, он уступал перед железной волей всегда спокойного и всегда знающего, чего хочет, Савинкова»{97}.

Алексеев поддерживал контакты с Москвой, Петроградом,

Киевом. Связь с Москвой осуществлял Савинков, получивший от генерала полномочия для организации московского отделения Союза, которое стало весной—летом 1918 г. центральным звеном в Союзе, переняв его наименование и полномочия. Благодаря авторитетности «имени» Алексеева, Савинкову удалось создать многочисленную военную организацию из офицеров (3—4 тысячи) во главе с полковником А.П. Перхуровым, также прибывшим с Дона. Московские кадеты и правые политики, несмотря на определенную «политическую антипатию» к бывшему «террористу», договорились о принятии савинковским «Союзом» политической программы Добровольческой армии.

В Петрограде генерал Алексеев поддерживал контакты с организацией генерал-лейтенанта А.В. Шварца (своего бывшего сотрудника но работе в «крепостном комитете») и другого своего сослуживца по Ставке — действительного статского советника Орлова (будущего начальника контрразведки Военного управления Особого совещания). В Киев, получив полномочия от Алексеева и Корнилова, отправился бывший комиссар 8-й армии Юго-Западного фронта В.К. Вендзягольский. Савинков, Вендзягольский, а также известные на Дону представители демократии П.М. Агеев и С.П. Мазуренко входили в состав общественного «Совещания при генерале Алексееве», составляя «демократический фланг» политического фронта, на который опиралась Добрармия. Ожидались пополнения и с Румынского фронта. Как отмечал в письме к Главнокомандующему армиями фронта генералу Щербачеву Корнилов, «все стремления, как мои, так и генералов Алексеева и Каледина, в настоящее время сводятся, главным образом, к скорейшему набору добровольцев и обеспечению армии вооружением, снаряжением, боевыми припасами и денежными средствами, причем, конечно, особенно важно получить бойцов и оружие»{98}.

Для Алексеева было очевидно, что эпизодические, персональные контакты явно недостаточны для того, чтобы обеспечить активное, «всероссийское сопротивление захватчикам власти — большевикам». По опыту создания «Союза защиты Родины и свободы» формировались новые подпольные военно-политические организации — т.н. «Центры Добровольческой армии». Через них генерал надеялся преодолеть один из существенных недостатков подрывной антисоветской работы — отсутствие должной централизации и координации действий. С этой целью предусматривалось образование областных Центров, а также связанных с ними губернских и уездных структур. Первоначально они были полностью автономны в своей деятельности и, хотя формально они подчинялись Алексееву и

его Политической канцелярии во главе с полковником Я.М. Лисовым (с 3 июня 1918 г. — Военно-политический отдел Добровольческой армии), но получали для себя лишь общие указания по работе и незначительные финансовые поступления[99].

Вообще, говоря о периоде формирования южнорусского Белого движения, нельзя не отметить, что планы, проекты его развития представлялись Алексееву достаточно обширными и носили, несомненно, «общегосударственный», «всероссийский» характер. Генерал тщательно вел «черновую закулисную работу», отслеживал все возможные контакты с антибольшевистскими структурами, причем даже с такими, которые в ноябре 1917 г. не могли еще однозначно определить свое отношение к совершавшимся в России событиям.

К сожалению, практически вся документальная база этого периода оказалась безвозвратно утраченной и может в некоторой степени компенсироваться только косвенными свидетельствами. Полковник Лисовой вспоминал: «По приказанию генерала, я, с болью в сердце, руководил сжиганием всех дел и документов Политического Отдела Добровольческой Армии, а в последний день — день ухода армии из Ростова (начало Ледяного похода. — *В.Ц.)* — за отсутствием свободных лиц (все уходили в поход — я же, по приказанию генерала Алексеева, оставался в Ростове) — я сжигал оперативные и другие дела Штаба Добровольческой Армии. В огне погибли: Протоколы заседаний Политического Совещания Добровольческой армии, переписка с общественными и политическими деятелями Москвы, Петрограда, Киева, Полтавы и других городов, проект организации Союза хлеборобов г. Полтавы, предусматривавший в деталях разветвление этой организации на всю Украину, переписка генерала Алексеева с Карпатороссами и Чехословаками, переписка Вождей Добровольческой Армии с Донским Атаманом, необычайно интересная и поучительная переписка между генералами Алексеевым и Корниловым, оперативные дела, проекты разворачивания, снабжения и вооружения армии, первоначальные проекты организации Центров, прокламации и листовки, коллекция печатей и различных штампов (около 200) для изготовления различных документов и паспортов (весьма важные для деятельности антисоветского подполья. — *В.Ц.)* и много разных других материалов — лишь совершенно случайно удалось найти впоследствии обгоревшие остатки этих дней»[100]. Подобный «пробел» в источниках, несомненно, является «невознаградимой потерей» истории Белого движения.

В конце декабря произошла окончательная «легализация»

Алексеевской организации. Правда, произошло это только после перехода большей части добровольцев из Новочеркасска в Ростов-на-Дону, который прежде формально не входил в территорию Войска. В Рождественские дни, 26 декабря 1917 г., было официально объявлено об образовании Добровольческой армии, основой которой стала Алексеевская организация. В ее «Декларации», опубликованной 27 декабря, излагались общероссийские цели Добровольческой армии: «…дать возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства Свободной России; стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли Русской, ее народ, выявит через посредство Учредительного собрания свою державную волю». Заявлялось и о том, что необходимо сделать в ближайшее время: «…противостоять вооруженному нападению красных на юг и юго-восток России».

Командующим Добровольческой армией неофициальным распоряжением генерала Алексеева от 25 декабря был назначен генерал Корнилов. Тем самым первенствующее значение генерала Алексеева в иерархии антибольшевистского сопротивления сохранялось, и, хотя он не занимал никакого официального положения, теперь и навсегда в истории Белого движения он остался как «Основатель Добровольческой армии». «Создание Добровольческой армии — мое последнее дело на земле», — эти слова генерала как нельзя лучше передавали его отношение к формированию новой вооруженной силы, призванной «спасти Отечество»{101}.

Первоначально официальное положение Добровольческой армии не выходило за региональные рамки: ее кадры формально входили в состав войск Ростовского округа под командованием генерал-майора А.М. Назарова. Уже тогда было ясно, что Добровольческая армия ставит задачу восстановления кадровой Российской армии. Не случайно среди первоначальных вариантов переименования «Алексеевской организации» был и такой: «Союз Возрождения армии» — по аналогии с «Союзом Возрождения России». Ориентация, прежде всего, на военные традиции, на сохранение военной преемственности в значительной степени влияла на будущее «политическое credo» южнорусского Белого движения.

Теперь, чтобы исключить повторение печального опыта прошедшего года, военно-политическое руководство движения сразу же провозгласило безусловный приоритет интересов фронта перед интересами тыла. Правда, в декабре 1917-го еще не утверждалось, что армия будет не только вести вооруженную «борьбу с большевизмом», но и сама станет ядром возрождения

нового государственного устройства, создания новых органов политического управления.

Алексеев вернулся к ставшему уже привычным для него рабочему ритму. Ему и его приехавшей в Новочеркасск семье удалось поселиться в пустовавшей купеческой конторе, где в передней разместились канцелярия и приемная. В соседних комнатах жили адъютант Шапрон и двоюродный брат дочери Клавдии — доктор Н.Н. Кельин, наблюдавший за здоровьем генерала. Из бывшего склада после перепланировок были сделаны комнаты, где жили жена и дети. Вместо вагонного куне с тускло горящими свечами появилась собственная комната и у генерала. Ему снова приходилось работать по 18 часов в сутки, бывали и бессонные ночи. Но Михаил Васильевич себя уже не щадил. «Последнее дело» его жизни требовало полной самоотдачи. Дважды на генерала готовились покушения, и только смелость его адъютанта и юнкерского конвоя спасала ему жизнь.

Не оставляя надежд на укрепление Юго-Восточного союза, Алексеев дважды приезжал в Екатеринодар, предполагая встретиться с кубанским атаманом полковником А.П. Филимоновым. Кроме того, но поручению Алексеева с секретной миссией в столицу Кубани ездили генерал Лукомский и известная разведчица-доброволец Зинаида Готгард. 23 ноября состоялась его встреча с атаманом, и вечером того же дня генерал участвовал в заседании Кубанского войскового правительства под председательством И.Л. Макаренко. В сохранившихся тезисах отмечалась необходимость «единения» по всем вопросам гражданского управления «Союза», организации военных сил на территории «Союза» — не только казачьих, но и других — охраны железных дорог и наблюдения за «революционными» частями стихийно демобилизующегося Кавказского фронта.

В январе 1918 г. пришли известия с Терека, где также шла подготовка контрреволюционных сил. В начале января 1918 г. генерал Корнилов совещался с председателем Терского войскового круга П.Д. Губаревым. После этой встречи командующий Добрармии обратился к Алексееву с письмом, в котором предлагал оказать «содействие Войсковому Правительству Терского Казачьего Войска в восстановлении порядка на территории Области», а также оказать финансовую поддержку формирующимся в Пятигорске добровольческим частям. Алексеев поддержал предложения Корнилова и в письме от 19 января согласился помочь терцам и из скудных средств Добрармии «взять на содержание» подразделения в Пятигорске, «если только эти части, по выполнении задач на Тереке, перейдут безусловно в состав Добровольческой армии».

В середине января 1918 г. штаб Добрармии переместился из Новочеркасска в Ростов-на-Дону. Здесь, в отличие от вагонов на запасных путях и переоборудованных складов, командование получило в свое полное распоряжение особняк главы Донского экономического совета Парамонова на Пушкинской улице. У Алексеева появился личный кабинет, а его сотрудники занимали несколько комнат. После окончательной «легализации» армии потребность в «штатском платье» для генерала и его соратников отпала. Теперь он ходил в теплом офицерском пальто мирного времени с золотыми погонами генерал-адъютанта. Проблем с размещением не было, однако политическое положение оставалось неустойчивым: теперь при провозглашении тех или иных лозунгов и деклараций следовало учитывать сложившуюся практику создания коалиций на основе «паритета казачьего и иногороднего населения». Что касается настроений в армии, то входившие в ее состав консерваторы-монархисты, офицеры гвардейских полков, поддерживаемые Алексеевым, пока не заявляли открыто своих идеалов. Не замечалось среди добровольцев и горячих симпатий к «Российской свободной республике».

Но политические контакты с представителями местной власти и «демократической общественности» следовало поддерживать, и 18 января 1918 г. Алексеев принял приглашение на участие в заседании Донского объединенного правительства в Новочеркасске. Генерал без колебаний отвечал на весьма настойчивые вопросы, задаваемые членами правительства — «социалистами», подчас с провокационным подтекстом.

Особый резонанс вызвал вопрос председателя областной управы В.В. Брыкина о финансировании и тех «обязательствах», которые принимает на себя Добрармия, «получая средства для своего существования». «Добровольческая армия, — резко ответил Михаил Васильевич, — не принимает на себя никаких обязательств, кроме поставленной цели спасения Родины. Добровольческую армию купить нельзя». Генерал кратко осветил историю возникновения армии, отметив, в частности, что действовал не по собственной инициативе, а получив полномочия на ее создание от московского центра Союза спасения Родины. Алексеев заверял собравшихся в отсутствии «реакционных намерений» у политических структур, близких к руководству армии: «В совещание при мне вошли и представители демократии, а в настоящий момент ведутся переговоры и с лидерами других партий, кроме кадетской, как, например, с Плехановым, Кусковой, Аргуновым и др. Конечно, с Черновым и его партией (эсеры. — *В. Ц.)* никаких переговоров быть не может

— нам с ними не по пути». А на вопрос Брыкина — почему в армии так распространено презрительное отношение к советской власти (он ссылался на распространенное среди офицеров выражение «совет собачьих депутатов»), — Алексеев ответил, что «прежде чем судить добровольцев, нужно вспомнить, что они пережили и что переживают». «Войдите в их психологию, и вы поймете происхождение этих разговоров: ведь 90% из них буквально вырвались из когтей смерти и, по приезде на Дон, не оправившись еще от пережитого, вынуждены были вступить в бой с советскими войсками».

В то же время Алексеев отметил отсутствие исключительно политического характера создания армии: «Добровольческая армия не преследует никаких политических целей; члены ее при поступлении дают подписку не принимать никакого участия в политике и заниматься какой бы то ни было политической пропагандой». Поэтому Алексеев вполне допускал включение в состав армии отрядов «из демократических элементов», которые намеревалась формировать Ростовская городская дума.

Вооруженное противостояние с большевиками объяснялось генералом исключительно как продолжение войны с Германией: «Мы, борясь с большевиками, вместе с тем продолжаем войну и с немцами, так как большевизм и германизм тесно переплетены между собой». Поэтому, по его мнению, армия имела полное право рассчитывать на финансовую и политическую помощь союзников. «Не скрою от вас, — говорил генерал, — что некоторую поддержку мы имеем и от союзников, ибо, оставаясь верными до сих пор союзным обязательствам, мы тем самым приобрели право на эту с их стороны поддержку… Кроме того, защищая хлебородный угол России от большевиков, мы тем самым отстаиваем его и от немецких поползновений, что небезвыгодно для наших союзников. Вот почему им, затрачивающим на борьбу с немцами миллиарды, ничего не стоит рискнуть некоторой суммой на поддержку движения, совпадающего с их интересами».

Примечательны были и краткие высказывания, сделанные Алексеевым в отношении социально-политических перспектив зарождающегося Белого движения. «Я твердо верю в полное очищение России от большевизма, — убежденно говорил основатель Добровольческой армии. — В этом нам окажет поддержку вся толща российской интеллигенции и, кроме того, крестьянство, которое уже устало от большевиков и готово принять хоть плохонького Царя, лишь бы избавиться от насильников… Я не спрашиваю людей, идущих за мною работать: какой ты партии? Я спрашиваю его: любишь ли ты Россию? На

поле сражения, перед лицом смерти все равны — и революционер, и монархист… Какой в России сложится строй — покажет будущее, а пока нам всем нужно объединиться и работать, а главное — не ссориться из-за различия партийных взглядов».

Вскоре после заседания правительства для подтверждения политических позиций была опубликована еще одна декларация Добровольческой армии. В ней уже более четко прослеживались позиции, определившие в будущем основу политической программы Белого движения. Говорилось не только о «защите вместе с казачеством» от «немецко-большевистского нашествия… самостоятельности областей, давших ей приют и являющихся последним оплотом русской независимости», но и о «воссоздании Великой России». Подтверждалось следование идеям «восстановления русской государственности» и «доведения Единой России до нового Учредительного собрания, перед решением которого должны преклониться все классы, партии и отдельные группировки».

Результатом стало окончательное согласие донского правительства на легализацию Добровольческой армии в следующей форме: «Существующая в целях защиты Донской области от большевиков, объявивших войну Дону, и в целях борьбы за Учредительное собрание Армия должна находиться под контролем Объединенного Правительства и, в случае установления наличности в этой Армии элементов контрреволюции, таковые элементы должны быть удалены немедленно за пределы Области».

Разумеется, подобный «демократический статус» был лишь конъюнктурным прикрытием. Не случайно, с точки зрения военно-юридических норм, командование Добрармии провозглашало, что оно пользуется русскими воинскими уставами, изданными до 28 февраля 1917 г., то есть до событий Февральской революции и начала знаменитой «демократизации». Алексеева всегда отличало стремление к сохранению максимально возможной преемственности по отношению к сложившейся в России накануне революции военно-политической системе.

В этом отношении очень характерна его непоколебимая уверенность в том, что Добровольческая армия продолжает выполнять дело, начатое Российской Императорской армией в 1914 г., в «славные и трагические дни начала Второй Отечественной войны». Проанализировав последние полученные из могилевской Ставки сведения, 16 ноября Алексеев составил краткую записку о вероятных перспективах окончания войны в

Европе. Среди выделенных генералом пунктов отмечались: «… война — до крайности, во имя чести России и верности союзникам …союзники будут продолжать войну …возможность присылки (в Россию. — *В. Ц.)* в феврале—марте 1918 г. английских, американских и японских войск …внутреннее положение Германии тяжелое. Большевизм коснулся и немецкой армии, запрещено братание …возможность в Германии социальной революции». Таким образом, победоносное для Антанты окончание войны, большая вероятность революции в Германии и неизбежность интервенции союзных войск в Россию предвиделись Алексеевым еще за год до окончания военных действий{102}.

В первые недели нового, 1918 г., года положение на подступах к Ростову и Новочеркасску продолжало ухудшаться. Малочисленные отряды Добровольческой армии и донских партизан не могли сдержать усиливающегося натиска отрядов Красной гвардии. Алексеев тяжело переживал растущие потери среди молодых добровольцев, особенно тогда, когда в обоих городах сотни офицеров демонстративно отказывались вступать в ряды белых сил. Выступая на похоронах первых погибших кадет и гимназистов-добровольцев Партизанского полка, он предложил поставить в их честь памятник (первый в истории Белого движения): «Грубый гранит, громадная глыба, а наверху разоренное гнездо с мертвыми орлами, и сделал бы надпись: “Орлята погибли, защищая родное гнездо, где же были в то время орлы!?”» Погибшие юноши приехали на Дон издалека, и их родители не были на погребении. Алексеев не только отстоял панихиду в Войсковом соборе в Новочеркасске, но и сопровождал похороны этих девяти «детских гробов» в братской могиле.

2. «Ледяной поход»

К началу февраля 1918 г. стало очевидным, что удержать фронт под Новочеркасском и Ростовом не удастся. Добровольческая армия отступала. 5 и 8 февраля в письмах Анне Николаевне, оставшейся в Новочеркасске, Алексеев не скрывал своих душевных переживаний: «Горсточка наших людей, не поддержанная совершенно казаками, брошенная всеми, лишенная артиллерийских снарядов, истомленная длительными боями, непогодой, морозами, по-видимому исчерпала до конца свои силы и возможность борьбы. Если сегодня-завтра не заговорит казачья совесть, если хозяева Дона не станут на защиту своего достояния, то мы будем раздавлены численностью хотя бы и ничтожного нравственно врага. Нам нужно будет уйти с Дона при крайне трудной обстановке. Нам предстоит, по всей вероятности, трудный пеший путь и неведомое впереди, предначертанное Господом Богом».

Передавая семье небольшую сумму денег и пожертвования на лазарет «Белого Креста», он писал: «Если мне не суждено вернуться и видеть моих ненаглядных, то знай, что мысль о тебе и детях была всегда мне дорогой и бесконечно близкой; с ней я пойду и к моей последней минуте, если она назначена мне именно теперь. Голова забита, и не могу молиться так, как я умел молиться в былые тяжелые дни моей жизни. Я всегда получал облегчение моему сознанию, моей душе. Но остатки, проблески молитвы обращаю на то, чтобы Господь помиловал Колю. Я все земное уже совершил; все мы еще не сделали всего, и я всем сердцем хочу, чтобы настала минута, когда, собравшись вместе, вы дружно помогли бы устроить новую жизнь, чтобы не было в ней нужды, чтобы в своей семье, среди своих — именно, всех сохранившихся еще — снова родилась радость… Благословляю тебя и девочек; жду твоего благословения и мысленного пожелания, чтобы Господь помог и спас»… «Дни 1915-го года не могут идти, по душевному состоянию, в сравнение с настоящими днями. Тогда картина была шире, грандиознее, а теперь — трагичнее, грустнее, а по последствиям — гибельнее для России… Дай Бог быть поспокойнее».

Добровольческая армия, не получая ожидаемой поддержки от казачьих полков, отказалась погибать на подступах к Ростову и Новочеркасску. Следует отметить, что еще 15 января, во время заседания Политического совещания Добровольческой армии, Алексеев заявил Каледину о возможности отступления с Дона. По воспоминаниям полковника Лисового, «в экстренном заседании

Совета при генерале Алексееве войсковой атаман нарисовал тяжелую картину состояния области; еще более грустное впечатление создалось после доклада П.М. Агеева, и все это заменилось чувством некоторой неловкости после критики П.Н. Милюковым действий Войскового правительства и тихих, в ответ на критику, слов атамана: “Мы не за критикой сюда пришли… необходимо искать выхода, если есть еще какой-нибудь выход, а не критика…”»

Генерал М.В. Алексеев, сидевший до этого все время молча и что-то отмечающий в своей записной книжке, вмешался в общий разговор. Признавая тяжелое положение, генерал выразил надежду, что не все еще потеряно, что пока не испробовано все до конца, нужно бороться; а если станет «слишком очевидным, что борьба не по силам — ну что ж, тогда мы уйдем к Саратову или куда-нибудь за Волгу». По мере речи генерала Алексеева на лице войскового атамана отражались все более и более признаки крайнего изумления: «Извините, Михаил Васильевич, но для меня это новость, что Добровольческая армия собирается уходить из Донской области, я до сих пор думал, что судьбы наши тесно переплетены друг с другом, — оказывается это не так».

Генерал Алексеев на это возразил: «Вы меня не так поняли, Алексей Максимович. Говоря об уходе Добровольческой армии, я имел в виду тот крайний случай, когда дальнейшая борьба будет бессмысленна и поведет лишь к полному уничтожению слабой стороны, каковой мы в данном случае и явимся». Еще на эту тему продолжался некоторое время общий разговор, но по лицу и ответам Л.М. Каледина видно было, что он далеко не убежден доводами генерала Алексеева. В середине заседания атаман, незаметно покинув комнату, вышел и одевшись отправился во дворец».

Вообще, как отмечал Лисовой, «после прибытия Быховских узников» отношения между Калединым и Алексеевым «сделались несколько холоднее, официальное», очевидно, из-за того, что «с их приездом обстановка или, вернее, организационная работа сделалась сложнее, да это и вполне понятно: дело организации развернулось, приняло более крупный масштаб, значительная часть забот спала с плеч генерала Алексеева и перешла к генералу Корнилову и его штабу. В то же время, с прибытием фронтовых частей, взятием Ростова и проч. значительно осложнилась и работа генерала Каледина… Встречи с генералом Алексеевым сделались несколько реже, а отсюда и некоторая кажущаяся холодность и официальность отношений». Командование Добрармии договорилось об обоюдном обмене военно-политической информацией со штабом донского атамана.

«Каждую пятницу — отмечал Лисовой, — войсковой атаман получал сведения о боевом составе армии, а вопросы военно-оперативного характера, особенно связанные с участием Добровольческой армии, разбирались и решались коллегией из всех трех генералов: Алексеева, Корнилова и Каледина — во дворце атамана, иногда в штабе армии. Нужно заметить, что насколько генерал Алексеев всегда охотно отзывался на приглашения во дворец — настолько же генерал Корнилов по тем или иным соображениям уклонялся от них, предпочитая разрешение разных вопросов у себя в штабе на Дворцовой площади…

— У меня от Михаила Васильевича нет никаких секретов, — часто говорил атаман…» И, конечно, слова Алексеева об «уходе с Дона» прозвучали для Каледина как неожиданные и неоправданные.

Атаман, так и не дождавшись массового отклика казачества на его призывы к «защите Тихого Дона», вид начавшееся отступление Добровольческой армии, застрелился. Правда, накануне самоубийства атамана Алексеев но телеграфу пытался еще раз объяснить Каледину неизбежность отхода Добрармии: «Сохранение нашей небольшой живой силы имеет решающее значение для ближайшего будущего. Только сохраняя ее и отведя туда, где мы можем получить пополнения, мы затянем борьбу, а в выигрыше времени вся суть. Факт полного нежелания донских казаков защитить свое достояние, возлагая на плечи Добр. Армии непосильное бремя, лишает возможности затяжки борьбы и выигрыша времени»{103}.

Вечером 9 февраля 1918 г. добровольцы и казаки-партизаны оставили Ростов-на-Дону и 10 февраля перешли в станицу Ольгинскую. Здесь задержались на четыре дня. Собирались силы, был проведен смотр армии. Алексеев считал необходимым двинуться на Екатеринодар — столицу кубанского казачества. Он был убежденным сторонником отхода на Кубань и весьма решительно возражал против плана Корнилова, намеревавшегося отойти к Астрахани. Также не считался приемлемым и вариант, предлагавшийся казаками во главе с походным атаманом, генерал-майором П.Х. Поповым — отойти в степи междуречья Волги и Дона, в район донских зимовников (считалось, что здесь, не удаляясь значительно от Ростова и Новочеркасска, можно будет получить пополнение лошадьми, фуражом и продовольствием, дать отдых отрядам добровольцев и дождаться весны, когда «казаки одумаются» и на Дону начнутся восстания против большевиков).

Алексеев был убежден в бесперспективности плана

Корнилова; отстаивая переход на Кубань, он считал, что там удастся закрепиться, пополниться добровольцами из кубанских казаков, сформировать новые структуры военно-политического управления, связанные все с той же моделью Юго-Восточного союза, и, что считалось наиболее важным, сохранить «всероссийское значение» Добровольческой армии.

Правда, и у Алексеева, очевидно, не было полной уверенности в успехе запланированного перехода с Дона на Кубань: «Мы уходим в степи. Можем вернуться, если на то будет Милость Божия, но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы», — с такими словами вышел Михаил Васильевич в легендарный для Белого движения 1-й Кубанский («Ледяной») поход{104}.

В станице Ольгинской прошел военный совет старших начальников, созванный но инициативе Алексеева, накануне узнавшего о том, что армия готовится уходить от Ростова на восток. Во время совещания Алексеев убежденно доказывал важность поворота на Кубань. По принципиальному вопросу выбора направления стратегического развертывания Добровольческой армии между двумя ее вождями состоялся интенсивный обмен письмами. Еще накануне совета, 12 февраля, в письме Корнилову Алексеев излагал преимущества Кубанского похода: «В настоящее время, с потерей главной базы Армии — города Ростова, в связи с последними решениями Донского Войскового Круга, — встал вопрос о возможности выполнения тех общегосударственных задач, которые себе ставила наша организация…

Сложившаяся обстановка требует немедленных решений не только чисто военных, но и в тесной связи с решением вопросов общего характера. Из разговоров с генералом Эльснером и Романовским я понял, что принят план ухода отряда в зимовники, к северо-западу от станицы Великокняжеская. Считаю, что при таком решении невозможно не только продолжение нашей работы, но, даже при надобности, и относительно безболезненная ликвидация нашего дела и спасение доверивших нам свою судьбу людей. В зимовниках отряд будет очень скоро сжат с одной стороны распустившейся рекой Доном, а с другой — железной дорогой Царицын — Торговая — Тихорецкая — Батайск, причем все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог будут заняты большевиками, что лишит нас совершенно возможности получать пополнение людьми и предметами снабжения, не говоря уже о том, что пребывание в степи поставит нас в стороне от общего хода событий в России».

На совете в Ольгинской большинство поддержало Алексеева.

Но, несмотря на убеждения Алексеева, Корнилов все же готов был увести армию в степи, и Михаилу Васильевичу пришлось снова обращаться к Командарму. В новом письме, отправленном уже 16 февраля из станицы Кагальницкой, Алексеев приводил, уже более развернутую аргументацию в пользу именно Кубанского похода: «Как 12 февраля, так и теперь я считаю себя обязанным высказать, что остановка в зимовниках грозит армии опасностью, и что ко времени возможного выступления из этого района армия окажется окруженной и обреченной на борьбу в условиях исключительно тяжких, быть может, безвыходных и несравнимых с обстановкой настоящей минуты. В районе зимовников мы рассчитываем пополнить и освежить конский состав и обоз. Но зато во всем остальном мы, отрезанные от сколько-нибудь культурного района, будем терпеть недостаток. Даже денежные средства, хранимые в крупных купюрах, негде будет разменять, и мы будем лишены денег на текущую жизнь.

Положение на Кубани рисуется получаемыми сведениями не столь печальными, как на Дону. Быть может, можно рассчитывать, если не на полную согласованность действий, то хотя бы на некоторое сочувствие и помощь. В Екатеринодаре уже собрана некоторая сумма денег на армию, там есть банки, денежные знаки, материальные запасы… Идея движения на Кубань понятна массе, она отвечает и той обстановке, в которой армия находится… она требует деятельности, от которой не отказывается большая часть армии. Не нам приходится приурочить выбор и направление своих действий к ненадежным ополчениям (добровольческие партизанские отряды из донской молодежи. — *В.Ц.)* Донской области, а напротив, нужно притянуть их к себе, ибо без нас они никакой ценности не имеют и рассеются в скором времени. Во всяком случае, начальники ополчений должны категорически ответить, кто из них связывает бесповоротно свою судьбу с Добровольческой армией и подчиняется безусловно се командованию».

«Общегосударственный» статус Добрармии подтверждался, по мнению Алексеева, и тем, что сосредоточившись на Кубани, она сохранит связи с другими регионами и, в частности, со столичными центрами, положение в которых отслеживалось генералом регулярно, с помощью разведки и созданных подпольных антибольшевистских структур. «Я прибавлю к этому, — завершал письмо Алексеев, — что в центрах — в Москве и Петрограде — по-видимому, назревают крупные события. Вывести на это время из строя — хотя и слабую, и усталую — Добровольческую армию можно только с риском, что она навсегда уже утратит свое значение в решении

общегосударственной задачи». В самом худшем случае Алексеев предполагал, что армия «будет в силах дойти до Кавказских гор и там, если обстановка потребует, можно будет се распустить».

Корнилов уступил, но в ответном письме (17 февраля из станицы Мечетинской) поставил вопрос о своей отставке «по выходе на Кубань». Особое недовольство Командарма вызывало недопустимое, «постоянное вмешательство» созданного Алексеевым «политического отдела в вопросы, не принадлежавшие его ведению». Подозрения в интригах против командования армии были, однако, безосновательны, и Алексеев без обиняков, опроверг обвинения Корнилова, сославшись, в частности, на то, что в отделе осталось «всего 30 служащих, считая, в том числе, носителей нашей казны (“деньгоноши”, как называл их генерал. — *В.Ц.)* и караул при ящике, содержимое которого нельзя распределить для носки».

Кроме того, по словам Алексеева, «политический отдел не мог вмешиваться и не вмешивался в вопросы, не подлежащие его ведению. По-видимому, речь идет не о вмешательстве “отдела”, а о моих двух личных письмах к Вам. На эти письма я не только имею право, но, при известных обстоятельствах, я обязан их писать, ибо считаю себя не посторонним лицом, а ответственным за судьбу тех, которые шли в армию только по моему призыву… Общая идея движения должна существовать и быть известна старшим начальникам. Осуществление ее, конечно, зависит от обстановки. Только обстановка укажет на то, придется ли части на Кубани распустить, или они окажутся способными для выполнения какой-либо другой задачи»{105}.

Инцидент, казалось, был исчерпан. Корнилов остался во главе армии, которая отправилась в Кубанский поход, однако полного доверия между двумя генералами, очевидно, так и не удалось установить. Уже во время похода, по воспоминаниям его участника, бывшего таврического губернского комиссара Временного правительства Н.Н. Богданова, Алексеев, «видя Корнилова на площади среди казаков, сказал: «Уж эти мне истерические выступления». Немного спустя он как-то бросил фразу: «Они дошли до такого хамства, что бросили меня приглашать на Военный Совет».

Позднее, в эмиграции, Струве образно выразил психологическую разницу между двумя лидерами. «Как человек долга, т.е. как трезвый слуга-исполнитель его велений, М.В. Алексеев был сильнее и как-то… осязательнее Корнилова, но того особенного и собственного напряжения героической воли, которое было в Корнилове и излучением которого он заражал все вокруг себя, в Алексееве не было. В его трезвой и сухой личности

не “было корниловского магнетизма… Алексеев — это массивная железная балка-стропило, на которое в упорядоченном строе и строительстве можно возложить огромное бремя, и оно легко выдержит это бремя… Корнилов — это стальная и живая пружина, которая, будучи способна к величайшему напряжению, всегда возвращается к прежнему положению, подлинное воплощение героической воли».

К годовщине кончины Михаила Васильевича на страницах популярного на белом Юге иллюстрированного журнала «Донская волна» была опубликована статья редактора издания Виктора Севского (Краснушкина) «Генерал Алексеев». В ней приводилась весьма примечательная характеристика психологического восприятия Верховного руководителя Добровольческой армии среди других лидеров южнорусского Белого движения: «Среди зачинателей освобождения России имя генерала Алексеева наименее известно широким кругам русского общества, хотя недавно исполнился только год со дня смерти Верховного Руководителя Добровольческой армии.

России известен Верховный Правитель, Верховный Главнокомандующий (адмирал Колчак. — В.Ц.), но кто знает бывшего Верховного Руководителя?

Толпе нужен герой, толпа любит и помнит тех, кто у всех на устах, с лицом запоминающимся, с именем звучным.

— У Корнилова и имя-то обещающее: Лавр, — говорили о Корнилове, даже когда он сидел в Быхове.

— Ведь имя Лавра и Георгия — герою битв и смелых дел, — пел о герое Бальмонт.

У Шкуро фамилия за себя говорит.

У Мамантова усы, на которые можно намотать любой Реввоенсовет.

Колчак в переводе с татарского — рукавица.

У Алексеева фамилия, каких много. Алексеевых в России чуть меньше, чем Поповых и Ивановых. Имя — Михаил, отчество — Васильевич. Предки в шестой книге (дворянского родословия. — *В. Ц.)* не записаны. Рост такой, что в любой, самой маленькой свите затеряешься.

Когда я думаю о том пути, который прошел покойный Алексеев от ротного командира армейского полка до Верховного Руководителя Добровольческой армии, мне вспоминается анекдот из его жизни, рассказанный бывшим учеником Алексеева в Академии — донским атаманом Богаевским.

В Академии, где-то на примерном учении, эскадронный командир предложил профессору Алексееву лошадь. Профессор поблагодарил.

— Спасибо, мне нужно поскорее, а потому уж я пешком. Так и карьеру, и путь в бессмертие в истории Михаил Васильевич Алексеев прошел пешком.

Корнилов и его жизнь — для Дюма, для романа.

Шкуро и Мамантов — для залихватской солдатской песни.

Алексеев — для вдумчивого историка — бухгалтера времен, течений, настроений.

Перед богиней Клио предстанет маленький, седенький генерал с портфелем и расскажет, как он из Петрограда, после речей в Предпарламенте, который мягко зовут "бредпарламентом", ушел на Дон и здесь в "Европейской" гостинице, под сводами старого дворянского дома помещиков Двухженовых, стал возрождать Русскую армию.

Что было у генерала Алексеева на Дону в ноябре?

Чистый блокнот, в который он заносил по одному добровольцев, и четыреста рублей, данных на армию каким-то "Мининым" наших дней, тряхнувшим мошной аж "на все четыреста".

В мешковатом штатском костюме, с галстуком, похожим на полотенце, неумело затянутым на тонкой шее, бывший Верховный Главнокомандующий миллионными армиями, бывший генерал, перед которым почтительно вставал даже полковник Преображенского полка Романов (Николай II. — *В.Ц.),* жил в Новочеркасске под псевдонимом…

Без него не обходилось ни одно заседание Донского правительства. Атаман Каледин подчеркивал, что у него нет секретов от Михаила Васильевича. После его речи даже представитель крайних левых течений в донском правительстве почтительно назвал старого генерала Его Превосходительством.

Армия вышла из блокнота генерала Алексеева, армия выросла до тысячи штыков, армия — чудо, но у генерала нет бардов и есть только один Баян — полковник Лисовой, кропотливо подбирающий каждую черточку в жизни старого дедушки новой Русской армии.

А пока для освобожденной России генерал Алексеев — только "икона" в окне Освага (Осведомительное агентство, Отдел пропагандах. — *В.Ц.)* без лампады неугасимой. А пока… На одном из вокзалов генерал Деникин в изумлении не нашел ни одного портрета генерала Алексеева в витрине Освага и строго сказал:

— Не слишком ли рано стали забывать генерала Алексеева? Приказываю повесить его портрет.

Следовательно, даже в окне Освага Алексеев — «икона», перед которой лампады зажигаются только приказом но армии…

Добровольческая армия родилась на Дону в ноябре 1917-го года, в декабре стала Корниловской, ибо 6 декабря прибыл в Новочеркасск Корнилов. 31 марта 1918 года стала Деникинской, но никогда и никто не звал ее по имени Верховного Руководителя — Алексеевской.

Говорят, что когда-то Алексеев, улыбаясь из-под густых нависших унтер-офицерских бровей умными глазами, сказал:

— Лавр Георгиевич забрал у меня все лавры и все Георгии.

Я помню те дни на Дону, когда армию, чтобы не дразнить демократических «гусей», звали скромно — Алексеевской организацией.

Так она и осталась Алексеевской организацией, обросши лаврами Корнилова, Деникина, Маркова и прочих славных.

Алексеев не водил армию, ее вел Корнилов, в авангарде шел Марков, в арьергарде — Богаевский, а Михаил Васильевич — слабый и немощный ехал в коляске. Но руководителем был все же он.

Кабинет министров весь помещался у него в голове.

Финансы, политика, дипломатия.

Ведь когда умер Алексеев, первая телеграмма, которая пришла из Екатеринодара, была с сообщением:

— Алексеева заменят генералы Драгомиров, Лукомский и по внешней политике — Нератов.

Трое вместо одного. Очевидно, хорошая голова была у этого генерала, скромно державшегося в тени, в тужурке защитного цвета. Не блистал, не блестел так и в истории — в тужурке защитного цвета.

Император, Гучков, Керенский, Корнилов, Каледин, Деникин — это все исторические вехи на пути биографии генерала Алексеева.

Для всех нужный и для многих — чужой.

При Императоре — его начальник штаба. Настолько ценный, что Император даже у фотографического аппарата, позируя для иллюстрированных журналов, уступает место над картой фронта Алексееву Алексеев объясняет, Император внимает.

И все-таки генерал не в моде: в переписке с Гучковым и Милюковым.

При Керенском тоже не в моде, и все-таки — не было военного конфликта, при котором не звали бы Алексеева.

И при Корнилове — Верховный Руководитель…

Русская дипломатия больше столетия была монопольной привилегией двух-трех полурусских фамилий. Русским дипломатом мог быть родовитый недоросль, если только у него был пробрит посреди головы. Оттого теперь так гладко и побриты

наши границы. Там сбрили участок, здесь губернию.

И когда Россия перестала быть, дипломатом надо было делаться генералу Алексееву. Чтобы окончательно не побрили.

И дипломатом — в самые трудные моменты.

России нет, немцы на Урале, немцы на Дону. Добровольческая армия едва ли не в кольце, вся Россия — на перегоне от Кущевки до Екатеринодара.

В Ростове сидят искусители фон Лрмы, фон Кнеруэры и предлагают Алексееву снаряды, патроны. Только измени союзникам.

В Новочеркасске донской атаман Краснов патетически восклицает на Круге:

— Где они — эти союзники?

В донском штабе того времени самонадеянный генерал Денисов посмеивается над Добровольческой армией:

— Странствующие музыканты,

Посол гетмана Скоропадского смеется еще злее:

— Блуждающая почка.

Генерал Алексеев числится за контрразведкой.

И все-таки он обходит все скалы и рифы, и армия хранит политическую добродетель.

Дипломатический паркет особенно скользок, однако Алексеев, ходивший за славой пешком в солдатских сапогах, уводит армию от немецких соблазнителей, дьяволов, у которых соблазняющее яблоко зовется ориентацией.

Он умер, не дожил. Он сам говорил:

— Добровольческая армия — мое последнее дело на земле. Но и это дело заставило бы бухгалтера времен — историка

открыть ему текущий счет внимания и почтения».

В этой статье Севский, несколько утрируя демократичное происхождение и поведение Алексеева, в главном, безусловно, справедлив. Для Алексеева создание Добровольческой армии, как преемницы Русской армии, начало Белого движения являлось абсолютно естественным поступком. Он ни секунды не колебался в выборе «политических приоритетов», не задавался вопросом — «к кому идти», «за кем правда», оставаться ли «нейтральным». А формирование новой Русской армии в ноябре 1917 г. многим представлялось совершенно безнадежным делом. Когда в свое время императрица Александра Федоровна упрекала в переписке с супругом Алексеева за недостаток «души» во многих его поступках, то в создании Добровольческой армии, конечно, было именно проявление «души». Это был выбор от сердца, а не от ума. Хотя и без рассудка, без жесткой логики, без «бухгалтерского расчета» (в хорошем смысле слова) создавать новую армию —

дело далеко не самое перспективное. Это — очевидно{106}.

Накануне выступления из Новочеркасска Алексеев решил распорядиться в отношении своей семьи. Генерал, видя всю неустроенность и опасность пребывания семьи вместе с ним, сожалел, что не оставил их в Смоленске или не перевез в Москву или Тверь, к своей родне. И все же теперь они вместе делили тяготы первых месяцев Добровольческой армии. Сын Николай, штаб-ротмистр гвардейских улан, вместе с ротмистром Шанроном дю Ларрэ состоял при генерале в качестве адъютанта. Лина Николаевна и дочери Клавдия и Вера работали в больнице «Белого Креста» и военном лазарете в Новочеркасске, помогая врачам-хирургам оперировать многочисленных раненых добровольцев. В середине января они выехали в станицу Мелиховскую, куда, по совету брата хозяев их съемной квартиры в городе, они отправились с фальшивыми паспортами. Предполагалось, что они останутся там до тех пор, как минует угроза со стороны красногвардейских отрядов. Однако вскоре они были вынуждены вернуться в Новочеркасск, где в небольшом доме на окраине прожили до начала казачьих восстаний на Дону (апрель 1918 г.) и возвращения Добровольческой армии{107}.

Перед отправкой на Кубань сын Алексеева приобрел для отца повозку-тачанку. На ней генерал перевозил часть добровольческой казны. Остальные деньги были распределены между «деньгоношами» — адъютантами, каждый из которых перевозил на груди специальные пакеты с бумажными купюрами. Примечательно, что одним из «деньгонош» был военнопленный немец из Дрездена, которому Алексеев полностью доверял. В воспоминаниях Деникина сохранилась яркая зарисовка первого дня похода: «Вот приехал ко мне на телеге генерал Алексеев, при нем — небольшой чемодан. В чемодане и под мундирами нескольких офицеров его конвоя — “деньгонош” — вся наша тощая казна, около шести миллионов рублей кредитными билетами и казначейскими обязательствами. Бывший Верховный сам лично собирает и распределяет крохи армейского содержания. Не раз он со скорбной улыбкой говорил мне: — Плохо, Антон Иванович, не знаю, дотянем ли до конца похода».

Исход армии — от Ростова, у станицы Аксайской, — начал Алексеев. По воспоминаниям Деникина, он пошел впереди армии, «пешком, опираясь на палку, и ею как бы ощупывая крепость льда, перешел Дон». Конвой генерала составляли бойцы из бывших пленных чехов и несколько доброволиц из расформированного женского ударного батальона. Чехи входили также в состав комендантского взвода{108}.

Во время движения Алексеев стремился не отдаляться от

походных колонн. В каждой из станиц, где останавливались добровольцы, Корнилов и Алексеев выступали на станичных сходах, разъясняя казакам цели и задачи Добровольческой армии. По воспоминаниям добровольца Е.А. Кискевича, бывшего рядом с генералом во время похода, «Алексеев… не принимал участия в разрешении мелких тактических вопросов, участвуя лишь время от времени в военных советах, решавших крупные политические задачи, или в моменты, когда вырабатывались стратегические планы. Кроме того, у генерала была своя особенная работа. Как совершал тяжело больной генерал М.В. Алексеев этот поход? Берегся ли, принимал какие-нибудь меры предосторожности? Нисколько.

Мне вспоминаются ежедневные встречи с генералом, рассказы о его полном пренебрежении ко всяким опасностям.

Вот бой под Средним Егорлыком (Лежанкой). Еще только начинают обходить противника слева — Корниловским полком, справа — конницей, еще наша артиллерия осыпает “красную армию” снарядами, а генерал Алексеев давно впереди и вступает по пятам бегущих большевиков, за передовыми цепями генерала Маркова, в деревню. По дороге то и дело попадаются перебегающие большевики, и ординарцам генерала приходится, взявшись за маузеры, вступать в перестрелку.

Так и ходит, большей частью, один; или стороной, или далеко впереди, опираясь на палку и подобрав полы шинели, наподобие французских военных капотов, чтобы не пачкались в непролазной грязи».

Как вспоминал другой активный участник южнорусского Белого движения, председатель Главного комитета Союза земельных собственников Н.Н. Львов, генерал «то шел в сопровождении ротмистра Шапрона… то один, опираясь на палку… Он шел стороной, вдали от других. Он не мог командовать армией, не мог нести на себе тяжкое бремя боевых распоряжений на поле сражения. Физические, уже слабеющие, силы не позволяли ему ехать верхом. Он ехал в коляске, в обозе». Обозная колонна шла параллельно армейской и нередко попадала под обстрел. Недалеко от станицы Кореновской обоз был обстрелян шрапнелью, и был смертельно ранен возница на тачанке генерала — студент из пленных австрийцев.

Формально так и не получив определенного статуса в армейской иерархии, Алексеев, несмотря на это, не казался «лишним в походе». «Одним своим присутствием среди нас этот больной старик, как бы уже отошедший от земли, придавал всему тот глубокий нравственный смысл, в котором и заключается вся ценность того, что совершается людьми». Молитвенный настрой,

глубокая вера и надежда на благополучный исход похода не оставляли генерала. «Судьба послала нам, — вспоминал Львов, — в лице генерала Алексеева самый возвышенный образ русского военного и русского человека. Он все отдал. Последние дни своей жизни он шел вместе с нами… В молитве находил он укрепление своих слабых сил?» «Господь не оставит нас Своей милостью», — повторял Михаил Васильевич в самые тяжелые дни «Ледяного похода». Оставить своих добровольцев Алексеев не мог. Психологически не мог «спрятаться» в обозе человек, всю свою жизнь отдавший армии и фронту. Возможно, и здесь, во время «Ледяного похода», он оставался в душе все тем же ротным командиром, заботливым, душевно переживающим за своих солдат. Не честолюбивое стремление к власти, а стремление быть на передовой, несмотря на тяжелые болезни, отличало Михаила Васильевича. Но понять это могли не все…

По воспоминаниям Суворина, «генерал Корнилов, по природе своей человек железной воли и решимости, не мог терпеть и намека на двоевластие, и генералу Алексееву на походе было отведено почетное место советника. В будущем ему предназначалась (очевидно, по планам Корнилова. — *В. Ц.)* роль руководителя политического, так как Корнилов не считал себя в силах воевать и управлять. Между обоими штабами было известное недоброжелательство, так как Алексеев немедленно уступил власть Корнилову видя его популярность вождя в войсках, а в штабе генерала Корнилова все как-то побаивались “старика” (Алексеева. — *В.Ц.),* как его называли, что слишком часто подчеркивал генерал Романовский, кстати, никогда не пользовавшийся симпатиями в армии.

Эта недоброжелательность иногда остро чувствовалась и производила тяжелое впечатление. Но штабы всегда останутся штабами…»

В воспоминаниях адъютанта Корнилов Р. Хаджиева содержится несколько примечательных эпизодов, характеризующих отношения двух вождей Добрармии: «Несколько раз Корнилов высказывал недовольство окружением Алексеева, усиленно подчеркивая его “аристократический”, “монархический” характер, чуждый “демократизму” Добровольческой армии. 5 марта, во время перехода из станицы Кореновской в Усть-Лабинскую, произошел неприятный инцидент. Корнилов грубо приказал остановить проезжавшую тачанку с Алексеевым и его адъютантом Шапроном дю Ларрэ. Поскольку Михаил Васильевич нередко позволял себе нарушать распорядок движения и выезжать в передовые линии, Корнилов приказал Хаджиеву — “передать генералу Алексееву, чтобы он

ехал всегда в том отделении, где ему было приказано!" Я доложил об этом генералу Алексееву, но он, ответив: "хорошо, хорошо!", продолжал двигаться вперед.

— Что же, я долго буду здесь задерживать обоз? Долинский (адъютант Корнилова. — *В.Ц.),* передайте генералу Алексееву, чтобы он ехал в своем отделении! Я думаю, генерал Алексеев Хана не понял! — резко приказал Верховный, начиная раздражаться, видя, что коляска генерала Алексеева продолжает двигаться вперед.

Передав приказание, Долинский вернулся.

— Передали? — спросил Верховный.

— Так точно, Ваше Высокопревосходительство!

— Повторите! — приказал Верховный.

Долинский повторил переданное приказание, а коляска, слегка покачиваясь, продолжала двигаться вперед.

— Иван Павлович! Мои адъютанты что-то перепутали. Пожалуйста, прикажите генералу Алексееву сию же минуту выйти из "строя" и отыскать свое отделение. Если он не пожелает под чиниться моему приказанию, то я его сейчас же арестую! — сурово приказал Верховный, отправляя генерала Романовского.

После последнего приказания коляска вышла в сторону, и обоз в порядке двинулся вперед».

Не менее примечательное свидетельство приведено Хаджиевым при описании боя у станицы Лежанки, где в плен попали офицеры артиллеристы. Здесь примечательно отношение Алексеева к пленным (как известно, Корниловым было отдано устное распоряжение «пленных не брать» еще во время подавления большевистского восстания в Ростове). Именно благодаря его вмешательству кровавые самосуды, устраиваемые нередко комендантской командой, прекратились, офицеры были прощены и зачислены в состав Добрармии. Для Михаила Васильевича русское офицерство по-прежнему представлялось единым, а раскол, углублявшееся непримиримое противостояние «красных» и «белых», — противоестественным и гибельным. Поэтому и месть за «службу большевикам» он воспринимал однозначно негативно. «Чистки», «проверки», «фильтрации» и прочие атрибуты наказаний «изменившим офицерам» войдут в систему на белом Юге уже после его кончины.

«Бой начал затихать, — вспоминал Хаджиев. — В поиске штаба я наткнулся на группу офицеров во главе с генералом Алексеевым, окружившую каких-то трех лиц в солдатских полушубках, которые от страха еде держались на ногах, видя распаленные ожесточением лица чехов во главе с полковником Краль, требовавших их расстрела.

— Вы офицеры? — спросил их генерал Алексеев.

Не успел один из них ответить утвердительно, как штабс-ротмистр Алексеев с размаху ударил его по щеке.

— Отставить! — резко приказал генерал Алексеев своему сыну и продолжал расспрашивать пленных и делать им отеческое внушение.

— Стыдно вам, офицерам, поступать в ряды большевиков и идти против своих же братьев-офицеров! — говорил генерал Алексеев.

— Ваше Высокопревосходительство, мы служили у большевиков не но собственному желанию, нас мобилизовали. Против вас мы не шли. Вы заметили, что снаряды, посылаемые нами, были или перелет или недолет! — ответил один из них — артиллерист.

— Расстрелять их, расстрелять! Они сказки нам рассказывают! — кричали возбужденные чехи с налитыми кровью глазами.

— Ист! Ведите их в штаб и доложите о них генералу Корнилову! — приказал генерал Алексеев»[109].

Для Алексеева очень тягостными оказались непредвиденные известия о занятии Екатеринодара красными и об отступлении из города кубанского атамана с Войсковым правительством, Радой и Кубанским правительственным отрядом. Теперь все его доводы, убеждения в важности похода на Кубань, казалось бы, теряли смысл. Теперь сторонники отхода «на зимовники» могли упрекнуть генерала не только в порочности его военно-политических расчетов, но и в настоящем авантюризме. Но этого не произошло. Авторитет Алексеева оставался прежним. Части Добровольческой армии, соединившись с отрядами кубанских казаков и горцев 14 марта в ауле Шенджи, стали готовиться к штурму столицы Кубани. От кубанского правительства казна армии пополнилась миллионом рублей.

Во время переговоров о присоединении Кубанского правительственного отряда к Добровольческой армии произошел характерный эпизод, описанный А. Суворины. Алексеев, как и Корнилов, настаивал на обязательном подчинении кубанских частей единому командованию (хотя в будущем не исключалось выделение Кубанской армии). Согласовывая порядок вхождения кубанцев в состав Добрармии, начальник отряда, недавно произведенный в генералы полковник В.Л. Покровский отметил, «что кубанское правительство много поработало над созданием своей армии и на нее произвело бы дурное впечатление, если бы она увидела, что ее передали “пришельцам”. Он выразился, — отмечал Суворин, — именно так, вообще очень неудачно по

форме; оратор он плохой.

Алексеев вспылил, хлопнул по столу своей фуражкой и сказал:

— Вы… не знаю как Вас величать: полковник или генерал (Покровский был без погон), говорите от лица своего самолюбия и только! И мы могли бы сказать кое что о трудах, положенных нами на создание Добровольческой армии, но теперь не время считаться личными претензиями. Надо говорить об общих интересах общего дела! А что до недовольства будто бы Кубанской армии с переводом ее в состав армии Добрвольческой, то я должен сказать, что она почти вся уже сама перешла!»

После выхода добровольцев из аула в направлении на станицу Ново-Дмитровскую наступил самый тяжелый период похода, заслуженно названного позднее «Ледяным». Атака на станицу началась при обильном снегопаде, под порывистым, промозглым ветром. Как отмечал Суворин, «Алексеев, несмотря на свою болезнь, так же как и все другие, перенес это испытание и каким-то чудом не заболел». Сохранились не менее колоритные воспоминания участника похода И. Патронова, отмечавшего, что 15 марта наступил один из особенно «трагических моментов Кубанского похода», когда «перед разлившимся ручьем, под артиллерийским огнем из станицы Ново-Дмитриевской, скопились пехота, артиллерия, конница, обоз. Пехота переправлялась на крупах лошадей и частью вброд, конница — по покрытому разливом мосту и вброд, а обозы и артиллерия совершенно застряли, ибо разлив усилился и переправа стала невозможной. В 2-х верстах — Станица, где шел бой. Среди повозок, орудий, лошадей стояла одинокая фигура генерала Алексеева, по случайному совпадению в этот момент оставленному своими приближенными. Старик дрожал от холода, изыскивая способы для переправы оставшихся людей и лошадей. А метель все усиливалась, ослепляя и занося группу отставших, плохо одетых и замерзающих людей. Шекспировский король Лир, изгнанный дочерьми и скитающийся в лесу во время бури, представляет трагическую фигуру… Но… в описываемый момент не менее трагична была фигура первого русского генерала, хлопочущего над разрешением задачи невозможной переправы».

26 марта армия переправилась через Кубань и на следующий день начала атаки предместий Екатеринодара. Алексеев со своими помощниками и большей частью обоза сначала остановился в станице Елизаветинской. Затем генерал с несколькими адъютантами переехал в колонию Гначбау и остановился в доме близ пивоваренного завода. Труба завода, однако, оказалась хорошим ориентиром для красной артиллерии,

и однажды снаряд полностью разнес дом штаба. Погибли трое офицеров. Алексеева спасло лишь то, что в этот момент он находился во дворе.

Каждый день он выезжал на позиции и останавливался в роще, недалеко от «корниловской» фермы. Интересные воспоминания сохранил по этому поводу Богданов. Он писал: «Мне кажется, что генерал Алексеев немного завидовал Корнилову в его боевой деятельности. Он приезжал каждый день на ферму (где располагался штаб Корнилова. — *В.Ц.)* и оставался целыми часами под обстрелом, не желая уезжать с фермы; там же в роще и завтракал, и пил чай. Накануне смерти Корнилова мы сидели в роще, над которой поминутно рвались шрапнели и наконец я начал уговаривать генерала Алексеева уехать с фермы и напрасно не рисковать. Михаил Васильевич посмотрел вверх и, дуя на блюдечко с чаем, сказал: “нет, ничего, они стали стрелять немного левее”». Впрочем, «обстрелянного» еще с Русско-турецкой войны генерала вряд ли могли смутить шрапнельные разрывы.

Последовательные удары на укрепленные позиции Екатеринодара, однако, не давали результатов. Армия несла серьезные потери, и многие командиры начали заявлять о необходимости отступления. На состоявшемся 30 марта военном совете Алексеев поддержал план последней, решительной атаки, лишь высказав пожелание дать войскам хотя бы кратковременный, суточный отдых.

В оперативном отношении перед Добрармией стояло только два выхода: либо взять город штурмом и восстановить здесь центр антибольшевистского сопротивления, либо отступить обратно в степи, с неизбежным риском быть окруженной и уничтоженной многократно превосходящими ее отрядами красной гвардии. Алексеев прекрасно понимал это и не видел иных путей выхода из создавшегося положения. Штурм был назначен на 1 апреля, однако он не состоялся{110}.

Утром 31 марта от разрыва артиллерийской гранаты погиб генерал Корнилов. Алексеев проводил его в последний путь. Командир Партизанского полка, будущий донской атаман А.П. Богаевский так вспоминал об этом: «Тело Корнилова положили на повозку… Генерал Алексеев подошел к нему, перекрестился, отдал земной поклон праху, поцеловал холодный лоб покойника и долго в задумчивости стоял над его телом. Удивительны были взаимоотношения этих двух людей. Оба -^ глубокие патриоты, глубоко любившие Россию, беззаветно служившие одному и тому же великому делу, — не подходили друг другу по личным свойствам своих характеров. Много грустных сцен приходилось

видеть окружавшим при их служебных встречах». Алексеев распорядился обрядить тело Корнилова, приготовить цинковый гроб и обязательно отслужить заупокойные службы.

Теперь нужно было не только оперативно решить вопрос о преемнике погибшего командарма, но и постараться спасти остатки армии. Среди добровольцев, измученных тяжелыми боями, появились настроения отчаяния, безысходности. Смерть вождя могла подорвать, сломить их дух. И снова, как и при утверждении Корнилова, авторитет основателя Добровольческой армии оказался непоколебимым: «Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помоги вам Бог!» — такими словами напутствовал Алексеев Деникина на принятие должности Командующего Добровольческой армией. По совету генерала Романовского был составлен приказ-обращение, первый параграф которого сообщал войскам о гибели Командарма: «Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести се позора. Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине… Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабеет воля к дальнейшей борьбе. Каждому — продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем лепту на алтарь Отечества».

Второй параграф был краток: «В командование Армией вступить генералу Деникину». Приказ был подписан «генералом от инфантерии Алексеевым», без указания его должности и статуса. Как сказал генерал Романовский: «Подпишите: «генерал от инфантерии Алексеев» — и больше ничего, Армия знает, кто такой Алексеев»[{111}].

Новый Командарм решил, что продолжение штурма Екатеринодара в сложившихся после гибели Корнилова условиях бесперспективно и опасно для сохранения армии. «Нужно отступить от Екатеринодара, если это удастся», — говорил Михаил Васильевич. В ночь на 2 апреля поредевшие полки отступили от города. С большим трудом добровольцам удалось прорваться из «кольца» железных дорог, разгромить преграждавший отход красный бронепоезд (подвиг генерала Маркова) и уйти в степи Задонья на границе Донской области и Кубанского края. Здесь Добровольческая армия встретила праздник Светлого Христова Воскресения, Святую Пасху 1918 года. «Старик вывел», — записал в своем дневнике Б. Суворин…

По воспоминаниям Кискевича, сразу после гибели Корнилова «армия пала духом. Последующие планы — движение на Новоктиторовку, Гначбау, Медведскую — еще усугубляли это

настроение. Даже лихо отбитые под Медведской два поезда со снарядами мало помогли делу.

И вновь мы услышали:

— Я выведу вас. Выведу в спокойное место, где мы отдохнем недели две и получим подкрепления.

Смертельно уставшие, больные, немытые, как мы ждали этих слов. Они вливали в нас, пошатнувшихся под непосильной ношей, новые силы и новую веру.

С Дядьковской началось выздоровление армии. Оно закончилось в Бейсуге. Армия двигалась на восток. В Ильинской были получены сведения о восстании на Дону. Армия поспешила на выручку некогда приютившим ее Донцам.

Генерал Алексеев продолжал свою работу: сносился с дипломатическими агентами, рассылал своих представителей за подкреплениями.

Находились связи, и к армии вновь хлынул приток свежих сил…»

В станице Егорлыкской, в большом храме, прошли торжественные Пасхальные богослужения. Пасха в 1918 году была поздняя — 21 апреля. Алексеев исповедался и причастился Святых Христовых Тайн. Его дочь вспоминала: «Отец не надеялся, что придется ему встретить Великий Праздник в храме Божием. Для оставшихся в живых добровольцев Чудом Божиим представлялись те маленькие радости жизни, которые в повседневной, мирской суете являлись привычными и незаметными»{112}.

19 апреля, вернувшись после окончания «Ледяного похода» в Задонье, Алексеев из станицы Мечетинской отправил письмо в Новочеркасск, к семье. В нем он изложил свои душевные переживания, отразил свои надежды и снова подчеркнул необходимость веры в Волю Божию: «Как тяжелый камень, свалившись с души моей, облегчил ее, утолил безысходную печаль, обратил мысль со словами благодарности к Богу… Все мы живы и здоровы, живы и здоровы находящиеся при мне. А по теперешнему времени — это и чудо, и милость Господня. Я не искал смерти, но не считал достойным прятаться от нее… Побуждения нравственные толкали меня вперед и заставляли спокойно относиться к вопросу о переходе в другой мир. Устал я думой бесконечно, полное неведение о Тебе, детях, нескончаемая поэтому тревога, никогда меня не покидавшая. Устал и телом, ослабел, так как плохая вода… полная неаккуратность в моих болезненных делах расшатали меня. Но приходится пока дух поставить выше тела. Теперь и в армии, вернее — в отряде, живется легче, с Деникиным полное согласие и совместное

решение вопросов на пользу общую».

Во время «Ледяного похода» и после его окончания в истории южнорусского Белого движения утвердился «военно-полевой» период, характерной чертой которого стало отсутствие сколько-нибудь определенной территории и каких-либо сформировавшихся структур военно-политического управления. Армия «бродила по степям», тыла фактически не было, и вся внутренняя и внешняя политика легко определялась из ее полевого штаба. Именно в это время окончательно оформилась тенденция создания политической власти на основе военного командования.

Казалось бы, ничто не мешало установлению неограниченной военной диктатуры. Теперь уже «военная» система управления не ставилась в равноправное положение с «гражданским» управлением, как это практиковалось во время Первой мировой войны, и при этом она не зависела от воли и пожеланий политиков, как это происходило в печально знаменитые дни послефевральской, 1917 г., России и даже в первые месяцы формирования Добровольческой армии на Дону. Теперь армия сама становилась источником власти, источником создания новой системы управления.

Теперь Алексеев уже мог во всей полноте понять и почувствовать, что принятие тех или иных военно-политических решений зависит только от него. И эти перемены не смутили старого вождя добровольцев, напротив: «Воспрянуть живая духом Русь может и должна. Только сама она должна создать необходимую реальную силу — Национальную Армию, которая и восстановит наше Государство Российское». В этих словах Михаила Васильевича четко отразилась мысль о возрождении Российской Государственности через возрождение армии, продолжение ее лучших традиций. И эта власть будет твердой и уверенной в себе, не будет уклоняться «вправо» или «влево», менять свои предпочтения в угоду разнообразным компромиссам, ради изменчивой политической конъюнктуры. Довольно точно эту идею выразил Львов: «Генерал Алексеев понимал, что главная задача России, единственная ее задача заключается в воссоздании армии, что без армии Россия всегда будет игрушкой в чужих руках, что ни политическая партия, ни Учредительное собрание, ни монархия, а только армия, и она одна, может спасти Россию. Что армия должна быть национальна и что она сама по себе есть цель».

При осуществлении задач строительства армии и власти в «военно-полевых» условиях было решено опереться на хорошо знакомые для командования Добрармии нормы «Положения о

полевом управлении войск в. военное время». Разделение полномочий между Алексеевым и Деникиным отражало, отчасти, принципы, заложенные еще в период «триумвирата». По воспоминаниям Деникина: «Первый ведал финансами и политической частью, а второй был неограниченный командующий Армией». Но и здесь «разделение функций не очень строго соблюдалось, и часто случалось, что один из руководителей внедрялся в сферу другого, но при взаимном уважении и доверии эти шероховатости быстро сглаживались».

Эту же особенность отмечал Ряснянский, добавляя, однако, что обоюдное доверие Алексеева и Деникина не исключало новых трений, главным источником которых многие военные, подобно генералу Корнилову, считали Военно-политический отдел: «Были люди, желавшие раздувать всякий инцидент в ссору с тем, чтобы устранить одно из указанных лиц или свести его в подчиненное к другому положение. В этом отношении много грешил “кабинет”, находящийся при генерале Алексееве, особенно в то время, когда начальником этого кабинета был Ген. Штаба полковник Лисовой. Позже грешил этим и Деникин, у которого был образован также свой Политический отдел при штабе армии».

Надо учитывать, что обстановка беспрерывных боев, постоянных переходов по кубанским и ставропольским степям не позволяла обратиться к стабильной законотворческой работе. По оценке одного из участников южнорусского Белого движения Я. Александрова, «в этот период управление самой Армии только еще зарождалось. Все административные распоряжения по всем вопросам обычно передавались записками или телеграммами дежурного генерала. Не было ни отделов, ни министерств, ни прочей сложной машины». Примечательно, что только после штурма Екатеринодара, при обозе Кубанской рады, по поручению Алексеева, Б.А. Суворин приступил к изданию первой маленькой газеты — «Полевого листка Добровольческой армии» (вышло два номера)[{113}].

Однако и во время «военно-походного периода «гражданская» власть не упразднялась. Управленческая модель предусматривалась «Положением о полевом управлении войск в военное время», разработанным под руководством Великого князя Николая Николаевича накануне войны (утверждено 16 июля 1914 г.). На эти нормы ориентировались многие военные лидеры Белого движения, включая и Верховного правителя адмирала Л.В. Колчака. «Положение» определяло статус «театра военных действий», при котором «все гражданское управление подчинялось главным начальникам соответствующих военных округов или военным генерал-губернаторам».

Распоряжения военных исполнялись «всеми правительственными местами, общественными управлениями, должностными лицами всех ведомств и всем населением». «Никакое правительственное место, учреждение или лицо» не имели права «давать Главнокомандующему предписаний или требовать от него отчетов». Главком мог «устранять от должностей всех должностных лиц всех ведомств на государственной, земской или городской службе в подчиненном ему районе, без различия чина и звания», а также «утверждать предельные цены, продовольственные и иные тарифы, общие для армий и тыла подчиненного ему района», «устанавливать в занятых неприятельских областях подати и налоги, а равно налагать контрибуции и подвергать имущество жителей конфискации».

Аналогичный принцип: «власть гражданская, да подчинится власти военной» — содержали «Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении» (приложение к ст. 23-й Общего Учреждения губернского, т. 2. Законов Российской империи). «Правила» предусматривали полноту власти Главнокомандующего, Главнокомандующего армиями фронта или Командующего армией: они получали право «воспрещать удаляться из места жительства таким лицам, которых… предполагается привлечь к работам для достижения целей войны», «назначать общие и частные реквизиции», «воспрещать вывоз необходимых для работ орудий и материалов… могущих потребоваться для войск…» (ст. 9, 10). Военной власти подчинялись и обязаны были «оказывать всякое содействие» генерал-губернатор, полицейские начальства и «все гражданские власти, а равно городские и земские управы» (ст. 13).

Особенно примечательна была ст. 12 «Правил»: «Если в местности, объявленной на военном положении, будет признано необходимым для охранения государственного порядка или успеха ведения войны принять такую чрезвычайную меру, которая не предусмотрена в сем приложении, то Главнокомандующий, непосредственно или по представлению Командующего армией, делает распоряжение о принятии сей меры собственной властью»{114}.

«Положение» и «Правила» в полной мере определяли принцип военной диктатуры, делая гражданскую власть лишь вспомогательным звеном в системе прифронтового управления, полностью зависимой от распоряжений военачальника. В последующие годы Гражданской войны подобная система стала широко распространенной во всех регионах Белого движения. В

этом заключалось принципиальное отличие от времени Первой мировой войны, когда приоритет военной власти над гражданской существовал только в прифронтовой полосе, а все попытки ввести элементы «военной диктатуры» в тылу (например, в проектах учреждения должности «Верховного министра государственной обороны», предлагавшихся Алексеевым в 1916 году, или в требованиях т.н. «Программы Корнилова» в 1917-м) встречали неизменное противодействие со стороны политиков и чиновников.

Теперь «слово армии» могло стать более весомым и при определении конкретных направлений политического курса. С февраля 1918-го изменилась внешнеполитическая ситуация. Война с Германией продолжалась, но Россия, от имени которой выступали деятели советского правительства, из войны вышла, подписав в марте 1918 г. «похабный» Брестский мир, и немецкие войска вступили на земли Войска Донского. Требовалось «выявление политического лица» Белого движения. После окончания «Ледяного похода», по оценке Ряснянского, «на командование армии особенно наступали с двух сторон: монархисты требовали ясного объявления, что армия борется за восстановление монархии в России, а демократические группы требовали точного указания, что армия борется за созыв Учредительного собрания (конечно первого его созыва). Но в среде офицеров лозунг “Учредительное собрание” был… мало популярен».

Исходя из необходимости определить, хотя бы временно, «политическое лицо» армии, Алексеев выступил с инициативой провести специальное собрание старших начальников от всех воинских частей и наличных политических деятелей. Совещание, на котором присутствовали Родзянко, Львов и несколько членов кубанского правительства и Рады, состоялось 23 апреля 1918 г. в станице Мечетинской. Примечательно, что Алексеев не стремился избежать контакта с армией, а напротив, считал необходимым сообщать добровольцам те цели, ради которых армия ведет свою борьбу. По воспоминаниям полковника Марковского пехотного полка В.Е. Павлова, «генерал Алексеев говорил о внешнем положении, главным образом, касаясь немцев. Он считал, что немцы были и остались врагами России, поэтому с ними недопустима какая-либо связь. С ними — ни мира, ни войны».

Что касается внутриполитического курса, то в тексте очередной краткой декларации Добровольческой армии утверждался предсказанный еще осенью 1917 г. принцип «непредрешения». В своей речи на совещании Деникин заявил о «стремлении к совместной работе со всеми государственно

мыслящими русскими людьми», но причине чего «Добровольческая армия не может принять партийной окраски». «Вопрос о формах государственного строя» руководители армии не предрешали, ставя его в зависимость от волеизъявления русского народа, «после освобождения его от рабской доли и стихийного помешательства»; созыв Всероссийского Учредительного собрания должен состояться после «водворения в стране правового порядка». Ближайшими задачами признавались сугубо военные: «создание сильной дисциплинированной и патриотической армии», «беспощадная борьба с большевиками», а лишь затем — «установление в стране единства государственного и правового порядка».

Декларировалось категорическое неприятие каких-либо отношений «ни с немцами, ни с большевиками». Единственно приемлемые условия: «Уход из пределов России первых и сдача вторых». Наконец, делался вывод о желательности «привлечения вооруженных сил славян на основе их исторических чаяний, не нарушающих единства и целости русского государства и на началах, указанных в 1914 году русским Верховным Главнокомандующим (то есть — широкий суверенитет, вплоть до признания независимости по образцу Полыни. — В.Ц.)»{115}.

Принципы: «армия вне политики», «армия не рассуждает, а повинуется», военнослужащим запрещено «состоять членами обществ, союзов и кружков, образуемых с политической целью» (статья 100 Устава внутренней службы) — были традиционно близки большинству русского офицерства, а в условиях Гражданской войны как формы «политического противостояния», борьбы «революции» и «контрреволюции», они представлялись вполне оправданными.

«Анабасис» Добровольческой армии, 1-й Кубанский, «Ледяной» поход завершился…

«По подсчету генерала Деникина, — писал позднее князь Ухтомский, — Добровольческая армия за 80 дней похода от 9 февраля до 30 апреля прошла по основному маршруту 1050 верст. Из 80 дней — 44 дня вела бои и выйдя в составе 1000, вернулась в составе 5 000, пополненная кубанцами… Разбираясь в истории развития Белого движения на Юге России, мы неизбежно приводимся к заключению, что зарождение Добровольческой армии и се… боевое крещение — 1-й Кубанский поход — тот “светоч”, как его метко назвал генерал Алексеев, то пламя, которое зажгли Великие Русские патриоты и унесли, дабы сохранить его в беспредельные степи Кубанские, сыграл в возникновении этого движения громадную роль.

Он светил надеждой среди мрака отчаяния, охватившего всех

кругом. Он поддерживал мужество, мечту в сердцах русских людей. Поддерживал веру в возможность борьбы, на него, на этот огонек, шли патриоты Дроздовского и со всех концов России пробирались одиночки офицеры.

От искры патриотизма, сохраненной и разгоревшейся в 1-м Кубанском походе, зажглись казачьи сердца, вспыхнули восстаниями станицы и антибольшевистское движение, обрастая лавиной вокруг закаленного в 1 -м походе ядра Добровольческой армии, докатилось до самого Орла, заколебав престол кремлевских диктаторов…»

3. Возвращение на Дон. Военно-политические перспективы

Вернувшись в Донскую область, Добровольческая армия столкнулась здесь с серьезно изменившейся обстановкой. Восстания низовых станиц привели к «полному освобождению Дона от большевизма», а Круг Спасения Дона избрал нового атамана — генерала от кавалерии П.Н. Краснова. Штаб Алексеева располагался в Егорлыкской, там же сосредоточился обоз. Казалось, что перед армией открывались долгожданные перспективы продолжения борьбы, начатой «Ледяным походом».

Подобное «пробуждение казачества» можно было только приветствовать, если бы не взаимодействие атамана Краснова с немецким оккупационным командованием, открытое заявление суверенитета Всевеликого войска Донского и формирование частей Донской армии, при котором казачьи офицеры, воевавшие в составе Добровольческой армии, должны были перейти в ряды донских казачьих полков. Краснов выступил с инициативой проведения встречи с командованием Добрармии, во время которой следовало обсудить вопросы дальнейшего взаимодействия.

В отношении к создавшемуся политическому положению на Дону позиция Алексеева должна была быть достаточно гибкой. Основой для сотрудничества с донскими политиками и военными, заложенного еще при атамане Каледине, было твердое соблюдение принципа возрождения Российской государственности, сохранения «Единой, Неделимой России» при условии, вместе с тем, признания казачьей автономии. Еще 22 апреля 1918 г. генералом Алексеевым был составлен особый «наказ» для «миссии» генерал-майора В.Н. Кислякова, определявший основы соглашения с Доном. Не отрицая важности того, «чтобы на Дону скорее сорганизовалась законно избранная и полномочная власть», Алексеев полагал необходимым «вступить с этой властью в скорейшее соглашение». При этом заявлялось, что «Добрармия, не связанная частными интересами с той или другой областью, преследует общегосударственные интересы и поэтому является лучшим связующим звеном для всех элементов, ведущих борьбу с большевизмом. Руководство Добрармии представляется естественным, полезным и необходимым». По мнению Алексеева, подписание соглашения с Доном (но аналогии с Кубанью) облегчило бы «как выполнение общегосударственной задачи, так и постановку частных стратегических задач».

15 мая 1918 г. при посредничестве генерала Кислякова состоялась встреча Деникина, Алексеева, Романовского, кубанского атамана Филимонова с атаманом Красновым в станице Манычской. Для Алексеева встреча была тем более важной, что он смог заодно повстречаться с женой и дочерьми, приехавшими в станицу одновременно с атаманом Красновым. Встреча с семьей была радушной и трогательной, несмотря на то, что генералу почти все время приходилось лежать — давало знать обострение болезни. В конце мая Алексеев выехал в Новочеркасск, формально для лечения, но уже с 1 июня принимал посетителей, присутствовал на заседаниях Донского правительства.

Генерал жил в гостинице, где вместе с ним работали офицеры Военно-политического отдела, исподволь собиравшие для штаба Добрармии сведения о событиях, происходящих на Дону и в соседних областях. В Ростове в это время открылось официальное отделение «Белого Креста»; проводившего сбор пожертвований в пользу Добровольческой армии, а для прибывшего на Дон отряда полковника М.Г. Дроздовского «Белый Крест» устроил благотворительную «чашку чая». Подобное местонахождение, организованное по указанию атамана Краснова, не продолжалось, однако, долго и было «беспокойным», если учесть, что по соседству, в той же гостинице, разместились немецкие офицеры из штаба корпуса генерала Кохенгаузена, и в середине июля генерал снова вернулся на Кубань — к Добровольческой армии{116}.

Встреча в Манычской не принесла каких-либо значительных конкретных результатов, за исключением соглашения о поставке снарядов и патронов в Добрармию. В письме Милюкову от 25 мая Алексеев перечислил итоги совместного заседания: «…в Манычской с генералом Красновым по самым существенным вопросам договориться не удалось: а) средствами оно (войско) якобы обеспечить нас не может; разве допустит роскошь “вспомоществования” в размере не свыше $^1/_3$ части расходов, б) по занятии немцами Батайска, готов часть своих сил предоставить временно в распоряжение Добровольческой армии для выполнения пока частных задач, вытекающих из общей идеи борьбы с большевиками, в) атаман отказывается от стремления руководить Добровольческой армией, ставить ей цели, а будет сообразовываться с общей обстановкой и вырабатывать совместно способы действий, г) временно, до создания Донской армии, атаман без содействия Д. армии на Дону, в частности, в Новочеркасске, обойтись не может, просит оставить в его распоряжении бригаду Дроздовского, хотя не имеет возражений

против замены се другими частями Добровольческой армии, д) Кубань не может быть предоставлена своим силам, и помощь ей со стороны Дона, но укреплении положения в нем, должна быть оказана».

Тем не менее именно в Манычской, не без колебаний со стороны атамана Краснова, произошло присоединение к Добрармии 1-й Отдельной бригады русских добровольцев под командованием полковника М.Г. Дроздовского. Михаил Васильевич, превозмогая болезнь, встретил пришедшее с далекого Румынского фронта пополнение как установлено — военным порядком, в конном строю, под трехцветным Русским флагом. В воспоминаниях о встрече дроздовцев отмечено, что Деникин и Алексеев на рысях прошли перед строем, здороваясь с каждым подразделением, а затем Михаил Васильевич обратился к бригаде с речью, в которой от лица «старого солдата Русской армии» поздравил прибывших с Румынского фронта стрелков и с «низким поклоном» проводил их в ряды Добровольческой армии.

Алексеев получил также согласие атамана на предоставление армии второй части денежной ассигновки (из оговоренной суммы в 9,5 миллиона рублей армия получила 4 миллиона, выплаченных частями — в июне и июле 1918 г.), определенной «соглашением», заключенным еще с атаманом Калединым.

Несмотря на установившееся военно-экономическое взаимодействие, весьма важное для Добрармии с точки зрения поставки боеприпасов и финансирования, Алексеев не оставлял надежд и на заключение с Доном военно-политического соглашения. Для атамана Краснова более предпочтительным был вариант создания Юго-Восточного союза с переводом Добрармии на царицынское направление — для совместного наступления на «красный Верден». Но в таком случае Добрармия рисковала стать не центром объединения антибольшевистских сил на Юге России, и тем более — не «государственным фактором», а лишь армией в составе новообразованного Союза, равноправной но статусу Донской.

Поскольку в перспективе Юго-Восточный союз мог оказаться под контролем Германии (как и Украина), то в этом случае возникала серьезная опасность разоружения и ликвидации Добрармии, как военной организации, открыто заявлявшей о верности Антанте и находящейся на территории, подконтрольной германскому оккупационному командованию. Важность царицынского направления признавалась Алексеевым, но лишь в той степени, насколько это позволяло «вывести» Добрармию с Дона и Кубани, способствовало бы восстановлению Восточного противогерманского фронта.

5 июня 1918 г. прибывший в столицу Войска Донского Алексеев обратился к Деникину с письмом о политическом и финансовом положении Добрармии. Прежде всего, Михаил Алексеевич охарактеризовал изменившееся положение в отношении немецких оккупационных сил: «Высшее германское командование заключило перемирие с большевиками на всех фронтах», а «после декларации Донского Правительства о признании себя частью Единой, Неделимой России, отношение круто изменилось в отрицательную сторону». Донское войско могло стать потенциально опасным для немцев, которые могут начать наступление на Царицын, «что поставит нас в крайне затруднительное положение», отрезав возможные пути отхода к Волге. Идеи Юго-Восточного союза, по мнению Алексеева, могут в изменившейся обстановке стать теперь выгодными для немцев, заинтересованных в создании любых государственных образований в ущерб единству России, тогда как логика развития антибольшевистского сопротивления подтверждала необходимость укрепления, в первую очередь, общероссийских, общегосударственных тенденций, носителем которых являлась Добровольческая армия.

Поэтому открытое провозглашение в сложившейся ситуации тех или иных положений политической программы Добрармии оказалось непростым делом. Алексееву требовалось учитывать многие факторы при выработке и утверждении своих политических позиций: нельзя было допустить, с одной стороны, полного и категорического «непредрешения». Но Михаил Васильевич, со свойственным ему стремлением «обходить острые углы», жертвовать в частностях ради решения главных, стратегических задач, считал приемлемым провозглашение политических лозунгов в той форме, насколько это было возможным для сохранения зарождавшегося «единого фронта борьбы с большевизмом». При этом нельзя было не учитывать, с другой стороны, что политическая программа Добрармии, как «государственного фактора в Возрождении России», должна была исходить из максимально возможной преемственности по отношению к тому политическому курсу, который проводился за время от начала Второй Отечественной войны до «большевицкого переворота». Учитывая условия «военного времени», продолжение военных действий в Европе и попытки формирования нового «противогерманского» и «противобольшевистского» фронта на Востоке России, преемственность, по убеждению Алексеева, была особенно важна во внешней политике.

Ключевой вопрос поэтому заключался в отношении Добрармии к немецким оккупационным войскам. По

свидетельству М. Лембича, по приезде Алексеева в Новочеркасск он, нимало не смущаясь близостью немцев, так ответил на вопрос «что вы будете делать, если ваша армия соприкоснется с германскими войсками?»: «Я уже отдал приказ не уклоняться в таком случае от боя». И, хотя до открытого военного столкновения немецких войск с добровольцами дело так и не дошло, позиция Алексеева в отношении к немцам отнюдь не была «примиренческой».

Когда Алексеев (через посредничество Родзянко) узнал о письме, которое Краснов отправил Вильгельму II в июле, то он немедленно написал Деникину письмо, в котором писал о необходимости с «особым вниманием» следить за каждым намерением и действием со стороны донского атамана — этого «отзывчивого исполнителя немецких притязаний». Алексеев отмечал, что Краснов рассчитывал «при помощи немцев и из рук их получить право называть себя «самостоятельным государством, управляемым «атаманом», а также «воспользоваться случаем и округлить границы будущего “государства” за счет Великороссии, присоединением пунктов, на которые “Всевеликое” отнюдь претендовать не может». «За эту… — Алексеев обозначал слово “измену” многоточием, — немцы должны снабдить войско боевыми припасами, принадлежащими всей России». В свою очередь, «за будущие заслуги немцев Войско, в лице атамана, предоставит им выгоды торговые и «будет держать вооруженный нейтралитет но отношению ко всем Державам, не посягающим на неприкосновенность Войска и Юго-Восточного Союза, и не допустит никакой вражеской силы (могла предполагаться и Добровольческая армия. — *В.Ц.)* на его территории».

Генерал предупреждал также кубанцев об опасности сотрудничества с немцами. По воспоминаниям Лукомского, во время совещания в Новочеркасске 10 июня Алексеева с кубанским правительством (во главе с Л.Л. Бычем) Михаил Васильевич «рекомендовал пока ни в какие разговоры с немцами не вступать, а если обстоятельства этого потребуют, то вступить лишь в торговое соглашение, но отнюдь не политическое или территориальное; указал, что Добровольческая армия с немцами ни в коем случае разговаривать не будет»{117}.

Такова была специфика «внешних сношений», контроль за которыми ложился на Алексеева.

Интересны также сохранившиеся финансовые документы периода 1918 г., принадлежавшие Алексееву и хорошо отражающие специфику «военно-походного» характера Белого движения на Юге России. В Общей описи указывалось на

регулярные выплаты заведующему контрольной и финансовой частью Н. Богданову. Однако отмечались и отдельные выплаты, сделанные капитану Петрову, ротмистру Шапрону Дю Ларрэ, корнету Крупину. Примечательно целевое направление этих выплат. Преимущественным правом пользовались выплаты на содержание больных и раненых. Так, например, 9 февраля была выдана тысяча рублей на «сокрытие от преследования большевиками штабс-ротмистра Потоцкого и поручика Новикова, тяжело раненных и оставленных в Ростове». 10 февраля было выдано 150 тысяч рублей «полковнику Грузинову для выдачи больным и раненым». 20 июня 1918 г. было выдано 400 тысяч рублей «на удовлетворение больных и раненых» в ростовских и новочеркасских госпиталях. Другой «расходной» статьей являлась выплата жалованья подразделениям Добровольческой армии. Например, 12 мая было выплачено 170 тысяч рублей «для выдачи содержания 1-му Конному полку». 20 мая 1918 г. —50 тысяч рублей аванса 1-му Офицерскому полку. С лета 1918 г. к «расходной» части добавилась и такая специфическая «статья», как «образование и содержание» центров Добровольческой армии на Юге России, 5000 рублей было передано на образование центра в Таганроге. 3000 рублей было выдано вдове убитого генерала Маркова.

«Приходная часть» не отличалась разнообразием. 17 марта 1918 г., во время «Ледяного похода», была реквизирована почтовая касса в станице Новодмитриевской. Армейская казна пополнилась 301 рублем 88 копейками. 1 марта 1918 г. в Березанском судносберегательном товариществе было конфисковано 2442 рубля, 74 копейки наличных денег, а 3 марта 1918 г. в кассе Выселковского станичного правления — 12 059 рублей 60 копеек. Гораздо большими были пожертвования от частных лиц и от официальных структур. Например, 11 февраля 1918 г.

1 миллион 500 тысяч рублей получил Богданов «от Войска Донского», а 22 февраля 1918 г. — 3 миллиона рублей «от Донского правительства». По 100 тысяч рублей было получено из Москвы «через Лебеденко» и «через Парамонова». 150 448 рублей привез из Москвы один из будущих руководителей Особого совещания М.М. Федоров. 800 рублей собрали прихожане церкви Успения Пресвятой Богородицы в Ростове. 25 тысяч рублей передали 2 января 1918 г. представители французской военной миссии.

Со всей тщательностью Алексеев записывал все, даже самые малые выплаты. До последней копейки, как профессиональный прилежный бухгалтер, он учитывал все приходно-расходные

операции. Записная книжка генерала зафиксировала 15 812 302 рубля и 71 копейку (с 10 февраля по 23 августа 1918 г.). «Легко понять, — вспоминал Л. Суворин, — каким сплошным страданием была работа М.В. Алексеева над созданием для России армии, ежеминутно могущей потерять дыхание под самыми его руками из-за недостатка денег, и денег ничтожных для огромной страны».

И пока небогатая «казна» Добровольческой армии находилась у генерала, можно было быть спокойным за надежность состояния белой «кассы». «Вся наша казна, — вспоминал Богданов, — около 11 миллионов (на время “Ледяного” похода. — *В.Ц.)* была у генерала Алексеева. Я брал деньги в меру необходимости под отчет. Вот эти-то выдачи и значатся в опубликованной в пятом номере “Архива русской революции” записной книжке генерала Алексеева. Я раскладывал деньги, согласно данной мне генералом Алексеевым инструкции, оплачивая ежемесячно жалование войсковым частям… но ведомостям, и выдавал интендантству деньги для оплаты продуктов и фуража. Ежемесячный отчет с оправдательными документами передавался генералу Алексееву».

Надо сказать, что в финансовых делах генерал проявлял не только великолепную тщательность и четкость, но и поразительную для времени Русской Смуты щепетильность и порядочность. Михаил Васильевич отнюдь не стремился воспользоваться военным положением и действовать с деньгами, как говорится, «но законам военного времени». Даже после падения власти Временного правительства он стремился действовать с максимально возможной легальностью. Богданов отмечал в своих воспоминаниях, что «ресурсы армии были очень незначительны. Обещания из Москвы от торгово-промышленных кругов поддержать наше дело реализовывались плохо. Во время моего заведывания финансовым отделом (с 23 января по 18 июня 1918 г. — *В.Ц.)* поступило что-то около 300 тысяч, а с ранее поступившими общая сумма не достигала и одного миллиона. Некоторую сумму, также около 300 тысяч, добыл председатель Союза земельных собственников Николай Николаевич Львов, с учетом векселей членов Союза в ростовских банках. Гораздо больше дала подписка в самом Ростове, которую организовал В.Ф. Зеелер. Подписано и обещано было около десяти миллионов; правда, по причине ухода из Ростова, Добровольческой армией было получено не больше трех миллионов.

Добровольческая армия стремилась сохранить легальный способ пользования государственными средствами, поэтому даже не поднимался вопрос о взятии наличных государственных

средств из отделения Государственного банка или казначейства. Исходя из непризнания октябрьского большевистского переворота, а тем самым — признания органов власти Временного правительства, Добровольческая армия могла расходовать государственные средства лишь по распоряжению агентов Временного правительства, причем в размерах, в которых они могли быть отпущены. Легальным титулом при этом служило распоряжение одного из товарищей министра Временного правительства — выдать тридцать миллионов из государственных средств Донской области на вооруженную борьбу с большевиками. Половина этой суммы должна была быть получена Донским правительством, половина — Добровольческой армией. Все выдачи производились по приказу Донского атамана распоряжением Управляющего Казенной палатой… как официального представителя Временного правительства…»

Современный авторитетный исследователь Белого движения С.В. Карпенко правомерно замечал: «Очевидно, что за годы возглавления Ставки, когда он распоряжался огромными людскими, материальными и финансовыми ресурсами, Алексеев приучился соизмерять потребности воюющей армии с экономическими возможностями тыла. И теперь он прекрасно сознавал, насколько важно сохранять баланс между снабжением армии и обеспечением приемлемого жизненного уровня населения в тылу, насколько опасно разорять тыл ради фронта — это неминуемо приведет к экономической катастрофе, росту большевизма, социальному взрыву и, в конечном итоге, бумерангом ударит но армии — попросту развалит ее. Похоже, он был одним из немногих высших офицеров (и это выгодно отличало его от других основателей Добровольческой армии), кто извлек какие-то уроки из российского экономического кризиса 1915—1917 гг.

И тем более замечательным, особенно с учетом итогов “похода на Москву” его преемников, представляется следующее: на фоне всеобщей уверенности, что большевики продержатся у власти “две подели”, Алексеев в конце 1917 г. хорошо понимал важность “экономического освобождения” России от большевизма, экономической победы над ним, которая должна если не предшествовать, то, во всяком случае, сопутствовать победе военной»{118}.

К сожалению, далеко не все ответственные в то время политики и. военные признавали правоту генерала, В частной переписке с Алексеевым откровенно прогерманские суждения выражал Милюков, выезжавший в мае 1918 г. из Ростова в Новочеркасск для встречи с Красновым, и затем в Киев. Член

Совета общественных деятелей и Донского гражданского совета, он в течение мая — июня написал несколько писем Алексееву. Ответы генерала на них представляют собой весьма показательную характеристику основных направлений формирующегося политического курса Белого движения.

Год спустя после отставки с поста Главковерха и вступления в Совет общественных деятелей отношение Алексеева к политике и к политикам стало меняться. Он все более и более убеждался, что пренебрежение политическим характером Гражданской войны недопустимо и контакты с авторитетными политиками не менее важны, чем снабжение армии боеприпасами и продовольствием. Близки к командованию Добрармии были представители кадетской партии. Лисовой отмечал, что «одной из наиболее ярких фигур на фоне съехавшихся общественных и политических деятелей был, несомненно, Милюков. К словам лидера кадетов генерал М.В. Алексеев прислушивался с особенным вниманием и, безусловно, разделял многие из его взглядов (но далеко не все, как будет показано далее. — *В.Ц.)* — вообще это были два видных государственных деятеля, умевших с полуслова понимать друг друга. Первый — знаменитый профессор и первоклассная политическая величина, человек глубокой эрудиции, искусившийся на протяжении всей своей жизни во всех тонкостях политических вопросов.

Второй — тоже профессор, не столь знаменитый, но довольно известный в военных кругах, начавший политическую деятельность почти на закате дней своих, но благодаря какому-то особенному чутью сразу же выдвинувшийся в первые ряды профессионалов-политиков. Государственная прозорливость, которой он был богато наделен от природы, позволяла ему глубоко заглядывать вдаль, делать заранее известные выводы, приходить к известным убеждениям и уже ни на йоту не изменять им». Несомненно, в отношении Алексеева к Милюкову не было той неприязни, которую подчас испытывал генерал к Гучкову, Родзянко и тем более к Керенскому. Однако считать Алексеева последовательным сторонником кадетской программы — неверно.

В первом письме, отправленном из Ростова 3 мая, Милюков оптимистично высказывался, что расчеты Алексеева на то, что «всероссийская обстановка радикально изменится в сторону, благоприятную для идеи Добровольческой армии», подтверждаются не только начавшимися казачьими восстаниями, но и настроениями в Центральной России («…большевики изжили себя. За отсутствием внешней силы, которая бы их ликвидировала, они начали ликвидироваться изнутри»). Считая,

что Добрармии ни в коем случае не следует «распускаться», Милюков обосновывал необходимость ее подготовки к антибольшевистскому «перевороту» в Москве и заключению соглашений с Доном и Украиной, правда, лишь тогда, когда выяснится, что атаман Краснов и гетман Скоропадский «работают не на немцев, а имеют собственные цели». Будучи, как писал Милюков, «частью армии Донской области», Добрармия сохранится как «внушительная военная сила», нужная и для «общерусских, и для местных интересов». В ответном письме от 10 мая (из станицы Мечетинской) Алексеев прежде всего приветствовал и благодарил Милюкова за то, что он стал одним из тех немногих политиков и общественных деятелей, которым «Добрармия близка».

Генерал подчеркивал катастрофическое состояние финансов («армия доживает последние гроши») и полное отсутствие интереса к армии «московского центра» («никаких писем от «московских друзей» я не получал»). Роль общероссийского государственного центра, на который претендовали еще в конце 1917 г. столичные политики, оказалась для них несостоятельной, а Добрармия не была готова взять на себя эту военно-политическую миссию в одиночестве и без средств существования («при увеличивающейся численности людей и растущей дороговизне… средний месячный расход достигает 5 миллионов рублей»).

Генерал отмечал и «скрытые политические цели и намерения» немцев в отношении Дона, и столь же неопределенное отношение атамана Краснова к Добрармии. Примечательно, что в отличие от января—февраля 1918 г., времени, когда Алексеев убеждал всех в необходимости перехода с Дона на Кубань, в мае 1918 г. генерал писал о явной «беспомощности Кубани, невозможности и бесцельности повторения туда похода при данной обстановке, не рискуя погубить армию». Очевидно только, что «на Дону хозяином скоро будет немец, с которым, как с врагом России, Д. армия не имеет права и возможности вступить в переговоры, а тем более заключить какой-нибудь договор, условие».

Не разделяя оптимизма Милюкова в отношении московского антибольшевистского подполья, Алексеев скептически оценивал его потенциал как в отношении людских пополнений, так и в отношении финансовой поддержки («для московского центра денежные наши дела были надоедливым жужжанием мухи», «было время, когда московские военные деятели говорили, что каждого бойца нужно сохранять на месте “для московского действа”. У них гора до сих пор родила мышь, а мы обратились в

доно-кубанские войска, ибо наши доблестные офицеры и юнкера в большом числе погибли»).

Алексеев писал, что «только крайность заставит меня распустить войска, ибо каждый в отдельности боец, не исключая и кубанцев, обречен на гибель». Но единственным выходом из создавшегося «тупика» должно было стать, но мнению генерала, резкое увеличение численности армии и се финансирования «за счет центра» (т.е. — Москвы). Это позволило бы перейти с Дона и Кубани на другие оперативные направления, «вырваться из кольца: немцы — Дон — большевизм». Правда, конкретных новых направлений Алексеев пока не указывал.

Второе письмо Милюкова, посланное 19 мая из Ростова-на-Дону, подтверждало опасения генерала, что «ни из Москвы, ни из Ростова никакой серьезной денежной помощи получить нельзя». При этом снова подчеркивалась важность сотрудничества с донским атаманом, признавалась необходимость перехода на финансирование армии из «реального бюджета Донского правительства» и, самое главное, вполне допускалось («для достижения общих ближайших целей») сотрудничество с немцами. Милюков развернуто аргументировал этот последний тезис, особенно подчеркивал готовность немцев к свержению большевистского правительства и к восстановлению на престоле монарха. «Общая цель нам и германцам — восстановить порядок. Как выясняется, способ восстановления порядка они видят в восстановлении государственного единства России, но ставят при этом условие — возвращение ее к конституционной монархии». Оба условия немцев Милюков считал вполне приемлемыми.

В отношении «обязательств перед союзниками» Милюков как опытный политик-тактик пытался убедить Алексеева в том, что «закон самосохранения для нас теперь — высший закон», и «никакие договоры не могут сохранить своей силы при таком изменении всей окружающей обстановки, при которой они были заключены».

Не разбирая подробно ошибочности представлений Милюкова о намерениях руководства Германии в отношении единства России и монархического правления, нужно лишь отмстить, что лидер кадетов предлагал Алексееву две принципиально недопустимых для генерала перспективы. Первая — подчинение армии донскому командованию и, следовательно, потеря самостоятельного значения «государственного фактора». Вторая, наиболее важная, — отказ от продолжения борьбы с немцами, ради неопределенной перспективы общей «борьбы с большевизмом» и «восстановления монархии». Вывод Милюкова в отношении «конкретной цели для Добровольческой армии» был

таков: «Надо спешно освободить Москву, раньше, чем придут туда германцы, по возможности — собственными силами, без их прямой помощи… через Воронеж».

В третьем письме, написанном в Новочеркасске 21 мая, Милюков рассказывал о своей встрече с донским атаманом, который вполне лояльно отзывался о немцах, допускал возможность восстановления монархии с немецкой помощью. Снова и снова Милюков напоминал Алексееву назревшую необходимость «похода на Москву», чтобы опередить немецкое командование: «Необходимо сохранить хотя бы фикцию, что Москва взята русскими».

На пространные письма Милюкова Алексеев ответил коротким письмом от 25 мая 1918 г. Перечислив результаты переговоров с атаманом в Манычской, Алексеев подчеркнул недопустимость каких бы то ни было переговоров с немцами и исключил любую возможность компромиссов, тактических уступок врагам России, даже путем осуществления желанных для добровольцев политических лозунгов. «Общее направление мысли и желаний в армии — монархическое». Казалось бы, можно «этот лозунг объявить во всеобщее сведение». Но «сломить психологическое настроение и доказать массе необходимость соглашения с немцами невозможно… Против Ваших выводов логически возразить трудно, но заставить присоединиться к ним наш офицерский состав едва ли возможно без решительных потрясений самого существования армии».

В силу «немецкого кулака» Михаил Васильевич не верил, а скоропалительный «поход на Москву» считал для армии «непосильным». Более того, полагал, что «в Москве, правдами или неправдами, советская власть привлекает на службу и наших генералов, и офицеров (военспецов. — *В.Ц.),* которые идут в надежде, что большевизм изживает себя и каким-то чудом переходит в монархию, но помимо немца». Быстротекущим тактическим расчетам Милюкова Алексеев противопоставлял «спокойную подготовку» армии, «дальнейшее выяснение обстановки в Москве, разъяснение позиции наших союзников». И пусть со стороны это выглядело «донкихотством», но на путь «национального предательства» ради туманной «политической выгоды» Алексеев идти не собирался.

Продолжая выражать убежденность в вопросе о взаимодействии с немцами, Милюков в четвертом письме (отправлено уже из Киева, 7 июня 1918 г.) пытался, как он считал, доказать «неуступчивому генералу» правильность «перемены тактики Добровольческой армии». В «германской политике раздробления» России он видел лишь этап, связанный с

обязательным последующим переходом к признанию единства России. В доказательство Милюков приводил отношение немцев к Украине, в которой, как он считал, политика «разделяй и властвуй» проводилась ими только ради «противодействия “великоукраинской” идее».

Парадоксальным выглядел и вывод Милюкова: «Мы можем вполне сочувствовать германцам, когда, увидев слабость местного национального движения, они переменили свой курс и стоят теперь за отделение Украины и Крыма, и Кубани с “юго-восточной республикой”, и Донской области. Это, в последнем счете, курс не на разъединение, а на объединение, только не около Киева и украинства, а около другого центра (что даже нам на руку). Кроме того, у меня есть ряд очень верных сведений, которые показывают, что переворот в Москве, восстановление конституционной монархии и поход на Москву с этой целью становится близкой задачей германской политики, которая понимает неизбежность этой задачи. При этом, если мы теперь войдем в эти виды, мы действительно можем, как я догадывался в Ростове, спасти единство России почти в старых границах». «По-моему, — отмечал Милюков, — для Добр. Армии в целом нет выбора. Она может послужить идее объединения России только на том пути, на который повелительно толкают обстоятельства, — или она должна будет уничтожиться». От сотрудничества с немцами, через конституционную монархию — к Единой России, — такой представлялась суть новой политической тактики Милюкова.

Короткий ответ Алексеева, написанный в Новочеркасске 18 июня, подтверждал неизменность позиции генерала. Отметив, что имеющаяся у него осведомленность о намерениях немцев, о настроениях населения на Украине никоим образом не меньшая, чем у Милюкова; Михаил Васильевич подчеркивал, что вместо «воссоздания России» в Берлине «принят план образования 4—5 кусков», причем все они будут созданы «по германской указке, под скрытым германским управлением и руководством», а Добровольческая армия будет или разоружена, или ее командование полностью заменено лояльным к немцам. «Все это создало в армии тяжелую атмосферу яркого недоверия и недоброжелательства к немцам… Армия в лице всех своих офицеров так нервно относится ко всем этим вопросам, что малейшее уклоните руководителей в сторону соглашения с немцами поведет за собой фактическое исчезновение основного кадра нашей армии, они разойдутся и будут искать работы там, где не будет участвовать немец».

Последнее письмо Алексеева Милюкову завершалось

достаточно определенно. Политическую тактику конъюнктурных перемен он считал неприемлемой: «Свято сохраняя свою цель, армия до минуты своей возможной гибели должна и будет идти иным путем. Этот вывод неизбежен из совокупности настроений всех составляющих силу и душу армии».

Милюков снова написал письмо генералу, но на этот раз оно уже осталось без ответа. В письме из Киева от 21 июня Милюков уже более реалистично оценивал перспективы окончания войны, считая, что после выступления Чехословацкого корпуса и высадки союзных десантов во Владивостоке немцы будут сотрудничать не с Добровольческой армией, а с большевиками, и если «германцы придут в Москву», то «придут не как освободители Москвы от большевистского засилья, о чем они подумывали раньше и для чего могла бы им пригодиться Добровольческая армия», а «придут как союзники большевиков».

И позднее, в эмиграции, Милюков не изменял своего мнения о несостоявшемся плане взаимодействия Добровольческой армии с немецким командованием. В 1924 г., в статье, помещенной в газете «Последние новости», он писал: «Что было бы, если бы моя попытка была поддержана, я не знаю. Но мы все знаем, к чему привело преобладание военных элементов и “офицерской психологии” в руководительстве Добровольческой армией». Иными словами, военная прямолинейность и ограниченность политического кругозора якобы не позволила тогда генералу Алексееву увидеть альтернативы «союзническому долгу». А о том, что малейшие попытки сближения со страной, чьи войска в течение без малого четырех лет вели непримиримую борьбу с Россией и оккупировали значительную часть ее Европейской территории, не могут расцениваться иначе, как национальное предательство, известный политик умалчивал{119}.

Об уступках Германии ради свержения большевиков и восстановления в России монархии говорил в 1918 г. не только Милюков. В письмах Алексееву, написанных 20 и 25 мая 1918 г., схожие суждения излагал бывший председатель Союза офицеров полковник Новосильцев. Он был послан в Новочеркасск в составе делегации Добровольческой армии «для связи» с Донским правительством. «Немцы нам могут дать конституционную монархию скорее, чем кто-либо другой, — пересказывал Новосильцев позицию Милюкова, — а монархия может собрать Россию, для чего можно пойти на многие уступки. Вступив теперь в переговоры с немцами, мы можем многое выторговать, а иначе они все равно возьмут то, что им нужно, безо всякой для нас компенсации». Сам полковник, хотя и не высказывался столь определенно о возможности взаимодействия с немцами, также

считал, что «лозунг Учредительного собрания совершенно устарел». Вопрос финансирования армии слишком серьезен, а «под Учредительное собрание, в которое никто не верит, денег не дадут».

«Лично я считаю, — писал Новосильцев, — отбрасывая нравственные соображения, немецкую ориентацию политикой завтрашнего дня и испуганного обывателя». Тем не менее в надежность и длительность поддержки Германией российской монархии, даже если таковое произойдет, Новосильцев не верил: «Немцы хлеба не дадут, так как Юг будет кормить Германию, а поэтому Монарх на немецких штыках не удержится. Необходим “Царь с хлебом”, и это возможно только из Сибири». Здесь полковник высказал принципиально важный для формирования будущей политической программы Белого движения тезис: монархический лозунг можно и должно провозглашать, но только при опоре на собственные силы, при соответствующем настроении не только армии, но и очевидного большинства населения{120}.

Но так ли уж прочно было положение стран Четверного союза весной 1918 г.? Многие российские военные и политики не без основания ожидали скорого окончания войны и поражения Антанты. Действительно, ликвидировав Восточный фронт и оккупировав немалую часть бывшей Российской империи, немецкие войска «повернули на Запад» и начали новое наступление на Париж. Турецкие войска готовились к реваншу на Кавказе и к продвижению в Среднюю Азию. Немецкая пропаганда не жалела красок в описании скорого вступления доблестной кайзеровской армии в Париж и почетного мира. Но через Атлантику на помощь союзникам уже плыли многотысячные пополнения американской армии. Французские и английские войска смогли удержать фронт и остановили последний немецкий «натиск на Париж». А во Владивостоке, Мурманске и Архангельске, в Баку и Кушке высаживались и начинали действовать объединенные десанты стран Антанты. По всей Транссибирской железнодорожной магистрали выступили части Чехословацкого корпуса. И вокруг них, как союзников, а не интервентов и оккупантов, стали быстро формироваться русские военные силы. Вместе они начали военные действия против, как тогда говорилось, «власти германо-большевизма». Появились надежды на возрождение Восточного фронта, на возвращение России в ряды Антанты.

Но возможно ли было получить необходимую поддержку от союзников но Антанте «затерянной в степях», «кочующей» Добровольческой армии? Одним из первых—с письмами от

Алексеева— к союзным представителям в Москву был направлен Шанрон дю Ларрэ. Генерал писал о важности восстановления единого фронта, о правопреемственности Добровольческой армии по отношению к прежней Русской армии. «Прошу Вас хорошенько усвоить мой взгляд, — напутствовал своего адъютанта Михаил Васильевич, — и твердо передать нашим союзникам, что Вы являетесь к ним не как захудалый родственник за подачкой, а как посол России, и что Вы являетесь не просить, а требовать немедленной помощи; скажите им, что если они теперь не помогут нам в борьбе с большевиками, то они сами погибнут от них». Подобные взгляды об опасности пассивного невмешательства в российские дела неоднократно высказывались позднее и другими лидерами Белого движения представителям союзных стран Антанты.

Но весной 1918 г. на белом Юге еще не работало союзных военных миссий, не было снабжения белых армий боеприпасами и обмундированием, не стояли в портах корабли с десантом на борту. Как и при создании Добрармии, Алексееву так же, фактически «с нуля», приходилось восстанавливать контакты с союзниками, заявлять о преемственности внешнеполитического курса и о сохранении прежде принятых Россией обязательств. Летом 1918 г., по инициативе генерала Алексеева, предполагалось наладить «организацию сношений с представителями держав Согласия… и выработку планов совместных действий в борьбе против коалиций центральных держав». Для этого считалось необходимым создание структуры, способной, во-первых, «подтвердить непоколебимую верность союзникам», а во-вторых — объединить действия всех российских заграничных военных и дипломатических чинов, продолжавших свою работу и не признававших советскую власть.

В конце июля 1918 г. Алексеев установил постоянный контакт с бывшим Главнокомандующим армиями Румынского фронта генералом от инфантерии Д.Г. Щербачевым. Из Румынии он отправлялся в командировку во Францию и Англию, получив от Алексеева письменные полномочия как представитель Добровольческой армии при союзном командовании (позднее его официальный статус определялся как «Военный Представитель Армий Юга России при Союзных Правительствах и Союзном Верховном Командовании»).

В специальном письме (от 31 июля 1918 г. № 136), написанном уже с Кубани, из станицы Тихорецкой, Алексеев сообщил Щербачеву общие положения программы армии, которые следовало передать союзникам: «Добровольческая армия живет и руководится единой идеей, без осуществления которой

утрачивается смысл ее существования — это возрождение единой неделимой России, восстановление ее территории, ее самостоятельности, насаждение порядка и безопасности всех граждан, возможности приступить к труду, дабы воскресить преступно разрушенную государственность, народное хозяйство и сохранить еще уцелевшие национальные богатства от дальнейшего расхищения… Добровольческая армия, воодушевленная в своей деятельности перечисленными великими целями, при выполнении даже скромных временных частных задач, базировалась… на чисто русские средства, не связывая себя с той или другой т.н. “ориентацией”, хотя в принципе армия всегда сохраняла верность и честное отношение к тем союзным договорам, которые связывали Россию с ее союзниками».

Алексеев давал подробную характеристику политических факторов, уже оказавших влияние на отношение союзников к Добрармии, и тех обстоятельств, которые следовало учитывать в будущем. Отнюдь не «раболепствуя перед Антантой», как об этом позднее говорилось в большевистской пропаганде, генерал вполне реалистично оценивал степень союзнической поддержки, ее важность для России, отмечая как ее преимущества, так и очевидные недостатки.

По мнению генерала, союзники, в частности, представители Франции, слишком большое внимание уделяли левым, революционным, разрушительным для России политическим течениям. Их вина в развитии революционных настроений, конечно, несопоставима с виной Германии, но и отрицать ее нельзя. «Мы всегда являлись яркими сторонниками союзной ориентации, хотя сознавали, что значительная часть несчастий, свалившихся за последние полтора года на Россию, обусловлены характером отношений к нам наших союзников и полного непонимания ими условий русской жизни, характера и свойств наших политических партий, их целей, задач и жизнеспособности. Наши союзники всегда придавали преувеличенное значение нашим левым течениям и партиям, невзирая на то, что последние успели уже доказать торжественным образом свою государственную незрелость, отсутствие сколько-нибудь государственных людей, свою неспособность вынести Россию из той пропасти, в которую они же ее ввергли. Между тем именно к этим течениям союзники имели и имеют особое пристрастие, рассчитывая, что эти политические группы способны совершить какое-то государственное дело. Очевидно благосклонное отношение союзников и к другим нашим левым политическим группам, до тайного покровительства большевикам включительно».

Определенные надежды генерал возлагал на активизацию московского подполья, которое наконец смогло организоваться и перейти «от слов к делу» и создать структуры, потенциально готовые к реальной поддержке Добровольческой армии, а не к мистификациям на тему «спасения от большевизма немецкими руками». «Насколько мне известно, — писал генерал, — в Москве образовалась национальная группа государственных деятелей, готовая работать в этом направлении совместно с союзниками и более или менее чуждая партийным интересам и стремлениям. При определенной политике наших союзников эта группа будет увеличиваться в своем составе, смягчая бесспорно тяжелое явление, заключающееся в том, что большинство наших интеллигентных кругов, торгово-промышленного класса из личных выгод втянуто в сферу так называемой немецкой ориентации».

Алексеев был убежден, что в поисках «сотрудничества с общественностью» следует опираться не на разрушительные для российской государственности левые и левоцентристские течения, а на здоровые консервативные силы, для чего необходимо сплотить их, усилить, обеспечить им политическую поддержку. «Полагаю, — писал он Щербачеву, — что Вам предстоит нелегкая задача доказать союзникам необходимость разбудить и опереться на более консервативные круги русского общества, не давая незаслуженного преимущества левым партиям и течениям. Устраниться совершенно от известного их влияния на внутренние дела России невозможно — это дает повод и возможность хозяйничать социалистическим партиям и проделывать печальные опыты государственного устройства».

Раз уж невозможно, в силу изменившейся после 1917 г. внутриполитической обстановки, обойтись без «левых партий и течений», то усиливать «правых» — можно и должно. «Веское слово, сказанное союзниками, в этом отношении необходимо, — считал генерал, — как необходима их поддержка для государственно и патриотически-мыслящих групп русского народа… Необходимо, чтобы все условия союзников первоначально и окончательно вырабатывались в их собственной среде и предъявлялись в виде общего решения, чем отнята будет возможность у наших, живущих теориями и фантазиями левых партий, добиваться господства, преобладания и осуществления своих теорий, уже нанесших столь тяжкий вред для Российской державы».

Помимо этого, требовалось добиваться от союзников четкого и недвусмысленного заявления в отношении будущего государственного устройства России: «Под предлогом нежелания

вмешиваться в русские внутренние дела союзники оставляют в полном хаосе вопрос о будущем государственном устройстве России и этим предрешают тяжелый вопрос о раздроблении ее на составные нежизненные части, тогда как они имели бы полную возможность основной целью своего давления именно на внутренние дела поставить воссоздание единого, сильного и прочного государства… Никакое развертывание сил и восстановление Восточного фронта не будут мыслимы для нас и наших союзников в том случае, если Доно-Кубань явится новым, совершенно независимым государственным организмом, находящимся в сфере германского влияния, и будет вести своеобразную политику вооруженного нейтралитета против Великороссии и наших союзников… Только Великая, Сильная и Единая Россия составит навсегда могучий фактор в мировой политике и устранит возможность поглощения ослабленного государственного организма могучими соседями к общему ущербу как для самой России, так и для настоящих ее союзников.

Этими общими соображениями я считаю необходимым ограничиться и закончить мое письмо просьбой командировать в мое распоряжение генерала Геруа в том случае, если судьба заставит меня принять какое-нибудь активное участие в продолжении борьбы на восточном фронте не в роли только одного военно-политического деятеля в рядах Добровольческой армии».

Наконец, и это самое важное для Алексеева, нужно как можно чаще подчеркивать перед союзниками, что Восточный фронт не исчез после Брестского мира, но по-прежнему существует. Его и составляет Добровольческая армия, которая ведет бои на Кубани и не даст немецким войскам занять весь Юго-Восток России. Недооценка союзниками этого региона — ошибочна.

По мнению Алексеева, «факт отрицания важного значения для России Доно-Кубанского театра военных действий указывает на плохую ориентировку в изучении обстановки нашими союзниками. Доно-Кубань — непочатый угол богатств, которые через большевиков поступали в руки германцев и дают возможность последним продолжать мировую борьбу за счет России… Следовательно, уничтожение большевиков на Кубани, обеспечение левого фланга общего стратегического фронта, сохранение за Россией тех богатств, которыми обладают Дон и Кубань, столь необходимых Германии для продолжения войны, являются составной единицей общей стратегической задачи на Восточном фронте, и Добровольческая армия уже в настоящую минуту выполняет существенную часть этой задачи. Полноценный Восточный фронт можно восстановить, но не без

помощи союзников. Россия людской материал даст для возрождения армии, но народное хозяйство и благосостояние ее разрушено, и необходимо, чтобы союзники доставили материальные средства, необходимые для ведения борьбы, подразумевая под этим не только боевые припасы и снаряжение, но и продовольствие, необходимое для прокормления вооруженных сил и для прокормления голодающего и вымирающего населения».

Именно это обстоятельство, а также тот факт, что в составе Добровольческой армии в начале лета 1918 г. не меньше половины бойцов составляли кубанские казаки, предопределило выбор нового похода на Кубань. «Второй Кубанский поход» начался в июне и развивался достаточно успешно, несмотря на тяжелые потери, — 12 июня была взята станция Торговая, но в этом бою погиб генерал Марков. 1 июля Добрармия овладела узловой станцией Тихорецкой, а в конце июля началось наступление на Екатеринодар. 3 августа 1918 г. добровольческие полки вошли в столицу Кубани и 13 августа заняли Новороссийск. В тот же день генерал-губернатором освобожденной Черноморской губернии был назначен полковник А.П. Кутепов.

Теперь армия получила не просто долгожданный «тыл», но и прямой «выход к морю», через который в будущем можно будет гораздо эффективнее взаимодействовать с внешним миром. В знак признательности за участие в «освобождении Кубани» станичные сходы присвоили Михаилу Васильевичу звания «почетного старика» от станицы Уманской Ейского отдела и от станицы Бородинской Таманского отдела Кубанского войска.

Алексеев, как никогда прежде, был убежден: союзникам необходимо постоянно разъяснять, что Россия не погибла, а Брестский мир не имеет никакого отношения к подлинным интересам России. «Необходимо скорейшее и определенное решение относительно образования Восточного фронта, ибо отсутствие определенности решений, колебания, трения помогают нашему врагу и ведут к потере драгоценного времени, чем пользуются наши враги, продолжая разрушать духовное единство русского народа и выколачивая из этого народа для себя средства для ведения этой войны».

Примечательно, что в отличие от весьма скептических настроений в отношении «духовного состоянии армии» в 1916 и, тем более, в 1917 гг., теперь Алексеев с уверенностью писал о начале «духовного оздоровления русского народа»: «В низших слоях населения начинает пробуждаться подобие патриотизма, идея единства народа»{121}.

Пока же активного содействия союзников ждать не приходилось, Алексеев всячески приветствовал объединение российских антибольшевистских и антигерманских сил. Немаловажная роль в этом принадлежала, по его мнению, военным формированиям из славян. Вообще, «славянский фактор» приобретал в условиях распада русской армии в 1917 г. особое значение. В Ставке неоднократно обсуждались планы замены небоеспособных частей на фронте хорошо обученными, вооруженными и дисциплинированными, духовно стойкими формированиями из славян. Алексеева нисколько не смущало, что эти части создаются из бывших военнопленных австро-венгерской армии. Напротив, он был убежден в жизненности главных лозунгов, под которыми Российская империя вступила в войну в 1914 г. — «За братьев-славян», «На защиту славянства, против германизма».

Генерал поддерживал создание Чехословацкого корпуса. Еще накануне «Брусиловского прорыва», 8 апреля 1916 г., Алексеев обратился к Государю с ходатайством от Союза чешско-словацких обществ, в котором предлагалось освободить военнопленных чехов и словаков, «доказавших свою преданность славянской идее и имеющих поручительство чешско-словацкой организации». Из них предполагалось сформировать специальные команды для помощи Русской армии. Не исключалась и возможность их участия в боевых действиях на стороне России. Алексеев считал, что первый опыт можно провести для добровольно сдавшихся бывших бойцов 28-го Пражского и 36-го Младоболеславского полков. Кроме того, в ряды этих команд могли поступать славяне-беженцы, отступавшие с русскими войсками из Галиции летом 1915 г. При этом поручительство действовавших на территории России землячеств было обязательно.

В конце 1917 г. Алексеев усиленно изыскивал возможности для прибытия на Дон подразделений уже сформированного Чехословацкого корпуса. В январе 1918 г. Алексеев отправил своего курьера (поручика Корниловского полка, словенца по национальности А.Р. Трушновича) в Киев, к главе Чешской рады, будущему президенту Чехословакии Т. Масарику с предложениями о сотрудничестве. Следует отмстить, что в рядах Добровольческой армии сражался Чехословацкий батальон, а чех-доброволец капитан Часка был в числе доверенных агентов Военно-политического отдела в Киеве, где добывал секретные сведения для штаба Добрармии{122}. И хотя Алексеев не получил прямого ответа от Масарика, Михаил Васильевич возлагал большие надежды на Чехословацкий корпус в деле возрождения Восточного фронта. С выступлением Чехкорпуса против советской

власти летом 1918 г. были связаны также и стратегические планы генерала.

Вообще в 1918 г., определяя, прежде всего, политический курс армии, контролируя се финансовое положение, Алексеев практически не участвовал в разработке и осуществлении конкретных боевых операций. Однако гражданская война — это политическое противостояние, здесь вопросы «чистой» стратегии и тактики тесно переплетены с политическими вопросами. Ведение военно-стратегического планирования связано здесь не столько с проявлением военного искусства, сколько с проблемами политической целесообразности. Поэтому Алексеев уделял большое значение вопросам выбора театра военных действий, его преимуществ и недостатков как с точки зрения военной (возможности армии), так и с позиции военно-политической (взаимодействие с союзниками, создание единого антибольшевистского фронта).

Если в мае 1918 г. «поход на Москву» был «не по силам» небольшой Добровольческой армии, а новый «поход на Кубань» был более вероятен, но имел меньшее политическое значение, то «поход на Волгу», выбор восточного стратегического направления становился крайне важным и актуальным, особенно после т.н. «Чехословацкого мятежа».

Об этом Алексеев 3 июля 1918 г. писал в новом письме генералу Дитерихсу, занимавшему в 1918 г. должность начальника штаба Чехословацкого корпуса. Алексеев рассчитывал, что это письмо застанет его бывшего сотрудника в Поволжье, где части Чехословацкого корпуса вели бои вместе с Народной армией Комитета членов Учредительного собрания. Но Дитерихс в это время уже находился в Приморье и письма не получил. Содержание письма характеризует стратегические расчеты Алексеева. Генерал отмечал, что, по его сведениям, «чехословацкие войска оперируют в Волжском районе, составляя… авангард будущей Союзной армии, которая должна воссоздать Восточный фронт мировой борьбы».

Что касается Добровольческой армии, то генерал писал, что хотя она «оперирует пока на Дону — Кубани», но «эта задача — временная». «Основная цель — выход на Волгу и объединение общих усилий для борьбы с большевизмом, а затем — с исконным врагом — с Германией». Алексеев объяснял значение 2-го Кубанского похода как «неизбежную необходимость» ликвидации «цитадели большевиков» на Кавказе. Но эти «местные задачи, которые осуществляет армия… не могут отвлечь ее от выполнения тех государственных задач, во имя которых она была создана», и «ближайшей задачей армии ставится выход на Волгу».

Кубанские казаки, служившие в армии, после ее перехода к Волге должны были, по мнению Алексеева, остаться на Кубани «для дальнейшей борьбы с большевиками» уже в составе «самостоятельных» воинских частей. Костяк Добровольческой армии должен был наступать на Волгу, пополняясь «набираемыми сейчас по добровольной записи офицерами и солдатами». «Лозунги» армии принципиально не менялись, и в письме Дитерихсу Алексеев подтверждал их: «Борьба за единство России и независимость ее, целость ее территории — в единении с нашими союзниками».

Успех будущих операций, по убеждению генерала, во многом зависел от организации четкой штабной работы. Характерный для него штабной «почерк», хорошо знакомый Дитерихсу по прежней совместной с Алексеевым службе, заключался в требовании «точного взаимного осведомления о наших операциях, дабы действия наши можно было бы координировать наиболее полным образом». «Для связи» с Дитерихсом и действующими в Поволжье чехословацкими войсками через Москву и Саратов направлялся полковник ДА Лебедев, а в Самару — полковник М.Н. Моллер.

Лебедеву — бывшему офицеру генерал-квартирмейстерской части Ставки, одному из руководителей Союза офицеров и убежденному монархисту, Алексеев доверил полномочия «представителя Добровольческой армии» на Востоке России, а также обязанности по «скрытой подготовке нашей операции в близлежащих к Волге районах». Поимо этого, Лебедев получил также особое поручение от генерала об изыскании средств для оказания помощи находящейся в заключении Царской семье. Примечательно, что Лебедев стал первым представителем белого Юга, официально заявившим о признании власти Верховного правителя адмирала Колчака. В 1919 г. он стал начальником штаба у Колчака и непосредственно разрабатывал план наступления белых армий на Волгу. Ведение совместных действий в Поволжье возможно было только на пути объединения всех военных формирований: «Операция эта может быть проведена с должным успехом лишь при содействии чехословацких частей… и казачьих отрядов, действующих на нижней Волге».

В цитированном выше письме генералу Щербачеву Алексеев подчеркивал необходимость иметь единое командование войсками, не исключая общего руководства союзными и российскими силами: «Необходимо объединить общее командование всеми вооруженными силами на восточном фронте, к каким бы национальностям они бы ни принадлежали, ибо только при этом будет достигнуто столь необходимое

единство действий на обширном стратегическом фронте». Примечательно, что Алексеев обратил внимание на важность создания «волжского фронта» только после окончания 1-го Кубанского похода. Командировке генерала от инфантерии В.Е. Флуга, направленного в январе 1918 г. из Ростова-на-Дону для связи с сибирскими подпольными контрреволюционными организациями, Алексеев, в отличие от Корнилова, придавал «второстепенное» значение: Юго-Восток России, по его мнению, был гораздо важнее. А в конце июля 1918 г. в своем письме Щербачеву он писал: «…руководители армии вполне отдают себе отчет, что чем скорее будет выполнена эта частная задача (2-й Кубанский поход. — *В. Ц.),* тем шире Добровольческая армия будет в состоянии использовать свои силы для работы на общем восточном фронте. Поэтому, предполагаю, в самом непродолжительном времени мы перенесем арену наших действий первоначально в район Царицына, а затем на операционные направления к Москве»[{123}].

С повышенным вниманием Алексеева к «славянским формированиям» связан примечательный факт. В годовщину его смерти, в Омске, Колчаком был издан специальный приказ (№ 203), в котором он, наряду со всеми военными и политическими деяниями Алексеева, пафосно отмечал «величественную историческую заслугу перед всем славянским миром… славного вождя славянства и доблестного сына своей Родины»: «Вся жизнь этого скромного, но могучего труженика и героя духа была посвящена работе по подготовке армии к выполнению великой, исторической задачи, к борьбе славянства с германцами… Славные победные события 1914—1916 годов обязаны его работе, его таланту, его великому духу славянина. И когда под ударами выдвинутого немцами политического оружия — большевизма — стала гибнуть Наша Армия, Генерал Алексеев, один из немногих, не сложил оружия, не отрешился от могучей, жившей в нем веры в неизбежность победы славянства над германизмом, и с горстью сподвижников, почти без средств и оружия, продолжал неутомимо свою великую работу возрождения России, а с ней и объединения всего славянства».

Приказ подчеркивал преемственность между делом, начатым генералом Алексеевым, и выступлением Чехословацкого корпуса: «Здесь на Урале, на гранях Азии и Европы, год тому назад по почину чехословацких генералов Сырового, Гайды и Чечека… стекались со всех сторон Сибири и Приволжья русские, чехословацкие и сербские части, слившиеся в дружной славянской семье, в одном стихийном порыве, объединенные одним ясным сознанием, что борьба, поднятая генералом

Алексеевым, — не какая-либо партийная, политическая борьба, не борьба классов и каст, а великая национальная, историческая борьба славян с германцами, искусно спрятавшимися за спиной ими же созданных большевиков».

Примечательна оценка данного приказа председателем Совета министров Российского правительства П.В. Вологодского (дневниковая запись от 13 октября 1919 г.). Приказ был оглашен во время торжественного обеда в Омске, по случаю 5-летней годовщины образования в России 1-й Чехословацкой дружины — ядра будущего Чехословацкого корпуса. «Генерал Дитерихс очень кстати прочитал только что подписанный Верховным Правителем и присланный в Омск указ по поводу смерти генерала М.В. Алексеева. Указ этот, тепло написанный по отношению к памяти генерала Алексеева, пришелся кстати потому, что в нем Верховным Правителем отмечается роль умершего в качестве поборника славянского объединения и что он, Верховный Правитель, свято чтит заветы покойного»[{124}].

Не менее значимыми для «всеславянского дела» возрождения Восточного фронта Алексеев считал и польские формирования. Из Новочеркасска, через командированных офицеров, в январе 1918 г. генерал стремился наладить контакты с офицерами штаба Польского корпуса, возглавляемого генерал-лейтенантом И.Р. Довбр-Мусницким. 30 мая 1918 г., накануне 2-го Кубанского похода, за подписью Алексеева и Деникина был составлен декларативный документ, выражавший цели армии и важность «славянского единства» в «борьбе против германо-большевизма»: «ставя своей основной задачей борьбу с внешним врагом славянства — германизмом, Добровольческая армии на пути к этой цели имеет вторую серьезную задачу — борьбу с большевизмом, разрушившим Русскую государственность и мешающим воссоздать регулярную армию».

При этом считалось желательным «привлечение вооруженных сил славян на основе их исторических чаяний, не нарушающих единства и целости Русского государства… Добровольческая армия широко раскрывает двери для организации Польской регулярной армии, обеспечивая ей в составе Добровольческой армии независимую организацию на началах союзных войск, но с полным подчинением командованию Добровольческой армии в оперативном отношении». В состав армии предполагалось включение польской бригады. Польские войска «во время пребывания их в Добровольческой армии должны принимать соответственное беспрекословное участие в выполнении необходимых операций против большевиков». Вооружение, снаряжение и денежное довольствие польских войск должно было

осуществляться за счет «субсидий союзников», хотя говорилось и о том, что Добрармия «будет братски делиться теми запасами вооружения и материальной части, которые она будет захватывать в своих боевых столкновениях с большевиками и внешним врагом».

Алексеев надеялся на переезд корпуса на Дон и его участие в боевых действиях против красногвардейских отрядов, сосредоточенных на границах Донской области. Однако попытки Алексеева в этом направлении закончились безрезультатно.

В рядах Добровольческой армии — в «Ледяном походе» — участвовал и Добровольческий Карпаторусский отряд. Его создание также связано с поддержкой Алексеевым идеи «славянского единства». В январе 1918 г. отряд сформировал член Русского народного совета Прикарпатской Руси, поручик Г.С. Малец. «Карпаторуссы» призывали к единству с Россией ради сохранения своей национальной самобытности. В 1919 г., в рядах Вооруженных сил Юга России сражался также Славянский стрелковый полк, состоявший из чинов бывшего Чехословацкого батальона и карпаторуссов.

Деятельное участие принимал Алексеев, будучи начальником штаба Верховного Главнокомандующего, и в судьбе сербской армии, вынужденной отступить под натиском превосходящих ее австро-германских сил и эвакуироваться на о. Корфу. Алексеев и сам Главковерх настаивали перед французским командованием на всемерной поддержке сербской армии и многочисленных беженцев. В телеграмме, отправленной в Париж генералу Жилинскому, Алексеев сообщал, что «Государь Император изволил получить… телеграммы от Короля английского и Президента республики с уверением, что все необходимое для спасения сербской армии будет ими сделано. Его Величество поручил мне просить вас сделать со своей стороны настойчивые представления о необходимости скорейшего осуществления данных Сербии обещаний, имея в виду, что не только чувства человеколюбия и уважения к доблести остатков храброй армии, но и простой расчет побуждают нас не останавливаться ни перед какими средствами для спасения кадров армии, могущей вновь возродиться…»

Внимание Алексеева к нуждам «братьев-славян», братьев но оружию, не осталось незамеченным. Сербский консул Цемович опубликовал в прессе интервью, в котором весьма высоко охарактеризовал деятельность Наштаверха: «…У меня составилось представление о лучшем типе русского человека. Мое славянское сердце почувствовало глубокую радость при первом обращении М.В. Алексеева ко мне. Он сразу стал мне близким и

тесно родственным. Он говорил со мной, как родной отец, а я ему отвечал, как любящий сын.

Иностранцу, которому не понятна славянская душа в творениях Толстого и Достоевского, сразу станет понятным наш “восточный мир” в общении с людьми, каковы наши Алексеевы… Мы говорили о текущих политических событиях за чашкой чая в монашески скромной приемной комнате начальника штаба великой русской армии. Через военные тучи он ясно видел, что творится в дебрях дипломатических кабинетов. Конечно, я не пропустил случая, чтобы перед ним не открыть своего убеждения, основанного на опыте, о вредных пережитках дипломатической школы. Не дипломатия, а стратегия должна теперь решать и предрешать все дипломатические вопросы.

М.В. Алексеев на лету схватывал каждую мою мысль, всякое мое желание и немедленно же, насколько наш разговор был деловым, выносил решения, простые и естественные. Счастье, прямо-таки счастье и для России, и для всех союзников, что Государь Император выбрал себе ближайшим сотрудником такого человека, каков генерал Алексеев»{125}.

4. Монархия или «непредрешенчество». Вопрос о политическом «знамени»

В тесной связи с внешнеполитическим положением зарождавшегося на Юге России Белого движения оказались и программные лозунги о форме правления. Среди многих эмигрантских авторов (И.Л. Солоневич, И.П. Якобий, И. Кириенко и др.) достаточно распространенным было мнение, что Алексеев и его преемники намеренно не провозглашали лозунг восстановления монархии в России. В вину генералу ставились его «непомерное честолюбие», которое «мешало» ему признать необходимым восстановление Дома Романовых, его едва ли не республиканские убеждения, стремление сохранить «либеральные завоевания» революции. Например, еще в июне 1918 г., в Новочеркасске, генерала посетил представитель одной из монархических организаций — князь И.Л. Кропоткин, приехавший из Харькова. При этом он заявил, что монархисты на Украине относят его к «левым кадетам». Оскорбленный Михаил Васильевич в вежливой, но твердой форме немедленно пресек дальнейший разговор с князем. Отметим сразу, что подобная оценка, равно как и оценка действий Алексеева и Ставки в период Февраля 17-го, далека от объективности.

Ни в прежние, дореволюционные годы, ни тем более в период «послефевральской» России, Михаил Васильевич не проявлял каких-либо антимонархических, республиканских предпочтений. Его контакты с представителями думской оппозиции, с либеральной общественностью не носили систематического характера и не свидетельствовали об убеждениях генерала в необходимости радикальных перемен в политической системе Российской империи. Алексеева вряд ли можно было назвать человеком «безоговорочной преданности» Государю Императору. Но в том, что он не представлял себе иного политического строя для России, кроме монархического, — не было сомнений. А катастрофическое положение фронта в результате «демократизации армии» и многочисленных «политических свобод» укрепило его, как и многих других участников Белого движения, в принципиальном неприятии каких-либо революционных перемен, убедило в неготовности российского общества к быстрым и радикальным изменениям.

Небезынтересными следует считать также краткие воспоминания генерала Тимановского, опубликованные в качестве небольшой заметки («письма в редакцию») в газете

«Новое русское слово» 28 июня 1969 г. В изложении начальника штаба Марковской пехотной дивизий генерала А. Биттенбиндера слова Тимановского, сказанные им незадолго до кончины, были таковы: «Генерал Алексеев очень любил и ценил меня, не забывал и на Кубани. При редких встречах со мной, он в откровенной беседе изливал мне свою наболевшую душу… однажды, вечером, генерал Алексеев и я сидели на скамейке под окном дома, в одной из станиц Кубани. Мы погрузились в свои думы. Генерал Алексеев поднял голову, тяжело вздохнул и промолвил: “Николай Степанович! Если бы я мог предвидеть, что революция выявится в таких формах, я бы поступил иначе”. И генерал Тимановский добавил от себя: старик не предвидел возможности Гражданской войны, а теперь предчувствовал ее катастрофический исход.

В несвязанном разговоре генерал Тимановский проронил слова: “Старика мучили угрызения совести, он жалел”. Какие угрызения совести мучили генерала Алексеева, о чем он жалел, генерал Тимановский не сказал. С моей стороны, было бы бестактным расспрашивать генерала. Меня удивила только откровенность моего начальника дивизии: он не принадлежал к категории болтливых людей.

В то время я не обратил внимания на слова генерала Тимановского. Не до того было. Ныне мне приходит в голову мысль: генерал Тимановский инстинктивно предчувствовал близкую смерть и затеял весь разговор с целью передать слова генерала Алексеева кому-то другому, чтобы они не исчезли бесследно».

В эмигрантской исторической публицистике встречалось мнение о том, что «угрызения совести» Алексеева связаны исключительно с отправленной 2 марта 1917 г. телеграммой но поводу отречения Государя Императора, и означают — ни больше ни меньше — запоздалое раскаяние «предателя», «изменника присяге». Однако из слов Тимановского трудно сделать вывод, о каком именно своем поступке сожалел Алексеев. Обратившись к оценке его настроений после февраля 1917 г., с большой долей вероятности можно предположить, что генерал сожалел не о конкретной телеграмме, а о своей недостаточной твердости в отношении политиков-демократов, серьезно осложнивших положение в стране и фактически поставивших фронт на грань полного развала. Уступки политическим требованиям радикальной оппозиции, для того чтобы избежать «междоусобной брани» и победить в войне с Германией, делались на протяжении всего 1917 г., (а не только в феврале—марте). В результате, как считал Алексеев, эти уступки способствовали возникновению Гражданской войны.

Весной 1918 г., когда о восстановлении монархии в России заговорили многие политики и военные, для Добрармии очевидной стала проблема решения этого важнейшего политического вопроса. Но, как известно, идеи монархического возрождения на Юге России оказались роковым образом связанными с немецкой оккупацией. Получая информацию из Украины, переписываясь с Милюковым, генерал все более убеждался в том, что «возрождение монархии» используется лишь как ставка в политической игре, которую пытается вести, пользуясь слабостью России, немецкое командование.

Как отмечалось в одном из сообщений В.В. Шульгина из Киева, «немцы хотят восстановить русскую монархию, русскую империю и русское единство, но на этот раз под другой формой, выгодной для них… Действительно, это печально, что немцы вовремя поняли все это и выполняют, в то время как союзники еще пытаются что-то построить с большевиками».

Монархию дадут нам немцы? Для Алексеева, как и для подавляющего большинства бойцов Добровольческой армии, это было недопустимо. Более того, апеллируя к готовности немцев восстановить в России монархию, Милюков только усиливал недоверие генерала к незамедлительному провозглашению монархического лозунга. Нужно отметить, что и сам Николай II, и Александра Федоровна, находясь в Тобольске и затем в Екатеринбурге, категорически исключали малейший повод к своему возвращению на престол с немецкой помощью.

Сближение с немцами ради достижения каких-либо политических выгод перечеркивало все прежние жертвы, весь прежний смысл борьбы, участия России в войне. Нельзя было искать политических выгод и временных политических расчетов там, где речь шла о национальной чести.

Здесь лучше всего проявились патриотические качества Алексеева. Многие находившиеся в эмиграции, да и некоторые современные публицисты ставили в упрек генералу то, что для него «Россия выше Царской власти». Да, тогда это действительно было так. Для Алексеева выше всех политических интересов была победа России в войне. В феврале 1917-го, оказавшись перед выбором — спасение престола любой ценой и начало войны гражданской, или продолжение войны с внешним врагом до победы — генерал выбрал последнее. Этот же выбор сделал и сам Верховный Главнокомандующий — Государь Император Николай II, отрекшись от престола и завещав войскам подчиниться Временному правительству ради победы в войне.

В 1918 г. выбор был между попыткой восстановления монархии с немецкой помощью и отказом от немедленного

провозглашения монархического лозунга, ради его сохранения для будущего. Алексеев свой выбор сделал: изменять России ради пусть даже любой лучшей формы правления генерал счел неприемлемым.

Что же касается настроений в армии, то здесь имели место неформальные предпочтения, судя по которым монархическая приверженность генерала Алексеева не оспаривалась. Неформальное разделение на «корниловцев», «деникинцев», с одной стороны, и «алексеевцев» и, позднее — «дроздовцев», с другой, означало негласное разделение по принципу отношения к монархии.

Еще во время 1-го Кубанского похода подобное негласное разделение существовало. Понимал это и Корнилов. В воспоминаниях Хана Хаджиева содержится показательное описание реакции командующего Добрармии в отношении перспектив возрождения монархии вообще и того, как это представлялось, по мнению Хаджиева, Алексеевым и «алекссевцами»: «23 марта, после приезда Верховного (Корнилова. — *В.Ц.)* с фронта… генерал Романовский сообщил ему о намечающемся в армии расколе на две партии: монархистов и демократов. Это известие сильно взволновало и огорчило Верховного…

— При таких обстоятельствах я не в состоянии работать! Придется мне или просто уйти от командования армией, или заявить: “Господа монархисты — в одну сторону, а демократы — в другую” и уйти с последними, оставив господ монархистов их вождю, генералу Алексееву. Ведь это мальчишество, думать в такое время о какой бы то ни было партии! И это взрослые люди?! Не понимают, что Родина сейчас горит от партийности. Прежде чем мечтать о какой бы то ни было власти, необходимо сперва восстановить порядок в России. Если русский народ после восстановления порядка придет к заключению, что ему необходим монарх и этот монарх будет выбран всей Россией (на Национальном собрании или Земском соборе. — *В.Ц.),* то я первый буду служить ему. Если же монарх будет “штампованный” немцами — я эмигрирую из России. Ах этот Алексеев со своими монархистами! Дойдут до того, что развалят армию, вырвав веру в начатое нами дело у лучших сынов ее. Я думаю, после взятия Екатеринодара армию придется основательно почистить! — говорил Верховный генералу Романовскому, ходя по комнате из угла в угол».

К сожалению, между двумя лидерами Белого движения, принципиально схожими в отношении к перспективе восстановления монархии в России (посредством «соборного

избрания») и одинаково не принимающих монархию, «навязанную немцами», не нашлось взаимопонимания.

Согласно свидетельству другого участника «Ледяного похода», журналиста А. Суворина, «до Екатеринодара и смерти Корнилова политические вопросы были в армии как будто крышкой прикрыты, зато после Екатеринодара о них стали говорить много и везде. Дело в том, что в армии, в сущности, было только две партии: “алексеевцы”, которых было большинство, — Алексеев почему-то считался монархистом, — и “корниловцы” — демократы, народоправцы. Из главных полков армии: Офицерский был почти сплошь — монархисты; Корниловский — по преимуществу, народоправцы… Однако и алексеевцы признавали, что сейчас надо идти за Корниловым, ибо он — яркий боевой талант, такой генерал, который и нужен армии для победы… Все равно нужно, прежде всего, победить общего врага, а до победы обеим партиям надо идти по одной дороге»{126}.

Помимо этого, следовало учитывать также не только рост монархических настроений в Добрармии, но и степень готовности к поддержке идеи монархии среди большинства населения. В письме генералу Щербачеву Алексеев подчеркивал: «Добровольческая армия не считает возможным теперь же принять определенный политический лозунг ближайшего Государственного устройства России, признавая, что вопрос этот недостаточно назрел в умах всего русского народа и что преждевременно объявленный лозунг может лишь затруднить выполнение широких государственных задач». Нельзя было не учитывать и настроения местного населения — донского и кубанского казачества: «В своей деятельности Добровольческая армия пока связана местными условиями… она должна, в известной мере, приспосабливаться к настроению населения этих двух областей, еще далеко не подготовленных к восприятию монархической идеи».

При этом Алексеев делал принципиально важное уточнение: «Руководящие деятели армии сознают, что нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, которые необходимы для облегчения гигантской работы но управлению для одного лица. Как показал продолжительный опыт пережитых событий, никакая другая форма правления не может обеспечить целость, единство, величие государства и объединить в одно целое различные народы, населяющие его территорию. Так думают почти все офицерские элементы, входящие в состав Добровольческой армии, ревниво следящие за тем, чтобы руководители не

уклонялись в своей деятельности от этого основного принципа»{127}.

Но такой, абсолютный монархизм, однако, представлялся Алексееву совершенно излишним, даже опасным. В цитированном выше июньском письме к Деникину Алексеев отметил в числе «причин недовольства» казаков добровольцами т.н. «инцидент в станице Бессергеновке», во время которого «некоторые офицеры Офицерского полка учинили дебош, врываясь с винтовками в дома и гоняясь за станичным Атаманом». Алексеев отмстил также, что «назревает новый конфликт между казаками и отрядом полковника П.В. Глазенапа в станице Грушевской, где, по слухам, офицеры будто бы выпороли бабу… Вообще, отношение казачества к Добровольческой Армии, в связи с увлечением некоторых офицеров “политикой”, переходящим зачастую в грубое политиканство, назойливое распространение монархических идей среди не подготовленного еще к этому населения может иметь крайне нежелательные и опасные для нас последствия».

Чтобы подобные позорные для армии «инциденты» не повторялись, Алексеев решил выступить перед офицерами 1-го конного полка («отряда Глазенапа»). По сохранившимся тезисам, в своей речи генерал выразил не только свою «благодарность за великую боевую службу доблестного полка», но и свое «желание, чтобы в наше добровольческое дело не вмешивать местные власти», а также «требование, чтобы не дать повода ни к одному аресту местными властями офицера нашей армии», и «веру, что… здравый смысл, русское сердце, любовь к армии возьмут верх над слабостями человеческой воли»{128}.

Замена монархического лозунга лозунгом «непредрешения политического строя» отнюдь не означала, что генерал испытывал какую-либо «личную неприязнь» к отрекшемуся Государю и Царской семье. Когда появились первые сообщения об убийстве Николая II (в субботу 7 июля 1918 г. газета «Вечернее Время» вышла с траурной первой полосой, на которой сообщалось об «убийстве Его Императорского Величества Николая Александровича Романова в Екатеринбурге 3 июля 1918 г».), Михаил Васильевич чрезвычайно переживал свершившуюся трагедию. По воспоминаниям дочери, «эта страшная весть потрясла всех. “Где Императрица? Что с семьей?” — не раз повторял в эти дни отец. Отец сразу же обратился к епископу Новочеркасскому с просьбой отслужить официальную панихиду, но тот отказался.

Первую панихиду по убиенном Государе служил от себя генерал Алексеев в Войсковом Донском соборе. Совершал ее не

епископ, а очередной священник. Нет слов говорить о том, какое тяжелое чувство было у всех присутствующих, а их было мало — только те, кого предупредил и позвал отец и кто посчитал своим долгом прийти. У меня в памяти остался полутемный, огромный, почти пустой Войсковой собор и эти, тогда столь необычные, заупокойные молитвы об убиенном Государе Императоре».

Уместно отметить, что атаман Краснов специальным приказом объявил официальный статус панихиды о Николае II в Войсковом соборе в Новочеркасске — в понедельник 9 июля 1918 г. Но во многих городах Украины в течение июля—августа проходили не панихиды, а молебны о здравии Государя Императора, Государыни Императрицы, Наследника Цесаревича и Великих княжон, поскольку заявлениям советской печати не доверяли и не верили в гибель всех членов Царской семьи{129}.

К началу осени 1918 г. политическое положение на Юге России стало более определенным. В конце июня немцами в Киеве был арестован полковник Рясиянский, отправленный туда Алексеевым для контактов с местными политиками и сбора разведывательной информации. Последовали также аресты русских офицеров — «но подозрению в сотрудничестве с Антантой» — и в других украинских городах. В июле 1918 г. германский посол в Москве граф Мирбах передал ВЧК имеющуюся у него информацию о московском антибольшевистском подполье. После гибели Царской семьи немцы окончательно отказались от идеи возможного восстановления монархии в России, а после подписания 27 августа с Наркоматом иностранных дел РСФСР дополнительного соглашения к Брестскому договору (приложение 5 к п. 12 второй статьи договора) высшее военно-политическое руководство кайзеровской Германии вообще отвергло какое-либо сотрудничество с Добровольческой армией. В соглашении было четко заявлено: «Немецкое правительство ожидает, что Россия использует все средства для подавления восстания генерала Алексеева и чехословаков, иначе Германия выступит со всеми силами, имеющимися в ее распоряжении, против генерала Алексеева».

Правда, незадолго до подписания соглашения немецкие военные предприняли последнюю попытку начать переговоры с Добрармией. Полковник Ряснянский был освобожден и привез в Екатеринодар, куда переехал Алексеев, предложения от штаба командующего германскими войсками на Украине. Ответ генерала был вполне ожидаемым: «Вы — третий (сказал он Ряснянскому. — *В.Ц.),* кому немцы поручают говорить со мной, но я неизменно остаюсь на своей точке зрения и с ними говорить не

буду, считая их врагами России. Мы не порвали с нашими союзниками и не имеем нрава вести сепаратные переговоры. В искренность немцев я не верю. Им важно при нашей помощи ликвидировать Восточный наш фронт и Чехословацкий корпус, а я не хочу этого. Я надеюсь, что мы и без немцев сделаем свое дело»{130}.

Алексееву, кроме того, стали известны непосредственные контакты атамана Краснова с кайзером Вильгельмом II. О том, что донской атаман написал кайзеру письмо, в котором говорилось о возможном сотрудничестве Войска Донского с Германией, сообщил 28 июля 1918 г. находившийся в Новочеркасске Родзянко. В своем письме Алексееву и Деникину, вызванном разоблачением «прогерманских симпатий» Краснова, бывший Председатель Государственной думы заявлял: «Необходимо скорее поставить Царя, перед властью которого все преклонятся, — с ослепленных глаз спадет пелена, и возможно будет взаимное общее соглашение». Монархия в данном случае выступала бы в качестве «примиряющего центра», необходимого для поддержки единой российской государственности и противостояния «сепаратизму» (в той форме, как это представлял Родзянко). Скандал с письмом привел к тому, что Родзянко было предложено незамедлительно покинуть пределы Войска Донского, а Алексеев, как и прежде, не считая бывшего председателя Думы взвешенным политиком, назвал действия атамана «прямой изменой». 14 августа 1918 г. Родзянко был уже в Екатеринодаре и встречался с Деникиным и Алексеевым в штабе Добрармии.

Контакты Войска Донского с немцами и раньше осуждались Алексеевым. Так, в сопроводительном письме к разведсводке, отправляемой в штаб Деникину от 26 июня 1918 г., генерал излагал содержание своих очередных переговоров с атаманом Красновым, состоявшихся 18 июня 1918 г. По мнению Михаила Васильевича, Краснов стремился «при помощи немцев и из их рук получить право называть себя самостоятельным государством, управляемым атаманом», и при этом «округлить границы будущего “государства” за счет Великороссии присоединением пунктов, на которые “Всевеликое” отнюдь претендовать не может (т.е. за счет Таганрогского округа, Воронежской губернии и Царицына. — В.Ц.)». Однако продолжать сотрудничество с Доном, даже при таких обстоятельствах, было необходимо. Алексеев, в присущей ему дипломатической манере, отмечал, что «в некоторых случаях нужно изменить тон наших отношений, так как в создавшейся атмосфере взаимного раздражения работать трудно. И только тогда, когда мы окончим наши счеты, можно

будет высказать все, накипавшее на душе… Пока же еще не утрачена надежда хотя кое-что получить из войсковых запасов… на законном основании».

В конце августа — начале сентября 1918 г. Краснов приступил к формированию армий для «защиты границы Всевеликого войска Донского от натиска красногвардейских банд и освобождения Российского государства». 13 сентября 1918 г. атаман издал приказ о создании Южной, Астраханской и Русской Народной армий, переформированных позднее в Воронежский, Астраханский и Саратовский корпуса Особой Южной армии. В них записывались -добровольцы, не принадлежавшие к казачьему сословию, и они должны были составить своеобразную «альтернативу» Добрармии. Командовать Южной армией был назначен бывший сослуживец Алексеева, генерал Иванов, а Астраханской армией — князь Д.Ц. Тундутов. Обе армии провозгласили монархические лозунги, и, сочувствуя им, из рядов Добровольческой армии на Дон стали уходить многие офицеры (например, уход группы офицеров во главе с капитаном Парфеновым).

Это беспокоило Алексеева, не доверявшего подобным начинаниям. Вдохновленные «мечтами о монархии», по мнению генерала, на деле они способствовали «самостоятельному Донскому Государству» и фактически оказывались противниками Единой России. В то же время генерал Иванов, узнав о предложении Краснова принять командование Южной армией, решил, прежде всего, получить на это согласие от Алексеева и Деникина. Возражений с их стороны не последовало, но и уверенности в том, что это «столь сомнительное предприятие» будет полезно для «борьбы с большевизмом», не было{131}.

С вопросом принятия Добрармией монархического лозунга была связана также поездка в Екатеринодар хорошо известного и популярного среди монархистов генерала графа Ф. А. Келлера. В августе из Харькова, где он жил как частное лицо, граф отправился в штаб Добрармии и несколько дней вел переговоры с Алексеевым и Деникиным. Встрече с руководством Добрармии предшествовало письмо Михаилу Васильевичу от 20 июля, в котором Келлер отмечал, что, хотя для монархистов «единственной надеждой являлась до сих пор… Добровольческая армия», однако «в последнее время и к ней относятся подозрительно». Главная причина этого — «непредрешенческая» позиция ее командования. «Никто от Вас, — обращался Келлер к Алексееву, — не слышал столь желательного, ясного и определенного объявления, куда и к какой цели Вы идете сами и куда ведете Добровольческую армию. Немцы это, очевидно,

поняли, и я сильно опасаюсь, что они этим воспользуются в свою пользу, то есть для разъединения офицерства».

Вполне правомерными, хотя и несколько преувеличенными, представлялись опасения графа: «Для того, чтобы отвлечь от Вас офицеров, из которых лучший элемент — монархисты, немцы не остановятся перед тем, чтобы здесь, в Малороссии или Крыму, формировать армию с чисто монархическим, определенным лозунгом. Если немцы объявят, что цель формирования — возведение законного Государя на престол и объединение России под Его державою и дадут твердые гарантии, то для такой цели, как бы противно ни было идти с ними рука об руку, пойдет почти все лучшее офицерство кадрового состава». «В Ваших руках, Михаил Васильевич, — обращался Келлер к Алексееву, — средство предупредить еще немцев (чистым намерениям коих я не верю), но для этого Вы должны честно и открыто, не мешкая, объявить — кто Вы, куда и к какой цели Вы стремитесь и ведете Добровольческую армию. Объединение России — великое дело, но такой лозунг слишком неопределенный, и каждый даже Ваш доброволец чувствует в нем что-то недосказанное, так как каждый человек понимает, что собрать и объединить рассыпавшихся можно только к одному определенному месту или лицу. Вы же об этом лице, которым может быть только прирожденный, законный Государь, умалчиваете. Объявите, что Вы идете за законного Государя, а если Его действительно уже нет на свете, то за законного же Наследника Его, и за Вами пойдет без колебаний все лучшее, что осталось в России, и весь народ, истосковавшейся по твердой власти»[{132}].

С таким убеждением и определенным настроем Келлер выехал в Екатеринодар. Он провел в городе два дня, во время которых вел переговоры с Алексеевым и Деникиным и, очевидно, убедился в том, что в условиях разворачивающихся военных действий и сложности политической обстановки провозглашение монархического лозунга не является принципиально важным. Келлер получил определенную поддержку со стороны руководства Добрармии. Полковник Б.Л. Штейфон, проживавший в 1918 г. в Харькове, вспоминал, что «граф настойчиво стремился стать в ряды Добровольческой армии, но, конечно, не в смысле формального, бумажного зачисления, а как действенный и притом строевой участник. Однако, что было легко выполнимо для любого офицера, то оказывалось непреодолимым для генерала от кавалерии Келлера, одного из выдающихся кавалерийских начальников Великой войны. Нельзя же было графа Келлера поставить рядовым под команду корнета-первопоходника или дать ему должность командира эскадрона!»

Келлер был слишком «харизматической» фигурой даже для того, чтобы занять, например, должность инспектора добровольческой конницы, насчитывавшей летом 1918 г. едва ли больше полка мирного времени. Его бывший подчиненный П.Н. Врангель был готов командовать эскадроном, но был моложе и имел до ноября 1918 г. чин генерал-майора, а не генерала от кавалерии. Точных сведений о результатах переговоров Келлера с Алексеевым и Деникиным не сохранилось. Можно предположить, что вместо предоставления Келлеру какой-либо «строевой должности» в уже действующих структурах Добрармии Алексеев склонялся к решению о поддержке графа в том случае, если он начнет создавать на Юге России новый, самостоятельный центр, независимый от немцев и готовый к сотрудничеству с Добровольческой армией.

Не случайно после встречи в Екатеринодаре, проезжая через Новочеркасск, Келлер встречался с генералом Ивановым, атаманом Красновым и генерал-лейтенантом А.А. Павловым, будущим командиром Астраханской армии. По воспоминаниям Штейфона, на встрече обсуждался довольно интересный военно-стратегический проект развертывания создаваемых армий. Келлер рассказывал о «плане объединения борьбы против большевиков, ведущейся Добрармией, Доном и Скоропадским». По мнению Келлера, «три плацдарма, каждый в отдельности слабый, объединившись, дадут могучую силу. Гетман, правда, не имеет своей армии и вряд ли будет ее иметь. Не позволят немцы! Но он обладает богатыми средствами». О переговорах, проходивших в казачьей столице, подтверждает дневник генерала Павлова. Он пишет, что, возвращаясь из Добровольческой армии, Келлер участвовал в совещаниях в Новочеркасске, итогом которых стало «подписание соглашения о будущих формированиях и действиях» между Келлером, Павловым и Ивановым. Предполагалось, что Келлер и Павлов будут осуществлять формирование корпусов на Дону и в Астраханской губернии, Иванов сделает своей «базой» Воронежскую губернию, а на Украине будет действовать генерал от инфантерии Н.Н. Юденич, которого предполагалось пригласить из Финляндии».

Задуманное на осень 1918 г. комбинированное наступление всех белых армий Юга России не состоялось, хотя его перспективы казались неплохими не только с точки зрения расширения «освобождаемой территории», но главное — в связи с возможностью соединения Южного и Восточного фронтов, на что, в частности, ориентировался в своих военно-политических расчетах Алексеев. Примечательно и то, что уже после кончины Михаила Васильевича, в ноябре 1918 г., Келлер спрашивал

согласия Деникина о назначении его на должность командующего формировавшейся на Украине Северной армии, предназначавшейся для будущего «похода на Петроград»[133].

Осенью 1918 г. на белом Юге весьма предпочтительной для осуществления командования всеми антибольшевистскими силами представлялась кандидатура Великого князя Николая Николаевича. Бывший Главковерх Российской Императорской армии проживал в Крыму, в Дюльбере, вместе со Вдовствующей Императрицей Марией Феодоровной под охраной особой офицерской роты из состава Добрармии.

По мнению ряда политиков и военных, популярный в войсках и авторитетный среди немалой части населения Великий князь во главе белых армий мог привлечь под их знамена не только многих колеблющихся офицеров, но и простых солдат. «Возглавление» армий представителем Дома Романовых представлялось многим также косвенным признанием долгожданного монархического лозунга. Великий князь отказывался сотрудничать с немцами, и это делало его имя популярным среди сторонников «союзнической ориентации».

Для прояснения политических позиций и информирования Великого князя о положении на Юге России Алексеев написал ему письмо. Текст написан карандашом, но в левом верхнем углу сохранившегося документа пером подписана дата — 15 сентября 1918 г. Почерк письма несколько размашистый, небрежный, не похожий на типичный для Михаила Васильевича аккуратный, «штабной» почерк. Учитывая, что 15 сентября у Алексеева уже начались приступы роковой для него болезни, можно предположить, что это письмо он писал лежа или диктовал его кому-либо из своего окружения. В любом случае, можно расценивать этот документ как своеобразное «политическое завещание» генерала.

В письме он писал, что «вполне присоединяется» к идее восстановления в России монархического строя, и сообщал, что Добровольческая армия является «учреждением русско-государственным, существующим на русские деньги», а «помощь, полученная нами от союзников, настолько пока ничтожна, что не может изменить этого основного положения». Но зависимость в снабжении и пополнении от казачьих областей влияла, по мнению Алексеева, на определенность программы Добрармии: «Мы не можем проявлять торопливость в заявлении политических лозунгов, ибо это послужило бы во вред делу». Алексеев считал, что «местное население далеко не готово к воспринятою монархии, болезненный микроб федерации еще бродит среди населения», поэтому «с бесконечной осторожностью и умением

нужно подходить к постановке каждого нового вопроса».

Особое беспокойство генерала по-прежнему вызывала политика немецкого командования. В создании «неказачьих» армий на Дону он подозревал намерение немцев расколоть с таким трудом создающийся единый антибольшевистский фронт, противопоставить армии друг другу, а лозунг восстановления монархии, в сложившихся условиях, используется во вред единству России: «…в Киеве ведется злостная агитация против Добровольческой армии… лихорадочно приступается к формированию особых, так называемых монархических армий, на немецкие деньги и по немецкой программе… Немцы увлеченно хватились за создание так называемой Южной Добровольческой армии, руководимой нашими аристократическими головами, и так называемой Народной армии в Воронежской губернии, где во главе формирований поставлен полковник Манакин — эсер. На эти формирования не будут жалеть ни денег, ни материальных средств».

Алексеев особо отмечал предполагаемое участие графа Келлера в руководстве новыми соединениями: «Во главе Южной армии, а быть может и всех формирований, предположено поставить графа Келлера. При всех высоких качествах этого генерала у него не хватает выдержки, спокойствия и правильной оценки общей обстановки. В конце августа он был в Екатеринодаре. Двухдневная беседа со мной и генералом Деникиным привела, по-видимому, графа Келлера к некоторым выводам и заключениям, что вопрос не так прост и не допускает скоропалительных решений».

«Немецкие деньги» при финансировании новых армий крайне опасны, поскольку «берутся взаимообразно» и «составляют долг государства». «Будет ли это государственный долг, будет ли это субсидия со стороны Германии, наши деятели немецкой ориентации фактически закабаляют Россию на несколько поколений немцам». «Но еще более тревожит, — писал Алексеев Великому князю, — постановка военных и военно-политических задач новыми формированиями. Да, они должны будут вести борьбу якобы с большевиками, но наносить удары и по чехословакам, а, следовательно, и нашей Добровольческой армии, когда она выйдет на Волгу. Какое торжество немецкой политики, когда она незаметно настроит нас друг на друга, тогда как немцы в тиши будут помогать большевикам».

В заключение вышеизложенного Алексеев предупреждал Великого князя об опасности принятия поспешных политических и военных решений. «Деятели Киева и Южной армии мечтают просить Ваше Императорское Высочество стать во главе этих

новых формирований. Я должен Вам с полной откровенностью осветить обстановку братоубийственной войны, в которой Вы не можете принять участие». «Мы должны, — заканчивал генерал письмо к своему бывшему начальнику в Ставке, — для предстоящей борьбы сплотить все разрозненные элементы, а не создавать искусственных преград к возрождению России»{134}.

Очевидно, под влиянием этого письма Великий князь в интервью газете «Вечернее время» заявил о возможности своего участия в войне лишь «при создании Русской армии, которой служил всю жизнь». Характерны его замечания в отношении монархического лозунга: «Единоличная власть вполне допустима, как переходная ступень к новому парламентскому строю, но полная реставрация, то есть восстановление самодержавия, послужила бы источником новых потрясений. Нельзя поворачивать колесо истории. Россия уже пережила период абсолютизма и к нему не вернется». В ответе Алексееву Великий князь заметил, что «на предложение встать во главе войск он может ответить утвердительно лишь в том случае, если это предложение будет отвечать желаниям широкого национального объединения, а не какой-либо отдельной партии». «Если меня призовет Добровольческая армия, — говорил он приехавшему в середине сентября в Крым посланцу генерала Алексеева князю Г. Трубецкому, — но против меня будет Сибирская армия, то на братоубийственную борьбу из-за своей личности я не пойду». Трубецкой, описывая свои переговоры с Великим князем, отмечал: «Великий князь… подтвердил мне то, что конфиденциально я знал уже от генерала Лукомского, а именно, что генерал Алексеев доверительно довел до его сведения, что Добровольческая армия мечтает, чтобы в известную минуту он стал во главе ее, и запрашивал его принципиального согласия, с тем чтобы оповестить его, когда такая минута настанет. Поручение дано было князю Петру Михайловичу Волконскому. Великий князь, решивший лично не принимать никого, кто являлся бы к нему с каким-либо политическим предложением, не сделал исключения и в данном случае, но через других лиц дал знать Волконскому, что принципиально он на это согласен, но ввиду особых условий, при коих в свое время состоялась его отставка (с поста Верховного Главнокомандующего в марте 1917 г. — *В.Ц.),* он считает нужным, чтобы призвание его к власти состоялось не иначе, как по соглашению Добровольческой армии с достаточно вескими общественными деятелями, и не носило какого-либо партийного характера…»

Отказавшись от своего права на престол в марте 1917 г., Великий князь был верен принципу принятия власти только

сообразуясь с волей Учредительного собрания или другого всероссийского представительного учредительно-санкционирующего органа. Политико-партийные разногласия, которые могли бы возникнуть во время принятия им командования (подобно тому, как это было уже в марте 1917 г.), он отвергал. Этот же свой тезис о «воле народа» в восстановлении монархического строя Николай Николаевич неоднократно высказывал и находясь в эмиграции{135}.

5. Диктатура или политические коалиции. Разведка, Центры Добровольческой армии, Особое совещание

Понимая, что в военно-политическом противостоянии с советской властью необходимо опираться не только на военные круги, но и на политические структуры, Алексеев и в 1918 г. стремился сохранить контакты с группами и объединениями, сотрудничество с которыми началось еще летом—осенью 1917 г. Прежде всего это относилось к политикам, членам Совета общественных деятелей, структуры которого поддерживали Алексеева. Контакты с политиками и военными, оставшимися на территории Советской России, интересовали генерала с разных сторон. Интересовала информация о состоянии советского тыла, о настроениях среди населения. Немаловажными, по-прежнему, считались возможности финансирования Добрармии, хотя особых надежд на денежные передачи из Москвы и Петрограда, в отличие от периода конца 1917 г., генерал уже не испытывал. Следовало не только обеспечить отправку из Центра России на Юг офицеров, юнкеров и кадет, а также всех, кто готов был к «борьбе с большевизмом», но, по возможности, организовать местные подпольные центры.

В июле 1918 г. в Ярославле, Рыбинске, Муроме произошли восстания, организованные «Союзом защиты Родины и свободы». Глава «Союза» Савинков постоянно подчеркивал, что он, как член Донского гражданского совета, обязан подчиняться только генералу Алексееву. Личные контакты с Добрармией Савинков поддерживал через полковника Лебедева, передавшего бывшему «террористу» часть контактов с офицерским подпольем. Полковник Перхуров в своем первом обращении к населению Ярославля заявил о своем «командовании вооруженными силами» и «управлении гражданской частью в Ярославском районе», исходящем из «полномочий, данных мне главнокомандующим Северной Добровольческой армией, находящейся под верховным командованием генерала Алексеева».

Помимо «полномочий» Алексеев передал Союзу в январе 1918 г. 5 тысяч рублей — довольно большую сумму из тогдашней скудной казны Добровольческой армии. Первоначально считалось необходимым (на это были прямые указания генерала) «начать выступление — в связи с высадкой Союзников — на Мурмане, а также в Ярославле, Рыбинске, Казани»[{136}].

Достаточно эффективно, в плане координации действий

между Киевом, Москвой и Екатеринодаром, действовала группа Шульгина «Азбука» (названная так по литерам — обозначениям секретных агентов Шульгина). Формирование разведывательно-осведомительной сети началось с весны 1918 г., после того как от генерала Алексеева было получено указание о желательности образования в Киеве центра содействия Добрармии.

Авторитет «Азбуки» подтверждал разведотдел Добрармии, руководитель которого, полковник Ряснянскии, получал от Шульгина информацию о положении на Украине, о возможностях организации новых центров Добровольческой армии. В конце мая 1918 г. Ряснянскии выехал в Киев. Эта поездка стала своеобразным сочетанием работы но сбору информации разведывательного характера и распространением информации о положении самой Добрармии. В инструкции, данной ему генералом Алексеевым, предписывалось: «Войти в связь с политическими деятелями и партиями, стоящими на платформе Единой России, ознакомить их с положением и задачами Добровольческой армии и привлечь их к работе для армии… быть в постоянной связи с Милюковым… по части политической руководствоваться его указаниями в работе, а также с В.В. Шульгиным».

Кроме «Азбуки» командованию Добрармии удалось наладить взаимодействие с Киевским железнодорожным комитетом. По оценке генерала Алексеева, контакты с железнодорожниками были чрезвычайно важны при организации отправки на Кубань офицеров-добровольцев и оружия, а также в случае железнодорожной забастовки, проведение которой могло вызвать «расстройство и замедление в движении немцев к Волге», что было бы «весьма полезно для будущего развертывания Восточного фронта»{137}.

В Петрограде Алексеев считал необходимым поддерживать деятельность т.н. тайного разведывательного бюро, в котором работал будущий глава контрразведки Военного управления на белом Юге Орлов. Бюро состояло из 80 сотрудников, «проникших во все более или менее важные учреждения большевистской власти». Основной целью данной структуры был сбор «для генерала Алексеева и союзников секретных сведений, материалов и документов военного и политического характера». Как отмечал Орлов в отчетном докладе, «перед моими сотрудниками были раскрыты двери всех советских учреждений, и полная осведомленность во всех кругах у большевиков давала возможность заблаговременно раскрывать все планы и намерения… а также своевременно предупреждать нежелательные обыски, аресты и расстрелы».

В начале марта 1918 г. Орлов внедрил своих агентов в штаб Петроградского района, которым руководил генерал-лейтенант А.В. Шварц (будущий военный губернатор Одессы), тесно связанный с подпольем). По плану Шварца в Петрограде предполагалось развернуть новую армию на основе «восстановления старых гвардейских полков в местах их стоянок, из старых офицеров и известных им солдат». Под контролем Шварца в его штабе «открылась запись офицеров, вокруг командиров гвардейских полков стали группироваться гвардейские офицеры». Эти формирования были, по сути своей, звеньями единого антисоветского подполья, создаваемого при непосредственном участии Алексеева, и зародившимися в Петрограде еще во время пребывания там Михаила Васильевича осенью 1917 г. Факты получения директив из Ростова и передачи на Юг оперативной информации неоднократно подтверждались в отчетах.

Не менее важной представлялась Алексееву необходимость определения программных положений будущего Белого дела, чему могли помочь многие остававшиеся в Москве и Киеве профессиональные политики, влиятельные общественные деятели. Еще до начала 1-го Кубанского похода многие политики и военные получили от генерала указания вернуться из Ростова в Москву и начать там организацию подпольных антисоветских центров (Струве, Щетинин, Савинков, князь Г. Трубецкой, Федоров, полковники Лебедев, Перхуров). Генерал Алексеев был «бесспорным авторитетом», признанным всеми «московскими группировками» в начале 1918 г.

По оценке одного из участников московского подполья С.С. Котляревского, «не располагая реальными средствами политической деятельности и борьбы, Совет общественных деятелей обратил свою работу на выяснение отношения своего к различным областям государственной и социальной жизни и к разработке соответствующих записок и положений, на случай, если бы он, с падением советской власти, получил доступ к действительной политической деятельности». Входить в непосредственные контакты с представителями белой разведки деятели Совета не стремились.

Весьма характерную оценку дал им прибывший в Москву в начале января 1918 г. (по поручению генерала Алексеева) член Главного совета Союза земельных собственников Н.Ф. Иконников: «…в Совещании общественных деятелей, как и три месяца тому назад, оратор продолжал выступать за оратором, произнося праздные речи или сообщая непроверенные слухи». Что же касается Союза земельных собственников, то и «эта группа была

поглощена слушанием серии докладов, читаемых молодыми экономистами, и жила вне времени и пространства, как и общественные деятели»{138}.

Становилось очевидным, что в усиливающейся гражданской войне не удастся ограничиться одной лишь «теоретической» работой. На повестку дня ставилась задача создания новой подпольной структуры, которая могла бы сочетать разработку программных положений Белого дела с практической работой по контактам с военными, служившими в Красной армии, с советскими служащими, недовольными политикой большевиков. Уже в конце 1917 г. известные деятели кадетской партии, находившиеся в Москве (П.И. Новгородцев, Н.Н. Щепкин, А.А. Червен-Водали) поддерживали связь с генералом Алексеевым. По свидетельству Богданова, в декабре 1917 г. из Москвы в Новочеркасск были отправлены «информации о способах вербовки офицеров и солдат, порядок снабжения их средствами и фальшивыми документами для переезда в Новочеркасск и о порядке сношения с провинцией». Весной 1918 г. началось формирование Всероссийского национального центра, ставшего впоследствии ведущей общественно-политической организацией Белого движения.

Центр изначально ориентировался на сотрудничество именно с Добровольческой армией, московское антибольшевистское подполье систематически поддерживало контакты с белым Югом. Создание Центра отвечало, с одной стороны, стремлению генерала Алексеева к наведению постоянных контактов с авторитетными в недавнем прошлом общественно-политическими деятелями, поддерживающими зарождавшееся Белое дело. *С* другой стороны, этим «политическим деятелям» была необходима опора на антибольшевистский военный центр.

На имя генерала Алексеева и в Политическую канцелярию Добрармии регулярно отправлялась информация, с ведома Алексеева проводилось зачисление в состав Центра. Московский отдел Центра заявил о необходимости создания верховной власти на принципах единоличной диктатуры и сообщил о желательности «передачи Верховной власти и военного руководства генералу Алексееву как лицу, наиболее авторитетному во всех слоях населения».

Московские «представители Держав Согласия» также подтвердили, что «кандидатура генерала Алексеева является для них наиболее желательной». Предполагалось, что Центр сначала «передаст Алексееву Верховное Командование вооруженными силами, а затем, как это только будет технически возможно, облечет его при торжественной обстановке диктаторскими

полномочиями». Но впоследствии, к концу лета 1918 г., в московском подполье утвердилось мнение о «коллегиальном характере» будущей всероссийской власти. Причиной отказа от «незамедлительного введения диктатуры» стала необходимость создания коалиции между различными группами противников власти большевиков. Между представителями Национального центра, Союза возрождения России (считавшегося «левоцентристской» организацией) и Правого центра была достигнута договоренность о создании Директории из трех человек. Предполагалось, что «тройка» директоров должна включать в свой состав «государственно мыслящих людей» из «одного военного», «одного из представителей демократии» и одного из «буржуазии и правых социалистов».

Введение «трехчленной Директории» оправдывалось «москвичами», в частности, ссылкой на политические настроения «демократической Сибири», а также казачьих областей, не признававших диктатуры. Считалось, что «в лице трех диктаторов получится аппарат не многоголовый, гибкий; три лица всегда могут столковаться и будут спаяны общностью интересов». Окончательный вариант «московской троектории» включал в себя генерала Алексеева, Милюкова и бывшего председателя Предпарламента, правого эсера Н.Д. Авксентьева. Кроме того, проект Директории исходил из обязательного объединения Южного и Восточного антибольшевистских фронтов. Единым Главнокомандующим будущих объединенных Российских вооруженных сил должен был стать Алексеев. Ему же предназначалась руководящая роль в Директории.

Члену Национального центра Н.И. Астрову поручалось «поехать в Добровольческую армию к генералу Алексееву и представить ему соображения московских центральных организаций… о необходимости перенесения действий Добрармии за Волгу — для соединения с образовавшимися там силами, которые начали борьбу с большевиками». Считалось «в высшей степени желательным и неотложным перенесение Ставки генерала Алексеева в такой район, откуда он мог бы руководить всеми подчиняющимися ему военными силами и находиться в связи с союзниками». С точки зрения последних, «район Дона и Кубани не имел первенствующего значения… ввиду опасения, что Армия может быть разоружена Германией… в стратегическом отношении гораздо важнее район, непосредственно примыкающий к территории, где будут базироваться союзнические Армии, т.е. Север, Урал и Поволжье». Алексееву должны были передаваться и,«все суммы», выделяемые иностранными представителями.

Очевидно, что для самого Алексеева подобный «дележ» власти в рамках «троектории» был совсем нежелателен. Об этом он позднее писал генералу Щербачеву, отмечая важность единоличной военной власти: «Если в виде переходного вида управления для нас необходима будет военная диктатура, то она должна вылиться в приемлемую и практическую форму диктатуры одного лица, а не комбинации из трех лиц». Генерала беспокоили также неизбежные интриги, связанные с «выбором вождя».

В одном из писем, сохранившихся в архиве Военно-политического отдела Добрармии, Михаил Васильевич предупреждал: «При современном положении дел, при наличности “центров”, “групп”, друг с другом несогласных… Москва, конечно, явится гнездом интриги и ареною борьбы двух ориентации. Преобладание будет переходить то к одной, то к другой группе, будет выдвигаться то та, то другая кандидатура (Алексеев, Гурко, Болдырев и т.д.). Выразив раз свое согласие, поставив свои условия, я не втянусь однако в ход интриги… я ничего не искал и не ищу лично для себя. Найден другой — достойнейший — ему и книги в руки, а я ухожу в частную жизнь (пора), или остаюсь при Добрармии, ставя целью развитие се до пределов, отвечающих общегосударственным задачам. Словом, готовый делать дело, я уклоняюсь от излюбленной интриги, борьбы “центров” и “групп”»{139}.

Достаточно интересный материал, характеризующий взгляд Алексеева на военно-политические перспективы столичного подполья и на свое «возглавление» формировавшегося Белого движения, содержит письмо, отправленное Михаилом Васильевичем 27 июня 1918 г. командированному в Москву генерал-майору Б.И. Казановичу По причине секретности переписки Алексеев зашифровывал в письме слова «командование», «Добровольческая армия», «добровольцы», словами «директорство», «предприятие», «рабочие и служащие». В случае если бы письмо попало в ВЧК, могло показаться, что речь идет о создании некоего коммерческого предприятия, найме рабочих и служащих, управлении им, его финансировании и снабжении. Но содержание, смысл письма был вполне понятен для автора и его адресата.

В отношении финансирования армии Алексеев сообщал, что им предприняты попытки установить контакты с союзными дипломатами, выехавшими после подписания Брестского мира из Петрограда в Вологду: «К двум иностранным фирмам, работающим в Вологде (вероятно, имелись в виду представители Франции и Англии. — *В.Ц.),* я послал своего представителя с

настойчивой просьбой дать нам на ближайшие месяцы (июль и август) 15 миллионов рублей. Мы переживаем денежный кризис, который может при отсутствии поддержки привести или к общей, или частичной ликвидации всего нашего предприятия, чего допустить нельзя, ибо предприятие привлекло теперь свыше 10 тысяч служащих, стало на прочную почву… Один месяц деятельности нашего предприятия, включая только общие расходы, обходится в 5 миллионов рублей».

На поддержку отечественных предпринимателей и финансистов рассчитывать, очевидно, не приходилось. Более того, их стремление к посредничеству при переговорах с союзниками, к политическому контролю, вызывало недовольство Алексеева. Казановичу указывалось на важность сохранения независимой позиции как представителя Добрармии: «Я вполне одобряю, что Вы ведете переговоры самостоятельно и не находите возможным отдать себя в руки “отечественных” посредников. Я предпочту бросить все предприятие, только бы снова не попасть в зависимость от посредников, требующих себе крупный куртаж, на который они не имеют права претендовать, ибо до сих пор для нашего предприятия они ничего не хотели сделать, ничего не сделали и убили веру в то, что и в будущем сумеют сделать что-либо».

Алексеев, сознавая зависимость Добрармии от казачьих областей, считал это временным явлением и надеялся на скорое изменение положения на фронте после перемены операционных направлений, перенесения военных действий с Кубани на Волгу: «Мы пока существуем при поддержке местного капитала, который скоро иссякнет. Да, этот местный капитал заставляет приспосабливать наше производство к местным вкусам и потребностям… состав наших служащих имеет сильно местную окраску, что связывает нас еще более и ставит предприятие в полную зависимость от настойчивых желаний и требований местных деятелей. Выйти из этой тяжкой зависимости… можно только немедленным субсидированием предприятия, что развязывает нам руки, ибо прилив рабочих с Украины и Великороссии обеспечен, лишь были бы средства. Тогда только мы сможем думать о завоевании новых и столь важных для нас рынков, сближающих нас с другими родственными нам предприятиями, долженствующими соединиться в одно крупное дело».

Примечательна также самооценка Михаила Васильевича в отношении возможного его переезда на Волгу для принятия руководства Восточным фронтом. Обязательным условием генерал считал свою абсолютную независимость от каких-либо

политических советников. В этом проявилась сложившаяся убежденность Алексеева, что для успеха «борьбы с большевизмом» нужна теперь сильная единоличная власть, а принимавшаяся в 1917 г. идея «коллегиальности» власти отошла в прошлое. «Что касается лично меня, — отмечал генерал, — то я успел несколько оправиться, восстановить силы и готов взять директорство в более широком и ответственном предприятии, но при условии, что мне будет обеспечена свобода распоряжений, что в моем служебном кабинете не будет непосредственно посажен контролер, что меня не заставят переживать то, что я считал ранее гибельным для дела — разделение власти из-за недоверия или из-за желания использовать всех популярных директоров одновременно в одном и том же деле. Только при надлежащей самостоятельности я пойду на новое место, иначе не стоит браться».

Отъезд на Волгу предполагался Алексеевым так: «…тотчас, как мне удастся прочно обеспечить настоящее предприятие финансами. Без меня это дело может пошатнуться, и наладить его будет уже трудно. По достижении этой цели я немедленно могу определиться туда, где потребуется мое личное участие и приступлю к делу, не теряя времени».

Об определенности намерений Алексеева выехать с Кубани на Волгу писал также и генерал Борисов, находившийся летом 1918 г. в Москве. Он вспоминал, что в своем письме к нему Михаил Алексеевич советовал: «На Дону ничего не выйдет. Выбирайтесь из Москвы на Волгу, к Колчаку».

Алексеев направил в Самару полковника М.Н. Моллера. Главнокомандующий Народной армией Комуча генерал С. Чечек и его начальник штаба полковник С. А. Щепихин ответили генералу Алексееву о готовности признать командование Добрармии, исходя не только из военной, но и, «в большей степени, политической конъюнктуры». Глава Военного ведомства Комуча полковник Н.А. Галкин, опасавшийся вначале, что «Добровольческая армия внесет нам раскол», в конце августа также признавал необходимость приезда Алексеева, даже «ранее, чем придет Добровольческая армия, дабы впредь уничтожить всю резкую разницу армий… Комитет Учредительного собрания решил пойти на все уступки, кроме земельного вопроса… они сами поняли, что нужно вести твердую политику». Планы эти тем не менее не осуществились.

Суммируя впечатления от докладов Казановича (два письма, были отправлены им из Москвы 17 и 20 июня), Алексеев в письме Деникину от 26 июня 1918 г. сетовал, что московские политики стремятся лишь к получению средств от союзников и с очень

большим трудом идут на создание работоспособных антибольшевистских коалиций и тем более не могут заниматься разведработой. Тем не менее генерал по-прежнему достаточно высоко оценивал интеллектуальный потенциал московских политиков{140}.

В одном из писем (6 июля 1918 г.), подписанном ведущими членами ВНЦ — М.М. Федоровым, Н.И. Астровым, П.Б. Струве, Д.Н. Шиповым, А.С. Белевским (Белорусовым), Н.К. Волковым, В.А. Степановым, А.В. Карташевым, Н.Н. Щепкиным, А.А. Червен-Водали, — содержалась развернутая информация об основных положениях будущей программы объединения. Отмечались скорая победа Антанты нал Германией и причины раскола Правого центра, часть членов которого образовала Национальный центр: «Мы полагаем, что Русская Государственная власть, чтобы быть Русской Национальной властью, должна возникнуть без содействия и разрешения только что повергших Россию врагов… Мы полагаем, что никогда интересы России не совпадут с интересами Германии. И как бы безнадежно и позорно ни было иго большевизма, искать спасения у Германии безумно и бесполезно».

В отношении союзников России господствовал характерный для 1918 г. оптимизм: «Они (страны Антанты. — *В. Ц.)* не могут в своих интересах допустить усиления Германии за счет России». «Мы не должны среди войны, пока еще не кончена мировая война, забывать, кто мы, кто наши враги и кто наши друзья».

Принципиально важным для понимания формирования идеологии Белого дела было следующее обращение московских лидеров Центра к Алексееву: «Когда мы говорим об образовании власти в России, мы не ставим себе форму (правления. — *В.Ц.)* раньше содержания. Мы думаем, что историческая Россия должна для своего восстановления и воссоединения иметь монарха. Но из этого мы не строим для себя кумира. Мы полагаем, что для переходного времени нужна сильная власть диктатора, но чтобы эта диктатура была приемлема для беспокойно подозрительно настроенных масс, мы готовы принять предлагаемую Союзом Возрождения форму Директории с военным авторитетным лицом во главе. Для нас Вы, Михаил Васильевич, представляетесь и в этом качестве. Эта Директория должна очистить территорию, установить порядок, подготовить население и дать ему новое основание для выборов в Народное Собрание, которое и должно установить окончательную форму правления. Великий князь Михаил Александрович в надежных руках и в надежном месте. Он исполнит свой долг, когда наступит время (в действительности к этому моменту Великий князь был уже убит. — Б.Ц.)».

Таким образом, ведущие политики Белого движения продолжали верить в перспективу восстановления в России монархии (через стадию «диктатуры») с правом на престол Михаила Александровича Романова. Но пока ожидаемого провозглашения генерала Алексеева всероссийским военным вождем не произошло, московские политики запрашивали согласия на то, чтобы генерал стал председателем Всероссийского национального центра (Михаил Васильевич дал свое согласие и стал Почетным председателем Центра). Примечательно и упоминание о важности сотрудничества с Союзом возрождения России: «Политическая группа, именующаяся “Союз Возрождения”… уже направила генерала Болдырева в Саратов, Челябинск, чтобы связать действия разрозненных частей и положить начало единому военному центру за Волгой. Мы тоже посылаем наших людей на Волгу с той же целью».

В следующем письме (22 июля 1918 г.), отправленном к Алексееву вместе с выехавшим из Москвы членом правления Центра В.А. Степановым, подтверждалось желание видеть генерала во главе всех вооруженных антибольшевистских сил России — в качестве «носителя верховной власти, до создания окончательных форм, в которых определится государственная жизнь России». Тем самым Алексеев «возводился» уже на роль Верховного Правителя, в тот статус, который позже (18 ноября 1918 г.) принял адмирал А.В. Колчак{141}.

Для успеха предполагаемых наступательных операций Алексеев считал крайне важной подготовку не только политических, но и сугубо военных центров, расположенных на территориях, оккупированных немецкими войсками, и в Советской России. Еще в начале 1918 г. генерал предполагал, что подобные структуры можно создавать в каждом губернском городе. Летом 1918 г. стала формироваться система «Центров Добровольческой армии». Общая координация деятельности Центров была возложена на Военно-политический отдел. Была разработана «Краткая инструкция по организации на местах Центров Добровольческой армии», согласно которой назначаемые лично генералом Алексеевым начальники Центров должны были «войти в самую тесную связь со всеми сочувствующими офицерскими и, вообще, военными организациями», «производить набор и отправку добровольцев, офицеров и солдат в армию, следить, чтобы означенные добровольцы не задерживались с отправлением». Дважды в месяц (1-го и 15-го числа) начальник Центра должен был отправлять донесения в Военно-политический отдел Добрармии.

Центры действовали во всех крупных украинских городах (Киеве, Харькове, Одессе, Севастополе) и Тифлисе. Данные города представляли собой пункты дислокации воинских частей, в них размещались военно-учебные заведения, средние и высшие учебные заведения, а также крупные финансовые и торгово-промышленные компании. Здесь можно было получить необходимую материальную и людскую поддержку. Основные задачи Центров сводились к содействию в комплектовании Добровольческой армии (отправка в армию людей и оружия), передаче сведений разведывательного характера, а также к подготовке собственных вооруженных («партизанских») групп. Но в дальнейшем, после соединения с белыми фронтами, Центры должны были выполнять функции формирования гражданской власти в тылу (разумеется, административной, а не представительной). Также на их основе предполагалось создавать и новые воинские части для белых армий.

Работа Центров различалась в зависимости от местных условий, а также от уровня политической, военной подготовки руководителей, степени их влияния. Была установлена определенная иерархия Центров. Территориальная специфика при организации Центров носила уже не региональный, а всероссийский характер. Выделялась категория Центров 1-го разряда («главных»), к которым относились Киевский (во главе с генерал-лейтенантом П.Н. Ломновским), Одесский (им руководил вице-адмирал Д.В. Ненюков), Харьковский (во главе с полковником Б.Л. Штейфоном). Весьма показательны указания, даваемые Центрам применительно к отношениям с немецкими войсками. Помимо того, что работавшие на Украине Центры обязывались заниматься разведкой и контрразведкой, «по указанию генерала Алексеева или в случае военных действий немцев против Добровольческой армии или Волжского фронта» они должны были приступить к партизанским действиям, диверсиям против «немецких оккупантов»{142}.

В ходе развертывания Центров на Юге России у Алексеева возникли небольшие разногласия с Деникиным. Михаил Васильевич по-прежнему весьма щепетильно относился к разделению полномочий внутри руководящих структур армии, тем более, если речь шла о сборе и обработке разведывательной информации, получаемой с мест. Алексеев считал, что эта часть работы Центров должна сосредотачиваться только у Военно-политического отдела. Но в то же время, согласно уставным положениям, принятым в Российской армии, разведкой и контрразведкой должна была заниматься генерал-квартирмейстерская часть штаба Добрармии.

Так же негативно относился генерал к любым попыткам финансирования расходов местных организаций и Центров. Как известно, Алексеева отличала тщательная экономия весьма ограниченных средств армейского бюджета. И даже летом 1918 г., когда приток средств несколько вырос, генерал считал недопустимой любую «децентрализацию» финансов. «Я получаю сведения, — писал он Деникину, — что штабами армии производятся субсидирования Центров без согласования с моими предположениями и условиями. Полагаю, что в этом вопросе торговля на две лавочки идет во вред делу, ведет к тому, что исполнители не знают, в чьих же действительно руках находится организация всего вопроса, и изыскивают способы из двух мест получить средства, которые при иных обстоятельствах они изыскать могли бы на месте».

Завершалось письмо показательной просьбой: «Не претендую ни на что, но прошу ясности, определенности и откровенности в этом болезненном вопросе, которому вашими штабами придавался всегда для меня обидный оттенок, хотя мои распоряжения и вносили известную стройность и систему в это дело».

На Кубани Михаил Васильевич снова считал необходимым вернуться к тем нормам и принципам штабной работы, которые отличали его еще в период службы в Ставке, хотя сделать это в «военно-походных» условиях начала Гражданской войны было гораздо труднее, чем в прежние годы в Могилеве.

Алексеев стремился к стабильности и налаженности в работе, даже во внешнем облике своего, хотя и небольшого, штаба. Из Новочеркасска Михаил Васильевич в конце июня переехал в станицу Тихорецкую, где в здании станичного правления размещался штаб Добрармии. Здесь его в последний раз посетил генерал Богаевский. 26 июня, около 7 часов утра, он пришел к Алексееву. «Было тихое, прекрасное утро; пройдя через две комнаты, где сладким сном спало несколько молодых офицеров, я нашел его — бодрого и живого — за чаем, которым он радушно стал угощать меня, стараясь не говорить громко, чтобы не разбудить спящих. Покончив с служебными вопросами, ради которых я приехал, мы перешли к политике и недавнему прошлому, такому бурному и печальному… Много интересного, исторически важного, пришлось мне услышать в этот памятный день! Какая огромная потеря для истории, если не сохранилось записок и заметок М.В.! Он говорил, что собирается после Гражданской войны привести их в порядок… Пошли в сад. По пути, на повороте аллеи, увидели нежную парочку — одного из офицеров свиты М.В. и хорошенькую барышню, вероятно дочь

хозяйки. Не замечая нас, молодежь весело флиртовала и очень сконфузилась, когда мы подошли к молодым людям. М.В., добродушно улыбаясь, поздоровался с ними и, весело сказав им: “продолжайте”, стал рассказывать мне о последних днях Царской Ставки.

И мне невольно вспомнились мои юнкерские годы… В обращении к девушке и словах М.В. чувствовалась все та же любовь к молодежи, то же сердечное отношение к ней, как и много лет тому назад…»

А 5 августа 1918 г. Михаил Васильевич прибыл в только что занятый Добровольческой армией Екатеринодар. Здесь генерал участвовал в торжественном молебне на Соборной площади, в последний раз верхом принимая парад добровольцев и казаков. В кубанской столице его штаб разместился на Екатерининской улице, в особняке директора местного пивоваренного завода чеха Ирзы. Военно-Политический отдел занимал отдельный дом на Графской улице.

По воспоминаниям дочери, «над парадным входом в дом взвивался прикрепленный к пике маленький Георгиевский флюгер (уставной значок Главнокомандующего. — *В.Ц.)* с русским национальным флагом наверху в углу (в крыже. — *В.Ц.).* У крыльца стояли парные часовые. Хозяева-чехи, обе дочери которых были замужем за казачьими офицерами, гостеприимно приняли генерала Алексеева и его штаб. В длинной широкой приемной, перед дверью в кабинет генерала, стоял столик дежурного офицера, направо была гостиная, которой отец пользовался очень редко, в каких-нибудь особенно официальных случаях. Вдоль той же правой стены стоял большой диван, на котором сидели все, ожидавшие приема у генерала… Здесь я познакомилась с Сазоновым (бывший министр иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов возглавил внешнеполитическое ведомство на белом Юге России, а позднее — в составе Российского правительства Колчака. — *В.Ц.)* и Кривошеиным (А.В. Кривошеий — ближайший помощник П.Л. Столыпина, глава Управления земледелия и землеустройства в Совете министров Российской империи. — *В.Ц.),* встретилась вновь с приехавшим из Киева генералом Абрамом Михайловичем Драгомировым и с генералом Лукомским… Дальше шла спальня отца, а за ней — комната, в которой помещалась канцелярия. Прямо была комната адъютанта и влево, в конце передней, — коридор, который вел в столовую. В обширном дворе завода помещался конвой генерала».

В Екатеринодар из Новочеркасска и Тихорецкой окончательно переехала вся его семья. Супруга и дочери по-прежнему занимались благотворительностью, продолжали

работать в Обществе «Белого Креста». Сам Алексеев много внимания уделял положению раненых в госпиталях, рассчитывая на помощь со стороны уцелевших структур Всероссийского земского союза, и, в будущем, от Красного Креста.

Прием «но делам службы» у генерала проходил «ежедневно, кроме праздников, от 10 до 12 часов», но собственный рабочий день генерала начинался очень рано. Лисовой описывал «расписание его рабочего дня» так: «Ежедневно генерал вставал в 5 часов утра и уже в 6 часов сидел за работой; с 8 часов начинались служебные доклады, а с 9 до 12 — прием просителей и представляющихся; небольшой обеденный перерыв и вновь работа до 10—11 часов вечера. Итого — 18 часов почти непрерывной работы». Михаил Васильевич старался (как обычно) вести большую часть дел самостоятельно, не будучи уверенным, что его подчиненные смогут своевременно и правильно решать многочисленные армейские проблемы. На этой почве, очевидно, и возникали небольшие трения Алексеева с Деникиным. Правда, со стороны могло снова показаться, что внутри руководства армии возникают конфликты, подобные тем, которые были между Алексеевым и Корниловым, в начале формирования армии. Армейские интриганы не без удовольствия следили за любыми спорами и разногласиями, распространяли слухи. С сожалением заметил это и посетивший Ставку в августе генерал Келлер. В беседе с полковником Штейфоном он заметил, что отношения между Алексеевым и Деникиным, как ему кажется, «натянутые», между Донской и Добровольческой армиями — «ненормальные», «в организационных вопросах преобладает импровизация», «штаб армии работает в атмосфере политических интриг», «нет ярких лозунгов… неопределенность, недоговоренность»{143}.

К концу лета 1918 г. идея создания гражданского управления, подчиненного военной власти и вместе с тем имеющего относительную самостоятельность в разработке и принятии политических, экономических и социальных решений, воплотилась в создании Особого совещания. 18 августа 1918 г. (ровно через три года после принятия должности Начальника штаба Верховного Главнокомандующего) формально утвердился статус самого Алексеева. Он стал Председателем Особого совещания и Верховным руководителем Добровольческой армии (последняя должность, созданная, по существу, исключительно для него одного). Были напечатаны соответствующие бланки, сделана печать. Приказ № 1 Верховного руководителя вводил также должность «Помощника Верховного Руководителя», которая была доверена генералу от кавалерии А.М. Драгомирову. Последний фактически начал вести работу Особого совещания,

«ввиду болезненного состояния» самого Алексеева. К этому времени Добровольческая армия уже имела «государственную территорию» (в виде отвоеванных у большевиков Ставропольской и Черноморской губерний) и достаточно определенный политический статус.

Потребность в решении многочисленных проблем гражданского управления ставила на повестку дня более четкое разделение военной и гражданской власти. Алексеев, по словам Деникина, «сошел уже со своей категорической точки зрения на диктатуру, как на единственно приемлемую».

В осуществлении «последнего дела своей жизни», в 1917—1918 гг., Михаил Васильевич настойчиво строил своего рода «скелет» армии и власти — «каркас», который в обозримом будущем должен был бы «обрасти» плотью и кровью, стать зданием новой, Белой России. Причем армия и власть здесь не разделялись, а создавались одновременно. В этом заключалась специфика белого Юга России, по сравнению с другими регионами российского Белого движения. Здесь военный элемент доминировал изначально и, поскольку Алексеев ориентировался на уже знакомые и близкие ему формы военного управления (еще со времени начала Второй Отечественной войны), то им была создана основа оперативного аппарата, ориентированного па работу опытных, профессиональных военных и не менее опытных, компетентных политиков. При этом однозначно «правая» или «левая» их ориентация не имела первенствующего значения, «последнее слово» в принятии политических решений оставалось за военными. Элементы этой военно-политической модели формировались еще в Ростове и Новочеркасске на рубеже 1917—1918 гг. (Гражданский совет, «триумвират» и др.), а летом 1918 г. получили развитие в Екатеринодаре. Но признаки этой модели были обозначены еще в 1916 г., во время инициируемых Алексеевым попыток введения должности Верховного министра государственной обороны. Государь Император не решился поддержать проект Алексеева, а в 1917 г., во время «взлета» свободы и демократии, об усилении диктаторских элементов в управлении и речи быть не могло. Теперь же Алексееву никто не мог «помешать» в осуществлении подобной модели. Более того, среди военных и многих политиков она находила понимание и поддержку. Проблема, казалось бы, заключалась только в личностях, в подборе тех самых «компетентных и опытных» кадров, а также в необходимости преодолеть нередкие при подобном порядке управления взаимные упреки, подозрения в честолюбии и интригах.

Благодаря самоотверженной работе Алексеева модель власти

хорошо себя проявляла во время первых походов. И после них, в 1919 г., аппарат управления продолжал работать. Но с расширением территории белого Юга, с ростом надежд на осуществление «всероссийской власти», с неизбежным усложнением работы как центрального, так и местных звеньев все острее чувствовалась нехватка тех самых профессиональных кадров, бюрократов, в хорошем смысле слова, честных, опытных, авторитетных. Как в свое время в Ставке бытовала шутка о том, что для эффективной работы «нам не хватает трех Михаил Васильевичей», так и во время Гражданской войны ощущался недостаток нужных кадров для белой власти.

Проблема заключалась еще и в том, что созданный Алексеевым «каркас» изначально не включал в себя в качестве обязательных элементов представительные структуры, местное самоуправление. Однако за период после февраля 1917 г. эти структуры в значительной степени усилили свое влияние, их уже нельзя было игнорировать. В административной модели белого Юга был недостаточен и контакт с населением. Отчасти поэтому в конце 1919 г., в условиях неудачи «похода на Москву», все чаще, все сильнее стали звучать голоса тех, кто выступал за отказ от «дискредитировавшей» себя идеи «военной диктатуры». Это привело в скором будущем к смене политического курса на белом Юге, к формированию коалиционной на основе соглашения с казачеством Южнорусской власти, а затем — к провозглашению «нового курса» Правительством Юга России во главе с генералом П.Н. Врангелем и А.В. Кривошеиным; основой политической модели, создаваемой этим правительством, стало земство. Земская и земельная реформы, проводимые «сверху» при поддержке «снизу», считались наиболее перспективными для новой социальной опоры Белого движения — крестьян-собственников.

Но пока на белом Юге преобладала вера в скорое и неизбежное военное «сокрушение большевизма», а «демократизация» периода Временного правительства не вызывала никаких симпатий, о какой-либо иной модели власти предпочитали не говорить. Нужна была оперативная, налаженная «по-военному» работа фронта и тыла и сложившаяся трудами Алексеева и Корнилова система управления, освященная их незыблемым авторитетом «основателей Белого дела», признанная оптимальной.

Поэтому, следуя вышеперечисленным военно-политическим приоритетам, обозначенным Алексеевым, Особое совещание, хотя и напоминало внешне правительство, но создавалось отнюдь не как структура, обладавшая самостоятельностью в области

исполнительной власти, а как совещательный орган. В какой-то степени (хотя об этом и не говорилось официально) Особое совещание призвано было «разгрузить» тот военно-политический «багаж», который нес один Михаил Васильевич, и «заменить» его в случае уже очевидной физической невозможности решать «все и вся» в одиночку. Как отмечал глава Отдела пропаганды К.Н. Соколов, «живой пример скромности и трудолюбия генерал Алексеев долго выполнял свою огромную работу единолично, при содействии своего адъютанта». Полномочия Совещания определяло утвержденное 9 сентября 1918 г. «Временное Положение об управлении губерниями и областями, занимаемыми войсками Добровольческой армии» («экспромт», по оценке Соколова). Совещание создавалось «для облегчения работы Главнокомандующего в сфере гражданского управления и для составления необходимых распоряжений и законодательных актов».

Соколов писал, что «Председателем Особого совещания Положение поименно назначало Верховным Руководителем Добровольческой армии генерала Алексеева, а его заместителями в порядке постепенности: командующего Армией генерала Деникина, Помощника Верховного Руководителя генерала Драгомирова и Помощника Командующего Армией генерала Лукомского».

Считалось, что «авторство» в создании Совещания принадлежало Шульгину, составившему общий план его работы. Предполагались: рассмотрение «законопроектов по всем отраслям государственного устройства», «разработка всех вопросов, связанных с восстановлением органов государственного управления и самоуправления в местностях, на которые распространяется власть и влияние Добровольческой армии», а также «установление тесной связи со всеми выдающимися деятелями но всем отраслям государственного управления». Основное направление внешнеполитического курса Особого совещания определялось завершавшейся войной в Европе и включало «организацию сношений с представителями Держав Согласия, бывших в союзе с нами, и выработку планов совместных действий в борьбе против коалиций Центральных Держав. Первоначально Особое совещание включало в себя отделы финансов, торговли и промышленности, иностранных дел, путей сообщения и юстиции.

Образцом для Совещания 1918 года стали действовавшие в 1915—1917 гг. Особые совещания для обсуждения и объединения мероприятий но обороне, специальные Совещания по продовольствию, по топливу, по перевозкам и др. Подчиненные

не-посредственно Императору, это были координирующие органы, призванные объединить деятельность отдельных министерств и взаимодействовать с представителями торгово-промышленной, финансовой и политической элит (в работе Совещаний принимали участие представители Государственного совета и Государственной думы, в том числе и сам Шульгин). Схожий статус предусматривался и для белого Юга (структура, сочетавшая управленческие и консультативные функции). Любое ведомственное решение требовало или согласования с председателем, или обсуждения на одном из заседаний Совещания.

Получил новый статус и Политический отдел при генерале Алексееве. Теперь, ставший Военно-политическим, отдел занимался сбором информации из различных регионов Юга России, из Белоруссии, Бессарабии, Закавказья, Закаспийской области, из Сибири (эти регионы считались на белом Юге «составными частями России» и, естественно, не входили в сферу делопроизводства по Управлению иностранных дел). Отдел стал центром по сбору политической информации, а не простым техническим аппаратом при Совещании. Составлявшиеся регулярно сводки Политотдела позволяли координировать работу антисоветского подполья, расширять контакты с различными антибольшевистскими центрами. Позднее, уже после смерти Алексеева, приказом Деникина от 8 октября 1918 г. Политотдел был преобразован в Политическую канцелярию Особого совещания.

Установив порядок работы Особого совещания, Алексеев не успел приступить к непосредственному руководству новой структурой. Работу Совещания вел, как отмечалось выше, генерал Драгомиров, а с 8 октября 1918 г. он вступил в должность его председателя формально. Заседания Совещания первоначально проходили в его квартире в Екатеринодаре, окончательное же оформление управлений Совещания приходится на начало 1919 г., и в будущей истории южнорусского Белого движения оно занимало все более и более значимое положение. Трубецкой отмечал в своих воспоминаниях, что, будучи в Екатеринодаре в конце августа, он встречался с Алексеевым, который «произвел тяжелое впечатление своим болезненным видом». «Надолго его не хватит, — писал князь, — и, конечно, фактически он не в состоянии быть диктатором. Его помощником и безотлучно на всех приемах присутствует А.М. Драгомиров, свежий, крепкий человек. По убеждениям — монархист, шульгинского толка. С этой точки зрения, хорошо, что ему придется подпирать Алексеева, с которым он в самых лучших отношениях, а

впоследствии, быть может, заменит его…»{144}

В1917 г., в смутные ноябрьские дни большевистского переворота и зарождения Алексеевской организации, миновал 60-летний юбилей Михаила Васильевича. Начинался седьмой десяток жизни, который вряд ли можно было считать старческим возрастом. Но, очевидно, не простыми временными рамками следовало оценивать физическое и душевное состояние этого человека. Называя формирование Добровольческой армии «последним делом» своей жизни, Алексеев, конечно, осознавал краткость отпущенного ему свыше времени, незначительность оставшихся у него сил и возможностей. И от этого каждый прожитый день, каждая проведенная боевая операция, политическая, финансовая удача или неудача воспринимались особенно остро. Алексеев, видимо, торопился успеть, сделать все от него зависящее, чтобы укрепить, усилить основание возрождающейся армии и государства. И можно, наверное, отметить определенную противоречивость многих его поступков и решений. Со стороны могло даже показаться, что отличительные черты его характера — слабоволие, непоследовательность, стремление уступить, малодушие, ограниченность мысли и чувства. Да, в его биографии можно было бы найти немало проявлений подобного несоответствия желаемого и действительного.

Например, еще до начала Второй Отечественной войны он выступал за четкое разделение функций и полномочий в штабной работе, но при этом его собственный «стиль» отличался именно стремлением все «взять на себя», выполнять самому любые штабные дела. Во время войны он выступал за укрепление военной власти, предлагал проекты едва ли не военной диктатуры, и в то же время признавал необходимость сотрудничества с «общественными кругами», для которых введение диктаторского правления представлялось совершенно недопустимым. В своих стратегических планах он отмечал важность Юго-Западного направления, не исключал возможности развития наступательных операций на Балканах, но — в угоду союзникам — соглашался с нанесением ударов по всей линии фронта. Весьма скептически оценивал он масштабы и перспективы союзнической помощи России и тут же признавал, что без тесного взаимодействия со странами Антанты невозможна победа в войне. В начавшейся Гражданской войне выступал за восстановление монархии в России, но затем считал гораздо более своевременным лозунг «непредрешения» политического строя. Всячески подчеркивал он важность наступления Добрармии на Волгу и соединения с Чехословацким корпусом, и в

это же самое время отмечал неизбежность нового «похода на Кубань». Стремясь к признанию Добровольческой армии в качестве «государственного фактора» возрождения России, допускал возможность ее включения в состав вооруженных сил Юго-Восточного союза.

Конечно, подобные «противоречия» смущали и смущают как современников генерала, так и многих современных читателей и исследователей. Однако важно учитывать, что тогдашняя военно-политическая обстановка отличалась крайней неустойчивостью и противоречивостью. Ситуация менялась стремительно, и принять единственно «правильное» решение было подчас невозможно. Поэтому при оценке тех или иных конкретных высказываний или поступков Алексеева нужно учитывать совокупность всех тех факторов, причин, которые влияли и на него, и на его окружение.

Но оставались, несомненно, две главнейшие для Михаила Васильевича жизненные позиции, изменить которым он считал совершенно недопустимым. Первое — глубокая православная вера, стремление уступить, но не навредить «ближнему своему». Второе — твердое убеждение в незыблемости и единстве основ русской жизни. Для Михаила Васильевича Алексеева такими основами были — Родина и Армия. Родине и Армии он не изменял никогда…

Примечательны поэтому штрихи к психологическому портрету Алексеева, данные его духовником о. Георгием Шавельским. «Находились люди, которые, особенно после революции, решались обвинять Алексеева и в неискренности, и в честолюбивых замыслах, и в своекорыстии, и чуть ли не в вероломстве. После семнадцатилетнего знакомства с генералом Алексеевым у меня сложилось совершенно определенное представление о нем. Михаил Васильевич, как и каждый человек, мог ошибаться, но он не мог лгать, хитрить и еще более — ставить личный интерес выше государственной пользы. Корыстолюбие, честолюбие и славолюбие были совсем чужды ему. Идя впереди всех в рабочем деле, он там, где можно было принять честь и показать себя — в парадной стороне штабной и общественной жизни — как бы старался затушеваться, отодвигал себя на задний план…

Великолепная Галицийская операция 1914 г. — плод его таланта. Несмотря на то, что и слава, и большие награды за нее выпали на долю других, я ни разу не слышал от него даже намека, похожего на обиду Спасение армии во время нашего отступления в 1915 г. тоже, несомненно, более всего обязано ему, но эту заслугу не отмстили никакой наградой. И человека, понимавшего Михаила Васильевича, гораздо более удивило бы,

если бы последний стал жаловаться, что его забыли, его обошли… Мне и в голову никогда не приходило, что Алексеев может обидеться из-за неполучения награды или может работать ради награды. Руководившее им начало было гораздо выше этих условностей тленного бытия…

В домашней жизни, на службе и всюду генерал Алексеев отличался поразительной простотой. Никакого величия, никакой заносчивости, никакой важности. Мы всегда видели перед собой простого, скромного, предупредительного, готового во всем помочь вам человека. Будучи аристократом мысли и духа, он до смерти остался демократом у себя дома и вообще в жизни, противником всякой помпы, напыщенности, важничанья, которыми так любят маскироваться убогие души…»

6. Новый Восточный фронт и создание Всероссийской власти. Несостоявшийся Верховный правитель

Осенью 1918 г. антибольшевистское движение неизбежно эволюционировало к созданию централизованной военной власти, способной не только успешно командовать различными армиями и фронтами, но и обеспечивать решение насущных внутри- и внешнеполитических задач. Положение на фронтах менялось: если на Юге России Добровольческая армия успешно завершала свой 2-й Кубанский поход, то на Востоке летние успехи Чехословацкого корпуса и Народной армии Комитета членов Учредительного собрания в Поволжье (Комуча) сменились поражениями от быстрорастущих сил Красной армии; в Европе становилось очевидным скорое поражение Германии с ее союзниками и окончание войны.

Для продолжения «борьбы с большевизмом» требовалось как можно скорее создать единое Всероссийское правительство и единое, признанное всеми, верховное управление Россией. И если представители социал-демократических, социалистических партий твердо стояли на позициях «коллегиальной», «коалиционной власти», то большинство правых и правоцентристских политиков и политических структур выступало за передачу власти одному, наиболее авторитетному лидеру, причем лидеру из военной среды.

В дневниковой записи Г. Трубецкого от 29 августа 1918 г. содержится примечательное описание переговоров, которые происходили в Екатеринодаре между Алексеевым и «представителем Самарского правительства», очевидно, настаивавшем на признании полномочий разогнанного большевиками Всероссийского Учредительного собрания (а именно из этого исходил Комуч в своей политико-правовой деятельности). «Алексеев категорически заявил ему, — писал Трубецкой, — что ни о каком Учредительном Собрании речи быть не может, что их правительство, составленное из неизвестных людей, не может претендовать на авторитет, что армия должна быть построена на началах дисциплины, без заведенных ими комитетов и других “демократизаций”. По словам генералов, самарцы ни на что не претендуют, готовы во всем подчиниться и только настаивают на том, что от земельной реформы не могут отказаться. Это “только” достаточно велико, но генералы надеются, что, введя военное управление и добившись от

союзников, чтобы все субсидии шли исключительно через Главнокомандующего всеми фронтами генерала Алексеева, можно будет, не предрешая коренных вопросов, а занимаясь лишь текущими делами, держать в руках все эти правительства. Вскользь, генерал Алексеев заметил, что некоторые отношения с правыми эсерами придется иметь. По этому вопросу я, — писал Трубецкой, — высказал отрицательное отношение Правого Центра ко всякому соглашательству

Кроме того, я старался убедить генералов, что если они решатся в конце концов на соединение с Восточным фронтом, то во всяком случае необходимо им раньше договориться начистоту с союзниками и получить от них гарантии, что они ни с кем иным не будут иметь дело в России, кроме генерала Алексеева, и за ним признают полноту военной и гражданской власти, иначе он попадет в число беспомощных правительств Восточного фронта, а он должен быть над ними и постепенно их ликвидировать (примечательный “сценарий” южнорусских правых политиков, фактически осуществленный Колчаком уже в ноябре 1918 г. — *В.Ц.)*. Сам Алексеев решительно высказался против идеи триумвирата и настаивает на объединении полноты военной и гражданской власти в своих руках.

Алексеев, видимо, сознает необходимость такого договора, но мне пришлось слышать такое мнение, что время не терпит, что надо ему туда поехать и на месте решить дело. Впрочем, как я уже писал, сентябрь весь уйдет на операции на Кавказе, и до этого Добровольческая армия не тронется на Царицын. А не идти туда же нельзя, ибо только в Царицыне она получит снабжение, которого нельзя найти на Кавказе».

Между тем 8 сентября 1918 г. в Уфе началась работа Всероссийского Государственного совещания, призванного не только организовать власть во «всероссийском» масштабе и «возродить» разогнанное большевиками Учредительное собрание, но и сформировать необходимое верховное управление. Михаилу Васильевичу — и в последние дни его жизни, и уже после кончины — суждено было оказаться в центре разгоравшихся споров относительно того, кто сможет возглавить создававшуюся единую всероссийскую власть.

По общему мнению многих военных и политиков, именно Алексеев наиболее удачно подходил на пост руководителя всероссийского Белого движения: об этом определенно заявляли представители московского Национального центра, весьма авторитетной фигура Алексеева представлялась также в Сибири и на Дальнем Востоке. Генерал-лейтенант Д.Л. Хорват, бывший управляющий и глава военной администрации КВЖД, комиссар

Временного правительства в полосе отчуждения КВЖД в Маньчжурии, провозгласил себя Временным правителем России 9 июля 1918 г. Но при этом Хорват объявил, что при появлении «правомочного органа где-либо на остальной территории России» или другого («более компетентного») лица, например, генерала Алексеева, он готов передать ему власть.

Однако в Уфе кандидатура Алексеева обсуждалась отнюдь не в качестве правителя или даже члена «троектории», а лишь в качестве военачальника. Даже предполагалось, что Михаил Васильевич примет должность не Верховного Главнокомандующего, а только заместителя Главковерха, избранного большинством участников Государственного совещания. Из обсуждавшихся «военных» кандидатур — «прежде всего Алексеева затем Болдырев и Колчак» — Алексеев действительно был избран «заместителем» Болдырева. Образованная на Совещании в качестве единой, всероссийской власти, Уфимская директория не имела в своем составе значительного числа известных в общероссийском масштабе фигур. Генерал от инфантерии Алексеев, бывший начальником штаба Верховного Главнокомандующего с 1915 г., стал заместителем генерала-лейтенанта Болдырева, командовавшего в это время полком. Подобную «несоразмерность» отмечали многие.

Например, участник Совещания журналист А. Гутман (Ган) писал: «Вместо общепризнанного народного вождя, генерала Алексеева, имя которого импонировало даже левым, выбрали совершенно безличного генерала Болдырева». Одним из аргументов против избрания Алексеева на должность Главковерха считалась объективно существовавшая трудность в сообщениях со штабом Добровольческой армии, невозможность для генерала приехать в Уфу (правда, начальник делегации Добрармии в Сибири генерал Флуг сообщал, что у членов Совещания «имелись сведения» о возможном прибытии туда генерала Алексеева). Но, очевидно, не последнюю роль сыграло и существовавшее предубеждение против него части левых и левоцентристских политиков, заметно влиявших на работу Совещания. Генерала, как и в 1917 г., они считали слишком-консервативным, едва ли не «реакционером».

Правый эсер Н.Д. Авксентьев, ставший председателем Директории, вспоминал «консервативные» выступления Алексеева в Предпарламенте осенью 1917 г. Добровольческая армия, Особое совещание в Екатеринодаре — эти центры всероссийской власти на Юге России — в Уфе таковыми не признавались. Данное обстоятельство затрудняло взаимодействие

между Югом и Востоком в создании общего антибольшевистского фронта. И если, как отмечалось выше, генерал Алексеев не исключал для себя возможности переехать на Восток, то при этом (по свидетельству члена Союза возрождения России А.Л. Титова) он считал, что во главе военной власти должно быть все-таки «более молодое и бодрое лицо». А Деникин, «сроднившийся с добровольцами», пренебрежительно говорил о Директории, как о правительстве, «созванном где-то за долами, за лесами и помимо участия Добровольческой армии»{145}.

2 октября 1918 г., после состоявшегося утверждения состава Директории, на имя Алексеева от имени Временного Всероссийского правительства из Уфы были отправлены уведомительные телеграммы. В первой из них отмечалась «величина заслуг Добровольческой армии перед Родиной», выражалось «восхищение се одиннадцатимесячной борьбой в условиях исключительной тяжести» и высказывалась уверенность, что «только тесным единением всех можно достичь спасения России, и что государственная мудрость и высокие гражданские качества руководителей и горячая любовь офицеров и солдат к Родине укажут Добровольческой армии единый с Правительством путь к достижению этой великой задачи».

Во второй телеграмме Алексееву сообщалось о его «избрании заместителем члена Временного Всероссийского Правительства генерал-лейтенанта Болдырева, ныне Верховного Главнокомандующего», и высказывалась «надежда и уверенность» правительства в «близкой возможности использовать Вашу (Алексеева. — *В. Ц.)* государственную мудрость и военный опыт на благо России».

Сам же генерал Болдырев, на правах Главковерха, написал Алексееву довольно подробное письмо, в котором информировал Михаила Васильевича о сложившемся положении на фронте в Поволжье и на Урале. Прежде всего, в письме заявлялось единство целей сложившегося антибольшевистского фронта: «… борьба с советской властью и немцами в тесном единении с нашими Союзниками. Как символ, что Армия сражается за величие и единение всей России, полагаю возобновить наш старый Русский флаг». Болдырев отмечал важность взаимодействия Поволжского фронта с Добрармией, что, в сущности, совпадало со стратегическими планами самого Алексеева летом—осенью 1918 г.

Болдыревым предполагалось «сохранение настоящего фронта на Средней Волге» и проведение двух наступательных операций по расходящимся направлениям: «…связь правым флангом через Пермь и Вятку с высадившимися на Мурманс союзниками и

левым флангом — с Вашей армией (Добровольческой. — *В.Ц.)* и союзными Вам казаками». В связи с этим Болдырев считал «крайне желательным и необходимым, чтобы Ваша армия и примыкающие к ней силы овладели бы нижним течением Волги примерно на плесе Царицын — Астрахань. Уральские, оренбургские и астраханские казаки будут этому движению содействовать». В перспективе Болдырев, как и штаб Деникина в 1919 г., полагал возможным соединение Добрармии и сил Восточного фронта в Саратове.

Причину своего избрания Главковерхом Болдырев объяснял необходимостью скорейшего «установления надлежащих взаимоотношений с Чехословаками, в целях поднятия авторитета Временного Всероссийского правительства и объединения всех вооруженных русских сил в единую Русскую Армию… Уповая на помощь Божию, приложу все силы для выполнения этой тяжелой задачи, насколько это возможно в настоящих безгранично сложных и тяжелых условиях». Болдырев не писал прямо, но определенно указывал, что видит роль Алексеева, в первую очередь, в качестве военачальника объединенных вооруженных сил Юга России, которые затем объединятся с Восточным фронтом, и не исключал возможности передачи ему Верховного командования: «Временное Всероссийское Правительство убеждено, что совместные действия наши будут налажены, и что Ваше мудрое руководство облегчит задачу столь необходимого объединения русских сил под единым Верховным командованием».

Гораздо более определенно в пользу кандидатуры Алексеева на пост лидера антибольшевистских сил высказывались противники левых политиков. Причем генерал считался приемлемым, с точки зрения его популярности, не только в самой России, но и за ее пределами. Примечательна, в частности, телеграмма российского посла в США Б.А. Бахметева российскому послу во Франции В.А. Маклакову, отправленная в октябре 1918 г. Бахметьев считал важным «остановиться на самом небольшом числе бесспорных имен, которые не встретили бы возражений ни с какой стороны. Такими лицами могли бы явиться, единственно, генерал Алексеев и князь Львов. Эти два лица, олицетворяя собой символ национальной России, организовали бы вокруг себя необходимое русское представительство. Из доверительных разговоров с американцами имею пол1юе основание полагать, что эти два лица имели бы у союзников серьезные шансы на успех… Считаю крайне важным, чтобы этот план и эти лица были поддержаны национальными центрами и дипломатическим корпусом».

В ожидании скорого окончания войны и созыва международной конференции весьма актуальной считалась возможность представительства на ней авторитетного лидера из России. И таковым, как считали многие, мог быть также Михаил Васильевич.

В сводке Всероссийского Национального центра, составленного на основе сообщений, полученных из Москвы от полковника Лебедева, отмечалось, в частности: «Союзники подчеркивают, что они не столько заинтересованы в Добровольческой армии, сколько в генерале Алексееве, признанном общественными кругами лицом, которому должна быть передана Верховная власть и являющемуся высшим авторитетом как для союзников, так и для России. Поэтому и Национальный Центр, и союзники, и полковник Лебедев считают в высшей степени желательным выход Добровольческой армии в район Поволжья или, в случае, если это окажется невозможным, перенесение в этот район Ставки генерала Алексеева.

При этом союзники подчеркивают, что как только совершится объединение Верховного Командования в лице генерала Алексеева, сейчас же союзники окажут ему самую действительную материальную поддержку».

Б. Суворин позднее писал о нем как о «единственном защитнике русских интересов» перед представителями победившей Антанты. «Если бы он был жив, с Россией не могли бы поступить так несправедливо, как поступила с нами знаменитая Версальская конференция. Даже если нашу дипломатию не пустили в “залу зеркал” Версальского дворца, где сорок лет тому назад Бисмарк диктовал свои условия побежденной Франции, даже если услужливые люди в восторге победы могли забыть Россию и ее роль в Великой войне, они никогда не могли бы игнорировать генерала Алексеева, так честно с 1914 года по самый последний день своей жизни державшего знамя Франко-Русского Союза. Мы все, для которых память его священна, уверены в том, что разделенные Германией во время войны его соратники Жоффр, Фош, Петэн, Кастельно, По и др., не могли бы допустить мысли о том, что этот человек, который оказал такие услуги нашему общему делу, в минуту опасности никогда не колебавшийся в вопросе, как относиться к Франции, несмотря на все немецкие искушения и их русских друзей, вроде Милюкова, мог бы изъять из этой конференции, так неудачно решивший в Версале слишком тяжелую задачу, в которой голос настоящих победителей не имел того голоса, который он имел бы право требовать.

Фош, Жоффр, Петэн, Хэгг, Битти не играли той роли, которую

играл в ней какой-нибудь Мандэль». В этом вполне справедливом замечании Суворина проявилась очевидная тенденция в послевоенной Европе, когда решения политиков, экономистов и дипломатов звучали гораздо весомее слов военных, уже «сделавших свое дело»[146].

Наконец, весьма характерно отношение к авторитету генерала Алексеева будущего Верховного правителя — адмирала Колчака. 14 октября 1918 г. он, находясь в Омске и занимая должность военного министра Всероссийского правительства, написал Михаилу Васильевичу письмо. В нем он, в частности, изложил свое представление о политической ситуации на Дальнем Востоке. Серьезное беспокойство Колчака вызывала активность японского командования из-за слабости и неопределенности российской власти в этом регионе: «Дальний Восток я считаю потерянным для нас, если и не навсегда, то на некоторый промежуток времени, и только крайне искусная дипломатическая работа может помочь в том безотрадном положении, в котором находится наш Дальний Восток. Отсутствие реальной силы, полный распад власти, неимение на месте ни одного лица, способного к упомянутой работе, создали бесконтрольное хозяйничание японцев в этом крае, в высшей степени унизительное и бесправное положение всего русского населения». Показательно, что Колчак, в сугубо информационном тоне, отмечал, что Алексеев — заместитель генерала Болдырева, а не наоборот — по решению Директории.

Сам же адмирал писал о своих намерениях вернуться на Юг и поступить на службу под командование Алексеева: «После попытки работать на Дальнем Востоке я оставил его, решив ехать в Европейскую Россию при первой возможности с целью повидать Вас и вступить в Ваше распоряжение в качестве вашего подчиненного, по благоусмотрению Вашему». Колчак в письме называл себя «покорным слугой» Его Высокопревосходительства, «глубокоуважаемого Михаила Васильевича» и писал, что Алексеев всегда был для него «единственным носителем Верховной власти, Власти Высшего Военного Командования», власти «бесспорной и авторитетной».

С большой долей вероятности можно предположить, что, в случае приезда Алексеева на Волгу и вступления в состав Всероссийского правительства именно ему довелось бы стать будущим Верховным правителем, никаких принципиальных возражений против его кандидатуры не возникло бы ни со стороны военных, ни со стороны кадетов и многих правых политиков, заинтересованных в скором перевороте и замене «демократической власти» Уфимской Директории единоличной

властью военного диктатора.

Но все эти предположения имеют, по сути, «исторический» или, как принято говорить, «сослагательный» характер, поскольку возникли они уже после кончины Михаила Васильевича. Письма Болдырева, Колчака, приглашения Директории до адресата так и не дошли. Колчаку, ставшему уже Верховным правителем, позже ответил Деникин. В письме от 7 декабря 1918 г. он писал о преемственности власти: «После смерти Генерала Алексеева я принял на себя Главное Командование Добровольческой Армией, решив в таком единении с доблестной Армией продолжать борьбу за возрождение Единой, Неделимой России». В ответном письме адмирал особо подчеркнул, что начальник его штаба генерал-майор Лебедев и военный министр генерал-майор И.А. Степанов — «сотрудники генерала Алексеева».

Подобные несоответствия по времени в информации, к сожалению, являлись вполне типичными в условиях Гражданской войны, когда сведения о тех или иных, даже важных, политических решениях или событиях приходили со значительным опозданием или в искаженном виде. В Сибири и на Дальнем Востоке сообщения о гибели Корнилова и кончине Алексеева были получены только в ноябре 1918 г., после чего в храмах прошли заупокойные службы.

Показательна в этой связи оценка Алексеева Колчаком, данная им позднее, во время допросов в Иркутске в 1920 г.: «Я всегда очень высоко ценил личность генерала Алексеева, — говорил адмирал, — и считал его, хотя до войны мало встречался с ним, самым выдающимся из наших генералов, самым образованным, самым умным, наиболее подготовленным к широким военным задачам. Поэтому я крайне приветствовал смену Николая Николаевича и вступление Государя на путь верховного командования, зная, что начальником штаба будет генерал Алексеев. Это для меня являлось гарантией успеха в ведении войны, ибо фактически Начальник штаба верховного командования является главным руководителем всех операций»{147}.

В начале сентября 1918 г. состояние здоровья Михаила Васильевича уже трудно было назвать стабильным. Хотя и прекратились бесконечные переходы «военно-походного периода» Добровольческой армии, и курс лечения, пройденный в Новочеркасске, пошел на пользу, но для генерала крайне утомительным являлся тот напряженный график работы, который он по-прежнему, не жался себя, стремился соблюдать в Екатеринодаре. Негативно сказывались переживания и нервные перегрузки, вызываемые тем, чтобы снова и снова не позволять

«обостряться» отношениям, «избегать» конфликтов, найти необходимый компромисс. Тяжелыми для него, привыкшего к ранним холодам северного климата, стали необычно жаркие, засушливые недели начала осени на Кубани. Душный, неподвижный воздух Екатеринодара сильно утомлял. Снова обострились почечные боли. По воспоминаниям дочери и многих его сотрудников, в августе — сентябре он часто проводил важные встречи, уже не вставая с постели. Преодолевая болезненное состояние, он присутствовал на параде по случаю взятия Екатеринодара 5 августа 1918 г., а на следующий день был на панихиде памяти Корнилова.

В таких условиях любая болезнь, даже незначительное на первый взгляд недомогание, могли стать роковыми. В начале сентября случилась легкая простуда, которая, хотя и прошла довольно быстро, повлияла на обострение старых воспалений. Несмотря на это, Алексеев не собирался «уходить от дел», от решения острых политических вопросов.

Помимо разработки стратегических планов о направлении будущих операций и обсуждения моделей оптимальной организации гражданской власти, неожиданно возникла проблема, связанная с обострением отношений с Грузинской республикой. Ее правительство заявило о своем суверенитете и согласилось на ввод в Грузию немецких войск. Части Добровольческой армии, преследуя отступавших вдоль берега Черного моря красногвардейцев, вступили в Туапсе, где столкнулись с подразделениями Народной гвардии Грузии под командованием генерала Мазниева, под предлогом «освобождения Абхазии от большевиков» занявших значительную часть побережья. Возник т.н. «грузинский фронт», противостояние на котором для немногочисленной Добрармии, разворачивавшейся для наступления на Северный Кавказ и в Поволжье, было нежелательным.

Положение осложнялось тем, что Кубанская краевая рада еще в начале 1918 г. направила приветствие Закавказскому сейму, заявив о готовности к самому тесному сотрудничеству на основе признания суверенитета республик Кавказа. Взвесив все «за» и «против», Алексеев пришел к выводу о необходимости переговоров с представителями Грузии. Настаивать на военном способе возрождения Единой России генерал в данном случае считал преждевременным.

В августе 1918 г. Алексеев в письме к генералу Мазниеву отмечал: «Судьба поставила нас не только в близкое боевое соприкосновение, но сделала нас союзниками, борющимися пока за одно и то же дело и действующими в одном и том же

направлении… убежден, что этот союз примет длительный и более широкий характер». Позицию Верховного руководителя Добровольческой армии вообще отличала подчеркнутая лояльность к Грузии, хотя новая республика и не собиралась уступать занятых земель.

В Екатеринодар для переговоров с представителями Кубани и Добрармии выехали Мазниев и заместитель председателя правительства Грузии Е.П. Гегечкори. 12 сентября состоялись Переговоры, ставшие последними в военно-политической биографии Михаила Васильевича. По воспоминаниям Шульгина, присутствовавшего на их открытии, генерал «был болен». «Стол был придвинут к кушетке, на которой он опирался на подушку. Но все же председательствовал. Голос его, уже более разбитый, чем скрипучий, звучал слабо. В сущности, он умирал. Мы этого еще не понимали, но скоро узнали. Он умирал на своем посту…»

Переговоры начались с предельно корректной фразы генерала: «Разрешите от имени Добровольческой Армии (помимо Алексеева и Шульгина се представляли генералы Деникин, Драгомиров и Романовский. — *В.Ц.)* и Кубанского правительства (его представлял глава краевого кабинета министров Л.Л. Быч. — *В.Ц.)* приветствовать представителей дружественной самостоятельной Грузии. Предстоящие переговоры, я надеюсь, приведут к удовлетворительным результатам. С нашей стороны никаких стремлений ограничить самостоятельность Грузии нет; я должен ожидать равноценного отношения Грузии к нам».

Во вполне «союзническом» духе начал доклад и Гегечкори, заявивший, что «борьба с большевиками — это вопрос нашей жизни и смерти». Но как только речь зашла о территориальных вопросах, грузинская делегация заявила о своем долге перед местным населением, «добровольно» пожелавшим войти в состав «демократической Грузии». Протесты руководства Добрармии в отношении Абхазии игнорировались. Переговоры продолжались уже в более резком тоне. Но «взорвала» Алексеева крайне вызывающая оценка Гегечкори Добровольческой армии,- которую он подчеркнуто назвал не выразительницей «всероссийской власти», а всего лишь «частной организацией», имеющей не больше прав, чем суверенная Грузия, в решении судьбы «спорных» территорий бывшей Российской империи. У генерала, крайне остро реагировавшего на любые попытки «умаления» роли Добрармии в «возрождении российской государственности», эти слова грузинского политика вызвали с трудом сдерживаемое возмущение.

Слово «частная организация», произнесенное Гегечкори, «упало и разорвалось, как оскорбление…» — вспоминал Шульгин.

«Не то, конечно, было оскорбительно, что Гегечкори не считал нас Российским Правительством, каковым мы и сами себя не полагали… Но то было непереносимо, что этот посол маргаринового “грузинского правительства” назвал “частной организацией” то единственное, что осталось от Российской Государственности, что несло на своем знамени идею России, ту Русскую Армию, которая не имела никаких “частных” заданий, а только одно самоотверженно-общее: спасение Русского народа…»

Не желая, очевидно, присутствовать на продолжении переговоров, Алексеев покинул кабинет, где они проходили. По воспоминаниям дочери, «отец, разгоряченный дебатами… вышел в соседнюю со столовой буфетную и выпил залпом стакан ледяной воды… доктор потом говорил, что именно это и вызвало воспаление легких». Стакан холодной воды, выпитый в жаркий день, оказался губительным.

14 сентября переговоры с грузинской делегацией были прерваны, «общего языка» найти не удалось. Заняв Туапсе, части Добрармии остановились. Было сделано заявление, что «Добровольческая армия не допускает никакого посягательства на территорию Русского государства»{148}.

А для Михаила Васильевича наступили последние дни жизни. «С 14-го числа, с Воздвижения, — писала Вера Михайловна Алексеева-Борель, — отец больше не вставал, однако к 20-му врачи посчитали, что воспаление легких уже не грозит опасностью. Но организм был слишком надорван. По желанию генерала Деникина был созван консилиум из известных профессоров, находившихся в Екатеринодаре и приехавших из Ростова. Но дни отца были сочтены. Мать как-то напомнила Михаилу Васильевичу о чуде после причастия в Могилеве в 1916 году, но он сказал: “Теперь не поможет”. Причащался отец вечером, в канун своей смерти, будучи в полном сознании». Накануне кончины его сын успел прочитать генералу оперативные телеграммы о развивавшемся контрнаступлении союзных войск на Западном фронте, хотя Алексеев «уже был в забытье…»

7. Память чести. Заключение

25 сентября 1918 г. — день памяти святого преподобного Сергия Радонежского, всея России чудотворца. На улицах Екатеринодара были расклеены траурные объявления, извещавшие, что «в 8 часов утра скончался после долгой болезни (от крупозного воспаления легких) Верховный Руководитель Добровольческой армии генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев»{149}.

Так завершился жизненный путь человека, почти полстолетия отдавшего себя военной службе, прошедшего все ее этапы: от вольноопределяющегося и юнкера до Верховного Главнокомандующего и Верховного руководителя армии. Кончина наступила тогда, когда сам генерал мог вполне уверенно осознавать, что дело возрождения Русской армии, дело возрождения Государства Российского, «последнее дело» его жизни, поставлено на достаточно прочное основание. Германия и ее союзники уже обречены на поражение, Великая мировая война близится к окончанию. Создано Временное всероссийское правительство, фактически восстановлен Восточный фронт. Добровольческая армия упорно и успешно наступает на Северном Кавказе и в будущем, вероятно, выйдет на Волгу, где соединится с поволжскими, уральскими и сибирскими войсками. Создано Особое совещание. В Советской России усиливается антибольшевистское подполье, а Центры Добровольческой армии постоянно пополняют ее новыми добровольцами и ведут активную разведывательную работу. Восстановлены контакты с союзниками. Из общего антибольшевистского фронта выделяется и все более усиливается Белое движение, призванное в перспективе восстановить в России монархию… Достойное завершение начатого дела. И хотя, как показало будущее, Белое движение постигло поражение, для Алексеева будущее Белого дела представлялось успешным и прочным.

Н.Н. Львов, получив известие о кончине Алексеева, такими словами характеризовал итог его жизненного пути: «В последние дни, когда победа союзников уже определилась и оправдала все действия генерала Алексеева, его не стало. Ему не суждено было войти в обетованную землю возрожденной России, но он довел до нее тех людей, во главе которых встал в тяжелые ноябрьские дни прошлого года. Его нет, но созданное им дело погибнуть уж не может. Из героической горсти людей быстро вырастает Русская армия, а вместе с ней крепнет и уверенность генерала Алексеева, что только армия спасет Россию».

В не менее пафосной форме известный писатель И. Наживин в массовой пропагандистской листовке, адресованной солдатам, так представил роль бывшего Верховного руководителя Добровольческой армии: «Теперь скоро уже Добровольческая армия придет в Москву, и там соберутся — по слову нашего славного, мудрого, любящего Россию и народ Главнокомандующего генерала А.И. Деникина и Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака — выборные люди от всей Земли Русской, и установят они законы и порядки для всей России заново, и снова заживем мы спокойно и богато, по-хорошему. И первый, кому мы будем обязаны нашим спасением, это генерал М.В. Алексеев.

Низко, земным поклоном поклонимся его могиле и будем подражать ему в его светлом и святом подвиге».

В день кончины Михаила Васильевича, 25 сентября 1918 г., Деникин издал Приказ №1 по Добровольческой армии, уже в качестве Главнокомандующего, объединившего в своих руках высшую военную и гражданскую власть. Приказ был посвящен памяти генерала Алексеева. Главком, высоко оценивая заслуги умершего, отмстил главные вехи его нелегкого жизненного пути: «Сегодня окончил свою полную подвига, самопожертвования и страдания жизнь генерал Михаил Васильевич Алексеев. Семейные радости, душевный покой, все стороны личной жизни принес он в жертву служения Отчизне.

Тяжелая лямка строевого офицера, тяжелый труд, боевая деятельность офицера Генерального штаба, огромная по нравственной ответственности работа фактического руководителя всеми вооруженными силами Русского государства в Отечественную войну — вот его крестный путь. — путь, озаренный кристаллической честностью и горячей любовью к Родине — и Великой, растоптанной.

Когда не стало армии и гибла Русь, он первый поднял голос, кликнул клич русскому офицерству и русским людям.

Он же отдал последние силы свои созданной его руками Добровольческой армии. Перенеся и травлю, и непонимание, и тяжелые невзгоды страшного похода, сломившего его физические силы, он с верою в сердце и с любовью к своему детищу шел с ним но тернистому пути к заветной цели спасения Родины. Бог не сулил ему увидеть рассвет. Но он близок.

И решимость Добровольческой армии продолжать его жертвенный подвиг до конца — пусть будет дорогим венком на свежую могилу Собирателя Русской Земли».

Но гораздо менее пафосным и оттого как бы более объективным представлялся опубликованный в журнале «Донская

волна» скромный некролог, подписанный «Е.К.» (Е.М. Кискевич). Автор, прежде всего, обратил внимание на особенности новой стратегии Гражданской войны. «Давно, казалось бы, миновало время, когда военный вождь должен был быть одновременно и вождем духовным. Армии, превратившиеся из орудий полководцев в орудия искушенных в дипломатии кабинетов, не нуждаются в том, чтобы их предводители занимались еще и политикой. Особенно верны были этому принципу Русская армия и русский генералитет. Все наши полководцы, начиная с Кутузова и кончая Куропаткиным в политической сфере, являлись лишь слепыми исполнителями предначертаний свыше, хотя отдельные из них и обладали самостоятельным политическим миросозерцанием, как, например, тот же Н.А. Куропаткин и Д.Л. Скобелев.

Но Великая война и продолжение ее — революция, в корне изменили и это. Стратегия нашего времени вбирает в себя все более и более обширные области экономики, политики, наук гуманитарных, социальных. Она требует от стратега, чтобы он был энциклопедистом.

В особенности это ощутительно в наше родное безвременье, когда неоткуда получать никаких директив и вся ответственность падает на собственную голову. Для пушек нужен не только порох, но и идеи. Без идей они не стреляют — это известно еще нашим предкам. Но с кого спросить в период гражданских войн?

Совершенно исключительные обстоятельства требуют, чтобы полководец был не только военачальником, но чтобы одновременно он был и твердым администратором, и дальновидным политиком, и удачливым дипломатом».

Именно эти качества военного, администратора, политика и дипломата требовались от генерала Алексеева, как Верховного руководителя Добровольческой армии, создателя Белого движения. «Он — мозг Добровольческой армии, центр и средоточие ее материальной и политической мощи. Он — сдерживающее начало при всяких колебаниях и уклонах. Он же тот компас, согласно указаниям которого двигались добровольческие дивизии, добровольческие корпуса.

Беспрестанная работа Алексеева была незаметна. Это человек, который любил держаться в тени. Личная скромность и, быть может, то обстоятельство, что при всех “режимах” генерал был “не в моде”, помогут объяснить это. Генерал Алексеев всегда у всех режимов был на “подозрении” — и у старого, и у нового, и у самоновейшего.

Причина этому та, что генерал зорким взглядом политика умел различать друзей от врагов, полезное от пагубного, свое от

чужого и карьеристов от людей дела. А дело Родины ставил всегда превыше всего.

Таким он был в старой Ставке в Могилеве, таким появился перед Керенским, старавшимся в те времена перелевить и удивить Совет рабочих депутатов. Таким же остался на Московском Совещании, не побоявшись указать не только на ошибки правительства, но и на грехи военных кругов. Таким же пришел и на Дон.

Обыкновенно было принято думать, что генерал Алексеев — сфинкс, замкнувшийся и держащий себя загадочно, что он загадка в смысле симпатий и антипатий политических или, как любят теперь выражаться, “ориентации”. Это совсем не так. Люди, знавшие генерала Алексеева, скажут, что он представлял собой как политическая величина. Скажут, что это был цельный и решительный русский патриот со всеми вытекающими из такого положения последствиями. Глубоко религиозный, — отсюда, быть может, несколько фаталист, — он и не пытался повернуть разбитый корабль русской государственности к чуждому этому кораблю фарватеру. И “ориентировался” генерал на возрожденную Великую Россию.

Одним словом, кто такой генерал Алексеев, отлично знали его враги, знали и друзья, знали, что можно и чего нельзя ждать от него. Горько только, что мало этих друзей у старого русского генерала, пребывавшего “не в моде”, и много, слишком много врагов. По еще больше “нейтральных”, в сонном равнодушии взиравших на героическую борьбу»{150}.

…Похороны Михаила Васильевича состоялись 27 сентября. Сохранилось их подробное описание М. Лембичем. Он вспоминал, что это был первый прохладный, свежий день после изнурительной жары затянувшегося южного лета, «бледный, тихий осенний день». Прощание с генералом было торжественным, но в то же время искренним, без никчемной помпезности, парадности и лицемерия, — было, скорее, светлое чувство веры в неизменность начатого Алексеевым Белого дела. Вдоль Екатерининской, Красной и Соборной улиц, по которым от дома Инзы до кафедрального собора продвигалась траурная процессия, стояли шпалерами, — в два ряда, — исключительно офицерские караулы от Корниловского и Марковского полков, кубанских отрядов полковника А.Г. Шкуро и генерал-майора В Л. Покровского. Над самим собором несколько траурных кругов сделали аэропланы.

Но воспоминаниям Лембича, на похоронах присутствовали тысячи людей. «Весь двор и внутренность дома, где лежало тело маленького генерала, запружены венками и живыми цветами.

Венков и цветов было так много, что их не хватило в Екатеринодаре и срочно их доставили из Ставрополя. Венки были возложены на гроб покойного от отдельных воинских частей, от Донской армии, от Кубанского правительства, персонально от Кубанского атамана, от М.В. Родзянко, В.В. Шульгина, от деятелей Всероссийского Земского Союза, а также от различных городских самоуправлений и общественных организаций и партий. Были даже венки от рабочих, фабрикантов, кооператоров».

Отдельные венки были от славянских военных: Войска Польского, Чехословацкого корпуса и даже «от болгар — офицеров Русской армии». От союзников выделялся французский венок.

«Всеобщее внимание, — вспоминал Лембич, — привлекал неизвестный терновый венок, скромно, без всяких надписей переплетенный Георгиевскими лентами (этот венок — символ “Ледяного похода”, был от Штаба Добровольческой армии. — *В.Ц.)*. Был венок из мирт и лавров, убранный национальными лентами — “От признательной России”. От детей одного из детских приютов, находившегося под покровительством покойного, был возложен венок из живых незабудок, с трогательной надписью на голубой ленте: “Не видели, но знали и любили”».

Из дома гроб вынесли и установили на артиллерийский лафет генералы Деникин, Драгомиров, Романовский и бывший критик «диктатора» Алексеева — Родзянко. Так произошло примирение между двумя политическими противниками. В собор с лафета гроб внесли Деникин, Драгомиров, генерал от кавалерии И.Г. Эрдели, кубанский войсковой атаман А.П. Филимонов и бывший соратник Алексеева по Юго-Западному фронту, генерал от артиллерии Н.И. Иванов. После долгой архиерейской службы гроб был установлен в крипте — усыпальнице Екатерининского собора. «Троекратный залп из орудий и винтовок возвестил, что печальный обряд окончен»…

Своеобразный некролог был опубликован 45 лет спустя на страницах двухтомника «Марковцы в боях и походах за Россию». Его автор, подполковник Марковского пехотного полка В.Е. Павлов, был очевидцем этих печальных событий.

В небольшом очерке «Смерть генерала Алексеева» он вспоминал: «На одной из улиц Екатеринодара, идущей от центра к главному вокзалу, близ Триумфальной арки, стоял старый кирпичный, неоштукатуренный, одноэтажный дом, на высоком фундаменте и с небольшим палисадником перед ним. Всякому, проходящему мимо, бросался в глаза не вид его, а развевающийся

над парадным крыльцом Национальный флаг и стоящие у входа с обнаженными шашками два казака, в форме полка Конвоя Императора Всероссийского. Невольно замедлялись шаги… В этом доме жил генерал Алексеев.

Основоположник Добровольческой армии; не Командующий ею, а, признанный всеми се духовный Вождь — Верховный Руководитель, генерал Алексеев нес с нею все тяготы и лишения. Легшие на него еще с конца 1917 года дела внешних сношений и финансов с развитием успехов Добровольческой армии расширялись и осложнялись: сношения с Доном, объявившим себя самостоятельным государством; с Кубанью, стремившейся последовать примеру Дона; наконец — с Грузией; устроение жизни в губерниях Ставропольской и Черноморской, которое потом будет перенесено и на вновь освобождаемые губернии; необходимость теперь же создать ядро общероссийского единства при развивающейся “многопартийности” среди государственно-мыслящих людей — все это ложилось на него, давно уже страдающего тяжелой болезнью.

И вот, 25 сентября, в день Святителя Сергия Радонежского его не стало.

Слабо трепетал приспущенный над его домом Национальный флаг. Печально опустив головы, стояли у входа бородачи конвойцы. Ни один прохожий не прошел мимо, не отдав мысленно земного поклона…

Бывшие в городе две роты Марковцев (от 1-го батальона 1-го Офицерского генерала Маркова полка. — *В.Ц.)* не могли отмстить в это день свой полковой праздник: они участвовали на панихиде по усопшем Вожде, а через два дня и на похоронах его.

Торжественны были похороны генерала Алексеева, Болярина Михаила. Венки, ордена, духовенство… на лафете орудия 1-й Генерала Маркова батареи, прибывшего с фронта, гроб… семья покойного, генерал Деникин, которому теперь приходится нести все бремя власти. Шпалеры войск… две роты Марковцев. Печально-торжественные звуки похоронных маршей и траурный звон колоколов нового Войскового собора. Масса народа, и среди него — сотни больных и раненых Марковцев. Последнее отпевание в соборе и похороны в нижней его церкви, с правой стороны.

Немеркнущий свет лампад у его могилы. Непрекращающийся поток молящихся… Каждый день к могиле подходят Марковцы — на костылях, с перевязанными руками, головами, едва могущие двигаться. Они стоят у могилы и кажется им — стоят они у “Чаши страданий и крови” за Родину…

А отойдя от могилы и выйдя из собора, они вдруг

возвращаются к жизни, к реальной действительности и говорят себе:

— Мы же, живые, будем продолжать борьбу, пока не достигнем цели…»

И еще один примечательный некролог был опубликован А. Сувориным в изданной в 1919 г. книге «Поход Корнилова».

«Небольшого роста, худощавый старик с ясными проницательными сокольими глазами. Чрезвычайно внимательно слушает… Отвечая, говорит точно, поражая памятью сложных подробностей. Задает вопросы по существу, с прямотой. Решает быстро. Таков был Михаил Васильевич Алексеев. Своей теплой просвещенностью, трудоличеством и особенной искренностью всего обращения он невольно привлекал к себе с первого знакомства.

Он объявил запись в Добровольческую армию 2 ноября 1917 г. и был первым ее организатором. После смерти Корнилова только крепкая духовная устойчивость Алексеева удержала армию от “распыления” и помогла ей дожить до успехов Второго Кубанского похода и возрождения сил.

Алексеев работал неустанно. С шести часов утра он был уже за работой и в ней проводил весь день до позднего вечера… принимая по делам, делая распоряжения. Он был превосходно подготовлен для предстоящей ему роли организатора общего хозяйства России и защитника се интересов на международном конгрессе. Но как раз, когда он должен был приступить к этому — смерть взяла его!

Чтобы делать то, что делал один Алексеев, пришлось создать целый ряд высших должностей, но он был и есть истинно незаменимым на своем посту по широкой просвещенности взглядов, умению решать быстро и вместе осторожно сложнейшие вопросы и по искренней приязни к общественным силам и почину.

“Никаких сношений с немцами!” — было решением Алексеева твердым и окончательным, которое дало Добровольческой армии незыблемое международное положение. Любовь его к России была безмерна. Он разочаровался в русском солдате и говорил о нем с жесткостью, которая невольно поражала, но жил он только для России, работая для нес сутки сплошь.

Перед гробом его несли точный и глубоко всех поразивший своей верностью символ его жизни — терновый венец, перевитый георгиевской лентой. Да, это жизнь Алексеева — эти тернии и эти желто-черные ленты!

Как и Корнилов, он умер накануне своего торжества, им

добросовестно и заботливо приготовленного! Тем теплее будет память о нем на Руси: так много сделать, так мало взять от заслуженного успеха!

Корнилов и Алексеев! Алексеев и Корнилов! Эти два имени, две ярких звезды, которыми началось утро новой России, останутся в потомстве, как два лучших имени Великой Русской Смуты, подобно тому, как Смутное время XVII столетия передало векам тоже два имени: Минина и Пожарского.

Алексеева в армии Добровольческой любили с искренней теплотой и почтительностью. Его внимание ко всем нуждам офицерства не утомлялось никогда, и это ценили и благодарно помнили всегда. Трогательно и верно эта интимность общего глубокого чувства к Алексееву подчеркнута была короткой надписью на венке от учениц, положенном на его гроб: “Еще не видели, но знали и любили!”»[{151}].

Память о генерале Алексееве продолжала жить на белом Юге. Один из старейших полков Добровольческой армии — «Партизанский» — был переименован в «Партизанский генерала Алексеева» пехотный полк. «Алексеевскими» стали 1-й конный полк Добровольческой армии, артиллерийская бригада, отдельная инженерная рота и бронепоезд 1-го бронепоездного дивизиона. Сильнейший линкор-дредноут Черноморского флота «Воля» был переименован в «Генерал Алексеев»[{152}].

Памяти генерала в 1918—1920 гг. было посвящено немало популярных изданий, брошюр, написанных как известными писателями, политиками, военными, так и простыми офицерами, соратниками, сослуживцами Михаила Васильевича. Большими тиражами издавались плакаты и открытки Отдела пропаганды с его портретом.

Вдова генерала продолжала активно заниматься благотворительностью. На фронте был хорошо известен санитарный «поезд имени генерала М.В. Алексеева», организованный Ростовским отделением Комитета скорой помощи чинам Добровольческой армии и находившийся под контролем Анны Николаевны. В белой кавалерии сражался сын генерала. Дочери работали в лазаретах. В 1920 г. семья выехала в Югославию, а позднее оказалась в далекой Аргентине, в Буэнос-Айресе. Ротмистр Шанрон дю Ларрэ стал супругом дочери генерала Корнилова.

В 1918 г., в одном из некрологов, написанных на кончину генерала, было отмечено, что «его прах недолго будет храниться в усыпальнице Екатерининского собора в Екатеринодаре, и мы надеемся, что надпись на венке… “Алексееву — Россия” скоро превратится в надпись на том памятнике, который ему поставят в

Москве».

Надежда не сбылась: вместо Москвы и крипты Екатерининского собора прах генерала, вывезенный отступавшими белыми войсками, оказался на чужбине. Перезахоронение состоялось в соборе в Белграде, а затем на Новом кладбище, и здесь его могила заняла скромное место в ряду похороненных военнослужащих сербской армии.

Б. Суворин писал о символическом значении этого события: «Тело генерала Корнилова бешеная толпа сожгла и уничтожила: генерала Алексеева приютила братская Сербия. И в этом мы видим символ. В этом последнем изгнании генерал Алексеев еще раз, уже не по своей воле, связал свое имя с союзниками, которым он всегда оставался верным. Мы ждем и надеемся, что это изгнание не вечно и будет день, когда мы поклонимся его памятнику, его святой могиле в нашей Москве».

Надпись на небольшом памятнике состояла всего из одного имени «Михаил». Одно из объяснений подобной «краткости» заключалось якобы в том, что недоброжелатели Алексеева из числа правых, монархических групп, считавшие генерала «подлым изменником Государю», могли осквернить могилу. Ну а сторонники «теории заговоров» и в этом увидели подтверждение членства генерала в некоей масонской ложе, так как считается, что на надгробии масона может быть упомянуто только его имя.

Действительное же объяснение состоит в том, что по решению настоятелей храма и в согласии с местными сербскими властями на могильных плитах Алексеева и Врангеля первоначально были выбиты слова в православной традиции: «раб Божий воин Михаил» и «раб Божий воин Петр». Позднее на перенесенном на кладбище памятнике Алексеева часть надписи («раб Божий воин») оказалась стертой, и осталось лишь имя генерала, а еще позже у основания памятника была поставлена плита, на которой были выгравированы полные имена и фамилии похороненных в могиле и даты их кончины: Михаила Васильевича Алексеева, Анны Семеновны Пироцкой, Николая Гавриловича Пироцкого, Надежды Александровны Мориц, Зинаиды Гавриловны Александровой, Ивана С. Александрова.

Нельзя не отмстить также символической могилы-памятника «Генералу М.В. Алексееву и алексеевцам», установленной на Русском кладбище в пригороде Парижа Сен-Женевьев де Буа. Памятник возвышается в окружении ровных рядов могил чинов Алексеевского полка.

И только в 2010 г., но инициативе петербургского историка К.М. Александрова, группе энтузиастов из России удалось установить новую надгробную плиту, гораздо более

соответствующую значению и памяти М.В. Алексеева в отечественной истории. Надпись на плите под знаком Алексеевского пехотного полка и православным крестом гласит: «Выдающемуся стратегу Великой войны, начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего в 1915—1917 годах, основателю Добровольческой армии, Георгиевскому кавалеру и генералу от инфантерии Михаилу Васильевичу Алексееву, 1857—1918, от русских людей в год 90-летия завершения Белой борьбы на Юге России».

Остается только верить, что возрождение памяти о генерале Алексееве в современной России продолжится, и его заслуги будут определяться не мифическими «военными заговорами», а талантливой, самоотверженной и честной работой на благо Родины и армии.

Что можно к этому добавить? И нужно ли?

СЛАВА БОГУ!

1 сентября 2013 г.

Праздник Донской иконы Божией Матери.

Москва — Ожигово — Москва

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Генерал от инфантерии М.Д. Скобелев с солдатами и офицерами 64-го пехотного Казанского полка. Стоит (третий слева) — полковой адъютант, подпоручик М.В. Алексеев. 1879 г.

М.В. Алексеев в чине полковника

Начальник штаба Киевского военного округа, генерал-лейтенант М.В. Алексеев. 1910 г.

В штабе Киевского военного округа. Старший адъютант полковник М.К. Дитерихс (второй ряд слева) и начальник штаба округа генерал-лейтенант М.В. Алексеев (в центре). 1911 г.

Супруги Алексеевы: Михаил Васильевич и Анна Николаевна. 1912 г.

Генерал М.В. Алексеев

Генерал М.В. Алексеев во время посещения Ставки

Генерал М.В. Алексеев и чины штаба в Могилеве

Генерал от инфантерии М.В. Алексеев — начальник штаба Юго-Западного фронта

«Мозг Ставки». Ближайшие сотрудники Главковерха Алексеева -генералы Деникин, Юзефович, Марков. Май 1915 г.

Ставка Верховного Главнокомандующего. Оперативный доклад. Генерал-квартирмейстер М.С. Пустовойтенко, Верховный Главнокомандующий Государь Император Николай II, начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал от инфантерии М.В. Алексеев. 1915 г.

Ставка Верховного Главнокомандующего. Генералы Пустовойтенко, Алексеев, Борисов и Капнист

Генерал-адъютант Свиты Его Императорского Величества, генерал от инфантерии М.В. Алексеев. 1916 г. Художник М. Мизернюк

General Alexeieff в восприятии союзников по Антанте. 1917 г.

Во время работы Государственного совещания. Москва, 15 августа 1917 г. Военный советник Временного правительства генерал от инфантерии М.В. Алексеев и сотрудник британской военной миссии генерал Ч. Уордел

Ставка Верховного Главнокомандующего. Май 1917 г. Цифрами обозначены: 1). Начальник штаба Верховного Главнокомандующего, генерал-лейтенант Л.И. Деникин, 2). Начальник морскою штаба адмирал Л.И. Русин, 3). Сотрудник британской военной миссии майор Эдварде, 4). Начальник британской военной миссии генерал Барчер, 5). Начальник итальянской военной миссии генерал Ромеи, 6). Сотрудник итальянской военной миссии полковник Маренго, 7). Верховный Главнокомандующий генерал от инфантерии М.В. Алексеев, 8). Начальник румынской военной миссии генерал Коанда, 9). Первый генерал-квартирмейстер генерал-майор Я.Д. Юзефович, 10). Второй генерал-квартирмейстер генерал-майор С.Л. Марков, 11). Командир Георгиевского батальона полковник Н.С. Тимановский

Генерал-квартирмейстерская часть Ставки Верховного Главнокомандующего. Могилев, май 1917 г.

Л.Г. Корнилов

А.И.Деникин

М.В. Алексеев незадолго до смерти

Врачи, фельдшеры, служащие санитарного поезда имени генерала М.В. Алексеева. 1919 г.

Врачебный персонал поезда имени генерала М.В. Алексеева во время посещения военного госпиталя в Ростове-на-Дону, 1919 г.

Вдова М.В. Алексеева у санитарного поезда имени генерала. 1919 г.

Вдова М.В. Алексеева в окружении военных чинов и служащих санитарного поезда. 1919 г.

Санитарный поезд имени генерала М.В. Алексеева. 1919 г.

Памятный знак: «Генералу М.В. Алексееву — шефу Алексеевских частей и алексеевцам» на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа

Путь русского офицера

Новая книга В.Ж. Цветкова рассказывает о биографии талантливого военачальника, автора и разработчика военно-стратегических планов и операций Российской Императорской армии накануне и в годы Первой мировой войны — генерала от инфантерии Михаила Васильевича Алексеева. Автор детально рассматривает особенности формирования взглядов М.В. Алексеева, оценки им важнейших военных и политических проблем Российской империи конца XIX — начала XX столетия. Показаны особенности его характера, специфика его стратегического почерка при планировании военных операций, отношение к общественности и к идеям национальной диктатуры. Отдельные главы посвящены участию генерала Алексеева в событиях 1917 года, его роли в основании Белого движения на Юге России в 1917—1918 годах.

реклама
365
12+
www.365days.ru
Не только читайте, но и смотрите!
РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КАНАЛ «365 ДНЕЙ ТВ»
все о российской и мировой истории
Смотрите в пакетах кабельных и спутниковых операторов!

ISBN 978-5-4444-0924-4
9 785444 409244
ВЕЧЕ

notes

Примечания

1

Из эмигрантских публикаций наиболее субъективными в отношении характеристики жизни и деятельности генерала Алексеева можно считать, например, книги И.П. Якобия «Император Николай II и революция», б.м. 1938, В.С. Кобылина «Император Николай II и заговор генералов. Нью-Йорк, 1970 (переиздание в 2008 г. в Москве), а также брошюру М. де Ноблемонта (псевдоним поручика Г.А. Эдельберга) «Какая причина толкнула генерал-адъютанта Алексеева предать своего Императора?» Б.м., б.г. Из современных авторов эмигрантские оценки Алексеева, практически в неизменном виде, используются, например, в книгах исторического писателя С.В. Фомина, в частности «Граф Келлер». М., 2007, и др. Одним из редких исключений в оценке личности и деятельности генерала Алексеева следует считать объективно написанный, документированный биографический очерк А.С. Кручинина: «Генерал от инфантерии М.В. Алексеев», опубликованный в книге: «Белое движение. Исторические портреты». М., 2003, с. 59—108; Из первых биографических очерков следует выделить также биографию генерала Алексеева, написанную В.Г. Черкасовым-Георгиевским и опубликованную автором в книге «Вожди Белых армий», Смоленск, 2000.

comments

Ссылки

1

Лампе А.А. фон Приказ Русскому общевоинскому союзу, № 7, 15 ноября 1957 г. // Пути верных. Сборник статей. Париж, 1960. С. 19.

2

Алексеев Михаил Васильевич // Большая советская энциклопедия, 2-е издание. Т. 2. М., 1950. С. 89-90.

З

Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000.

4

Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 9—10; «Во имя честности, во имя любви к нашей дорогой России»; Письма генерала М.В. Алексеева к сыну Николаю // Источник, № 3, 1997. С. 12; Белая Россия. Альбом № 1, составлен Генерального штаба генерал-лейтенантом СВ. Денисовым. Нью-Йорк, 1937. С. 62.

5

Там же. С. 18; *Кирилин* Ф. Основатель и Верховный Руководитель Добровольческой армии генерал Михаил Васильевич Алексеев. Ростов на Дону, 1919. С. 4; *Алексеева-Борель В.* Указ. соч. С. 12—13. Походы 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича полка. 1642—1700—1886. Составили В. Борисов и А. Сыцянко. Снб., 1888. С. 477-643.

Кирилин Ф. Указ. соч. С. 5—6.

Там же. С. 7; *Айрапетов О.Р.* Судьба Босфорской экспедиции в правление Николая II // Последняя война Императорской России: сборник статей под редакцией О.Р. Айрапетова, М., 2000. С. 164.

8

Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 19-20; ГА РФ. Ф. 6683. Он. 1. Д. 15. Л. 85-89.

9

Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 31—32; Ее же: В Академии Генерального штаба. Из писем штабс-капитана — тогда — Михаила Васильевича Алексеева (из готовящейся к изданию книги) // Военная быль, Париж, № 110, май 1971 г., с. 1—3.

10

Там же. С. 40—41, 44—45; *Богаевский А.* Генерал Алексеев // Донская волна. Ростов-на-Дону, № 2 (80), 6 января 1919 г. С. 11.

11

РГВИА. Ф. 544. Он. 1. Д. 1109. Л. 6; Академия Генерального штаба. М., 2002. С. 67, 73-74.

12

Кирилин Ф. Указ. соч.; *Геруа Б.В.* Воспоминания. Париж, 1969. С. 134; *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Книги 1 и 2. М., 1941. С. 109; *Богаевский А.* Указ. соч. С. 11.

13

Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 71, 81; Академия Генерального штаба. Указ. соч. С. 79.

14

Алексеева-Борель В. Указ. соч. С. 112; *Кручинин Л.С.* Указ. соч. С. 61—62; *Алексеева-Борель В.* Аргентинский архив генерала М.В. Алексеева // Военно-исторический журнал, 1992, № 10. С. 51-52, 53, 55, 56, 58; 1992, № 11. С. 56.

15

Левицкий Н.А. Русско-японская война. М., 1938. С. 280— 284; *Кирилин Ф.* Указ. соч. С. 9; *Алексеева-Борель В.* Аргентинский архив генерала М.В. Алексеева // Военно-исторический журнал, 1992, № 11. С. 56-59; № 12. С. 46-47, 48-49, 50.

16

Борисов В. Генерал М.В. Алексеев. Начальник штаба Верховного главнокомандующего в войну 1914—1915 годов // Военный сборник. Белград, 1922, № 2. С. 3—5; *Галич Ю.* Корнилов (к 10-летию смерти) // Сегодня. Рига, 12 апреля 1928 г.; *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С. 29; 43-44.

17

РГВИА. Ф.544. Оп. 1.Д. 1430. Л. *1; Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 39—40; *Кирилин Ф.* Указ. соч. С. 9; *Курлов П.Г.* Гибель Императорской России. Берлин, 1923. С. 158.

18

РГВИА. Ф. 2000. Он. 1. Д. 156. Л. 1-44; *Зайончковский А.М.* Подготовка России к Мировой войне: Планы войны. М., 1926; *Головин Н.Н.* Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Галицийская битва. Париж, 1930. С. 22—24, 41—42; *Борисов В.* Указ. соч. С. 6—8; *Ставицкий П.П.* Основы военно-инженерной обороны государств. Вып. 4. Военно-инженерная подготовка к обороне России // Высшие военно-научные курсы под руководством профессора генерал-лейтенанта Н.Н. Головина. Лекции № 8 и 9. С. 10; *Алексеева-Борель В.* Лагерный сбор 1907 года (из писем генерал-майора — тогда — Михаила Васильевича Алексеева) // Военная быль. Париж, № 115, март 1972. С. 2—3.

«Во имя честности…» // Указ. соч. С. 6—7,8,16—17.

Борисов В. Указ. соч. С. 7.

Кирилин Ф. Указ. соч. С. 9-10.

Борисов В. Указ. соч. С. 8; *Шульгин В.В.* Памяти М.В. Алексеева // Вестник Главного Правления Общества Галлиполийцев. Белград, 1924. С. 31—32; *Тихменев И.* Железные дороги и русский план войны // Русский инвалид. Париж, № 136—137, 20 июля 1939 г.

23

Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. 4.1. М., 1922. С. 164-165, 207; *Борисов В.* Указ. соч. С. 9; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Л. 167—167 об.; *Лемке М.К.* 250 дней в Царской Ставке (25 сентября 1915-2 июля 1916 г.). М., 2003. С. 241.

Астпашов А.Б. Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны». М., 2012. С. 21—22; *Шапошников Б.М.* Воспоминания. М., 1974. С. 292,308-309,322; *Кирилин Ф.* Указ. соч. С. 10-11.

25

Борисов В. Указ. соч. С. 11—12; *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Т. И. Париж, 1970. С. 14—15, 77; *Дузь. П.Д.* История воздухоплавания и авиации в России. М., 1989. С. 322.

26

Борисов В. Указ. соч. С. 10—12; *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Москва, Минск, 2005. С. 91—93; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 301. Л. 88; *Шапошников Б.М.* Указ. соч. С. 335—336; *Алексеева-Борель В.* Аргентинский архив генерала М.В. Алексеева// Военно-исторический журнал, 1993, № 3. С. 43-44,46-50.

27

«Во имя честности…» // Указ. соч. С. 20,22; *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне. Берлин, 1924. С. 289-290; РГВИА. Ф. 2583. Он. 2. Д. 830. Л. 118об—119; Зайончковский А.М. Мировая война. 1914-1918 гг. Т. 1. М., 1938. С. 264-265; *О. Георгий Шавельский.* Воспоминания последнего Протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. С. 250,256;

Каменский А. Алексеевский завет // Генерал М.Ц. Алексеев. Екатеринодар, 1918. С. 22—23; *Фалькенгайн Э.* Верховное командование 1914—1916 в его важнейших решениях. М., 1923. С. 120-121; *Кирилин Ф.* Указ. соч. С. 11; «Во имя честности…» // Указ. соч. С. 25—26; *Сэр Джон Хэнбери-Уильямс.* Император Николай II каким я его знал // Государь на фронте. М., 2012. С. 88; *Шварц А.* О союзе ружья и пушки с киркой и лопатой// Русский инвалид. Париж, № 136—137,20 июля 1939 г.; *Суворин Б.* За Родиной. Героическая эпоха Добровольческой армии. 1917—1918 гг. Впечатления журналиста, Париж, 1922. С. 210—212; *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 345; *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии (1900—1917 гг.). Т. 2. Ч. 3. М., 1949. С. 246—247; Т. 1. С. 346—347; *Алексеева-Борель В.* Аргентинский архив генерала М.В. Алексеева // Военно-исторический журнал, 1&93, № 7. С. 55-56 // 1993, № 10. С. 50-55.

29

«Во имя честности…» // Указ. соч. С. 26; *Кондзеровский П.К.* В Ставке Верховного // Государь на фронте. М., 2012., 245-246; Бубнов А.Д. В Царской Ставке. М., 2012. С. 76. ГА РФ.Ф. 6435. Ои.1. Д. 39. Л. 1-2; *О. Георгий Шавельский.* Указ. соч. С. 257*; Лемке М.К.* Указ. соч. С. 70,91; Дневники Императора Николая II. М., 1991. С. 544.

Кирилин Ф. Указ. соч. С. 11; *Пронин В.М.* Последние дни Царской Ставки. Белград, 1930. С. 5—6; *Мильтиад.* Алексеев и Царь // Генерал М.В. Алексеев. Екатеринодар, 1918. С. 15—16; *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 648—650; *Кондзеровский П.К* Указ. соч. С. 246; *Алексеева-Борель В.М.* Проигранная победа // Родина, № 8-9, 1993. С. 84; *Бубнов А.Д.* Указ. соч. С. 91; *Митрополит Евлогий (Георгиевский).* Путь моей жизни. Воспоминания. М., 1994. С. 230—231; Торжество в Царской Ставке // Летопись войны, № 095, 11 июня 1916 г. С. 1515-1519; *Пазанский В.И.* Крушение Великой России и Дома Романовых. Париж, 1930. С. 517-519.

Геруа Б.В. Указ. соч. С. 99; *Борисов В.* Указ. соч. С. 15; *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1963. С. 211—212; *Верховский Л.И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 114; *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1990. С. 289; *Мильтиад.* Указ. соч. С. 20; *Сэр Джон Хэнбери-Уильямс.* Указ. соч. С. 115; *Алексеева-Борель В.* Указ. соч. С. 268; «Во имя честности…» // Указ. соч. С. 21; *Батюшин Н.С.* Тайная военная разведка и борьба с ней. М., 2002. С. 47-48; 101-102; 113-114; 116; 123-124; *Зданович А.А.* Свои и чужие — интриги разведки. М., 2002. С. 50—51, 57—61, 72—73; *Орлов В.Г.* Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998. С. 188, 191-192; *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 98-99.

Мильтиад. Алексеев и Царь // Генерал М.В. Алексеев, Екатеринодар, 1918. С. 15—17. *О. Георгий Шавельский.* Указ. соч. С. 345-346,397-398; *Воейков В.Н.* С Царем и без Царя. Воспоминания последнего Дворцового Коменданта Государя Императора Николая II. Гельсингфорс, 1936. С. 158; Переписка Николая и Александры. 1914-1917 гг. М., 2013. С. 213, 221, 224, 230, 235, 540-541, 557-559, 570, 695, 726; *Бопч-Бруевич МД.* Вся власть Советам. М., 1957. С. 118—120; *Алексеева-Борель В.М.* Распутин в Ставку не приехал // Родина, № 8-9,1993. С. 82-83.

33

Шаховской В.Н. Sic transit gloria mundi (Так проходит мирская слава) 1893-1917 гг. Париж, 1952. С. 180, 182; *Демидов И.* «Три революционера» // Дни, Берлин, № 219, 21 июля 1923 г/, *Стремоухов П.П.* Указ. соч. С. 96; *Бубнов А.Д.* Указ. соч. С. 81—82; *Богаевский А.* Указ. соч. С. 12.

Головин Н.Н. Указ. соч. С. 167—168; *Кобылин В.С.* Указ. соч. С. 193; *Бубнов А.Д.* Указ. соч. С. 88-89.

35

Александр Иванович Гучков рассказывает… М., 1993. С. 8. Довольно подробно обстоятельства «заговора Гучкова» рассматриваются Я.А. Седовой в книге «Великий магистр революции». М., 2006.

Стремоухов П.П. Указ. соч. С. 96; *Алексеева-Борель В.* Лагерный сбор 1907 года (Из писем генерал-майора — тогда — Михаила Васильевича Алексеева) // Военная быль. Париж, № 115, март 1972. С. 3; Переписка Николая и Александры. Указ. соч. С. 748, 749, 755-756, 759, 763-764, 779; *Полеолог М.* Царская Россия накануне революции // М., 1991. С. 289.

37

ГЛ РФ. Ф. 5868. Он. 1. Д. 117. Л. 1-12; *Мельгунов С.* На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931. С. 149; *Мильтиад.* Указ. соч. С. 21.

38

Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907—1917). М., 2003. С. 176—177. В этом исследовании рассматриваются многие интересные проблемы отношений генералитета и известных политиков; *Борисов В.* Указ. соч. С. 15, 17; *Дитерихс М.К.* Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. Ч. 2. Материалы и мысли. Владивосток, 1922. С. 37.

Барсуков Е.З. Указ. соч. Т. 2, С. 330-335; *Родзянко М.В.* Крушение Империи (записки Председателя Русской Государственной думы). Л., 1927. С. 166—167; *Эристов А.* Великий князь Сергей Михайлович // Русский инвалид. Париж, № 136—137, 20 июля 1939 г.; Генерал Алексеев и Временный Комитет Государственной думы// Красный архив. Т. 2. М.—Л., 1922. С. 284— 286; Переписка Николая и Александры. 1914—1917 гг. М.,2013. С. 657, 713; *Гурко В.И.* Война и революция в России. Мемуары Главнокомандующего Западным фронтом. 1914—1917. М., 2007. С. 221.

ГА РФ. Ф. 6435. Оп. 1 Д. 1. Л. 1-2 об.; *Барсуков Е.З.* Указ. соч. Т. 4. С. 294-295, 297, 320-322; Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 г. Сборник документов мировой, империалистической войны на русском фронте (1914—1917 гг.). М., 1940. С. 36,51,68-72,74,212; *Керсновский А.А.* Философия войны. Белград, 1939. С. 61, 65, 74; *Верховский А.И.* Указ. соч. С. 114—117; *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917 г. М., 1989. С. 113; *Алексеева-Борель В.М.* Проигранная победа // Родина, № 8-9,1993. С. 84; *Бубнов А.Д.* Указ. соч. С. 97-98.

41

РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 343. Л. 468-468 об. (полный текст письма генерала Алексеева об офицерах-генштабистах опубликован А.В. Ганиным в книге «Мозг армии в период «Русской Смуты». М., 2013. С. 16—17); *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Т. П. Париж, 1939. С. 174—177; *Перепеловский К.* Роль и значение Русского фронта в войну 1914—1917 гг. по иностранным военным источникам // Военная быль. Париж, № 112. Сентябрь 1971 г. С. 1—2; Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 г. Сборник документов. Указ. соч. С. 179.

Данилов Ю.Н. Русские отряды во Франции и на Македонском фронтах. 1916—1918 гг. Париж, 1933. С. 30—31; Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 г. Сборник документов. Указ. соч. С. 179—180,185; *Сазонов С.Д.* Воспоминания, Берлин, 1927. С. 287; *Палеолог М.* Указ. соч. С. 304,307-308.

Семанов С. Брусилов. Серия ЖЗЛ. М., 1980. С. 215; *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1943. С. 255; *Алексеева- Борель В.М.* Указ. соч. С. 349; *Геруа Б.* Пехота в Великой войне // Русский инвалид. Париж, № 136—137, 20 июля 1939 г.

Семанов С. Указ. соч. С. 215; Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 г. Сборник документов. Указ. соч. С. 329—331; *Алексеева-Борель В.М.* Проигранная победа // Родина, № 8—9,1993. С. 84—85; *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т.II.

Там же. С. 64; *Семанов С.* Указ. соч. С. 222; *Геруа Б.В.* Указ. соч. С. 140; *Он же:* Пехота в Великой войне // Русский инвалид. Париж, № 136-137, 20 июля 1939 г.; *Васюков В.С.* Указ. соч. С. 224; Голос Руси, 30 июля 1916 г.; Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 г. Сборник документов. Указ. соч. С. 356, 388-389. *Барсуков Е.З.* Указ. соч. т. 2. С. 330.

Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 5. М., 1923. С. 73, 108; *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М. С. 248; *Фалькенгайн Э.* Верховное командование 1914—1916 в его важнейших решениях. М., 1923. С. 243; *Керсновский А.А.* Указ. соч. С. 65; *Верховский А.И.* Указ. соч. С. 116; *Перепеловский К.* Указ. соч. С. 2—4; Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 г. Указ. соч. С. 60; *Бубнов А.Д.* Указ. соч. С. 101-102; *Палеолог М.* Указ. соч. С. 242-243, 302, 326-327; *Гурко В.М.* Указ. соч. С. 198-199.

Зайончковский А.М. Стратегический очерк войны 1914— 1918 гг. Ч. 7. М., 1923. С. 14; РГВИЛ. Ф. 2003. Он. 1. Д. 63. Л. 94, 284; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1532. Л. 76-76 об.; *Сэр Джон Хэнбери-Уильямс.* Указ. соч. С. 115; Из прошлого. Берлин, 1926. С. 145; *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Париж, 1927. С. 315; *Гершельман А.С.* 1916-й год // Военная быль. Париж, № 92, июль 1968 г. С. 5—8; *Барсуков Е.З.* Указ. соч. Т. 1. С. 111—115,123; *Палеолог М.* Указ. соч. С. 353, 361, 372, 378; Ставка и Министерство иностранных дел // Красный архив. Т. 5 (30)., М.-Л., 1928. С. 5-6,18-20.

Константинополь и проливы. М., 1926. Т. 2. С. 387—390; *Бубнов А.Д.* Указ. соч. С. 135—142; *О. Георгий Шавельский.* Указ. соч. С. 234-235; *Бубнов А.Д.* Указ. соч. С. 137-142, 148.

Борисов В. Указ. соч. С. 16; *Кирилин Ф.* Указ. соч. С. 12; *Мильтиад.* Указ. соч. С. 20—21; *Барсуков Е.З.* Указ. соч. Т. 1. С. 124; Переписка Николая и Александры. Указ. соч. С. 812, 815, 819, 820, 831-832; Дневники Императора Николая II. М., 1991. С. 610-612; *Палеолог М.* Указ. соч. С. 390-391. ,

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 187; *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Париж, 1921. Т. 1. С. 37; *Верховский А.И.* Указ. соч. С. 118; *Савич II В.* После исхода. Парижский дневник. М., 2008. С. 229; Переписка Николая и Александры. Указ. соч. С. 870,872; Летопись войны, № 107, 3 сентября 1916 г. С. 1707—1708.

51

Гурко В.И. Указ. соч. С. 22-23, 218-219, 319; ГА РФ. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1565. Л. 5; Ф. 601. Он. 1. Д. 674. Л. 1-2; *Барсуков Е.З.* Указ. соч. Т. 1. С. 62—63,164—165; *Зайцов А.* Стратегический очерк участия России в мировой войне; *Макшеев Ф.* Материальная часть и снабжение // Русский инвалид. Париж, № 136-137, 20 июля 1939 г.; *Пазанский В.И.* Указ. соч. С. 519.

52

См., напр., подробное описание хроники событий в статье А.А. Порошина «Падение русской монархии и генерал Алексеев // Падение Империи, революция и гражданская война в России. Сост. С.М. Исхаков. М., 2010. С. 53-69; *Пронин В.М.* Указ. соч. С. 8—9; Переписка Николая и Александры. Указ. соч. С. 881.

53

ГА РФ. Ф. 6435. Он. 1. Д. 37. Л. 1-2; *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 219,278; *Пронин В.М.* Указ. соч. С. 12—*13; Лукомский А.С.* Из воспоминаний // Архив русской революции. Т. П. Берлин, 1921. С. 22; Февральская революция (Документы Ставки Верховного Главнокомандующего и штаба Главнокомандующего армиями Северного фронта. Часть 1. // Красный архив. Т. 2 (21), М.-Л., 1927. С. 4-9,11,14,22-24,28; *Кондзеровский И.К.* Указ. соч. С. 251.

Февральская революция (Документы Ставки…). Часть 1 // Указ. соч. С. 24—31; *Пронин В.М.* Указ. соч. С. 15— 20; *Генерального штаба полковник Б.Н. Сергеевский.* Отречение (пережитое), Нью-Йорк, 1969; *Шляпников А.Г* Семнадцатый год. Т. 2. М., 1992. С. 237.

Февральская революция (Документы Ставки…). Часть 1 // Указ. соч. С. 33—45; *Родзянко М.В.* Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Берлин, 1922. С. 58—59; Из дневника генерала В.Г. Болдырева// Красный архив. Т. 4 (23), М.-Л., 1927. С. 250-251.

Пронин В.М. Указ. соч. С. 23—24; *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 22-23.

57

ГА РФ. Ф. 6435. Оп. 1. Д. 25. Л. 1-2; Д. 34. Л. 7-13; *Пронин В.М.* Указ. соч. С. 26—32; Из дневника генерала М.В. Алексеева // Русский исторический архив. Сб. 1. Прага, 1929. С. 53; Февральская революция (Документы Ставки…). Часть 1 // Указ. соч. С. 64, 68-69

58

ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 7. Л. 39 (письмо А.И. Деникина А.С. Лукомскому от 24 ноября 1921 г.); *Пронин В.М.* Указ. соч. С. 29—30; Февральская революция (Документы Ставки…). Окончание // Красный архив. Т. 3 (22). М.-Л., 1927. С. 9-10.

59

РГВИА. Ф. 372. Оп.1. Д. 41. Л. 41-43; *Борисов В.* Указ. соч. С. 18; *Бубнов А.Д.* Указ. соч. С. 156—158; *Дитерихс М.К.* Указ. соч. С. 108-109,111-112,114,141-142; *Палеолог М.* Указ. соч. С. 481-483.

Пронин В.М. Указ. соч. С. 33—34; *Борисов В.* Указ. соч. С. 18.

Февральская революция (Документы Ставки…). Окончание. // Указ. соч. С. 16, 20—21; *Пронин В.М.* Указ. соч. С. 78.

Верховное Командование в первые дни революции // Архив русской революции. Т. XVI. Берлин, 1925. С. 279—288; Февральская революция (Документы Ставки…). Окончание// Указ. соч. С. 22-23.

Там же. С. 26—27; *Шляпников А.Г.* Указ. соч. С. 324, 328.

Пронин В.М. Указ. соч. С. 50—51, 58—59; Февральская революция (Документы Ставки…). Окончание // Указ. соч. С. 35—36; *Кондзеровский П.К.* Указ. соч. С. 253.

Пронин В.М. Указ. соч. С. 64—68; Февральская революция (Документы Ставки…). Окончание. // Указ. соч. С. 36—37.

Борисов В. Указ. соч. С. 18—19; *Пронин В.М.* Указ. соч. С. 71—73; *Незнанский В.И.* Последний помощник Московского Градоначальника, полковник Конной Артиллерии Императорской Русской Армии. Крушение Великой России и Дома Романовых. Париж, 1930. С. 519—527; *Дитерихс М.К.* Указ. соч. С. 158-159.

67

РГВИЛ. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1276. Л. 16; Д. 1277. Л. 34; ГА РФ. Ф. 6435. Он. 1. Д. 34. Л. 64-65 об.; *Шляпников А.Т.* Указ, соч. С. 254—255; *Кондзеровский П.К.* Указ. соч. С. 263—264; *Головин П.* Указ соч. С. 180-181; *Кобылин В.С.* Указ. соч. С. 273-275;. Критика распространенных в эмиграции оценок роли генерала Алексеева в событиях 28 февраля — 2 марта 1917 г. Содержится также в сборнике статей членов Объединения чинов Корниловского ударного полка «Ответ на книгу Кириенко “1613 г. от чести и славы — к подлости и позору февраля 1917 г.”». Париж, 1965. С. 35-36 и др.

68

ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 20. Л. 1-2; Февральская революция (Документы Ставки…). Окончание// Указ. соч. С. 51—53, 65, 68—70; Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. М., 1991. С. 229—230. *Колоницкий Б.И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001. С. 13—14; *Барсуков Е.З.* Указ. соч. Т. 3. С. 196—198, 204—205; Ставка и министерство иностранных дел // Красный архив. Т. 5 (30), М. —Л., 1928. С. 34-35, 39-40.

РГВИЛ. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 65. Л. 108,266; Революционное движение в русской армии, 1917 г. Сборник документов, М., 1968. С. 61; *Зайончковский А.М.* Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 7. С. 130; *Сэр Джон Хэнбери-Уильямс.* Указ. соч. С. 185; *Трубецкой Г.Н.* Памяти генерала М.В. Алексеева (Речь, произнесенная на заседании Национального Центра в Ростове на Дону, 25 сентября 1919 г.) // Памяти кн. Гр. Н. Трубецкого. Сборник статей. Париж, 1930. С. 88—90; *Данилов Ю.Н.* На пути к крушению. М., 2002. С. 383.

Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Указ. соч. С. 48— 78; Из дневника генерала М.В. Алексеева//Указ. соч. С. 18,20; *Барсуков Е.З.* Указ. соч. Т. 4. С. 149—150.

71

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 604. Л. 5-9; 11; Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. 4.7. Приложение 6. С. 142,150; *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 360-363; *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 48-78; *Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. 1. Россия в Германии. М., 2001. С. 152.

72

ГА РФ. Ф. 5881. Он. 2. Д. 604. Л. 4, 7, 23, 40, 52-53, 55, 63, 73—74, 381; *Пронин В.* Союз офицеров // Накануне. Екатеринодар, 1919. Кн. 1. С. 40—41; *Ковернинская Е.* Незабываемое // В память 1-го Кубанского похода. Сборник под редакцией Б.И. Казановича, И.К. Кириенко и К.Н. Николаева. Белград, 1926. С. 71-72.

73

ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 14. Л. 1-4; *Вакар Н.* Заговор Корнилова (по воспоминаниям Л.И. Путилова) // Последние новости. Париж, № 5784, 24 января 1937 г.; *Сидорин В.И.* Заговор Корнилова (письмо в редакцию) // Последние новости. Париж, № 5817, 26 февраля 1937 г.

Головин Н. Указ. соч. С. 199; *Росс Н.* Попытки создания русской революционной армии (май—июнь 1917 г.) // Грани, №144, 1987. С. 271-273.

75

РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 17. Л. 32-32 об.; *Барсуков Е.З.* Указ. соч. Т. 3. С. 196-198; *Шляпников А.Г.* Указ. соч. С. 418; *Половцов П.А.* Дни затмения. Париж, б.г. С. 40—41, 43—44.

ГА РФ. Ф. 6435. Он. 1. Д. 34; *Лембич М.* Великий печальник. Верховный Руководитель Добровольческой армии генерал М.В. Алексеев. Омск, 1919. С. 19; Из дневника генерала М.В. Алексеева // Указ. соч. С. 15-18,23-25,29-33.

Там же. С. 43—45; На фронте в предоктябрьские дни (по секретным материалам Ставки) // Красная летопись, Исторический журнал, № 6, ГИЗ. М.-Л., 1923. С. 34-36, 49-50.

Львов Н.Н. Екатеринодар, 27 сентября // Генерал М.В. Алексеев. Екатеринодар, 1918. С. 9—10; Речь генерала М.В. Алексеева на Московском Государственном Совещании // Государственное Совещание. М. —Л., 1930. С. 198—206; *Кирилин Ф.* Указ. соч. С. 13.

Борисов В. Указ. соч. С. 19—20; *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Указ. соч. Т. 2. С. 29, 33; *Тучков А.И.* Из воспоминаний. // Последние новости, № 5665,27 сентября 1936 г.; *Трубецкой Г.Н.* Годы смут и надежд. 1917—1919. Монреаль, 1981. С. 31; Совершенно лично и доверительно. Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919—1951 гг. Под ред. О.В. Будницкого. Т. 3. М., 2002. С. 164.

День, Петроград, № 151, 31 августа 1917 г.; ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 163. Л. 36-37; Ф. 1780. Оп. 1. Д. 12. Л. 1-3; Д. 46. Л. 103-103 об.; Д. 10. Л. 119-120; *Керсновский А.А.* История русской армии. Белград, 1933-1938. Ч. IV. С. 949-950; *Вакар Н.* Генерал Л.Г. Корнилов и А.Ф. Керенский // Последние новости, Париж, № 5825,6 марта 1937 г.; *Сидорин В.И.* Заговор Корнилова// Последние новости. Париж, № 5877,26 февраля 1937 г.; *Деникин АМ.* Очерки Русской Смуты. Указ. соч. Т. 2. С. *65; Керенский Л.Ф.* Об «исправлениях» истории//Последние новости. Париж, № 5719, 20 ноября 1936 г.

81

Кирилин Ф. Указ. соч. С. 14—15; *Бонч-Бруевич М.Д. Указ.* соч. М., 1957. С. 173—174; *Борисов В.* Указ. соч. С. 20; *Лембич М.* Указ. соч. С. 16; ГА РФ. Ф. 6683. Он. 1. Д. 15. Л. 102-103; Дело генерала Корнилова, Август 1917 — июнь 1918 // Россия XX век. Т. 2. М., 2003. С. 24—25; *Лукомский А.*С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 255; *Владимирова В.* Контрреволюция в 1917 г. (корниловщина). М., 1924. С. 189, 193-194.

82

День. Петроград, № 174, 27 сентября 1917 г., № 179, 3 октября 1917 г.; Речь. Петроград, 26 сентября 1917 г., 7 октября 1917 г., 8 октября 1917 г.; *Набоков В.Д.* Временное правительство и большевистский переворот. Лондон, 1988. С. 142—143; *Борисов В.* Указ. соч. С. 20.

83

День. Петроград, № 153, 2 сентября 1917 г.; Дело народа. Петроград, № 177, 11 октября 1917 г.; ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 62. Л. *42—46; Алексеева-Борель В.М.* Дневники, записи, письма генерала Алексеева и воспоминания об отце // Грани, № 125, 1982. С. 170-171.

Виноградский Н.Н. Совет общественных деятелей в Москве. 1917—1919 гг. // На чужой стороне. Т. IX. Берлин — Прага, 1925. С. *91—93; Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 2. Париж, 1922. С. 31; Утро России. Москва, 14 октября 1917 г.

85

Алексеева-Борель В.М. Дневники, записи, письма… // с. 171—174; *Манакин В.* Ударные батальоны 1917 года (наброски и воспоминания) // Донская волна, № 20, 28 октября 1919 г. С. 12—13; *Ухтомский Н.П.* Союзники и Корниловский полк //Донская волна., Ростов-на-Дону, № 26, 9 декабря 1918 г. С. 1-2.

86

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 449. Л. 1-3.; Ф. 1313. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—7; Ф. 5827. Оп. 1. Д. 24; Вестник народной свободы, Петроград, № 31, 28 декабря 1917 г.; *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917—1920 гг. М., 1988. С. 32; *Суворин Б.* Указ. соч. С. 212.

Алексеева-Борель В.М. Дневники, записи, письма… // С. 167; *Борисов В.* Указ. соч. С. 20—21; *Кирилин Ф.* Указ. соч. С. 15; Марковцы в боях и походах за Россию. Книга первая, 1917—1918 гг. Составил подполковник Марковского Пехотного полка В.Е. Павлов. Париж, 1962. С. 25.

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 218. Л. 4-5; *Лембич М.* Указ. соч. С. 19—21; *Борин К.* Первые вожди Добровольческой армии и их взгляды на задачи ее. Ростов-на-Дону, 1919. С. в; Русская революция глазами петроградского чиновника// Грани, № 146, 1987. С. 260; *Марков Б.* Прозорливость генерала М.В. Алексеева// Донская волна. Ростов-на-Дону, № 19, 21 октября 1919 г. С. 11-12.

89

Доброволец, Париж, февраль 1936. С. 5; Письмо Генерала от Инфантерии М.В. Алексеева к Генерал-Лейтенанту М.К. Дитерихсу // Белое дело, Летопись Белой борьбы. Т. I. Берлин, 1926. С. 77—82; *Борин К.* Указ. соч. С. 7; *Половцов Л.В.* Рыцари Тернового Венца. Прага, б.г. С. 9—10; *Суворин Б.* Указ. соч. С. 15; *Лисовой Я.М.* Генерал М.В. Алексеев //Донская волна. Ростов-на-Дону, № 19, 21 октября 1919 г. С. 10; *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на Юге России. М., 2003. С. 7, 9.

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 605. Л. 5-6; Ф. 6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 142—143; *Шульгин В.В.* Памяти М.В. Алексеева// Указ. соч. С. 32—33; *Харламов В.* Юго-Восточный Союз в 1917 году // Донская летопись. Вена, № 2, 1923. С. 285-286; 289; *Карпенко С.В.* Указ. соч. С. 21.

91

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 604. Л. 92-93; *Лисовой Я.М.* А.М. Каледин и М.В. Алексеев // Донская волна. Ростов-на-Дону, № 5 (33), 27 января 1919 г. С. 3-5.

92

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 605. Л. 13; Ф. 5881. Оп. 2. Д. 219. Л. 13.

93

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 175. Л. 15; *Суворин А.* Поход Корнилова. Ростов-на-Дону, 1919. С. 6.

Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд. 1917—1919. Монреаль, 1981. С. 32.

95

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 605. Л. 13-14.

96

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 255. Л. 5-6, 11-12; *Каклюгин К.П.* Организация власти на Дону в начале революции // Донская летопись. Вена, 1923, № 2. С. 74—81; *Суворин Б.* Указ. соч. С. 5; *Нестерович-Берг М.Л.* В борьбе с большевиками. Париж, б.г. С. 81, 120, 127.

97

ГА РФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 158-161. ГА РФ. Ф. 6396. Оп. 1. Д. 93. Л. 8—8об., 10—12; *Савинков Б.В.* Борьба с большевиками. Варшава, 1923. С. 24—25; Дело Бориса Савинкова. М., 1925. С. 40-51, 65; *Трубецкой Г.Н.* Указ. соч. С. 29.

98

ГА РФ. Ф. 3510. Оп. 1. Д. 5. Л. 1-2; Ф. 5936. Оп. 1. Д. 69. Л. 1 об.

РГВА.Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 15—15об; Д. 5. Л. 4-5.

100

Лисовой Я.М. Памятка музея современных событий в России // Белый архив. Т. 1. Париж, 1926. С. 209.

101

Материалы для истории Корниловского ударного полка. Составитель Левитов М.Н. // Париж, 1974. С. 107-108; *Каклюгин К.* Войсковой Атаман А.М. Каледин и его время //Донская летопись. Вена, 1923, № 2. С. 169—170; *Зайцов А.* 1918 год. Очерки но истории русской Гражданской войны. Париж, 1934. С. 43-44.

Лембич М. Указ. соч. С. 6,11-16; ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 605. Л. 19—21,45—46; *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч. II. Кн. 5. 1937. С. 56-62; *Карпенко С.В.* Указ. соч. С. 13.

103

Там же. Л. 25; *Алексеева-Борель В.М.* Дневники, записи, письма… // С. 220—227; *Лисовой Я.М.* А.М. Каледин и М.В. Алексеев // Донская волна. Ростов-на-Дону, № 5 (33), 27 января 1919 г. С. 5.

104

Алексеева-Борель В.М. Дневники, записи, письма… // с. 218—219; *Деникин Л.И.* Очерки Русской Смуты. Т. 2. Париж, 1922. С. 223.

Алексеева-Борель В.М. Дневники, записи, письма… // С. 234-244.

106

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 255. Л. 92-93; *Струве П.Б.* Patriotica. Россия, Родина, Чужбина. СПб., 2000. С. 165—166; *Севский В.* Генерал Алексеев // Донская волна. Ростов-на-Дону, № 32 (60), 10 ноября 1919 г. С. 1-2.

107

Алексеева-Борель В.М. Дневники, записи, письма… // С. 227-229.

Марковцы в боях и походах за Россию… // С. 120.

109

Львов Н. Алексеев в Кубанском походе // В память 1-го Кубанского похода. Сборник под редакцией Б.И. Казановича, И.К. Кириенко и К.Н. Николаева. Белград, 1926. С. 13—14; *Суворин Б.* Указ. соч. С. 66—67, 79—80, 98—99; *Хаджиев Хан.* Великий Бояр. Белград, 1929. С. 306-307, 321-322; *Карпенко С.В.* Указ. соч. С. 19.

110

ГАРФ. Ф.5881. Оп.2. Д.255. Л.190-191; *Богаевский А.П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк, 1960. С. 129-130; *Патронов И.* Причины и следствия Великой войны. 1914—1919 гг. (современные лекции для русской интеллигенции). Новочеркасск, 1919. С. 36—37; *Суворин А.* (Алексей Порогаин). Поход Корнилова. Ростов-на-Дону, 1919. С. 80.

111

Там же. С. 130-133; *Деникин А.И.* Указ. соч. т. II. С. 303; *Алексеева-Борель В.М.* Дневники, записи, письма… // С. 258—261.

Там же. С. 265; *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. II. С. 316, 324-325; *Кискевич ЕМ.* Указ. соч. С. 9.

113

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 607. Л. 31-32; *Львов Н.Н.* Екатеринодар, 27 сентября // Генерал М.В. Алексеев. Екатеринодар, 1918. С. 10; *Александров В.* Белые дни. Часть 1-я. Вюнсдорф, 1922. С. 45; *Лисовой Я.М.* Заседание Политического Совета Добровольческой Армии 15 января 1918 г. // Белый архив. Т. 1. Париж, 1926. С. 99; *Суворин Б.А.* Газета на тачанке// Первопоходник. № 30, апрель 1976. С. 57—59.

114

Положение о полевом управлении войск в военное время. Пгр., 1914. Ст. 17, 20, 91, 93, 97 (ил. 7,8,10). ГА РФ. Ф. 5955. Оп. 1. Д. 3. Л. 31-32.

115

Деникин А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 341-342; *Лисовой Я.М.* Заседание Политического Совета Добровольческой Армии 15 января 1918 г. // Белый архив. Т. 1. Париж, 1926. С. 97; ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 607. Л. 25-26; 31-32.

116

Алексеева-Борель В.М. Дневники, записи, письма… // С. 268—272; Директивы генерала Алексеева заместителю Начальника Политического отдела // Белый архив. Т. 1. Париж, 1926. С. 153—155; Наказ, данный генералом М.В. Алексеевым членам миссии, командируемый от Добровольческой организации на Дон // Белый архив. Т. 1. Париж, 1926. С. 142—143.

117

Странички недавнего. (Из переписки П.Н. Милюкова с М.В. Алексеевым) // Новое время. Белград, 10 июня 1921 г.; Письма белых вождей //Белый архив. Т. 1. Париж, 1926. С. 142— 152; Переписка белых вождей и пр. документы // Белый архив. Т. 1—2. Париж, 1928. С. 189; *Лукомский А.С.* Воспоминания. Т. 2. Берлин, 1922. С. 79-82.

118

ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.255. Л.120-122; 137; *Лембич М.* Указ. соч. С. 17—18; Денежные документы Генерала Алексеева// Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 345—357; *Суворин А.* Указ. соч. С. 13; *Карпенко С.В.* Указ. соч. С. 34—35.

119

ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 49; Странички недавнего. (Из переписки П.Н. Милюкова с М.В. Алексеевым) // Новое время. Белград, № 3, 26 апреля 1921 г.; № 13, 10 мая 1921 г.; № 39, 10 июня; № 52, 26 июня 1921 г.; *Алексеева-Борель В.М.* Дневники, записи, письма… // С. 282—290; Мои сношения с Алексеевым // Последние новости, Париж, № 1211, 3 апреля 1924 г.; № 1214, 6 апреля 1924 г.; *Лисовой Я.М.* Генерал М.В. Алексеев//Донская волна, Ростов-на-Дону, № 19, 21 октября 1919 г. С. 11.

120

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 607. Л. 26; Ф. 6435. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-1 об.

121

Кирилин Ф. Указ. соч. С. 16—17; ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 59. Л. 2—4; *Алексеева-Борель В.М.* Дневники, записи, письма… // С. 295-296.

Трушнович А. Воспоминания корниловца. 1914—1934. М., 2004. С.70-73.

123

ГА РФ. Ф. 6435. Оп. 1. Д. 25. Л. 1-2; Ф. 6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 175—181; *Флуг В.Е.* Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 243—244; *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Т. 3. Берлин, 1924. С. 97-98.

124

Русское дело. Омск, № 4,9 октября 1919 г.; A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile of China. The diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918—1925. («Хроника Гражданской войны в Сибири и изгнания в Китае», дневники Петра Васильевича Вологодского). Stanford, California, 2002. Vol. 1. P. 307-308.

125

ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 182. Л. 1-2; Доклад Члена Р.Н.С. Прикарпатской Руси Г.С. Малец // Белый архив. Кн. 1. Париж, 1926. С. 163-174.

126

РГВА.Ф. 40238. Оп. 2. Д. 34. Л. 7-7 об.; *Мельгунов С.Л.* Судьба Императора Николая II после отречения. Париж, 1951. С. 303; *Лембич М.* Указ. соч. С. 18; *Лисовой Я.М.* Генерал М.В. Алексеев. Указ. соч. С. 11; *Хаджиев Хан.* Великий Бояр. Указ. соч. С. 353. *Суворин А.* Указ. соч. С. 89—90.

127

ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 59. Л. 2-2 об.

128

Информационное письмо генерала М.В. Алексеева генералу Л.И. Деникину (июнь 1918 г.) // Белый архив. Т. 1—2, Париж, 1928. С. 140—141; Из блокнота генерала М.В. Алексеева // Там же. С. 156.

129

Алексеева-Борель В.М. Дневники, записи, письма… // С. 291—291; Вечернее Время. Новочеркасск, № 25, 7 июля 1918 г.; № 26, 9 июля 1918 г.; Монархист. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 1918. С. 18.

130

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 606. Л. 76-77; Документы германского посла в Москве Мирбаха// Вопросы истории, № 9, 1971. С. 124-129; *Мельгунов С.П.* Немцы в Москве. 1918 г. // Голос минувшего на чужой стороне. № 1. Париж, 1926. С. 166—168; Красная книга ВЧК. М., 1920. Т. 1. С. 187-189.

131

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 607. Л. 45-47; Д. 245. Л. 5, 7-8; Д. 606. Л. 10-11; Ф. 6435. Оп. 1. Д. 26. Л. 1-3; *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Т. 2. С. 516—517.

132

Лейхтенбергский Г. Как началась «Южная армия» // Архив русской революции. Т. VIII. Берлин, 1923. С. 173—174; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 2. С. 465.

133

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 93-95; Д. 789. Л. 8-9, Д. 790. Л. 43; *Гершельман А.С.* В рядах Добровольческой Северо-Западной армии. Вооруженная борьба с III-м Интернационалом. 1919 год. (Военно-историческая библиотека «Военной были», № 3 (20), I ч. М., 1997. С. 4.

134

ГА РФ. Ф. 6435. Оп. 1. Д. 27. Л. 1-4; Ф. 5827. Оп. 1. Д. 54. Л. 1—3; Памятка русского монархиста, Берлин, 1927. С. 25—26; Монархист. Вып.1. Ростов-на-Дону, 1918. С. 26—28.

135

Вечернее Время, Новочеркасск, № 149, 15 декабря 1918 г.; *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич, Париж. Б.г. С. 358; *Трубецкой Г.Н.* Указ. соч. С. 151—152.

136

ГА РФ. Ф.446. Оп. 2. Д.101. Л. 94; Ф. 6396. Оп. 1. Д. 93. Л. 8—8об., 10—12; *Савинков Б.В.* Борьба с большевиками. Варшава, 1923. С. 24—25; *Лембич М.* «Союз Возрождения России» и Л.Г. Корнилов // Вестник первопоходника. Корниловскии сборник, № 79—80—81, апрель, май, июнь 1968 г. С. 33.

137

Бортневский В.Г. К истории осведомительной организации «Азбука» // Русское прошлое, № 4, 1993. С. 162—165; ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 607. Л. 44-44 об.

138

ГА РФ. Ф. 3510. Оп. 1. Д. 5. Л. 1-2; РГВЛ.Ф. 40238. Оп. 1. Д.1. Л. 15-15об.; Д. 5. Л. 4-5; *Виноградский Н.Л.* Совет общественных деятелей в Москве 1917—1919 гг. // На чужой стороне. Т. IX. Берлин—Прага, 1925. С. 94—95; *Иконников Н.Ф.* Пятьсот дней: секретная служба в тылу большевиков. 1918— 1919 гг. // Русское прошлое, № 7,1996. С. 48-49.

139

Письма белых вождей//Белый архив. Т. 1. Париж, 1926. С. 155; *Мякотин В.Л.* Из недалекого прошлого // На чужой стороне. Т. П. Берлин — Прага, 1925. С. 181-182; ГА РФ. Ф. 5898. Оп. 1. Д. 4. Л. 16; Ф. 6396. Оп. 1. Д. 93. Л. 3-3об.; 6 об.; Ф. 5936. Оп. 1. Д. 59. Л. 2 об.

140

ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 57. Л. 1-2; Ф. 5881. Оп. 2. Д. 607. Л. 43-44 об.; Ф. 6435. Оп. 1. Д. 26. Л. 3 об; *Гурко В.И.* Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу 1917— 1918 гг. // Архив русской революции. Т. XV. Берлин, 1924. С. 8—9; *Николаев С.П.* Политика «Комуча» (опыт характеристики) // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник 1. Прага, 1930. С. 155-156

141

ГА РФ. Ф. 6611. Оп. 1. Д. 1. Л. 315-316, 338-339; Ф. 6396. Оп. 1. Д. 93. Л. 8 об.-9; Ф. 6028. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

142

РГВЛ.Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 15 об; Д. 5. Л. 4-6; ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 1-2; Д. 535. Л. 13-14, 29-30, 33-36, 39, 67; Ф. 5827. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

143

Алексеева-Борель В.М. Дневники, записи, письма… // С. 293-294; ГА РФ. Ф. 6435. Оп. 1. Д. 26. Л. 1-3; Ф. 5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 93—95; *Богаевский А.* Указ. соч. С. 13; *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина, София, 1921. С. 27—28.

144

Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. Берлин, 1924. С. 180; 264, 267; Организация власти на Юге России в период Гражданской войны (1918—1920 гг.) // Архив русской революции. Т. 4. Берлин, 1922. С. 242—244; *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина, София, 1921. С. 27—28, 31; *Трубецкой Г.Н.* Указ. соч. С. 143.

145

ГА РФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 131; Ф. 5881. Оп. 1. Д. 180. Л. 179-180; Ф. 9431. Оп. 1. Д. 130. Л. 1 об.; Журнал № 9 совещаний Русской Делегации в Яссах. Вечернее заседание 20/7 ноября 1918 г. Л. 3-4; *Трубецкой Г.Н.* Указ. соч. С. 141-142.

146

ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 73. Л. 1-2; Д. 70. Л. 1; Ф. 6028. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Ф. 6396. Оп. 1. Д. 93. Л. 9; *Суворин Б.* Указ. соч. С. 215—216; *Смолин Л.В.* Два адмирала: Л.И. Непенин и Л.В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012.

147

ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 54. Л. 1; Д.142. Л. 2-4; Ф. 6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 126-128.

Авалов З. Независимость Грузии в международной политике. Париж, 1924. С. 240; *Алексеева-Борель В.М.* Дневники, записи, письма… // Указ. соч. С. 301; *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 241—243; *Шульгин В.В.* Памяти М.В. Алексеева//Указ. соч. С. 33-34.

149

Алексеева-Борель В.М. Дневники, записи, письма… // Указ. соч. С. 301-303.

150

Львов Н. Указ. соч. С.И. *Наживин И.* Кто был генерал Алексеев (письмо писателя к солдатам), б.м., б.г. С.4; Генерал М.В. Алексеев. Екатеринодар, 1918. С. *3; Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Т. III. С. 271—272; Е.К. Генерал Алексеев//Донская волна. Ростов-на-Дону, № 16,30 сентября 1918 г. С. 10.

151

Лембич М. Указ. соч. С. 7—10; Марковцы в боях и походах за Россию. // Указ. соч. С. 317—318; *Суворин А.* Указ. соч. С. 171-172.

Дерябин А.И. Алексеевские части в Гражданской войне на Юге России // Воин, №14, 2013. С. 49-52.